ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXVI. — 1/14 НОЯБРЯ 1906.

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ВТОРОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

172274
49 г.

ТОМЪ VI

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3563

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

ЗАКОНОПРОЕКТЪ
О
СМЕРТНОЙ КАЗНИ
ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ

Сессія 1906 года.

I.

Однимъ изъ первыхъ законопроектовъ, который придется разсмотрѣть въ ближайшую сессію Государственнаго Совѣта, будетъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Законопроектъ этотъ въ установленномъ порядкѣ прошелъ первую стадію, былъ принятъ Государственною Думою, внесенъ въ Государственный Совѣтъ, разсмотрѣнъ въ немъ въ первомъ чтеніи, переданъ въ особо образованную коммиссію, разсмотрѣнъ въ коммиссіи, и ея докладъ и проектъ закона были представлены въ общее собраніе.

Теперь, слѣдовательно, является неотложнымъ постатейное разсмотрѣніе въ общемъ собраніи проекта коммиссіи и его третье чтеніе.

Поэтому обзоръ обсужденія законопроекта Думы въ Совѣтѣ, въ минувшую сессію, представляетъ не только, такъ сказать, историческій, но и практическій интересъ.

Въ Думѣ полная отмѣна смертной казни была принята единогласно. Если,—какъ говорили въ Государственномъ Совѣтѣ,—Дума постановила свое рѣшеніе въ экстазѣ, въ порывѣ, руководство-

валась чувствомъ, а не разумомъ, или, какъ позволилъ себѣ выразиться одинъ изъ говорившихъ, членъ Государственнаго Совѣта Бутлеровъ, „не столько изъ сознанія нужды въ отмѣнѣ смертной казни, сколько изъ того чувства, въ какомъ находились сановники короля въ извѣстной сказкѣ Андерсена: „Новый нарядъ короля", т.-е. чтобы не дать возможности заподозрить ихъ въ томъ, что они не на своемъ мѣстѣ",—то все же приходится признать, что убѣжденные защитники казни, если таковые были въ Думѣ, замолчали свои убѣжденія и при голосованіи перешли безъ колебаній въ противоположный лагерь.

Совсѣмъ иначе обстояло разсмотрѣніе законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ: изъ двѣнадцати лицъ, участвовавшихъ въ преніяхъ 27-го іюня, пять высказались противъ смертной казни, а шесть — въ ея защиту; въ коммиссіи изъ пятнадцати выбранныхъ въ нее членовъ оказались четверо изъ говорившихъ въ Совѣтѣ въ ея защиту, и только двое высказавшихся противъ.

Рѣшеніе, которое приметъ Государственный Совѣтъ, уже не будетъ слѣдствіемъ порыва и моднаго увлеченія, а сознательнымъ выводомъ, результатомъ оцѣнки доводовъ въ защиту и возраженій противъ сохраненія смертной казни въ лѣстницѣ наказаній уголовнаго кодекса.

II.

Противники смертной казни, опираясь на науку и законодательный опытъ Запада, говорили такъ.

Смертная казнь, какъ угроза и какъ реальное осуществленіе таковой, не служитъ и не можетъ служить задерживающимъ мотивомъ преступленій, а потому она нецѣлесообразна, все же нецѣлесообразное въ механизмѣ государственнаго управленія — вредно.

Примѣненіе смертной казни непоправимо, и она невознаградима; какъ судебная ошибка, ея примѣненіе является самымъ страшнымъ видомъ убійства; она недѣлима, а потому сохраненіе ея въ лѣстницѣ наказаній нарушаетъ основной принципъ разумной карательной системы—индивидуализаціи наказаній; она противорѣчитъ сущности христіанства, завѣтамъ божественнаго Искупителя грѣховъ человѣчества, какъ ихъ пріемлютъ не фарисеи, а скорбно молящіе помянуть ихъ во царствіи Его,—и потому смертная казнь, какъ наказаніе, несправедлива.

При этомъ противники смертной казни прибавляли, что сугубо несправедливымъ является примѣненіе смертной казни у

насъ, въ Россіи, въ тѣхъ условіяхъ и въ тѣхъ ужасающихъ размѣрахъ, какіе мы видимъ въ настоящее время: такъ какъ это противорѣчитъ историческому развитію русскаго законодательства; такъ какъ возможность примѣненія или непримѣненія смертной казни поставляется въ зависимость не отъ непреложной воли закона, а отъ усмотрѣнія разнообразныхъ административныхъ лицъ, облеченныхъ этой властью, въ силу установленія въ данной мѣстности усиленнаго, чрезвычайнаго или военнаго положеній, или, даже при соглашеніи министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, и помимо таковаго; такъ какъ, наконецъ, самое присужденіе къ смертной казни совершается въ сокращенномъ порядкѣ производства, лишающаго судъ возможности спокойнаго и всесторонняго обсужденія дѣлъ.

Наконецъ, противники смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ прибавляли, что особенность современнаго положенія Россіи, наличность революціонной борьбы, глубоко возмущающія нравственное чувство и ничѣмъ не оправдываемыя злодѣянія террора, убійства изъ-за угла лицъ неповинныхъ, все-таки, не могутъ,—разъ вопросъ о сохраненіи смертной казни возбужденъ въ установленномъ порядкѣ въ законодательныхъ сферахъ,—ни въ чемъ измѣнить или ослабить доводы, направленные противъ сохраненія этой казни въ уголовномъ уложеніи.

Нецѣлесообразное, вредное и несправедливое не можетъ сдѣлаться справедливымъ и даже полезнымъ, каковы бы ни были соціальныя условія даннаго времени. Во время революціонной борьбы или усмиренія вооруженнаго возстанія, лишеніе жизни—и притомъ не только одного, но и многихъ—можетъ представиться актомъ безусловной необходимости, но оно не станетъ чрезъ это актомъ правосудія, осуществляемаго судомъ, въ силу закона.

Доказательства и фактическія данныя, подкрѣпляющія эти выводы противниковъ смертной казни, общеизвѣстны; для ознакомленія съ ними не нужно обращаться и къ литературѣ иностранной, западно-европейской; они съ достаточною полнотою приведены въ трудахъ нашихъ криминалистовъ: Кистяковскаго, Фойницкаго, Неклюдова, Сергѣевскаго, Таганцева и цѣлаго ряда молодыхъ ученыхъ; они отчасти изложены и въ оффиціальномъ трудѣ—объяснительной запискѣ къ проекту уголовнаго уложенія 1903 г., а потому съ ними достаточно знакомы не только спеціалисты-юристы, но, вѣроятно, и значительное число всего образованнаго русскаго общества, въ частности же—и члены Государственнаго Совѣта, такъ какъ извлеченіе изъ этой записки было

разослано имъ, предъ обсужденіемъ законопроекта, государственною канцеляріею. Въ виду всего этого и упрекъ, сдѣланный членамъ Думы однимъ изъ защитниковъ казни (Д. Ѳ. Самаринымъ), что представленный ею проектъ недостаточно разработанъ, такъ какъ къ нему не приложено никакихъ данныхъ, ни статистическихъ, ни историческихъ,—въ сущности, не имѣетъ значенія.

III.

Въ иныхъ условіяхъ находились въ Государственномъ Совѣтѣ защитники смертной казни; они не могли сослаться ни на одинъ трудъ, ни на одно авторитетное имя среди русскихъ ученыхъ; къ ихъ услугамъ были лишь журнальныя статьи и притомъ извѣстнаго направленія, статьи, проникнутыя полемическимъ задоромъ и партійностью. Поэтому они должны были, по необходимости, представить не только общія соображенія о несвоевременности и даже невозможности ея отмѣны, о голословности ея противниковъ; имъ было недостаточно въ громкихъ, но общихъ выраженіяхъ ссылаться на то, что, подавъ голосъ за ея отмѣну, „они согрѣшили бы передъ Богомъ, передъ русскимъ государствомъ и передъ вождемъ его, передъ русскимъ Царемъ“ (членъ Государственнаго Совѣта С. С. Гончаровъ), но они должны были привести и фактическія данныя или теоретическія соображенія, которыя подкрѣпляли бы эти положенія.

Полный, по возможности, обзоръ и посильный разборъ доводовъ, приведенныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ защитниками казни какъ основъ будущаго голосованія законопроекта не по чувству, а по разуму, и составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

На первомъ мѣстѣ доводовъ въ защиту смертной казни стоитъ указаніе на такія цивилизованныя государства, которыя не только удержали смертную казнь въ кодексѣ, но въ недавнее время, послѣ предшествующей отмѣны ея, вновь ввели таковую.

„Имѣются даже страны, — говорилъ, напр., членъ Государственнаго Совѣта г. Крамеръ,—гдѣ, послѣ отмѣны смертной казни, она была снова возстановлена; такъ, напр., послѣ отмѣны, въ 1870 г., смертной казни въ Германіи, она была возстановлена въ королевствѣ Саксонскомъ, въ вольномъ городѣ Бременѣ, въ герцогствахъ Ангальтскомъ и Ольденбургскомъ. Въ республикѣ Швейцаріи отмѣнили смертную казнь въ 1874 г., и уже пять лѣтъ спустя, въ 1879 году, законъ этотъ былъ отмѣненъ въ че-

тырехъ кантонахъ, гдѣ это наказаніе было возстановлено; въ Америкѣ, въ четырехъ штатахъ, она тоже была возстановлена". На эти примѣры ссылались и другіе защитники казни, но особенно сильно выдвинулъ этотъ доводъ С. С. Гончаровъ, придавъ ему любопытное обобщеніе и изложеніе. „Не по учености своей, а по простотѣ,—говорилъ онъ,—я вижу, что *въ послѣднее время народы*, гораздо болѣе образованные, гораздо болѣе развитые,—народы эти, въ Швейцаріи и въ Сѣверной Америкѣ, ввели вновь смертную казнь. Я не ученый, я простой человѣкъ, я юристъ-практикъ, я человѣкъ жизни! Я признаю себя менѣе развитымъ по чувствамъ, чѣмъ люди болѣе образованные, ушедшіе далеко впередъ отъ меня. Я говорю объ Америкѣ, гдѣ жизнь проявляется въ такихъ формахъ, которыя даютъ основаніе признать ея культуру и производительность; я говорю о Швейцаріи, которую хорошо знаю и которую не могу не любить за ея честность и патріархальность,—и *эти страны* все-таки *пришли къ убѣжденію* о необходимости смертной казни". Итакъ, если образованныя націи образумились и *возстановили* смертную казнь, то куда же намъ, „въ виду той грубости, которая въ насъ существуетъ",—позволю отъ себя выразиться образно,—„въ калачный рядъ соваться"!

Но такъ ли это? Мнѣ думается, что и для ученаго, и для неученаго, для юриста-практика, какъ и для теоретика, одинаково необходимо строить выводы на дѣйствительныхъ фактахъ и не допускать обобщеній, не соотвѣтствующихъ обобщаемымъ даннымъ.

Возстановила ли „честная и патріархальная" страна Швейцарія смертную казнь?

До 1874 г. смертная казнь была отмѣнена въ восьми кантонахъ, въ томъ числѣ—въ Цюрихѣ, въ Женевѣ, Базелѣ. Затѣмъ, въ 1874 г., при пересмотрѣ союзной конституціи, въ нее была включена статья 65-ая объ отмѣнѣ смертной казни вообще за всѣ преступленія. Но это положеніе вызвало протестъ совѣтовъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кантоновъ, находившихъ, что такая замѣна недопустима безъ пересмотра уголовныхъ кодексовъ отдѣльныхъ кантоновъ и что этимъ нарушаются ихъ кантональныя права,—и 65-ая статья союзной конституціи была измѣнена такъ: „Смертная казнь къ преступленіямъ политическимъ не примѣняется", а затѣмъ въ восьми католическихъ кантонахъ (*изъ 25*) и притомъ весьма незначительныхъ (Ури, Швицъ, Освальденъ, Аппенцель, Валлисъ, Цугъ, С.-Галленъ и Люцернъ) была возстановлена смертная казнь за общія преступленія. Но спрашивается: почему

же именно эти восемь кантоновъ, а не другіе семнадцать, представляютъ швейцарскій народъ? Къ этому надо прибавить, что и въ этихъ восьми кантонахъ смертная казнь и послѣ возстановленія не примѣнялась. Въ особенности любопытенъ примѣръ кантона Люцерна, гдѣ нѣсколько разъ судъ приговаривалъ къ смерти, но каждый разъ (кромѣ дѣла Гатти, въ 1892 г.) верховный совѣтъ кантона давалъ помилованіе осужденнымъ. (Подробная исторія вопроса о смертной казни въ Швейцаріи изложена у Stoos'a: „Die Grundzüge des schweizerischen Strafrechts", 1893, т. I, стр. 284—363; ср. также у Guillome: „État actuel de la question de la peine de mort en Suisse" 1886.) Штоосъ (стр. 303) въ заключеніе говоритъ: „постоянное непримѣненіе смертной казни даже въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ преступленій равносильно ея отмѣнѣ". Другой извѣстный швейцарскій криминалистъ, цюрихскій профессоръ Pfenninger („Das Strafrecht der Schweiz", 1890, стр. 724) говоритъ: „Вопросъ о смертной казни въ Швейцаріи стоитъ внѣ всякаго спора, и *никакой* общій уголовный кодексъ для Швейцаріи, въ которомъ была бы сохранена смертная казнь, *невозможенъ*". Затѣмъ, въ новомъ проектѣ уголовнаго кодекса для Швейцаріи, составленномъ Штоосомъ, смертная казнь въ число наказаній включена не была, и въ коммиссіи экспертовъ, обсуждавшихъ въ 1893 году этотъ проектъ, противъ смертной казни высказались пятнадцать членовъ и четыре—за нее, причемъ нельзя не замѣтить, что представитель кантона Люцернъ, гдѣ смертная казнь была возстановлена въ 1880 г., членъ высшаго суда въ Люцернѣ, Meyer von Schonensee, высказался противъ смертной казни на основаніи мѣстнаго кантональнаго опыта. Таковы факты относительно Швейцаріи.

Возстановила ли смертную казнь „культурная и производительная страна"—Америка? Я лично незнакомъ съ законодательствомъ отдѣльныхъ сѣверо-американскихъ штатовъ по данному вопросу, но изъ общихъ сочиненій по уголовному праву могу указать на Liszt'a—„Die Strafgesetzgebung der Gegenwart", который (т. II, стр. 208) говоритъ, что законодательство большинства штатовъ угрожаетъ (отмѣнена смертная казнь только въ четырехъ штатахъ Мичиганъ, Родэйландъ, Висконсинъ и Мэнъ) смертною казнью только за весьма немногія преступленія (тяжкіе виды предумышленнаго убійства); то же говоритъ van Swinderen, „Esquisse du droit pénal actuel", т. I, стр. 288. Затѣмъ нашъ министръ юстиціи, отъ котораго, повидимому, заимствована ссылка членовъ Государственнаго Совѣта, въ засѣданіи Думы 19-го іюня упомянулъ только, что въ четырехъ штатахъ въ

1902 г., а въ четырехъ—въ 1903 г. была установлена смертная казнь за посягательство на высшихъ государственныхъ чиновниковъ, но ни о какомъ новомъ возстановленіи *отмѣненной* смертной казни не упоминалъ.

Наконецъ, была ли, какъ говоритъ г. Крамеръ, отмѣнена смертная казнь въ Германіи, а затѣмъ возстановлена въ нѣкоторыхъ мелкихъ, входящихъ въ ея составъ, государствахъ и въ Саксоніи? Вотъ факты (ср. Таганцевъ, „Русское уголовное право", т. II, стр. 1116): въ 1870 г., при обсужденіи проекта сѣверо-германскаго уголовнаго кодекса въ Reichstag'ѣ, было внесено кильскимъ депутатомъ Планкомъ предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни, и при вторичномъ чтеніи проекта это предложеніе было принято большинствомъ 118 противъ 81. Тогда Бисмаркъ, въ рѣчи своей 23 мая 1870 г., прибѣгъ въ защиту смертной казни къ мало убѣдительному, но сильному аргументу, а именно, что правительство, въ случаѣ исключенія смертной казни, возьметъ проектъ назадъ и тѣмъ устранитъ навсегда возможность юридическаго объединенія Германіи. Стремленіе къ объединенію дало перевѣсъ при третьемъ чтеніи проекта, но и то только 127 противъ 119, и смертная казнь въ кодексѣ осталась. *Съ введеніемъ*, въ 1872 г., общаго уголовнаго кодекса во *всей* Германіи и съ отмѣною *всѣхъ* партикулярныхъ уголовныхъ кодексовъ, смертная казнь, eo ipso, сдѣлалась примѣнимою и въ тѣхъ частяхъ Германіи, въ уголовныхъ кодексахъ коихъ она была ранѣе отмѣнена (а въ томъ числѣ и въ Саксоніи, гдѣ она была отмѣнена въ 1868 г.). Но можно ли при этихъ данныхъ говорить о сознательномъ ея *возстановленіи* послѣ 1870 г. въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи?

Такова сила и значеніе фактическихъ данныхъ, на которыхъ покоится первый аргументъ защитниковъ смертной казни.

IV.

Главнѣйшій практическій базисъ противниковъ смертной казни, —она не имѣетъ значенія задерживающаго мотива, а потому и не вліяетъ на движеніе преступности. Въ подтвержденіе этого ея противники указывали (ср. статистическія данныя у Кистяковскаго, „Смертная казнь", изд. 1896; мое „Русское уголовное право", т. II, изд. 1903 г.): 1) что поразительное уменьшеніе смертныхъ приговоровъ и дѣйствительнаго примѣненія смертной казни въ тѣхъ государствахъ, гдѣ она сохранена въ уголовныхъ кодексахъ, не только не повлекло пропорціональнаго увеличенія

числа преступленій, обложенныхъ этимъ наказаніемъ, но, наоборотъ, иногда сопровождалось уменьшеніемъ ихъ числа; и 2) что то же нужно сказать и о данныхъ тѣхъ государствъ, которыя вовсе отмѣнили смертную казнь, и при томъ даже относительно государствъ сравнительно довольно большихъ — какъ Голландія (отмѣнена съ 1870 г.), Италія (съ 1890 г), Португалія (съ 1867 г.).

Что же приводятъ противъ этихъ доводовъ ея защитники, кромѣ, конечно, ссылки на ихъ личныя убѣжденія, что они не могутъ согласиться, чтобы смертная казнь не имѣла значенія устрашающаго или, какъ выразился членъ Государственнаго Совѣта С. С. Гончаровъ, „что ошибочно то ученое начало, которое поучительно произноситъ сужденіе, будто казнь не достигаетъ своей цѣли“?

Не могу не сказать, что и въ этомъ отношеніи данныя, приведенныя защитниками смертной казни, и не точны, и не убѣдительны.

Такъ, я лично, въ соображеніяхъ, представленныхъ въ этомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта въ защиту предложенія объ отмѣнѣ смертной казни, сослался, между прочимъ, на слова извѣстнаго итальянскаго ученаго Ферри, который заявляетъ (ср. въ сборникѣ г. Гернета), что въ Италіи, также какъ въ Голландіи и Бельгіи, послѣ отмѣны смертной казни число убійствъ не только не увеличилось, но постепенно продолжало уменьшаться. По поводу этой ссылки одинъ изъ защитниковъ смертной казни (кн. Касаткинъ-Ростовскій) высказалъ, „что онъ не знаетъ, откуда взялъ Ферри эти свѣдѣнія, и что онъ имѣетъ совершенно обратныя, а именно, что со времени уничтоженія смертной казни въ Италіи преступленія, которыя прежде наказывались смертью, удесятерились. Если же мы сравнимъ Италію съ ея тридцати-милліоннымъ населеніемъ съ сорока-милліоннымъ населеніемъ Франціи, то окажется, что на семьсотъ караемыхъ смертью преступленій во Франціи—въ Италіи ихъ четыре тысячи“. Князь Касаткинъ не указываетъ источника, на основаніи коего онъ опровергаетъ профессора Ферри, но изъ того, что сообщаетъ этотъ источникъ, всякій юристъ можетъ заключить, что на немъ едва ли можно основывать какіе-либо выводы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ: „семьсотъ караемыхъ смертью преступленій во Франціи“? Казненныхъ?—но во Франціи, въ періодъ съ 1881 по 1890 г., было казнено, въ среднемъ, по шести человѣкъ въ годъ. Осужденныхъ къ смертной казни?—но ихъ за тотъ же періодъ было, въ сред-

немъ, въ годъ—двадцать-семь [1]), и эти числа за послѣднее время не увеличились, а уменьшились. Но откуда же появилась эта цифра „семьсотъ"? Да и какому же статистику придетъ въ голову не только сравнивать, но даже и говорить о сравнительномъ числѣ осужденныхъ къ смертной казни въ двухъ странахъ, изъ которыхъ одна не знаетъ смертной казни!.. Если же рѣчь идетъ о ежегодномъ числѣ преступленій, за которыя *можетъ* быть назначена, по кодексу одного изъ сравниваемыхъ государствъ, смертная казнь, то и въ такомъ случаѣ такое огульное сравненіе для всякаго серьезнаго изслѣдователя статистическихъ данныхъ представляется недопустимымъ, такъ какъ приходится сравнивать данныя совершенно неоднородныя: всякій юристъ знаетъ, что понятіе и объемъ отдѣльныхъ преступленій даже въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ не только не тождественны, но часто и неоднородны. Попробуйте, напр., сопоставить цифровыя данныя о числѣ разбоевъ въ Германіи и въ Россіи, и окажется, что въ Германіи ихъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, и вовсе не потому, чтобы такъ было въ дѣйствительности, а только потому, что нѣмецкое понятіе „Raub" (разбой) объемлетъ собою наши понятія и разбоя, и *грабежа*.

Если же обратиться къ дѣйствительнымъ статистическимъ даннымъ, то я позволю себѣ утверждать, что замѣчаніе проф. Ферри правильно, а сомнѣнія и указанія князя Касаткина-Ростовскаго не имѣютъ фактическихъ основаній.

Вотъ какія данныя приводитъ намъ русскій юристъ-статистикъ, котораго нельзя заподозрить въ какой-либо тенденціозности или въ принадлежности, какъ проф. Ферри, къ соціалъ-демократической партіи,—Е. Н. Тарновскій („Статистическія данныя о преступности въ Италіи", „Журн. Мин. Юст." 1900 г., № 4). Основываясь на докладѣ извѣстнаго ученаго Л. Бодіо, помѣщеннаго въ оффиціальномъ изданіи „Annali di Statistica" за 1899 г., Тарновскій говоритъ: „Преступленія противъ жизни, развитіемъ которыхъ Италія превосходитъ всѣ европейскія страны, *начиная съ 1880 г., постепенно уменьшаются въ числѣ*, хотя уменьшеніе это и довольно медленное... Осужденныхъ за убійство было въ 1887 году 2.805, а въ 1895 г.—2116". А такъ какъ въ Италіи смертная казнь, хотя и была уничтожена только съ изданіемъ кодекса 1890 г., но фактически она не примѣнялась съ 1875 г., то мы имѣемъ полное основаніе сказать вмѣстѣ съ

---

[1]) Эти цифры непререкаемы, ибо взяты изъ отчетовъ французскаго министерства юстиціи. См. мое „Русское уголовное право", стр. 1121.

Ферри, что съ отмѣною смертной казни въ Италіи число убійствъ не только не увеличилось, но и уменьшилось.

Да вообще изслѣдователи соціальной стороны преступности давно уже представили несомнѣнныя доказательства, что факторы преступности, а въ частности и причины, заправляющія ея ростомъ, лежатъ въ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ общественной жизни и слишкомъ мало зависятъ отъ суровости наказаній.

Тотъ же Е. Н. Тарновскій въ другой своей статьѣ („Движеніе преступности въ Западной Европѣ", „Журн. Мин. Юст." 1899 г., № 4, стр. 50), разсматривая движеніе преступности въ Англіи и отмѣчая извѣстные факты ея прогрессирующаго уменьшенія, по поводу убійства говоритъ: „Убійство вообще упало въ Англіи до европейскаго минимума (съ нею спорятъ за первенство въ этомъ отношенія только Шотландія и нѣкоторыя второстепенныя германскія государства). Убійство (по отношенію числа осужденныхъ къ наказанію) за пять лѣтъ, 1889—1893, почти вдвое рѣже, чѣмъ въ Германіи, почти въ три раза меньше, чѣмъ во Франціи и Австріи, въ восемь разъ рѣже, чѣмъ въ Испаніи, и въ двѣнадцать разъ слабѣе, чѣмъ въ Италіи. И это незначительное само по себѣ число осужденныхъ или подсудимыхъ за убійство продолжаетъ уменьшаться по отношенію къ населенію. По даннымъ у L. Bodio, число осужденныхъ за убійство въ Англіи на сто тысячъ жителей съ 1881 г. по 1893 включительно уменьшилось съ 0,63 до 0,48". При этомъ надо прибавить, что это движеніе шло параллельно съ уменьшеніемъ примѣненія смертной казни, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ Англіи за двадцать лѣтъ, съ 1806 по 1825, было *ежегодно* присуждаемо къ смертной казни 850 и казнимо—80; за тотъ же періодъ, съ 1868 по 1887—осуждено 64 и казнено 18; а съ 1868 по 1887—осуждено 26 въ годъ, а казнено 20, причемъ въ эти данныя не введенъ разсчетъ на приростъ населенія (Таганцевъ, „Русское уголовное право", т. II, стр. 1121).

Вышеприведенныя данныя, надѣюсь, съ достаточною очевидностью показываютъ, что не сохраненіе смертной казни въ кодексѣ и не частость ея примѣненія вліяютъ на ростъ убійствъ, а національныя особенности, темпераментъ народа—съ одной стороны, и соціальныя—съ другой. Въ водвореніи порядка, ненарушимости правъ, неприкосновенности личности и устраненіи произвола въ управленіи нужно искать оплота государственности и культуры, а не въ развращающемъ общество пролитіи крови человѣка. Горе тѣмъ, кто питаетъ вражду и ненависть и будитъ въ

человѣкѣ звѣря—будутъ ли это революціонные безумцы, будутъ ли это мнимые охранители отжившаго строя.

Перехожу къ другимъ фактическимъ даннымъ этой группы, указаннымъ защитниками смертной казни, какъ доказательство ея устрашательности,—даннымъ изъ нашей современной дѣйствительности. На первомъ мѣстѣ стоитъ Остзейскій край. „У меня въ рукахъ, — говорилъ членъ Государственнаго Совѣта Крамеръ,—находится списокъ убитыхъ чиновъ рижской городской полиціи... Списокъ ведется съ 1-го января 1904 г. и кончается 19-го мая нынѣшняго года. Изъ этого списка видно, что 2-го января 1906 г. убито трое; 3-го января—двое; 6-го—одинъ; 17-го—двое; 18-го—четверо и 19-го января—трое, и затѣмъ съ 19-го января по 19-е мая нѣтъ ни одного случая убійства или пораненія чиновъ полиціи. Это является результатомъ осуществленія военнаго положенія, которое было введено съ ноября 1905 г., но фактически было осуществлено гораздо позже, ибо не было войскъ... Лишь въ концѣ декабря оказалось достаточно ихъ, чтобы вступить въ борьбу съ бандами, которыя въ это время завоевали два уѣзда—рижскій и венденскій, такъ какъ все населеніе, живущее въ деревняхъ, сбѣжало, а власти были прогнаны. ...Во второй половинѣ января состоялся первый приговоръ—и вотъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ мы не видимъ ни одного нападенія, ни одного убійства чина полиціи, тогда какъ до того было убито 110 человѣкъ, т.-е. болѣе четверти состава рижской городской полиціи“. По рѣшительному мнѣнію другого защитника смертной казни, г. Бутлерова, сообщенные г. Крамеромъ факты о Прибалтійскомъ краѣ *совершенно опровергаютъ* то соображеніе, что она безцѣльна и вредна. „Такимъ образомъ, здѣсь спорить нельзя, *и двухъ мнѣній по этому вопросу быть не можетъ*“. Такое же убѣдительное значеніе сообщенію г. Крамера придаетъ и С. С. Гончаровъ, хотя и добавляетъ: „Правда, съ момента ухода силъ, съ момента ослабленія энергіи законной власти, снова поднялись преступленія“. Членъ Государственнаго Совѣта Гончаровъ приводитъ и другое доказательство практическаго значенія смертной казни—усмиреніе московскаго возстанія. „Я полагаю,—говоритъ онъ,—что смертная казнь оказываетъ свое устрашающее вліяніе. Въ этомъ вліяніи *легко* убѣдиться и незачѣмъ далеко ходить за примѣрами. Съ того момента, когда въ Москвѣ, при страшной неурядицѣ и безпорядкахъ, сопровождавшихся, между прочимъ, вооруженнымъ возстаніемъ, заставлявшихъ страдать все московское населеніе, приняты были строгія и рѣшительныя мѣры борьбы съ революціонерами путемъ разстрѣла и

казни, настала возможность достигнуть подавленія тѣхъ ужасовъ, которые тамъ господствовали въ самыхъ широкихъ размѣрахъ".

Вотъ и весь запасъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ покоится главный базисъ защиты смертной казни — ея цѣлесообразность и необходимость. Эти данныя приведены мною полностью, чтобы каждый могъ провѣрить силу и значеніе доводовъ; я, съ своей стороны, не могу не прибавить, что статистика причисляетъ себя къ точнымъ наукамъ и свои выводы основываетъ на провѣренныхъ и систематизированныхъ фактахъ, а именно этого-то въ разбираемыхъ сужденіяхъ и не усматривается.

Но прежде всего спѣшу оговориться: я такъ же думаю, что одними чувствительными словами и разсужденіями, одними благопожеланіями, даже одною строгою законностью остановить разыгравшееся революціонное движеніе, подавить вспыхнувшее возстаніе нельзя. Для этого необходимы сильныя и энергичныя мѣры, къ сожалѣнію, для этого необходимы часто кровь и жертвы, но вѣдь мы разсуждаемъ не объ этихъ мѣрахъ государственной защиты, а о цѣлесообразности смертной казни, какъ акта правосудія. Сенаторъ Гончаровъ утверждаетъ, что устрашающее значеніе смертной казни подтверждается усмиреніемъ московскаго возстанія; но онъ не приводитъ никакихъ указаній, чтобы при этомъ усмиреніи были въ ходу военные суды и приговоры къ смертной казни. Напротивъ того, изъ оффиціальныхъ свѣдѣній главнаго военно-суднаго управленія мы знаемъ, что въ 1905 г., т.-е. во время усмиренія возстанія, хотя въ московскомъ военномъ округѣ и было присуждено къ смерти четыре человѣка и казнено трое, но всѣ эти случаи имѣли мѣсто не въ городѣ Москвѣ. Въ Москвѣ, при обстрѣливаніи мятежниковъ, было много убито виноватыхъ и невинныхъ, карательными отрядами было произведено значительное количество массовыхъ разстрѣловъ, но если и признавать таковые необходимыми, то все-таки не можетъ же юристъ считать ихъ за отправленіе правосудія и отождествлять разстрѣлы съ смертною казнью по суду. Почти то же приходится сказать и относительно прибалтійскихъ губерній. Хотя г. Крамеръ и указываетъ на одинъ примѣръ, имѣвшій мѣсто во второй половинѣ января 1906 г., который, будто бы, чудодѣйственно прекратилъ въ Ригѣ посягательства на жизнь чиновъ наружной полиціи, но и онъ осторожно прибавляетъ: „Быть можетъ, тутъ повліяли и другія обстоятельства: большее число патрулей, которые разсылались, болѣе осторожное несеніе службы городовыми". Очевидно, что на этомъ единичномъ примѣрѣ никакихъ выводовъ не построишь. Да даже и для города Риги его

значеніе, еслибы оно и было, было кратковременно, такъ какъ съ лѣта тамъ опять начались разстрѣлы городовыхъ.

Но если оставить эти ничего не доказывающіе единичные случаи, а обратиться къ массовымъ даннымъ, съ которыми только и оперируетъ наука, то окажется, что русская статистика послѣднихъ лѣтъ скорѣе даетъ основаніе для вывода о безсиліи и, слѣдовательно, безцѣльности смертной казни, какъ мѣры государственной охраны.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ военнаго министерства было къ смертной казни приговорено: въ 1904 г.—11; въ 1905 г.—79, и въ 1906 г. (по 1-е мая)—108; а казнено—7, 13 и 34. И несмотря на этотъ ужасающій ростъ смертной казни, число политическихъ убійствъ, разбоевъ возрастало. Было прекращено московское возстаніе, почти прекращено или ослаблено возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ, значительно ослаблено на Кавказѣ; надо вѣрить и надѣяться, что, наконецъ, прекратятся дикія проявленія террора и во всей Россіи, но причемъ тутъ смертная казнь? Энергическія дѣйствія правительства, а главное сплоченіе и организація разумно охранительныхъ силъ страны; дѣйствительное и неуклонное подчиненіе закону всѣхъ и каждаго, и прежде всего правительственныхъ органовъ — вотъ тѣ условія, при которыхъ можно надѣяться на одолѣніе революціи.

Нужно ли повторять то непреоборимое положеніе, что фанатики политическіе, въ огромномъ ихъ процентѣ, не поддаются страху смерти. Правда, членъ Государственнаго Совѣта Крамеръ, а за нимъ и другіе указывали на то, что у насъ „значительное число политическихъ преступниковъ оказалось наемными людьми". „Установлено,—говорилъ г. Крамеръ, — что плата за убійство доходила до 50 к. Такъ упала первоначальная плата въ 30 рублей, и послѣднее время, въ Ригѣ и Либавѣ, въ виду того, что несовершеннолѣтніе (?) не подвергаются смертной казни, для убійствъ нанимались евреи лѣтъ пятнадцати — шестнадцати". Едвали надо и опровергать это слишкомъ одностороннее обобщеніе единичныхъ случаевъ, если таковые и были. Достаточно указать на всѣ правительственныя сообщенія о проявленіяхъ террора, и въ частности послѣднее, отъ 24-го августа. „За послѣдніе два года, — такъ начинается оно, — революціонное движеніе проявляется съ чрезвычайнымъ напряженіемъ. Съ весны этого года оно особенно усилилось... Преступленія эти ясно доказываютъ, что революціонныя организаціи напрягли всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работѣ правительства, разстроить его ряды и примѣ-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

неніемъ грубаго насилія прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства". Пересмотрите, далѣе, приложенный къ этому сообщенію перечень важнѣйшихъ террористическихъ дѣяній за 1906 г.; въ нихъ вездѣ оказывается проявленіе дѣятельности боевыхъ дружинъ революціи; описываются преступленія, учиненныя несомнѣнно лицами извѣстныхъ политическихъ партій.

Другой защитникъ смертной казни, С. С. Гончаровъ, также находитъ, что то положеніе, „что политическіе преступники дѣйствуютъ не изъ личныхъ разсчетовъ и побужденій, что они — люди идейные, чувству страха недоступные, — непримѣнимо къ нашимъ, такъ какъ они подкупали на убійство другихъ людей, подставляя ихъ подъ кары и наказанія и скрываясь за ихъ спиною"; что онъ не можетъ согласиться, „что они дѣйствуютъ по убѣжденію, по увлеченію, изъ пожеланія блага народа. Нѣтъ, это враги народа: они пользуются такими средствами, которыя недостойны носить имя политическихъ дѣяній людей, преслѣдующихъ благо народа"... Конечно, и противъ этихъ замѣчаній можно было бы сдѣлать то же фактическое возраженіе, которое приведено выше по поводу первоисточника этихъ заявленій, мнѣнія г. Крамера, т.-е. что это — чрезмѣрное обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ. Несомнѣнно, что между нашими террористами — громадный процентъ фанатиковъ, которые ставятъ на рискъ и свою собственную жизнь. Но дѣло не въ томъ, наемные ли это преступники, или увлеченные сторонники крайнихъ мнѣній, враждебныхъ основнымъ началамъ цивилизаціи, идеямъ христіанской этики и т. д., а намъ нужно рѣшить совершенно другой вопросъ: необходимо ли и полезно ли къ этимъ людямъ примѣнять смертную казнь? Новая исторія уголовнаго права знаетъ крайнюю партію антропологической школы, защищавшую, въ виду типическихъ особенностей извѣстной группы преступниковъ, смертную казнь на томъ основаніи („Théorie d'épuration sociale"), что „такъ какъ человѣкъ есть не что иное, какъ общественная молекула, то нельзя и церемониться съ его правами, какъ скоро его существованіе ставитъ въ опасность общественный организмъ (Гарафоло, „Criminologie", стр. 267). Наука знаетъ даже еще болѣе пикантную теорію „выкорчевыванія преступности" (le sarclage de la criminalité), которая предлагаетъ замѣнить смертную казнь уничтоженіемъ производительной способности преступниковъ, какъ болѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ преступностью (ср. мое „Русское уголовное право", т. II, стр. 926). Но, во-первыхъ, всѣ эти доктрины имѣютъ въ виду только при-

рожденно-неисправимыхъ преступниковъ, самое бытіе которыхъ, впрочемъ, наукою пока не установлено; во-вторыхъ, къ этому типу человѣкопреступниковъ (l'uomo delinquente) они ни въ какомъ случаѣ политическихъ преступниковъ не причисляютъ, такъ какъ развѣ только въ домахъ умалишенныхъ можно встрѣтить ниспровергателей государственности и общественнаго порядка „an und für sich", безотносительно къ его конкретной формѣ; въ-третьихъ, — извиняюсь за выраженіе, — палка, замѣняющая знамя этой теоріи, о двухъ концахъ, ибо она даетъ оправданіе для истребленія общественныхъ молекулъ *всякаго рода* на основаніи личной оцѣнки истребляющаго; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, серьезно говорить о положеніяхъ этой школы при разборѣ мнѣній членовъ Государственнаго Совѣта, очевидно, не приходится, ибо въ немъ едвали можно найти послѣдователей антропологокриминальной доктрины.

По поводу этого довода о необходимости сохраненія смерти для террористовъ, запятнавшихъ себя позорными и гнусными злодѣяніями, я позволю себѣ привести слова нашего поэта, принадлежавшаго къ славной кучкѣ дѣйствительно русскихъ людей, котораго, надѣюсь, никто не причислитъ ни къ анархистамъ, ни къ потрясателямъ общественныхъ устоевъ—А. С. Хомякова:

„Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ, —
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ;
Убьете-ль? —
О, стыдъ и позоръ!"

Противники смертной казни, думается мнѣ, имѣютъ право сказать, что замѣчаніе ея сторонниковъ, что „неправильно поступитъ правительство въ моментъ борьбы, если отдастъ хотя одно оружіе въ руки враговъ" (г. Крамеръ), не подкрѣпляется доказательствами; что выраженныя ими опасенія, что „предлагаютъ" вырвать изъ рукъ правительства оружіе, которое хотя слабо и недостаточно, но все же представляетъ изъ себя хоть какую-нибудь мѣру противъ анархистовъ" (князь Касаткинъ-Ростовскій)—лишены основаній. Негодное оружіе не только не помогаетъ, но вредитъ защитѣ государственной безопасности, ибо, въ надеждѣ на него, нерѣдко власть засыпаетъ тогда, когда ей нужно сугубо бодрствовать.

V.

Вышеизложеннымъ исчерпываются всѣ существенные доводы защитниковъ смертной казни; все прочее имѣетъ совершенно второстепенное значеніе; но чтобы избѣжать упрека въ неполнотѣ и пристрастности, я кратко остановлюсь и на этихъ указаніяхъ.

Въ своей пространной рѣчи въ защиту казни членъ Государственнаго Совѣта Д. Ѳ. Самаринъ останавливается прежде всего на неполнотѣ доклада и на непослѣдовательности Думы, а въ особенности на превышеніи ею законодательной компетентности, такъ какъ она приняла отмѣну смертной казни не только по гражданскимъ, но и по военнымъ законамъ. Въ этомъ отношеніи г. Самаринъ правъ, такъ какъ статья 55-я основныхъ законовъ, по ея смыслу и по историческому ея происхожденію, съ несомнѣнностью изъемлетъ изъ вѣдѣнія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта военно-уголовное законодательство, и притомъ не только въ военное, но и въ мирное время;—но, очевидно, это ограниченіе отнюдь не предрѣшаетъ вопроса о томъ, необходимо ли сохраненіе смертной казни въ военныхъ законахъ въ мирное или даже въ военное время, а тѣмъ болѣе не обосновываетъ дальнѣйшіе выводы Д. Ѳ. Самарина. „Въ военное время,—говоритъ онъ,—смертная казнь назначается въ силу *ея неизбѣжности* при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ находится дѣйствующая армія, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ... Мнѣ кажется, что когда часть страны объята возстаніемъ, то создаются для государства совершенно такія же условія и, можетъ быть, даже болѣе худшія, чѣмъ война, чѣмъ столкновеніе съ внѣшнимъ врагомъ... Я не понимаю, какимъ образомъ можно лишить государство возможности и права примѣнять эти условія и помимо борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Неужели въ такомъ случаѣ, какъ у насъ при польскомъ возстаніи 1831 и 1863 гг., во Франціи во время коммуны или въ Венгріи въ 1847 г.,—неужели въ такихъ случаяхъ государственная власть должна ограничиваться нормальными законами мирнаго времени"... И въ концѣ концовъ—предложеніе г. Самарина отклонить проектъ, внесенный Государственною Думою, цѣликомъ. Но если разсмотрѣть внимательно всѣ эти соображенія, то, мнѣ думается, нельзя не признать, что выводы не соотвѣтствуютъ посылкамъ, и начало не сходится съ концомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что возстанія, о которыхъ говоритъ г. Самаринъ, не могли быть подавлены безъ энергическихъ мѣръ, безъ употребленія оружія, безъ кровопролитія; можно согласиться и съ тѣмъ, что во время революціонныхъ движеній, волненій, нельзя довольствоваться нормальными законами мирнаго времени, а нужны законы исключительные, чрезвычайные;—но какимъ же логическимъ пріемомъ вывести отсюда необходимость сохраненія въ уголовныхъ законахъ смертной казни? Все разсужденіе построено такъ: смертная казнь неизбѣжна во время войны; борьба съ внутренними врагами совершенно аналогична борьбѣ съ врагами внѣшними, а слѣдовательно смертная казнь необходима и для усмиренія революціи. Но это—софизмъ и софизмъ, позволяю думать, весьма опасный. Не даромъ же не только революціонная печать, но и органы печати, сочувствующіе революціонному движенію, стараются убѣдить, что боевая организація революціонеровъ — то же, что непріятельскія войска, такіе же „беллигеранты". Посмотрите, что выходитъ изъ такого уподобленія. Еслибы смертная казнь и была неизбѣжна во время войны (что ставится, неизвѣстно почему, какъ аксіома), то спрашивается, по отношенію къ кому же она примѣняется? Развѣ по отношенію къ непріятелю? Давно уже прошли тѣ времена, когда военноплѣнныхъ убивали; теперь они пользуются полною охраною законовъ и неприкосновенностью личности. Смертная казнь можетъ быть примѣнима только къ иностраннымъ шпіонамъ. Значитъ, если убійцы-революціонеры, бросатели, дѣлатели и хранители взрывчатыхъ снарядовъ представляютъ подобіе непріятельской артиллеріи, войска, то и они, захваченные властью, могутъ претендовать на то же покровительство законовъ, какъ и военноплѣнные? Полагаю, что такого абсурднаго, но неизбѣжнаго вывода не желали допускавшіе это уподобленіе противники думскаго проекта.

Столь же мало убѣдительна ссылка на то, что отмѣна смертной казни была бы противна воззрѣніямъ русскаго народа. „Я тридцать лѣтъ живу въ деревнѣ, — говорилъ князь Касаткинъ-Ростовскій,—и могу заявить, что у насъ смертная казнь существуетъ и не прекращается по сіе время". Въ подтвержденіе этого, князь сослался на два примѣра: на саратовскую губернію, гдѣ въ одномъ селѣ убили четырнадцать грабителей, а одиннадцать—едва-едва спасли, и на курскую губернію, гдѣ въ селѣ Велико-Михайловскомъ земскому начальнику едва удалось спасти нѣсколько хулигановъ, приговоренныхъ къ смерти на сельскомъ сходѣ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Князь находитъ, что при-

чина этого—въ безсудіи по отношенію къ конокрадамъ и другимъ преступникамъ, и что еслибы такіе участники самосуда были преданы суду присяжныхъ, то они несомнѣнно были бы оправданы.

Положимъ, что все это справедливо, но какъ вывести отсюда доказательство необходимости удержанія смертной казни, какъ акта правосудія, за тѣ преступныя дѣянія, за которыя она назначается по нашимъ законамъ?

Когда въ Думѣ дѣлались патетическія заявленія о томъ, что отмѣны смертной казни желаетъ *весь* русскій народъ; что говорившіе суть выразители *всего* русскаго народа и т. п., то всякій серьезно и сознательно относящійся къ явленіямъ русской жизни понималъ, что для однихъ изъ ораторовъ это была риторическая фигура, ораторская гипербола; для другихъ, если можно такъ выразиться, болѣе наивныхъ, выраженіе ихъ личнаго убѣжденія, что русскимъ народомъ нужно считать только тѣхъ, которые мыслятъ одинаково съ ними, а всѣ остальные милліоны населенія, хотя бы и значительно превышающіе ихъ по численности,—нужно признавать не народомъ, а черносотенцами, хулиганами, подкупленными агентами правительства. Нельзя, конечно, припоминая рѣзни въ Баку, Шумахѣ, Тифлисѣ, и т. д., и т. д., вспоминая рѣзню мусульманъ и армянъ, нравы Чечни и т. д., отнестись безъ улыбки къ заявленіямъ представителей Кавказа, что ихъ избиратели, посылая ихъ въ Думу, требовали отмѣны смертной казни. Нельзя не признать, что сторонники революціонныхъ партій, кричащіе о безчеловѣчности, недопустимости не только разстрѣловъ, но и казни по суду, и въ то же время не только оправдывающіе, но и восхваляющіе политическія убійства, учиняемыя въявь и изъ-за угла, грабежи и погромы, если они, какъ надо думать, говорили и писали сознательно, забывали основныя начала справедливости и морали. Нельзя громить карательныя экспедиціи и казни, зажимать ротъ органамъ власти криками „убійцы", „палачи" и въ то же время не имѣть нравственной смѣлости высказать негодованіе потокамъ крови—городовыхъ, почтарей, содержателей разныхъ лавокъ, и т. д. и т. д., проливаемой боевыми организаціями. Партія, допустившая въ своемъ органѣ софистическое разновѣсіе при оцѣнкѣ террора лѣваго и праваго, не можетъ претендовать на роль выразителя нравственныхъ принциповъ русскаго народа. Несмываемое пятно Каина лежитъ одинаково на убійцахъ физическихъ и интеллектуальныхъ, и Герценштейна, и жертвъ взрывовъ въ Севастополѣ и на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и т. д.

Но также мало могутъ имѣть доказательной силы и выше приведенныя ссылки на кровавыя самораспpавы толпы, какъ на доказательства правосознанія русскаго народа. Къ расправамъ съ конокрадами и поджигателями, дѣйствительными и предполагаемыми, можно бы прибавить цѣлый рядъ всѣмъ извѣстныхъ такихъ же массами учиненныхъ убійствъ—помѣщиковъ, фабрикантовъ, врачей, разнообразныхъ представителей власти. Но какой же выводъ можно сдѣлать на основаніи этихъ прискорбныхъ данныхъ? Кто изъ образованныхъ русскихъ не знаетъ и не былъ нравственно потрясенъ художественною картиною убійства Верещагина въ „Войнѣ и Мирѣ",—и что же, эту озвѣрѣвшую толпу, эту толпу, потерявшую образъ и подобіе Божіе, совѣтуютъ законодателю взять образцомъ при его творческой законодательной работѣ! Я позволю по этому поводу привести то, что я многолѣтно говорилъ моимъ слушателямъ: „Даже въ борьбѣ съ отдѣльными явленіями, съ преступностью, законодатель не долженъ забывать, что онъ служитъ общей цѣли государства—развитію народной жизни, а тѣмъ самымъ и общему прогрессу человѣчества, осуществленію его идеаловъ. Кровавый призракъ отдѣльныхъ злодѣяній, какъ бы глубоко они ни потрясали нравственное чувство каждаго, не долженъ заволакивать твердый и спокойный взглядъ законодателя, устремленный въ будущее". (Русск. уг. пр., I, стр. 21).

Въ близкомъ соотношеніи съ предыдущимъ является и другой доводъ защитниковъ смертной казни—ссылка на голосъ не всего народа, а на голосъ семей убитыхъ органовъ власти, на желанія лицъ, занимающихъ боевые посты правительственной организаціи. „Защитники думскаго законопроекта,—говорилъ князь Касаткинъ-Ростовскій,—забываютъ только тѣхъ неповинныхъ людей, которые часто падаютъ жертвою революціонеровъ и только потому, что они подвернулись этимъ господамъ подъ-руку". Что скажутъ, говорятъ намъ, эти люди, обреченные на смерть, трепещущіе за жизнь и судьбу своихъ семей, возможныхъ жертвъ преступныхъ посягательствъ на нихъ, посягательствъ, основанныхъ только на томъ, что они честно исполняли свои обязанности или и вовсе безъ всякой причины? Я полагаю, что противники смертной казни не забывали этихъ неповинныхъ жертвъ. Да, они могутъ сказать государству: прими всѣ необходимыя мѣры, чтобы охранить нашу жизнь.—Государство обязано это сдѣлать, обязано принять мѣры, которыя если не уничтожатъ, то ослабятъ шансы опасности; государство, да и не только оно, но и общество, обязано сдѣлать все, чтобы обезпечить участь

семей жертвъ исполненія долга; государство обязано, несомнѣнно, принять всѣ мѣры, чтобы виновный былъ обнаруженъ, осужденъ и потерпѣлъ законное наказаніе. Но еслибы эти служащіе заявили,—чего, впрочемъ, они не дѣлаютъ, а за нихъ усердствуютъ другіе,—что они могутъ служить только въ томъ случаѣ, если виновные въ посягательствѣ на жизнь служащихъ будутъ за это подвергаемы смертной казни, то государство, или, правильнѣе, законодательная власть, не только можетъ, но и должна сказать: это дѣло не вашей компетенціи; предоставьте мнѣ судить, что̀ нужно и что̀ ненужно для охраны вашей безопасности, и если я признаю, что сохраненіе смертной казни ненужно для государственной безопасности, или даже и вредно, то я ее отмѣню безотносительно къ вашимъ пожеланіямъ.

По этому поводу я позволю напомнить одинъ примѣръ изъ давняго нашего прошлаго, примѣръ, извѣстный всякому гимназисту старшихъ классовъ. Въ „Русской Правдѣ", въ статьѣ 1-й, читаемъ мы: „Убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, либо сынови отца, либо отцу сына; либо брату чада, либо сестрину сынови. Аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову". А въ третьей, болѣе пространной редакціи „Правды" далѣе мы читаемъ: „По Ярославѣ же паки совокупишеся сынове его Изяславъ, Святополкъ, Всеволодъ и мужи ихъ, Костячько, Перенѣгъ, Никифоръ и—отложиша убіеніе за голову, но купами ся выкупати" (Сергѣевичъ, изд. „Русская Правда", стр. 9). Итакъ, въ XII вѣкѣ наши князья отмѣнили закономъ „смерть за смерть", и притомъ не поднимая вопроса о томъ, что̀ скажутъ семьи убитыхъ. Неужели же теперь, законодатель XX вѣка не можетъ разрѣшить вопроса о смертной казни, руководствуясь только началами правды и государственнаго блага? Правда, тогда не было присяжныхъ фельетонистовъ, остроумничающихъ даже надъ жизнью человѣческою и банально повторяющихъ: „пусть господа убійцы начнутъ",—но хотѣлось бы вѣрить, что, подобно боярамъ сыновей Ярослава, совѣтчики государя не увлекутся острословіемъ и посовѣтуютъ отмѣнить „убіеніе за голову".

VI.

Остается послѣдній доводъ, который желательно было бы не слышать при защитѣ смертной казни,—это ссылку на Евангеліе. Христосъ, на крестѣ вземляй грѣхи міра,—и защита Его именемъ смертной казни! Правда, одинъ изъ наиболѣе обстоя-

тельныхъ защитниковъ казни въ Государственномъ Совѣтѣ, Д. Ѳ. Самаринъ, заявилъ: „я противъ смертной казни въ принципѣ, потому что она противорѣчитъ моему христіанскому сознанію“... „Несомнѣнно, что всѣ, кто стоитъ на христіанской точкѣ зрѣнія, отъ всей души, отъ всего сердца будутъ привѣтствовать тотъ день, когда дѣйствительно станетъ возможнымъ осуществленіе христіанскаго идеала—отмѣнить смертную казнь единожды, навсегда и безповоротно“. Но и что же? А далѣе—забыто ораторомъ евангельское сказаніе о торгующихъ во храмѣ, и христіанское сознаніе окутывается софистическимъ туманомъ. „*Смертная казнь*,—говоритъ г. Самаринъ,—по моему глубокому убѣжденію, *есть крайнее проявленіе* или одно изъ крайнихъ проявленій той грѣховной силы, того *злого начала*, которое господствуетъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ обществѣ, и которому каждый вольно и невольно платитъ дань. Міръ живетъ во злѣ, а государство неизбѣжно живетъ въ мірѣ и неизбѣжно съ нимъ соприкасается, и неизбѣжно, слѣдовательно, причастно тому злу, въ которомъ оно живетъ. Оно не можетъ отъ него отрѣшиться; по крайней мѣрѣ, не можетъ порвать съ нимъ рѣшительно, какъ иногда могутъ порвать отдѣльныя личности, уйдя отъ міра“. Итакъ, „радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“. Этотъ способъ разсужденія давно уже усвоилъ нашъ народъ въ своихъ поговоркахъ: „Богъ высоко, а чортъ при насъ“; „люди грѣхъ, и я изъ тѣхъ“; „съ волками жить—по волчьи выть“ и т. д. Но народъ указалъ, а не оправдалъ такую мораль, потому что онъ же говоритъ: „всѣмъ добро, никому зло, *то* законное житье“, „не такъ живи, что кто кого сможетъ, тотъ того и гложетъ, а *такъ* живи, чтобы людямъ, какъ себѣ“.

Когда я, говоря въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу смертной казни и ходатайствуя объ ея отмѣнѣ, провелъ параллель между лишеніемъ жизни по судебному приговору и убійствомъ, сравнивая психическое состояніе каждаго убійцы и осуществителей казни, и психическія страданія жертвы убійства и казнимаго, то мое сравненіе вызвало рядъ возраженій и протестовъ; но Д. Ѳ. Самаринъ не сравниваетъ, а отождествляетъ ихъ, ибо смертная казнь, по его словамъ, есть такое же крайнее проявленіе злого начала, каковымъ несомнѣнно является и убійство, но онъ затѣмъ приходитъ къ выводу, казалось бы, совсѣмъ неподходящему, и оканчиваетъ свою рѣчь тѣмъ, что „имѣетъ честь предложить собранію отклонить законопроектъ, внесенный къ намъ на разсмотрѣніе цѣликомъ“, т.-е.—сохранить смертную казнь. Да, повторю его слова, злое начало господствуетъ въ каждомъ отдѣль-

номъ человѣкѣ, и ему каждый вольно или невольно платитъ дань.

Еще далѣе въ этомъ отношеніи идетъ другой защитникъ казни—С. С. Гончаровъ. „Я слышалъ,—говорилъ онъ,—что казнь есть грѣхъ предъ Богомъ, предъ религіей. Я не вѣрю въ это, потому что Богъ справедливъ, такъ мы привыкли съ дѣтства судить..., неужели Богу было бы угодно прощеніе убійцъ и оставленіе всѣхъ страдающихъ и присутствующихъ при этихъ ужасахъ безпощадно покинутыми закономъ и властью? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, угодно ли Богу оставленіе страждущихъ и присутствующихъ покинутыми закономъ и властью, такъ какъ этого никто и не предлагаетъ,—во всемъ остальномъ я лично могу сказать совершенно противное: съ юности меня учили, а нынѣ въ старости я вѣрую и исповѣдую, что „Богъ есть любовь", что Тому, Который единственною заповѣдью общежитія ставилъ: возлюби ближняго, какъ самого себя; Тому, Который на крестѣ молился за распявшихъ Его, т.-е. за убійцъ, и испрашивалъ имъ прощеніе Всеблагого Зиждителя міра, справедливо „не хотяй смерти грѣшника", угодно прощеніе даже убійцъ, а не угодно алканіе крови и жертвъ".

Исключительно на этихъ соображеніяхъ остановился и послѣдній изъ говорившихъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ, представитель бѣлаго духовенства, протоіерей Буткевичъ, котораго мнѣніе, какъ служителя алтаря, возносящаго ежедневно молитвы къ престолу Вседержителя за грѣхи всего міра, особенно интересно. О. Буткевичъ, прежде всего, говоря о *противникахъ* смертной казни, *выразилъ сожалѣніе*, что онъ слышалъ отъ нихъ ссылки на ученіе Христа. Что въ такое время, какъ наше, являются люди, которые желаютъ во что бы то ни стало оправдать свое предвзятое мнѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ политическихъ, философскихъ и соціальныхъ вѣрованій, и вотъ,—прибавляетъ онъ,—„мы не пощадили въ этомъ отношеніи и христіанской религіи, *подтасовывая* христіанское ученіе съ чисто политической и соціальной точки зрѣнія; но здѣсь-то именно легко доказать всю абсурдность такихъ тенденціозныхъ выводовъ". Итакъ, тяжелый упрекъ брошенъ противникамъ смертной казни, а въ томъ числѣ и мнѣ, что, въ жару политическихъ споровъ, утверждая, что смертная казнь противна христіанству, мы допустили подтасовку святыхъ истинъ вѣры, и нашу абсурдность не трудно доказать. Но обратимся къ доказательствамъ подтасовокъ. „Слишкомъ смѣлы,—говоритъ о. Буткевичъ,—тѣ комментаторы новозавѣтнаго ученія, которые указываютъ, будто въ Евангеліи есть

прямое указаніе противъ смертной казни". „Напрасно ссылаются на то, будто Христосъ осуждалъ смертную казнь, такъ какъ Онъ проповѣдывалъ, что царство Его не отъ міра сего". „Въ Евангеліи Христосъ ничего не возражалъ противъ смертной казни". Но если въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ указаній на признаніе смертной казни, то зато въ Ветхомъ Завѣтѣ ея установленіе несомнѣнно. „Вы не встрѣтите,—говорилъ онъ,—ни одного интеллигентнаго еврея, который бы вамъ сказалъ, что его религія запрещаетъ смертную казнь". „Еще обвинители Христа говорили Пилату: „мы имѣемъ законъ, и по закону онъ долженъ умереть", т.-е. долженъ быть казненъ, и въ Ветхомъ Завѣтѣ есть такой законъ". „Я также,—продолжалъ ораторъ,—какъ христіанинъ, вѣрую въ божественное откровеніе Ветхаго Завѣта и также вѣрую, что тотъ самый Господь, Который говорилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, говорилъ и въ Новомъ. Онъ не человѣкъ, чтобы Ему сказать разъ одно, а въ другомъ случаѣ другое"... Надо прибавить, что о. Буткевичъ опускаетъ конецъ приведеннаго имъ стиха (Іоанна, гл. 19, ст. 7), гдѣ указывается и вина Христа: „яко себе сына Божія сотвори", ибо нельзя же ему признавать это виною; не указываетъ онъ и на то, что въ Евангеліи не говорится, чтобы къ толпѣ, кричащей „распни, распни его" и требовавшей освобожденія не Іисуса, а Варравы, принадлежали послѣдователи и ученики Христа.

Но въ чемъ же подтасовка противниковъ смертной казни? Развѣ утверждалъ и могъ утверждать кто-нибудь изъ нихъ, что по законамъ народа еврейскаго, изложеннымъ въ Пятикнижіи, а въ частности во Второзаконіи, за огромное число преступленій полагалась смертная казнь? Развѣ кто-нибудь, знакомый съ Пятикнижіемъ даже и не въ полномъ его объемѣ, а въ предѣлахъ гимназическаго курса, могъ забыть цѣлый рядъ примѣровъ примѣненія смертной казни у евреевъ, и притомъ не только простой, но и квалифицированной: побитіе камнями, распятіе, сожженіе и т. д. Мы знаемъ даже болѣе, что, напр., въ средніе вѣка, когда преслѣдовали еретиковъ, богохульниковъ, колдуновъ, то основывали на текстахъ Ветхаго Завѣта казнь не только признаваемыхъ непосредственно виновными, но и совершенно неповинныхъ членовъ ихъ семей, ибо въ „Исходѣ" мы читаемъ: „Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдаяй грѣхи отецъ на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящихъ Меня". Но мы также памятуемъ, что Спаситель сказалъ: „Слышасте, яко речено бысть: око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ, не противитеся злу" (Матѳея, 5, 38). Значитъ,

не все установленное въ Ветхомъ Завѣтѣ признавалось Христомъ, и въ каждой литургіи, въ великій моментъ пресуществленія, слышимъ мы: „пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя *новаго завѣта*, яже за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ", и въ Евангеліи отъ Іоанна читаемъ мы (I, 17): „Яко законъ Моисеомъ данъ бысть; благодать же и истина Іисусомъ Христомъ бысть". Съ другой стороны, ссылка на взятые отдѣльно тексты Евангелія, а тѣмъ болѣе на ученія апостоловъ или отцовъ церкви, сама по себѣ не имѣетъ силы безъ сопоставленія таковыхъ съ общимъ духомъ христіанскаго ученія. Толкованія этихъ текстовъ могутъ быть и различны, и противорѣчивы. Вѣдь самъ же о. Буткевичъ евангельскій разсказъ о томъ, что когда, при предаваніи Христа въ саду Геѳсиманскомъ, Симонъ-Петръ, а по Евангелію отъ Матѳея „единый отъ сущихъ съ нимъ", вынулъ мечъ и отсѣкъ ухо рабу архіерея, Малху, то Христосъ, исцѣливъ раба, воспретилъ оборонять себя отъ пришедшихъ Его арестовать, причемъ апостолъ Матѳей прибавляетъ, что Христосъ сказалъ: „вси бо пріимшіи ножъ, ножемъ погибнутъ",—а толкуетъ онъ въ томъ смыслѣ, какъ будто Христосъ сказалъ: разбойникъ *долженъ* погибнуть отъ меча. (Ср. подробный разборъ этого стиха у Hetzel'я, „Todesstrafe", стр. 56). Съ отдѣльными текстами можно защищать многое. Мы помнимъ высокочтимаго, по крайней мѣрѣ въ правительственныхъ сферахъ, іерарха, который, основываясь на извѣстныхъ словахъ апостола Павла: „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ", возставалъ противъ отмѣны крѣпостного права; мы помнимъ, какъ тотъ же іерархъ, въ мнѣніи своемъ, отъ 12 сентября 1861 г., глумился надъ запискою князя Орлова объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, говоря, что нельзя считать тѣлесное наказаніе разрушающимъ нравственность, если оно установлено самимъ Богомъ, узаконившимъ его черезъ Моисея—„четыредесять ранъ да наложатъ ему" (Втор. XXV, 3); что тѣлесное наказаніе не безчестно, такъ какъ и апостолы, какъ, напр., апостолъ Павелъ, подвергались этому наказанію". Но о таковыхъ служителяхъ буквы мы въ Евангеліи читаемъ: „Гробы повапленные, иже внѣ уду убо являются красны, внутрь уду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты".

Противники смертной казни утверждали и будутъ утверждать, пока она не исчезнетъ изъ нашихъ законодательствъ, что она противорѣчитъ сущности ученія Христа, духу христіанства. „Ученіе Іисуса Христа,—говоритъ проф. Кистяковскій (стр. 175),—проникнуто духомъ любви и снисхожденія къ человѣку. Богъ христіанскій есть Богъ любви и милости, желающій не мести и

кары, а исправленія падшаго человѣка въ противоположность Ветхозавѣтному Богу, который есть Богъ гнѣва и мести". Да что это безспорно—признаетъ и самъ о. Буткевичъ. „Другое дѣло,—заявляетъ и онъ,—если мы заговоримъ о духѣ Христова ученія, съ которымъ *непримиримы ни смертная казнь*, ни рабство". Но въ чемъ же тогда наша подтасовка? Правда, далѣе о. Буткевичъ продолжаетъ: „Но Христовы заповѣди—не соціальныя теоріи; Христосъ указывалъ нормы царствія Божія". Итакъ, жизнь человѣческая, жизнь общественная сама по себѣ, а заповѣди Христа—сами по себѣ, такъ, для парада. Мнѣ представляются иными обязанности тѣхъ, кому поручено Спасителемъ „пасти стадо Его". Не рознь съ идеалами Евангелія, а неуклонное осуществленіе царства Божія на землѣ—вотъ въ чемъ должна быть ихъ проповѣдь. Они не должны забывать, что̀ Христосъ сказалъ ученикамъ, хотѣвшимъ молиться объ истребленіи Самарянъ, оскорбившихъ Его: „Не знаете, какого вы духа. Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать". Я понимаю, трудно вѣровать въ то, что смертная казнь установлена самимъ Богомъ, объяснять (если не оправдывать) Второзаконіемъ крестную смерть Христа и въ то же время благовѣстить миръ и любовь, быть глашатаемъ истинъ христіанскихъ. Ни смертная казнь, ни рабство непримиримы съ ученіемъ Христа, но при этомъ говорятъ, что Онъ училъ о нормахъ царствія Божія, что Христосъ не касался царства міра сего; но вѣдь церковь же учитъ, что въ той жизни уготована для однихъ жизнь вѣчная, безъ печали и воздыханія, а для другихъ—муки вѣчныя, и, очевидно, къ той загробной жизни никакого отношенія не могутъ имѣть ни смертная казнь, прекращающая временное бытіе, ни рабство.

Вообще, точка зрѣнія, на которую приглашаетъ стать о. Буткевичъ, совершенно необъяснима. Съ самаго начала своей рѣчи онъ заявилъ, что онъ по принципу—непримиримый врагъ смертной казни, но сожалѣетъ, что его сотоварищи по убѣжденію примѣшали сюда ученіе Христа. Далѣе,—онъ устраняетъ отъ рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ смертной казни юристовъ на томъ, для меня, впрочемъ, непонятномъ соображеніи, что̀ „юристы должны были установить смертную казнь, а отмѣнить можно только по моральнымъ основаніямъ". Но пусть будетъ такъ. Пусть рѣшаютъ вопросъ моралисты и по моральнымъ основаніямъ, но очевидно, что въ числѣ этихъ моралистовъ должны быть и представители морали христіанской. А потому убѣжденный противникъ смертной казни, пастырь церкви долженъ на-

прячь всѣ силы своего разумѣнія, воспользоваться всѣми силами своего краснорѣчія, чтобы ратовать за ея отмѣну и тѣмъ содѣйствовать осуществленію ученія Христа. Но о. Буткевичъ неожиданно, въ концѣ своей рѣчи, проситъ о томъ, чтобы онъ могъ сидѣть „среди членовъ Государственнаго Совѣта, выслушивать доводы, а когда дойдетъ дѣло до окончательнаго рѣшенія — воздержаться отъ этого суда, или, что то же, уйти изъ этой залы". О. Буткевичъ основывается на примѣрѣ трехъ митрополитовъ, которые участвовали, въ качествѣ высшихъ представителей вѣдомства дѣлъ духовныхъ, въ верховномъ судѣ надъ декабристами. „Они засѣдали, выслушивали показанія, разсматривали вещественныя доказательства до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ произнесенія смертнаго приговора пяти главнымъ подсудимымъ. Въ дѣйствительности были приговорены къ смертной казни тридцать-шесть человѣкъ, изъ нихъ пять къ четвертованію, — послѣдніе и были повѣшены 13-го іюля 1826 г. Когда этотъ моментъ наступилъ, русскіе святители поднялись, поклонились предсѣдателю и вышли". По моему мнѣнію, этотъ примѣръ и не новъ, и не поучителенъ. Такими фактами полна исторія уголовно-церковныхъ судилищъ. Участвовавшіе въ трибуналахъ святой инквизиціи члены католическаго клира, даже, напр., при осужденіи 16-го февраля 1568 г. на смерть всѣхъ жителей Нидерландовъ, какъ еретиковъ, отказывались отъ подписанія смертныхъ приговоровъ, предоставляя исполненіе ихъ свѣтскимъ сочленамъ, фарисейски восклицая: „ecclesia abhorret sanguinem". Не поучителенъ этотъ примѣръ и потому, что лицамъ, участвовавшимъ не только въ судебномъ слѣдствіи, но и въ разрѣшеніи вопроса о виновности, — причемъ иногда именно благодаря голосамъ духовныхъ сочленовъ составлялось осуждающее большинство, — едвали слѣдовало затѣмъ предоставлять свѣтскимъ членамъ сдѣлать выводъ изъ твердо установленныхъ при ихъ участіи посылокъ. Другое дѣло, еслибы они поступили такъ, какъ на нѣкоторыхъ первыхъ соборахъ вмѣнялось въ обязанность епископамъ, — какъ дѣлывали наши прежніе святители, какъ, напр., Филиппъ даже при Иванѣ Грозномъ, — попечаловались предъ государемъ о смягченіи участи виновныхъ декабристовъ, — да, тогда бы они исполнили долгъ православнаго пастыря.

Но во всякомъ случаѣ какое же отношеніе имѣетъ этотъ примѣръ къ настоящему случаю, гдѣ рѣшается не вопросъ о примѣненіи существующаго закона къ отдѣльному случаю, а вопросъ о сохраненіи смертной казни? Если церковь ужасается крови, если казнь противна ученію Христа, и это положеніе раздѣляетъ

служитель церкви, то онъ долженъ не воздерживаться отъ подачи голоса, а открыто подать его за отмѣну крови. Вотъ потому надѣюсь, что впослѣдствіи, при голосованіи, о. Буткевичъ вспомнитъ евангельскую притчу о рабѣ, зарывшемъ въ землю талантъ, данный ему господиномъ, вспомнитъ, что высказалъ Христосъ: „о рабе лукавый и лѣнивый... возьмите убо у него талантъ и дадите имущему десять талантъ“ (Матѳ. XXV, 26—29).

VI.

Задача моя кончена, обзоръ мнѣній, высказанныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, сдѣланъ, и я стою предъ послѣднимъ вопросомъ: предавать ли все написанное оглашенію въ печати? Нужно ли касаться въ настоящую минуту такого вопроса, который такъ будитъ страсти? Не отложить ли споръ до начала правильнаго функціонированія Государственнаго Совѣта и новой Государственной Думы? Но событія самаго послѣдняго времени разрѣшили мои сомнѣнія въ утвердительномъ смыслѣ. Августовское правительственное сообщеніе вызвало сильное движеніе общественной жизни, вызвало сосредоточившіе общее вниманіе споръ и раздоръ между выдающимися членами наиболѣе умѣренной изъ прогрессивныхъ партій—А. И. Гучкова, князя Е. Н. Трубецкого и Д. Н. Шипова,—вызвало даже нѣкоторую перегруппировку партій, и однимъ изъ боевыхъ центровъ всего этого движенія, этого спора и борьбы были новый законъ о полевыхъ судахъ и ихъ практика, т.-е. вопросъ о той же смертной казни, какъ палладіумѣ государственной охраны для однихъ и несомнѣнно вреднаго фактора общественнаго успокоенія — для другихъ. Революціонное движеніе попрежнему выбрасываетъ убійцъ, грабителей, а государственная охрана все сильнѣе и сильнѣе пользуется разящимъ мечомъ правосудія.

Я совершенно согласенъ съ А. И. Гучковымъ, что указъ о роспускѣ Думы, несмотря даже на содержащееся въ немъ опредѣленное указаніе на созывъ новой Думы и даже на время этого созыва—въ февралѣ 1907 г., произвелъ на широкій общественный слой тяжелое впечатлѣніе; что даже въ относительно умѣренныхъ кругахъ возникло опасеніе, какъ бы за этотъ долгій промежутокъ отъ іюля до февраля не осилило теченіе, стремящееся къ прежнему порядку, къ управленію безъ народныхъ представителей.

А. И. Гучковъ говоритъ, что онъ былъ увѣренъ въ невоз-

можности этого поворота, потому что еслибы такіе замыслы и возникли, то по своему безумію они были бы осуждены на полную неудачу, ибо никакая человѣческая воля не въ состояніи вычеркнуть народное представительство изъ нашей жизни.

Но такая увѣренность была весьма субъективна, а потому правительственное сообщеніе, послѣдовавшее въ августѣ и, повидимому, вполнѣ искренно выражающее желаніе лицъ, нынѣ стоящихъ у власти, идти по пути прогрессивныхъ реформъ, при помощи Государственной Думы и преобразованнаго Государственнаго Совѣта, — внесло несомнѣнно значительное успокоеніе въ общественное сознаніе.

Равнымъ образомъ была пріемлема и отправная точка второй половины сообщенія. Несомнѣнно, что „долгъ государства—остановить поднявшуюся кверху волну дикаго произвола, стремящагося сдѣлать господами положенія всеуничтожающіе противообщественные элементы".

Даже можно согласиться съ А. И. Гучковымъ и въ томъ, что, не умаляя вину правительства, нельзя снимать вины и съ противоположной стороны, т.-е. съ революціоннаго движенія, и что всѣ усилія не только правительства, но и общества, должны быть направлены къ разъединенію прогрессивнаго и революціоннаго движеній, понимая, конечно, это въ томъ смыслѣ, что общество должно оказать полное содѣйствіе правительству въ дружномъ и совмѣстномъ осуществленіи и развитіи прогрессивныхъ реформъ, не прибѣгая къ средствамъ революціоннымъ, оказывая всякое противодѣйствіе террористическимъ актамъ, отрекаясь отъ революціонныхъ дѣятелей и союза съ ними, и тѣмъ изолируя революцію.

Все это такъ; но для того, чтобы общество пошло объ руку со стоящими у власти, необходимо, чтобы первая часть программы получила болѣе реальный характеръ. Если укоряютъ бывшую Думу въ томъ, что она болѣе занималась оппозиціонными и революціонными пѣснопѣніями, чѣмъ дѣломъ; болѣе запрашивала, почему не даютъ обѣщаннаго, чѣмъ давала то, что было въ ея власти, — то и правительству общество можетъ напомнить, что соловья баснями не кормятъ, что мало обѣщать, но надо и на самомъ дѣлѣ что-нибудь дать.

А. Н. Гучковъ говоритъ, что единственнымъ оправданіемъ мѣръ подавленія революціоннаго движенія можетъ служить „*безповоротная рѣшимость* правительства укрѣпить у насъ конституціонный строй и провести цѣлую систему конституціонныхъ реформъ". Но, можетъ быть, къ этому слѣдовало прибавить, что для этого

нужна *не одна рѣшимость, но и соотвѣтственная этой рѣшимости дѣятельность.* Конечно, правительство не можетъ издать новые законы, которые дѣйствительно бы охраняли принципы 17-го октября, не можетъ замѣнить временныя правила новыми; но оно можетъ исполнять ихъ въ предѣлахъ 17-го октября или, по крайней мѣрѣ, руководствуясь принципами Манифеста.

Вотъ съ этой точки зрѣнія несомнѣнно могутъ подлежать оцѣнкѣ не только мѣры благопожеланія, но и мѣры пресѣченія крамолы, а въ частности и новая организація военно-полевыхъ судовъ и ихъ практика.

По поводу этихъ судовъ А. И. Гучковъ говоритъ: „Я думаю, что даже распоряженіе о военно-полевыхъ судахъ не должно подрывать довѣріе къ той части правительственнаго сообщенія, которая излагаетъ систему положительныхъ мѣръ. Какъ ни сурова эта мѣра, но она можетъ оказаться необходимою въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся цѣлыя обширныя пространства нашего отечества. Есть вещи болѣе жестокія и страшныя, чѣмъ военные суды: это — вооруженный мятежъ, который приходится подавлять военной силой; это—междоусобная война, которая не знаетъ пощады; это — самосудъ, который своимъ источникомъ имѣетъ недостаточность репрессіи. Все дѣло въ томъ, какая установится практика, и носители этого страшнаго права должны сознавать ту громадную отвѣтственность, которая на нихъ возлагается“.

Но на чемъ покоятся эти надежды А. И. Гучкова на разумность и тактичность осуществителей этого страшнаго права? Что̀ дало особое распоряженіе: персоналъ суда исключительно изъ строевыхъ офицеровъ, безъ образовательнаго ценза, ускореніе и упрощеніе производства, въ смыслѣ устраненія гарантій для подсудимаго и еще большую децентрализацію jus vitae ac necis, т.-е. еще большее усиленіе возможности ошибокъ и произвола крупныхъ и мелкихъ администраторовъ, усиленіе случайности и неравномѣрности, нарушеніе основного принципа справедливости карательныхъ мѣръ.

Какова будетъ практика? Да она уже есть: въ томъ же № „Новаго Времени“, гдѣ помѣщено письмо А. И. Гучкова, сообщено нѣсколько примѣровъ равномѣрности: въ Одессѣ растрѣлянъ Тарло, 17-ти-лѣтній анархистъ-коммунистъ, виновный въ дѣланіи взрывчатыхъ снарядовъ, въ сопротивленіи властямъ и убійствѣ при его поимкѣ одного изъ полицейскихъ и пораненіи нѣсколькихъ; въ Маріуполѣ разстрѣлянъ Помогайбушъ, виновный

въ ограбленіи винной лавки и посягательствѣ на жизнь сидѣльца, а въ Москвѣ повѣшены четыре, изъ коихъ одному 19, двумъ — 20 лѣтъ и одному 21 годъ, за *покушеніе* на вооруженное ограбленіе зеркальнаго магазина Франка, т.-е., за дѣяніе, за которое, по старому уложенію (ст. 1641), могла бы быть назначена, даже въ случаѣ окончанія грабежа, какъ правильный maximum, каторга на шесть лѣтъ. Были ли эти послѣдніе молодые преступники закоренѣлые злодѣи? На это отвѣтъ даетъ ихъ возрастъ. Было ли учинено ими кровавое злодѣяніе, возмущающее нравственное чувство? Это ясно изъ существа учиненнаго ими. Остается признать очевидно, что такъ какъ,—а это видно изъ безчисленныхъ газетныхъ сообщеній,—убійцы, грабители, бросатели бомбъ въ 75% остаются неизвѣстными, или, будучи пойманными, упускаются небрежно исполняющими свои обязанности конвойными, то, значитъ, эти четверо несовершеннолѣтнихъ, не успѣвшіе или не умѣвшіе ни окончить задуманнаго грабежа, ни скрыться, были очистительною жертвою за другихъ; на нихъ, если можно такъ выразиться, было сорвано то безсиліе и безпомощность власти, о которыхъ говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ князь Касаткинъ-Ростовскій. Но какъ это жестоко и, боюсь, безцѣльно! А. И. Гучковъ полагаетъ, что новый ускоренный порядокъ упразднитъ еще худшее того—самосудъ и разстрѣлы. Но опять-таки въ томъ же № „Новаго Времени" помѣщено свѣдѣніе, что въ лифляндской губерніи, гдѣ уже дѣйствуютъ новые суды, генералъ-губернаторъ нашелъ необходимымъ возобновить карательныя экспедиціи. А далѣе? Можно ли хладнокровно читать газетныя извѣстія о дѣятельности полевыхъ судовъ? Мы съ волненіемъ и ужасомъ говорили весною о числѣ смертныхъ казней, бывшихъ у насъ въ 1906 г., а ихъ было только 34 за четыре мѣсяца. А теперь? .... по пятнадцати, двадцати казней на день. Въ теченіе какой-нибудь недѣли болѣе ста смертей по судебнымъ приговорамъ. Кровь, кровь и кровь... Но изъ крови и смерти не возникнетъ успокоеніе.

Н. Таганцевъ.

ВЪ ГОРАХЪ НОРВЕГІИ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

XIII *).

Ромсдаль—волшебное видѣніе, жемчужина среди другихъ сокровищъ Норвегіи, долина красоты!..

Она прошла передъ нами отъ скромнаго своего начала въ пустыняхъ Лесье до соленыхъ водъ фіорда.

Въ ея божественной красотѣ было что-то цѣльное, стройное, законченное, какъ въ художественномъ созданіи. Подъ бирюзовымъ небомъ, подъ яркимъ солнцемъ, развернулась она передъ нами и улыбнулась безсмертной улыбкой...

Послѣ печали и заброшенности Доврэ, какъ чудно-хороши казались шумные лиственные лѣса по южнымъ склонамъ горъ! Узкою лентою вилась подъ ними долина съ зеленой рѣзвой Раумой, а справа почти отвѣсно поднимались такія же высокія горы, поросшія смѣшаннымъ лѣсомъ.

Раума неслась отъ насъ прочь со своими водопадами. Въ одномъ мѣстѣ она низвергалась со скалъ большимъ и бѣшенымъ паденіемъ. Что это было за чудо! Прозрачность зеленой воды, снѣжные сугробы пѣны, столбомъ водяная пыль, — радуги, радуги безъ конца,—въ воздухѣ, въ глубинѣ подъ уступами,—звонкій шумъ, пѣнье и гудѣнье, стремительный полетъ, водоворотъ внизу,

*) См. выше: октябрь, стр. 688.

яростное кипѣнье, и—нѣсколько саженъ ниже—тихое журчанье по камешкамъ, успокоеніе, нѣга...

Это чудо совершалось около самой дороги, въ десяти шагахъ отъ нея. Съ вышины же нагорій,—внизъ съ высоты въ 1.000 метровъ,—валились справа и слѣва потоки и рѣчки этихъ нагорій то огромнымъ, бѣшенымъ и гудящимъ водопадомъ, то снѣжными струйками одна возлѣ другой.

Лиственные лѣса кончались. Передъ нами и съ обѣихъ сторонъ вставали высочайшія каменныя стѣны, скудно поросшія соснами. По сѣрому камню этихъ горъ и низвергались повсюду водопады: то широкіе, то струйками, летѣли они сверху, разлетались брызгами, такъ что мѣстами у сѣрой каменной стѣны видна была одна только игра воздушной яркой радуги.

Наверху на гребняхъ горъ лежалъ снѣгъ, а лѣса по крутизнѣ казались мелкимъ зеленымъ мхомъ.

Ромсдаль подъ прямымъ угломъ заворачиваетъ на западъ. Открывается великолѣпный видъ на горную цѣпь Трольтиндъ, жилище волшебниковъ-троллей. Да,—это поистинѣ замокъ горныхъ духовъ; зубцы и башни охраняютъ его и грозно высятся подъ голубымъ небомъ на непостижимой высотѣ.

Это—слѣва.

Справа же стоятъ стѣною свѣтло-сѣрыя горы, и за ними Рогъ Ромсдаля поднимаетъ свое очаровательное и смѣлое остріе. Рогъ Ромсдаля точно смотритъ на Трольтиндъ напротивъ и хочетъ одинъ помѣриться со всѣми исполинами-сосѣдями, бросаетъ имъ дерзкій вызовъ.

Только одни Венгетинды превосходятъ по высотѣ Рогъ Ромсдаля; но ихъ изъ глубины долины не видать, они стоятъ дальше къ сѣверу.

Повсюду на горахъ снѣгъ. Внизу лежитъ сползшій съ высоты маленькій глетчеръ—*брэ*. Изъ его круглаго отверстія внизу сочится ледяная струя.

Эти отвѣсныя каменныя твердыни—знаменитые гнейсы Ромсдаля.

Нѣкогда вдоль всего побережья нынѣшней Норвегіи тянулись горы-великаны, подобные южно-американскимъ Андамъ. Огромные вулканы извергали свое огненное нѣдро и колебали почву. Потомъ настала ледниковая эпоха, и вся Норвегія застыла тѣмъ сномъ ледяного окоченѣнія, какимъ теперь спитъ мало извѣстная и, можетъ быть, дивно-прекрасная Гренландія. Потомъ ледяная броня стала сползать къ югу, и тогда вершины горъ стерлись и съ теченіемъ времени обратились почти въ

плоское нагорье съ глетчерами, снѣговыми полями, съ высокими „рогами“ и „зубцами“. Такъ остался Рогъ Ромсдаля одинокимъ патріархомъ среди новой жизни и новыхъ горъ.

У подножія этого гордаго острія долина круто заворачиваетъ на западъ. На загибѣ долины человѣкъ распахалъ немножко земли, и какъ-то странно видѣть здѣсь это мирное золотое поле ржи, и жницъ съ блестящими серпами, и первые снопы,—когда тутъ же сурово высятся первозданные кряжи горъ...

Насъ угощаютъ на прощанье малиной съ молокомъ, и эта малина тоже удивительная — мелкая и чистая какъ жемчугъ, мягкая, душистая, нѣжная...

Но сердце Іонаса неспокойно. И лошади уже чуютъ близость Нэса и нетерпѣливо бьютъ копытами. Итакъ, мы ѣдемъ. Ѣдемъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ уже нѣтъ дороги ни справа, ни слѣва, а она проложена у самаго русла Раумы. Мы ѣдемъ мимо ужасающихъ обваловъ; глыбы величиною съ домъ загромождаютъ узкую долину и въ теченіе вѣковъ уже успѣли обрости соснами. Невольно взоръ прикованъ къ высотамъ и ждетъ — вотъ-вотъ отвалится еще кусокъ горы...

Наконецъ, мы огибаемъ Рогъ Ромсдаля и изъ суроваго, темнаго, страшнаго ущелья выбираемся въ широкую, сравнительно говоря, долину. Лошади рѣзво бѣгутъ по отличной дорогѣ,—опять роскошные лиственные лѣса, слѣва Трольтиндъ кончается, изъ глубины узкой долины начинается новая красивая цѣпь горъ; это — Истердаль съ его *Епископомъ*, *Королемъ* и *Королевой*, и всѣ трое въ снѣжныхъ шапкахъ, а такъ какъ солнце уже заходитъ и свѣтитъ въ упоръ, то ихъ каменныя грани кажутся серебряными...

Я смотрю на широкую и спокойную Рауму — да погодите, развѣ это рѣка, такая темная и глубокая?.. Я спрашиваю Іонаса. Такъ! это уже фіордъ, уже кусочекъ океана!.. Такъ незамѣтно успокоилась буйная горная рѣчка въ соленой и глубокой вѣтви моря.

Долина все расширяется; великолѣпныя деревья окаймляютъ дорогу, которая мила близкимъ достиженіемъ цѣли. Повсюду желтая высокая рожь, зеленые луга. Прямо передъ нами не видно открытаго океана. Фіордъ Ромсдаля змѣится между горами, и намъ кажется, будто эти горы совершенно преградили путь водѣ. Онѣ громоздятся другъ надъ дружкой тѣсно и причудливо, а надъ ними пылаютъ огромныя красныя тучи, тяжелыя океанскія тучи.

И вотъ, наконецъ, Нэсъ,—кучка домовъ у фіорда. Мы оста-

навливаемся у гостинницы. Вдали тѣснятся горы, только-что нами покинутыя, и надъ ними гордо стоитъ, разрѣзая розовыя облачка, Рогъ Ромсдаля.

XIV.

Пусто въ Нэсѣ. Хозяинъ гостинницы съ сожалѣніемъ вспоминаетъ разгаръ сезона, когда въ день пріѣзжаетъ въ Ромсдаль около 80-ти экипажей. Я же теперь только постигаю все свое счастье и ту бѣду, какая ждала бы меня мѣсяцъ тому назадъ!..

Послѣ отдыха въ Нэсѣ я уѣзжаю позднимъ вечеромъ на маленькомъ пароходѣ изъ Ромсдаль-фіорда въ Мольде-фіордъ. Городъ Мольде недолго задерживаетъ меня. Тучи заволокли небо и море,—ничего не видать изъ великолѣпной панорамы горъ. И океана я такъ и не увижу!

Послѣ столь долгаго скитанія въ горахъ наединѣ съ природою страннымъ кажется ходить по улицамъ, видѣть магазины, тротуары, горожанъ. Хотя и красивъ маленькій городъ, несмотря на ненастье, но долго оставаться въ немъ не хочется. Опять тянетъ въ пустыни горъ, которыя даютъ душѣ такое чудное успокоеніе...

Невыразимая прелесть Норвегіи и состоитъ въ томъ, что можно ѣхать недѣли и не видѣть ни одного города. Въ то время какъ въ Швейцаріи рядомъ съ величественными альпійскими пустынями ютятся большіе города,—здѣсь природа царитъ въ гордомъ одиночествѣ и терпитъ человѣка только какъ случайное и единичное явленіе.

Мы покинули Мольде, такъ и не увидѣвъ знаменитой панорамы горъ. Тяжелыя темносѣрыя тучи упрямо лежали надъ самымъ фіордомъ, и все было окутано ими.

Позднею ночью мы отчалили отъ берега. Горсточка огоньковъ во тьмѣ уплывала отъ насъ все дальше прочь, а мы погружались въ кромѣшный мракъ. Въ темносѣрыхъ тучахъ кое-гдѣ прорѣзывались черныя громады, потомъ въ этихъ черныхъ громадахъ выдѣлился просвѣтъ — это Мольде-фіордъ уходилъ дальше на сѣверъ широкой вѣтвью. Мрачная даль, холодъ, пустынность и тьма, а нашъ маленькій пароходъ ныряетъ по волнамъ и куда-то мчится; кругомъ шумитъ вѣтеръ и бьетъ въ лицо соленымъ воздухомъ океана.

Мы пристаемъ ночью къ черному берегу, гдѣ бѣгаютъ черныя фигуры съ фонарями. Сходимъ на пристань, загроможден-

ную товарами, по темной дорогѣ между кустами плетемся въ гору, къ невидимой гостинницѣ.

Утромъ та же пристань и фіордъ оказываются восхитительными, и приходится досадовать на себя за то, что каріоль заказана уже съ вечера и нельзя остаться здѣсь хотя бы на денекъ.

Каріоль уже у дверей. Я сажусь. Узкое сидѣнье, сзади привязанъ чемоданчикъ и сидитъ на торчкѣ *шюссъ* (кучеръ).

Мы уѣзжаемъ изъ Вестнэса. Нашъ путь лежитъ прямо на югъ. Намъ нужно еще сегодня попасть въ слѣдующій фіордъ, почти параллельный Мольде-фіорду. Въ Стурфіордѣ сегодня отходитъ пароходъ (послѣдній по лѣтнему росписанію) вглубь страны, въ послѣднюю вѣтвь—фіордъ Гейрангеръ.

Итакъ, мой „шюссъ" постоянно поглядываетъ на часы и погоняетъ лошадку.

Однако дорога убійственная. Легкая каріоль подпрыгиваетъ на ухабахъ, лошадь выбивается изъ силъ и плетется шагомъ. Нечего дѣлать. Пускай пароходъ уйдетъ себѣ, когда ему полагается, а мы, очевидно, не поспѣемъ.

Славный малый оказывается мой шюссъ. Мы много говоримъ, и мнѣ ничуть не жаль, что пароходъ уйдетъ безъ насъ.

Мой шюссъ только-что вернулся домой въ Вестнэсъ съ лѣтнихъ военныхъ сборовъ. Въ Норвегіи постояннаго войска, кромѣ гарнизона нѣсколькихъ крѣпостей и королевской гвардіи—нѣтъ. Зато всѣ мужчины съ 22-хъ лѣтъ составляютъ милицію или народное ополченіе. Исключеніемъ являются только пасторы и лоцманы.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій за мною на узкомъ облучкѣ, служилъ уже второй годъ. Въ прошломъ году онъ долженъ былъ провести въ лагеряхъ 48 дней, въ нынѣшнемъ и въ будущемъ служба ограничивалась всего 24 днями.

Онъ съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ эти три недѣли, проведенныя съ товарищами въ баракахъ, на открытомъ воздухѣ, въ военныхъ упражненіяхъ. Такъ какъ народная школа даетъ прочное образованіе и отлично развиваетъ тѣло гимнастикой, то ополченцамъ на службѣ приходится учиться только однимъ военнымъ пріемамъ.

Мой шюссъ, однако, совсѣмъ не отличался воинственнымъ духомъ и даже къ жгучему вопросу объ уніи относился равнодушно. У него, какъ оказывалось, было много друзей среди шведовъ, жившихъ въ этой мѣстности, и, какъ я могла догадаться, онъ былъ страстный морякъ въ душѣ и для земли у него особенныхъ интересовъ не имѣлось.

Мы ѣдемъ вдоль узенькаго фіорда, гдѣ на берегу люди заняты постройкою большихъ лодокъ. Эти лодки или шкуны приводятъ въ восхищеніе моего шюсса, и онъ объясняетъ мнѣ ихъ прочность и другія достоинства.

Потомъ фіордъ кончается, мы ѣдемъ долиною. Это—такая безотрадная пустыня, какъ будто мы вернулись къ нагоріямъ Доврэ.

Съ обѣихъ сторонъ горы, богато-лѣсистыя, съ водопадами. Долина широкая, но вовсе не заселенная. Одинокій „гордъ" стоитъ въ сторонѣ, а потомъ на десятки километровъ—ни единаго. Болото съ кочками и грядами холмовъ, заваленное гранитными валунами, уныло тянется верста за верстою. Стоитъ ржавая вода въ низинахъ, растетъ низкій ягодный кустарникъ: черника, брусника; краснѣетъ лиловатый верескъ. Ни единаго дерева.

Только-что въ Ромсдалѣ и въ Мольде мы восхищались высокими, развѣсистыми деревьями, любовались липами, каштанами, кленами и размышляли о богатствѣ растительности здѣсь на 63° широты; а теперь мы видимъ чуть ли не тундру, между тѣмъ какъ ѣдемъ прямо на югъ, и близость теплаго океана осталась одинаковой.

Это была картина полной пустынности, одичанія, скудости и холода. Моросилъ дождь, и тоскливое впечатлѣніе усиливалось.

На мои разспросы: почему здѣсь нѣтъ „гордовъ", воздѣланныхъ полей и луговъ, шюссъ отвѣчалъ, что очень трудно здѣсь одному человѣку бороться,—пришлось бы отводить воду, высушивать болото,—для этого нужны капиталы.

Онъ шелъ за экипажемъ, чтобы облегчить лошади подъемъ; мнѣ тоже надоѣло возсѣдать на каріоли. Такъ прошли мы версты двѣ.

— Видите,—указалъ онъ мнѣ направо,—тамъ подъ горою усадьба и распаханное поле? Я знаю этого крестьянина. Его отецъ надорвался здѣсь и умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Теперь сыну уже легче, а все-таки не сладко. Посмотрите, кругомъ пустыня,—каково здѣсь жить!

— Не понимаю. По вашему малоземелью эта равнина — кладъ. Зачѣмъ биться одному человѣку? Развѣ нельзя артелью? Вѣдь есть же у васъ и „общество для развитія Норвегіи", и всякія ссуды выдаются правительствомъ,—какъ это не найдется людей, чтобы сообща высушить и обработать эти земли? Вѣдь и здѣсь возможна культура. Издали видно, что у вашего знако-

маго рожь не хуже, чѣмъ въ Ромсдалѣ. И если въ Мольде есть каштаны, то, значитъ, и здѣсь могутъ быть каштаны. Или, если эта равнина лежитъ выше, то по крайней мѣрѣ—березы.

— Одному человѣку невозможно,—упрямо повторилъ шюссъ.

Въ этомъ отвѣтѣ сказывалась основная черта норвежца, котораго вѣковая одинокая жизнь пріучила къ независимости и гордой самостоятельности. Много разъ случалось мнѣ замѣчать въ характерѣ людей, которые попадались, упрямое стремленье никому не обязываться, кромѣ себя, ни къ кому не обращаться за содѣйствіемъ и помощью.

Поэтому идея объ общинѣ или артели никогда не встрѣчала ничего кромѣ отпора и равнодушія, несмотря на то, что норвежцы очень цѣнятъ кооперативныя формы, потребительныя общества, и заводятъ ихъ вездѣ, гдѣ только можно. Въ своемъ же „гордѣ“ и на своей маленькой пашнѣ норвежецъ хочетъ быть независимымъ господиномъ и ревниво оберегаетъ свои права.

Пустынное озеро со стадами дикихъ утокъ замыкало собою унылую тундру. Передъ нами стояли горы. Мы обогнули ихъ, и тотчасъ природа приняла совершенно другой видъ.

Дорога быстро спускалась внизъ; рядомъ бѣжала рѣчка съ водопадами; потомъ пошли густые лѣса; зажиточные „горды“ весело смотрѣли изъ зелени деревьевъ. Потомъ мы проѣхали нѣсколько верстъ великолѣпнымъ лѣсомъ, и когда онъ кончился, то очутились у Стурфіорда.

Бѣлая церковка на холму, повсюду зажиточныя усадьбы съ красивыми домами, чудный фіордъ окаймленъ невысокими волнистыми горами.

Это мѣстечко Сёхольтъ напоминало только-что оставленный нами Вестнэсъ своей изящной и тихой прелестью. Горы были такъ невысоки и фіордъ такъ раскидистъ, что получалась привольная и широкая картина.

Къ довершенію удовольствія, пароходъ опоздалъ, и мой шюссъ съ торжествомъ подвезъ меня къ пристани въ ту минуту, когда онъ давалъ первый свистокъ.

XV.

Какая жалость, что дождь! Какъ очаровательно-милы и веселы, должно быть, эти мѣста въ ясную погоду!

Но дождь все сильнѣе; нашъ бѣлоснѣжный пароходикъ свиститъ послѣдній разъ хриплымъ свистомъ, и мы плывемъ по Стурфіорду подъ отчаяннымъ ливнемъ.

На палубѣ наводненіе; холодъ и вѣтеръ. Примостившись кое-какъ подъ навѣсомъ, смотрю, какъ мы углубляемся въ фіордъ, какъ мѣняются и растутъ въ высь берега.

Американская медвѣжья шуба наконецъ пригодилась, и какъ еще! Только въ ней и можно сидѣть въ этомъ пронизывающемъ холодѣ и сырости. Кромѣ меня на палубѣ почти никого нѣтъ. Выйдутъ наверхъ, обойдутъ пароходъ, полюбуются на берега, бросятъ взглядъ зависти на мою шубу и окоченѣлые спускаются поскорѣе внизъ...

Стурфіордъ чѣмъ дальше, тѣмъ великолѣпнѣе. Если теперь, въ эту адскую погоду, нельзя оторваться отъ его царственной красоты, то что же онъ въ ясный день, на зарѣ, или въ свѣтлый вечеръ!

Справа и слѣва высятся огромныя отвѣсныя стѣны горъ, темныя, грозныя и почти голыя крутизны.

Я знаю, что глубина фіорда достигаетъ 1.000 и даже болѣе метровъ. Эта отвѣсная стѣна и подъ водою такъ же прямо обрывается внизъ и на огромной глубинѣ соединяется съ сосѣднею стѣною. Еслибы какая-нибудь сила могла сдвинуть оба берега, то гора къ горѣ пришлась бы такъ точно, какъ два листа полураскрытой книги. И когда мы закидываемъ голову, чтобы видѣть вершину берегового кряжа, то мы измѣряемъ взоромъ только половину этой стѣны: другая половина ея скрыта подъ темнозелеными водами фіорда.

Какая исполинская сила могла расщепить на такія разсѣлины, на тысячи такихъ разсѣлинъ эти первозданныя горныя громады? Внезапно ли содрогнулась земля и раскололась, дала тысячи трещинъ, въ которыя хлынуло соленое море тысячью фіордами? Или, какъ говорятъ другіе ученые, эти провалы въ 2.000 метровъ глубины и болѣе—работа ледниковъ, медленная и разрушительная работа ледяныхъ скользящихъ массъ, которыя выдолбили на своемъ пути такія пропасти?

Впечатлѣніе отъ Стурфіорда поразительное. Все забываешь,—и дождь, и нестерпимый холодъ. Жалѣешь только о томъ, что маленькій пароходъ такъ скоро бѣжитъ. Еслибы онъ не такъ торопился! Еслибы остановиться здѣсь, подольше вглядѣться въ эту картину!

Какъ уже не разъ бывало,—жалко такъ мимоходомъ познакомиться съ мѣстами, которыхъ потомъ уже никогда, можетъ быть, не увидишь.

Мы ѣдемъ и ѣдемъ. Справа, на уступѣ голой горы лѣпится человѣческое жилье: домъ, стабуръ, хлѣвъ; подлѣ—кусочки рас-

паханной земли... Жалость смотрѣть на эту отчаянную попытку кормиться на голомъ камнѣ!

То справа, то слѣва, каменная стѣна раздвигается, уходитъ въ даль узкой какъ трещина долиной. Мѣстами горы пониже и покрыты скуднымъ сосновымъ лѣсомъ. Нашъ пароходъ даетъ свистокъ, съ берега къ намъ подъѣзжаетъ скорлупка-лодка, сходитъ пассажиръ, и мы видимъ, какъ лодка отчаливаетъ и прыгаетъ по волнамъ.

Цвѣтъ воды въ фіордѣ—глубоко-зеленый, точно самый темный изумрудъ. Воображаю, каковъ этотъ свѣтъ въ ясную погоду!

Фіордъ развѣтвляется. Налѣво уходитъ главный его рукавъ въ рамкѣ высокихъ горъ съ прекрасными очертаніями. Мрачно, великолѣпно. Мы же загибаемъ направо въ Сюнэльфъ-фіордъ и вступаемъ въ такое узкое мѣсто, какого еще и не было.

И тутъ начинается царство водопадовъ.

Вѣдь эти громадныя стѣны—обрывы нагорій. Въ нагорьяхъ ледники, снѣга, озера, болота, рѣки. И эти рѣки, рожденныя въ заоблачной выси, валятся внизъ съ обрыва въ фіордъ.

Водопады и справа, и слѣва. Широкіе и узкіе, висятъ они въ воздухѣ, и кажется, будто они только слегка цѣпляются за камень горъ. За высотою не слышно шума ихъ паденія, виденъ только снѣгъ ихъ пѣны, длинныя и прерывистыя нити, то шире, то уже. И вся эта бѣлизна отражена по прямой линіи внизъ въ темномъ изумрудѣ фіорда.

Мы оставляемъ слѣва щель Гейрангера, куда идетъ нашъ путь, и ѣдемъ пока дальше впередъ, до конца фіорда, который упирается въ подошву горы; какъ на блюдечкѣ лежитъ маленькое селенье Хеллесюльтъ, съ большимъ чудеснымъ водопадомъ рѣки Сюны, и мы слышимъ эту буйную, оглушительную пѣсню.

Дождь, къ счастью, перестаетъ. Холодный вѣтеръ разгоняетъ тучи. Онѣ поднимаются выше горъ, и хотя погода остается мрачной, все-таки лучше можно видѣть окрестность.

Мы ѣдемъ назадъ и загибаемъ въ самое узкое развѣтвленіе Стурфіорда—въ Гейрангеръ.

Намъ предстоитъ проѣхать 20 километровъ.

Такой длинной вѣтвью змѣится Гейрангеръ. Восочайшія и совершенно отвѣсныя горы сжали его въ своихъ каменныхъ стѣнахъ. Скалы голыя, темно-сѣрыя и коричневыя. Отовсюду летятъ стремглавъ водопады.

Въ одномъ мѣстѣ насчитываю девять водопадовъ рядомъ; одинъ изъ нихъ, богатый водою, падаетъ снѣжными сугробами

и потоками, и этотъ снѣгъ великолѣпно отраженъ въ изумрудѣ фіорда. Вмѣстѣ съ нимъ отражаются и желтоватая зелень, и каменные бока этой горы, — волшебно и поразительно.

Передъ нами вырастаетъ прямой утесъ съ выгибомъ и надвигается все ближе; а справа, по такой же прямой стѣнѣ, летятъ внизъ струи знаменитаго водопада „Семь сестеръ". Мрачная и узкая тѣснина... Оборачиваюсь назадъ. Стиснутый голыми горами изумрудный фіордъ, по стѣнамъ его — безъ числа водопады, а позади царятъ высочайшія ледяныя громады, и ярко бѣлѣютъ льды и снѣга на сѣромъ небѣ.

За прямымъ утесомъ фіордъ расширяется и кончается.

Мы огибаемъ гору, передъ нами открывается широкая котловина между высочайшими горами—амфитеатромъ.

Внизу, у самой волны—селенье Мерокъ, съ бѣлой церковью повыше на холмѣ, и тутъ же распаханныя поля, желтѣющая рожь,—и опять сердце сжимается жалостью при видѣ этой отчаянной борьбы человѣка съ камнемъ, при видѣ этой бѣдной землицы въ царствѣ базальта и гранита. Въ своемъ царственномъ величіи и красотѣ природа Гейрангера не знаетъ человѣка, она враждебна ему, она живетъ въ невозмутимомъ сіяніи и въ мрачныхъ снахъ своею особенной жизнью, для нея, какъ для божества, тысячелѣтія—только мигъ. Какое же ей дѣло до жалкихъ мгновенныхъ созданій, которыя копошатся внизу у фіорда?

XVI.

Въ огромной гостинницѣ Мерока,—большомъ сосновомъ сараѣ, разсчитанномъ на сотни туристовъ, лежитъ въ сѣняхъ на столикѣ книга для путешественниковъ. Я вписываю, по обычаю, свое имя и тотъ городъ, откуда я: *Москва*. Странно выдѣляется это словечко среди другихъ записей и кажется чѣмъ-то далекимъ, почти сказочнымъ—даже и мнѣ! Тутъ страницы пестрятъ англійскими и нѣмецкими городами, то-и-дѣло попадаются гордыя три буквы U. S. A. (United States America) и какое-нибудь названіе, пахнущее преріями и привольемъ великаго континента. Попадаются путешественники даже изъ Зеландіи и съ Капа, такъ-что англійскія имена преобладаютъ рѣшительно надъ всѣми иными.

„Сезонъ" уже кончился, и швейцару гостинницы скучно.

Онъ смотритъ изъ-за моего плеча, какъ я пишу въ книгѣ, и вдругъ съ веселымъ восклицаніемъ хлопаетъ меня по плечу и куда-то бѣжитъ, а затѣмъ является съ газетой.

— Миръ! вы знаете, что у васъ миръ?—говоритъ онъ мнѣ.

Въ моихъ скитаніяхъ по горамъ только разъ мнѣ попалась газета, и тамъ кромѣ мрачныхъ предсказаній не было ничего. Я беру „Aftenposten“ изъ его рукъ и съ радостью читаю послѣднія телеграммы.

Къ намъ подходитъ англичанинъ, пріѣхавшій съ тѣмъ же пароходомъ. Завязывается разговоръ о внутреннемъ положеніи Россіи. Швейцаръ оказывается страстнымъ политикомъ. И чѣмъ больше я говорю о нашемъ освободительномъ движеніи, тѣмъ больше воспламеняется и онъ, опять хлопаетъ меня по плечу и говоритъ, что онъ очень радъ, что у насъ думаютъ и чувствуютъ какъ разъ такъ, какъ онъ самъ всегда думалъ. Англичанинъ (должно быть, человѣкъ „простого званія“) принимаетъ самое дружеское участіе въ этомъ непринужденномъ разгорѣ, такъ что черезъ полчаса я оставляю ихъ обоихъ въ горячемъ спорѣ о Рузвельтѣ.

Одинаковая любовь къ свободѣ обращаетъ швейцара въ моего покровителя.

Онъ безпокоится о моемъ дальнѣйшемъ путешествіи, и самъ идетъ отыскивать экипажъ.

Дорога мнѣ предстоитъ черезъ высоты нагорья въ 1.000 метровъ, дорога длинная и страшно утомительная. Ею мнѣ нужно вернуться въ ту самую Отту, откуда мы выѣхали недѣлю тому назадъ.

Можно ѣхать на перекладныхъ, то-есть взять каріоль-трясучку съ шюссомъ, и на станціяхъ мѣнять повозку и кучера. Но швейцаръ объявляетъ, что мнѣ ѣхать такъ три дня—невозможно. Онъ скоро является съ высокимъ человѣкомъ съ добродушнымъ и открытымъ лицомъ; на форменной фуражкѣ я съ радостью читаю: Iversen, vognmand,—имя того экипажнаго хозяина въ Оттѣ, который такъ хорошо устроилъ мнѣ путь по Ромсдалю.

Оказывается, это работникъ того же Иверсена, и онъ стоитъ въ Мерокѣ въ ожиданіи обратныхъ пассажировъ. И ему, и мнѣ это какъ нельзя болѣе пріятно. Меня ведутъ во дворъ, показываютъ отличную четырехъ-мѣстную коляску и пару добрыхъ, отдохнувшихъ лошадокъ. Мы сговариваемся въ цѣнѣ, и рѣшаемъ, что пустимся въ дорогу завтра очень рано поутру.

Крѣпко пожавъ руку моему будущему возницѣ, я отправляюсь безъ заботъ о дальнѣйшемъ — смотрѣть тѣ дивныя мѣста, куда меня закинула судьба.

Когда нашъ маленькій пароходъ причалилъ внизу у при-

стани и мы всѣ, пассажиры, отправились въ гору пѣшкомъ до гостинницы, — уже тогда картина вокругъ поразила меня необычайно.

Теперь я стою передъ нею въ смятеніи и смотрю, смотрю безъ конца.

Представьте себѣ кончикъ извилистаго фіорда, сжатаго горами, который опирается въ широкій полукругъ непостижимо-высокихъ горъ. Этотъ амфитеатръ горъ почти цѣльнымъ кольцомъ стоитъ надъ фіордомъ, спускаясь къ водѣ то круто, то отлогимъ скатомъ. Если стать къ этому амфитеатру лицомъ, то передъ вами на невѣроятной вышинѣ прямо торчитъ остріе горы, и справа и слѣва отъ нея такія же острія уходятъ въ высь за тучи.

Эта огромная котловина, буквально, вся кипитъ водопадами. Первое впечатлѣніе и было чего-то бѣшенаго и стремительнаго.

Огромный бѣлый водопадъ мчится прямо съ высоты; на своемъ пути въ нѣсколько верстъ онъ не отдыхаетъ, онъ весь въ пѣнѣ, онъ бѣшено гремитъ и бьется какъ бы въ отчаяніи; а слѣва стонетъ и гудитъ еще одинъ, такой же большой, онъ сливается съ главнымъ и при ихъ сліяніи происходитъ что-то неописуемое,— стонъ, громъ, яростное кипѣнье... Такіе же водопады валятся и справа, ихъ даже пересчитать нельзя,—куда ни взглянешь, все бѣшеныя пряди воды, все это мечется, гремитъ, бурлитъ снѣжными сугробами, которые такъ и кружатся, какъ въ колесѣ.

Ничего подобнаго не можетъ себѣ представить самая яркая фантазія.

Небо было мрачно; грозныя тучи ходили надъ нами, стлались темными островами надъ вершинами, спускались ниже, такъ что острыя грани горъ высились надъ ними, какъ видѣнія. И въ этомъ мрачномъ освѣщеніи зловѣще клокотали и ревѣли водопады, зловѣще бѣлѣла снѣжно-бѣлая пѣна, вода рвалась съ сокрушительной, злобной мощью, и казалось непонятнымъ, почему же былъ такъ спокоенъ изумрудный фіордъ, какъ могъ онъ быть такимъ невозмутимымъ, когда въ него, въ его нѣдра ввергалась вся эта бѣшеная гремящая масса водъ?

Особенно страшно было стоять на проволочномъ, шаткомъ мостикѣ, перекинутомъ надъ сліяніемъ двухъ водопадовъ невдалекѣ отъ нашей гостинницы.

Подъ нами гремѣлъ и мчался по скаламъ внизъ тотъ и этотъ водопадъ; потомъ они бросались другъ на друга, какъ звѣри впиваясь своими бѣшеными снѣжными лапами; потомъ происходила какая-то головокружительная свалка, и наконецъ всѣ воды

вмѣстѣ мчались дальше по скаламъ, прыгая и перегоняя одинъ снѣжный вихрь за другимъ.

Всю ночь гудѣлъ и гремѣлъ воздухъ вокругъ нашей гостинницы и врывался въ сонъ безпокойными видѣніями.

Утромъ сквозь темныя тучи кое-гдѣ проявилась лазурь. Погода обѣщала быть получше.

Передъ гостинницей уже стоялъ мой экипажъ. Швейцаръ не зналъ, какъ и выразить все свое расположеніе,—хлопоталъ и о моемъ завтракѣ, и о вещахъ, высушилъ мою американскую шубу и съ какой-то нѣжностью отнесъ ее въ коляску, вѣроятно думая, что и она—изъ той страны, которая героически борется за свободу... Однимъ словомъ, меня провожали съ родственными чувствами; явился и хозяинъ, и вчерашній англичанинъ, всѣ жали мнѣ руку и желали счастья, счастья Россіи. Нашъ экипажъ уже двинулся, мы поднялись зигзагомъ на верхнюю дорогу, а они все стояли и помахивали шапками.

Итакъ, — опять горный путь, опять лошади дружно бѣгутъ по гладкому шоссе, опять можно откинуться на мягкомъ сидѣньи и предать себя ровному движенію!

Вокругъ насъ гудятъ и валятся водопады, ходятъ тучи, зацѣпляютъ за гребни горъ. О, какъ высоки онѣ, какъ неприступны, угрюмы!

Въ ложбинѣ котловины распаханы поля; они желтѣютъ зрѣлой жатвой, еще не снятой. Кое-гдѣ „горды“, робкія жилища человѣка среди враждебной и буйной природы.

Мой кучеръ сейчасъ же начинаетъ разговоры. Онъ смотритъ на меня съ добрѣйшей улыбкой и указываетъ кнутомъ наверхъ, на гору, между тѣмъ какъ лошади шагомъ одолѣваютъ крутой подъемъ.

— Видите тамъ „гордъ“?

Смотрю, смотрю, — ничего нельзя различить! Вынимаю бинокль. Такъ и есть! На невѣроятной кручѣ точно спичечная коробочка, а рядомъ—еще меньше. Какой сумасшедшій могъ забраться туда, выше облаковъ?

— Тамъ живетъ одинъ человѣкъ, хитрый, — говоритъ мой кучеръ.—Знаете, что онъ сдѣлалъ? Сбилъ лѣстницу, приставилъ ее тамъ, забрался наверхъ. Тамъ оказалась земля, годная для пахоты. Неизвѣстно, какъ онъ забралъ туда плугъ и лошадь, вспахалъ, засѣялъ. Потомъ, представьте себѣ, построилъ и домъ, и все, что нужно. Сталъ жить. Дорогъ туда нѣтъ никакихъ. Лазаютъ туда и онъ, и его семья по лѣстницѣ. Пришло время платить подати. Наше мѣстное начальство смотритъ туда и гово-

ритъ: „Что же *онъ* податей не платитъ?“ Послали туда человѣка. Какъ бы не такъ! Тотъ взялъ, втащилъ свою лѣстницу къ себѣ наверхъ и сидитъ себѣ. Попасть къ нему нѣтъ никакой возможности. Такъ и ушли. А тотъ говоритъ: „За что же я буду платить налоги? Я самъ себѣ завоевалъ этотъ клочокъ земли, и никому ничѣмъ не обязанъ... Оставьте меня въ покоѣ!“ Такъ и живетъ тамъ, какъ царь!

Я отъ души смѣюсь этой чисто-норвежской исторіи, и съ новымъ интересомъ смотрю на орлиное гнѣздо гордаго „царя“.

XVII.

Подъемъ, который намъ приходится одолѣвать, даже въ Норвегіи является единственнымъ.

Представьте себѣ, что длина дороги отъ Мерока внизу до надгорья вверху — почти 30 километровъ. Въ воздухѣ же разстояніе между этими двумя пунктами—меньше 6 километровъ. А высота между ними 1.000 метровъ слишкомъ.

Дорога наверхъ по такой крутизнѣ есть чудо инженернаго искусства. Она вьется и поднимается зигзагами мимо бѣшеныхъ водопадовъ, переходитъ черезъ нихъ на мостахъ, извивается между скалистыми отрогами все выше и выше.

Вотъ подъ нами внизу великолѣпный зеленый фіордъ и горсточка игрушечныхъ домиковъ—это Мерокъ. Съ двухъ сторонъ горы, вершины ихъ виднѣются надъ облаками въ непостижимой высотѣ. Въ котловинѣ внизу—воздѣланныя поля, усадьбы. Сверху котловина эта оказывается широкой и просторной. Дорога образуетъ смѣлый узелъ, потомъ уходитъ вверхъ пятью поворотами—одинъ надъ другимъ. Потомъ ѣдемъ вглубь складки между горами.

Крутизна подъема ярче всего видна по растительности.

Внизу въ Мерокѣ стояли отличныя деревья,—высокія березы, тополи, осины. Теперь же деревья пропали.

Голая мѣстность окружаетъ насъ. Скалы и склоны горъ поросли мелкимъ кустарникомъ; рыжіе папоротники, черника и брусника, скудная жалкая трава...

Здѣсь уже нѣтъ усадебъ, все пустынно и безмолвно.

Только видны коровы и козы, слышны ихъ колокольчики, мычаніе, блеянье. Это — стадо бродитъ возлѣ сэтера. А вотъ и двѣ избушки сэтеровъ, маленькія и потемнѣвшія отъ времени, съ вихрастыми дерновыми крышами. Въ дверяхъ одного изъ

сэтеровъ показывается миловидная дѣвушка съ вязаньемъ въ рукахъ.

Нашъ путь идетъ еще дальше, гдѣ уже и сэтеры пропадаютъ. Мы огибаемъ длиннымъ полукругомъ вершину горы. Послѣдній разъ открылся внизу зеленый маленькій фіордъ тонкой змѣйкой. Мерокъ виденъ только въ бинокль, и то плохо.

Здѣсь складка между двумя огромными горами, господствующими надъ котловиной.

Отсюда видно, какъ въ ложбинѣ лежатъ долины, одна надъ другою; видно, какъ рѣка то реветъ водопадами, то тихо течетъ спокойной лентой. Внизу видно много „гордовъ"; чѣмъ выше, тѣмъ они рѣже, а здѣсь наверху уже никто не живетъ.

Все пустынно, голо.

Въѣзжаемъ въ тучу; когда мы ее миновали, то вся прежняя картина уже исчезла. Фіордъ пропалъ, видна только верхняя часть громаднаго обрыва, то-есть скалы, голыя пустыни, хаосъ камня и первые снѣга.

Кругомъ—растительность тундры. Клюква, мохъ, кое-гдѣ жалкая черника и брусничные кустики. Почва вся пропитана холодной влагой, а рядомъ—голый камень.

Въ нѣсколько часовъ такая поразительная перемѣна, какъ будто изъ Средней Европы мы попали къ берегамъ Ледовитаго океана.

И вотъ мы наконецъ вверху.

Мы ѣдемъ прочь отъ фіорда прямо на востокъ по фьельду (нагорью). Кругомъ—каменныя пустыни, большіе ледники, откуда сочится вода, рѣка съ бурливыми космами намъ навстрѣчу, то-есть къ Атлантическому океану.

Если оглянуться назадъ, то подъ лучезарнымъ небомъ видны вершины всѣхъ горъ Гейрангера и даже ледники Стурфіорда. Мы сами теперь въ ихъ заоблачномъ царствѣ, выше, чѣмъ на 1.000 метровъ надъ моремъ.

Какъ величава каменная пустыня фьельда! Въ этомъ хаосѣ камня и льда передъ нами обнажена первозданная грудь нашей планеты. Темные базальты, зеленоватые оливиниты говорятъ языкомъ вѣчности. Блестящіе гнейсы и граниты застыли крѣпкими кряжами и безмолвно живутъ милліоны лѣтъ.

На лазоревое небо нашли тяжкія, черныя тучи. Стало вдругъ страшно и жутко. Будто не земля это, а хаосъ элементовъ до сотворенія міра! Вверху и внизу клубятся тучи, внизу и вверху чернѣетъ мрачный камень, кое-гдѣ просвѣты лазури, ледяныя поля, между ними—рожденіе потоковъ и первые ихъ водопады.

Тучи быстро расходятся. Онѣ однѣ кажутся живыми надъ неподвижной пустынею. Мы ѣдемъ по плоскости нагорья. Ничего кромѣ ледниковъ и камня. Ни травки, ни мшинки. Въ воздухѣ ледяная свѣжесть.

Молчаніе смерти.

Мой кучеръ вдругъ останавливаетъ лошадей у рѣчки, которая тутъ же рождается изъ глетчера. Не хочетъ ли онъ напоить ледяной водою усталыхъ лошадей?

Нѣтъ.

Онъ ведетъ меня по камнямъ въ сторону отъ дороги. Тутъ находится такъ называемая jaettegryde, круглая и глубокая дыра правильной формы, какъ будто кто въ мягкой глинѣ вырѣзалъ ножомъ цилиндръ.

Эта яма образована въ базальтѣ силою льда.

Ѣдемъ дальше. Справа на высотахъ сверкаетъ своими огромными снѣжными полями и ледниками Шерингсдаль, а передъ нами стоитъ черная стѣна исполина Грасдальсэгга. Стѣна эта вся испещрена вкось бѣлыми снѣговыми полями и напоминаетъ пестротою зебра.

Около нашей дороги тоже лежатъ глетчеры и блистаютъ на солнцѣ.

Внезапно открывается за поворотомъ великолѣпное озеро ярко-зеленаго цвѣта,—изумрудъ въ оправѣ снѣговъ!

Озеро Дьюбванъ есть водораздѣлъ между Атлантическимъ океаномъ и Скагерракомъ. Изъ него бѣгутъ въ ту сторону рѣчки и потоки къ Логену, нашему старому знакомому.

На берегу озера гостинница.

Мы останавливаемся для обѣденнаго отдыха. Пока еще не поданъ обѣдъ въ просторной столовой, пахнущей свѣжею сосною, иду на скалы наглядѣться на окрестность.

Беру горсточку льду изъ длиннаго брэ, который сползаетъ языкомъ почти къ самой дорогѣ. Ледъ этотъ не что иное, какъ неисчислимое количество мелкихъ ледяныхъ шариковъ,—круглыя, крѣпкія и прозрачныя крупинки.

Потомъ по кручѣ базальта взбираюсь еще выше, гдѣ съ восхищеньемъ замѣчаю растительность. Между складками двухъ глыбъ, на солнечной сторонѣ, питаясь влагою ближняго глетчера,—робко зеленѣетъ что-то, краснѣютъ и бѣлѣютъ бѣдные полярные цвѣточки.

Я срываю кустикъ бѣлаго мягкаго мха, но рука моя невольно останавливается: мнѣ кажется, будто мною совершено святотатство.

Мохъ былъ совершенно теплый, какъ живое, трепетное тѣло.

Моя рука грубо коснулась какъ бы самыхъ источниковъ жизни, того тайнаго и великаго, къ чему прикасаться нельзя. Здѣсь, въ мертвомъ царствѣ базальта и льда, немножко влаги и немножко солнца вызвали къ жизни бѣдныя растеньица, и какъ нѣжно согрѣли и напитали своею творческой силой! Передо мной было чудо рожденія, и моя рука преступно разрушила его.

Вдоль дороги я нахожу на солнечномъ склонѣ еще нѣсколько растеній—папоротники, тонкіе какъ кружево, замѣчаю бѣлый полярный лютикъ, sedum съ розовыми цвѣточками, карликовую полярную азалею и другія,—всего насчитываю шесть цвѣтущихъ видовъ. Нахожу, наконецъ, полярную березу съ мелкими листочками, которая стелется какъ плющъ плоскими вѣтками по камню.

Бѣдная, послѣдняя растительность, послѣдній слабый голосъ жизни, замирающей здѣсь у порога небытія, въ преддверіи вѣчнаго окоченѣнія!

XVIII.

Холодно, морозъ. Солнце какъ зимою напрасно сіяетъ съ лучезарныхъ небесъ. Съ ледниковъ Шерингсдаля вѣетъ полярнымъ дыханіемъ.

Лошади бѣгутъ рѣзво, хотятъ согрѣться. Я кутаюсь въ шубу и застываю, прижавшись въ уголъ коляски.

Мы огибаемъ изумрудное озеро Дьюбванъ. Оно замыкается горной перегородкой, а послѣ нея начинается болото. Кругомъ мертвенныя горы. Рѣзецъ могучаго скульптора—льда—ясно проступаетъ на ихъ бокахъ. Всюду глубокія морщины, разъѣденныя оползшими глетчерами.

Мы находимся на сѣверной окраинѣ Іотунхейма. Это—самый большой ледникъ Норвегіи и Европы. Тамъ до сихъ поръ ледъ находится въ движеніи, наступаетъ, отступаетъ.

Вотъ справа,—по ту сторону болота-озера, вслѣдъ за глетчерами Шерингсдаля, — открываются на огромной высотѣ его ледяныя вершины: Скридулаупъ-брэ, потомъ обширные глетчеры Хестбрэпиге и великолѣпный остроконечный Глиттертиндъ, высота котораго 2.554 метра.

Слѣва надъ самой дорогой тоже стоитъ стѣна горъ, увѣнчанныхъ ледниками. Вотъ почему воздухъ рѣзокъ и холоденъ чрезвычайно.

Но перевалъ все-таки за нами, мы едва замѣтно спускаемся. Появились мхи, травы, карликовая ива.

Наконецъ, послѣ долгой ѣзды, мы достигаемъ перваго человѣческаго жилья.

Это—Гротли, такъ называемая fjeldstue, то-есть постоялый дворъ нагорья, выстроенный отъ правительства.

Маленькій старинный домишко съ низкими комнатами, гдѣ такъ тепло и уютно! Окоченѣвшему путнику Гротли кажется раемъ. И снова старинная чудесная мебель и утварь, точно въ музеѣ,—все дышитъ подлинной, коренной Норвегіей, ея милымъ уютомъ, ея изящнымъ искусствомъ.

Въ просторной кухнѣ, гдѣ жарко топится печь и варится для меня и для моего продрогшаго кучера кофе,— застаю множество людей. Какъ тѣсно здѣсь, и какъ весело!

Человѣкъ въ синей суконной блузѣ мѣшкомъ, съ желтенькими нашивками, въ такомъ же синемъ колпакѣ, сидитъ на лавкѣ и говоритъ что-то непонятное. У ногъ его бѣгаетъ и рѣзвится подъ скамьей крошечный мальчуганъ. Онъ въ такомъ же странномъ и красивомъ нарядѣ.

Это лопарь съ сыномъ. Онъ пришелъ въ гости на станцію Гротли. Онъ—богатый человѣкъ. У него 300 головъ оленей, которые пасутся на фьельдахъ.

Мнѣ ужасно хочется взглянуть на стадо.

Къ сожалѣнью, оно далеко отъ дороги,—пришлось бы ѣхать до самой ночи. Переночевать же тамъ негдѣ.

По типу своему лопарь не представлялъ большой разницы отъ хозяевъ Гротли—норвежцевъ. Онъ былъ высокъ и строенъ, волосы имѣлъ русые; черты его лица были очень пріятны.

Мой кучеръ сѣлъ пить кофе въ кухнѣ, а мнѣ подали приборъ въ маленькую столовую, гдѣ на очагѣ горѣлъ жаркій огонь и трещали длинные сучья.

Хмурый день глядѣлъ въ маленькія окна съ мелкимъ переплетомъ старинныхъ рамъ. Трещалъ и пѣлъ огонь, рядомъ въ кухнѣ говорили и смѣялись, было тепло и уютно, вспоминалось что-то какъ во снѣ, все казалось сказкой, а не дѣйствительностью...

Въ сосѣдней комнаткѣ были выставлены для продажи чудныя рѣзныя вещи изъ дерева. Хозяйка продала мнѣ нѣсколько штукъ, очень дешево. Пришелъ мой кучеръ благодарить за кофе, сказать, что пора въ путь.

Гротли промелькнуло какъ видѣнье, — мы опять катимъ по дорогѣ между ледяными горами, опять холодно и пустынно, а тучи все темнѣе.

Послѣ кофе мой кучеръ чувствуетъ потребность поговорить, мнѣ тоже надоѣло молчать.

Онъ разсказываетъ мнѣ про здѣшнія мѣста.

— Видите, какіе высокіе шесты вдоль дороги? Здѣсь зимою бываютъ такіе глубокіе снѣга—все заноситъ. По однимъ концамъ шестовъ распознаютъ дорогу.

— Что здѣсь бываетъ зимою! — продолжаетъ онъ. — Мнѣ только разъ случилось тутъ проѣзжать. Никогда не забуду. Я такъ и застрялъ тогда въ Гротли. Была сначала метель, а потомъ гроза,—понимаете, гроза зимою, да еще какая! Всѣ горы дрожали отъ бури.

— Вы знаете, сколько снѣга выпадаетъ тамъ наверху на фьельдахъ? Въ иную зиму вдвое выше чѣмъ въ ростъ человѣка. Да и здѣсь тоже. Въ горахъ тогда дѣлаютъ вотъ что: прорубаютъ въ снѣгу туннели, такъ чтобы коровы и лошади могли выйти изъ хлѣва въ туннель и прогуливались тамъ.

По дорогѣ то-и-дѣло попадаются деревянные остроконечные плуги, похожіе на трехугольныя бороны. Это—снѣжные плуги, которыми разгребаютъ путь. Въ нихъ впрягаютъ лошадей.

Весь день ѣхали мы въ пустыняхъ нагорья, гдѣ не было ни дерева, ни птицы, ни звѣря, ни человѣка. Одинъ первозданный камень и кое-гдѣ—глетчеры. Какъ краснорѣчиво названіе, данное такимъ пустынямъ: vidden, „неизмѣримость“...

Неизмѣримы и тоскливы были эти фьельды. Невольно приходило на память, что вѣдь бо́льшая часть Норвегіи — тутъ, вверху, что *семь десятыхъ* всей ея поверхности составляютъ безплодныя скалы, ледники, болота... Вотъ какой дорогой цѣной расплачивается норвежскій народъ за чудную красоту своей страны!

Послѣ Гротли показались первыя жалкія деревья, — куцыя жалкія ивы кустами; черезъ нѣкоторое время появились березы. Но что это были за березы! Корявыя, съ скрученными, вывихнутыми, узловатыми стволами и вѣтками, тонкія и несчастныя.

Кучеръ обернулся ко мнѣ и показалъ *первый сэтеръ*. Сэтеръ представлялъ огороженное камнемъ мѣсто, гдѣ стояла старая почернѣвшая избушка. Въ эту минуту двѣ дѣвушки вышли за каменную ограду и созывали коровъ домой, кликали каждую корову по имени, и тѣ откуда-то издалека отвѣчали мычаньемъ. Нельзя даже выразить словами, какъ весело было слышать дѣвичьи звонкіе голоса подъ хмурымъ вечерѣющимъ небомъ, среди хмураго безлюдья!

Уже темнѣло. Ледники Іотунхейма мертвенно бѣлѣли въ высотѣ. Дорога шла по пескамъ бывшей морены. Начался тощій лѣсокъ карликовыхъ сосенъ и березокъ на каменномъ хаосѣ,

потомъ деревья стали повыше. На самую дорогу мчался бурный бѣлоснѣжный водопадъ и гремѣлъ подъ мостомъ. Поздно вечеромъ въ совершенной тьмѣ мы достигли постоялаго двора, возлѣ котораго тоже гудѣлъ невидимый водопадъ.

XIX.

Воскресный день всталъ веселый и ясный, но было все еще очень холодно.

Ночь была „желѣзная". Первымъ морозомъ хватило бѣдную растительность.

Мы ѣхали мимо перваго „горда", и жалко было смотрѣть на почернѣвшій картофель. Безумная попытка человѣка жить въ этихъ высотахъ щемила сердце жалостью къ этому піонеру культуры, который отчаянно боролся здѣсь за свое существованіе и видѣлъ труды свои—такъ часто!—безплодными.

И весь этотъ воскресный день развернулъ передъ нами какъ бы листъ за листомъ длинную повѣсть о суровой борьбѣ норвежца съ его скудной природой.

Мы ѣхали вдоль ярко-зеленой рѣчки Отты, которая всѣми своими водопадами прыгала впередъ, бѣжала отъ насъ прочь на востокъ. И мы ѣхали за ними тоже на востокъ.

Первые оазисы культуры на склонѣ нагорья были бѣдны и скудны. Попадались крестьяне съ такими нелюдимыми лицами, которыя безъ словъ говорили о томъ, каково тутъ жить.

То-и-дѣло дорога прерывалась водопадами горныхъ рѣчекъ, бросавшихся въ Отту. То-и-дѣло она шла по пескамъ и камнямъ прежнихъ моренъ. Узкая долина по лѣвому берегу Отты мѣстами поросла березовыми и сосновыми лѣсами; но сосны чахлыя, березы искривленныя.

Потомъ долина расширяется. Культурная площадь увеличивается. Какъ весело видѣть передъ собою разсыпанные по склонамъ „горды"! Какъ пріятно глазу отдохнуть на желтыхъ маленькихъ нивахъ! Рожь еще на корню — а сегодня 24-е августа.

Въ высотахъ побѣдоносно сіяютъ ледники Іотунхейма, а здѣсь внизу ютятся люди, трудятся и надрываются надъ землею, очищаютъ отъ камней, распахиваютъ себѣ клочки и собираютъ скудную жатву. Вдоль озера, вдоль рѣки длинной цѣпью ютятся человѣческія селенья. Чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ чаще „горды" и тѣмъ больше ихъ нивы.

Близъ того двора, гдѣ мы остановились кормить лошадей, какъ разъ происходили похороны.

Мнѣ интересно было посмотрѣть на обычаи въ этой глуши.

Домъ покойницы былъ убранъ очень весело малиновыми норвежскими флагами и зелеными гирляндами. Въ дверяхъ стоялъ крестьянинъ въ праздничномъ старомодномъ сюртукѣ и всѣхъ привѣтствовалъ и просилъ войти. Комната была посыпана верескомъ, на скамьѣ стоялъ закрытый гробъ.

Къ дому спѣшили отовсюду гости—сосѣди и родственники. Всѣ были очень оживленны, такъ что нельзя было и подумать, что идутъ на похороны. Женщины были въ красивыхъ нарядахъ, красныхъ корсетахъ и черныхъ юбкахъ. Никто не шелъ съ пустыми руками. Кто несъ свертки, кто ведра съ кашей на сливкахъ.

Мой кучеръ разсказывалъ мнѣ потомъ, что пировать будутъ дня три, пока не съѣдятъ всего принесеннаго.

Мнѣ мысленно представилась жизнь той, которая своею смертью дала всѣмъ поводъ сытно поѣсть и повеселиться. Можетъ быть, она родилась въ этихъ горахъ, бѣгала маленькой дѣвочкой на побѣгушкахъ у суровой матери; потомъ дѣвушкой уходила на полгода въ молчаливыя и печальныя нагорья въ сэтеръ, и тамъ работала съ утра до вечера; потомъ вышла замужъ и на своихъ плечахъ вынесла благополучіе семьи. Она сама была бы рада теперь послѣ столькихъ горькихъ трудовъ посидѣть за столомъ, наѣсться всласть сливочной кашей и прочаго добра, — и навѣрное, еслибъ она могла взглянуть на пирующихъ, она была бы довольно за гостей и за свой домъ.

— Онъ еще крѣпкій, не старый человѣкъ, — сказалъ мнѣ кучеръ про вдовца.—Ему всего шестьдесятъ лѣтъ.

Крестьянскій дворъ, гдѣ мы остановились, былъ почти пустъ. Всѣ домочадцы были въ церкви, дома сидѣла только хозяйка и меньшая дочь. Служба въ церкви случается здѣсь разъ въ мѣсяцъ, и какъ разъ въ это воскресенье пріѣхалъ пасторъ изъ Лума, чтобы кстати благословить покойницу. Этотъ „гордъ“ представлялъ собою такое же старинное жилище, какія намъ попадались въ долинѣ Гудбранда и въ Ромсдалѣ. Все здѣсь было по старинѣ. Старинная мебель, утварь, маленькія комнатушки для дѣвушекъ. Великолѣпный рѣзной шкапъ съ живописью могъ бы быть украшеніемъ любого музея. Просторная кухня съ лавочками по стѣнамъ была главной комнатой, мѣстомъ сбора всей семьи и работниковъ. Въ усадьбѣ было два работника и одна работница.

По случаю воскреснаго дня домъ просто сіялъ чистотою. На чисто-выскребленномъ полу были разсыпаны вѣтки душистаго вереска, отчего пахло какъ въ лѣсу. Мѣдная посуда блестѣла на стѣнѣ въ великомъ порядкѣ, бѣлыя деревянныя чашки и ведра были чище слоновой кости.

Хозяйка съ ребенкомъ на рукахъ сидѣла за большимъ столомъ. Передъ нею лежала огромная раскрытая Библія, очевидно прожившая не одно столѣтіе. Меньшая дочь, дѣвочка лѣть двѣнадцати, сходила на погребъ (этотъ погребъ тоже былъ такъ очарователенъ, что хоть сейчасъ въ Лиллехамеръ) и принесла мнѣ оттуда кринку великолѣпнаго, густого молока.

Дальше мы ѣдемъ вдоль Отты по другому ея берегу. Надъ нами все еще тянутся ледники Іотунхейма, но Глиттертиндъ уже скрылся, передъ нами сѣверная вершина Іотунхейма съ круглой шапкою куполомъ—Хестбрэпиге. За ней высится остроконечный Лумсэггъ, и мы переѣзжаемъ черезъ огромную морену: она сползла нѣкогда съ его ледниками внизъ въ долину, загромоздила озеро и почти замкнула выходъ въ это озеро горной рѣчки Бевры, которая мчится изъ ущелья великолѣпнѣйшимъ водопадомъ.

На этой длинной моренѣ стоитъ темная старинная церковь; кровля ея покрыта темными деревянными пластинками, какъ сосновая или еловая шишка; и вся эта церковь имѣетъ дикій лѣсной видъ. Безчисленныя крыши ея громоздятся одна надъ другою и каждая заканчивается темнымъ дракономъ, рѣзнымъ изъ дерева, такъ что все зданіе больше похоже на языческую пагоду, нежели на христіанскій храмъ.

Отта своими своенравными, вьющимися долинами пробѣгаетъ черезъ два большихъ озера, какъ будто нанизываетъ ихъ на себя и мчится дальше такой же кипучей зеленой красавицей, какъ и вначалѣ. Множество пороговъ одолѣваетъ она на пути, и если закрыть глаза и вслушаться, то кажется, что она и водопады кругомъ сливаютъ свои пѣсни въ одну великую, нѣжную симфонію.

Область, по которой мы ѣдемъ, называется Лумъ. Здѣсь земля распахана небольшими квадратами отъ берега Отты до лѣсовъ, покрывающихъ скаты горъ.

Долина Лума представляетъ корыто съ узкимъ дномъ и высокими краями. Если взглянуть на нее съ высотъ Лумсэгга, то площадь распаханныхъ земель покажется ничтожной,—какъ бы каймою пѣны на огромной застывшей волнѣ. Съ этой высоты вся область кажется моремъ, закоченѣвшимъ въ моментъ бури.

Человѣкъ ютится гдѣ-то внизу, на узкой полоскѣ; бѣдность земли, тѣснота наводятъ грусть. Вы какъ бы видите отсюда всю неимовѣрность горькаго труда, видите суровую черту, за которую подняться нельзя,—грозное *нѣтъ* природы на отчаянныя попытки человѣка.

Когда смотришь на здѣшнихъ крестьянъ, то дивишься не тому, что они хмуры и неразговорчивы,—не тому, что праздничный сюртукъ позеленѣлъ отъ долгаго лежанья, что воскресный обѣдъ состоитъ изъ ржаныхъ лепешекъ и соленой рыбы; нѣтъ, васъ поражаетъ культурность, чистота, какое-то тихое благообразіе и достоинство, которое неуловимо проявляется всюду.

Я вижу сельскихъ рабочихъ, идущихъ по дорогѣ съ сумочкой за плечами,—они были въ гостяхъ и возвращаются къ вечеру домой. Мимо насъ ѣдутъ крестьяне на велосипедахъ, проходятъ группы сельской молодежи. На постоялыхъ дворахъ всюду сборища: кто пришелъ въ гости, кто по дѣламъ. Матери семействъ сидятъ кучкою въ хорошихъ платьяхъ и бесѣдуютъ, а можетъ быть и сплетничаютъ. Все чинно и немножко грустно, какъ будто какая-то дымка,—воспоминаніе о горечи труда,—лежитъ надъ отдыхомъ праздника.

Отъ нагорій Гротли до озера Вогэ въ лѣсистыхъ горахъ шелъ нашъ долгій, долгій путь.

Уже вечерѣло. Въ горахъ зажигались огоньки. Они были часты у берега рѣки, и становились все рѣже кверху.

Кое-гдѣ высоко въ лѣсу слабо мерцала золотая точка. Всѣ эти огоньки въ быстро-темнѣющей окрестности давали впечатлѣніе одиночества и потерянности, и щемили сердце.

Была уже совершенно темная ночь, когда мы по длиннѣйшему мосту перебрались черезъ озеро Вогэ, пролетѣли мимо селенья съ высокой церковью и наконецъ остановились въ совершенно черныхъ горахъ на постояломъ дворѣ, гдѣ уже были погашены лампы и пришлось будить людей.

XX.

И еще одинъ день дороги,—послѣдній...

О, какъ жаль навсегда бросать эти мѣста, эти чудныя и строгія, одинокія горы! Какъ досадно, что нельзя остаться гдѣ-нибудь, пожить здѣсь, познакомиться съ людьми, которые съ такимъ достоинствомъ несутъ свою бѣдность и трудъ!

Утро застаетъ насъ въ прелестныхъ, лѣсистыхъ горахъ, и между ними въ узкомъ ущельи мчится красавица Отта.

Надъ ея обрывистымъ берегомъ стоятъ березы. Нѣкоторыя уже совсѣмъ пожелтѣли, стоятъ какъ золотыя. И вы любуетесь смѣлымъ сочетаніемъ красокъ: изумрудно-зеленая рѣка, бѣлые какъ снѣгъ стволы березъ надъ нею и желтая яркая листва, и надъ всѣми этими красками голубое небо.

Мѣста веселѣе, усадьбы зажиточнѣе. Мы, наконецъ, вернулись въ царство человѣка.

За нами въ послѣдній разъ блеснулъ своей снѣжной шапкой послѣдній ледникъ Іотунхейма и гордо ушелъ прочь, спрятался за лѣсистыя горы, которыя такъ весело зеленѣютъ вокругъ. Это настоящіе лѣса,—отличныя высокія сосны и раскидистыя березы; въ нихъ живутъ и щебечутъ птицы, прыгаютъ бѣлки.

Всюду виденъ отпечатокъ зажиточности и довольства.

Усадьбы удивительно красивы: всюду крылечки съ точеными столбиками, всюду рѣзьба—на жилыхъ домахъ, на погребахъ; старинные стабуры на курьихъ ножкахъ изукрашены чудной рѣзьбой.

Надъ зеленой бурливой Оттой стоитъ мельница, это—маленькая лѣсопилка. Небольшая площадь сосноваго лѣса по горѣ срублена. Тутъ же лежатъ пахучія желтыя доски. Люди суетятся, нагружаютъ доски на роспуски, шумитъ и стучитъ колесо лѣсопилки.

Повсюду жизнь и движеніе.

Въ горахъ стоятъ „горды“ съ открытымъ видомъ на окрестность, къ усадьбамъ проложены отличныя дороги. На остановкахъ нашихъ мы видимъ хозяевъ этихъ „гордовъ“, они всѣ за домашнею работою; въ полѣ жатва уже давно кончена, стоятъ высокіе мохнатые шесты съ густо-нанизанными снопами.

Мы ѣдемъ около десяти верстъ великолѣпнымъ сосновымъ лѣсомъ по прямой какъ стрѣла дорогѣ. Какъ весело смотрѣть на эти крѣпкія, стройныя сосны, которыя стоятъ густою колоннадой справа и слѣва! Послѣ голыхъ нагорій эта растительность кажется роскошной.

И погода, и дорога не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Пока лошади рысцою легко одолѣваютъ версту за верстой, мы съ кучеромъ разговариваемъ.

Онъ разсказываетъ мнѣ всю свою жизнь. Онъ крестьянинъ изъ-подъ Лиллехамера. Земли въ ихъ семьѣ давно нѣтъ. Онъ всю жизнь провелъ около лошадей. Теперь служитъ въ Оттѣ у Иверсена, но мечтаетъ о томъ, какъ бы завести свой экипажъ и свою пару лошадокъ. Но мечты эти едвали когда осущест-

вятся. Нужны деньги, а ихъ-то и нѣтъ и навѣрное никогда не будетъ. Глядя на кроткое, добродушное лицо разсказчика, я невольно думаю, какъ этотъ человѣкъ вѣчно будетъ работать на другихъ...

Мой кучеръ разсказываетъ мнѣ о жизни крестьянъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Нѣкоторые изъ нихъ очень богаты. Сыновей посылаютъ въ Христіанію, въ университетъ. Однако, несмотря на это, сами работаютъ всю крестьянскую работу и крѣпко держатся за свой родовой „гордъ". Обыкновенно держатъ по два, по три батрака...

Въ такихъ разговорахъ время быстро летитъ.

Мы ѣдемъ мимо высокой горы Формокампенъ съ страшнымъ обваломъ, который загромоздилъ собою весь скатъ, долину внизу и русло Отты. Рѣка пѣнится снѣжными водопадами и рвется изъ стиснувшихъ ее объятій, вся—изумрудъ и снѣгъ.

Потомъ долина раздвигается. Дорога вьется мимо очаровательнаго „горда" Осòренъ въ лѣсистомъ ущельи; вдали показываются знакомыя мѣста: станція желѣзной дороги и около нея съ десятокъ строеній.

Передъ нами Отта.

Экипажъ подкатилъ къ гостинницѣ. Меня встрѣчаютъ дружескими разспросами, какъ удалось путешествіе? Американская шуба возвращается по принадлежности.

Вечеромъ я сижу въ темной и пустой гостиной, у пылающаго очага.

Пріѣзжихъ кромѣ меня всего только одинъ англичанинъ. Онъ за обѣдомъ усердно прикладывался къ рюмкѣ, и теперь храпитъ въ своемъ номерѣ на весь корридоръ.

Внизу въ гостиной, убранной старинными вещами, тепло и уютно. Огонь очага играетъ красными отблесками въ темнотѣ, то разгорается, то потухаетъ.

Хорошо сидѣть и грѣться у него, отдыхать отъ долгаго пути и перебирать въ памяти только-что пережитые дни... Спасибо вамъ, горы и пустыни, красавицы-рѣчки и задумчивыя озера,—фіорды, ледники, нагорья! Душа окунулась въ вашу красоту и въ вашу чистоту, отдохнула, освѣжилась, набралась новыхъ силъ... Спасибо вамъ!...

XXI.

Поѣздъ влетѣлъ въ вокзалъ Христіаніи, весь горѣвшій серебряными электрическими огнями. Фіордъ, улицы,—все сіяло электричествомъ въ темнотѣ осенней ночи.

Быстро опустѣлъ поѣздъ и вокзалъ. Всѣ разбрелись кто куда.

Эти двѣ недѣли слишкомъ, которыя мнѣ пришлось прожить въ Христіаніи, совпали какъ разъ со временемъ карлстадскихъ переговоровъ.

Настроеніе Христіаніи было напряженное. Были дни, когда на главной улицѣ *Карлъ-Іоганъ-гадэ* толпами стояли люди передъ редакціей „Aftenposten" въ лихорадочномъ ожиданіи телеграммъ.

Всѣ знали, что освобожденіе Норвегіи отъ уніи зависитъ отъ этихъ дней, отъ того, насколько норвежскіе депутаты сумѣютъ отстоять выставленныя народомъ требованія. Но изъ Карлстада шли неутѣшительныя вѣсти. Шведы настаивали на уничтоженіи крѣпостей и не соглашались на полное признаніе третейскаго суда единственнымъ прибѣжищемъ для обѣихъ странъ на случай будущихъ недоразумѣній.

Настроеніе было приподнятое и тревожное.

— Какъ можете вы читать враждебныя и вызывающія статьи въ шведскихъ газетахъ?—спрашиваю я одного моего знакомаго, который спокойно сложилъ и бросилъ на столъ „Svenska Dagbladet".

— Это не можетъ оскорбить насъ,—съ достоинствомъ отвѣчаетъ онъ.—Мы только видимъ, какъ невозможенъ былъ союзъ съ ними. Вотъ *ихъ* логика: они требуютъ срытія нашихъ крѣпостей и видятъ въ нихъ угрозу для себя; а когда мы предлагаемъ установить на будущее время *третейскій судъ* единственнымъ рѣшителемъ спорныхъ вопросовъ,—они упираются и не даютъ согласія.

Сущность переговоровъ въ Карлстадѣ хранилась въ тайнѣ. Президентъ стортинга, первый министръ и еще два лица изъ числа правительства были посланы со стороны Норвегіи. Въ стортингѣ тѣмъ временемъ обсуждались текущія дѣла.

Если идти по Карлъ-Іоганъ-гадэ отъ вокзала желѣзной дороги къ королевскому дворцу, то съ лѣвой руки на большой площади, превращенной въ паркъ, вы увидите красивое круглое зданіе сѣраго цвѣта.

Это и есть стортингъ.

У дверей стортинга, всегда открытыхъ во время засѣданій, каждый прохожій можетъ прочесть вывѣшенный въ рамкѣ листокъ съ обозначеніемъ вопросовъ дня.

Безъ всякихъ формальностей вы имѣете право войти въ эту гостепріимно-открытую дверь и подняться въ верхній этажъ на галерею. Тамъ лавки въ четыре ряда, можно сѣсть гдѣ угодно. На все зданіе парламента всего два полицейскихъ, одинъ внизу

къ услугамъ членамъ собранія, другой вверху—къ услугамъ публикѣ.

Мнѣ случилось нѣсколько разъ побывать на засѣданіяхъ. Въ тѣ дни они какъ разъ были мало интересны для иностранцевъ. Шли выборы на должность директора національнаго банка. Зато обстановка и настроеніе были какъ нельзя болѣе любопытны.

Внизу, въ полукруглой свѣтлой залѣ съ большими окнами, откуда была видна вся улица и площадь, сидѣли члены стортинга. Мѣста членовъ расположены полукругомъ, спиною къ окнамъ, въ шесть рядовъ. Первый рядъ стульевъ занимаетъ правительство, то-есть министры, выбранные изъ среды этого же собранія.

Двѣ трети стортинга представляютъ крестьяне. Они были въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ, въ бѣлыхъ воротничкахъ, но коренастыя фигуры и суровыя, обвѣтренныя лица говорили о томъ, что эти люди работаютъ большую часть своей жизни на открытомъ воздухѣ.

Передъ стортингомъ у столика сидятъ стенографисты. За ними возвышается каѳедра предсѣдателя стортинга и его двухъ секретарей.

Вечеромъ зажигается электричество, и тогда зала стортинга въ яркомъ освѣщеніи выступаетъ изящной и вмѣстѣ простой, со всѣмъ своимъ убранствомъ, гдѣ главное украшеніе представляетъ прекрасная рѣзьба по дереву.

Въ эти дни, въ дневныя и вечернія засѣданія, не могло быть и рѣчи о спокойствіи. Сквозь флегму сѣверянина проглядывала томительная тревога. Во время подсчета голосовъ группы членовъ собирались въ кружки, толковали оживленно и нервно; многіе подходили къ высокимъ окнамъ и смотрѣли, какъ внизу на Карлъ-Іоганъ-гадэ толпился народъ и собирался у редакціи „Aftenposten". Засѣданія откладывались, члены стортинга собирались въ курилкѣ и въ гостиной, толковали все о томъ же.

Потомъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ зловѣщій перерывъ въ Карлстадѣ. Обѣ стороны разъѣхались на нѣсколько дней, чтобы обдумать взаимныя предложенія.

Было ясное утро, когда у вокзала собралась толпа народа, чтобы встрѣтить норвежскихъ уполномоченныхъ. Подошелъ поѣздъ, ночью вышедшій изъ Карлстада; появились президентъ Бернеръ, старичокъ съ бѣлыми волосами; за нимъ вышли на площадь другіе; между ними выдѣлялся первый министръ Михельсенъ съ умнымъ, энергичнымъ и измученнымъ лицомъ.

Они садились въ коляски, и каждаго толпа привѣтствовала

крикомъ ура. Но этотъ возгласъ былъ нерадостенъ, въ немъ слышалось сдержанное безпокойство. Тотчасъ же снова воцарялось молчаніе; глаза всѣхъ были жадно устремлены на этихъ людей, которые съ такой стойкостью вели къ концу начатое еще въ іюнѣ дѣло освобожденія страны.

Потомъ они снова уѣхали въ Карлстадъ послѣ тайнаго совѣщанія со стортингомъ.

И опять на улицѣ безпокойно блуждали толпы народа, стояли у редакцій, съ жадностью читали послѣднія краткія донесенія корреспондентовъ, гдѣ ничего не было сказано о содержаніи тайныхъ переговоровъ, но сообщались разные мелкіе факты, изъ которыхъ можно было догадаться о ходѣ дѣла.

Только черезъ двѣ недѣли кончилось это томленіе. Карлстадскій договоръ, подписанный обѣими сторонами, мнѣ пришлось прочесть уже въ Стокгольмѣ, — и изъ урѣзокъ въ третейскомъ судѣ и изъ требованія о томъ, чтобы была срыта одна изъ двухъ главныхъ крѣпостей, стало ясно, какъ трудны и горьки были карлстадскіе дни для норвежскихъ пословъ.

XXII.

Рано утромъ съ пароходной пристани въ бухтѣ Бьёрвикъ отходилъ огромный американскій пароходъ съ эмигрантами.

По направленію къ бухтѣ по Карлъ-Іоганъ-гадэ спѣшили люди съ свертками, узлами, съ пучками цвѣтовъ—яркихъ астръ, гвоздикъ, розъ...

Это спѣшили родственники и друзья отъѣзжающихъ съ послѣдними подарками тѣмъ, кого, можетъ быть, никогда больше имъ не придется увидѣть.

Въ бухтѣ Бьёрвикъ, у пристани стоитъ пароходъ-великанъ. Онъ—бѣлый какъ снѣгъ, на солнцѣ ярко горятъ его блестящія мѣдныя части; палуба въ два этажа съ бѣлыми перилами вокругъ галерей, а посрединѣ еще мостки выше, точно воздушный балконъ.

Еще пароходъ не проревѣлъ перваго своего свистка, но весь уже дрожитъ и дышитъ разводимыми парами.

Онъ весь полонъ народу.

На пристани огромная толпа. Къ пароходу-гиганту проложены широкіе мостки, огорожены веревкой. Полицейскіе просятъ постороннихъ не проходить, пропускаютъ только уѣзжающихъ. Но какъ сдержать напоръ взволнованныхъ людей? Какъ

не быть снисходительнымъ въ такія минуты? И подъ веревку пролѣзаютъ то-и-дѣло, чтобы въ послѣдній разъ пожать руку, чтобы сказать что-то нужное, послѣднее.

По обѣ стороны мостковъ невообразимая толкотня и суета, окрики, разговоры; тутъ же лошади съ пустыми телѣжками, тутъ же снимаютъ чемоданы и корзины и тащатъ на пароходъ, который важно даетъ первый протяжный свистокъ.

И тотчасъ все это сборище людей еще больше оживляется. На пароходъ спѣшатъ пассажиры. Тѣ, которые стоятъ уже на нижней или на верхней палубѣ, смотрятъ внизъ на пристань, перегибаются черезъ перила, говорятъ со своими. Въ нихъ кидаютъ большіе букеты яркихъ цвѣтовъ, они ловятъ ихъ, улыбаются, благодарятъ.

На носу парохода простой народъ. Мужчины въ грубыхъ, деревенскаго шитья пальто, женщины въ жалкихъ шляпахъ, которыя кое-какъ сидятъ на плохо причесанныхъ волосахъ. У всѣхъ загорѣлыя и грубыя лица, и выраженіе этихъ лицъ невозможно передать словами. Одинъ изъ мужчинъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, въ нескладномъ платьѣ, смотритъ молча на своихъ, стоящихъ внизу на пристани; въ его большихъ глазахъ—строгая печаль; онъ переживаетъ тяжелыя и незабываемыя минуты. Подлѣ него другія сумрачныя лица. Стоитъ старая женщина въ черномъ поношенномъ платьѣ, изъ котораго выходитъ костлявая шея; старая шляпка имѣетъ жалкій видъ; въ морщинахъ и во всемъ выраженіи глазъ и рта чувствуются долголѣтняя горькая бѣдность и отчаянный трудъ. Этотъ трудъ не привелъ ни къ чему, нищета толкаетъ пожилую женщину къ переселенію, гдѣ нужны силы, энергія, молодость,—а откуда взять ей все это?..

Второй свистокъ—о, какъ медленно и вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимо быстро несутся минуты!

На мосткахъ матросы торопятъ отъѣзжающихъ. Вотъ цѣлая семья. Отецъ распоряжается багажемъ; мать, женщина среднихъ лѣтъ, растерянная, оглушенная своимъ смятеньемъ, прощается съ родственниками, говоритъ что-то впопыхахъ, плачетъ горько; тутъ же трое дѣтей, изъ нихъ двое постарше съ маленькими котомками за плечами,—ихъ видимо все забавляетъ и, главное, своя собственная значительная фигурка.

Два крестьянина стоятъ у самаго края пристани и безпокойно оглядываютъ всѣхъ, кто тамъ наверху. У одного въ грубыхъ мозолистыхъ рукахъ что-то обернутое въ бѣлую бумагу—конфеты ли куплены на послѣдніе трудовые гроши, или книга? Нашли ли они того, кого такъ жадно искали?

Тутъ же въ толпѣ ходитъ женщина очень бѣдно одѣтая. Въ ея рукахъ чудесный букетъ душистаго горошка. И она тоже ищетъ кого-то, а все ея лицо подергивается судорогой.

Въ средней части парохода богатая публика перемѣшалась съ бѣдняками. Богатые ѣдутъ въ Англію или же въ Америку на обезпеченное и довольное житье. Они сами являются только зрителями въ этой драмѣ разлуки и отрыванія жизни отъ старыхъ корней.

На самомъ верху, на воздушномъ мостикѣ стоитъ нѣсколько человѣкъ. Какъ хорошъ и просторенъ, должно быть, оттуда видъ на Христіанію, на дальнія горы, на голубой фіордъ! Кааъ красивъ оттуда городъ, окутанный золотистымъ туманомъ ранняго утра!

Тамъ стоитъ дѣвушка въ сѣромъ платьѣ, стоитъ поодаль отъ другихъ. Ея большіе черные глаза подъ густыми бровями смотрятъ на городъ съ невыразимой горечью и печалью. Она видимо крѣпится, старается овладѣть собою, но не можетъ. Лицо у нея подергивается, она поспѣшно подноситъ платокъ къ губамъ, силится улыбнуться кому-то, кто стоитъ внизу на пристани.

Это одинокое горе даже на посторонняго зрителя производило щемящее впечатлѣніе.

На носу парохода второй свистокъ вызвалъ обильныя слезы. Суровыя лица мужчинъ стали еще мрачнѣе. Тамъ стояла одна семья, очень многочисленная: отецъ, мать, два взрослыхъ сына и много дѣвочекъ. Одна изъ нихъ, подростокъ лѣтъ четырнадцати, еще въ полукороткомъ платьицѣ, такъ и заливалась слезами. Съ пристани раздался громкій окликъ: „Маргрета? гдѣ Маргрета?“ Это протискалась впередъ какая-то женщина, пожилая, въ побурѣвшемъ платьѣ, съ огромнымъ букетомъ розовыхъ и бѣлыхъ астръ. Должно быть тетка. Маргрета отнимаетъ платокъ отъ распухшаго лица, улыбается, выступаетъ къ бѣлымъ периламъ,—въ нее летитъ бѣло-розовый букетъ, какой-то мужчина хватаетъ его въ воздухѣ и передаетъ Маргретѣ. Но Маргрета не дѣлается веселѣе; наоборотъ, цвѣты эти вызываютъ уже окончательный приступъ рыданій, и она прячется въ толпѣ, за спинами своихъ.

Сколько же минутъ осталось еще такъ томиться? Съ грохотомъ поднимаютъ и складываютъ мостки, пропускаютъ послѣднихъ запыхавшихся пассажировъ.

И вотъ мостки приняты—послѣднее звено соединенія съ родною землею исчезло...

Старуха съ огромной корзиной ходитъ въ толпѣ. У нея нарасхватъ покупаютъ яблоки — маленькія, красныя, крѣпкія... Яблоки бросаютъ отъѣзжающимъ горстями,—и люди на пароходѣ, даже старики, съ жадностью ловятъ ихъ; кто съ благоговѣніемъ ѣстъ ихъ, кто прячетъ въ карманъ—послѣднія яблочки родины, кислыя, маленькія...

Въ эту минуту раздается третій свистокъ, матросы бѣгаютъ по пароходу, безъ церемоніи толкаютъ народъ. Канаты приняты,—послѣднія отрывистыя слова, прощанье, поклоны; цвѣты и яблоки летятъ, мужчины машутъ шапками, женщины—платками.

Великанъ - пароходъ тихо отдѣляется отъ берега и плыветъ прочь. На палубѣ скверная шарманка громко играетъ какой-то пошлый и веселый мотивъ.

На пристани старая женщина горько рыдаетъ, вся согнувшись какъ бы подъ невидимою тяжестью. Люди стоятъ, смотрятъ за исчезающимъ бѣлымъ исполиномъ, тихо говорятъ между собою, съ блѣдными лицами, и расходятся какъ будто съ похоронъ.

Хорошо, что въ Скагерракѣ и въ океанѣ бурно, какъ пишутъ въ газетахъ. Пусть бушуетъ море, пусть качка заставитъ мучиться всѣхъ этихъ людей! Среди физическихъ страданій и тревоги они отвлекутся—хоть на время—отъ острой боли разлуки съ родиной, которая не нашла у себя мѣста для своихъ собственныхъ дѣтей и выкинула ихъ изъ родимой среды горькой волною бѣдности.

Я долго стою на пристани Бьёрвика, гляжу вслѣдъ уплывшему пароходу и вспоминаю всѣ тѣ захолустья, гдѣ мнѣ только что пришлось побывать. Изъ такихъ заброшенныхъ въ горахъ усадебъ вышли эти хмурые переселенцы, послѣ долгой тщетной борьбы съ природой,—и, вѣроятно, уже исчерпали всѣ усилія и все желѣзное терпѣніе, если рѣшились теперь уѣхать за океанъ, въ неизвѣстность...

Надо надѣяться, что новая страница исторіи, которая только-что раскрылась для норвежскаго народа, дастъ ему то счастье, къ которому онъ стремился такъ долго и лучше котораго онъ не знаетъ ничего на землѣ,—именно, счастье полной свободы для полнаго развитія своихъ богатыхъ творческихъ силъ...

Сергѣй Орловскій.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Окончаніе.

VI *).

Графъ А. К. Толстой началъ свою литературную дѣятельность съ двухъ *фантастическихъ* разсказовъ: „Упырь“ и „Семья вардулака“. Первый изъ нихъ появился въ печати въ 1841 г., второй же, написанный авторомъ по-французски, былъ переведенъ на русскій языкъ Б. М. Маркевичемъ и напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, много лѣтъ послѣ смерти автора [1]).

Канвой для обоихъ разсказовъ послужило народное повѣрье объ упыряхъ, вампирахъ или вардулакахъ. Народъ нашъ вѣритъ, что существуютъ мертвецы, которые не находятъ въ землѣ покоя. Они встаютъ по ночамъ изъ могилы, бродятъ по свѣту, возвращаются въ тѣ мѣста, гдѣ они бывали при жизни, и высасываютъ кровь у родныхъ и знакомыхъ.

Если мы пожелаемъ уяснить себѣ вопросъ, почему же Толстой, который никогда не занимался ни народной литературой, ни суевѣріями, такъ увлекся этимъ сказаніемъ, — то придется опять-таки обратиться къ его біографіи.

По словамъ Маркевича, съ юныхъ лѣтъ и до послѣднихъ дней его жизни, все таинственное имѣло на Толстого неотра-

---

*) См. выше: октябрь, стр. 487.

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1884 г., № 1.

зимое обаяніе. Это замѣчаніе находитъ себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ фактовъ. Не только въ юношескихъ работахъ Толстого, но и въ его произведеніяхъ позднѣйшаго времени мы можемъ найти слѣды интереса къ вопросамъ фантастическаго свойства. Среди немногихъ вещей, переведенныхъ имъ на русскій языкъ, видное мѣсто занимаетъ извѣстная баллада Гёте: „Коринѳская невѣста", сюжетомъ которой является та же вѣра въ существованіе упырей. Затѣмъ, въ „Князѣ Серебряномъ" и въ „Трилогіи"—гаданію волхвовъ отведено видное мѣсто. Въ „Смерти Іоанна Грознаго", ихъ предсказаніе органически связано съ заключительной сценой драмы, а въ „Царѣ Борисѣ" оно не забыто и снова всплываетъ наружу. Безспорно, что наши предки вѣрили въ колдовство и предсказанія. Но Ив. А. Гончаровъ, критикуя трагедію съ художественной точки зрѣнія, находилъ, что Толстой поступилъ неправильно, допустивъ, что предсказанія волхвовъ сбываются. Какъ реалистъ, Гончаровъ былъ правъ, но гр. Толстой, вѣря въ существованіе таинственныхъ силъ природы, законы которыхъ намъ неизвѣстны, заставилъ волхвовъ играть въ драмѣ активную роль. Это было тѣмъ болѣе удобно, что лѣтописи упоминаютъ о томъ, что кудесники предсказали Грозному день его смерти.

Если мы отъ произведеній перейдемъ къ жизни гр. Алексѣя Константиновича, то найдемъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ сообщеніе Маркевича. Гр. Толстой постоянно интересовался и увлекался спиритизмомъ [1]), а въ юные годы онъ нерѣдко искалъ приключеній, соединенныхъ съ таинственнымъ страхомъ. Въ 1850 г. [2]), живя у Смирновыхъ въ Калугѣ, гр. А. К. Толстой поѣхалъ вмѣстѣ съ Клементіемъ Россетти въ лѣсъ, присутствовать при расцвѣтѣ папоротника; но Россетти, увидавъ какую-то бѣлую тѣнь, которая перешла имъ дорогу, такъ сильно испугался, что не захотѣлъ продолжать поѣздку. Въ 1856 году, нашъ поэтъ, вернувшись изъ Крыма въ Кіевъ, забрался вмѣстѣ съ Львомъ Жемчужниковымъ и барономъ Розеномъ въ полночь въ безлюдный и заброшенный домъ, о которомъ говорили, что въ немъ живетъ нечистая сила, и что домовые бросаютъ въ любопытныхъ камнями [3]). Друзья затѣяли провѣрить эти слухи. Въ лунную ночь они по развалившимся лѣстницамъ проникли во второй этажъ и разбрелись по разнымъ комнатамъ въ ожиданіи

---

[1]) Письма Тютчева. „Русскій Архивъ" 1899 г., II, стр. 98.
[2]) „Вѣстникъ Европы" 1895 г., XI, стр. 166.
[3]) „Вѣстникъ Европы", 1899 г., № 11.

домовыхъ или мошенниковъ. На выстрѣлъ рѣшено было сходиться... Долго они ждали, вѣтеръ гудѣлъ въ разбитыхъ окнахъ и трубахъ; но гостей не было. Прождавъ до разсвѣта, пріятели спустились во дворъ и ушли, очень опечаленные своей неудачей... Вѣроятно, это не единственное похожденіе гр. Толстого, потому что оно сильно напоминаетъ намъ нѣкоторыя страницы повѣсти „Упырь", въ которой разсказывается о томъ, какъ г-нъ Рыбаренко въ городѣ Комо зашелъ ночью въ заброшенный домъ и былъ ограбленъ разбойниками при довольно фантастической обстановкѣ.

Изложенные нами факты очень характерны, но главную причину, почему страсть къ таинственному развилась у гр. А. К., необходимо искать въ томъ вліяніи, которое имѣлъ на все его развитіе А. А. Перовскій. Какъ мы сказали выше, этотъ послѣдній увлекался всѣмъ таинственнымъ и самъ писалъ фантастическіе разсказы, въ стилѣ Гофмана. Благодаря этому, произведенія нѣмецкаго фантаста рано попались въ руки воспріимчиваго мальчика и оставили въ его умѣ, склонномъ къ мечтательности, неизгладимый слѣдъ.

При такихъ условіяхъ понятно, что гр. Толстой сюжетомъ для первой своей пьесы выбралъ не событіе изъ реальнаго міра, а народное повѣрье, поразившее его фантазію.

Изъ обоихъ разсказовъ „Упырь" — наиболѣе законченный. Авторъ самъ приготовилъ его къ печати и недаромъ заслужилъ похвалу Бѣлинскаго. Къ сожалѣнію, невозможно передать въ краткомъ очеркѣ его содержаніе, въ виду сложности сюжета. Гр. Толстой мастерски связалъ между собою любовныя похожденія Руневскаго въ Россіи, разсказъ сумасшедшаго Рыбаренки о его жизни въ Италіи и старую венгерскую балладу о рыцарѣ Амвросіѣ, который зарѣзалъ старика барона послѣ того, какъ невѣрная жена впустила его въ замокъ. Факты дѣйствительной жизни и плоды фантазіи такъ искусно переплетены между собою, что читатель все время находится подъ обаяніемъ разсказчика и остается въ недоумѣніи, гдѣ кончаются тяжелый сонъ (cauchemar), бредъ раненаго, разсказъ сумасшедшаго—и начинается дѣйствительность. Большую прелесть этой повѣсти составляетъ описаніе обстановки, среди которой происходитъ дѣйствіе въ имѣніи бригадирши Сугробиной подъ Москвой и въ городѣ Комо въ Ломбардіи. Въ этихъ послѣднихъ главахъ чувствуется сильное вліяніе на молодого автора послѣдняго его путешествія по Италіи [1]). Въ 1840 году, онъ былъ въ Комо одновременно съ На-

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1897 г., VII, стр. 110.

слѣдникомъ Цесаревичемъ, подробно осматривалъ Villa d'Este, которая такъ подробно описана въ его разсказѣ, и часто гулялъ около озера. По словамъ Владиміра Соловьева, „весь разсказъ есть удивительно сложный узоръ на канвѣ обыкновенной реальности“ [1]).

Сюжетъ разсказа „Семья вардулака“ менѣе сложенъ. Поэтому мы постараемся его изложить подробнѣе, чтобы дать читателямъ понятіе объ этой сторонѣ творчества гр. А. К. Толстого.

Молодой французскій аристократъ, маркизъ д'Юрфе, былъ отправленъ, въ 1769 г., съ дипломатическимъ порученіемъ изъ Парижа въ Яссы, къ молдавскому господарю. Когда онъ доѣхалъ до Сербіи, то наступила весна, рѣки вскрылись, и ѣхать дальше не было возможности. На нѣсколько дней маркизу пришлось остановиться въ деревушкѣ, которая находилась вблизи небольшого монастыря. Онъ устроился въ семьѣ крестьянина Георгія, который радушно принялъ его подъ свою кровлю. Семья Георгія состояла изъ него самого, жены, двухъ мальчиковъ, младшаго брата Петра, сестры красавицы Зденки и отца старика Горши.

Когда маркизъ пріѣхалъ, старика дома не было; нѣсколько дней тому назадъ, взявъ свою винтовку, онъ ушелъ въ горы сражаться съ турками. Прощаясь съ сыномъ, Горша далъ ему странное приказаніе: „Если я приду черезъ десять дней, то ты можешь радоваться моему возвращенію; если же я вернусь послѣ десяти дней, то сдѣлай осиновый колъ и вбей мнѣ въ сердце, такъ какъ подъ моей личиной къ тебѣ пришелъ вардулакъ“. Въ день пріѣзда маркиза въ хатѣ царило волненіе. Это былъ десятый день послѣ ухода отца. Солнце стало клониться къ западу, а старика все еще не было. Пробилъ уже часъ, когда отецъ, десять дней тому назадъ, оставилъ родную хату, но онъ все не возвращался. Семья молча сѣла за ужинъ. Вдругъ изъ-за опушки сосѣдняго лѣса показалась высокая фигура старика, который медленными шагами приближался къ деревнѣ. Онъ вошелъ въ хату, грубо поздоровался со своими и сѣлъ въ уголъ. Лицо его было мертвенно-блѣдно, глаза его были тусклы и впалы, а на груди около сердца видна была запекшаяся кровь...

Ночью маркизъ проснулся. Ему казалось, что какая-то тяжесть сдавила ему грудь. Онъ открылъ глаза и увидалъ, что на дворѣ у окна стоитъ Горша и впился въ него своими угасшими глазами. Но какъ только маркизъ всталъ съ постели, Горша исчезъ въ темнотѣ...

---

[1]) Въ настоящее время эта повѣсть перестала быть библіографической рѣдкостью. Она вновь издана подъ заглавіемъ: „Упырь“. Разсказъ гр. А. К. Толстого, съ предисловіемъ Вл. Соловьева. Спб. 1900 г.

Черезъ нѣсколько часовъ путешественникъ снова проснулся и услыхалъ, что въ сосѣдней комнатѣ старшій изъ сыновей Георгія разговариваетъ съ дѣдомъ. Послѣдній звалъ его на улицу, но мальчикъ отказывался, ссылаясь на запрещеніе матери. Но когда старикъ обѣщалъ подарить ему ятаганчикъ, ребенокъ не утерпѣлъ и выскочилъ въ окно...

Подъ утро маркизъ былъ разбуженъ громкимъ плачемъ. Въ домѣ царило смятеніе. Мальчикъ исчезъ безслѣдно, и мать горько рыдала о потерѣ своего любимца. Вскорѣ принесли несчастнаго ребенка, котораго нашли во рву за деревней. Онъ былъ безъ чувствъ и мертвенно блѣденъ, на шеѣ его видна была ранка отъ укуса. Черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ, къ большому горю родителей. Когда прошелъ первый приступъ печали, Георгій ушелъ въ лѣсъ и вернулся, неся въ рукахъ осиновый колъ. Къ вечеру, во время ужина, вновь появился Горша, который пропадалъ цѣлыя сутки, и направился къ столу. Но Георгій схватилъ осиновый колъ и бросился на отца. Оба выбѣжали на улицу, а затѣмъ скрылись за опушкой лѣса. Когда Георгій пришелъ назадъ, осиноваго кола у него не было...

Во время этихъ событій гость не имѣлъ возможности объясниться съ сестрой хозяина, Зденкой, красота которой произвела на него большое впечатлѣніе. На слѣдующій день маркизъ улучилъ минуту и, войдя въ комнату дѣвушки, завелъ съ ней разговоръ; они оба увлеклись бесѣдой и не замѣтили, какъ открылась дверь и на порогѣ появился Георгій. „Баринъ,—сказалъ онъ гостю,—вода въ рѣкѣ спала, бродъ уже виденъ, и лошадь ваша отдохнула, поэтому вамъ пора въ дорогу“... Какъ ни трудно было маркизу разставаться съ прелестной дѣвушкой, но дѣлать было нечего; онъ поблагодарилъ хозяевъ, осѣдлалъ свою лошадку и пустился въ путь.

Дѣла задержали его въ Молдавіи довольно долго, и пока онъ собрался въ обратное путешествіе, прошло около года.

Проѣзжая по Сербіи, маркизъ остановился въ монастырѣ Божьей Матери подъ дубомъ, вблизи той деревни, гдѣ жилъ Георгій. Желая узнать, что подѣлываютъ его хозяева, путешественникъ сталъ разспрашивать старика-монаха. Этотъ послѣдній грустными очами взглянулъ на своего собесѣдника и отвѣтилъ, что всѣ умерли,—сначала Георгій и его семья, а потомъ и вся деревня. Горша, этотъ старый вардулакъ, всѣхъ втянулъ въ могилу. Онъ высосалъ кровь у мальчика. Тотъ ночью поднялся изъ сырой могилы и пришелъ стучаться въ теплую хату своихъ родителей. Вмѣсто того, чтобы отослать его на кладбище, мать

впустила мальчика къ себѣ; а въ благодарность за это онъ высосалъ кровь у матери и у брата; они умерли и съ своей стороны пришли ночью въ хату и высосали кровь у Георгія и Петра, а Зденка помѣшалась отъ горя. Затѣмъ они общими силами стали губить сосѣдей, такъ что теперь вымерла вся деревня.

Маркизъ не повѣрилъ и, несмотря на предостереженіе монаха, который совѣтовалъ ему переночевать около монастыря, поѣхалъ въ деревню, куда его тянули пробудившіяся воспоминанія о милой дѣвушкѣ.

Когда всадникъ подъѣхалъ къ селенію,—его поразила гробовая тишина. Все здѣсь вымерло, нигдѣ не было видно живой души. Маркизъ съ легкостью разыскалъ хату Георгія, двери которой стояли настежь. Поставивъ своего коня въ стойло, онъ вошелъ въ хату и открылъ дверь въ комнату Зденки. Вещи были разставлены въ полномъ порядкѣ, какъ и прежде, не было только хозяйки. Маркизъ сѣлъ на кровать несчастной дѣвушки, замечтался и крѣпко заснулъ...

Ночью его разбудило чье-то дыханіе, которое коснулось его лица. Онъ открылъ глаза и увидалъ Зденку, которая стояла предъ нимъ въ полной своей красѣ.

„Дорогой мой, желанный!—говорила дѣвушка—какъ долго я тебя ждала!“ Маркизъ вскочилъ съ постели, и уста ихъ слились въ безумномъ поцѣлуѣ... Вдругъ онъ почувствовалъ какую-то острую боль въ горлѣ. Онъ выпустилъ Зденку, провелъ рукой по шеѣ и замѣтилъ, что онъ довольно сильно оцарапался объ острый крестикъ, который висѣлъ у него же на груди. Въ это время его взглядъ упалъ на окно, и къ ужасу своему онъ увидалъ всю семью вардулака. Горша впился въ него своими угасшими, впалыми глазами, Георгій грозилъ ятаганомъ, а жена его привела своихъ дѣтей и указывала имъ на путешественника.

Подъ благовиднымъ предлогомъ маркизъ оставилъ Зденку и бросился разыскивать своего коня. Онъ нашелъ его въ стойлѣ, гдѣ онъ нетерпѣливо рылъ копытами землю и рвалъ удила. Какъ только маркизъ сѣлъ на лошадь, она, какъ стрѣла, помчалась по знакомой дорогѣ къ монастырю. Какъ ни быстро они скакали, но маркизъ вскорѣ почувствовалъ, что за нимъ гонятся. Оглянувшись назадъ, онъ увидалъ всю семью вардулаковъ. Впереди шагалъ Горша, который, опираясь на свой осиновый колъ, дѣлалъ громадные шаги. За нимъ бѣжала жена Георгія и тащила своихъ дѣтей, которыя цѣплялись за ея руки и платье. Вдругъ Горша схватилъ одного мальчика и бросилъ въ бѣглеца, но старикъ промахнулся, и мальчикъ упалъ на землю; тогда Горша

бросилъ второго. На этотъ разъ ребенокъ повисъ на гривѣ лошади. Но всадникъ сшибъ его сильнымъ ударомъ кулака...

Неизвѣстно, что̀ было далѣе, но когда маркизъ проснулся, то было свѣтло. Онъ лежалъ на краю большой дороги, а рядомъ съ нимъ издыхала его лошадь...

Вотъ этотъ простой, но удивительно сильный разсказъ. Самъ гр. Толстой, повидимому, не придавалъ ему особаго значенія, ибо онъ не собрался даже перевести его на русскій языкъ. Во второе изданіе своихъ сочиненій, которое покойный поэтъ самъ приготовилъ для печати, онъ не включилъ даже разсказа „Упырь". Повидимому, въ душѣ поэта произошелъ переворотъ; дойдя въ „Трилогіи" до кульминаціоннаго пункта своего творчества, онъ отвернулся отъ первыхъ своихъ работъ. Мы же иначе смотримъ на эти два разсказа: „Упырь", по замыслу и исполненію, несомнѣнно маленькій шедёвръ; но и „Семья вардулака" заслуживаетъ полнаго одобренія по живости разсказа и прекрасной характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, которыя, какъ живыя, стоятъ предъ нами, несмотря на то, что они очерчены лишь немногими штрихами. По словамъ Вл. Соловьева, влеченіе къ таинственному и необычайному въ наши дни все болѣе распространяется, но элементъ истинно-фантастическаго представленъ въ современной литературѣ очень слабо. Поэтому оба разсказа гр. А. К. Толстого, носящіе печать его таланта, заслуживаютъ полнаго вниманія. Для біографа же эти пьесы представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ первые опыты творчества талантливаго поэта.

VII.

Нашъ поэтъ принадлежалъ къ числу немногихъ русскихъ людей, у которыхъ юморъ составлялъ основную черту характера. Поэтому здоровый смѣхъ и добродушная шутка прорывались у него въ разговорѣ, въ письмахъ и въ цѣломъ рядѣ произведеній. Кто-то вѣрно замѣтилъ, что „гр. Толстой постоянно перемѣшивалъ серьезное съ шуткой, безъ которой онъ рѣшительно не могъ жить" [1]). Примѣромъ этого служитъ письмо къ Я. П. Полонскому, написанное въ началѣ 60-хъ годовъ. Послѣ серьезнаго обмѣна мыслей, графъ неожиданно дѣлаетъ скачокъ въ сторону: „Крѣпко жму вашу руку и желаю во снѣ видѣть каменную Авдотью. Для этого совѣтую положить съ собою въ

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1895 г., XII, стр. 634.

постель зрительную трубу". Эту характерную особенность гр. Толстого, т.-е. неожиданный переходъ отъ серьезной мысли къ шуткѣ, мы можемъ отмѣтить и въ его стихотвореніяхъ. Въ „Крымскихъ очеркахъ" имѣется, напр., слѣдующая прелестная бездѣлка:

„Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты,
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!
Но мѣшаетъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ
Скорпіонъ, сороконожка
И фигуры англичанъ".

Намъ кажется, что прирожденная веселость была тою чертою характера, которую гр. Толстой получилъ, вмѣстѣ съ другими благами, въ наслѣдство отъ семьи Перовскихъ. Его дядя Алексѣй Алексѣевичъ, на рукахъ котораго онъ выросъ, славился въ свѣтскомъ обществѣ своимъ юморомъ, и въ Москвѣ сохранилось о немъ немало анекдотовъ. Напримѣръ, однажды онъ убѣдилъ своего хорошаго знакомаго въ томъ, что онъ, Перовскій, въ качествѣ великаго мастера какой-то русской ложи, можетъ принять его въ число масоновъ. Церемонію принятія въ тайное общество Перовскій обставилъ цѣлымъ рядомъ комическихъ обрядовъ и, въ концѣ концовъ, отобралъ отъ новаго масона подписку, что „онъ бобра не убилъ" [1]). Подобныя продѣлки повторялись, вѣроятно, нерѣдко; недаромъ кн. Вяземскій [2]) посвятилъ А. А. Перовскому слѣдующее четверостишіе:

„Прости, проказникъ милый;
Ты ѣдешь, добрый путь,
Твой геній златокрылый
Тебѣ попутникъ будь".

Описанная нами шутка Перовскаго очень напоминаетъ тѣ продѣлки, которыя приписываютъ его племянникамъ, гр. А. К. Толстому и братьямъ Жемчужниковымъ. Мать этихъ послѣднихъ Елизавета Алексѣевна, урожденная Перовская, была родная сестра гр. Анны Алексѣевны Толстой. Когда Елизавета Алексѣевна умерла, оставивъ маленькихъ дѣтей, то гр. Толстая взяла къ себѣ ея дочь Анну и воспитывала вмѣстѣ съ своимъ Алешей.

---

[1]) Кирпичниковъ, „А. Погорѣльскій". „Историческій Вѣстникъ" 1870 г., X.
[2]) Сочиненія, III, стр. 20.

Мы должны были остановиться на Жемчужниковыхъ, потому что при ихъ участіи гр. Толстой въ 40-хъ годахъ создалъ произведенія Козьмы Пруткова. Въ „Біографическихъ свѣдѣніяхъ о Козьмѣ Прутковѣ“ [1]) указано, что его литературную личность создали и разработали гр. Толстой, Владиміръ и Алексѣй Михайловичи Жемчужниковы. Кромѣ того, сотрудничество въ этомъ дѣлѣ было оказано Александромъ Михайловичемъ Жемчужниковымъ и Петромъ Павловичемъ Ершовымъ. Въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони о В. А. Арцимовичѣ [2]) мы нашли указаніе, что вдова послѣдняго, Анна Михайловна, урожденная Жемчужникова, также принимала участіе въ этомъ изданіи.

Какъ велась общая работа, кто авторъ отдѣльныхъ стихотвореній или изреченій,—мы сказать не можемъ въ виду полнаго отсутствія матеріаловъ. Вѣроятно, они написаны въ 40-хъ годахъ, потому что первыя изъ этихъ юмористическихъ пьесъ появились на страницахъ „Современника“ въ 1851 г.; затѣмъ, вторая партія была напечатана тамъ же въ 1853 и 1854 гг., а третья—въ 1860—1864 гг.

Сборникъ этотъ содержитъ: стихотворенія, „Выдержки изъ записокъ дѣда Козьмы Пруткова“ и драматическія произведенія. Но наибольшей популярностью пользуются „Плоды раздумья“. Это—рядъ мыслей и афоризмовъ, которые безконечно авторитетны, но при всей наивности не лишены наблюдательности и яда. Для лучшей оцѣнки этихъ блёстокъ юмора мы приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„Спеціалистъ подобенъ флюсу, полнота его одностороння“. „Вакса чернитъ съ пользою, а человѣкъ съ удовольствіемъ“. „Многіе люди подобны колбасамъ: чѣмъ ихъ начиняютъ, то они и носятъ въ себѣ“. „Чувствительный человѣкъ подобенъ сосулькѣ: пригрѣй его—онъ растаетъ“. „Если у тебя есть фонтанъ, заткни его;—дай отдохнуть и фонтану“.

Намъ кажется, что эти остроумныя и забавныя мысли создали успѣхъ книги, которая издана уже 9-мъ изданіемъ и пріобрѣла себѣ прочныя симпатіи русской публики. Стихотворенія и драматическія пьесы Козьмы Пруткова заслуживаютъ, по нашему скромному мнѣнію, меньшаго вниманія, такъ какъ чувствуется, что юморъ въ нихъ иногда дѣланный и далеко не всегда заразителенъ.

Участіемъ въ этомъ изданіи гр. Толстой началъ серію своихъ сатирическихъ пьесъ и до послѣднихъ дней, несмотря на болѣзнь и упадокъ силъ, не потерялъ своего юмора.

[1]) Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова. Изд. 2-ое, стр. XVII.

[2]) „За послѣдніе годы“. Спб. 1896 г., стр. 354.

Его веселыя вещицы разбросаны по разнымъ журналамъ гдѣ, онѣ печатались вмѣстѣ съ его письмами или на основаніи рукописей, сохранившихся у разныхъ лицъ. Авторъ, повидимому, не придавалъ имъ особаго значенія или лѣнь мѣшала ему привести ихъ въ порядокъ. Во всякомъ случаѣ, въ полномъ собраніи его сочиненій, куда гр. Толстой включилъ всѣ лучшія свои произведенія, дозволенныя цензурою, многаго нѣтъ. Но поклонники его золотого юмора чрезвычайно цѣнятъ его сатирическія стихотворенія и разыскиваютъ ихъ на страницахъ періодическихъ изданій.

Въ виду такого безпорядка возникъ довольно нежелательный фактъ: въ публикѣ ходитъ по рукамъ довольно много шуточныхъ произведеній, приписываемыхъ гр. Толстому, тогда какъ онъ никогда ихъ авторомъ не былъ. Въ письмахъ мы находимъ его личное увѣреніе, что „Ѳедорушка"—не его дѣтище [1]). Послѣ его смерти, Владиміръ Жемчужниковъ протестовалъ противъ злоупотребленія псевдонимомъ Козьмы Пруткова, которое позволила себѣ редакція газеты „Вѣкъ". Но самое безцеремонное злоупотребленіе именемъ гр. А. К. Толстого практикуетъ женевскій книгопродавецъ Эльпидинъ. Онъ издалъ „Сказку про то, какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться", и на заглавномъ листѣ ея обозначилъ, что она написана графомъ А. К. Толстымъ. Но каждый мыслящій человѣкъ, который внимательно прочелъ это произведеніе, долженъ понять, что покойный поэтъ никакого отношенія къ нему не имѣлъ и не имѣетъ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ слѣдующаго отрывка.

Царь Ахреянъ пришелъ къ Богу жаловаться на своихъ подданныхъ и слышитъ изъ устъ Саваоѳа слѣдующія рѣчи:

„Было въ оные дни стародавніе
Наказалъ я разокъ родъ Израилевъ
За его ослушанье великое
И за всѣ прегрѣшенія прежнія:
Повелѣлъ Самуилу Премудрому,
Чтобъ избралъ пастушонка ослинаго
Онъ насмѣхъ во цари надъ Израилемъ,
Чтобъ казнились людишки безмозглые,
Не просили-бъ царей себѣ идоловъ...
Вишь, съ тѣхъ поръ и пошла ложь великая:
Брешутъ ваши попы толстопузые,
Будто я васъ всѣхъ, дурни, помазывалъ!.."

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1895 г., XI, стр. 184; „Новое Время", 1883 г., № 2496.

Графъ А. К. Толстой былъ человѣкъ воспитанный, со вкусомъ, и, несмотря на свое отвращеніе къ службѣ, вѣрноподданный своего государя и убѣжденный монархистъ. Поэтому подобное стихотвореніе, начиненное бранными словами и грѣшащее самымъ отчаяннымъ образомъ противъ версификаціи, никогда не могло выйти изъ-подъ его пера. Брошюра г. Эльпидина представляетъ собою новый, но недостойный методъ распространенія подпольныхъ изданій.

Къ числу юмористическихъ вещей гр. Толстого мы должны отнести слѣдующія: 1) Мелочи, напечатанныя при письмахъ, среди которыхъ попадаются чрезвычайно интересныя бездѣлки, какъ, напримѣръ, „Баллада о мандаринѣ, носящемъ миленькую фамилію Дпу-Кинъ-Дзинъ". 2) Медицинскія стихотворенія. О содержаніи ихъ можно судить по образчикамъ: „Навозный Жукъ" и „Врачъ и пономарь" [1]), которые не лишены забавности; намъ лично гораздо менѣе нравится „Бунтъ въ Ватиканѣ", такъ какъ разговоръ папы съ взбунтовавшимися кастратами слишкомъ наивенъ и нѣсколько циниченъ; даже съ точки зрѣнія формы эта шуточная баллада далеко не безупречна. 3) Камергеръ Деларю — стихотвореніе болѣе серьезное и законченное; въ немъ осмѣивается очень милымъ образомъ теорія непротивленія злу, которая, повидимому, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ имѣла своихъ поклонниковъ. Въ этомъ произведеніи удачно осмѣяны соціальныя утопіи, какъ въ „Балладѣ безъ тенденціи" („Порой веселой мая") гр. Толстой высмѣялъ матеріалистовъ 60-хъ годовъ.

Среди сатирическихъ поэмъ самыми крупными и самыми интересными въ художественномъ отношеніи являются: „Русская Исторія отъ Гостомысла" [2]) и „Сонъ Статскаго Совѣтника Попова" [3]). Въ „Русской Исторіи" передъ нами пестрой вереницей проходятъ правители земли родной, и для каждаго изъ нихъ авторъ находитъ мѣткое и безобидное словечко, которымъ характеризуются правленіе монарха и его личность. Въ особенности остроумно гр. Толстой отмѣтилъ нѣкоторую неискренность въ характерѣ и политикѣ Екатерины II:

„Madame, при васъ на диво
Порядокъ зацвѣтетъ", —

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1895 г., X, стр. 650, и „Русскій Архивъ" 1889 г., т. III, стр. 134.

[2]) „Русская Старина", 1883 г., № 11.

[3]) Тамъ же, 1882 г., № 12, стр. 701—712. Обѣ пьесы изданы отдѣльными брошюрами въ Берлинѣ у Бера, въ 1884 и 1896 гг.

Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ,

„Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать“.

„Messieurs, имъ возразила
Она, vous me comblez“,
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

„Сонъ Статскаго Совѣтника Попова“, которому пришло на умъ, что —

„Поздравить онъ министра въ имянины
Въ пріемный залъ вошелъ безъ панталонъ“,

—былъ оконченъ въ 1873 году, когда авторъ страдалъ ужасными невралгіями. Получивъ эту поэму, Маркевичъ писалъ ему [1]): „Только вамъ однимъ приходятъ въ голову подобныя мысли. Это очень мило; но я еще болѣе восхищаюсь тѣмъ свѣтлымъ настроеніемъ души, которое позволяетъ вамъ переноситься въ міръ комизма и шутокъ въ то время, когда вы находитесь подъ бременемъ физическихъ страданій. Быть можетъ, впрочемъ, это и есть борьба вашего ума съ вашей болѣзнью“... „Въ смыслѣ техники вы достигли въ настоящей поэмѣ необыкновеннаго совершенства“. Къ этой оцѣнкѣ Маркевича мы безусловно присоединяемся. Въ поэмѣ „Сонъ Попова“ хороши не только рѣчи министра и допросъ Попова въ 3-мъ Отдѣленіи, но и вся обстановка, всѣ маленькія лица, которыя выведены авторомъ на сцену. Напримѣръ, пріемная у министра, чиновники, курьеры и, наконецъ, служащіе у шефа жандармовъ: лазоревый полковникъ, который такъ мягко стелетъ, и дежурный чиновникъ, украшенный неизвѣстно за какія заслуги мальтійскимъ крестомъ и множествомъ медалей.

Заканчивая настоящую главу, нельзя не упомянуть объ отношеніи нашей цензуры къ этимъ двумъ поэмамъ. Графъ А. К. Толстой читалъ ихъ государынѣ въ 1869 и 1873 гг. и заслужилъ ея полное одобреніе; затѣмъ онѣ были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, а между тѣмъ отдѣльное изданіе этихъ остроумныхъ вещей въ Россіи цензура не допускала. Мало того, при таможенномъ досмотрѣ на границѣ или при обыскѣ, производимомъ полиціей въ домахъ, эти брошюры въ заграничномъ

[1]) Письма Маркевича, стр. 129.

изданіи отбираются наравнѣ съ подпольной литературой, съ которой онѣ не имѣютъ ничего общаго.

VIII.

Изъ крупныхъ произведеній гр. А. К. Толстого драматическая поэма „Донъ-Жуанъ“ пользуется у читающей публики широкой популярностью. Весной 1861 года, эта поэма была окончена и прочтена въ петербургскомъ обществѣ, а черезъ годъ она появилась въ печати, на страницахъ „Русскаго Вѣстника“. Наши критики разбирали ее неоднократно и отнеслись къ ней довольно сурово. Кн. Д. Церетелевъ [1]) находитъ, что „Донъ-Жуанъ“ не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній гр. Толстого; съ другой стороны, тотъ же авторъ признаетъ, что „основная мысль этой поэмы затрогиваетъ самые сложные и глубокіе вопросы человѣческой жизни; оставаясь на границахъ поэзіи и метафизики, она представляетъ выдающееся явленіе не только въ русской, но и въ европейской литературѣ“. Тутъ есть противорѣчіе, которое намъ не совсѣмъ понятно. Если „Донъ-Жуанъ“ не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ нашего поэта, то онъ, конечно, не можетъ занимать выдающагося мѣста въ міровой литературѣ.

Детальный разборъ этой поэмы мы находимъ въ письмѣ Маркевича, отъ 15-го мая 1861 г., къ автору и въ отвѣтныхъ письмахъ сего послѣдняго [2]), но, къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ входить въ эти подробности.

Нашъ личный взглядъ на „Донъ-Жуана“, въ обработкѣ гр. А. К. Толстого, также отрицательный, и, чтобы выяснить нашу точку зрѣнія, мы должны обратиться къ исторіи этого сказанія во всемірной литературѣ.

Сюжетъ Донъ-Жуана взятъ изъ испанской жизни временъ Карла V, или Петра Жестокосердаго, и первая драма на эту тему написана монахомъ Тирсо ди-Молина. Дѣйствіе было перенесено въ Севилью, а главнымъ лицамъ драмы авторъ далъ фамиліи мѣстныхъ дворянскихъ семействъ. Его герой Донъ-Жуанъ Теноріо обладаетъ всѣми качествами, которыя цѣнятъ женщины: онъ былъ красивъ, силенъ, безстрашенъ и богатъ. Поэтому всѣ

---

[1]) „Основная идея „Донъ-Жуана“ гр. А. К. Толстого“. „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“. Сезонъ 1900—1901 г. Приложеніе.

[2]) Его письма, стр. 1—16.

красавицы Испаніи влюблялись въ него, а Донъ-Жуанъ этимъ пользовался, ибо его сладострастіе не знало предѣловъ. Увидавъ красивую женщину, онъ добивался ея взаимности, а затѣмъ, когда онъ достигалъ цѣли, она теряла для него всякую прелесть; онъ ее бросалъ и заводилъ новую интригу. Мужчинъ же молодыхъ и старыхъ, которые стояли поперекъ его дороги и противились его волѣ, напоминая ему о долгѣ и чести, онъ убивалъ, ибо шпага его была столь же опасна для противниковъ, какъ огонь его очей для женскихъ сердецъ. Вотъ сущность этой старой сказки.

Набожный монахъ не могъ допустить, чтобы зло осталось безнаказаннымъ; поэтому онъ придумалъ кару для безбожнаго героя и трагическій исходъ для своей драмы. Въ числѣ жертвъ Донъ-Жуана находилась и Донна Анна, дочь старика командора де-Уллоа. Донъ-Жуанъ не только обезчестилъ дочь, но и убилъ ея отца, который бросился на него со шпагою, чтобы отомстить за свою поруганную честь.—Однажды ночью безстрашный рыцарь попадаетъ на кладбище и, увидавъ статую командора, приглашаетъ его къ себѣ на ужинъ. Въ условленный часъ статуя появляется и требуетъ, чтобы Донъ-Жуанъ далъ ей руку. Кутила, не знающій страха, и тутъ остается вѣрнымъ себѣ. Но, исполнивъ требованіе командора, онъ сейчасъ же чувствуетъ, что смерть передъ нимъ и что вырвать своей руки изъ кулака каменнаго гостя онъ не можетъ. Несмотря на это, Донъ-Жуанъ не желаетъ каяться въ своихъ грѣхахъ и проваливается въ преисподнюю вмѣстѣ со статуей.

Такимъ образомъ, порокъ получилъ наказаніе, и жертвы разгульной жизни Донъ-Жуана отомщены. Но духовенству этого показалось мало. Донъ-Жуанъ умеръ безъ покаянія, презрѣвъ церковь и ея ученіе; этого нельзя было допустить съ точки зрѣнія вѣрующаго католика. Поэтому впослѣдствіи конецъ поэмы былъ передѣланъ; въ новой обработкѣ герой поэмы Донъ-Жуанъ де-Маранья умираетъ не въ своемъ дворцѣ отъ руки командора, а въ монастырѣ близъ Кордовы, гдѣ онъ, какъ кающійся грѣшникъ, проводитъ свои послѣдніе дни. Эти двѣ обработки отличаются другъ отъ друга своимъ концомъ, основное же положеніе обѣихъ поэмъ—то же самое: развратная жизнь ведетъ къ неминуемой гибели.

Сюжетъ этотъ оказался удивительно живучимъ. Изъ Испаніи онъ въ XVII вѣкѣ перешагнулъ въ Италію, оттуда во Францію, гдѣ Мольеръ написалъ свою комедію „Don Juan, ou le festin de pierre“; въ 1787 г. Lorenzo da Ponte создалъ прелестное ли-

бретто для Моцартовской оперы, благодаря которой эта поэма и получила свою широкую популярность. Въ XIX столѣтіи „Донъ-Жуаномъ“ заинтересовались въ Германіи; Граббе, Ленау, Гофманъ, Голтей и другіе принялись за его обработку. Но они пошли по новой дорогѣ и совершенно исказили типъ, созданный въ XVI столѣтіи испанскими драматургами. У Тирсо ди-Молина Донъ-Жуанъ является натурой чувственной, эгоистичной, безжалостной, но цѣльной и сильной. Онъ прямо идетъ къ своей цѣли и не останавливается ни предъ преградами, ни предъ людьми. Нѣмецкіе же поэты сблизили Донъ-Жуана съ Фаустомъ, несмотря на то, что эти два характера совершенно различны. Фаустъ, въ особенности въ нѣмецкихъ сказкахъ,—идеалистъ, а Донъ-Жуанъ, живетъ только для себя и своихъ чувствъ. Поэтому, чтобы сблизить эти два лица, необходимо было сдѣлать логическую ошибку: Донъ-Жуана превратили изъ кутилы въ искателя идеала, но при этомъ забыли, что человѣкъ, который ищетъ въ женщинѣ душевную красоту, не станетъ мѣнять своихъ возлюбленныхъ, какъ перчатки, и вести списокъ, въ которомъ фигурируютъ три тысячи и три красотки. Чтобы пріобрѣсти любовь, необходимо сойтись съ женщиной, понять и оцѣнить ее; а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если отношенія будутъ долговременныя. Отсюда же вытекаетъ, что мужчина, который сходится съ женщиной вечеромъ, чтобы бросить ее утромъ, не думаетъ искать идеала. Ему нужна красивая, веселая любовница — и больше ничего. Кто считаетъ свои побѣды тысячами, какъ Донъ-Жуанъ, тому некогда думать о постоянной любви.

По этимъ соображеніямъ мы приходимъ къ выводу, что усилія нѣмецкихъ поэтовъ облагородить испанскаго гранда и спасти его въ глазахъ моралистовъ, совершенно тщетны. Если сравнить нѣмецкія драмы и повѣсти съ старинной драмой Тирсо ди-Молина, то окажется, что пальма первенства безусловно принадлежитъ этой послѣдней. Донъ-Жуанъ, созданный испанскими монахами, живетъ и дѣйствуетъ, тогда какъ у Ленау и др. онъ философствуетъ и произноситъ туманныя рѣчи.

Графъ А. К. Толстой, начитавшійся романтической и фантастической литературы, пошелъ по пути нѣмецкихъ поэтовъ. Онъ не могъ отрѣшиться отъ прелести оперы Моцарта, но посвятилъ свой трудъ не только ему, но и Гофману, такъ какъ этотъ послѣдній первый понялъ, „что Донъ-Жуанъ—искатель идеала, а не кутила“ [1]).

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, стр. 634.

Высказанное нами объ исторіи сюжета и о творчествѣ нѣмецкихъ поэтовъ всецѣло относится къ поэмѣ гр. Толстого. Его герой—не только поклонникъ женщинъ, но и мыслитель, философъ и мистикъ, который мучится анализомъ своихъ чувствъ. Недаромъ поэма такъ богата монологами. Наконецъ, въ ней почти нѣтъ женщинъ. Кромѣ Донны Анны, ни одна не принимаетъ активнаго участія въ жизни героя. Недаромъ какая-то наивная нѣмочка спросила автора: „А гдѣ же Церлина?"

Нельзя не признать, что, отойдя отъ простоты старинной сказки, поэтъ испортилъ эффектъ появленія статуи. У Тирсо-ди-Молина, Мольера и да-Понте только статуя выходитъ на сцену; у Толстого же статуя и самъ сатана появляются одновременно передъ зрителями. По вѣрному замѣчанію Маркевича, это два однородныхъ эффекта, которые стоятъ рядомъ и ослабляютъ впечатлѣніе.

Но главный недостатокъ, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что гр. Толстой соединилъ въ своей поэмѣ конецъ обѣихъ испанскихъ драмъ: появленіе статуи взято изъ „Донъ-Жуана Теноріо", а покаяніе въ монастырѣ—изъ „Донъ-Жуана де-Маранья". Между тѣмъ, невозможно связать эти двѣ драмы въ одно органическое цѣлое. Въ „Донъ-Жуанѣ Теноріо" статуя командора необходима: это—неумолимая сила, которая сокрушаетъ нераскаяннаго грѣшника и ударомъ своимъ кончаетъ драму. Въ отношеніи „Донъ-Жуана де-Маранья" командоръ безсиленъ. Въ душѣ героя произошелъ переворотъ: онъ понялъ всю тяжесть своихъ грѣховъ и ушелъ въ монастырь. Съ момента, когда у Донъ-Жуана въ груди проснулись лучшія чувства, ангелы его ограждаютъ. Поэтому появленіе статуи и сатаны совершенно безполезно. Эффектъ этой сцены такимъ образомъ получился настолько слабый, что даже самъ авторъ въ своей полемикѣ съ Маркевичемъ долженъ былъ признать это.

Наконецъ, необходимо отмѣтить громадное вліяніе „Фауста" Гёте. Рабскаго подражанія нѣтъ, ибо сюжетъ иной, но нельзя не сказать, что прологъ „Донъ-Жуана", а также борьба ангеловъ съ сатаной и статуей весьма напоминаютъ „Фауста", остроумный же сатана—очень похожъ на Мефистофеля. Какъ видно изъ эпиграфа, гр. Толстому хотѣлось воплотить въ человѣческихъ образахъ борьбу добра со зломъ. Но для этого сюжетъ оказался слишкомъ узкимъ. Фаустъ прожилъ три жизни; онъ былъ ученымъ, молодымъ жуиромъ и, наконецъ, правителемъ страны, а Донъ-Жуанъ думалъ только о женщинахъ. Фаустъ свою чистую любовь и связь съ Маргаритой искупилъ рядомъ страданій, а Донъ-

Жуанъ чистой любви не зналъ и жилъ въ свое удовольствіе. Поэтому къ „Фаусту“ примѣнимы слова поэта:

Es irrt der Mensch, so lang er strebt, —

но про Донъ-Жуана этого сказать невозможно, ибо его „streben“ односторонне и полно эгоизма.

Покончивъ наши критическія замѣчанія, мы должны повторить то, съ чего начали. Что бы ни возражали любители и знатоки литературы противъ основныхъ положеній автора, въ широкихъ кругахъ русскаго общества,— „Донъ-Жуанъ“ графа Толстого чрезвычайно популяренъ. Съ одной стороны, и здѣсь сказалась живучесть сюжета, а съ другой—масса красивыхъ, звучныхъ стиховъ и безконечное число прелестныхъ частностей подкупаютъ читателя.

Было время, когда почти въ каждомъ концертѣ можно было услышать:

„Гаснутъ дальней Альпухарры
Золотистые края“...

Серенада имѣетъ много поклонниковъ, несмотря на то, что самъ авторъ считалъ ее незначительной [1]). Но пѣсенка, которую поетъ Донъ-Жуанъ, прощаясь съ своей родиной, полна прелести:

„Мирно ночь благовонная
Опустилась окрестъ;
На излучины сонныя
Смотрятъ тысячи звѣздъ“...

Тутъ все интересно: размѣръ, звучность стиха, а главное, богатство образовъ, доходящее до того, что почти въ каждой строфѣ—новая картина. Сколько въ этой маленькой пьескѣ слышится легкомыслія, безпечности и задора!

Полную противоположность этой пѣснѣ представляетъ хоръ монаховъ:

„Съ нашей жизнью вѣчно смежная,
Вѣчно ищущая насъ,
Смерть приходитъ неизбѣжная
Въ каждый день и въ каждый часъ.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
Къ небесамъ молящій гласъ!“

Эти строки, полныя строгой красоты и гармоніи, напоминаютъ звуки мощной и величавой фуги Баха, которые раздаются среди стѣнъ стариннаго готическаго собора.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, стр. 639.

IX.

Лирическія стихотворенія обезпечили гр. Толстому крупное положеніе въ нашей литературѣ. Помимо того значенія, которое имъ принадлежитъ какъ художественнымъ произведеніямъ, они имѣютъ большую цѣну для біографа, такъ какъ въ нихъ вылились нравственно чистая личность поэта и его безукоризненный характеръ. Читая эти произведенія, мы уже не найдемъ ни слѣдовъ юношеской неопытности, ни вліянія Гофмана или нѣмецкихъ романтиковъ. Гр. Толстой сталъ самостоятельнымъ, зрѣлымъ поэтомъ, съ опредѣленными воззрѣніями на искусство и его задачи. Его лирическія стихотворенія неоднократно подвергались разбору [1]), но для полноты настоящаго очерка мы должны хоть вскользь упомянуть о нихъ.

Останавливаясь прежде всего на формѣ, мы не можемъ не констатировать, что и въ этомъ отношеніи существуетъ полное разногласіе въ оцѣнкѣ творчества нашего поэта. Съ одной стороны, Скабичевскій и его сторонники находили, что поэзія гр. А. К. Толстого представляетъ собою типъ „чужеяднаго творчества"; съ другой—Ор. Миллеръ увлекался его чисто русской рѣчью и мыслями. А. С. Хомяковъ, въ разговорѣ съ авторомъ, откровенно высказалъ ему самую лестную похвалу: „Ваши стихи,—говорилъ онъ,—такіе самородные, въ нихъ такое отсутствіе всякаго подражанія и такая сила и правда, что еслибы вы не подписали ихъ, мы бы приняли ихъ за старинные народные". Въ искренности Хомякова нельзя сомнѣваться, такъ какъ славянофилы того времени всегда симпатизировали гр. Толстому и стремились сойтись съ нимъ поближе. О своихъ произведеніяхъ этотъ послѣдній, повидимому, нерѣдко бесѣдовалъ и съ другими членами славянофильскаго кружка, которые сдѣлали ему рядъ критическихъ указаній. Объ этомъ мы можемъ заключить изъ тѣхъ строфъ, съ которыхъ начинается его интересное и содержательное посланіе къ Аксакову:

„Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты".

---

[1]) См. статьи Ор. Миллера и Вл. С. Соловьева („Вѣстникъ Европы" 1875 г., XII; 1895 г., V), и у П. К. Щебальскаго и кн. Церетелева („Русскій Вѣстникъ" 1883 г., № 3, и 1900 г. № 11).

Упрекъ этотъ былъ, вѣроятно, вызванъ тѣмъ, что гр. Толстой любилъ вводить въ свою рѣчь архаизмы и создавать свои слова и выраженія, какъ напримѣръ:

„Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей".

Здѣсь поэтъ, путемъ подбора звукоподражательныхъ словъ, желалъ усилить яркость картины. Но справедливость требуетъ признать, что вообще его пьесы отличаются тѣмъ, что ясность мысли и живость красокъ не уступаютъ красотѣ формы. Недаромъ гр. Толстой такъ строго относился къ своимъ произведеніямъ; онъ не любилъ печатать стихотвореній, которыя только-что написаны, и выдерживалъ ихъ въ своемъ портфелѣ по году и болѣе, считая, что только при такомъ условіи авторъ можетъ примѣнить къ своему дѣтищу правильное критическое мѣрило [1]).

Выше мы уже высказали, что значеніе иностранной литературы и основательное знакомство съ Западомъ оказали свое благотворное вліяніе, такъ какъ гр. Толстой отличается разнообразіемъ своихъ темъ. Параллельно съ этимъ мы находимъ, что его стихотворенія чрезвычайно разнообразны и съ внѣшней стороны, ибо размѣръ и форма стиха выбирались сообразно съ содержаніемъ. Напримѣръ, извѣстныя баллады „Пантелей", „Спѣсь", „У приказныхъ воротъ" — блещутъ чисто народной русской рѣчью, тогда какъ „Драконъ" написанъ терцинами, т.-е. такой формой стиха, которая внѣ Италіи встрѣчается очень рѣдко. Эти примѣры служатъ доказательствомъ того, что гр. Толстой владѣлъ стихомъ до виртуозности. Но его лучшія произведенія отличаются не только этимъ; ихъ главное достоинство заключается въ рѣдкой образности рѣчи и звучности стиха. Лучшимъ доказательствомъ этого положенія служитъ эпилогъ „Іоанна Дамаскина":

„Не соловьи въ странѣ привольной
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ.
То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликованье христіанъ —
Что славитъ рѣчію свободной
И хвалитъ въ пѣсняхъ Іоаннъ,
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда".

---

[1]) Кн. Д. Церетелевъ. „Русскій Вѣстникъ" 1900 г.

Это мѣсто знаменитой поэмы чрезвычайно оригинально по своей конструкціи. Первый и третій куплеты состоятъ изъ сравненій въ отрицательной формѣ, а во 2-мъ и въ 4-мъ куплетѣ авторъ указываетъ предметъ, который онъ описываетъ въ этихъ сравненіяхъ, т.-е. вдохновенную проповѣдь Іоанна Дамаскина, произносимую во славу Всевышняго. Сравненія здѣсь такъ красивы и многочисленны, что одно это стихотвореніе служитъ доказательствомъ того, что гр. А. Толстой съ удивительной легкостью мыслилъ образами; а безъ этого качества никакой стихотворецъ не можетъ претендовать на высокое званіе поэта.

Переходя отъ формы къ содержанію его пьесъ, мы и здѣсь не можемъ обойтись безъ нѣкоторыхъ біографическихъ свѣдѣній. Первое стихотвореніе гр. А. К. Толстого „Колокольчики" появилось въ печати въ 1854 г. Если принять во вниманіе, что автору въ это время было уже 37 лѣтъ и что, по выраженію Пушкина, „года шалунью риѳму гонятъ", то придется заключить, что нашъ поэтъ довольно поздно принялся за серьезный трудъ. Безспорно, что онъ началъ работать уже много лѣтъ передъ этимъ, ибо онъ выступилъ передъ читателями совершенно зрѣлымъ поэтомъ. Въ его оправданіе нельзя не сказать, что обстановка, среди которой онъ жилъ, вліяла неблаготворно на его литературную дѣятельность. Съ другой стороны, извѣстная доля лѣни и отсутствіе привычки къ постоянному труду давали себя знать. Въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) онъ прямо говоритъ, что „ждетъ счастливой минуты, чтобы сѣсть за работу". „Я работаю,—продолжаетъ онъ,—какъ пьяницы пьютъ,—запоемъ... Я хочу сказать, что пишу только временами, но уже тогда всей душой"... Поэтому, въ своемъ посланіи къ Б. М. Маркевичу, поэтъ говоритъ про себя:

„Ты правъ, мой своенравный геній
Слеталъ лишь изрѣдка ко мнѣ".

Но, наконецъ, хотя и поздно, благопріятный часъ насталъ.

Сбросивъ съ себя оковы свѣтской жизни, гр. Толстой могъ отдаться творчеству. Въ то же время страсть къ любимой женщинѣ проснулась въ его душѣ и пробудила въ немъ дремавшія творческія силы. „Ты не знаешь,—писалъ онъ женѣ 20 декабря 1857 г., — какой громъ риѳмъ грохочетъ во мнѣ, какія волны поэзіи бушуютъ во мнѣ и просятся на волю". Къ счастью для насъ, эти волны нерѣдко вырывались у него наружу въ видѣ звучныхъ пѣсенъ.

---

[1]) Къ кн. Витгенштейнъ. „Вѣстникъ Европы" 1895 г., XII, стр. 619.

„Меня, во мракѣ и пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова“.

Не на одного гр. Толстого любовь имѣла такое благотворное вліяніе. Въ жизни Гёте женщины играли громадную роль; каждая красавица, которой онъ увлекался, дочь эльзасскаго пастора Friederike Brion, Frau v. Stein и Marianne von Willemer заставили звучать его лиру и были причиной того, что великій поэтъ подарилъ намъ рядъ шедёвровъ, начиная отъ лирическихъ пьесъ своей юности и кончая „Западно-Восточнымъ Диваномъ“ [1]). Несчастная любовь Гейне къ его двоюродной сестрѣ Амаліи была причиной того горя, которое вылилось въ лучшихъ стихотвореніяхъ его „Книги Пѣсней“ [2]). Ту же роль музы, будившей его творческія силы, сыграла въ жизни гр. А. К. Толстого его жена, гр. Софья Андреевна. „Нѣтъ надобности, — говоритъ кн. Церетелевъ [3]) — ни въ біографическихъ подробностяхъ, ни въ большой критической проницательности, чтобы убѣдиться, что всѣ любовныя стихотворенія относятся къ одному и тому же лицу; стоитъ ихъ прочесть въ извѣстной послѣдовательности, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе не только о чувствѣ поэта, но и о той, которой они посвящены“. Дѣйствительно, если начать чтеніе съ стихотворенія: „Средь шумнаго бала“, которое говоритъ о первой встрѣчѣ, перейти къ слѣдующимъ: „Колышется море“, „Не вѣрь мнѣ, другъ“, въ которыхъ чувствуются сомнѣнія поэта въ силѣ взаимной любви, — и остановиться на послѣднемъ: „Минула страсть“, то будетъ ясно, что любовь поэта пустила глубокіе корни въ его сердцѣ, и что всѣ колебанія исчезли.

„Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучитъ сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно,
Все, что не ты—такъ суетно и ложно,
Все, что не ты—безцвѣтно и мертво“.

Это стихотвореніе написано въ 50-хъ годахъ, но если его сопоставить съ письмами, которыя графъ писалъ женѣ въ эту эпоху и въ 1870 г., то будетъ понятна вся сила вліянія, которое имѣла на развитіе его и силу его творчества страсть къ любимой женщинѣ.

---

[1]) Lewes, Goethe's Leben und Werke.
[2]) Karpeles, Heinrich Heine. 1899, S. 49.
[3]) „Русскій Вѣстникъ“, 1900 г., № 44.

Нельзя не отмѣтить еще одной особенности лирической поэзіи гр. Толстого. У него нѣтъ идеализаціи чувственной любви и чувственной красоты. Припомните любое изъ его стихотвореній,—напримѣръ: „Ты помнишь ли вечеръ“, которое мы считаемъ одной изъ лучшихъ его вещей, ибо картина счастья молодой пары полна прелести и красоты. Въ немъ описанъ эпизодъ изъ совмѣстной поѣздки въ Крымъ въ 1856 г., и между тѣмъ ни одной чувственной черты, ни одной слишкомъ страстной ноты. Сколько бы мы ни перебирали стихотвореній гр. Толстого, ранняго и поздняго періода его творчества, мы всегда найдемъ, что онъ цѣнитъ въ женщинѣ прежде всего душевную красоту, и что внѣшняя прелесть его героинь заключается въ глазахъ, въ улыбкѣ, голосѣ и гибкости стана.

Такими же являются женскія лица въ крупныхъ его произведеніяхъ. Тамъ они описаны подробнѣе, и поэтому легко можно уяснить себѣ идеалъ нашего поэта. Въ одной изъ послѣднихъ главъ „Князя Серебрянаго“ мы находимъ описаніе Елены Дмитріевны: „ея тихіе глаза, ея кроткій взоръ, отуманенный безсонными ночами и душевными страданіями“... Вотъ и все описаніе; ради этой женщины Вяземскій загубилъ свою душу, и Серебряный навѣки разстался съ Москвой.

Въ трагедіи „Царь Борисъ“, въ день коронованія, народъ врывается въ царскія палаты и любуется на его дочь Ксенію:

„. . . . . Касатка наша!
Кто за царя не радъ бы умереть!
Но любимъ мы тебя не за него,
За разумъ твой, за ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!“

Къ числу лучшихъ мѣстъ трагедіи „Царь Ѳедоръ“ принадлежитъ сцена примиренія противниковъ. Шуйскій долго упрямится, наконецъ, растроганный словами царицы, онъ говоритъ ей:

„Царица матушка! ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!“

При такихъ воззрѣніяхъ на женщину, вполнѣ понятно, что гр. Толстому были несимпатичны французскіе лирики. Онъ считалъ, что Беранже—апостолъ безнравственности; относительно же А. де-Мюссе онъ выражался еще рѣзче и утверждалъ, что онъ пляшетъ канканъ въ стихахъ.

X.

Наконецъ, мы переходимъ къ *историческимъ* произведеніямъ гр. А. К. Толстого, которыя составляютъ самую крупную группу въ ряду его сочиненій. Сюда входятъ: баллады, романъ „Князь Серебряный“ и „Драматическая Трилогія“. Дѣйствіе „Князя Серебрянаго“ происходитъ въ царствованіе Грознаго, около 1565 г., т.-е. вскорѣ послѣ паденія Сильвестра и Адашева; а „Трилогія“ переноситъ насъ въ послѣдніе годы жизни этого жестокаго царя и кончается побѣдой Самозванца.

Всѣ мелкіе эпизоды, которые не вкладывались въ планъ романа или трагедіи, такъ какъ они „портили линіи и общую архитектуру“, гр. Толстой обработалъ въ видѣ отдѣльныхъ балладъ. Самая популярная изъ нихъ, конечно, „Василій Шибановъ“, которую можно найти въ любой хрестоматіи. Но въ художественномъ отношеніи необходимо отвести выдающееся мѣсто балладѣ „Ночь передъ приступомъ“. Она посвящена осадѣ поляками Троицкой Лавры. Геройская защита этой святыни является свѣтлой точкой въ исторіи Россіи въ смутное время. Поэтъ прекрасно очертилъ, съ одной стороны, пестрыя толпы польскихъ наемныхъ войскъ, пирующихъ отъ зари до зари, а съ другой — монаховъ, которые „съ вѣрой пламенной“ защищаютъ родной монастырь.

Исторіей этого періода графъ А. К. Толстой сталъ заниматься въ 40-хъ годахъ, и въ это время въ его головѣ родились романъ и „Трилогія“. Уже въ 1849 г. планъ „Трилогіи“, какъ мы видѣли, былъ готовъ, а романъ частью даже написанъ. Затѣмъ на долгое время работы пріостановились; въ письмахъ 1855, 56 и 59 гг. [1]) мы находимъ сѣтованія на то, что ему никакъ не удается заняться „Княземъ Серебрянымъ“. Въ 1860 г. этотъ трудъ былъ доведенъ до конца; но тутъ оказалось, что пришлось передѣлать всю первую часть, которая была написана много лѣтъ тому назадъ. Только поздней осенью 1861 г. романъ этотъ былъ оконченъ и прочтенъ государынѣ императрицѣ.

„Князь Серебряный“ и „Трилогія“ складывались въ душѣ автора одновременно. Насколько эта связь сильна, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ строкъ его письма отъ 13-го декабря 1856 г.: „Необходимо отдѣлать характеръ Серебрянаго; я думалъ сдѣлать его

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г. и 1897 г.

глупымъ и храбрымъ; дать ему хорошую глупость, но онъ слишкомъ былъ бы похожъ на Митьку... Нельзя ли сдѣлать его человѣкомъ благороднымъ, не понимающимъ зла, который не видитъ дальше своего носа, видитъ только одну вещь за разъ и никогда не видитъ отношенія между двумя вещами"... Впослѣдствіи гр. Толстой совершенно измѣнилъ характеръ Серебрянаго. Его герой не признаетъ ни хитрости, ни лжи, но онъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и знаетъ, что его поступки должны вызвать гнѣвъ царя и могутъ повести его на плаху. Но человѣкъ, подобный тому, который описанъ въ письмѣ 1856 г., есть въ „Трилогіи". Это молодой князь Шаховской, который является однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Царя Ѳедора". У него, дѣйствительно, двѣ мысли не могутъ одновременно помѣститься въ головѣ [1]); поэтому цѣлымъ рядомъ необдуманныхъ поступковъ онъ погубилъ всю партію Шуйскихъ, свою невѣсту и себя.

„Драматическая Трилогія" представляетъ собою кульминаціонный пунктъ въ творчествѣ гр. А. К. Толстого. Поэтому, не вдаваясь въ подробный разборъ этой трагедіи, мы должны хоть вкратцѣ выяснить ея основную мысль и сказать нѣсколько словъ о ея дальнѣйшей судьбѣ.

Первоначально ея заглавіе было иное. Она носила имя Бориса Годунова, который является центральной фигурой трехъ трагедій. Въ „Смерти Іоанна Грознаго" онъ ближній бояринъ, въ „Царѣ Ѳедорѣ"—правитель страны, въ „Царѣ Борисѣ"—царь всея Руси. Чрезвычайно интересно прослѣдить, какъ мѣняются его воззрѣнія на существо и обязанности представителя власти въ зависимости отъ его положенія. При видѣ жестокости и безумства Іоанна, у Годунова срываются слова:

„Я зналъ бы,
Что дѣлать мнѣ! Пусть только бъ царь Иванъ
Хоть мѣсяцъ далъ мнѣ править государствомъ,
Ему бъ въ одинъ я мѣсяцъ доказалъ,
Какія силы Русская земля
Въ себѣ таитъ! Я бъ доказалъ ему,
Что можетъ власть, когда на благодати,
А не на казняхъ зиждется она!"

У правителя, который стремится закончить начатыя реформы и удержать власть въ своихъ рукахъ, мысли уже иныя:

„Я мщенія не знаю:
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;

[1]) Проектъ постановки на сцену трагедіи „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ", стр. 548.

Передъ собой мое лишь вижу дѣло,
И не своихъ, а дѣла моего
Гублю враговъ".

Этими соображеніями онъ оправдываетъ казнь Шуйскихъ и убійство царевича Дмитрія.

Наконецъ, вступивъ на царскій престолъ, Годуновъ предается свѣтлымъ надеждамъ:

„Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?...
. . . Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы—сіяетъ солнце снова—
И держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова".

Еслибы онъ держался этого мудраго правила все время, то исходъ его царствованія былъ бы, вѣроятно, иной. Но въ моментъ опасности и борьбы съ тѣнью Дмитрія Годуновъ забываетъ основные законы справедливости. Сыщики его хватаютъ праваго и виноватаго, а отъ такихъ безразсудныхъ дѣйствій волненіе увеличивается все болѣе и, наконецъ, принимаетъ такіе размѣры, что сметаетъ „царя Бориса" и весь его родъ.

Каждая изъ трехъ трагедій является звеномъ въ „Трилогіи", но въ то же время каждая изъ нихъ представляетъ и самостоятельное цѣлое, построенное на извѣстномъ этическомъ положеніи. Интересно сопоставить между собою эти основные тезисы. „Смерть Іоанна Грознаго": Царь не долженъ давать воли своей подозрительной вспыльчивости и злобѣ, ибо, губя лучшихъ людей, онъ подрываетъ свою силу. „Царь Ѳедоръ": Для царя нужна твердая воля, иначе онъ безсиленъ бороться со зломъ, которое творится его именемъ. „Царь Борисъ": Царь долженъ обладать умомъ и спокойствіемъ въ минуту опасности; какъ бы ни было общество взволновано, нельзя забывать законовъ справедливости, нельзя карать людей за помышленія, пока они никакого преступленія не совершили.

Это послѣднее положеніе, вытекающее изъ каждой страницы „Царя Бориса", даетъ намъ право высказать полное удивленіе, что критики 60-хъ годовъ считали гр. Толстого обскурантомъ и ретроградомъ. Вся „Трилогія" есть проповѣдь противъ произвола во всѣхъ его формахъ. Грозный является представителемъ произвола деспотическаго, а Годуновъ—просвѣщеннаго; въ концѣ

же концовъ оба гибнутъ отъ послѣдствій своихъ произвольныхъ дѣяній [1]).

Если сравнить эти три трагедіи между собою по ихъ художественному достоинству, то на первое мѣсто необходимо поставить „Царя Ѳедора". Дѣйствіе идетъ чрезвычайно быстро, нѣтъ ни малѣйшей задержки, ни одной лишней сцены. Съ полной искренностью гр. Толстой писалъ княгинѣ Витгенштейнъ, что онъ „придаетъ особое значеніе архитектурѣ драмы". „Я преклоняюсь передъ колоритомъ,—продолжаетъ онъ,—я его ищу, я его уважаю, но линія—главное дѣло во всѣхъ искусствахъ. Вотъ отчего я всегда готовъ уничтожить сцены, даже когда онѣ удачны, если онѣ мѣшаютъ общей архитектурѣ драмы" [2]). Затѣмъ, съ первыхъ же явленій выступаютъ съ полной ясностью обѣ партіи, которыя борются за власть: Шуйскіе и Годуновъ. Далѣе, женскіе типы—кроткой и умной женщины, царицы Ирины, и любящей дѣвушки, боярышни Милославской—полны чарующей прелести. Наконецъ, центральной фигурой является симпатичная личность добраго царя. Всѣ эти достоинства пріобрѣли „Царю Ѳедору безчисленное количество друзей.

„Смерть Іоанна Грознаго", въ художественномъ отношеніи, безспорно, очень крупная вещь; но въ „Трилогіи" она по своимъ достоинствамъ занимаетъ второе мѣсто. Отсутствіе любовной интриги расхолаживаетъ зрителя; затѣмъ, Іоаннъ Грозный, который является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, слишкомъ нервенъ, и каждую минуту его уста могутъ изречь злую казнь. Въ концѣ концовъ впечатлѣніе непрекращающейся грозы дѣйствуетъ утомительно на зрителя.

Трагедія „Царь Борисъ", которой заканчивается „Трилогія", изобилуетъ многими красотами, но изъ трехъ пьесъ это самая слабая. По собственнымъ словамъ автора, онъ „вложилъ въ нее полную добросовѣстность и пріобрѣтенную опытность", но, къ сожалѣнію, успѣха у него не было. Дѣйствіе идетъ вяло. Отдѣльныя сцены,—напримѣръ, пріемъ пословъ,—страдаютъ длиннотами. Дмитрій не появляется, и борьба ведется съ его призракомъ. Его имя повисло надъ Москвой, какъ тяжелая свинцовая туча, и въ этой невыносимой атмосферѣ приближающейся грозы задыхается и гибнетъ „Царь Борисъ". По словамъ автора, онъ умираетъ отъ упадка силъ, потому что онъ понялъ, что его преступленіе было ошибкой.

---

[1]) Н. Котляревскій. „Трилогія гр. А. К. Толстого, какъ національная трагедія" („Вѣстн. Европы" 1902 г., X).

[2]) „Вѣстникъ Европы" 1895 г., X, стр. 620.

Нельзя не закончить нашего бѣглаго разбора, не указавъ выдающихся достоинствъ „Трилогіи". Гр. Толстой весьма основательно изучилъ исторію и культуру Россіи въ смутное время. Правда, онъ работалъ не по первоисточникамъ; но это не помѣшало ему прекрасно схватить характеръ эпохи. Недаромъ онъ трудился надъ своей „Трилогіей" около двадцати лѣтъ. Какъ мы видѣли, уже въ 1849 г. у него былъ готовъ въ общихъ чертахъ планъ, а только въ 1870 г. „Царь Борисъ" появился въ печати.

Кромѣ общихъ достоинствъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ частностей, такъ какъ „Трилогія" богата удивительно красивыми сценами; среди нихъ одною изъ самыхъ драматическихъ является діалогъ Грознаго со Схимникомъ. Этотъ послѣдній болѣе тридцати лѣтъ жилъ вдали отъ міра и не можетъ сначала понять, почему государя, котораго онъ помнитъ побѣдителемъ казанскихъ татаръ, тѣснятъ враги со всѣхъ сторонъ. Онъ спрашиваетъ его о разныхъ вождяхъ и боярахъ, знакомыхъ ему смолоду, но получаетъ отвѣтъ, что они казнены, умерли на пыткѣ или бѣжали въ Литву. Наконецъ, монахъ вспомнилъ о царевичѣ Иванѣ, и этотъ вопросъ переполнилъ чашу терпѣнья больного царя. Іоаннъ вскипѣлъ и бросилъ схимнику угрозу, что велитъ ему вырвать языкъ. Но угроза оказалась безсильной. Отшельника, который тридцать лѣтъ ждетъ своей смерти, казнь устрашить не можетъ. Царь обезоруженъ и нравственно униженъ. Въ словахъ монаха онъ, какъ въ зеркалѣ, увидалъ всю свою жизнь и понялъ, что онъ самъ притупилъ свой мечъ и открылъ врагамъ границу своего государства.

Въ „Царѣ Ѳедорѣ" есть столь же красивыя мѣста. Напримѣръ, монологъ Бориса Годунова:

..... „Высокая гора
Былъ царь Иванъ. Изъ нѣдръ ея удары
Подземную равнину потрясали
Иль пламенный, вдругъ вырываясь, снопъ
Съ вершины смерть и гибель слалъ на землю.
Царь Ѳедоръ не таковъ! Его бы могъ я
Скорѣй сравнить съ проваломъ въ чистомъ полѣ:
Разсѣлины и рыхлая окрестность
Цвѣтущею травой сокрыты, но
Вблизи отъ нихъ, бродя неосторожно,
Скользитъ въ обрывъ и стадо, и пастухъ".

Эта мысль чрезвычайно вѣрна и характерна. Въ ней заключается психологическая программа, положенная въ основу обѣихъ трагедій [1]). Изобразить характеръ Грознаго легче, ибо это

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1895, XII, стр. 618.

натура дѣятельная, тогда какъ Ѳедоръ представляетъ собою человѣка слабаго физически и психически; онъ не въ состояніи ни думать, ни работать, ни вліять на другихъ. Эти черты далеко не привлекательны у частнаго лица, а тѣмъ болѣе у царя. Между тѣмъ, графъ Толстой сумѣлъ сохранить всѣ эти черты, остаться вѣрнымъ исторіи и все-таки сдѣлать изъ Ѳедора чрезвычайно свѣтлую и хорошую личность, которая возбуждаетъ къ себѣ общую симпатію.

Коронной сценой должно быть признано заключительное явленіе царя Ѳедора.—Царь выходитъ послѣ обѣдни изъ Успенскаго собора, и тутъ начинаютъ поступать роковыя вѣсти: Туренинъ докладываетъ, что Шуйскіе удавились въ тюрьмѣ; гонецъ вбѣгаетъ съ извѣстіемъ о смерти царевича Дмитрія, а за нимъ и второй сообщаетъ о приближеніи татаръ. Большая опасность заставила бояръ забыть раздоры; всѣ берутся за оружіе и расходятся по своимъ мѣстамъ. На сценѣ остаются только царь, царица и нищіе. Въ это время, какъ безсильный стонъ изъ наболѣвшей груди, вырываются у Ѳедора трогательныя слова:

„Моей виной случилось все! А я
Хотѣлъ добра, Арина! Я хотѣлъ
Всѣхъ согласить, все сгладить.—Боже, Боже!
За что меня поставилъ ты царемъ?“

Эта сцена такъ хороша, что она одна упрочила бы за графомъ Толстымъ крупное мѣсто въ нашей литературѣ.

Къ краткому анализу „Драматической Трилогіи“ необходимо прибавить нѣсколько свѣдѣній о дальнѣйшей ея судьбѣ.

Трагедія „Смерть Іоанна Грознаго“ появилась въ печати въ 1866 г., въ январьской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“, и сразу обратила на себя общее вниманіе. Какъ это ни странно, но, вмѣсто благодарности и уваженія къ талантливому поэту, въ обществѣ возникла ненависть къ нему, а въ результатѣ—противъ него ополчились люди разныхъ лагерей. Искренній поклонникъ гр. Толстого, А. В. Никитенко, возбудилъ въ Академіи наукъ вопросъ о присужденіи автору Уваровской преміи, но предложеніе это было встрѣчено недружелюбно. По этому поводу Никитенко занесъ въ свой Дневникъ [1]) слѣдующія характерныя строки: „Противъ драмы гр. Толстого составляется, кажется, сильная коалиція. И подѣломъ ему, т. е. графу А. К. Толстому! Зачѣмъ онъ не принадлежитъ ни къ какому литературному кружку; да еще и аристократъ, по крайней мѣрѣ по имени и

[1]) Т. III, стр. 81.

по положенію при дворѣ. А что это человѣкъ съ большимъ талантомъ и написалъ хорошую вещь,—какое до этого дѣло гробокопателямъ или самозваннымъ вождямъ новаго поколѣнія". Опасенія достойнаго профессора оказались основательными. 9-го сентября 1866 г. его предложеніе было отклонено Академіей, ибо изъ семерыхъ членовъ комитета по присужденію Уваровской преміи—трое высказались противъ трагедіи, и требуемаго закономъ большинства не оказалось. По этому поводу Никитенко [1]) пишетъ въ своемъ Дневникѣ съ видимымъ озлобленіемъ: „Вышло дѣло постыдное и забавное. Наибольшіе невѣжды въ дѣлѣ изящной литературы помѣшали наградѣ. Да смѣшнѣе всего, что они, наслышавшись отъ другихъ, не отвергаютъ достоинствъ пьесы"...

Зато гр. Толстому повезло въ иномъ отношеніи. Осенью 1866 г., вернувшись изъ Рима, онъ принялся дѣятельно хлопотать о постановкѣ своей трагедіи. Онъ привезъ съ собою изъ-за границы проектъ постановки на сцену „Смерти Іоанна Грознаго" [2]) и прочелъ эту работу на вечерѣ у Гончарова.

Благодаря личному желанію государя и государыни, дирекція императорскихъ театровъ быстро провела эту пьесу чрезъ цензуру и, не жалѣя денегъ, стала готовиться къ ея постановкѣ. На расходы было ассигновано 31.000 рублей, т.-е. такая сумма, которая обыкновенно тратилась на новую оперу [3]). На окликъ дирекціи явилась цѣлая фаланга талантливыхъ людей, которые и положили основной камень къ правильной постановкѣ пьесъ изъ эпохи московской Руси; а именно: художникъ Шварцъ, археологъ З. А. Прохоровъ, декораторъ Шишковъ и вице-президентъ Академіи художествъ, князь Гагаринъ.

Рисунки Шварца представляютъ интересъ и въ настоящее время. Въ легкихъ акварельныхъ набросках онъ нарисовалъ цѣлую галерею дѣйствующихъ лицъ. Этотъ талантливый художникъ, пользуясь совѣтами археологовъ, стремился не только нарисовать костюмъ и характерную фигуру дѣйствующаго лица, но и привести въ общую гармонію одежду, гримъ и позу. Необходимо добавить, что Сѣровъ написалъ интересную музыку для скомороховъ, а извѣстный историкъ Костомаровъ принималъ самое дѣятельное участіе при изготовленіи декорацій и костюмовъ.

---

[1]) Дневникъ Никитенки, III, стр. 112.

[2]) Этотъ проектъ, не вошедшій въ Полное Собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. Спб. 1900 года.

[3]) Rectus. Рисунки Шварца къ драматическимъ произведеніямъ гр. А. К. Толстого. „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ". Сезонъ 1900—1901 г., стр. 1—7.

Съ внѣшней стороны пьеса была обставлена блестяще. Но, къ сожалѣнію, актеры не оправдали общихъ ожиданій, а неизбѣжныя интриги затрудняли правильное распредѣленіе ролей. Въ первый спектакль, 12-го января 1867 г., Грознаго игралъ П. Васильевъ, Годунова — Нильскій, Захарьина — Леонидовъ. Потомъ роль Грознаго ненадолго перешла къ Самойлову, который скоро отъ нея отказался и передалъ ее Нильскому [1]). Авторъ не былъ доволенъ игрой актеровъ и находилъ, что Нильскій исполняетъ заглавную роль лучше другихъ. По мнѣнію же Никитенки, всѣ актеры, кромѣ Самойлова, были крайне слабы [2]). Тѣмъ не менѣе, успѣхъ пьесы былъ очень большой [3]). Всю эту зиму „Смерть Іоанна Грознаго“ шла два раза въ недѣлю, и чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ попасть въ театръ, была установлена очередная запись.

Черезъ годъ послѣ Петербурга, т.-е. въ январѣ 1868 года, „Смерть Іоанна Грознаго“ была дана въ Москвѣ въ императорскомъ Маломъ театрѣ. Несмотря на болѣе скромныя затраты (около восьми тысячъ руб.), трагедія, благодаря стараніямъ Бѣгичева, была обставлена прекрасно; но актеры опять-таки не оказались на высотѣ положенія. Грознаго игралъ Шумскій, Годунова—Вильде, Князя Сицкаго—Самаринъ, Гарабурду— Садовскій [4]). Все это были люди, которые служили украшеніемъ нашей образцовой сцены. Но въ данномъ случаѣ они не справились съ своей задачей. Шумскому роль Грознаго совершенно не удалась. Авторъ былъ этимъ настолько опечаленъ, что, при всей своей деликатности, высказалъ артисту откровенно свои впечатлѣнія.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого спектакля „Смерть Іоанна Грознаго“, въ переводѣ госпожи Павловой, была поставлена на придворномъ театрѣ въ Веймарѣ. Постановка была менѣе богата, чѣмъ въ Петербургѣ, но очень тщательная. По желанію великаго герцога, гр. Толстой упросилъ художника Шварца пріѣхать въ Веймаръ. Осенью 1867 года этотъ послѣдній прибылъ на мѣсто и провелъ въ маленькой резиденціи цѣлый мѣсяцъ. По его указанію сдѣланы были всѣ декораціи и костюмы [5]). Актеры по силѣ и яркости таланта уступали москвичамъ, но зато всѣ они, а въ особенности Лефельдъ, исполнявшій роль Грознаго, отнеслись къ своей работѣ очень внимательно.

---

[1]) Воспоминанія А. А. Нильскаго. „Истор. Вѣстн.“ 1894 г., кн. 6, стр. 658—78; Записки Л. Л. Леонидова. „Русск. Старина“ 1896 г., кн. 6, стр. 655—71.

[2]) Дневникъ, III, стр. 139.

[3]) Письма А. К. Толстого. „Вѣстн. Европы“ 1895 г., XII.

[4]) Воспоминанія В. Д. Давыдова („Русскій Архивъ“, 1879 г., II, стр. 332.

[5]) Художникъ Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ. „Историч. Вѣстникъ“.

Къ сожалѣнію, въ скоромъ времени счастье измѣнило гр. А. К. Толстому. Въ 1868 г. [1]) появился въ печати „Царь Ѳедоръ", а въ 1870 г. [2])—„Царь Борисъ". Между тѣмъ обѣ эти трагедіи были запрещены для сцены; мало того, трагедія „Смерть Іоанна Грознаго" была запрещена для провинціи, а вскорѣ снята съ репертуара императорскихъ театровъ. О причинѣ этого запрещенія можно лишь догадываться по письмамъ автора: „Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ „Царя Ѳедора" опаснымъ. Вѣроятно, потому, что усмотрѣлъ въ этой трагедіи памфлетъ на монархію, или стали опасаться, что публика, глядя на дѣянія Іоанна Грознаго, начнетъ дѣлать параллели съ царствующимъ императоромъ, или сдѣлаетъ его отвѣтственнымъ за грѣхи Іоанна IV или Ѳедора I". Вѣрнѣе всего, что причину запрещенія „Трилогіи" надо искать исключительно въ томъ реакціонномъ теченіи, которое охватило Россію послѣ Каракозовскаго выстрѣла. Власть III-го Отдѣленія до того усилилась, что это оскорбило даже такого консерватора, какъ Маркевичъ [3]). „Запрещеніе вашей трагедіи,—пишетъ онъ своему другу,—можетъ служить барометромъ общественныхъ теченій. Нехорошо наше время. Нехорошо".

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на странное явленіе: государь и государыня осыпаютъ автора ласками, читаютъ и смотрятъ его трагедію; государь награждаетъ главныхъ исполнителей подарками, а цензура усматриваетъ въ этомъ дивномъ произведеніи памфлетъ на монархію.

Запрещеніе всей „Трилогіи", а въ особенности первой ея части, не имѣло никакого разумнаго основанія. „Смерть Іоанна Грознаго", безспорно, лучшая драма изъ жизни этого жестокаго царя. Ее сняли съ репертуара, тогда какъ „Василиса Мелентьева" и „Опричникъ" давались повсюду. Между тѣмъ послѣдняя изъ этихъ пьесъ наиболѣе оскорбительна для памяти Грознаго, который выставленъ въ ней не царемъ, обладающимъ умомъ и волей, а безсовѣстнымъ развратникомъ.

Какъ ни хлопоталъ гр. Толстой, какъ ни велики были его придворныя связи, но ему не удалось побороть мнительности администраціи и видѣть свои трагедіи на русской сценѣ. Только черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти запретъ былъ снятъ, и съ легкой руки Литературно-художественнаго театра въ Петербургѣ „Царь Ѳедоръ" совершилъ свое тріумфальное шествіе.

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1868, май.

[2]) „Вѣстн. Европы", 1870, мартъ.

[3]) Письма, стр. 44.

Благодаря цензурнымъ запрещеніямъ, немало пьесъ было сдано въ архивъ на долгіе годы. Болѣе слабыя, написанныя подъ впечатлѣніемъ минуты, гибли отъ этого гнета навсегда. Напримѣръ, когда возобновили комедію Сухово-Кобылина „Смерть Тарелкина", запрещенную немедленно послѣ ея появленія въ печати, то она не возбудила ни малѣйшаго интереса. Краски поблекли, а содержаніе оказалось бѣдноватымъ. „Царь Ѳедоръ" двадцать лѣтъ пролежалъ подъ спудомъ, и лишь только отряхнули пыль съ его страницъ, какъ всѣ поняли, что это — жемчужина литературы.

XI.

Съ окончаніемъ „Трилогіи" творчество гр. А. К. Толстого быстро склонилось къ закату. Здоровье его, нѣкогда богатырское, пошатнулось очень сильно. Еще въ 50-хъ годахъ онъ жаловался на какія-то боли въ ногѣ [1]); съ 1863 года онъ сталъ ежегодно ѣздить въ Карлсбадъ, гдѣ онъ лечился у профессора Зеегена, такъ какъ у него развились сильныя невралгіи и головы, и спины. Однажды появился у него страшный невралгическій припадокъ „зона": половина тѣла горѣла, какъ въ огнѣ, и причиняла больному нестерпимыя мученія [2]). Все это вынуждало его прибѣгать къ большимъ дозамъ морфія. Если прибавить къ этому, что гр. Толстой страдалъ еще астмой, т.-е. припадками удушья, то сдѣлается понятнымъ, что положеніе его было очень тяжелое и что отъ прежней его богатырской силы почти ничего не осталось.

Несмотря на всѣ страданія, приносимыя ему болѣзнью, онъ не терялъ бодрости и юмора и шутилъ попрежнему, какъ только боли затихали. Когда у него образовался отекъ ногъ,—онъ острилъ надъ своими камергерскими икрами. Мало того, среди этихъ страданій онъ написалъ свою сатирическую поэму „Сонъ Статскаго Совѣтника Попова", въ которой юморъ бьетъ ключомъ. Но иногда болѣзнь принимала столь острый характеръ, что ему приходилось отказываться отъ всякой работы. По его собственнымъ словамъ, въ 1874 и 1875 гг. для него литературныя занятія почти не существовали. Потомъ наступали минуты облегченія, и онъ снова брался за перо. Къ этому времени относятся многія баллады кіевскаго цикла („Илья Муромецъ", „Сватовство", „Алеша Поповичъ", „Садко", „Канутъ"), а изъ болѣе крупныхъ

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1897 г., IV, стр. 592.

[2]) Тамъ же, 1895 г., XII, стр. 89.

пьесъ—„Портретъ“, „Драконъ“ [1]) и не оконченная драма „Посадникъ“ [2]). Этой послѣдней пьесой гр. Алексѣй Константиновичъ очень интересовался. Ея сюжетъ не историческій, а взятъ изъ нравовъ Новгорода эпохи XIII вѣка; создавъ по источникамъ историческій фонъ, авторъ надѣялся достичь большой свободы творчества и написать драму по всѣмъ правиламъ искусства, съ градаціей сценическихъ эффектовъ. Канву этой драмы гр. Толстой формулировалъ въ двухъ словахъ: „благородный человѣкъ по какой-либо причинѣ беретъ на себя кажущуюся подлость“. Такимъ лицомъ является у него посадникъ Глѣбъ, который ради спасенія города принимаетъ на себя отвѣтственность за неосторожность воеводы Чермнаго [3]). Къ сожалѣнію, драма доведена была только до 3-го акта и осталась неоконченной. Лишь послѣ смерти автора она появилась на сценѣ.

Какъ ни велики были страданія больного, но никто не ожидалъ быстрой его кончины. Весной 1875 г. онъ уѣхалъ въ S.-Remo, гдѣ проживала государыня. Оттуда онъ писалъ домой, что онъ „много лѣтъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, такимъ свѣжимъ, такимъ бодрымъ“. Лѣтомъ онъ переѣхалъ въ Карлсбадъ. Тамъ, въ августѣ мѣсяцѣ, его навѣстили И. С. Тургеневъ и М. М. Стасюлевичъ и нашли его удивительно бодрымъ и веселымъ. По его же иниціативѣ въ пользу погорѣльцевъ гор. Моршанска былъ устроенъ литературный вечеръ, въ которомъ Тургеневъ принялъ участіе. Самъ Толстой съ большимъ успѣхомъ читалъ свою поэму „Грѣшница“.

Между тѣмъ, здоровье его было очень плохо. Профессоръ Зеегенъ впослѣдствіи говорилъ знакомымъ, что, прощаясь въ этомъ году съ гр. Алексѣемъ Константиновичемъ, онъ былъ увѣренъ, что его больше не увидитъ. Дыхательные органы были давно разстроены; кромѣ того, больной страдалъ эмфиземой, астмой и склерозомъ артеріи. Покончивъ курсъ леченія въ Карлсбадѣ, гр. Толстой торопился къ себѣ въ Красный-Рогъ, гдѣ его ждала жена и куда онъ пригласилъ близкихъ своихъ друзей, Маркевича и кн. Церетелева. Этотъ послѣдній и описалъ намъ послѣднія минуты умирающаго поэта [4]).

По его словамъ, мысль о смерти не пугала гр. Толстого, а возбуждала въ немъ только тихую грусть. За нѣсколько дней до кончины, въ садъ залетѣлъ глухарь. „Это моя птица,—замѣтилъ

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, янв. 1874 и окт. 1875.

[2]) Тамъ же, апр. 1876.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., XII; 1897 г., VII, стр. 96—98.

[4]) „Русскій Вѣстникъ“ 1900 г., № 11, стр. 196.

больной,—это за мной". О смерти онъ говорилъ рѣдко и относился къ ней совершенно спокойно. Разъ, послѣ сильнаго припадка удушья и сердцебіенія, гр. Толстой спросилъ кн. Церетелева, какъ онъ думаетъ, поправится ли онъ. „Я вѣдь не маленькій, мнѣ все можно сказать". Въ другой разъ, указывая на дверь, которая вела въ уборную, а оттуда на балконъ, но была заперта, онъ замѣтилъ: „А я думалъ, вамъ придется отпереть эту дверь, корридоръ слишкомъ узокъ"... За нѣсколько дней до смерти всѣ сидѣли въ гостиной, Б. М. Маркевичъ что-то читалъ; вдругъ гр. Толстой, показывая на стеклянную дверь, выходившую въ садъ, тихо спросилъ его: „Посмотрите, что это тамъ стоитъ бѣлое?" Маркевичъ испуганно посмотрѣлъ на него, но онъ совершенно спокойно замѣтилъ: „Ничего! это мнѣ не мѣшаетъ".

Врачи еще 24-го сентября не ожидали скорой смерти больного и предполагали везти его заграницу, а докторъ В., который долженъ былъ сопровождать его, уѣхалъ въ Почепъ за своимъ багажемъ.

25-го сентября, утромъ, гр. А. К. чувствовалъ себя недурно, и члены семьи, по обыкновенію, собирались въ лѣсъ. Когда лошади стояли у подъѣзда, кн. Церетелевъ вошелъ въ спальню больного и увидалъ, что онъ дремлетъ въ креслѣ; такъ какъ состояніе дремоты длилось слишкомъ долго, а разбудить его боялись, то послали за графиней; по ея приказанію начали дѣлать искусственное дыханіе и старались привести его въ себя, но сознаніе не возвращалось; умирающій только разъ открылъ глаза и снова закрылъ ихъ... Къ вечеру его не стало.

Такъ угасла жизнь замѣчательно хорошаго человѣка и крупнаго русскаго поэта. Благодаря прямотѣ своего характера, чистотѣ и искренности своихъ убѣжденій, умершій оставилъ послѣ себя самыя свѣтлыя воспоминанія. Какъ авторъ многочисленныхъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, „Князя Серебрянаго" и „Трилогіи", онъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ русской литературѣ. Гр. Толстой обладалъ тонкимъ юморомъ, а въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ онъ достигъ рѣдкой красоты формы и силы мысли. Будучи чуждъ корысти и тенденціи, онъ всѣ свои силы отдалъ на служеніе чистому искусству. Отсутствіе „злободневности" въ его произведеніяхъ лишило его заслуженнаго успѣха среди современниковъ, но обезпечило ему любовь и благодарность нашего поколѣнія. Ив. А. Гончаровъ былъ правъ, говоря, что гр. Толстого оцѣнятъ по достоинству лишь послѣ его смерти.

А. Левенстимъ.

СРЕДИ БЕЗДѢЛЬЯ

ПОВѢСТЬ.

I.

Сезонъ на Ривьерѣ близился къ концу. Иностранцевъ въ Ниццѣ было еще много, но днемъ набережная имѣла пустынный видъ: солнце слишкомъ давало себя чувствовать, и только вечеромъ международное общество забывало, что пора начать перелетъ на сѣверъ.

На бульварѣ Victor Hugo однако платаны еще не встрѣчали весны. Они стояли оголенные, черные. Да и торопиться имъ было нечего: иностранцы для нихъ не останутся въ Ниццѣ, а мѣстное населеніе успѣетъ воспользоваться ихъ тѣнью.

Изъ Grand Hôtel des Iles Britanniques вышелъ князь Эммануилъ Ивановичъ Шацкій-Родэ, мужчина среднихъ лѣтъ, красивый, стройный, элегантный, въ свѣтломъ весеннемъ костюмѣ, оттѣнявшемъ смуглый цвѣтъ его лица, хотя онъ и былъ блондинъ. Гарсонъ, спустившій его на лифтѣ изъ второго этажа, услужливо предложилъ ему въ вестибюлѣ фіакръ, но онъ рѣшилъ пройтись пѣшкомъ. Утромъ послѣ кофе онъ обыкновенно читалъ или писалъ, но сегодня его почему-то потянуло на воздухъ. Куда пойти,—онъ самъ не зналъ. Да и стоило ли задаваться такимъ вопросомъ въ городѣ организованнаго бездѣлья? Какое-нибудь развлеченіе подвернется само собою: на то вѣдь Ницца—Ницца!

Какъ только онъ попалъ на Avenue de la Gare въ водоворотъ людей, экипажей, автомобилей и велосипедовъ, вѣчно снующихъ на этой наиболѣе оживленной улицѣ, онъ тотчасъ же почувствовалъ, что не то ему было нужно.

Онъ направился къ Jardin Public. Подъ арками было очень людно. Громкій говоръ, взрывы смѣха, густой басъ автомобилей, назойливо-рѣзкіе гудки велосипедистовъ, толчки прохожихъ, неистовые крики газетчиковъ, хлопанье фіакровъ, — все это дѣйствовало такъ непріятно на нервы, что князь Мануилъ былъ счастливъ, когда наконецъ выбрался на Avenue Masséna, гдѣ сравнительно казалось тихо и спокойно. Но и тутъ автомобили обдавали его такимъ ѣдкимъ запахомъ и поднимали такія облака пыли, что онъ, лишній разъ подивившись, какъ больные могутъ жить въ Ниццѣ, поспѣшилъ искать спасенія въ тихихъ, прохладныхъ и фешенебельныхъ залахъ Jetée.

Тутъ шелъ утренній концертъ. Публики было мало, да и та не слушала, а читала, преимущественно газеты; нѣкоторыя же дамы, принадлежавшія къ высшему обществу, углубились въ чтеніе захваченныхъ ими изъ дому книгъ, должно быть рѣшивъ слушать музыку только тогда, когда она имъ понравится.

„Это случится нескоро и не по винѣ музыкантовъ“,—подумалъ князь Мануилъ.

Князь, очевидно, былъ невысокаго мнѣнія о любви къ музыкѣ прекрасной половины того круга общества, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Но и на него знакомые звуки свендсеновскаго романса не производили впечатлѣнія. Онъ сразу почувствовалъ, что не долго высидитъ въ залѣ, что онъ и сюда попалъ какъ бы по ошибкѣ. Онъ сѣлъ, снялъ шляпу, чтобы освѣжить голову съ густыми, волнистыми волосами, выкурилъ папиросу, но вскорѣ всталъ и направился къ выходу. Какое-то странное безпокойство овладѣло имъ. Онъ испытывалъ его, вѣроятно, уже тогда, когда въ отелѣ взялъ книгу въ руки, началъ читать, но никакъ не могъ вдуматься въ мысль автора и, уставъ отъ этой безплодной работы, вышелъ на улицу. Но тогда онъ не давалъ себѣ въ немъ отчета. Теперь же это чувство безпокойства овладѣло имъ съ большою силою и, выходя изъ концертной залы Jetée, онъ невольно надъ нимъ задумался.

Оно было мучительно. Прожилъ онъ на свѣтѣ тридцать-восемь лѣтъ, зналъ, конечно, что у него въ груди бьется сердце, но никогда до послѣдняго времени не чувствовалъ этого сердца. Оно исполняло свою работу, никогда не напоминая ему о себѣ. А теперь оно нѣтъ-нѣтъ или замретъ, или вдругъ какъ будто отяжелѣетъ, начнетъ сжиматься и камнемъ повиснетъ въ груди. Невольно хотѣлось облегчить ему работу, освободить его отъ чего-то. Но отъ чего? Что это за тяжесть налегла на него? По-

чему оно спираетъ дыханіе, вызываетъ тоску, тревогу, мучительное безпокойство?

Князь машинально закурилъ папироску, но тотчасъ бросилъ ее. „Не отравляю ли я себя никотиномъ?“—подумалъ онъ. Нонѣтъ, онъ не былъ страстнымъ курильщикомъ. Иногда онъ совершенно забывалъ о куреніи. Только когда имъ овладѣвало это чувство тревоги, какъ теперь, онъ курилъ папиросу за папиросой. Это его немного успокоивало. Значитъ, не въ куреніи дѣло.

Но въ чемъ же тогда? И что это за странная тревога? Точно предчувствіе чего-то большого и въ то же время страшнаго.

Онъ невольно улыбнулся. „Ужъ не жду отъ жизни ничего я“,—вспомнилъ онъ стихъ Лермонтова и добавилъ:—„Я ищу свободы и покоя“. „Свободу,—продолжалъ онъ размышлять,—я нашелъ вотъ уже полтора года тому назадъ; но покой мнѣ за послѣднее время что-то началъ измѣнять“.

Углубившись въ свои размышленія, онъ не замѣтилъ, какъ очутился на Quai du Midi. Непріятный запахъ, распространяемый многочисленными трактирами, грязнымъ старымъ городомъ и рыбаками, вывелъ его изъ нахлынувшихъ на него размышленій и воспоминаній. Онъ круто повернулъ назадъ, все еще хорошенько не отдавая себѣ отчета,—куда онъ собственно идетъ.

Вотъ уже полтора года, какъ онъ разстался съ опостылѣвшей ему дипломатической карьерой. Полная свобода его такъ прельщала. „По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ“, „никому отчета не давать“, „для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи“... Да, „по прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ“, — вотъ что его соблазняло! Скитаться и наблюдать, иногда заносить въ тетрадь „холодныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца“, „дивиться божественнымъ красотамъ природы“ и „созданіямъ искусствъ и вдохновенья“, — что можетъ быть заманчивѣе этого?

Но почему же имъ овладѣвало подчасъ это внутреннее безпокойство? Развѣ онъ не независимъ, не богатъ, не можетъ располагать по собственному усмотрѣнію своей судьбой? Развѣ онъ не свободенъ умомъ и сердцемъ? Развѣ ему измѣняетъ здоровье или та душевная уравновѣшенность, которою онъ всегда такъ гордился и которая возбуждала зависть въ лицеѣ среди его товарищей, въ жизни—среди его друзей и знакомыхъ?

Именно эта душевная уравновѣшенность и стала ему измѣнять за послѣднее время. Еслибы онъ только зналъ причину

этой тревоги! Но сколько онъ себя ни анализировалъ, какъ онъ ни изучалъ состояніе своего здоровья и всѣ душевныя свои движенія, вопросъ оставался для него загадочнымъ. Странное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе: все у него было и, казалось, всего ему недоставало. „Надо взять себя въ руки",—рѣшилъ онъ мысленно. Не походить же ему на нервныхъ дамъ, не знающихъ, почему онѣ скучаютъ, не быть же ему неврастеникомъ. Что за гадость!

Онъ повернулся къ морю. Подъ яркими лучами солнца оно дышало мѣрно и спокойно. Широкая волна набѣгала за волною и съ тихимъ хрустѣньемъ разсыпалась по берегу. Море было спокойно, могуче, радостно. Ни малѣйшей тревоги не чувствовалось въ немъ. Такимъ хотѣлъ быть и онъ.

И дѣйствительно, князь вдругъ преобразился. Только-что онъ шелъ по набережной медленно, задумчиво, съ поникшей головой, не зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ. А теперь онъ, бросивъ еще взглядъ на море, вдохнувшее въ него почти юношескую энергію, быстро повернулся и съ поднятой головой, съ заискрившимся стальнымъ блескомъ въ свѣтло-голубыхъ глазахъ, бодро зашагалъ по направленію къ Place Masséna, отлично зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ.

II.

Пересѣкая улицу St. François de Paule, онъ пропустилъ ѣхавшую по ней коляску, приковавшую его вниманіе. Въ коляскѣ сидѣла дама, весьма просто одѣтая, и рядомъ съ нею совсѣмъ молодой человѣкъ въ сѣрой фетровой шляпѣ, не скрывавшей однако, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, его лица. Лицо это было больное, матово-блѣдное, съ выразительными темными глазами и еле пробивавшимися усиками. Оно было задумчивое и несказанно печальное. Князь сосредоточилъ на немъ вниманіе. Оно было слишкомъ характерно, чтобы его можно было проглядѣть. Казалось, что этотъ молодой человѣкъ ушелъ уже изъ міра: такой взглядъ бываетъ только у людей, стоящихъ одною ногою въ могилѣ. То, что намъ кажется интереснымъ, привлекательнымъ, важнымъ, ихъ уже не занимаетъ. Они увидѣли нѣчто болѣе значительное, сами еще не знаютъ въ точности, что это такое, но тамъ, въ глубинѣ души чувствуютъ, что ими постепенно овладѣваетъ это болѣе значительное, предъ которымъ всѣ наши мірскія заботы, интересы, треволненія ничтожны. Еще недѣля, мѣсяцъ, и оно восторжествуетъ окончательно, и произойдетъ сліяніе съ безконечнымъ, вѣчнымъ. Ожи-

даніе этого момента и налагаетъ на человѣка, даже самаго обыкновеннаго, печать значительности, выдѣляющей его изъ тысячи другихъ, столь же обыкновенныхъ людей.

Князь уловилъ эту печать смерти на лицѣ юноши, проѣхавшаго мимо него, невольно содрогнулся, и прежнее безпокойство овладѣло имъ. Но это продолжалось только нѣсколько секундъ. Коляска была уже далеко, исчезло лицо больного юноши, и князь круто осадилъ самого себя. „Что̀ за ребячество!—подумалъ онъ:—мало ли въ Ниццѣ чахоточныхъ; если разстраиваться при видѣ каждаго изъ нихъ, то въ самомъ дѣлѣ скоро въ гробъ ляжешь“.

И когда онъ это подумалъ, вдругъ передъ его духовнымъ окомъ всплыло другое лицо. Это было лицо той дамы или дѣвушки, которая сидѣла въ коляскѣ рядомъ съ больнымъ юношей. Онъ на нее почти не обратилъ вниманія. Она сидѣла къ нему въ полъ-оборота, видимо озабоченная своимъ спутникомъ. Князь такъ внимательно смотрѣлъ на юношу, что ея какъ будто не замѣтилъ. Но теперь онъ отчетливо вспомнилъ ея профиль, и на него повѣяло чѣмъ-то знакомымъ. „Гдѣ я видѣлъ эту дѣвушку?“ — спросилъ онъ себя нѣсколько разъ подрядъ. Онъ теперь уже не сомнѣвался, что это была дѣвушка,—дѣвушка, имъ гдѣ-то видѣнная, но гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и когда? Какъ онъ ни напрягалъ памяти, онъ ничего не могъ вспомнить. Что онъ ее зналъ, — не подлежало сомнѣнію. Точно такъ же онъ былъ увѣренъ, что эта дѣвушка не принадлежала къ его кругу. Князь не сомнѣвался далѣе, что пара людей, промелькнувшая мимо него,—русскіе, это ему подсказывало какое-то внутреннее чувство; но кто они,—это оставалось для него загадкою.

Размышляя объ этой показавшейся ему почему-то странной и неожиданной встрѣчѣ, онъ подошелъ къ электрическому трамваю и сѣлъ въ вагонъ, шедшій въ Больё. Въ болѣе дорогомъ переднемъ отдѣленіи никого не было въ это раннее время дня; да и въ другомъ было пусто: сидѣлъ только какой-то господинъ съ дамой, — очевидно, мѣстные жители, возбуждавшіе въ князѣ мало интереса. Онъ вообще французовъ не долюбливалъ. Его сосредоточенная и вдумчивая натура никакъ не могла примириться съ французскимъ верхоглядствомъ и легкомысліемъ. Даже хваленая французская вѣжливость представлялась ему крайне сомнительною: сколько разъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, что подъ внѣшнимъ лоскомъ скрывалась врожденная грубость, проявлявшаяся иногда въ очень неприглядной формѣ. Да и могло ли быть иначе или, вѣрнѣе говоря, могъ ли князь иначе смотрѣть на дѣло? Онъ жилъ заграницею вовсе не такъ, какъ въ Россіи.

Тамъ онъ вращался исключительно въ аристократической средѣ. То же было болѣе или менѣе въ Парижѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ жизни до своей отставки. Но съ тѣхъ поръ онъ жилъ почти исключительно по разнымъ курортамъ, рѣдко заглядывая въ Россію или проводя мѣсяцъ—другой на своей роскошной виллѣ на Лаго Маджіоре. И въ этихъ курортахъ онъ по большей части вращался только въ своей средѣ. Но тутъ онъ все-таки чаще сталкивался съ людьми изъ другихъ классовъ, и эти люди, къ обществу которыхъ онъ совсѣмъ не привыкъ, производили всегда на него впечатлѣніе если не прямо отталкивающее, то во всякомъ случаѣ несимпатичное. Не то, чтобы онъ ихъ презиралъ или относился къ нимъ свысока—для этого онъ былъ слишкомъ просвѣщенный человѣкъ; но у него было всегда такое чувство, что лучше отъ нихъ держаться въ сторонѣ. Можетъ быть, они сами по себѣ и хороши, но лучше не имѣть съ ними никакого дѣла: оно спокойнѣе.

Онъ былъ очень радъ, что ѣхалъ въ Больё одинъ. Выбралъ онъ трамвай, потому что дорога изъ Ниццы туда была пыльная, а въ вагонѣ пыли меньше. Онъ только-что успѣлъ усѣсться, какъ вагончикъ уже тронулся съ мѣста. Князь взглянулъ на часы: было двѣнадцать. „Черезъ полчаса буду на мѣстѣ,—подумалъ онъ,—какъ разъ время завтракать; а Мароковъ навѣрное будетъ“.

Для него онъ собственно и ѣхалъ въ Больё. Японская война, какъ только она началась, возбуждала мало надеждъ въ князѣ. Какое-то предчувствіе предсказывало ему, что она хорошо не кончится. Князь смотрѣлъ на Россію приблизительно такъ, какъ на нее въ свое время смотрѣлъ Чаадаевъ. „Ни одной полезной мысли не возрасло на нашей безплодной почвѣ, ни одной великой истины не возникло среди насъ... Мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія“. Эта мысль Чаадаева приходилась князю особенно по сердцу. Онъ даже избралъ ее эпиграфомъ къ своему дневнику, въ который онъ иногда заносилъ свои наблюденія или мысли. Будущее Россіи представлялось ему въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Когда Японія объявила войну Россіи, князь тотчасъ вспомнилъ вопросъ Чаадаева: „Развѣ японцы не образованы?“ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ: „Да, для настоящаго дѣла они образованнѣе насъ; у нихъ умъ практическій, у насъ же умъ только теоретическій, да и въ теоріи мы дальше поверхностнаго подражанія не пошли, а на практикѣ мы не болѣе, какъ дѣти, и притомъ дѣти злыя“. Князь былъ увѣренъ, что мы на войнѣ лавровъ не пожнемъ. И тѣмъ не менѣе, ему было интересно

теперь, когда его опасенія такъ наглядно подтвердились, услышать изъ устъ очевидца войны и дѣятельнаго въ ней участника разъясненіе погрома, узнать, чѣмъ онъ его объясняетъ. Конечно, Чаадаевъ правъ: „Народы Европы выработали опредѣленныя идеи, — идеи долга, закона, правды, порядка", а „въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то бо́льшее, чѣмъ неосновательность".

„Да, отчего не потолковать съ Мароковымъ",—думалъ князь. Онъ считалъ его человѣкомъ умнымъ и наблюдательнымъ, зналъ, что онъ отличился на войнѣ, былъ въ самомъ пеклѣ ея. И хотя князь еще сегодня утромъ о немъ мало думалъ, теперь онъ интересовалъ его. И странно: этотъ интересъ находился въ какой-то для самого князя непонятной связи съ недавней его встрѣчей на улицѣ St. François de Paule. Чѣмъ-то роднымъ повѣяло на него отъ этой встрѣчи. И князь сталъ опять мучительно припоминать, гдѣ онъ видѣлъ эту дѣвушку. Но и на этотъ разъ всѣ его усилія оказались тщетными. Чѣмъ болѣе знакомымъ казалось ему лицо дѣвушки, тѣмъ менѣе онъ могъ припомнить, кто она.

III.

— Однако, Егоръ Герасимовичъ, вы мнѣ все-таки не объяснили, почему вы пріѣхали отдыхать отъ походной жизни именно въ Больё? — спросилъ князь, когда Мароковъ усадилъ его въ своемъ нумерѣ у окна съ чуднымъ видомъ на море.

— Те-те-те!—протянулъ тотъ, и его плотная фигура заколебалась отъ внутренняго смѣха. — Вѣдь мы идемъ завтракать, и все разъяснится. Скажу вамъ одно: штучка, — такихъ я не видывалъ. Ну, а послѣ походной жизни и отдохнуть хочется въ надлежащей обстановкѣ. Отель, какъ видите, здѣсь чудесный, море, конечно, не хуже, чѣмъ въ Ниццѣ, а такую женщину, простите, вы не только въ Ниццѣ, но и на всей Ривьерѣ, да что̀ я говорю—нигдѣ не найдете.

— Будто бы?—улыбнулся князь, невольно подчиняясь игривому настроенію своего собесѣдника.

Мароковъ слегка наклонилъ голову и, глядя на князя исподлобья, прибавилъ:

— Можетъ быть, и найдутся, но, князь, вѣдь я жениться не собираюсь...

— Понимаю,—отвѣтилъ князь:—вы только отдохнуть хотите отъ всѣхъ трудовъ и... лишеній.

— Попали въ точку,—разсмѣялся Мароковъ.—Правда, ли-

шенія были не Богъ вѣсть какія, но все же были. Ахъ, князь, думали ли мы съ вами, когда судьба или, лучше сказать, воля начальства, хотя, конечно, не безъ нашего содѣйствія, насъ прикомандировала къ посольству въ X..., что разыграется война; и съ кѣмъ же — съ японцами, и что мы проявимъ такую полную несостоятельность?..

Въ глубинѣ красивыхъ глазъ Марокова блеснулъ огонекъ. Но онъ сдержался и не продолжалъ начатаго имъ разговора.

Князь уловилъ этотъ огонекъ и сказалъ:

— Да, это очень тяжелыя воспоминанія. Вы мнѣ раскажете свои впечатлѣнія, не правда ли?

— Съ удовольствіемъ...

— Спасибо, Егоръ Герасимовичъ. Ну, а теперь, какъ вы думаете, не пора ли взглянуть на вашу красавицу?

— Сердце горитъ?—смѣясь, воскликнулъ Мароковъ.

— Гдѣ же мы будемъ завтракать, и гдѣ мы ее увидимъ?— Вы съ нею уже знакомы?

— Почти...

— То-есть, какъ это: почти?

— Послушайте, вы меня простите, но, кажется, вы какъ будто отстали отъ—какъ бы это выразиться—отъ компетентнаго взгляда на женщинъ этого сорта. Признайтесь, вы мало имѣли съ ними дѣла?

— Откровенно говоря, я ихъ вообще не очень-то долюбливаю, хотя и не женатъ,—отвѣтилъ князь разсѣянно.

— Ну, вотъ видите,— съ торжествомъ въ голосѣ замѣтилъ Мароковъ.— Вы ихъ не знаете. Иначе вы не задали бы своего вопроса. Поймите меня. Знакомство всегда болѣе или менѣе— дѣло случая. Но при обыкновенномъ знакомствѣ все-таки предполагаешь, что человѣкъ хочетъ со мною познакомиться, а тутъ и предполагать-то нечего, потому что это само собою разумѣется, если только у меня въ карманѣ не свиститъ. А такъ какъ у меня деньги найдутся, то познакомиться я могу въ любой моментъ.

— Да, это очень просто,— улыбнулся князь:—и простите, что я вамъ задалъ такой наивный вопросъ. Но вѣдь вы говорите, что она замѣчательная красавица. У васъ, значитъ, могутъ быть конкурренты, и легко можетъ случиться, что и у нихъ... какъ вы это выразились... тоже не свиститъ въ карманѣ.

— А военный натискъ — его вы, кажется, не принимаете во вниманіе,—самодовольно возразилъ Мароковъ;—онъ мнѣ уже сослужилъ нѣкоторую службу: я удостоился очень благосклоннаго взгляда.

— Положительно вы возбудили мое любопытство, а аппетитъ у меня давно уже есть. Такъ идемте.

А если на наше счастье явится еще и Марина, то...

— Ахъ, вы знаете уже ея имя?

— Да, она здѣсь значится въ книгѣ для пріѣзжающихъ: Marine de Rigaux. При ней состоитъ дуэнья: Mina de Konarska. И, доложу вамъ: мина же у этой Мины! Бррр! Настоящій уксусъ. И какъ это красавица Марина могла себѣ выбрать такую дуэнью! — воскликнулъ Мароковъ, какъ бы до глубины души возмущенный.—Такъ идемъ?

IV.

Миновавъ вылощенный садикъ съ тропическою и необычайно свѣжею растительностью и роскошными цвѣтами, и павильонъ, также утопавшій въ зелени и цвѣтахъ, князь Мануилъ съ генераломъ Мароковымъ прошли на террасу и усѣлись у самаго моря.

Не успѣли они однако еще распорядиться насчетъ завтрака, какъ обратили вниманіе на довольно тучнаго господина, вошедшаго на террасу довольно быстро, хотя и съ развалкою въ походкѣ. Это былъ средняго роста брюнетъ, почти моложавый на видъ, хотя ему и можно было дать лѣтъ подъ сорокъ, если внимательнѣе къ нему присмотрѣться. Онъ окинулъ взглядомъ всю террасу, на которой, кромѣ князя съ генераломъ, никого не было, и, увидѣвъ послѣдняго, приблизился къ столику, за которымъ они сидѣли, воскликнувъ:

— Ахъ, здравствуй, Егорушка! Тебя-то я и думалъ здѣсь застать.

Затѣмъ, обратившись къ князю, онъ прибавилъ:

— Извините, пожалуйста.

Генералъ всталъ; всталъ и князь.

— Вы незнакомы, господа, — поспѣшилъ ихъ представить другъ другу генералъ.—Князь Эммануилъ Ивановичъ Шацкій; Комовъ, Иванъ Петровичъ, мой товарищъ по корпусу и сосѣдъ по имѣнію. Встрѣтились мы съ нимъ здѣсь совершенно случайно, — обратился онъ къ князю:—т.-е., если хотите, и не совершенно случайно, потому что мы оба пріѣхали сюда отдохнуть,—я отъ похода, онъ отъ избирательной горячки. Однако, сядемте-ка, господа. Ты съ нами завтракаешь?—спросилъ онъ Комова.

— Если князь позволитъ, съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Очень радъ,—отвѣтилъ любезно князь.—Вы недавно изъ Россіи? У васъ тамъ настоящій Содомъ.

— Да, пережили мы не мало, — поспѣшилъ согласиться Комовъ тоже очень любезно, но не глядя на князя, словно нѣсколько обиженный ироническою его улыбкою.

Въ это время оффиціанты уже успѣли разставить закуски, приборы и водку.

— Ну, а какъ прошли у васъ выборы?

— Ахъ, князь, даже непріятно говорить объ этомъ. Общіе результаты вамъ извѣстны, а что касается деталей, то вы, конечно, легко себѣ можете представить, какъ все это произошло. Интригъ, подвоховъ, козней, тутъ было вдоволь...

— Вы ему не вполнѣ довѣряйте, князь,— вмѣшался Мароковъ:—мы съ нимъ побѣжденные: я пострадалъ на полѣ битвы, онъ — въ избирательной кампаніи; но меня пули не сразили, а его наповалъ убили...

Но онъ ошибся. Комовъ принадлежалъ къ числу „кадетовъ". Присоединяясь къ этой партіи, онъ разсчитывалъ навѣрное пройти на выборахъ, но ошибся въ разсчетѣ: ему предпочли кандидата, принадлежащаго къ числу интимныхъ друзей главныхъ воротилъ на выборахъ. Между тѣмъ онъ дѣятельно агитировалъ, и поэтому пораженіе ему было вдвойнѣ обидно, а вопросъ князя раздражилъ его гораздо больше, чѣмъ шутка Марокова. Князь это тотчасъ замѣтилъ и, не выждавъ отвѣта Комова, продолжалъ:

— Да, побѣдили кадеты. И кого это можетъ удивить?

— Однако, позвольте, князь, — возразилъ Мароковъ.—Позвольте, меня это рѣшительно удивляетъ,—продолжалъ онъ, наливая себѣ третью рюмку.

Но рюмка осталась невыпитою. Когда онъ наливалъ ее, на террасу вошли двѣ дамы. Одновременно грянула музыка. Впереди шла молодая женщина или дѣвушка необыкновенной красоты, высокая, стройная, съ гордымъ видомъ. Трудно было опредѣлить ея національность. Ея волосы, надъ которыми возвышался воздушный токъ съ еле замѣтными золотыми блестками, были до того свѣтлы, что казались напудренными, глаза же и брови были темные. Чѣмъ-то чистымъ и въ то же время воздушнымъ вѣяло отъ нея, и у князя, не спускавшаго съ нея глазъ, невольно сорвалось съ устъ: „Casta diva". Это была вторая его встрѣча съ этой женщиной. Въ первый разъ онъ увидѣлъ ее на костюмированномъ вечерѣ въ Ниццѣ. Она оставалась на балу очень недолго и исчезла такъ же неожиданно, какъ и появилась, почти ни съ кѣмъ не перекинувшись словечкомъ.

Теперь она, не обращая ни на кого вниманія, прямо направилась на противоположную сторону террасы, никѣмъ не занятую, и усѣлась у одного изъ столиковъ. Рядомъ съ нею заняла мѣсто ея спутница. Это была пожилая особа очень невзрачнаго вида, хотя одѣтая богато, даже роскошно. Но въ то время, какъ костюмъ красавицы производилъ впечатлѣніе большой простоты и изящества, на особѣ, ее провожавшей, все казалось неумѣстнымъ и вычурнымъ. Этому, конечно, способствовало ея сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо и вульгарность его выраженія. Трудно было повѣрить, что между этими двумя женщинами есть что-нибудь общее.

Когда онѣ проходили мимо, Мароковъ наклонился къ князю и шепнулъ ему: „Это — она!", а Комовъ всталъ и направился къ красавицѣ. Что онъ при этомъ ей сказалъ, нельзя было разслышать, но онъ тотчасъ же вернулся къ своей компаніи.

— Такъ, Ваня, ты ее знаешь?—обратился къ нему Мароковъ съ живѣйшимъ любопытствомъ.

— Да, знаю,—отвѣтилъ Комовъ.—Встрѣтилъ ее здѣсь вчера, а раньше встрѣчалъ въ Петербургѣ...

— Въ Петербургѣ?—продолжалъ допрашивать Мароковъ.—Да вѣдь она—француженка: фамилія ея Риго...

— Она—Риго по мужу. Дѣвичья ея фамилія—Конарская.

— Значитъ, эта старуха—ея мать?

— Ну, да.

— А мужъ ея еще живъ?

— Нѣтъ, она вдова.

— А! Вдовушка!—обрадовался Мароковъ.

— Да, и довольно странная вдова,—пояснилъ Комовъ.

— Милый Ваня, разсказывай, разсказывай!—торопилъ его Мароковъ.

— Да что она тебя такъ заинтересовала?—спросилъ съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія Комовъ.

— Развѣ можно не заинтересоваться такою прелестью? Посуди самъ, дружище, — протянулъ съ удареніемъ Мароковъ.— Вѣдь и ты навѣрное къ ней неравнодушенъ, хотя и женатъ на прехорошенькой жен-щи-нѣ.

Мароковъ имѣлъ обыкновеніе растягивать слова, когда онъ волновался или хотѣлъ говорить особенно выразительно.

Комовъ остановилъ его.

— Ну, женъ можно оставить въ покоѣ. Дѣло не въ моей женѣ, а въ Маринѣ, сразу покорившей твое сердце.

— А какъ ты полагаешь,—продолжалъ Мароковъ съ тѣмъ же военнымъ натискомъ:—ея сердце покорить легко?

— Н-нѣтъ, не думаю.

— Но она, кажется, не изъ числа строгихъ.

— Вы хотѣли намъ разсказать исторію ея брака,—вмѣшался князь.

— Исторія эта очень короткая,—отвѣтилъ Комовъ:—не длиннѣе ея брака, который былъ удивительно кратокъ. Такія вещи случаются не часто. Мужъ ея, старый холостякъ, умеръ скоропостижно въ каретѣ, когда везъ ее домой изъ-подъ вѣнца. Молодая привезла изъ церкви трупъ.

— Слушай, Ванюша, познакомь насъ съ нею!—взмолился Мароковъ:—слышишь, по-зна-комь...

— Да вѣдь нельзя же такъ, съ мѣста въ карьеръ...

— Познакомь, говорю, познакомь... если только я не становлюсь тебѣ поперекъ дороги...

— Ну, что за вздоръ!—огрызнулся Комовъ.

— Повторяю: бываетъ, бываетъ, милый мой, хотя бы...

Онъ хотѣлъ снова упомянуть о хорошенькой женѣ, но воздержался.

Бесѣда у нихъ велась вполголоса, только смѣхъ генерала раздавался иногда слишкомъ громко, вызывая неудовольствіе двухъ англичанъ, усѣвшихся по сосѣдству.

На смѣхъ этотъ обращали вниманіе, повидимому, и красавица съ матерью. Мароковъ сидѣлъ бокомъ къ нимъ. Мать то-и-дѣло поглядывала на него съ любопытствомъ, красавица же взглянула только раза два, но ни одинъ мускулъ ея красиваго лица не дрогнулъ: Мароковъ, очевидно, ничѣмъ не могъ нарушить ея спокойствія. Все это замѣтилъ князь, который сидѣлъ къ ней лицомъ и внимательно наблюдалъ за нею, насколько это позволяло приличіе. Она, должно быть, это замѣтила, потому что избѣгала его взгляда и смотрѣла куда-то поверхъ него.

V.

Завтракъ близился къ концу. Музыка, вначалѣ шумная, теперь часто затихала, чтобы не мѣшать гостямъ бесѣдовать: музыканты, очевидно, прекрасно себѣ уяснили, что хорошій завтракъ и вино развязываютъ языки, и что музыка нужнѣе всего вначалѣ, когда языки еще не развязались. Лакеи уставили

столы разнообразными сортами сыра и превосходными фруктами, какіе даже во Франціи встрѣчаются рѣдко.

— Слушай, Ваня, ты насъ съ ними познакомь,—взмолился еще разъ Мароковъ:—чего добраго, онѣ сейчасъ уйдутъ.

— Не удобнѣе ли за обѣдомъ?—попробовалъ отговориться Комовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—запротестовалъ генералъ.—За обѣдомъ ихъ, пожалуй, и не будетъ. А почемъ знать, можетъ быть, онѣ и совсѣмъ куда-нибудь уѣдутъ. Нѣтъ, ужъ сдѣлай милость, познакомь сейчасъ.

Комовъ нехотя всталъ и направился къ красавицѣ.

Она встрѣтила его привѣтливо, и между ними завязался разговоръ. Мароковъ и князь изъ приличія старались не смотрѣть въ ихъ сторону, но оба они замѣтили, что разговоръ поддерживала главнымъ образомъ красавица. Она сохраняла серьезное выраженіе лица и только одинъ разъ улыбнулась. Отъ этой улыбки Мароковъ пришелъ въ восторгъ, а князь шепнулъ ему: „Она въ самомъ дѣлѣ хороша“,—на что генералъ въ отвѣтъ протянулъ: „Говорилъ же я вамъ; такую сыскать трудно; полъ-царства отдать за нее мало“.

Комовъ вдругъ наклонился къ красавицѣ. Она взглянула въ сторону князя и Марокова, а Комовъ продолжалъ ей что-то говорить. Въ разговоръ вмѣшалась мать и задала Комову нѣсколько вопросовъ, причемъ морщинистое ея лицо оживилось, какъ будто она съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта. Красавица теперь сидѣла молча, храня выраженіе спокойной увѣренности. Когда мать кончила съ своими разспросами, Комовъ опять обратился къ красавицѣ. Марокову показалось, что все это длится цѣлую вѣчность. Наконецъ, красавица наклонила, какъ бы въ знакъ согласія, голову. Это движеніе вышло у нея такъ торжественно, словно она оказала Комову великую милость.

Комовъ всталъ и своею развалистою походкою вернулся къ прежней компаніи. Князь и Мароковъ, когда онъ приблизился, поднялись съ своихъ мѣстъ. Они были представлены сперва матери, потомъ дочери. Мать и при этой встрѣчѣ не могла скрыть своего любопытства и очень внимательно взглянула на князя. Дочь же ограничилась улыбкою, ясно говорившею, что она себѣ цѣну знаетъ.

— Вы, значитъ, Иванъ Петровичъ,—обратилась она къ Комову, когда представленіе было кончено, точно продолжая начатый раньше разговоръ:—уѣхали изъ Россіи, когда все было уже кончено?

— Да,—отвѣтилъ онъ:—въ моей губерніи выборы были кончены.

— Очень волновались, вѣроятно, у васъ?

— И не говорите, Марина Романовна!

— Стоило волноваться. Подумаешь, и Россія стала, наконецъ, конституціонною страною! А мы все это время прожили заграницею. Къ намъ доносились отзвуки вашей борьбы, только какъ раскаты очень далекой грозы.

Марина слегка наклонила голову, точно прислушиваясь къ этимъ раскатамъ, и это ей очень шло.

— А вы, генералъ, прямо съ войны? — обратилась она къ Марокову:—вы наслушались настоящаго грома, но молнія васъ, къ счастью, пощадила...

— Да,—прервалъ ее Мароковъ:—до сихъ поръ я не убитъ и не раненъ.

— До сихъ поръ? Чего же вамъ теперь опасаться?—спросила, какъ бы недоумѣвая, Марина и подняла свои красивыя темныя брови. Но, не выждавъ отвѣта, какъ будто отвѣтъ ей не нуженъ былъ, обратилась къ князю:

— А вы тоже изъ Россіи?

— Нѣтъ, я давно ужъ тамъ не былъ.

Онъ не зналъ, какого тона придерживаться съ этой женщиной. Это не была дама его круга, но и не простая русская интеллигентная женщина; это не была и дама полусвѣта. Онъ рѣшительно не зналъ, къ какой категоріи женщинъ ее причислить. Единственно, что для него было ясно, это—что она была обворожительна, умна и взвѣшивала каждое свое слово, каждое свое движеніе.

— И вы не скучаете по Россіи?—спросила она.

— Люди моего закала скучаютъ вездѣ или не скучаютъ нигдѣ,—отвѣтилъ князь.

Мароковъ, давно недовольный, что Марина на него обращаетъ слишкомъ мало вниманія, вмѣшался въ разговоръ.

— Князь у насъ большой философъ,—сказалъ онъ.—А мы, военные люди—плохіе философы, зато умѣемъ брать отъ жизни, что она даетъ, а даетъ она много прекраснаго...

— Да,—быстро отвѣтила Марина.—Но, во-первыхъ, надо умѣть хорошее находить. А это далеко не такъ легко. Потомъ надо быть увѣреннымъ, что хорошее именно для насъ, и, наконецъ, если оно попало намъ въ руки, не дать ему ускользнуть. Въ этомъ наука жизни...

И, не давая опомниться Марокову, она снова обратилась къ князю:

— Почему вы предпочитаете жить заграницею?—спросила она его.—Вамъ жизнь здѣсь больше нравится? Многіе русскіе теперь переѣзжаютъ сюда. Признаюсь, и намъ съ мамой стало въ Россіи не по себѣ, хотя,—прибавила она, замѣтивъ на лицѣ князя выраженіе легкой насмѣшки:—мы освободительному движенію очень сочувствуемъ...

— Чему вы сочувствуете?—переспросилъ князь, точно онъ не разслышалъ словъ Марины, хотя она говорила очень явственно, отчеканивая каждое слово.

— Освободительному движенію,—проговорилъ Комовъ, словно желая избавить Марину отъ труда повторить сказанное.

— Нѣтъ,—замѣтилъ князь, небрежно улыбаясь:—освободительное движеніе для многихъ русскихъ не составляетъ причины ихъ переселенія заграницу. Я думаю, что многіе пріѣзжаютъ сюда для того, чтобы развлечься и отдохнуть. Кажется, мы всѣ, здѣсь сидящіе у стола, принадлежимъ къ числу такихъ людей.

— Ну, что касается меня,—вмѣшался опять Мароковъ:—то я, кажется, заслужилъ отдыхъ послѣ почти двухлѣтней походной жизни. Заслужилъ его и Ваня послѣ горячей избирательной кампаніи. Менѣе всего заслужилъ его князь: онъ уже давно отдыхаетъ отъ своей дипломатической службы...

— А меня вы забыли,—быстро прервала его Марина:—я всю жизнь бездѣльничаю, а все-таки пріѣхала заграницу отдыхать. Отдыхать,—повторила она, и темные ея глаза, обращенные на князя, вдругъ блеснули искрою лукаваго веселья.—Нѣтъ, не отдыхать, а развлекаться, какъ выразился князь.

— Это почти одно и то же,—ввернулъ Мароковъ.—Что за отдыхъ безъ развлеченія?

— И какое развлеченіе можетъ быть безъ потребности въ отдыхѣ, спрошу я?—проговорила медленно Марина.

Лукавый огонекъ потухъ въ ея красивыхъ глазахъ, которые расширились и задумчиво глядѣли на морскую даль.

Князь уловилъ эту игру глазъ. Въ то же время замѣчаніе Марины поразило его. Ничего въ немъ, правда, глубокомысленнаго не было, но оно такъ соотвѣтствовало тому чувству тревоги, которую онъ испытывалъ теперь такъ часто. „Какое развлеченіе можетъ быть безъ потребности въ отдыхѣ?“—мысленно повторилъ онъ. „Не потому ли онъ испытываетъ это чувство тревоги, что, не имѣя никакой потребности въ отдыхѣ, только развлекается?

— А мы еще кофе не пили,—спохватился совершенно неожиданно Мароковъ.

Марина, какъ бы уловивъ его мысль, слегка надувъ верхнюю губку, промолвила:

— Я не люблю завтракать и пить кофе на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вѣдь я живу заграницею, чтобы развлекаться. Поэтому побольше разнообразія! — заключила она весело, окидывая всю компанію вопросительнымъ взглядомъ, точно желая убѣдиться, какое впечатлѣніе произвели ея слова.

Князь промолчалъ; Мароковъ же воскликнулъ:

— Идея! А что, если мы всей компаніей отправимся пить кофе на Капъ-Ферà? Кстати, прогулку совершимъ и осмотримъ маякъ.

— Прекрасно, — тотчасъ же согласилась Марина. — Развлекаться, такъ развлекаться.

— Но, Марина, — возразила ея мать, и это были первыя произнесенныя ею слова: — какъ же ѣхать, когда мы должны быть въ Ниццѣ?

— Ахъ, это насчетъ дантиста! — небрежно проговорила Марина и тотчасъ же разсмѣялась, обнажая свои жемчужные зубы. — Вотъ что̀, мама: ты поѣзжай въ Ниццу, — вѣдь дантистъ нуженъ тебѣ, а не мнѣ; а мы поѣдемъ на Капъ-Ферà. Къ обѣду мы всѣ опять соберемся.

Мать промолчала, но была, видимо, недовольна и почти тотчасъ же встала. Встала и остальная компанія. Лакеи подошли, чтобъ отодвинуть стулья. Явился и метрдотель, чтобъ освѣдомиться, всѣмъ ли довольны посѣтители. Музыка снова шумно заиграла какой-то маршъ. Мароковъ оказался возлѣ Марины.

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вы согласились провести съ нами часокъ-другой.

Марина какъ бы пропустила эти слова мимо ушей.

— Вы давно знакомы съ Иваномъ Петровичемъ и... съ княземъ? — спросила она съ оттяжкою.

Они уже входили въ павильонъ. За ними слѣдовала мать; князь съ Комовымъ немного отстали.

— Я вамъ докладывалъ уже, — отвѣтилъ генералъ, — что мы съ Комовымъ однокашники, а съ княземъ мы служили года четыре тому назадъ при посольствѣ.

Изъ боковой двери вышелъ какой-то усатый индивидъ въ красномъ смокингѣ такого же покроя, какъ черные смокинги у лакеевъ.

— Мама, у тебя есть деньги при себѣ? — повернулась Марина къ матери. — Надо дать музыкантамъ.

Комовъ съ княземъ оказались тутъ же, и всѣ набросали

музыканту на подносъ серебряныхъ монетъ. Онъ благодарилъ взглядомъ и легкимъ наклоненіемъ головы. У входа въ отель Марина обратилась ко всей компаніи:

— Не знаю, какъ вы располагаете своимъ временемъ, но я буду черезъ полчаса готова.

— Ровно черезъ полчаса два экипажа будутъ стоять у подъѣзда,—отвѣтилъ за всѣхъ генералъ.

— Почему: два?—спросила Марина.

— Четырехъ-мѣстныя ландо могутъ быть уже разобраны,—пояснилъ Мароковъ съ свойственною ему рѣшительностью.—Къ тому же четыре лошади везутъ скорѣе, чѣмъ пара, а въ lieux de résistance мы вѣдь будемъ вмѣстѣ, т.-е. въ ресторанѣ и на маякѣ.

Марина задумалась на одну секунду, но потомъ, скользнувъ взглядомъ по князю, рѣшительно проговорила:

— Хорошо, идетъ.

Потомъ, словно испугавшись своей рѣшительности, она потупилась и стояла смущенная, вызывая въ мужчинахъ невольное удивленіе къ своей дѣвственной красотѣ. Но и это продолжалось только одну секунду. Она обвела всѣхъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ и, остановивъ его на Мароковѣ, какъ бы машинально, задумавшись о чемъ-то другомъ, медленно промолвила:

— Итакъ, до свиданія, господа. Черезъ полчаса увидимся.

Затѣмъ она повернулась и съ тою же медлительностью, словно все еще въ задумчивости, стала подниматься по лѣстницѣ, пропустивъ впередъ мать.

Мароковъ, Комовъ и князь долго слѣдили за нею, пока она не скрылась на поворотѣ лѣстницы.

— Я вамъ сказалъ, что это не заурядная женщина,—замѣтилъ Комовъ, точно очнувшись отъ какого-то сна.

Такое же выраженіе можно было уловить на лицахъ его собесѣдниковъ.

— Не женщина, а бо-ги-ня,—изрекъ Мароковъ.

— Не понимаю я этой особы,—съ своей стороны сказалъ князь, возвращаясь къ обыкновенному своему тону.—Одно несомнѣнно: своею красотою и, пожалуй, умомъ она можетъ хоть кому вскружить голову.

VI.

Въ назначенный часъ мужчины опять были въ вестибюлѣ, ожидая выхода „своей королевы“, какъ съязвилъ князь.

Марина не просрочила ни одной минуты. „Королева“ спускалась съ еле замѣтною улыбкою на устахъ къ своей „свитѣ“.

На полдорогѣ она вдругъ остановилась. Мужчины взглянули на нее вопросительно.

— Кто же будетъ моимъ кавалеромъ?—спросила она и стала быстро спускаться съ лѣстницы.

— Это вы, генералъ, вздумали разлучить меня съ остальной компаніей, — продолжала она, протягивая Комову фамильярно руку ладонью вверхъ, чтобъ онъ застегнулъ ей перчатку, и въ то же время поглядывая какъ-то загадочно на князя.—Несите же наказаніе: во время пути на васъ налагается обязанность меня развлекать.

Мароковъ подставилъ ей руку.

— Ну, генералъ,—пригласила она Марокова:—теперь займите мѣсто въ застѣнкѣ. Я буду вашимъ палачомъ.

— Отъ руки такого палача погибнуть—наслажденіе, — галантно отвѣтилъ генералъ и, обойдя коляску сзади, молодцовато усѣлся.

Коляска тихо тронулась, но кучеръ тотчасъ же сталъ наддавать ходу.

Сѣли и князь съ Комовымъ въ другую коляску, которая послѣдовала за первой, не отставая отъ нея.

Ночью, должно быть, выпалъ дождь, потому что дорога, въ видѣ исключенія, не была пыльна. Солнце, правда, припекало, но въ то же время чувствовалась пріятная свѣжесть въ воздухѣ, особенно когда общество, миновавъ Сенъ-Жанъ, ѣхало вдоль морского берега.

Князь съ Комовымъ обмѣнивались незначительными замѣчаніями относительно мѣстности, черезъ которую они проѣзжали.

Вдругъ передняя коляска замедлила ходъ и пріостановилась.

Комовъ привсталъ, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Обѣ коляски остановились вплотную, шумъ колесъ стихъ.

— Не поѣхать ли намъ шагомъ, князь? — отчетливо, какъ всегда, раздался голосъ Марины.—Здѣсь такъ хорошо!

— Какъ прикажете: во всемъ подчиняюсь вамъ безпрекословно и съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ князь суховато.

Марина промолчала. Вслѣдъ затѣмъ раздался ея грудной смѣхъ, короткій, но сочный. Очевидно, Мароковъ ее чѣмъ-то разсмѣшилъ, хотя его сильнаго голоса и не было слышно.

Когда экипажи тронулись, князь замѣтилъ:

— Какіе у нея странные пріемы!

— Вообще, это—странная женщина,—отвѣтилъ Комовъ:—хотя невольно подчиняешься ея обаянію.

— Да, но въ чемъ состоитъ это обаяніе? — продолжалъ князь.—Въ одной ли красотѣ? Мало ли есть красавицъ, мимо которыхъ проходишь совершенно равнодушно. Да и умныя женщины далеко не всегда привлекательны.

— Не умѣю вамъ отвѣтить на вашъ вопросъ, — какъ-то неохотно возразилъ Комовъ.—Знаю только одно: она постоянно служила магнитомъ для мужчинъ.

— Мать ея, повидимому, шведка? По произношенію слышно.

— Да, шведка.

— А отецъ? Онъ живъ?

— Отецъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ уже давно умеръ.

— До замужества онѣ съ матерью жили на мизерную пенсію,—продолжалъ Комовъ: — кажется, что-то вродѣ девятисотъ рублей въ годъ. Какъ онѣ ухитрялись жить на эти деньги, да еще жить открыто, это—ихъ тайна или, лучше сказать, тайна...

Комовъ не договорилъ, словно поймавъ себя на излишней откровенности. Князь это замѣтилъ и поэтому только спросилъ:

— А мужъ, вѣроятно, оставилъ ей значительное состояніе?

— Значительнаго состоянія онъ вдовѣ не оставилъ: кажется, что-то вродѣ тридцати или сорока тысячъ.

— Всего?—съ видимымъ соболѣзнованіемъ произнесъ князь.

— Да, ей надо поскорѣе выйти замужъ.

— Ахъ, вотъ и римскія ворота! — прервалъ съ живостью Комовъ, точно онъ обрадовался, что можетъ перемѣнить тему разговора.

Князю допросъ былъ тоже въ тягость. Онъ видѣлъ, какъ неохотно ему отвѣчаетъ Комовъ, но онъ никакъ не могъ преодолѣть своего любопытства, что съ нимъ случалось вообще очень рѣдко.

Они внимательно осмотрѣли ворота.

— Колонны очень красивы,—сказалъ онъ, видимо любуясь ими, хотя интересъ, возбужденный въ немъ самой Мариной и ея недосказанной исторіей, не давали ему сосредоточиться на постороннихъ предметахъ.

— А въ Петербургѣ скоро Дума соберется, — проговорилъ Комовъ, чтобы не возвращаться къ разговору о Маринѣ. Онъ могъ бы еще много разсказать любопытнаго изъ ея жизни, но ему непріятно было набрасывать на нее тѣнь: ея дѣвственная фигура, точно живая, стояла передъ нимъ, и онъ даже все со-

мнительное старался объяснить въ ея пользу, чтобы и словомъ не нарушить ея облика. „Что это?—спрашивалъ онъ себя:—власть красоты, не допускающая сомнѣній, или власть другого чувства?“ И у него по спинѣ пробѣжала дрожь, точно въ воздухѣ посвѣжѣло.

— Вы хотѣли попасть въ Думу?—проговорилъ князь, вполнѣ овладѣвшій собою.—Вы въ Думу, слѣдовательно, вѣрите?

— Какъ не вѣрить?—горячо отвѣтилъ Комовъ.

Онъ умышленно взвинчивалъ себя, чтобы новымъ разговоромъ подавить въ себѣ непріятное чувство, вызванное въ немъ воспоминаніемъ о прошлой жизни Марины.

— То-есть, во что же собственно вы вѣрите? — переспросилъ съ свойственною ему небрежностью князь.

— Вѣрю въ то, что царству произвола долженъ во что бы то ни стало быть положенъ конецъ.

Князь не тотчасъ отвѣтилъ.

— Еслибы,—разсѣянно сказалъ онъ,—вы жили въ Испаніи при Фердинандѣ VII, вы, конечно, также потребовали бы, во что бы то ни стало, отмѣны царства произвола?

— Ну, понятно,—поспѣшилъ отвѣтить Комовъ, не замѣчая западни, которую ему старался поставить князь.

— Само собою разумѣется,—продолжалъ князь.—Всѣ умные испанцы требовали того же, ну, и добились своего. Затѣмъ пошла продажа національныхъ и церковныхъ имуществъ, постоянное подтвержденіе и расширеніе правъ кортесовъ, безконечныя амнистіи. Правительства быстро смѣнялись: монархія—диктатурой, диктатура—республикой, республика—снова монархіей. Это продолжалось очень долго, какъ безконечны были и гражданскія войны, въ конецъ разорившія страну. Знаете что,—я Испаніи не особенно завидую.

Комовъ собирался что-то возразить, но именно въ эту минуту они подъѣхали къ ресторану, гдѣ ихъ ожидали Марина съ Мароковымъ, вышедшіе уже изъ экипажа и привѣтствовавшіе товарищей.

VII.

Комовъ еще больше оживился, когда увидѣлъ передъ собою привѣтливо улыбавшуюся Марину.

— Представьте себѣ, Марина Романовна, — воскликнулъ онъ:—князь сравниваетъ нашу матушку-Россію съ Испаніей.

— Ахъ, вы все время бесѣдовали о политикѣ!—промолвила

Марина.—Хорошо, что меня съ вами не было: я бы соскучилась. Вотъ генералъ—такъ настоящій дамскій кавалеръ: онъ мнѣ все разсказывалъ, какъ умѣетъ любить. Это было очень интересно...

Всѣ размѣстились вокругъ одного изъ столовъ.

Марина занимала общество.

— А кого вы больше любите, королева: кадетовъ или генераловъ?—спросилъ неожиданно Мароковъ.

Марина на минуту задумалась.

— Князей,—отвѣтила она потомъ быстро.

— То-есть, ретроградовъ,—пояснилъ князь.

— Совершенно вѣрно,—разсмѣялась Марина, блеснувъ своими жемчужинами.—Въ королевской крови всегда есть примѣсь ретроградства и властолюбія.

— Такъ вамъ, Марина Романовна, — протянулъ онъ медленно, — мое сравненіе Россіи съ Испаніей не понравилось? Спѣшу взять его обратно. Позвольте мнѣ тогда сравнить ее съ другой страною, которую я пока не назову. Страна эта по обширности территоріи, рѣдкости населенія, недавнему упраздненію рабства очень походитъ на наше отечество. Во главѣ ея, какъ у насъ, стоялъ король, который для многихъ былъ бѣльмомъ на глазу. Его рѣшили удалить.

— Чѣмъ же онъ провинился? — спросилъ насмѣшливо Комовъ.

— Да, ей-Богу, не умѣю вамъ сказать,—отвѣтилъ князь:—рабовъ освободилъ, способствовалъ созданію національной литературы, основалъ академію, университеты и массу школъ, создалъ парламентскій режимъ, гладилъ по головкѣ оппозицію, упразднилъ жандармерію и тайную полицію, улыбаясь, раскланивался, когда въ его присутствіи кричали: „Да здравствуетъ республика!“—вотъ за это его и удалили.

— Это не Шехерезада ли разсказала вамъ въ тысячу и одну ночь, князь?—спросилъ Комовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, князь,—возразилъ Мароковъ: — вы меня очень заинтересовали, и я прошу васъ непремѣнно докончить сказку. Надѣюсь, что и Марина Романовна ее охотно дослушаетъ.

— Вообще,—отвѣтила она:—я сказокъ не люблю, но князь, кажется, разсказываетъ недурно...

— Такъ, вотъ, императора и удалили.

— Кто же его удалилъ за всѣ его благодѣянія?—не унимался Комовъ.

— На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить,—продолжалъ князь,—но попытаюсь. Дѣло вотъ въ чемъ. Императоръ, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, отмѣнилъ рабство, и помѣщики—то-есть, виноватъ, плантаторы.

— Ахъ, это происходитъ гдѣ-то въ экзотическихъ странахъ!—воскликнула съ разочарованіемъ Марина.

— Повторяю, я пока не назову страны, но плантаторы понемногу вездѣ бывали,—отвѣтилъ князь.—Продолжаю: съ отмѣною рабства, помѣщики были поставлены въ тяжелое положеніе, доходы ихъ сильно сократились. Съ другой стороны, императоръ все сокращалъ число чиновниковъ, а армію также всячески урѣзывалъ. Какъ видите, онъ былъ неисправимый либералъ. Но, вслѣдствіе этихъ либеральныхъ реформъ, сокращалось и число доходныхъ мѣстъ въ странѣ. Вы теперь, Иванъ Петровычъ, поймете, кто удалилъ императора?

— Ну, да, конечно, во всемъ виноваты другіе, а не самъ императоръ,—отозвался Комовъ.—Знаемъ мы эту пѣсенку.

— Такъ я могу кончить?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, князь,—вмѣшался Мароковъ:—меня это очень интересуетъ; да и по глазамъ нашей „королевы“ я вижу, что вы должны продолжать...

— По моимъ глазамъ вы ничего не видите, генералъ,—отозвалась Марина.—Они развѣ говорятъ, что сказка начинаетъ превращаться въ политическій трактатъ...

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ князь,—я, чтобы всѣхъ удовлетворить, буду лаконичeнъ. Студенты, подъ предводительствомъ профессора ботаники, и часть арміи свергли императора и провозгласили республику. Результатъ получился слѣдующій: диктатура, подавленіе свободы печати, безконечное увеличеніе числа жандармовъ, увеличеніе мирнаго состава арміи болѣе, чѣмъ вдвое, увеличеніе числа чиновниковъ, безконечныя гражданскія войны, изъ которыхъ одна унесла двадцать тысячъ жертвъ, разстройство финансовъ, разстройство всего народнаго хозяйства, уменьшеніе народонаселенія... Сказка моя кончена. Называется она: „Революція баккалавровъ“, мѣсто дѣйствія—Бразилія, подробности желающіе могутъ найти въ соотвѣтственныхъ книгахъ... Не пора ли пойти прогуляться или поѣхать осмотрѣть маякъ?

— Одинъ вопросъ, князь,—сказалъ Комовъ:—вы вашу сказку, конечно, примѣняете къ Россіи. Но вы сами должны согласиться, что у насъ такого правительства, какъ правительство Донъ-Педро, за послѣднее время не было.

— Не спорю,—отвѣтилъ князь.—Я хочу только сказать,

что, вдумываясь въ положеніе Россіи, лучше сравнивать ее съ такими же, какъ она, малокультурными странами, чѣмъ съ государствами, стоящими во главѣ цивилизаціи...

— Старая пѣсня, — прервалъ Комовъ: — мы, молъ, для свободы не созрѣли...

— Знаете, князь, — протянулъ Мароковъ: — ваша сказка мнѣ чрезвычайно понравилась. Ее хорошо бы разсказать въ Петербургѣ кому слѣдуетъ...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, князь, — замѣтила Марина съ крайне невиннымъ выраженіемъ своихъ прекрасныхъ глазъ: — вы не думаете вернуться къ государственнымъ дѣламъ?

— Милостивѣйшая королева, — отвѣтилъ князь: — я къ государственнымъ дѣламъ никогда не былъ причастенъ; слѣдовательно, вернуться къ нимъ не могу. А потомъ, скажу вамъ откровенно: я свою свободу ни на что въ мірѣ не промѣняю.

— Не промѣняете?.. Ни на что?.. — спросила Марина и заглянула ему въ глаза.

VIII.

Общество тотчасъ же тронулось въ путь. Почти у самаго ресторанчика начинался спускъ къ морю.

Мароковъ, въ качествѣ храбраго воина, предложилъ идти первымъ, потому что, какъ онъ пояснилъ, неизвѣстно, какія опасности могутъ встрѣтиться на этомъ спускѣ. За нимъ слѣдовали Марина и князь; шествіе замыкалъ Комовъ. Въ виду узкой тропинки пришлось идти гуськомъ.

Спускъ, однако, оказался устроеннымъ прекрасно. Нога не скользила; въ сколько-нибудь крутыхъ мѣстахъ были высѣчены ступеньки; часто встрѣчались скамейки и кресла, искусно сложенныя изъ красноватаго туфа. Тропинка шла вдоль обрыва. Внизу, на значительной глубинѣ, синѣло море. Шумъ медленно набѣгавшей на камни волны слышался здѣсь явственно. Казалось, что человѣкъ, который оступится и упадетъ съ этой высоты, погибъ безвозвратно. Чувство жуткости охватывало на особенно крутыхъ поворотахъ.

— Вамъ не страшно? — спросилъ Мароковъ, оглядываясь на Марину.

— Кому первому пришла мысль о страхѣ, тотъ и боится, — отвѣтила она: — я не трусиха.

— А меня сразу произвели въ трусы, — проговорилъ онъ

и запнулся, потому что чуть не упалъ, заглядѣвшись на Марину.

— Не оглядывайтесь; не то въ самомъ дѣлѣ упадете въ море.

— А вамъ жаль будетъ, если я погибну?

— Не нашли ничего лучшаго спросить?

— А что же мнѣ спросить?

— Si vous n'avez rien à me dire, pourquoi venir auprès de moi? — пропѣла Марина довольно чистымъ контральто.

— А вы и поете?—спросилъ князь.

— Что значитъ это „и"? Если я пою скверно, то это „и" обидно; а если я пою хорошо, то въ чемъ же я уже проявила свое умѣнье?

— Говорить откровенно?

— Прошу.

— Вы красивы.

— Это — не умѣнье, не искусство. Это—даръ природы, если только я въ самомъ дѣлѣ красива.

— Вы — умны.

— Слушайте, князь. Я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣ, но въ логикѣ вы, должны быть, не сильны. Вѣдь умъ—также имущество не благопріобрѣтенное, а родовое.

— Вы находчивы, — продолжалъ князь, дѣйствительно нѣсколько пораженный діалектическими способностями Марины.

Но она его уже не слушала.

— Ахъ, кто-то забылъ здѣсь шляпу!—воскликнула она съ искреннимъ удивленіемъ.

— Гдѣ?—спросили почти въ одинъ голосъ Мароковъ, князь и Комовъ.

— А вотъ лежитъ на каменной скамейкѣ, — отвѣтила Марина, указывая на соломенную шляпу, дѣйствительно виднѣвшуюся внизу, подъ ихъ ногами, на скамейкѣ.

Эта шляпа всѣхъ заинтересовала: ея владѣльца нигдѣ не было видно.

— Должно быть, ушелъ впередъ, — замѣтила Марина: — но зачѣмъ же онъ оставилъ здѣсь свою шляпу?

Общество невольно ускорило шаги.

Мароковъ первый подошелъ къ шляпѣ и протянулъ уже къ ней руку, но вдругъ громко разсмѣялся.

— Да никакой шляпы нѣтъ, — проговорилъ онъ, когда приступъ смѣха прошелъ.

— Какъ нѣтъ?—воскликнула Марина.

— Это — тотъ же туфъ, — пояснилъ Мароковъ.

Марина дотронулась до шляпы. Дѣйствительно, она была, такъ же, какъ и скамейка, высѣчена изъ туфа.

— Какіе милые затѣйники эти французы!—проговорила Марина.—Вотъ и на этомъ спускѣ, чтобъ позабавить публику, они устроили маленькое развлеченіе.

— Вы ихъ назвали затѣйниками, — проговорилъ Мароковъ такимъ тономъ, какого отъ него трудно было ожидать. — Но они не только затѣйники. Позвольте вамъ сказать по этому поводу два слова объ одномъ обстоятельствѣ, которое меня вчера поразило... Но не устали ли вы? Присядемте на минутку, благо здѣсь мѣсто для всѣхъ найдется.

Предложеніе было принято. Всѣмъ было интересно послушать, что̀ скажетъ Мароковъ. Его считали просто добрымъ малымъ, а онъ, повидимому, собирался разсказать что-то серьезное...

Мароковъ съ Мариной усѣлись на скамейкѣ со шляпой, князь же и Комовъ — въ двухъ креслахъ изъ того же туфа, расположенныхъ по близости.

— Такъ вотъ что̀ я хотѣлъ сказать,—началъ онъ:—я вчера былъ уже въ этихъ мѣстахъ. Подошелъ я только съ другой стороны. И меня моя прогулка очень заинтересовала.

— Кого же вы встрѣтили? — спросила Марина.

— Представьте себѣ, королева, никого или, по крайней мѣрѣ, не встрѣтилъ людей, заслуживающихъ вниманія. И все-таки прогулка и то, что̀ я видѣлъ, меня такъ поразили, что, кажется, я весь вечеръ думалъ бы только объ этомъ, еслибы за обѣдомъ не увидѣлъ васъ...

— Какой тяжелый грѣхъ на моей душѣ: я васъ отвлекла отъ серьезныхъ размышленій! Пожалуйста, предавайтесь имъ теперь всецѣло и забудьте совершенно обо мнѣ...

— Какъ это ни трудно, постараюсь, — сказалъ Мароковъ, смѣясь.—Меня поразило то, что жилья нигдѣ нѣтъ, а дорожки и дороги вездѣ разбиты наиаккуратнѣйшимъ образомъ, обсажены деревцами и деревьями, вездѣ проведена вода, стоятъ газовые фонари. Проходитъ рабочій, я его спрашиваю: „Чей это паркъ?“ Онъ смотритъ на меня съ удивленіемъ. „Парка тутъ никакого нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ:—эта часть полуострова почти еще не заселена“. „Такъ кто же это все такъ прекрасно устроилъ?“ Отвѣчаетъ: „Община“. „Богатая же у васъ община“, говорю. А онъ, улыбаясь, отвѣчаетъ: „Очень ли она богата, не знаю; а что хочетъ быть очень богатой, это — вѣрно“. Разсмѣялся и я. „И чтобы разбогатѣть, выбрасываетъ груды денегъ на этотъ необитаемый полуостровъ?“ А онъ опять смѣется и не то, чтобы

зло, а такъ полу-презрительно. „Сейчасъ видно, что вы — иностранецъ“, говоритъ. Я обидѣлся и говорю: „Почему же видно, что я—иностранецъ?“ — „Еслибы вы были французъ, вы бы твердо знали, что наша община зря денегъ не выбрасываетъ“. Затѣмъ онъ мнѣ пояснилъ, что эта часть полуострова, пустовавшая до послѣдняго времени, теперь раздѣлена на участки, приведена въ благоустройство, кое-гдѣ и сады уже разбиты, и дома сооружены. Можно купить и готовую виллу, и мѣсто для постройки по собственному вкусу. Нѣкоторые участки уже куплены французами и иностранцами. Проданы они по цѣнѣ, отъ которой община въ накладѣ не будетъ. Не только всѣ расходы окупятся, но кое-что останется въ кассѣ,—вѣроятно столько, что можно будетъ толковать о богатствѣ общины, когда всѣ участки будутъ распроданы, и это случится скоро...

— Да, то, что̀ вы видѣли, дѣйствительно интересно,—отозвался князь съ своего кресла.

— Знаете что̀, князь, — продолжалъ Мароковъ: — я хотѣлъ строиться въ Крыму—не вѣкъ же мнѣ служить. Но какъ мнѣ люди опытные разсказали, что̀ за мытарства мнѣ предстоятъ, я отъ этой мысли отказался, совершенно от-ка-зал-ся. Лучше купить здѣсь: и дешевле, и лучше.

— И объ этомъ вы, генералъ, хотѣли думать весь вечеръ?— освѣдомилась Марина.—Нѣтъ, въ такомъ случаѣ я рада, что вы меня увидѣли, и грѣхъ мой не великъ.

— Простите, королева, я собирался думать не только объ этомъ,—возразилъ Мароковъ. — Когда гуляешь въ одиночествѣ, разныя мысли приходятъ въ голову. То, что̀ я увидѣлъ на этомъ полуостровѣ, только подкрѣпило, пояснило мнѣ то, надъ чѣмъ я часто задумывался, сравнивая Россію съ Германіею, Франціей, Бельгіей. Если посмотришь, сколько предпріимчивости, энергіи, трудолюбія, вдумчивости, практической смѣтки, выдержки у этихъ народовъ, и какъ мало этихъ качествъ у насъ, то многое для меня становится яснымъ: и печальное положеніе нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, и военныя наши неудачи, и теперешній политическій кавардакъ. Нѣтъ, мы не бельгійцы, не нѣмцы, даже не французы. Вы правы, князь: мы—испанцы, мы—бразильцы...

— Славу Богу, добрались опять до Бразиліи,—еле слышно проговорила Марина, глядя куда-то вдаль.

— Ты забываешь одно, милый Егорушка: всѣ народы свободны, мы же, русскіе, до сихъ поръ были рабами,—возразилъ Комовъ.

— Вы забываете, Иванъ Петровичъ, — замѣтилъ князь, —

что въ Испаніи республика была провозглашена три года тому назадъ, а Испанія все же остается Испаніей.

Комовъ, слегка поблѣднѣвшій, собирался что-то возразить, но предъ нимъ стояла уже Марина и, положивъ ему руку на плечо и наклоняясь къ нему такъ, что онъ почувствовалъ ея дыханіе, проговорила:

— Королева повелѣваетъ вамъ отправиться съ вашимъ однокашникомъ внизъ къ морю, а сама останется здѣсь. Вы ей доложите, что̀ вы тамъ видѣли. Слышите ли? Будьте паинькой. Назадъ я съ вами поѣду, а генерала—въ отставку.

— Я повинуюсь королевѣ,—сказалъ Комовъ, низко кланяясь ей.—Пойдемъ, Егорушка.

— Ахъ, какъ мнѣ уходить не хочется!—воскликнулъ тотъ.

— Вы, генералъ,—обратилась къ нему Марина,—уже разсказали мнѣ, какъ вы любите. Теперь очередь князя. Онъ мнѣ разскажетъ, что̀ онъ любитъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — прибавила она:—я сегодня утромъ слегка оступилась, сама не замѣтила, а теперь какъ будто нога болитъ. Я посижу, но мнѣ хочется знать, что̀ тамъ внизу. Ступайте же, ступайте.

Мароковъ съ Комовымъ начали, нехотя и поминутно оглядываясь, спускаться, а Марина съ княземъ снова усѣлись.

Они молчали, пока ихъ спутники совсѣмъ не скрылись изъ виду. Князю было положительно неловко въ обществѣ этой женщины. Онъ все еще не зналъ, какъ съ нею держаться, потому что она была для него загадкою.

— Ну, начинайте!—промолвила она.

— Простите,—отвѣтилъ князь:—но я недоумѣваю, что̀ мнѣ собственно начать.

— Да вы развѣ не слышали, что̀ я сказала?—спросила Марина.

Она смотрѣла куда-то вдаль, словно ея мысли были заняты чѣмъ-то другимъ, и говорила только потому, что надо же было о чемъ-нибудь говорить.

— Ахъ, да,—отвѣтилъ князь.—Я долженъ былъ вамъ сообщить, что̀ я люблю.

— Совершенно вѣрно, — подтвердила Марина съ тѣмъ же отсутствующимъ взглядомъ.—Но вы, повидимому, не расположены говорить, а такъ какъ, по законамъ того общества, къ которому вы принадлежите, полузнакомымъ людямъ неприлично сидѣть вмѣстѣ и не говорить, то буду говорить я. Это во-первыхъ, — вы, какъ я замѣтила, любите перечислять все по пунктамъ. А во-вторыхъ, чтобы не слишкомъ уклоняться отъ заданной темы, я вамъ буду говорить о томъ, что̀ я люблю.

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣтилъ князь въ тонъ.—Это будетъ очень интересно.

— Благодарю васъ, — продолжала Марина, попрежнему глядя вдаль и сохраняя очень серьезное выраженіе на своемъ какъ бы застывшемъ лицѣ.—Я вижу, что моя личность имѣетъ для васъ нѣкоторое значеніе, если вы интересуетесь тѣмъ, что я люблю. Итакъ, начинаю. Я люблю наблюдать, критиковать, люблю относиться ко всѣмъ немного свысока, — и это у меня не дѣланное, а естественное чувство, потому что въ людяхъ дѣйствительно много смѣшного и нехорошаго, но я люблю и красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ. Я люблю свободу и готова пожертвовать всѣмъ, чтобы ее сохранить. Поэтому я для всѣхъ чужая и иду въ жизни своею дорогою, ни на кого не оглядываясь, не имѣю друзей, не испытываю настоящей любви. И проживу я свою жизнь, какъ далекая-далекая звѣздочка: сегодня она блеснетъ, завтра померкнетъ. Никому она не нужна: такихъ звѣздочекъ—билліоны. Кто ихъ сосчитаетъ? А жаль. Вѣдь каждая изъ этихъ звѣздочекъ представляетъ собою цѣлый міръ...

Марина умолкла. Молчалъ и князь. Онъ внезапно почувствовалъ удивительную близость этой женщины къ себѣ, такую близость, которая его пугала. Что между ними общаго, а она читала въ его душѣ, какъ въ открытой книгѣ.

— Вы, кажется, — произнесъ онъ наконецъ, — говорили за меня?

— Не все ли равно?—отвѣтила Марина.—Если я васъ заняла своимъ разговоромъ, то для соблюденія свѣтскихъ приличій вѣдь ничего больше и не требуется.

Князь взглянулъ на нее помимо воли. Она сидѣла, ни на волосъ не измѣняя положенія, все съ тѣмъ же выраженіемъ серьезной задумчивости на прекрасномъ лицѣ. Холодомъ вѣяло отъ всего ея существа, несмотря на всю соблазнительную красоту. И князь вдругъ весь застылъ на мысли: да кто же она наконецъ,—Галатея, ожидающая своего Пигмаліона?

А снизу донесся густой басокъ приблизившагося Марокова:

— И зачѣмъ только вы насъ посылали, королева: ничего тамъ до-сто-при-мѣ-ча-тель-на-го нѣтъ!

IX.

Какой-то старикъ, бѣдно, но прилично одѣтый, надавилъ кнопку у бокового входа одной изъ скромнымъ виллъ на Pro-

menade des Anglais. У него въ рукахъ былъ свертокъ. Предметъ, завернутый въ мягкую черную матерію, видимо, его занималъ, потому что онъ то-и-дѣло поглядывалъ на него своими добрыми карими, еще полными жизни глазами.

Ему открыла дверь такая же пухленькая, какъ онъ самъ, и такая же добродушная, съ тѣмъ же выраженіемъ глазъ, молоденькая горничная въ черномъ платьѣ и бѣлоснѣжномъ чепцѣ на густыхъ волосахъ.

— Ты принесъ, отецъ? — спросила она его по-французски съ сильнымъ провансальскимъ акцентомъ.

— Какъ видишь, Марѝ,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ: — барышня будетъ довольна.

Они вошли въ вестибюль, изъ котораго лѣстница вела въ большую пріемную.

Марѝ неслышно удалилась за портьеру, но тотчасъ же вернулась, пропустивъ ту незнакомку, которую князь встрѣтилъ на улицѣ St. François de Paule.

Это была дѣвушка средняго роста, очень просто, но мило одѣтая, съ гладкими русыми волосами и неправильными чертами лица. Темно-голубые глаза были очень красивы, задумчивы, печальны; весь ея обликъ внушалъ довѣріе и невольную симпатію.

Она приблизилась къ старику.

— Покажите, Франсуа!—шепнула она.

Франсуа развернулъ свой свертокъ: въ немъ оказалась изящная маленькая подушка въ чехлѣ изъ сѣраго шолка.

Татьяна Григорьевна—такъ звали дѣвушку—взяла подушечку въ руки, внимательно осмотрѣла ее, подавила, погладила.

— Oh, qu'il est mou! oh, qu'il est doux! Vous serez contente, mademoiselle, — проговорилъ Франсуа, и доброе его лицо выражало столько мягкости и привѣтливости, что Таня невольно улыбнулась въ отвѣтъ на его ласку.

— Благодарю, Франсуа,—сказала она. — Теперь локоть не будетъ болѣть у брата, когда онъ будетъ смотрѣть на море.

— Вашъ братъ спитъ? — спросилъ Франсуа. — Ему лучше?

— Да, онъ спитъ, — отвѣтила Татьяна Григорьевна, оставивъ второй вопросъ безъ отвѣта.

Франсуа покачалъ въ знакъ соболѣзнованія головой. Но Таня уже не смотрѣла на него. Она обратилась къ дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— Бульонъ готовъ, Марѝ?

— Да, сударыня. Какъ только прикажете—подамъ.

— Хорошо. А теперь я пойду къ нему. Отдохните немного, Франсуа: вы скоро опять потребуетесь.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Таня неторопливо направилась къ портьерѣ, передъ которой на секунду остановилась, словно въ нерѣшительности, но затѣмъ мягкимъ движеніемъ руки откинула ее и вошла въ комнату больного.

Много въ ней было воздуха и свѣта даже въ этотъ вечерній часъ. Свѣта, врывавшагося въ три большія окна, было столько, что онъ одинъ царилъ въ комнатѣ: всѣ предметы передъ нимъ стушевывались, и то, что при менѣе полномъ свѣтѣ могло казаться большимъ и богатымъ, меркло и исчезало. Все было имъ проникнуто, все имъ дышало. И когда Таня вошла въ комнату, ей снова не хотѣлось вѣрить, что смерть витаетъ надъ большимъ кресломъ, поставленнымъ бокомъ къ первому окну,—ей не хотѣлось вѣрить, но не вѣрить она не могла.

Она подошла къ креслу и взглянула на брата: онъ все еще спалъ. Выраженіе его лица было спокойное: ничто его видимо не тревожило. Таня подсѣла къ брату, взявъ со столика вязанье, и пальцы ея быстро задвигались. Но она поминутно на него поглядывала.

Онъ вскорѣ проснулся, но продолжалъ полулежать неподвижно.

— Ты проснулся, Гриша: свѣтъ тебѣ мѣшаетъ?—спросила сестра.

— Ахъ, нѣтъ, Таня,—отвѣтилъ братъ,—свѣтъ мнѣ не мѣшаетъ, я такъ его люблю, особенно когда онъ, какъ теперь, освѣщаетъ море такъ радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мягко!

Татьяна Григорьевна встала, взяла съ того же столика, на которомъ лежало ея вязанье, принесенную ею подушечку и поднесла ее брату.

— Зачѣмъ?—спросилъ братъ и улыбнулся сестрѣ, какъ бы благодаря ее за вниманіе, хотя и не зналъ, для чего подушечка собственно предназначается.

— Ты такъ любишь смотрѣть отсюда на море,—отвѣтила сестра:—и при этомъ облокачиваешься на ручку кресла, а она недостаточно мягка, и ты жалуешься на боль въ локтѣ.

— Ахъ, вотъ зачѣмъ! Спасибо, Таня.

— Я ее потомъ прикрѣплю. Увидишь,—будетъ очень удобно. Да, кстати, для тебя письмо есть. Самъ прочтешь, или мнѣ прочесть?

— Прочти, Таня, а я буду любоваться моремъ: какъ оно сегодня хорошо! Оно неподвижно, но какъ оно радостно, и сколько въ немъ жизни!

Сестра тѣмъ временемъ вскрыла конвертъ.

— Это—отъ Никольскаго.

— Ахъ, отъ Андрея! Ну, что онъ пишетъ? Какъ идутъ наши университетскія дѣла?

— Такъ я начну читать.

— Хорошо, Таня, читай.

„Дорогой Гриша. Прежде всего, какъ твое здоровье? Надѣюсь, что ты въ благодатной Ниццѣ поправляешься. Я не могу себѣ представить, что твое несчастное паденіе съ лошади можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Все, конечно, обойдется благополучно, и ты скоро къ намъ вернешься здоровымъ, цвѣтущимъ, не такимъ, какъ ты отъ насъ уѣхалъ. А я все живу въ Питерѣ, хотя университетскихъ занятій, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ, да и не предвидится. Но можно ли теперь жить въ имѣніи, когда у насъ разыгрываются событія, отъ которыхъ зависитъ судьба Россіи! Ни о чемъ другомъ я ни писать, ни думать не могу. Кисли мы, кисли, хныкали, брюзжали, а теперь развернулись во всю. Любо-дорого! Спасибо японшкамъ,—запустили намъ здороваго брандера, и мы, наконецъ, очнулись. Ахъ, еслибы ты присутствовалъ на всѣхъ этихъ митингахъ съ ихъ смѣлыми рѣчами, небывалымъ подъемомъ духа! Тутъ все слилось: рабочіе, студенты, чиновники, офицеры, священники. И у всѣхъ одна свѣтлая мысль, одно великое чувство: освободить родину. И первый плодъ этого движенія уже у насъ въ рукахъ: Россія стала конституціонною страною... Теперь пойдутъ совершенно другіе порядки. Бюрократіи пропѣта отходная...“

Таня пріостановила чтеніе.

— Гриша, тебя это не слишкомъ волнуетъ?—спросила она.

— Нѣтъ, Таня,—отвѣтилъ братъ, и красивое лицо его продолжало хранить выраженіе большого спокойствія:—только они тамъ ведутъ борьбу, а мнѣ тишины хочется... Я усталъ, я боленъ.

— Ты, можетъ быть, опять уснешь? Я потомъ дочитаю.

— Хорошо, Таня, потомъ. Только я теперь не усну. Я буду любоваться моремъ.

— Франсуа тебѣ не нуженъ?

— Нѣтъ. Пусть отдыхаетъ. Ночью я его все тревожилъ, да и тебя, Танюша. Пусть онъ отдыхаетъ. Можетъ быть, и ты уснешь, а я буду любоваться моремъ.

— Нѣтъ, Гриша, мнѣ спать не хочется. Я здѣсь поработаю.

И Таня опять принялась за свое вязанье.

Водворилась прежняя тишина. Съ набережной, отдѣленной отъ дома густымъ садомъ, только изрѣдка доносился гудокъ автомобиля, затѣмъ опять все стихало.

Таня и теперь поминутно поглядывала на брата. Онъ сидѣлъ неподвижно, глядя на море. Чернота его волосъ, глазъ, густыхъ бровей, какъ у сестры, и пушка надъ верхней губой оттѣняла мраморную бѣлизну его лица. Но лицо это не было неподвижно. Иногда по немъ пробѣгала тѣнь, и трудно было опредѣлить, вызывается ли это судорожное движеніе физическою или нравственною болью.

— Ты еще ужинать не хочешь, Гриша?

— Нѣтъ, какъ будто рано.

— Семь часовъ.

И опять въ комнатѣ воцарилась тишина.

— Ахъ, да, Таня, я все забываю тебя спросить: что у насъ, въ имѣніи, ничего не случилось?

— Нѣтъ, Гриша, ничего.

— И ты не безпокоишься?

— Нѣтъ основанія, Гриша.

— Я спрашиваю потому, Таня, что ты иногда не совсѣмъ откровенна со мною, боясь меня встревожить.

— Нѣтъ, Гриша, на этотъ разъ я ничего не скрываю.

— Видишь, Таня,—единственное, что могло бы меня теперь встревожить, это еслибы аграрные безпорядки коснулись нашего имѣнія.

— Гриша, это невозможно.

— Ты думаешь?

— Я не только это думаю, я въ этомъ увѣрена. Посуди самъ. Вѣдь отъ нашего имѣнія осталось очень мало. Это уже не имѣніе, а скорѣе—одна усадьба. Почти вся земля продана крестьянамъ. Ты знаешь, какъ покойный отецъ о нихъ заботился. И потомъ,—повторила она:—потомъ, мнѣ кажется...

— Да, да,—подтвердилъ братъ:—папа для нихъ много сдѣлалъ. Все у нихъ есть: и земля, и больница, и дѣтскій пріютъ, и прекрасная школа, и всѣ они грамотны, благодаря отцу благодаря тебѣ...

— Вотъ я и хотѣла сказать, что крестьяне не могутъ себѣ представить деревню безъ нашей усадьбы, какъ я не могу себѣ представить, чтобы судьба каждаго изъ нихъ мнѣ не была дорога.

— А я,—сказалъ больной и повернулъ голову къ сестрѣ:—не могу себѣ представить тебя иначе, какъ въ рамкѣ нашей усадьбы...

— Да, милый, еслибы я лишилась нашей усадьбы, я лишилась бы многаго, можетъ быть всего, потому что я съ ней—какъ бы это выразить?—ну, срослась. Тамъ всѣ дорогія мои

воспоминанія, тамъ могила нашихъ родителей, тамъ люди, которыхъ я полюбила, какъ родныхъ, тамъ слѣды работы отца и моей собственной...

— Знаю, знаю, Таня. Поэтому я и сказалъ, что меня можетъ встревожить только одна мысль,—мысль о томъ, что усадьбы уже нѣтъ, или что тебѣ нельзя будетъ уже туда вернуться.

— Гриша, мы оба туда вернемся, мы оба проживемъ тамъ еще много хорошихъ лѣтъ.

Больной все время любовно смотрѣлъ на сестру. Теперь его взглядъ потухъ. Онъ повернулъ опять лицо къ морю.

X.

Марина произвела на князя несомнѣнное впечатлѣніе. Но что это была за женщина, онъ рѣшительно отказывался понять. Ея внѣшній обликъ не соотвѣтствовалъ ни ея рѣчамъ, ни ея жизни, насколько онъ себѣ ее уяснилъ. Но и къ женщинамъ полусвѣта, какихъ до сихъ поръ видѣлъ князь, она нисколько не подходила. Въ ней было что-то своеобразное, оригинальное,— оригинальное въ самомъ ея существѣ. Но въ чемъ заключалась эта оригинальность, князь опять отказывался понять. Одно для него было ясно: онъ ея боялся, а до сихъ поръ онъ еще не боялся ни одной женщины въ жизни. Очевидно, онъ могъ подчиниться ея чарамъ, а этого онъ не хотѣлъ, потому что Марина не внушала ему довѣрія. Она была очень красива, очень умна и проницательна, но каково было ея прошлое, къ чему она стремится въ жизни, что у нея лежало на душѣ? На всѣ эти вопросы князь не могъ отвѣтить и, не желая совершить крупную ошибку, въ которой пришлось бы раскаиваться, онъ рѣшилъ больше не ѣздить въ Больё, чувствуя, что если онъ поѣдетъ, то только затянетъ отношенія, которыя надо сразу прекратить.

Какъ-то разъ къ нему заѣхалъ Мароковъ. Они позавтракали вмѣстѣ и говорили больше о войнѣ. Много интереснаго сообщилъ князю участникъ этой мрачной трагедіи, и все это било въ одну точку, подтверждало только мнѣніе, которое составилъ себѣ князь уже раньше. Въ общемъ получалась картина невѣроятной безтолковщины, вопіющаго незнанія, практической неспособности, нерадѣнія, халатности. Тутъ личная храбрость, самоотверженіе дѣлу помочь не могли, тѣмъ болѣе, что истинное воодушевленіе отсутствовало, то-есть отсутствовало убѣжденіе,

что эта война необходима, что она предпринята для защиты насущныхъ интересовъ государства. Настроеніе общества отражалось на арміи. Она исполняла свой долгъ, но душевнаго подъема не было.

Только въ концѣ завтрака зашла рѣчь о Маринѣ.

— Знаете что̀, князь,—сказалъ Мароковъ.—Я отъ нашей красавицы почти отказался.

— Что̀ такъ?—не безъ удивленія спросилъ князь.—Впрочемъ,—спохватился онъ:—у васъ тогда съ нею что-то въ коляскѣ произошло: маленькое недоразумѣніе...

— Да, представьте себѣ: я у нея при какомъ-то удобномъ или неудобномъ случаѣ поцѣловалъ ручку. Она ничего, какъ будто отнеслась благосклонно. Но когда я кончилъ свой, правда, нѣсколько продолжительный поцѣлуй, она, взглянувъ на меня очень серьезно и отдѣливъ лѣвой рукой правую до кисти, сказала: „Вотъ, генералъ, ваша демаркаціонная линія,—такъ и сказала: де-мар-ка-ціон-ная линія.—Если вы ее нарушите, начнется война, а я сумѣю за себя постоять". Но, конечно, это пустяки. А вотъ что̀ важнѣе: мнѣ показалось, что Комовъ серьезно въ нее врѣзался. Не стану же я ссориться изъ-за нея съ старымъ товарищемъ!

— Ну, а какъ же съ вашимъ „отдыхомъ отъ лишеній"? Я думаю, что при такихъ условіяхъ вамъ лучше переселиться въ Ниццу,—замѣтилъ князь.—Вы тутъ легче найдете, выражаясь языкомъ русскихъ либераловъ, компенсацію.

— Зачѣмъ переселяться? Мнѣ и въ Больё хорошо. И тамъ у меня уже три компенсаціи намѣчены, — заявилъ генералъ. — Особенно одна изъ нихъ хороша: итальянка, правда, не первой молодости, но, скажу вамъ,—огонь.

— А отчего вы думаете, что Комовъ серьезно влюбился въ Марину?

— Да знаете, князь, слишкомъ онъ ужъ щадитъ ея прошлое,—знакъ нехорошій,—протянулъ Мароковъ.

— Но, можетъ быть, въ ея прошломъ ничего особенно предосудительнаго нѣтъ?—возразилъ князь.

— Этакая женщина, да еще съ такими ухватками, и чтобъ ничего не было? За кого вы ее принимаете, князь?.. И Комовъ хорошъ! Рѣшительно увѣряетъ, что она неприступна. Впрочемъ, это, можетъ быть, только военная хитрость: хочетъ, чтобы я отошелъ, и чтобы поле было для него свободно.

— Пожалуй,—согласился князь.

— Однако, вотъ что̀,—продолжалъ Мароковъ:—мнѣ кажется, что онъ ошибется въ разсчетѣ.

И онъ придвинулся къ князю.

— Марина,—шепнулъ онъ ему таинственно:—мѣтитъ не въ него, а въ васъ, князь. Вы для нея жирный призъ, пожирнѣе насъ съ Комовымъ.

— Комовъ можетъ успокоиться,—возразилъ князь сухо:—я ему соперникомъ не буду.

— Да, да, знаю,—отвѣтилъ Мароковъ.—Вы этихъ женщинъ не любите.

— Не любилъ и никогда любить не буду,—такъ же сухо заявилъ князь.

Послѣ завтрака они пошли прогуляться. Куда было идти, какъ не на „Promenade des Anglais",—единственное близкое и удобное мѣсто прогулокъ для иностранцевъ.

Публики было много. Погода стояла хорошая, какъ почти всегда въ Ниццѣ. Только вѣтеръ былъ сильный, и люди поговаривали даже о мистралѣ. Но солнце такъ ласково грѣло гуляющихъ, что они и не думали уходить съ набережной.

Мароковъ скоро покинулъ князя: встрѣтился какой-то петербургскій знакомый, котораго онъ года три уже не видѣлъ.

Разговоръ съ Мароковымъ утомилъ князя, и онъ быстрымъ шагомъ направился къ Pont Magnan. Онъ хотѣлъ размять члены, да и на той части набережной онъ не рисковалъ встрѣтить знакомыхъ: тамъ публики всегда сравнительно мало.

Но жизнь часто устраиваетъ сюрпризы. Князь избѣгалъ знакомыхъ и встрѣтилъ ихъ тамъ, гдѣ меньше всего этого ожидалъ.

Онъ уже дошелъ до Pont Magnan и возвращался оттуда, когда вниманіе его привлекла на себя какая-то дама, вдали пересѣкавшая набережную по направленію къ морю. Князя точно что-то кольнуло. Онъ узналъ въ этой дамѣ знакомую незнакомку, встрѣченную имъ на улицѣ St. François de Paule. Она шла очень медленно, въ глубокой задумчивости и, приблизившись къ морю, точно въ изнеможеніи опустилась на скамейку.

Князь видѣлъ ее опять въ профиль, и опять онъ началъ мучительно себя спрашивать,—гдѣ же онъ видѣлъ эту дѣвушку? На этотъ разъ онъ рѣшился во что бы то ни стало покончить съ назойливой загадкой. Онъ продолжалъ идти въ прежнемъ направленіи, затѣмъ вдругъ круто повернулъ назадъ, но уже вдоль самаго моря, такъ чтобы пройти между нимъ и дѣвушкой, сидѣвшей теперь неподвижно на скамейкѣ. Пока онъ къ ней приближался, онъ продолжалъ видѣть ее только въ профиль, и загадка оставалась загадкой. Но когда онъ съ ней поровнялся, она невольно взглянула на него, потому что проходъ между ска-

мейкой и перилами набережной былъ довольно тѣсный, и естественно возникало предположеніе, что появившійся тутъ человѣкъ шелъ къ ней. Когда она взглянула на князя снизу вверхъ, загадка сразу разрѣшилась, и князь снялъ шляпу, привѣтствуя ее молчаливымъ поклономъ, потому что твердо помнилъ только ея фамилію, но совершенно забылъ ея имя и отчество, если вообще ихъ когда-нибудь зналъ. Фамилія ея была Левецкая, встрѣчалъ онъ ее нѣсколько разъ въ Петербургѣ у общихъ знакомыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ еще состоялъ на дипломатической службѣ и пріѣхалъ въ Россію во время отпуска.

Дѣвушка его сразу признала.

— Здравствуйте, князь,—отвѣтила она на его поклонъ.

— Давно мы съ вами не встрѣчались,—замѣтилъ князь.

Они стали припоминать обстоятельства своихъ встрѣчъ, общихъ знакомыхъ. Князь кое-что разсказалъ о себѣ; дѣвушка отвѣчала односложно, какъ бы желая поскорѣе прекратить разговоръ съ полузнакомымъ ей человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, рѣчь зашла о томъ, почему она пріѣхала въ Ниццу. Заговорили объ ея больномъ братѣ. Тутъ дѣвушка стала разговорчивѣе, но въ то же время ея лицо приняло такое печальное выраженіе, что князю стало ее жаль. Онъ вдругъ что-то вспомнилъ.

— Вы знаете, что теперь въ Ниццѣ находится знаменитый спеціалистъ?

И князь назвалъ извѣстнаго профессора. Онъ думалъ, что это извѣстіе обрадуетъ дѣвушку, но она отнеслась къ нему довольно равнодушно.

— Кажется, уже поздно,—произнесла она съ такою безнадежностью, что князю стало жутко.

Глаза ея были устремлены на море. Въ нихъ не было слезъ, была только неподвижность, но эта неподвижность и была страшна.

— А все-таки, если позволите, я этого спеціалиста вамъ приведу. Я съ нимъ хорошо знакомъ: онъ лечилъ нашего посла, и хотя здѣсь практикой не занимается, но не откажетъ,—я въ этомъ увѣренъ.

— Очень вамъ благодарна,—отвѣтила дѣвушка, но трудно было сказать, даетъ ли она себѣ отчетъ въ собственныхъ словахъ.

— Такъ позвольте вашъ адресъ,—прибавилъ князь.

— Да мы живемъ здѣсь, вотъ въ этой виллѣ,—отвѣтила дѣвушка и, повернувшись, указала на зданіе за своей спиной.

— Такъ мы явимся завтра или послѣзавтра, какъ только профессору можно будетъ. Вашъ братъ не выѣзжаетъ?

— Нѣтъ, за послѣдніе дни ему пришлось и отъ этого отказаться,—отвѣтила дѣвушка.—Благодарю васъ.

Князь, низко поклонившись, отошелъ съ свойственной ему степенностью. Но вскорѣ онъ ускорилъ шагъ, и походка его сдѣлалась нервною, торопливою. Подходя къ Jetée, онъ сказалъ себѣ: „Я словно обратился въ бѣгство отъ этой дѣвушки. Что это значитъ?“ И тутъ только онъ понялъ причину своей нервности: его преслѣдовалъ неподвижный взглядъ красивыхъ глазъ Левецкой. Онъ этотъ взглядъ уловилъ уже въ глазахъ ея брата тогда, на улицѣ St. François de Paule. У сестры это было отраженіе—„отраженіе смерти“,—сказалъ себѣ князь. И онъ рѣшилъ тотчасъ же отправиться къ знаменитости: надо спасти и брата, и сестру.

Онъ засталъ профессора дома и былъ встрѣченъ имъ очень любезно. Можетъ быть, онъ немного скучалъ по паціентамъ, предаваясь непривычному отдыху. Вспомнили объ общихъ знакомыхъ, слегка посплетничали о высокопоставленныхъ особахъ, профессоръ звучно смѣялся. Рѣшено было навѣстить больного на другой день въ девять часовъ утра.

Князь былъ очень доволенъ, что все устроилось такъ гладко. „Только не было бы этого взгляда“,—повторилъ онъ нѣсколько разъ, возвращаясь домой.

XI.

Но ему не суждено было отдохнуть. Онъ вспомнилъ, что всесвѣтная знаменитость ему строго-на-строго наказала переговорить съ пользующимъ больного мѣстнымъ врачомъ, чтобы, не обижая его, назначить день и часъ консиліума. „Онъ, конечно, согласится съ назначеннымъ мною временемъ,—прибавила знаменитость, — но коллегіальная вѣжливость должна быть соблюдена“.

Такимъ образомъ пришлось съѣздить еще разъ на Promenade des Anglais, узнать отъ Мари адресъ пользовавшаго Левецкаго врача и съѣздить къ нему. Въ этотъ день князю везло: онъ и этого врача засталъ дома. Какъ предвидѣла знаменитость, онъ согласился на назначенное ему время консиліума, хотя и сдѣлалъ видъ, что ему это очень трудно, потому что онъ страшно занятъ. Наконецъ все было улажено, но оставалось съѣздить еще разъ къ Левецкимъ и предупредить ихъ относительно времени консиліума, такъ что было уже почти шесть часовъ, когда князь вернулся къ себѣ въ отель.

Во время этихъ разъѣздовъ его все занимала мысль,—съ чего это онъ такъ принялъ къ сердцу участь молодого Левецкаго. Не все ли ему равно, что съ нимъ будетъ? Можетъ быть, шалопай какой-нибудь, а онъ разъѣзжаетъ по городу, чтобы спасти его жизнь. Притомъ сестра сама говоритъ, что спасать брата уже поздно. Значитъ, нечего и хлопотать. Это соображеніе показалось ему настолько убѣдительнымъ, что ему все хотѣлось разсмѣяться надъ самимъ собою, когда онъ торопилъ фіакръ и мчался изъ одного конца города въ другой, звонилъ къ докторамъ, уговаривалъ ихъ согласиться на его предложеніе или таинственно перешептывался у подъѣзда Левецкихъ о здоровьи больного и о предстоявшемъ консиліумѣ.

И, тѣмъ не менѣе, онъ все это дѣлалъ и зналъ, что сколько бы онъ себѣ ни приводилъ доводовъ въ ненужности всего имъ затѣяннаго, онъ все-таки ни отъ чего не откажется, даже еслибы все это требовало отъ него гораздо болѣе значительныхъ жертвъ. Ему стоило закрыть глаза, и онъ видѣлъ неподвижный взглядъ Левецкой, который всему въ сущности и былъ причиной. „Только не этотъ взглядъ, только не этотъ взглядъ!“ Эти слова онъ повторялъ точно заученный урокъ.

Наконецъ онъ былъ дома. Онъ съ удовольствіемъ растянулся на кушеткѣ. Но и тутъ взоръ Левецкой его преслѣдовалъ. „Что же это наконецъ такое?“—воскликнулъ онъ внутренно. И опять на него нашло то чувство необъяснимой тревоги, которое отравляло ему жизнь за послѣднее время.

Онъ всталъ и направился къ письменному столу. На видномъ мѣстѣ тутъ лежало письмо, которое онъ не замѣтилъ, входя въ комнату. Его всегда предупреждали, если въ его отсутствіе получались письма; на этотъ разъ, однако, должно быть, забыли.

Это была изящная открытка, исписанная незнакомымъ почеркомъ. Внизу красовались иниціалы: „М. Р.“

Онъ сѣлъ въ кресло тутъ же у письменнаго стола и сталъ читать:

„Ужасно захотѣлось бульябесу. Знатоки говорятъ, что его лучше всего приготовляютъ въ... (слѣдовало названіе одного изъ самыхъ шикарныхъ ресторановъ Ниццы). Буду тамъ обѣдать сегодня ровно въ семь. Теперь дѣлаю въ разныхъ магазинахъ покупки. Если вы не заняты, приходите: проведемъ вечеръ вмѣстѣ. Если заняты или меня боитесь, пообѣдаю одна. Ваша М. Р.“

Князь прочелъ письмо, и первое его впечатлѣніе была досада. „Особа эта рѣшительно мнѣ навязывается,—подумалъ онъ,—Съ чего это она выдумала, что я пойду на этотъ tête-à-tête?“—

въ сердцахъ проговорилъ онъ. Это чувство досады было такъ сильно, что онъ на мигъ забылъ о своей внутренней тревогѣ. Но затѣмъ эта тревога возродилась съ новою силою, и ему почему-то показалось, что и полученное имъ письмо находится съ ней въ какой-то связи. Онъ спросилъ себя,—почему онъ могъ получить это письмо, и необычайно ясно вспомнилъ, какъ онъ съ Мариной сидѣлъ на скамейкѣ изъ туфа, и она ему разсказывала, что̀ онъ любитъ. Онъ вспомнилъ ея слова. „А жаль: вѣдь каждая изъ этихъ далекихъ звѣздочекъ представляетъ собою цѣлый міръ", вспомнилъ серьезное выраженіе ея красиваго лица, вспомнилъ, какъ онъ вглядывался въ нее и настойчиво спрашивалъ себя: „Да кто же она, наконецъ,—Галатея, ожидающая своего Пигмаліона?" Онъ вспомнилъ все это, и ему какимъ-то внутреннимъ чувствомъ стало до очевидности ясно, что онъ на назначенное ему свиданіе пойдетъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ снова сталъ размышлять. „Зачѣмъ я пойду? — спросилъ онъ себя.—Вѣдь не хочу я въ самомъ дѣлѣ попасть въ сѣти этой женщины? Въ сѣти?—переспросилъ онъ себя.—А если сѣтей никакихъ нѣтъ? Или сѣти могутъ быть не изъ числа опасныхъ?" Нѣтъ, эту мысль онъ отвергалъ. Въ Маринѣ было нѣчто слишкомъ опредѣленное, слишкомъ положительное, чтобы можно было предположить простой капризъ съ ея стороны. А покушеніе, и притомъ очень основательное, на его кошелекъ, на его состояніе? Князь задумался надъ этимъ вопросомъ. Онъ вспомнилъ то, что̀ ему разсказалъ о Маринѣ Комовъ. Многіе, и до ея мужа, остались при „печальномъ интересѣ": вѣдь между ними были навѣрное и богатые ухаживатели. А для Марины можно было раскошелиться. Не даромъ Мароковъ говорилъ, что онъ „такихъ штучекъ еще не видалъ". Чѣмъ болѣе князь вдумывался въ этотъ вопросъ, тѣмъ рѣшительнѣе онъ отвергалъ простое покушеніе на свой карманъ.

Такъ въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ же Марина написала ему это приглашеніе? Что̀ побудило ее искать его общества съ нарушеніемъ обычныхъ формъ приличія? И не свидѣтельствовало ли именно это обстоятельство о томъ, что Марина стоитъ выше всякихъ подозрѣній, что она нисколько не боится скомпрометировать себя? Вѣдь изъ десяти тысячъ женщинъ ни одна не поступила бы такъ?

И вдругъ у князя возникло представленіе, которое онъ съ перваго раза даже не сумѣлъ назвать. Князь и она, оба въ жизни одинокіе, оба любящіе свободу больше всего, оба съ любопытствомъ присматривающіеся къ людямъ, немного скептически

настроенные, иронизирующіе надъ собой и другими, совершающіе свой жизненный путь самостоятельно, не оглядываясь на свѣтъ, на то, что̀ его печалитъ, радуетъ, волнуетъ, „далекія звѣздочки“ для всѣхъ, но звѣздочки, которыя представляютъ собою цѣлый міръ своеобразныхъ взглядовъ, настроеній, чувствъ,—да что̀ же это? Это вѣдь сродство душъ. Какъ могла бы Марина такъ вѣрно уловить его духовный обликъ, еслибы она не была ему родственною душою?

И когда князь произнесъ это слово, для него все вдругъ какъ будто озарилось яркимъ свѣтомъ. Вотъ почему онъ умомъ хотѣлъ отойти отъ нея, а сердцемъ приближался къ ней. Ему хотѣлось не только любоваться ея красотою, ему хотѣлось проникнуть въ ея душу, съ увѣренностью, что онъ найдетъ въ ней откликъ собственной душѣ.

И опять княземъ овладѣвали сомнѣнія. Все-таки какое странное прошлое у этой женщины! Почему жизнь другихъ женщинъ складывается совершенно иначе, почему выработались опредѣленныя категоріи, подъ которыя можно подвести всѣхъ женщинъ, а Марину ни подъ одну изъ нихъ не подведешь? Странно, очень странно! Неужели она совершенно исключительная натура? И, подумавъ это, князь улыбался своей саркастическою улыбкою. „Да въ такомъ случаѣ вѣдь и я — совершенно исключительная натура, потому что между нами несомнѣнно очень много общаго“.

И все-таки...

Князь только-что подумалъ, что онъ умомъ хочетъ отойти отъ Марины, а сердцемъ приближается къ ней. Теперь выходило наоборотъ: умъ приводилъ его къ Маринѣ, сердце отталкивало отъ нея. Ея прошлое... Сколько мужчинъ уже говорили ей слова любви, сколько уже написала она записокъ, вродѣ той, которая теперь лежала у него на столѣ? Или онъ первый избранникъ? Что̀ за вздоръ! Не онъ, человѣкъ опытный, которому скоро стукнетъ уже сорокъ лѣтъ, который всю жизнь внимательно присматривался къ людямъ, этому повѣритъ. Она не только пала,—она пала и падала. Откуда иначе у нея этотъ жизненный опытъ, это умѣнье обращаться съ мужчинами, этотъ увѣренный взглядъ, это спокойствіе удовлетворенной страсти, это бравированіе независимостью отъ свѣтскихъ приличій и... и... этотъ дѣвственный обликъ? „Casta diva“, — произнесъ князь почти вслухъ. Неужели наружность можетъ быть до того обманчива?

Князь колебался; онъ не находилъ рѣшенія загадки, теперь сдѣлавшейся столь же мучительной, какъ безотчетная тревога, такъ часто имъ овладѣвавшая.

Онъ взглянулъ на часы. Было три четверти седьмого.

Ѣхать или не ѣхать?

Онъ въ душѣ еще колебался, а самъ торопливо готовился къ выходу и уже заказывалъ экипажъ.

XII.

Окна отдѣльнаго кабинета выходили прямо на море, бушевавшее внизу съ большою силою. Громадныя волны набѣгали на зданіе и бѣшено дробились, поднимая столбы пѣны и брызгъ. Но въ комнатѣ было уютно, только шумъ моря вносилъ въ нее нѣкоторую тревогу и усиливалъ нервное состояніе, въ которомъ находился князь.

Отвѣтивъ утвердительно на вопросъ князя, заказанъ ли обѣдъ, лакей удалился. Князь снялъ перчатки, бросилъ ихъ въ поставленную на подоконникъ шляпу и засмотрѣлся на море. Ему было бы пріятнѣе, еслибы оно стихло. Но надежды на это было мало; вѣтеръ, дувшій съ утра, къ вечеру усилился, и море не на шутку разыгралось.

Былъ моментъ, когда колебанія князя возродились съ новою силою, и онъ готовъ былъ бѣжать отъ ожидавшаго его свиданія. „Что за малодушіе!—остановилъ онъ себя:—вопросъ рѣшенъ". И, сказавъ это, онъ отошелъ отъ окна и покорно опустился въ кресло. Его стало разбирать нетерпѣніе. Онъ взглянулъ на часы: было семь, — и почти въ ту же секунду дверь широко распахнулась; въ ея рамкѣ стояла Марина.

Передъ тѣмъ какъ войти въ комнату, она внимательно взглянула на князя, чуть-чуть прищуривъ глаза. Лицо ея и вся фигура выражали удовлетворенное ожиданіе. Еслибы это была не настоящая Марина, а лишь ея изображеніе (по своей красотѣ она такъ и просилась на полотно), то для картины нельзя было бы прибрать лучшей подписи, какъ: „Вотъ и ты".

Большая лиловая шляпа не скрывала ея пышныхъ свѣтлыхъ волосъ; пальто съ широкими и короткими рукавами она распахнула и держала руки откинутыми; сама же она въ своемъ свѣтломъ гладкомъ платьѣ какъ бы подалась на встрѣчу князю, а темные глаза глядѣли робко, вопросительно, точно она стыдилась своего порыва, но не могла его преодолѣть,—такъ властно онъ ею овладѣлъ.

Но это продолжалось только одинъ мигъ. Когда князь всталъ, чтобы привѣтствовать Марину, лицо ея приняло уже другое вы-

раженіе: оно было серьезно, и только въ ея глазахъ свѣтился веселый огонекъ.

— Мы оба, кажется, очень аккуратны, — сказала она, подавая князю руку.

— Да,—отвѣтилъ князь:—я только-что пришелъ.

— Мерси, что согласились со мною поскучать,—прибавила она почти въ оффиціальномъ тонѣ, но тотчасъ же, насмѣшливо улыбнувшись, спросила:—Скажите, пожалуйста, бульябесъ, это—супъ?

— Почти,—отвѣтилъ князь, также невольно улыбаясь.

Она подошла къ зеркалу, по дорогѣ сбросила пальто на руки бережно принявшаго его лакея и стала снимать шляпу.

— Вотъ мы и въ первый разъ въ жизни одни,—промолвила она медленно, все еще стоя передъ зеркаломъ. — Я хочу быть какъ дома. Ну, какъ же мы сядемъ? Выбирайте мѣста!—произнесла она уже быстро, повернувшись къ князю и какъ бы желая взять другой тонъ.

Наблюдая за княземъ въ зеркалѣ, она замѣтила, что у него былъ видъ человѣка, находящагося не совсѣмъ въ своей тарелкѣ.

— Мароковъ былъ правъ? Вы въ самомъ дѣлѣ немного философъ? — спросила она, подходя къ князю и глядя ему прямо въ глаза.—Ну, такъ я выберу мѣсто, и васъ усажу возлѣ себя. Садитесь!

Въ комнатѣ, меблированной какъ маленькій салонъ, столъ былъ накрытъ по серединѣ на двоихъ. Въ правомъ же углу стояла отоманка съ двумя креслами и преддиваннымъ столомъ. Марина сѣла на отоманку и усадила князя возлѣ себя.

— Ну, теперь поговоримъ о дѣлахъ.

— О какихъ дѣлахъ?—удивился онъ.

— О какихъ угодно. О любви, напримѣръ,—пояснила Марина.

— Да развѣ любовь дѣло? — спросилъ князь, подчиняясь, хотя не особенно охотно, ея шутливому разговору.

— Какъ для кого, — замѣтила она:—для мужчинъ это по большей части только развлеченіе, для женщинъ—дѣло и притомъ очень серьезное.

— Я полагаю, что если женщина превращаетъ любовь въ дѣло, то это нехорошо,—сказалъ князь.

— А я полагаю, — возразила Марина въ тонъ,—что если женщина относится къ любви легкомысленно, то это тоже нехорошо. Впрочемъ,—прибавила она,—и мужчины бываютъ раз-

личные. Вотъ Мароковъ любитъ легкомысленно; для него любовь—шутка. Комовъ, кажется, иначе не умѣетъ любить, какъ трагически. Вы же, князь, сами еще не знаете, какъ будете любить...

Гарсоны суетились у стола.

— Мы гдѣ будемъ обѣдать? — спросилъ князь Марину. — Здѣсь, гдѣ мы сидимъ, или тамъ?

— Тамъ,—отвѣтила Марина сухо и встала.

Они усѣлись у накрытаго стола.

Только когда супъ былъ убранъ, и князь предложилъ Маринѣ шабли, она вскользь замѣтила:

— А я собиралась сегодня кутить.

— Почему же вы раздумали, Марина Романовна? — спросилъ князь съ дѣланною почтительностью.

— Вопросъ довольно праздный, милый князь, — отвѣтила Марина, и лицо ея, какъ тогда, на скамейкѣ, казалось высѣченнымъ изъ мрамора, — такимъ холодомъ вѣяло отъ него. — Я вѣдь не пьяница и кутить могу, только когда мнѣ весело.

— Такъ позвольте васъ спросить, почему вамъ теперь не весело?—продолжалъ князь въ томъ же почтительно-насмѣшливомъ тонѣ.

— Потому что я разочаровалась.

— Въ комъ или въ чемъ?

— Въ васъ, князь.

— Во мнѣ?—спросилъ князь.

— Князь, вамъ не надоѣло быть неискреннимъ?—спросила Марина и посмотрѣла князю твердо въ глаза. — Не отвѣчайте пока, — продолжала она, замѣтивъ, что онъ отвелъ глаза. — Вижу, что еще не надоѣло, и потому давайте ѣсть спаржу: это насъ займетъ.

— Вотъ видите, вы начинаете исправляться,—проговорила она, уловивъ обращенный на нее взглядъ князя, снова любовавшагося ею. — Стоило васъ только пригласить быть искреннимъ,— и вы тотчасъ же повеселѣли.

— Вы полагаете, что я безъ искренности жить не могу? — полюбопытствовалъ князь.

— О, нѣтъ! Зачѣмъ же такъ обобщать?—воскликнула Марина, и по лицу ея пробѣжала улыбка.

Князь оставался все еще серьезнымъ.

— Я думаю только, что есть положенія, въ которыхъ неискренность тяготитъ, — сказала Марина просто. — Налейте-ка мнѣ шампанскаго.

Шампанское было налито. Марина взяла бокалъ и приблизила его къ бокалу князя.

— За здоровье „королевы",—чокнулась она съ княземъ:— то-есть, поймите меня, не за мое здоровье, а въ благодарность за то, что вы меня назвали „королевою".

Все лицо ея смѣялось, глаза обдавали князя лучами теплаго свѣта, мраморъ ожилъ,—и какъ!

— Объясните мнѣ, князь, почему люди такъ много лукавятъ и лгутъ, портя жизнь и себѣ, и другимъ?

— Да развѣ безъ лжи прожить можно?—спросилъ князь.

— Повторю то, что я только-что сказала: есть положенія, когда ложь не только тяготитъ, но и просто преступна,—отвѣтила Марина, смѣло выдерживая испытующій взглядъ князя.

Взглядъ этотъ, вначалѣ суровый, все смягчался, и наконецъ въ немъ мелькнуло что-то вродѣ нѣжности: стальной блескъ исчезъ...

— Пью за искренность, — сказалъ князь, протягивая Маринѣ свой бокалъ.

Она чокнулась съ нимъ медленно, почти торжественно.

— Отъ всей души присоединяюсь къ этому тосту,—произнесла она, продолжая смотрѣть на князя вдумчиво, серьезно и не отнимая бокала отъ губъ, пока не осушила его до дна.

Князь плохо справлялся съ впечатлѣніями этого вечера. Марина его то притягивала съ какою-то неотразимою силою, то снова отталкивала. Но теперь онъ, какъ ему казалось, уже находился въ пристани. Она сама такъ рѣшительно поставила вопросъ, что отвѣтъ на него долженъ былъ послѣдовать, и князь, наконецъ, узнаетъ, что это за женщина, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ или другомъ смыслѣ разсѣются его мучительныя сомнѣнія.

— Что же вы не подливаете вина ни мнѣ, ни себѣ?—прервала Марина его размышленія.—Я теперь чувствую, что могу кутить: мнѣ весело.

Она протянула князю свой бокалъ, и глаза ихъ опять встрѣтились. Князь удивился, какъ ему теперь легко было смотрѣть на Марину.

Она обратилась къ гарсону.

— Vous servirez le dessert à l'autre table.

Князю же она сказала на ушко, не стѣсняясь прислугою, словно сообщая ему важную тайну:

— А шампанскаго я буду пить еще много. Вы не бойтесь: я не пьянѣю.

Дѣйствительно, на нее вино какъ будто совсѣмъ не дѣйство-

вало. Но князь чувствовалъ, что на него дѣйствуетъ и вино,— онъ вообще пилъ очень мало,—и Марина, дыханіе которой его странно взволновало, когда она сообщала ему на ухо свою тайну. Онъ всталъ и какъ-то неумѣстно сказалъ, указывая на окно:

— Какъ море волнуется!

Марина тоже встала, подошла къ окну и стала рядомъ съ нимъ. Въ этомъ движеніи было что-то, указывавшее на установившуюся между ними близость.

— Море бушуетъ, а у меня на душѣ тихо; мнѣ хорошо,— прошептала Марина.

Князь не разслышалъ этихъ словъ; онъ ихъ уловилъ въ ея ясномъ, спокойномъ взглядѣ. Она продолжала стоять возлѣ него молча, и это молчаніе усиливало ихъ близость.

Марина видѣла волненіе князя и, сѣвъ на отоманку, словно замерла.

— Шампанскаго я больше пить не буду, да и кофе не хочу,—произнесла она тихимъ, какъ бы отсутствующимъ голосомъ, въ которомъ трудно было признать ея сочный контральтъ.

— А я все-таки велю подать шампанскаго,—отвѣтилъ князь, не садясь:—самъ буду пить.

Марина не возражала. Она какъ будто понимала настроеніе князя. Онъ позвонилъ. Новая бутылка появилась на столѣ.

— Черезъ полчаса вы намъ подадите кофе,—распорядился князь.

Это была дипломатическая хитрость: князь опять боялся предстоящаго tête-à-tête.

Дверь снова закрылась. Теперь князь волей-неволей долженъ былъ сѣсть возлѣ Марины.

— Итакъ, будемъ продолжать говорить о дѣлѣ, — сказала она, улыбаясь, но тѣмъ же сдержаннымъ, беззвучнымъ голосомъ.

— О любви?—спросилъ князь, улыбаясь.

— Объ искренности,—поправила его Марина, и голосъ ея звучалъ уже увѣреннѣе.

— Ахъ, да, объ искренности,—согласился князь, и въ умѣ его промелькнуло все, что онъ думалъ о Маринѣ за послѣднее время.

— Я сказала, — заявила она, — что есть положенія, когда ложь не только тягостна, но и преступна. Я думаю, что мы съ вами, князь, находимся въ такомъ именно положеніи теперь. Не хотите ли вы мнѣ что-нибудь сказать о себѣ или предложить мнѣ вопросъ?.. Я буду охотно отвѣчать.

Она смотрѣла на князя ясно и увѣренно, но взглядъ ея, казалось, былъ подернутъ и нѣжностью.

Князь колебался. Онъ далъ бы много, чтобъ уклониться отъ прямого отвѣта, но онъ былъ прижатъ къ стѣнѣ: отступленіе было невозможно.

Марина, видимо, и тутъ читала въ его душѣ. Она дотронулась до его руки и оставила свои пальцы на ней.

— Князь,—сказала она съ необыкновенною ласкою въ голосѣ: — неужели вамъ такъ трудно быть искреннимъ? Ну, скажемъ, вы ошиблись. Вы шли на одно свиданіе, когда прочли мою записку, а попали на другое. Вы думали найти одну изъ такихъ дамъ, а встрѣтили совсѣмъ не то. Но увѣрены ли вы, что дѣйствительно ошиблись?

Князь не отнималъ руки у Марины, но и не смотрѣлъ на нее: ея прямота его подавляла.

А она продолжала тѣмъ же ласкающимъ голосомъ:

— Я васъ буду допрашивать потомъ; начнемъ съ меня.

— Слушайте, Марина, бросимте этотъ разговоръ, — произнесъ онъ и взглянулъ на нее благодарнымъ взглядомъ:—каковы бы ни были ваши или мои намѣренія, каково бы ни было ваше или мое прошлое, я могу васъ только уважать за то, какъ вы со мной говорите. Такіе люди, какъ вы, встрѣчаются рѣдко.

Ея пальцы слегка нажали его руку.

— Скажите, князь, неужели васъ мое прошлое уже совсѣмъ не интересуетъ? Было бы жаль...

— Зачѣмъ все это, Марина!—сказалъ онъ.

Чуть замѣтная краска выступила на ея лицѣ, темныя рѣсницы закрыли ея глаза, она была удивительно хороша въ эту минуту.

Знала ли это Марина, но она сидѣла неподвижно, глаза ея все были опущены, и только какая-то отрѣшенная, нѣжная улыбка заиграла на тонкихъ ея губахъ.

— Марина, вы человѣка околдовать можете, — произнесъ князь.

— Знаю, хорошо это знаю,—отвѣтила Марина, не поднимая глазъ и сохраняя прежнее выраженіе:—а мое прошлое васъ все-таки не интересуетъ?

— Нѣтъ, Марина, я не хочу его знать,—вырвалось у князя стремительно.

— Вы не хотите, а я вамъ все-таки его разскажу. Когда мы сегодня разстанемся, оно васъ будетъ мучить. Князь,—сказала она, поднимая взоръ, и темные ея глаза, прямо устрем-

ленные на него, выражали состраданіе и нѣжность:—Кому можетъ быть пріятно мучить другого? Вы должны меня выслушать.

Она довѣрчиво приблизилась къ нему, такъ что ея платье коснулось его колѣна.

— Но нѣтъ, — спохватилась она: — велите сперва подать вашъ несносный кофе.

Она отодвинулась. Князь всталъ и позвонилъ. Онъ чувствовалъ легкую дрожь во всемъ тѣлѣ. Эта женщина вызывала въ немъ и порывы страсти, и какой-то безотчетный страхъ.

Кофе былъ поданъ. Лакей ушелъ.

— Ну, садитесь, князь. Шампанскаго я не хочу, но ликера выпью. Налейте мнѣ кохинура, выпьемъ вмѣстѣ.

Князь повиновался. Онъ начиналъ себя чувствовать какимъ-то безвольнымъ.

Было душно. Князь раскрылъ окно; раскаты бушевавшихъ волнъ ворвались въ комнату и словно наполнили ее.

— Вамъ, Марина, это не будетъ мѣшать?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, напротивъ, веселѣе будетъ: я буду пѣть, море— аккомпанировать.

И она, дѣйствительно, запѣла изъ „Маленькаго Фауста“:

„Fleur de candeur,
Je suis la petite Marguerite“...

Князя словно что-то рѣзнуло.

— Зачѣмъ это, Марина?—воскликнулъ онъ почти съ ужасомъ.

— Простите, князь, это самое подходящее вступленіе къ моему разсказу, — отвѣтила Марина, и вдругъ ея лицо приняло очень серьезное выраженіе:—Самое подходящее по тѣмъ мыслямъ, —поправилась она, — отъ которыхъ вы не можете отдѣлаться. Садитесь же и слушайте.

Князь сѣлъ на прежнее мѣсто возлѣ Марины, но она къ нему не приблизилась, а напротивъ, углубилась въ отоманку.

— Много я испытала въ жизни, — заговорила она. — Всего не разскажешь, да это было бы однообразно. Умеръ мой отецъ, когда я была совсѣмъ молода, оставивъ намъ съ матерью небольшую пенсію. Началась проза жизни, о которой вы, князь, вѣроятно, даже понятія не имѣете. Вѣчный недочетъ въ деньгахъ, безконечныя заботы о томъ, какъ урѣзать расходы, униженія, подчасъ оскорбленія, — словомъ, безпросвѣтное горе маленькихъ людишекъ. Да и о горѣ собственно нельзя говорить; просто сѣренькій осенній день съ нависшею мглою, грязный, скучный, и, что хуже всего, конца ему не предвидѣлось...

— Марина, вы очень страдали въ это время вашей жизни?..

— Нѣтъ, къ чему эти громкія слова? Я не страдала, я просто прозябала, и съ каждымъ днемъ во мнѣ все крѣпла рѣшимость покончить съ этимъ безотраднымъ прозябаніемъ, уничтожавшимъ во мнѣ человѣка.

Марина задумалась, но вдругъ оживилась.

— Бывалъ у насъ въ домѣ тогда,—продолжала она,—студентъ-филологъ, тщедушный, но съ громадной копной волосъ надъ тощимъ, рябымъ лицомъ. Этотъ студентъ былъ поэтъ. Онъ былъ безумно въ меня влюбленъ и по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю читалъ мнѣ свои стихя. Читалъ онъ плохо, таращa глаза и ударяя ладонью по столу, такъ что я подчасъ вздрагивала. Стиховъ его я не помню,—помню только, что они были тягучи и однообразны. Но содержаніе одного изъ этихъ стихотвореній я твердо помню. Форма совершенно улетучилась изъ моей памяти, но содержаніе навсегда врѣзалось въ нее. Вамъ не скучно, князь?

— О, нѣтъ, продолжайте, Марина.

— Стихотвореніе это было озаглавлено: „Весталка". Въ немъ описывались: любовь весталки къ богатому римскому юношѣ, ея грѣхопаденіе, мучительная смерть, когда ее заживо зарывали въ землю, а затѣмъ и смерть юноши. Относительно послѣдней студентъ-поэтъ пояснилъ мнѣ, что она не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, потому что въ его описаніи юношу закалываютъ кинжалами, а на самомъ дѣлѣ такихъ юношей засѣкали до смерти. Студентъ находилъ, что розги нарушили бы поэтичность его стихотворенія. Я конечно съ нимъ не спорила, а только его спросила: „Скажите, пожалуйста, а теперь соблазнителей дѣвушекъ, хранящихъ свое цѣломудріе, не засѣкаютъ нигдѣ?" — „О, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ: — это не мирилось бы съ современными понятіями о гуманности". — „Странно, — замѣтила я: — дѣвушки, нарушающія цѣломудріе, попрежнему обрекаются на страшныя страданія и часто даже на смерть, а ихъ соблазнители, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляютъ себѣ по бѣлу свѣту и ищутъ безнаказанно новыхъ жертвъ". Я не знаю, князь, происходилъ ли этотъ разговоръ на самомъ дѣлѣ, но помню твердо, что когда я мысленно возвращалась къ стихотворенію студента, то именно таковъ былъ ходъ моихъ мыслей, и что я тогда уже твердо рѣшила никогда не быть... соблазненной весталкой.

Князь взглянулъ на Марину и удивился суровости выраженія ея лица: нельзя было сомнѣваться, что это была исповѣдь ея души.

— Марина,—сказалъ онъ: — я васъ въ первый разъ увидѣлъ въ костюмѣ весталки...

— Ахъ, тогда, на костюмированномъ вечерѣ, — промолвила она, точно очнувшись и отвѣчая на взглядъ князя улыбкой: — я васъ тогда тоже замѣтила, и, вѣрите ли, мнѣ тогда уже пришло на умъ то сравненіе, которое я сдѣлала на Капъ-Ферà, когда говорила о далекой звѣздочкѣ. Но тогда я подумала, что мы оба— такія звѣздочки, блуждающія одиноко по бѣлому свѣту и ищущія встрѣчи, чтобы скрывающійся въ насъ міръ своеобразныхъ чувствъ, стремленій и мыслей могъ, наконецъ, проявиться...

Князь взялъ руку Марины: она была холодна.

— Такъ вотъ, — сказалъ онъ: — я хотѣлъ васъ спросить, — было ли это случайностью, что вы тогда выбрали костюмъ весталки?

— Странный вопросъ! — улыбнулась Марина: — я выбрала этотъ костюмъ, потому что онъ мнѣ идетъ, а потомъ... потомъ потому что я имѣю полное право его носить, не подвергаясь опасности... быть заживо погребенною.

Князь слегка привлекъ Марину къ себѣ.

— Но, Марина, вѣдь вы были замужемъ? — спросилъ онъ мягко. Лицо Марины было совсѣмъ близко отъ него, онъ тонулъ въ ея взглядѣ, правдивомъ, довѣрчивомъ и любовномъ.

Князь болѣе не сомнѣвался.

— Да, я была замужемъ,—подтвердила Марина шопотомъ:— бѣдность привела меня къ этому замужеству, но, къ счастью,— прибавила она и, словно застыдившись, поникла головой, такъ что ея пышные волосы коснулись лица князя:—но, къ счастью... я замужемъ не была.

И словно испугавшись своей чрезмѣрной откровенности и близости къ князю, она встала и обошла столъ, такъ что между ними теперь была преграда. Она оперлась на столъ обѣими руками и все съ тѣмъ же потупленнымъ взоромъ и поникшей головой сказала:

— Теперь, князь, вы знаете все.

Онъ медленно всталъ и приблизился къ ней.

— Неужели эта преграда между нами нужна? — произнесъ онъ необыкновенно серьезно. — Вы меня боитесь, Марина? Вы не довѣряете моей порядочности или не хотите въ свою очередь выслушать мою исповѣдь?

— Исповѣдь мужчины! — молвила Марина, не поднимая глазъ.—Я вѣдь вамъ уже сказала, князь: для мужчины любовь— развлеченіе. Не развлекаетесь ли и вы?

Князь взялъ ея руку.

— Взгляните на меня, Марина!

Вѣки ея поднялись. Она глядѣла на князя кротко и нѣжно.

— Моя исповѣдь будетъ коротка, — произнесъ онъ съ удареніемъ: — до сихъ поръ я не любилъ ни одной женщины. Сегодня я, кажется...

Отдѣливъ быстрымъ движеніемъ руки отъ стола, Марина сдѣлала жестъ, какъ будто зажимаетъ князю ротъ, а онъ схватилъ эти руки и сталъ ихъ по очереди цѣловать.

— Ахъ, вы, злой человѣкъ, — говорила между тѣмъ Марина: — какъ вы меня измучили!

Она въ задумчивости высвободила свои руки, сняла съ безымяннаго пальца кольцо съ звѣздой изъ бриллiантовъ и рубиновъ и надѣла его на мизинецъ князя.

— Это на память о „звѣздочкѣ" и о сегодняшнемъ вечерѣ... не то вы, пожалуй, о нихъ скоро забудете, — сказала она.

Князь привлекъ Марину къ себѣ. Она не сопротивлялась. Онъ цѣловалъ ея душистые волосы.

Она прильнула губами къ его уху, такъ что ея дыханіе обожгло его, и шептала прерывающимся голосомъ:

— Милый... дорогой...

Но, какъ бы очнувшись, она легкимъ движеніемъ оттолкнула его, быстро направилась къ камину, гдѣ лежала ея шляпа, и, надѣвая ее, проговорила уже звучнымъ голосомъ:

— Теперь на воздухъ. Я слишкомъ счастлива.

— Я васъ провожу, Марина...

— Ѣдемъ, ѣдемъ! — отвѣтила она и уже въ шляпѣ подошла къ электрическому звонку, протянула къ нему лѣвую руку, а правой поманила къ себѣ князя, чтобы съ нимъ проститься наединѣ.

Онъ быстро подошелъ къ ней. Она подставила ему свои губы для поцѣлуя, а глаза ея и сіяли, и голубили, и нѣжили. Но она еле коснулась губъ князя и тотчасъ нажала кнопку. Вдали послышался звонокъ. Князь отошелъ, и дверь отворилась, чтобы пропустить лакея.

Они ѣхали въ темнотѣ. Онъ согрѣвалъ ея холодную руку. Когда свѣтъ газоваго фонаря или электрическаго трамвая ихъ освѣщалъ, Марина улыбалась князю счастливою улыбкой. Они не говорили. Было сказано такъ много, что уста теперь нѣмѣли.

XIII.

Когда князь съ Мариной обѣдали подъ рокотъ взволновавшагося моря, на противоположномъ концѣ города, въ извѣстной

уже читателю виллѣ, Таня внимательно слѣдила, съ тѣмъ же вязаньемъ въ рукахъ, за своимъ больнымъ братомъ. Она хорошо знала, что завтрашній консиліумъ не предотвратитъ роковогоисхода. Мало ли знаменитостей уже пользовали брата, а болѣзнь шла своимъ чередомъ и теперь очевидно близилась къ концу. Кончится болѣзнь, кончится и дорогая жизнь, спасеніе которой было единственною ея мыслью за послѣдніе полтора года. Другіе могли еще вѣрить въ возможность исцѣленія, она уже не вѣрила: ея любящій и наблюдательный глазъ ясно видѣлъ, что развязка наступитъ не сегодня-завтра. Она вся содрогалась при этой мысли, но надо было ей подчиниться. Такова воля судьбы, такова воля Божія, говорила она себѣ, потому что никогда еще она не была такъ близка къ Богу, какъ въ эти страшные дни. По временамъ ей казалось, что умъ ея мутится, и только обращеніе къ Богу давало ей силу нести свой крестъ. „Онъ меня поддержитъ, Онъ не отниметъ единственной любящей руки у брата въ его смертный часъ",—твердили ея уста, и она съ новою силою принималась за исполненіе своихъ обязанностей.

— Гриша, тебя море не безпокоитъ? — обратилась она къ брату: — оно сегодня такое бурное. Можетъ быть, лучше закрыть окно?

— Ты что-то сказала, Танюша? Я не разслышалъ,—отвѣтилъ братъ изъ подушекъ, которыми онъ былъ обложенъ въ своемъ креслѣ.

Она встала и приблизилась къ нему.

— Я закрою окна, милый. Вѣтрено, море бушуетъ.

— Да, пожалуй, закрой: мнѣ и такъ будетъ видно.

Онъ не отрывалъ глазъ отъ моря. Таня закрыла окна. Когда она возвращалась къ своему мѣсту, онъ окликнулъ ее:

— Таня!

— Что, Гриша?

— Дай мнѣ руку!

Онъ слабымъ движеніемъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— За что, Гриша?—вырвалось у нея невольно.

— Я цѣловалъ руки у хорошенькихъ женщинъ; вотъ когда надо было спросить: за что? — отвѣтилъ братъ. — И вотъ что еще: у другихъ женщинъ можно цѣловать руку, когда и сколько угодно, у тебя—только въ торжественныя минуты, когда сердце полно уваженія и благодарности...

— Зачѣмъ ты это, Гриша?

— Еслибы на свѣтѣ было больше такихъ женщинъ, какъ ты, и жить, и умирать было бы легко... вотъ какъ мнѣ теперь.

Она хотѣла что-то возразить, но онъ остановилъ ее.

— Подсядь ко мнѣ, Таня...

— Ты хочешь со мной говорить, Гриша? Отложимъ: ты сегодня слабъ.

— Давно я не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ сегодня.

Она взяла стулъ и близко подсѣла къ брату. Его глаза глядѣли на нее съ такою нѣжностью, словно она была ему не сестра, а любимая мать.

— Ты знаешь, Таня, я былъ очень несправедливъ къ тебѣ.

— Нѣтъ, я этого не знаю, Гриша.

— Но я это знаю, и никогда я этого такъ не чувствовалъ, какъ въ послѣдніе дни.

— Что же случилось особеннаго, милый мой?

— Ничего особеннаго, а такъ знаешь, Танюша, когда лежишь цѣлыми днями и много бесѣдуешь съ моремъ, лучше сказать, сливаешься съ нимъ, какъ съ родною стихіею, которая тебя убаюкиваетъ и незамѣтно уноситъ въ безконечность, тогда все видишь въ иномъ свѣтѣ, успокаивающемъ и примиряющемъ... Нѣтъ, Таня, открой окно,—хотя бы то, крайнее: я хочу явственнѣе слышать шумъ моря.

Таня встала.

— Но, Гриша, оно сегодня такое бурное.

— Оно меня не пугаетъ. Для другихъ оно, можетъ быть, страшно, для меня—нѣтъ.

Когда Таня исполнила желаніе брата и вернулась къ нему, онъ опять указалъ ей мѣсто возлѣ себя.

Онъ долго молчалъ, прислушиваясь къ мѣрному рокоту волнъ. Таня не напоминала ему о прерванномъ разговорѣ. Она была бы рада, еслибы братъ забылъ о немъ.

Но онъ, взглянувъ на нее съ прежнею нѣжностью, продолжалъ:

— Да, Таня, я былъ очень несправедливъ къ тебѣ, и море мнѣ это подсказало. Разбушуется оно,—волны, такія свирѣпыя, набрасываются бѣшено на берегъ, словно хотятъ все залить, затопить, разрушить, уничтожить,—и я чувствовалъ себя передъ нимъ такимъ ничтожнымъ, жалкимъ. Но это продолжалось недолго. Оно успокоится, засіяетъ своею безмятежною красотою,—и я сливаюсь съ нимъ, мы начинаемъ жить общею жизнью. Представь себѣ, Таня, глядя на него, я совершенно отрѣшился отъ себя, и все, что мнѣ раньше казалось значительнымъ, что наполняло мой умъ, мое сердце,—освѣтилось для меня съ новой стороны. И я понялъ тебя.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Гриша?

— Видишь ли, Таня, жить для меня значило быть исключительно занятымъ собою, своими мыслями, своими чувствами. Когда я тяжело заболѣлъ и потомъ началъ жить жизнью моря, чего-то самостоятельнаго, большого, внѣ меня лежащаго... Слышишь, Таня, какъ оно шумитъ? И никакая сила человѣческая не можетъ заставить его умолкнуть...

Таня испугалась словъ брата: не бредъ ли это, не ухудшеніе ли его болѣзни?

— Ты не усталъ, Гриша?—спросила она.

Но онъ на ея вопросъ не отвѣтилъ. Очевидно, слухъ его все болѣе притуплялся... Онъ продолжалъ говорить.

— Вотъ вы съ отцомъ всячески старались удержать меня отъ увлеченій. Напрасный трудъ! Я жилъ тогда личною жизнью, хотя мнѣ казалось, что я живу жизнью общею: товарищей, профессоровъ, общественныхъ дѣятелей, писателей, народа. Но когда я теперь вспоминаю эту свою жизнь, я вижу ясно, что это было не то. Моему самолюбію льстило, что я стою выше толпы, что я умнѣе, лучше ея, что я стремлюсь къ великимъ цѣлямъ въ то время, какъ она преслѣдуетъ низменныя цѣли. Я и васъ съ отцомъ осуждалъ за это. Ваши взгляды, понятія казались мнѣ узкими, мѣщанскими...

— Да, Гриша, мы съ папой занимались исключительно хозяйствомъ. Очень ужъ оно отнимало у насъ много времени,— некогда было заниматься другимъ,—замѣтила Таня, но братъ, очевидно, не разслышалъ и этихъ ея словъ. Она серьезно испугалась.—„Онъ глохнетъ, глохнетъ",—повторяла она мысленно.

— Таня, ты видишь, какъ у берега образовалась мутная полоса, какъ она въ одномъ мѣстѣ далеко врывается въ море?— говорилъ между тѣмъ братъ.—Не люблю я этого помутнѣнія чистой воды моря. А это неизбѣжно. Мы можемъ хотѣть или не хотѣть, а когда море волнуется, какъ вотъ теперь, оно будоражитъ берегъ, на которомъ мы живемъ, который намъ виднѣе. И вотъ намъ кажется, что эта часть моря захватитъ собою все, что она завладѣетъ всѣмъ моремъ. Но этому не бывать. Море опять стихнетъ, уляжется, и опять будетъ величественно-спокойно, такое, какимъ я его люблю, чистымъ, голубымъ, манящимъ, претворяющимъ меня въ себѣ. Таня, тебѣ не кажется, что это— наша милая родина? Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось слиться навѣки не только съ моремъ, но и съ нею, далекой, дорогой и вѣчно-желанной...

— Гриша, мы съ тобой вернемся на родину, въ тѣ мѣста, гдѣ мы только и можемъ быть счастливы...

— Что ты сказала, Таня: мы туда вернемся? Тебѣ возвращаться нечего. Ты оттуда уйти не можешь, какъ рыба не можетъ покинуть воды. Ты всегда плавала и будешь плавать въ глубинѣ моря, въ глубинѣ народной жизни, и берегъ тебя не влечетъ. Можно ли тебя спрашивать: любишь ли ты родину? Можно ли рыбу спрашивать, любитъ ли она воду? Я тоже любилъ родину, но не такою любовью. Мы всѣ хотимъ подчинить ее себѣ и сдѣлать ее счастливою по-своему. Ты никого не хочешь себѣ подчинить, ты сама всѣмъ подчиняешься, а, смотришь,— кто къ тебѣ приблизится, тотъ благословляетъ судьбу, тотъ счастливъ. Я очень былъ къ тебѣ несправедливъ. Но теперь, когда я сливаюсь съ моремъ, съ великимъ, безконечнымъ, я тебя понялъ, я вижу, что твоя душа отражаетъ, какъ роса—солнце, великое, безконечное...

Таня не понимала словъ брата. Она только чувствовала его любовь.

— Ты не усталъ, Гриша?—спросила она его.

— Дай сказать еще два слова. Вотъ почему... Ты слышишь, какъ море разбушевалось? Ты читала сегодня газеты? Что у насъ происходитъ на родинѣ?

Она взяла его руку и стала ее гладить. Больной смотрѣлъ на сестру внимательно. Сперва его взоръ выражалъ какъ бы вопросъ, потомъ этотъ вопросъ смѣнился выраженіемъ нѣжности и признательности. Онъ видимо успокоивался, а Таня улыбалась ему умиротворяющею улыбкою. Онъ вздохнулъ. Въ глазахъ вспыхнулъ еще проблескъ сознанія, затѣмъ они сомкнулись. Увѣрившись, что братъ заснулъ, Таня неслышно встала, усѣлась на обычномъ своемъ мѣстѣ и взялась опять за вязанье.

Р. Сементковскій.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ

и

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АНГЛІИ

A. V. Dicey, Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England, during the Nineteenth Century. London, 1905.

Окончаніе.

IV *).

Приступая къ обозрѣнію явленій третьяго періода въ развитіи англійскаго законодательства въ XIX вѣкѣ—періода „коллективизма", считаю необходимымъ напомнить читателямъ, что съ терминомъ „коллективизмъ" А. Дайси соединяетъ смыслъ нѣсколько иной сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, въ какомъ этотъ терминъ обыкновенно употребляется въ экономической литературѣ. Подъ нимъ онъ разумѣетъ не столько опредѣленную схему соціалистическаго ученія, сколько вообще совокупность доктринъ противоположныхъ индивидуализму въ широкой области законодательства.

Начало періода коллективизма Дайси относитъ къ 1865—1870 гг., но уже въ эпоху полнаго торжества индивидуалистическихъ теченій слышны были голоса выдающихся мыслителей, которые, признавая необходимость коренныхъ реформъ, выступали противъ индивидуализма и отрицали благодѣтельность принципа „laissez faire".

Столкновеніе этихъ противоположныхъ теченій общественной

*) См. выше: октябрь, стр. 441.

мысли представляетъ не одинъ только теоретическій интересъ. Въ немъ сказалось отношеніе къ самымъ жгучимъ соціальнымъ проблемамъ современности. Пятнадцатилѣтній періодъ отъ 1830 до 1845 г., который можно назвать эпохою „акта о реформѣ", былъ однимъ изъ самыхъ критическихъ въ исторіи Англіи. Это были годы смутные и тревожные, годы тяжелыхъ бѣдствій и широко разлитого недовольства въ средѣ рабочихъ городскихъ и сельскихъ. Заработокъ послѣднихъ стоялъ на страшно низкомъ уровнѣ, условія фабрично-заводскаго труда были ужасны. Недовольство рабочихъ ярко выступаетъ въ рядѣ процессовъ по обвиненію въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, преступныхъ соглашеніяхъ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ за время 1832 — 1843 гг. Въ деревняхъ пылали скирды, въ городахъ совершались трэдъ-юніонистами различные акты насилія. Въ требованіяхъ „Народной Хартіи" проявлялись признаки общественнаго настроенія, предвѣщавшаго революцію. Намъ, знающимъ, что нѣкоторые пункты хартіи получили осуществленіе, не вызвавъ ни соціальныхъ, ни политическихъ смутъ, можетъ показаться, что значеніе „чартизма" представлялось современникамъ его въ преувеличенномъ видѣ. Но люди 1832 года понимали время, въ которое они жили. Въ движеніи „чартистовъ" выступали острая классовая вражда и широко разлитое недовольство всѣмъ общественнымъ строемъ. Люди, знакомые съ Англіею лишь по тѣмъ годамъ преуспѣянія и общаго спокойствія, которые слѣдовали за отмѣною хлѣбныхъ законовъ, съ трудомъ могутъ представить себѣ, съ какою настоятельностью передъ общественнымъ вниманіемъ выступалъ, въ 1832 — 1840 гг., вопросъ о внутреннемъ положеніи Англіи. Вопросъ этотъ, достаточно тревожный, состоялъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, — какимъ способомъ можно, и возможно ли даже, облегчить бѣдствія и устранить недовольство рабочихъ классовъ?

Отвѣтъ либераловъ-утилитаристовъ на этотъ вопросъ былъ ясенъ. Политика благоразумія, — настаивали они, — требуетъ, чтобы націи самой предоставлено было распоряжаться своею судьбою, что и было задачею парламентской реформы. Въ результатѣ послѣдуютъ устраненіе всякихъ злоупотребленій и отмѣна несправедливыхъ законовъ, въ особенности законовъ, отяготительныхъ и несправедливыхъ по отношенію къ бѣднымъ классамъ населенія. Къ этому въ сущности и сводилась задача законодательства, такъ какъ въ дѣлѣ окончательнаго врачеванія соціальныхъ бѣдствій нужно болѣе всего полагаться на индивидуальную энергію и самопомощь.

У Сиднея Смита мы находимъ яркое выраженіе увѣренности въ благодѣтельномъ вліяніи политической реформы на всѣ стороны соціальной жизни. Оспаривая доводы торіевъ противъ парламентской реформы и рѣшительно отвергая ихъ увѣренія въ томъ, что она вовсе ненужна для интересовъ низшихъ классовъ, Сидней Смитъ въ одной изъ своихъ статей (въ 1830 г.) говоритъ: — „Спрашиваютъ, что выиграютъ отъ реформы дровосѣкъ и водовозъ? Что выиграютъ они отъ того, что мѣстечко Ольдъ-Саромъ лишится права посылать представителя въ парламентъ, а Бирмингамъ получитъ это право? Но если вы ставите такой вопросъ по отношенію къ парламентской реформѣ, то вамъ придется поставить его и по отношенію ко многимъ другимъ важнымъ реформамъ. Какую пользу могутъ принести имъ эмансипація котоликовъ, отмѣна вѣроисповѣдныхъ ограниченій, революція 1688 года, любая важная политическая перемѣна, хорошее управленіе? Прежде всего, если отъ перемѣны выигрываютъ многіе, а низшіе классы не страдаютъ, то и этого одного уже достаточно, чтобы произвести перемѣну. Но и дровосѣкъ, и водовозъ получатъ прямую выгоду отъ реформы. Реформа разовьетъ бережливость и контроль; меньше будетъ всякихъ каверзъ и расточительности; войны не будутъ растягиваться на многіе годы вопреки народному желанію; налоги снимутся съ бѣдныхъ и переложатся на богатыхъ; разовьются болѣе простые нравы, когда богатымъ придется заискивать передъ бѣдными для полученія политической власти; уничтожены будутъ жестокія и тяжкія наказанія (какъ наказанія, налагаемыя за ночное браконьерство). За поимку фазана на чужой землѣ васъ накажутъ надлежащимъ образомъ, но не сошлютъ на семь лѣтъ вдаль отъ жены и дѣтей. Табакъ подешевѣетъ на два пенса на фунтъ. Понизится цѣна на свѣчи. Такіе результаты улучшеннаго управленія будутъ чувствительны. Мы не претендуемъ уничтожить бѣдность или устранить возможность бѣдствій; но если результатами реформы явятся миръ, экономія и справедливость, милліоны населенія получатъ массу мелкихъ выгодъ, которыя представляются незначительными для насъ, но не для нихъ; и связь между существованіемъ Джона Росселя и удешевленіемъ хлѣба и сыра окажется столь же очевидною, какъ очевидно, что добиться этого составляло задачу его благородной, мудрой и полезной жизни... При хорошемъ управленіи все дешевле, при дурномъ—все дороже“... Каждое изъ этихъ предсказаній осуществилось почти буквально.

Въ качествѣ иллюстраціи теченій протеста противъ господствовавшаго въ ту пору индивидуализма, А. Дайси приводитъ за-

явленія трехъ выдающихся писателей, которыхъ, при всемъ различіи ихъ между собою, объединяло недовѣріе къ принципу „laissez faire“ и убѣжденіе, что для устраненія общественныхъ бѣдствій необходимо воздѣйствіе государственной власти.

„Нравственныя бѣдствія, — писалъ (въ 1829 г.) Соути, — дѣло рукъ самого человѣка, и, безъ сомнѣнія, большую часть ихъ можно предотвратить“. Средствами къ тому являются нравственный авторитетъ церкви и воздѣйствіе государства, какъ думалъ Соути, основные взгляды котораго получили у Маколея слѣдующую характеристику. „Основной принципъ его, если мы правильно его поняли, — говоритъ Маколей, — состоитъ въ томъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать что-нибудь для себя столь же хорошо, какъ могутъ сдѣлать это для него правители его, кто бы они ни были, и что правительство тѣмъ болѣе приближается къ совершенству, чѣмъ болѣе оно вмѣшивается въ привычки и понятія отдѣльныхъ лицъ. Онъ, повидимому, вполнѣ убѣжденъ, что во власти правительства облегчить всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ низшіе классы“.

Д-ръ Арнольдъ, говоря о необезпеченномъ положеніи въ государствѣ рабочаго населенія, высказываетъ (въ 1838 г.) слѣдующія мысли: — „Такое пренебреженіе опирается на одно изъ самыхъ ложныхъ положеній, какія когда-либо выставлялись въ угоду людскому эгоизму подъ видомъ политической мудрости; я разумѣю положеніе о томъ, что гражданское общество должно предоставить своихъ членовъ самимъ себѣ, чтобы каждый самъ заботился о различныхъ своихъ интересахъ, подъ условіемъ не проявлять прямого обмана и насилія противъ своего ближняго. И это несмотря на несомнѣнность того, что по природнымъ силамъ своимъ они не равны и что въ еще меньшей степени они располагали когда-либо одинаковыми искусственными преимуществами; зная, къ тому же, что всякаго рода сила имѣетъ тенденцію возрастать, мы присутствуемъ безучастно при этомъ неравномъ состязаніи, забывая, что самое названіе общества предуказываетъ, что оно не должно быть простою ареною борьбы, а что его задача — заботиться объ общемъ благѣ всѣхъ путемъ ограниченія власти сильныхъ и оказанія покровительства безпомощности слабыхъ“.

„Насъ увѣряютъ, — писалъ Карлейль въ 1839 г., — что успѣхи и неудачи въ сутолокѣ жизни, которою, думали всегда, управляетъ нѣкая слѣпая богиня, на самомъ дѣлѣ являются дѣломъ рукъ зрячей богини или бога, и что нужно лишь не вмѣшиваться: сколько героическихъ усилій или вдохновенія было нужно для

того, чтобы повѣдать намъ это? Застегнуться на всѣ пуговицы и оставаться спокойными—рецептъ не сложный. Laissez faire, laissez passer! Вѣдь все то, что происходитъ, развѣ не должно было произойти?.. Такимъ въ сущности оказывается тотъ главный соціальный принципъ (если здѣсь можетъ быть рѣчь о принципѣ), который въ актѣ о реформѣ общественнаго призрѣнія смѣло выставляется наперекоръ многимъ фактамъ. Въ этотъ главный соціальный принципъ авторъ, пишущій эти строки, никогда и никоимъ образомъ не повѣритъ, а напротивъ—будетъ при всякомъ удобномъ случаѣ объявлять его въ высокой степени ложнымъ, еретическимъ и пагубнымъ"...

Въ десятилѣтіе 1830—1840 гг., между индивидуалистами и коллективистами поднялся рѣшительный споръ по вопросу о томъ, — могутъ ли широкое развитіе индивидуальной свободы и устраненіе всякаго рода стѣсненій возбудить индивидуальную энергію и самопомощь въ такой мѣрѣ, чтобы пагубныя для государства бѣдствія могли быть предотвращены этимъ средствомъ (поскольку такія бѣдствія вообще могутъ быть предотвращаемы законодательствомъ)?

На этотъ вопросъ просвѣщенное мнѣніе эпохи 1832 года, которое въ теченіе 30—40 лѣтъ, если не дольше, властвовало надъ парламентомъ, давало отвѣтъ категорическій и положительный, не взирая на протесты со стороны небольшого числа мыслителей, встрѣчавшихъ большее или меньшее сочувствіе рабочихъ классовъ. На этотъ же вопросъ общественное мнѣніе, вліяющее на англійское законодательство, начиная, приблизительно, съ 1870 года, даетъ отвѣтъ нерѣшительный, если не вполнѣ отрицательный.

Чѣмъ объясняется этотъ переворотъ въ области соціальныхъ и политическихъ взглядовъ — явленіе замѣчательное въ исторіи развитія общественнаго мнѣнія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ анализъ тѣхъ условій или причинъ, которыя благопріятствовали развитію коллективизма или, если посмотрѣть на это явленіе съ другой точки зрѣнія, подорвали авторитетъ бентамовскаго либерализма.

Ходячее объясненіе этого явленія достаточно извѣстно. Благодаря парламентскимъ реформамъ 1867 и 1884 гг., англійскій государственный строй преобразился въ демократію, и эта революція вполнѣ объясняетъ растущее вліяніе соціализма. Участь большинства населенія быть бѣдными, а бѣдные по природѣ своей соціалисты. Демократія неизбѣжно связана съ развитіемъ соціализма.

Такое разсужденіе, какъ было уже указано, представляется ошибочнымъ. Демократію нельзя отождествлять съ какимъ-либо опредѣленнымъ направленіемъ общественнаго мнѣнія. Государственный строй Англіи менѣе демократиченъ, чѣмъ государственный строй Соединенныхъ Штатовъ, а между тѣмъ законодательство американскаго конгресса оказывается менѣе соціалистическимъ, чѣмъ законодательство англійскаго имперскаго парламента. При томъ же въ Англіи законы съ тенденціею въ сторону соціализма обязаны своимъ происхожденіемъ вовсе не политическому крушенію богатыхъ классовъ. Послѣдніе и въ демократической конституціи сохраняютъ значительную власть — они во многихъ отношеніяхъ опредѣляютъ политику страны. Богатые лишь въ слабой степени противодѣйствовали коллективистическому законодательству, если даже не прямо содѣйствовали ему.

Въ одномъ лишь развитіи демократіи нельзя найти объясненія преобладанію въ законодательствѣ коллективистическихъ теченій. Въ рядѣ причинъ этого успѣхи демократіи занимаютъ видное мѣсто; но этому содѣйствовали и нѣкоторыя другія условія, при чемъ важнѣйшія изъ нихъ выступили значительно раньше акта 1867 года о парламентской реформѣ.

Въ числѣ этихъ условій Дайси придаетъ большое значеніе тому, что онъ называетъ „торійскимъ филантропическимъ движеніемъ“, и начальной стадіи въ развитіи фабричнаго законодательства.

Къ 1830 году можно пріурочить возбужденіе вопроса о необходимости регламентировать работу на фабрикахъ въ интересахъ защиты дѣтей и женщинъ. Толчокъ этому данъ былъ опубликованіемъ писемъ Ричарда Остлера — „Рабство въ Іоркширѣ“. Въ нихъ нарисована была ужасная картина той эксплоатаціи дѣтей и подростковъ, которая приписывалась алчности предпринимателей. Общественное негодованіе, вызванное ужасами этой эксплоатаціи, первоначально не имѣло никакого соотношенія съ какими-либо соціалистическими теоріями. Необходимость регламентаціи дѣтскаго труда вполнѣ гармонировала съ традиціоннымъ принципомъ общаго права, въ силу котораго всѣмъ несовершеннолѣтнимъ должна быть оказываема защита. Не находилось это и въ противорѣчіи съ бентамизмомъ, и индивидуалисты всѣхъ оттѣнковъ съ участіемъ относились къ опасностямъ, съ которыми сопряжено для слабыхъ и безпомощныхъ господство узкихъ классовыхъ интересовъ. Кобденъ въ 1836 г. высказывался вполнѣ категорически за недопущеніе къ работѣ на бу-

магопрядильняхъ дѣтей ниже тринадцатилѣтняго возраста. Маколей, никогда не увлекавшійся соціалистическими идеалами, изъ чувства гуманности выступилъ въ парламентѣ (въ 1846 г.) съ блестящей защитою билля объ ограниченіи десятью часами рабочаго дня дѣтей и женщинъ.

Однако руководителями движенія въ пользу регламентаціи фабричнаго труда на первыхъ же порахъ явились тори: Соути, о которомъ уже было упомянуто и который являлся апостоломъ торійской филантропіи въ борьбѣ съ ужасами фабричной жизни; Остлеръ, демагогъ, получившій прозвище „фабричнаго короля" за свою горячую борьбу противъ всей фабричной системы и своими усиліями особенно содѣйствовавшій проведенію билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ; Садлеръ, явившійся теоретикомъ движенія, развитію котораго онъ старался придать соціалистическій характеръ; наконецъ, лордъ Шефтсбери, за которымъ должны быть признаны наиболѣе выдающіяся заслуги въ дѣлѣ развитія фабричнаго законодательства,—были убѣжденными тори и протекціонистами.

На почвѣ этого движенія произошла ожесточенная парламентская борьба между индивидуализмомъ и коллективизмомъ, въ связи съ проведеніемъ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ.

Истинный характеръ этой борьбы не былъ въ то время отчетливо сознанъ боровшимися сторонами. Осложняющимъ обстоятельствомъ явилось то, что агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ какъ разъ совпала съ движеніемъ въ области фабричнаго законодательства: отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ (1846 г.) состоялась лишь годомъ раньше принятія билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ обоихъ этихъ вопросахъ тори и протекціонисты были на одной сторонѣ, радикалы и фритредеры—на другой. Въ отношеніи къ вопросу о свободѣ торговли тори занимали непопулярную позицію, выступая противъ народнаго желанія и подвергая себя обвиненіямъ въ томъ, что они ради поднятія ренты землевладѣльцевъ готовы жертвовать интересами бѣдныхъ. Фритредеры, между тѣмъ, являлись въ роли друзей народа, при чемъ ихъ ораторы не останавливались передъ обвиненіемъ протекціонистовъ въ эгоистическихъ стремленіяхъ, а не въ одномъ лишь отступленіи отъ истинныхъ началъ политической экономіи. Въ борьбѣ, возникшей изъ-за фабричнаго билля, роли измѣнились. Людей, выступавшихъ съ указаніемъ вредныхъ послѣдствій государственнаго вмѣшательства, считали безсердечными, холодными мыслителями, увлеченными слѣпою вѣрою въ безстрастную науку, а мануфактуристовъ укоряли за злоупотребленіе дѣтскимъ

трудомъ ради извлеченія барышей и сравнивали ихъ съ рабовладѣльцами. Жестокимъ лицемѣріемъ объявлялся радикализмъ либераловъ, готовыхъ ради торжества принципа laissez faire изнурять дѣтей рабочихъ непосильнымъ трудомъ. Напротивъ, тори-филантропы пріобрѣли большую популярность за свое сочувственное отношеніе къ страданіямъ дѣтей и женщинъ, жертвъ алчныхъ мануфактуристовъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что тори пожелали воспользоваться благопріятными условіями для извлеченія партійныхъ выгодъ изъ своего положенія. Дизраэли, безъ сомнѣнія, чистосердечно осуждалъ тяжелыя условія фабричной работы, но романъ его „Sybil" былъ прежде всего блестящимъ партійнымъ памфлетомъ, задачею котораго было показать, что тори—истинные друзья рабочихъ классовъ. Съ обѣихъ сторонъ проявлены были взаимное непониманіе и укоры. Если для тори-филантроповъ противники ихъ были притѣснителями, лишенными элементарныхъ чувствъ гуманности, то для мануфактуристовъ и фритредеровъ сторонники десятичасового рабочаго дня были протекціонистами, которые, подъ маскою филантропіи, стремились обезпечить за собою выгоды, и которые покровительствовали соціализму, чтобы отомстить за крушеніе протекціонизма; ихъ благожелательность въ лучшемъ случаѣ была глупостью, въ худшемъ—лицемѣріемъ, приправленнымъ клеветою.

Ко всѣмъ такимъ взаимнымъ нареканіямъ, замѣчаетъ Дайси, не было достаточныхъ основаній. Какъ руководители движенія въ пользу фабричнаго законодательства, такъ и ихъ противники были люди, проникнутые несомнѣнною гуманностью и высокимъ сознаніемъ общественнаго долга. Объясненіе антагонизма между ними слѣдуетъ искать въ томъ, что противники лорда Шефтсбери всѣ были индивидуалисты, а тори явились, хотя и не сознавая этого, лидерами реакціи противъ индивидуалистическихъ теченій. Фабричное законодательство послужило ареною столкновенія между коллективизмомъ и индивидуализмомъ, и на этой аренѣ бентамовскій либерализмъ потерпѣлъ свое первое и очень серьезное пораженіе.

„Остроту конфликта,—говоритъ Дайси,—повидимому, усиливало то, что обѣ стороны чувствовали каждая извѣстную слабость своего положенія. Опытъ показалъ, что ни та, ни другая сторона не оказалась вполнѣ правою. Актъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ не погубилъ британской промышленности, но устранилъ многія бѣдствія. Въ этомъ отношеніи политика лорда Шефтсбери оказалась правильною, а противодѣйствіе мануфактуристовъ было осуждено дѣйствительностью. Но актъ о десяти-

часовомъ днѣ тяготѣлъ въ сторону соціализма и заключалъ въ себѣ зародыши необъятнаго переворота, положительныя и отрицательныя стороны котораго никто еще не можетъ взвѣсить съ точностью; этому перевороту лордъ Шефтсбери не намѣревался содѣйствовать, и возможность его ему совершенно не представлялась. Движеніе въ области фабричнаго законодательства ввело соціалистическія мѣропріятія въ англійское право и дало престижъ и авторитетность идеямъ коллективизма".

Въ разъясненіе этого положенія Дайси говоритъ, что значеніе актовъ 1847—1850 гг. далеко выходитъ за предѣлы ихъ непосредственной задачи — служить мѣрами защиты дѣтей, подростковъ (до 18 лѣтъ) и женщинъ отъ изнурительнаго труда въ нѣкоторыхъ категоріяхъ мануфактурныхъ заведеній. „Въ дѣйствительности, это законодательство имѣло гораздо болѣе широкія послѣдствія. Оно дало признаніе принципу, по которому регулированіе труда есть дѣло государства, и положило основаніе цѣлой системѣ правительственнаго надзора и контроля. Оно установило продолжительность рабочаго времени на фабрикахъ, въ которыхъ она распространяется на всѣхъ женщинъ безъ различія возраста, и предоставило имъ защиту, наложивъ на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе, которое совершенно чуждо общему праву Англіи и которое находится въ прямомъ противорѣчіи съ основными положеніями индивидуализма. Это фабричное законодательство установило, хотя и не прямо и не во всѣхъ случаяхъ непосредственно, нормальный рабочій день для всѣхъ, безъ различія возраста и пола, рабочихъ тѣхъ предпріятій, на которыя оно распространялось. Правда, на первыхъ порахъ оно было примѣнено только къ ограниченному числу фабрикъ, но оно заключало въ себѣ очень важныя начала, которыя были примѣнимы и которыя съ теченіемъ времени должны были получить общее примѣненіе къ различнымъ видамъ труда, имѣющимъ общественный интересъ. Оно, такимъ образомъ, несомнѣнно внесло соціалистическія нормы въ англійское рабочее законодательство. Но фабричные законы 1848—1850 гг. привели тотчасъ же или почти тотчасъ къ послѣдствіямъ еще болѣе значительнымъ. Въ то время, когда съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ индивидуализмъ одержалъ, казалось, окончательную побѣду въ области торговли и когда преуспѣяніе, сопровождавшее установленіе свободы торговли, вызывало сильнѣйшую увѣренность въ благотворности начала „laissez faire" почти во всѣхъ областяхъ жизни, успѣхъ фабричныхъ законовъ давалъ авторитетное признаніе, и не только для этой, но и для многихъ другихъ отраслей жизни, такимъ

взглядамъ, которые, если и не являлись вполнѣ соціалистическими, тяготѣли въ сторону соціализма или коллективизма".

Въ ряду другихъ факторовъ, содѣйствовавшихъ повороту отъ индивидуализма къ коллективизму, большое значеніе имѣло то новое направленіе, которое было усвоено рабочимъ движеніемъ послѣ того, какъ въ 1848 г. „чартизму" нанесенъ былъ окончательный ударъ. Въ заботахъ руководителей рабочаго движенія и въ ихъ стремленіяхъ на первый планъ выступили, вмѣсто интересовъ политическихъ, преобладавшихъ въ эпоху „чартизма", интересы соціальные. Эти послѣдніе ярко выразились въ усиленномъ развитіи трэдъ-юніонизма, которое содѣйствовало росту коллективистическихъ теченій въ ущербъ индивидуалистическимъ.

Трэдъ-юніонизмъ, который въ основѣ своей опирается на принципъ коллективнаго соглашенія, въ связи съ практическими ограниченіями индивидуальной свободы договора, не могъ встрѣтить сочувствія со стороны либераловъ школы Бентама. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ по толкованію постановленій акта 1825 года въ отношеніи къ рабочимъ союзамъ настойчиво проводилось — въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными намѣреніями парламента — сознаніе необходимости парализовать не только всякаго рода физическое насиліе, но и такъ называемое моральное давленіе, ограничивавшее свободу соглашенія между работодателями и рабочими въ отношеніи къ условіямъ найма и работы. Противъ этого трэдъ-юніонисты вели упорную борьбу. Если нѣкоторые изъ нихъ и принимали доктрину „laissez faire", то лишь при условіи толкованія этого начала въ смыслѣ широкаго допущенія права коалицій ради всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя не являются противозаконными для каждаго отдѣльнаго лица, дѣйствующаго безъ уговора съ другими. Они настаивали на томъ, что рабочіе союзы должны быть признаваемы законными обществами, хотя бы они и вызывали стѣсненія въ промышленной области; трэдъ-юніонисты имѣютъ нравственное право, подлежащее и юридическому признанію, проявлять, — не прибѣгая къ физическому насилію и не угрожая такимъ насиліемъ, — самое рѣшительное моральное давленіе и этимъ ограничивать свободу всякаго рабочаго, который былъ бы склоненъ преслѣдовать свой собственный интересъ въ нарушеніе правилъ союза, направленныхъ къ обезпеченію интереса всѣхъ рабочихъ извѣстнаго промышленнаго предпріятія. Здѣсь рѣзко выступаетъ борьба между индивидуализмомъ и коллективизмомъ.

Перемѣна въ характерѣ рабочаго движенія имѣла, между прочимъ, тотъ результатъ, что оказалось возможнымъ сближеніе

рабочихъ съ тѣми представителями среднихъ классовъ, которые почему-либо не раздѣляли идей бентамовскаго либерализма.

„Чартизмъ" былъ дискредитированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые чартисты стремились достигнуть своихъ цѣлей при помощи физической силы или угрожая ею [1]). Трэдъ-юніонизмъ въ теченіе „революціоннаго періода" примкнулъ къ „чартизму" и различными актами насилія и другими проявленіями революціоннаго характера вооружилъ противъ себя всѣхъ дорожившихъ законностью и порядкомъ. Но между 1848 и 1868 годами юніонизмъ оказался подъ руководствомъ людей талантливыхъ и болѣе умѣренныхъ, и ему нерѣдко доводилось встрѣчать сочувственное къ себѣ отношеніе и поддержку со стороны людей, не раздѣлявшихъ соціальныхъ и экономическихъ догматовъ утилитаризма.

Къ тому же періоду относится появленіе многихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ выступаютъ новыя теченія въ области соціальныхъ и экономическихъ идей и стремленій; въ нихъ сквозило глубокое недовѣріе къ господствовавшему либерализму, и въ огромномъ успѣхѣ такихъ произведеній нельзя было не видѣть вѣрнаго показателя приближавшагося поворота въ общественномъ мнѣніи. Наиболѣе знаменательнымъ въ этой области Дайси считаетъ появленіе въ 1848 году „Политической экономіи" Милля. „Самое заглавіе этой знаменитой книги — *Основанія политической экономіи, съ нѣкоторыми изъ ихъ приложе-*

---

[1]) По этому поводу находимъ у Дайси слѣдующее примѣчаніе: „Въ 1848 году вожаки движенія и противники его явились жертвами иллюзіи, навѣянной традиціями французской революціи. Полагали, что возстаніе можетъ одолѣть дисциплинированныя войска. Это мнѣніе опиралось главнымъ образомъ на успѣхи, достигнутые парижскою толпою въ періодъ великой революціи и позднѣе, въ 1830 и 1848 гг. Эта идея получила чрезвычайно широкое распространеніе, а между тѣмъ она менѣе всего оправдывается дѣйствительными фактами. Вѣра въ таинственную силу народнаго энтузіазма являлась не болѣе какъ предразсудкомъ. Ни въ одномъ случаѣ за всю революціонную исторію Франціи, съ 1789 г. и до настоящаго момента, дисциплинированныя войска, подъ надлежащею командою, не были одолѣваемы возставшими. Не обнаруживала армія и какой-либо особенной склонности присоединиться къ народу. Въ этомъ отношеніи событія 1848 и 1871 гг. даютъ вполнѣ опредѣленныя указанія. Въ іюнѣ 1848 г. на сторонѣ возставшихъ были всякаго рода преимущества: они вооружались въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, сражались съ большимъ одушевленіемъ подъ защитою хорошо построенныхъ баррикадъ. Противники ихъ состояли главнымъ образомъ изъ національныхъ гвардейцевъ и Garde Mobile, навербованныхъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ парижскаго населенія, и трудно было разсчитывать на ихъ безусловную вѣрность. Однако, возстаніе было подавлено. Въ 1871 году въ составъ правительственныхъ войскъ входили многіе, потерпѣвшіе пораженіе на войнѣ. Въ средѣ защитниковъ коммуны было много обученныхъ солдатъ. Побѣда, однако, осталась за арміей".

ній къ соціальной философіи—имѣетъ особенный смыслъ,—говоритъ Дайси.—Трактатъ этотъ представляетъ собою попытку умнаго лидера бентамистской школы поставить признанныя экономическія доктрины въ гармонію съ стремленіями лучшихъ людей въ средѣ рабочихъ классовъ. Въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, намъ совершенно ясно, что, начиная съ 1848 г. и позднѣе, даетъ себя чувствовать перемѣна въ умственной и нравственной атмосферѣ Англіи. Въ направленіи общественнаго мнѣнія совершалось измѣненіе, которое мы имѣемъ возможность прослѣдить теперь,—измѣненіе тѣмъ болѣе важное, что оно вліяло на подроставшее въ то время поколѣніе и, слѣдовательно, должно было сказаться на общественномъ мнѣніи двадцать-тридцать лѣтъ спустя, т.-е. въ 1870—1880 годахъ. Для насъ несомнѣнно теперь и то, что этотъ переворотъ въ мірѣ идей тяготѣлъ въ сторону соціализма"...

Въ области организаціи промышленныхъ предпріятій въ половинѣ XIX вѣка замѣчается новое характерное явленіе, имѣвшее большое значеніе. Это—замѣна начала личнаго въ веденіи предпріятій началомъ комбинированнымъ, коллективнымъ. Компаніи желѣзнодорожныя, всякаго рода акціонерныя компаніи представляютъ собою характерные типическіе образцы новой формы экономическихъ предпріятій. Развитію законодательства, санкціонировавшаго ихъ, въ сильной степени содѣйствовали либералы въ своемъ стремленіи расширить сферу договорныхъ отношеній. Акты объ акціонерныхъ компаніяхъ, вводившіе принципъ совмѣстнаго участія многихъ съ ограниченною отвѣтственностью, конечно, представляли собою расширеніе области индивидуальной свободы; но эти же акты, поскольку завѣдываніе предпріятіемъ переносилось изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ въ руки корпоративныхъ организацій, замѣняли дѣятельность индивидуальную дѣятельностью коллективною. Въ совокупности своей эти новыя явленія ослабляли значеніе индивидуальнаго начала и давали почву для расширенія области государственнаго вмѣшательства. Вслѣдъ за желѣзнодорожными предпріятіями, вызывавшими необходимость извѣстнаго контроля государства и регулированія отчужденія, тѣ же начала были широко примѣнены и ко многимъ другимъ отраслямъ экономической жизни. Развитіе корпоративныхъ формъ въ сферѣ промышленной не могло не содѣйствовать постепенному росту коллективистическихъ идей.

Въ половинѣ XIX вѣка различныя условія, подрывавшія преобладающее положеніе индивидуализма, уже оказывали постепенно свое воздѣйствіе на общественное настроеніе, и особенно въ средѣ

рабочихъ классовъ. Но въ области законодательства эти условія еще не получали сколько-нибудь замѣтнаго отраженія до 1868 г. Объясняется это тѣмъ, что до акта о реформѣ 1867 г. парламентъ являлся представительствомъ среднихъ классовъ, въ средѣ которыхъ продолжали господствовать идеи бентамизма, отвѣчавшія ихъ интересамъ и стремленіямъ.

Новая эпоха начинается съ 1865 года, со времени окончанія междоусобной войны въ Соединенныхъ-Штатахъ. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ двадцати лѣтъ въ Соединенномъ королевствѣ установился демократическій строй на началахъ предоставленія политическихъ правъ всѣмъ домохозяевамъ (household suffrage), сначала городскимъ рабочимъ, потомъ (въ 1884 г.) сельскимъ. Не входя въ детали самыхъ актовъ о реформѣ, что относится къ области конституціонной исторіи, Дайси анализируетъ соотношеніе ихъ съ развитіемъ теченій въ сферѣ законодательства. Онъ обращаетъ вниманіе въ особенности на два обстоятельства.

„Первое заключается въ томъ, что законы, установившіе демократическое правленіе, сами явились плодомъ теченій, вызванныхъ общественными событіями, на которыя эти теченія, въ свою очередь, оказали вліяніе.

„Движеніе въ сторону демократіи въ Англіи сильно подвинулось впередъ, благодаря побѣдѣ сѣверныхъ штатовъ въ Америкѣ. Борьба между Сѣверомъ и Югомъ разсматривалась какъ борьба между демократіею и олигархіею; участь той и другой должна была рѣшиться на полѣ сраженія, и побѣдительницею оказалась демократія. Эта побѣда усилила вѣру въ демократію, а по особеннымъ обстоятельствамъ того времени это придало вѣсъ требованію англійскихъ рабочихъ относительно предоставленія имъ всей полноты гражданскихъ правъ. Рабочіе стояли за Сѣверъ, а симпатіи землевладѣльцевъ и богатыхъ классовъ были на сторонѣ Юга. Народное сочувствіе или здравомысліе оказалось болѣе дальновиднымъ, чѣмъ консервативныя теченія, причемъ въ то же время терпѣніе, съ которымъ рабочіе Ланкашира переносили бѣдствія, вызванныя „хлопковымъ голодомъ“, возбудили къ нимъ общее расположеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ходячее увѣреніе въ томъ, что рабочимъ англійскимъ нельзя отказывать въ правѣ голоса, когда этимъ правомъ вскорѣ будутъ располагать негры въ Соединенныхъ-Штатахъ, имѣло значеніе, если не какъ логически сильный аргументъ, то какъ удобное орудіе пропаганды. Между тѣмъ какъ, благодаря всему этому, усиливался нравственный авторитетъ рабочихъ, въ средѣ ихъ, подъ руководствомъ

искусныхъ совѣтниковъ, возродился интересъ къ политикѣ, и особенно къ вопросу о парламентской реформѣ. Новое выступленіе ихъ на политической аренѣ не было, однако, возрожденіемъ чартизма. Старые „чартисты“ либо умерли, либо были забыты. Въ 1866—1867 гг. о народной хартіи и ея шести пунктахъ и не упоминалось. Мало было слышно о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и ничего — о республикѣ. Торизмъ снова вступилъ въ странный, хотя и не случайный союзъ съ демократіею; актъ о реформѣ 1867 г. былъ проведенъ не либеральнымъ, а такъ-называемымъ консервативнымъ министерствомъ. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ дипломатическихъ уловкахъ или о дѣйствительныхъ либо мнимыхъ принципіальныхъ жертвахъ, благодаря которымъ былъ достигнутъ этотъ результатъ. Съ какой бы суровой точки зрѣнія ни смотрѣть на тѣ средства, которыми Дизраэли „воспитывалъ“ консерваторовъ, для насъ въ настоящемъ случаѣ важна лишь сущность этого воспитанія и связь его съ теченіями общественнаго мнѣнія. Урокомъ, который Дизраэли преподалъ своей партіи, была возможность, давно имъ предусмотрѣнная, союза между тори и рабочими, а настоящею основою такого союза являлось ихъ общее разномысліе съ индивидуалистическимъ либерализмомъ. Не случайностью было то, что Дизраэли и сторонники его въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Джонъ Брайтъ, смущались тѣмъ, что, вслѣдъ за очень демократическимъ биллемъ о парламентской реформѣ, власть можетъ попасть въ руки низшихъ классовъ; не случайностью было и то, что послѣднимъ и наиболѣе энергическимъ противникомъ всякой попытки измѣнить представительную систему 1832 года явился Робертъ Лоуе, который и по характеру его взглядовъ, и по свойству его ума, можетъ быть названъ послѣднимъ представителемъ чистаго бентамизма. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что измѣненія въ конституціи палаты общинъ, начатыя актомъ 1867 г. и завершенныя актомъ 1884 г., были результатомъ извѣстнаго направленія общественнаго мнѣнія, и въ особенности увѣренности со стороны тори—основательна ли она была или нѣтъ—въ томъ, что конституціонныя измѣненія на практикѣ не вызовутъ никакого революціоннаго послѣдствія, но уменьшатъ вліяніе либерализма.

„Второе обстоятельство заключается въ томъ, что если съ одной точки зрѣнія демократическое движеніе 1866—1884 гг. является болѣе умѣреннымъ, то съ другой точки зрѣнія оно представляется идущимъ гораздо дальше, чѣмъ „чартистское“ движеніе 1838—1848 гг.

„Чартисты требовали всеобщаго избирательнаго права; они домогались участія въ политической власти, какъ одного изъ естественныхъ правъ человѣка. Съ другой стороны, рабочіе, снова принявшіеся за политическую агитацію, требовали не всеобщаго голосованія, а лишь предоставленія права голоса домохозяевамъ (household suffrage); они домогались избирательныхъ правъ не какъ одного изъ правъ человѣка, а какъ средства добиться такого законодательства (напр., измѣненія законовъ о коалиціяхъ), которое соотвѣтствовало бы желаніямъ трэдъ-юніонистовъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія политической, умѣренность новой демократіи находится въ очевидномъ контрастѣ съ революціоннымъ настроеніемъ „чартистовъ". Сравненіе представится въ другомъ видѣ, если оба эти движенія разсматривать съ точки зрѣнія соціальной. Опредѣленно выступающее стремленіе къ соціальнымъ измѣненіямъ со стороны новой демократіи находится въ явномъ контрастѣ съ желаніемъ просто политическихъ измѣненій, выразившемся въ „чартизмѣ". Тотъ же контрастъ станетъ еще болѣе рѣзкимъ, если мы сравнимъ не чартистовъ и позднѣйшихъ демократовъ, а движеніе за реформу 1832 г. съ движеніемъ за реформу 1866—1884 гг. Первый актъ о реформѣ былъ проведенъ средними классами и ради ихъ интересовъ. Онъ былъ дѣломъ людей, которые стремились произвести измѣненія въ конституціи парламента, потому что они желали законодательства въ соотвѣтствіи съ началами индивидуализма [1]). Акты о реформѣ 1867—1884 гг. были проведены во вниманіе къ стремленіямъ и при поддержкѣ рабочихъ классовъ, которые, хотя и въ смутной и неопредѣленной формѣ, желали такихъ законовъ, которые могли бы содѣйствовать осуществленію идеаловъ соціализма или коллективизма. Замѣтьте также, что тогда какъ реформисты 1832 года располагали программою законодательныхъ преобразованій, созданною геніемъ Бентама и долженствовавшею провести въ жизнь его принципы, новая демократія вступила въ обладаніе властью подъ воздѣйствіемъ смутныхъ стремленій и не располагая какимъ-либо опредѣленнымъ планомъ законодательства. Если мы замѣнимъ слово „страсти" словомъ „желанія", то къ англійскимъ рабочимъ 1868 года вполнѣ примѣнимо будетъ то, что сказалъ Токвиль о французскихъ рабочихъ 1848 года: „Я признаю, что рабочіе классы... въ настоящее время спокойны... Ихъ дѣйствительно не волнуютъ собственно политиче-

---

[1]) Здѣсь Дайси дѣлаетъ ссылку на приведенныя выше замѣчанія Сиднея Смита въ связи съ реформою 1832 года.

скія страсти въ той степени, въ какой онѣ волновали ихъ прежде; но не замѣчаете ли вы, что ихъ страсти изъ политическихъ сдѣлались соціальными?" Эти стремленія можно, пользуясь выраженіемъ другого французскаго писателя [1]), назвать „соціализмомъ безъ доктринъ" или желаніемъ соціалистическихъ законовъ безъ сознательнаго воспринятія соціалистической теоріи".

Въ заключеніе этого очерка, Дайси указываетъ, какъ на характерное явленіе, на „радикальную программу", съ которою въ 1885 г. выступили передовые либералы. Въ ней привѣтствовалось окончательное установленіе новой демократіи и предусматривалось крушеніе системы „laissez faire". Демократіи предстоитъ широкое развитіе, и это развитіе, — гласитъ упомянутая программа, — „пойдетъ, вѣроятно, усиленнымъ тэмпомъ въ томъ направленіи, къ которому тяготѣло законодательство прошлой четверти вѣка, а именно, въ направленіи государственнаго вмѣшательства въ пользу слабаго противъ сильнаго, въ интересахъ труда противъ капитала, нужды и страданія противъ роскоши и довольства". Въ 1885 году радикальные лидеры пришли къ убѣжденію, что въ ближайшемъ будущемъ законодательство разовьется въ направленіи коллективизма, и никто не скажетъ, что это убѣжденіе оказалось ошибочнымъ.

V.

Разсмотрѣніе явленій, характеризующихъ періодъ коллективизма, Дайси дѣлитъ на двѣ части. Въ первой—онъ освѣщаетъ принципы коллективизма, поскольку они выдвигаются и иллюстрируются англійскимъ законодательствомъ конца XIX вѣка; во второй—онъ анализируетъ общую тенденцію этого законодательства.

Основнымъ принципомъ, присущимъ всѣмъ сторонникамъ соціализма или коллективизма, въ той или другой формѣ, является вѣра въ благодѣтельное для народныхъ массъ значеніе воздѣйствія или вмѣшательства государства даже въ тѣ области, которыя могутъ быть и часто бываютъ предметомъ безконтрольнаго завѣдыванія заинтересованными лицами. Изъ этого начала вытекаютъ два положенія: во-первыхъ, отрицаніе идеи „laissez faire", какъ принципа разумнаго законодательства для большинства случаевъ или для многихъ случаевъ; во-вторыхъ, увѣренность въ

[1]) Métin, „Le Socialisme sans doctrines".

пользѣ государственнаго руководительства или вмѣшательства, хотя бы оно и сопровождалось значительнымъ ограниченіемъ области личной свободы.

Для того, чтобы уяснить себѣ значеніе изложеннаго принципа въ соотношеніи съ развитіемъ англійскаго законодательства, нужно остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ отдѣльныхъ проявленій этого принципа, которыя получили выраженіе въ самомъ законодательствѣ. Проявленія эти могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ: 1) расширеніе идеи защиты; 2) ограниченіе договорной свободы; 3) предпочтеніе коллективныхъ формъ дѣятельности—дѣятельности индивидуальной; 4) уравненіе удобствъ (equalization of advantages) въ интересахъ людей, не располагающихъ одинаковыми съ другими людьми средствами обезпечить ихъ за собою. Нужно имѣть въ виду, что въ отдѣльныхъ законахъ могутъ получать выраженіе одновременно нѣсколько изъ этихъ тенденцій, которыя такъ тѣсно связаны одна съ другою, что между ними не слѣдуетъ проводить, хотя бы мысленно, рѣзкую демаркаціонную линію.

1) *Расширеніе идеи защиты.* — Самые крайніе индивидуалисты допускаютъ необходимость особеннаго покровительства или помощи со стороны государства въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ, которыя, какъ, напр., дѣти или душевно-больные, будучи неспособными понимать свои интересы, не могутъ сами защитить себя. Съ другой стороны, самые убѣжденные бентамиты не только допускаютъ, но рѣшительно настаиваютъ на томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ люди нуждаются въ государственной защитѣ, напр. въ защитѣ отъ грабежей или въ полученіи возмѣщенія за ущербы, причиненные неисполненіемъ договора или правонарушеніемъ. Но такая государственная помощь является, въ глазахъ послѣдовательныхъ индивидуалистовъ, въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ защитою индивидуальной свободы, и, слѣдовательно, не находится въ противорѣчіи съ индивидуалистическимъ міровоззрѣніемъ. Съ точки зрѣнія людей, склонныхъ къ соціализму, идея защиты можетъ получить гораздо болѣе широкое значеніе.

Во-первыхъ, „защита“ можетъ незамѣтно превратиться въ „руководительство“ и получить примѣненіе къ цѣлымъ категоріямъ такихъ людей, которые, хотя ихъ собственно и нельзя признать „неспособными“ вести свои дѣла, оказываются, по убѣжденію законодателя, не въ состояніи обезпечить свои интересы въ такой мѣрѣ, въ какой это можетъ сдѣлать общество. Рабочій, арендаторъ-фермеръ или совершеннолѣтняя женщина почувство-

вали бы себя оскорбленными, еслибы сказать имъ, что они не могутъ сами вести свои дѣла; и дѣйствительно, каждый изъ нихъ пользуется такою же полною законною правоспособностью (во всякомъ случаѣ въ области частнаго права), какъ и другіе граждане. Однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они считаются какъ бы неправоспособными. Рабочій не можетъ заключить договоръ о выдачѣ ему заработной платы не деньгами, а припасами; онъ не можетъ по договору отказаться отъ преимуществъ, предоставляемыхъ ему актами о вознагражденіи рабочихъ въ случаѣ причиненія имъ увѣчій. Женскій трудъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже дома, регулируется закономъ; женщина не допускается, какъ полагаютъ—въ ея же собственныхъ интересахъ, къ нѣкоторымъ работамъ, за которыя она сама, можетъ быть, и желала бы взяться. Всѣмъ такимъ лицамъ государство даетъ защиту, налагая на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя ограниченія, и въ новѣйшемъ законодательствѣ обнаруживается тенденція къ увеличенію числа такихъ „защищаемыхъ" категорій и цѣлыхъ классовъ.

Во-вторыхъ, защита принимаетъ иногда форму мѣръ охраненія не отдѣльныхъ классовъ, а всѣхъ гражданъ отъ ошибокъ, предотвратить которыя люди часто могли бы и собственными своими усиліями. Таковы мѣры, имѣющія въ виду устранить фальсификацію съѣстныхъ припасовъ или предоставить возможность подвергать ихъ анализу при помощи органа государственной власти (начиная съ акта 1860 г. о фальсификаціи продуктовъ и кончая актомъ 1899 г. о продажѣ съѣстныхъ припасовъ и аптекарскихъ товаровъ). Въ основѣ этихъ мѣръ, предназначенныхъ защищать гражданъ отъ опасностей, избѣжать которыхъ они могли бы и собственными усиліями и осторожностью,—правда, цѣною большихъ хлопотъ,—лежитъ присущая коллективизму идея о томъ, что государство лучше, чѣмъ самъ человѣкъ, можетъ судить объ его интересѣ или, во всякомъ случаѣ, о надлежащемъ способѣ обезпечить таковой.

2) *Ограниченіе договорной свободы.* — Поскольку индивидуализмъ расширяетъ область договорной свободы, постольку коллективизмъ ее съуживаетъ. Основанія этого различія очевидны. Расширеніе возможности договорныхъ сдѣлокъ знаменуетъ собою расширеніе области индивидуальной свободы, и въ зависимости отъ того, вѣритъ ли или не вѣритъ законодатель въ разумность предоставленія каждому человѣку широкой самодѣятельности, область договорной свободы расширяется или съуживается. Въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка выступаетъ опредѣленная тенден-

ція къ ограниченію такой свободы. Въ изданныхъ въ 1870 и 1881 гг. земельныхъ законахъ для Ирландіи, которыми регулируются отношенія между землевладѣльцами и арендаторами, рѣзко проявляется отрицательное отношеніе къ началу свободнаго соглашенія въ сферѣ земельныхъ отношеній. Появленіе такого законодательства раньше, напр. между 1830 и 1860 годами, было бы невозможно, за отсутствіемъ въ парламентѣ, да и въ средѣ избирателей, тѣхъ убѣжденій, которыя нашли выраженіе въ указанныхъ земельныхъ актахъ.

И въ собственно англійскомъ законодательствѣ новѣйшаго времени также выступаетъ эта тенденція съуживать область договорной свободы. Вотъ, напр., какъ Дайси анализируетъ положенія, вытекающія изъ серіи актовъ, которыми арендаторамъ-фермерамъ воспрещается отказываться, по договору, отъ преимуществъ (вознагражденія за произведенныя улучшенія), которыя законодатель обезпечиваетъ за ними.

Въ развитіи этого законодательства можно прослѣдить двѣ стадіи. Въ первой стадіи законъ усвоиваетъ за извѣстнаго рода договорами смыслъ, особенно благопріятный для одной изъ сторонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ сторонамъ устранять этотъ смыслъ посредствомъ особой оговорки въ текстѣ соглашенія. Въ позднѣйшей стадіи законъ запрещаетъ сторонамъ уклоняться, путемъ особыхъ условій договора, отъ того смысла, какой сообщается ему закономъ.

Различіе между этими двумя стадіями ярко выступаетъ въ договорѣ о съемкѣ земли между землевладѣльцемъ и арендаторомъ. По прежнему законодательству съемщикъ земли не имѣлъ права на вознагражденіе за улучшенія, произведенныя имъ за время аренды, если это право не было особо оговорено въ самомъ текстѣ контракта. Такой порядокъ былъ признанъ обременительнымъ для съемщиковъ земли, и парламентъ установилъ, что въ договорѣ и съемкѣ земли само собою предполагается право съемщика на вознагражденіе за произведенныя имъ улучшенія, если въ договорѣ нѣтъ спеціальной оговорки въ противномъ смыслѣ. До сихъ поръ еще нѣтъ вмѣшательства въ область договорной свободы ни землевладѣльца, ни арендатора, такъ какъ сторонамъ предоставляется возможность, путемъ особой оговорки, устранять право съемщика на вознагражденіе. Жизнь, однако, обнаружила, что, подъ дѣйствіемъ этого закона, право съемщика обыкновенно устранялось условіями контракта, и что онъ, такимъ образомъ, не получалъ тѣхъ выгодъ, которыя законодатель имѣлъ въ виду предоставить ему. И вотъ, даль-

нѣйшею мѣрою парламента было совершенно воспрещено при заключеніи контрактовъ устранять право съемщика на вознагражденіе. Здѣсь вторженіе въ область договорной свободы очевидно. Необходимость запрещенія съемщику налагать на себя обязательства въ отступленіе отъ условій, указываемыхъ закономъ, не доказываетъ, конечно, чтобы политика предоставленія ему абсолютнаго права на вознагражденіе была неразумною, но она служитъ очевиднымъ показателемъ того, что землевладѣльцы были склонны покупать, а съемщики были склонны продавать права, предоставленныя имъ по закону, и что актъ, возбраняющій сторонамъ при заключеніи контрактовъ вступать въ желательную для нихъ сдѣлку, съуживаетъ договорную свободу. Переходъ отъ мѣръ факультативныхъ къ мѣрамъ принудительнымъ свидѣтельствуетъ о ростущемъ вліяніи коллективизма.

3) *Коллективныя формы дѣятельности.*—Предпочтеніе коллективныхъ формъ дѣятельности покоится на двухъ главныхъ основаніяхъ.

Первымъ является увѣренность въ томъ, что тамъ, гдѣ интересы трудящихся сталкиваются съ интересами капиталистовъ и особенно когда заключается сдѣлка о размѣрѣ заработной платы, отдѣльный рабочій не можетъ обезпечить за собою выгодныхъ условій сдѣлки: онъ безсиленъ передъ богатымъ фабрикантомъ и еще болѣе передъ большимъ товариществомъ, располагающимъ богатствомъ, которое, сравнительно съ его собственными рессурсами, представляется безпредѣльнымъ. Продажа труда находится не въ одинаковыхъ условіяхъ съ продажею товаровъ. Торговецъ можетъ попридержать свои товары въ ожиданіи повышенія цѣнъ, между тѣмъ какъ рабочій, отказывающійся стать на работу при низкой заработной платѣ, рискуетъ нищетою или голодомъ.

Другимъ основаніемъ является присущее каждому коллективисту сознаніе, что отдѣльный индивидуумъ можетъ не понимать своего интереса и особенно интереса своего класса такъ хорошо, какъ понимаетъ его трэдъ-юніонъ или государство, членомъ котораго онъ является. Эта увѣренность въ томъ, что всякаго рода ассоціаціи представляютъ собою организмы, которые могутъ быть болѣе разумными и болѣе сильными, чѣмъ лица, ихъ составляющія, вліяетъ на общую оцѣнку значенія комбинированной дѣятельности, по сравненію ея съ дѣятельностью индивидуальною, и оказываетъ немалое воздѣйствіе на новѣйшее законодательство.

Иллюстраціями такого предпочтенія коллективныхъ формъ дѣятельности могутъ служить актъ 1875 г. о коалиціяхъ и новѣйшіе акты о посредничествѣ.

Актъ 1875 г. о коалиціяхъ и стоящіе въ связи съ нимъ акты 1871 — 1875 гг. о трэдъ-юніонахъ ставятъ всякаго рода промышленныя коалиціи, въ видѣ ли стачекъ или рабочихъ союзовъ, въ положеніе совершенно иное сравнительно съ тѣмъ, какое принадлежало имъ по законодательству (1825 г.) эпохи бентамизма. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія слѣдующія особенности дѣйствующаго права въ области коалицій, которое можно назвать компромисомъ 1875 года.

a) Коалиція въ видахъ совершенія какого-либо дѣйствія вслѣдствіе промышленнаго конфликта между предпринимателями и рабочими ставится, такъ сказать, въ привилегированное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, законъ устанавливаетъ, что „соглашеніе или коалиція двухъ или болѣе лицъ для совершенія какого-либо дѣйствія въ виду или вслѣдствіе промышленнаго конфликта между предпринимателями и рабочими не можетъ быть предметомъ уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ преступномъ соглашеніи (indictable as a conspiracy) [1]), если такое дѣйствіе, будучи совершено отдѣльнымъ лицомъ, не почитается преступленіемъ". Такимъ образомъ создается различіе между коалиціями промышленными и другими, въ результатѣ чего не считается преступнымъ, если вслѣдствіе промышленнаго конфликта возникаетъ соглашеніе совершить такое дѣйствіе (напр., нарушить договоръ), которое не вмѣняется въ преступленіе при совершеніи его отдѣльнымъ лицомъ, тогда какъ соглашеніе о совершеніи того же дѣйствія (т.-е. нарушенія контракта) въ виду какой-либо иной цѣли можетъ быть признано преступнымъ. Въ итогѣ получается слѣдующее: соглашеніе между рабочими о нарушеніи договора ихъ съ предпринимателемъ, напр. объ оставленіи работъ безъ предувѣдомленія съ цѣлью принудить его повысить заработную плату, не будетъ преступленіемъ, тогда какъ соглашеніе между съемщиками земли объ отказѣ, въ нарушеніе договора, уплатить арендную плату землевладѣльцу, съ цѣлью принудить его уменьшить эту плату, составитъ преступленіе.

b) Своего рода санкція дается тѣмъ пріемамъ „сниманія съ работы", которые обозначаются терминомъ „пикетированія" (picketing), въ связи съ промышленнымъ конфликтомъ, поскольку въ этихъ пріемахъ не проявляется угрозы или насилія.

c) Трэдъ-юніонъ, который по законодательству 1825 года представлялся болѣе или менѣе незаконнымъ обществомъ уже просто въ силу того, что цѣлью его могло быть стѣсненіе про-

---

[1]) Но оно можетъ быть предметомъ гражданскаго иска („actionable").

мышленности, теперь не почитается, какъ таковой, противозаконнымъ. Поэтому трэдъ-юніонъ въ отношеніи къ своимъ фондамъ пользуется защитою, и расхищеніе этихъ фондовъ не можетъ совершаться агентами союза безнаказанно, чему бывали примѣры прежде. Трэдъ-юніоны, хотя и не являются юридическими лицами, пользуются защитою закона. Однако нарушеніе правилъ союза кѣмъ-либо изъ его членовъ не даетъ права иска къ нему какъ за неисполненіе договора.

d) Различнаго рода угрозы со стороны трэдъ-юніоновъ или со стороны рабочихъ во время стачки, съ цѣлью парализовать свободу дѣйствій какъ другихъ рабочихъ, такъ и предпринимателей, признаются преступными, т.-е. воспрещаются подъ страхомъ наказаній. (Напр., всякій, кто, съ цѣлью повліять на другого, будетъ угрожать ему или станетъ преслѣдовать его, или спрячетъ его инструменты, или будетъ подкарауливать либо нарушать его домашній покой, или будетъ гнаться за нимъ по улицамъ, вызывая безпорядокъ, подлежитъ лишенію свободы на три мѣсяца съ принудительными работами).

Законъ 1875 г. представляетъ собою, на первый взглядъ, компромисъ между желаніемъ коллективистовъ содѣйствовать коллективнымъ соглашеніямъ и убѣжденіемъ индивидуалистовъ, что каждому должна быть предоставлена полная свобода вступать въ договоры, поскольку онъ не вторгается въ сферу правъ своихъ ближнихъ. Но въ этомъ компромисѣ проявляется значительная перемѣна въ духѣ англійскаго законодательства: хотя въ немъ и заключаются нѣкоторыя суровыя мѣры защиты индивидуальной свободы, однако, сравнительно съ прежнимъ законодательствомъ, онъ особенно благопріятенъ промышленнымъ коалиціямъ.

Законъ 1875 г. о коалиціяхъ составляетъ прямую противоположность закону 1800 года. Поскольку первый благопріятствуетъ, постольку второй препятствуетъ коалиціямъ какъ среди рабочихъ, такъ и среди предпринимателей. Законъ 1875 г. считаетъ стачку явленіемъ вполнѣ законнымъ и даетъ трэдъ-юніонамъ признанное, хотя и нѣсколько своеобразное положеніе; между тѣмъ, законъ 1800 г., въ сущности, относится къ стачкѣ какъ къ преступленію, а къ трэдъ-юніону—почти какъ къ длящемуся преступному соглашенію.

По духу своему законъ 1875 г. существенно отличается и отъ закона 1825 г. Закономъ 1875 г. предусматриваются и облегчаются коллективныя соглашенія рабочихъ и хозяевъ; между тѣмъ, въ бентамовскомъ законодательствѣ имѣлось въ виду установить въ области труда начало свободной конкурренціи, и про-

мышленныя коалиціи допускались или терпѣлись лишь поскольку онѣ составляли проявленіе и принадлежность такого порядка. Въ законѣ 1875 г. главною задачею является расширеніе права коалиціи въ отношеніи къ сдѣлкамъ между рабочими и хозяевами, и уже на второмъ планѣ стоитъ защита свободы индивидуумовъ въ области продажи или покупки труда; между тѣмъ, въ законѣ 1825 г. прежде всего дается защита договорной свободѣ каждаго лица, будетъ ли то продавецъ или покупщикъ труда, и лишь на второмъ планѣ стоитъ расширеніе права коалиціи, поскольку это признавалось необходимымъ для дѣйствительнаго обезпеченія въ области труда принципа свободной конкурренціи.

Законодательствомъ 1875 г. дается такой широкій просторъ праву ассоціаціи, что у людей компетентныхъ возникало даже сомнѣніе по вопросу о томъ, достаточно ли обезпечивается этимъ законодательствомъ договорная свобода какъ отдѣльнаго рабочаго, такъ и отдѣльнаго предпринимателя. Правда, сомнѣніе это въ значительной степени устраняется рядомъ судебныхъ рѣшеній, послѣдовавшихъ недавно; этими рѣшеніями установлено, во-первыхъ, что хотя коалиціи, имѣющія отношеніе къ промышленному конфликту, не подлежатъ уголовному преслѣдованію, какъ преступныя соглашенія, однако лица, въ нихъ участвующія, подлежатъ гражданской отвѣтственности за убытки, причиненные ими, и во-вторыхъ, что трэдъ-юніоны могутъ быть признаны отвѣтственными за ущербы, причиненные ихъ агентами. Какъ бы то ни было, одно совершенно ясно: авторы компромиса 1875 года и общественное мнѣніе, которымъ этотъ компромисъ санкціонированъ, весьма далеки отъ признанія бентамовскаго идеала примѣненія къ области труда начала свободной конкурренціи.

Очеркъ развитія законодательства о коалиціяхъ Дайси заканчиваетъ указаніемъ, что въ отдѣльныхъ моментахъ этой эволюціи особенно ярко выступаетъ соотношеніе, существующее между развитіемъ законодательства и смѣною теченій общественнаго мнѣнія.

Въ законодательствѣ 1800 года отразилось тревожное настроеніе эпохи стараго торизма.

Законодательство 1824—1825 гг., даже въ своихъ колебаніяхъ, соотвѣтствуетъ бентамовскому идеалу свободной конкурренціи въ области труда и даетъ выраженіе этому идеалу.

Компромисъ 1875 г. отражаетъ комбинированное вліяніе демократіи и коллективизма—вліяніе, встрѣчающее, однако, противовѣсъ или противодѣйствіе въ идеяхъ и стремленіяхъ индивидуалистическаго либерализма.

Въ судебномъ толкованіи этого компромиса, вызванномъ двойственностью законодательныхъ нормъ, выступаетъ убѣжденіе, имѣющее и нынѣ, какъ прежде, огромное значеніе у англичанъ, въ томъ, что индивидуальная свобода должна быть признаваема священною, и что этой свободѣ угрожаетъ большая опасность отъ неограниченнаго права коалиціи. Если мы спросимъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ усилилось, послѣ 1875 года, сознаніе этой опасности, то всѣ онѣ могутъ быть выражены однимъ словомъ: „бойкотъ". Терминъ этотъ, получившій признаніе повсемѣстно, появился впервые осенью 1800 года; широкое распространеніе получилъ онъ потому, что онъ былъ лишь новымъ обозначеніемъ старой болѣзни, возродившейся въ новой формѣ. Сознана была грозная опасность того, что право коалицій, будучи ничѣмъ не ограничено, можетъ нанести смертельный ударъ свободѣ.

Иногда говорятъ, что современное законодательство по этому предмету отличается неясностью; но этой неясности, поскольку она дѣйствительно существуетъ, соотвѣтствуетъ неясность въ направленіи самого общественнаго мнѣнія, — говоритъ Дайси — „Всѣ мы въ Англіи до сихъ поръ воображаемъ, что мы вѣримъ въ благодѣтельность свободы, и однако, по выраженію, ставшему ходячимъ, — теперь всѣ мы соціалисты". Неясность эта гораздо глубже, чѣмъ простое несоотвѣтствіе между взглядами различныхъ классовъ. Пусть каждый постарается отдать себѣ отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и окажется, что внутри происходитъ борьба самыхъ несовмѣстимыхъ одна съ другою соціальныхъ теорій. Знаменитый судья лордъ Брамвелль, убѣжденнѣйшій индивидуалистъ, являлся въ концѣ своей жизни поразительнымъ и интереснымъ олицетвореніемъ взглядовъ минувшей эпохи; однако, лордъ Брамвелль писалъ однажды своему другу: „я немного соціалистъ".

Законодательство о коалиціяхъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать его развитіе въ различные періоды, служитъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ положенія о томъ, что въ современной Англіи законъ есть отраженіе общественнаго мнѣнія.

Что касается законодательства о посредничествѣ, то развитіе его началось съ акта 1867 г. и — пока — завершается актомъ 1896 г. о примирительномъ производствѣ. Между первыми мѣрами этого рода и позднѣйшими замѣчается существенное различіе. Болѣе ранними актами о посредничествѣ имѣлось въ виду установить суммарные и практическіе способы для разрѣшенія опредѣленныхъ столкновеній между хозяевами и ихъ рабочими, по образцу

того порядка, какой существуетъ для разрѣшенія торговыхъ споровъ общими судами. Новѣйшіе акты о примирительномъ производствѣ преслѣдуютъ новую задачу, и въ основѣ ихъ лежатъ новыя идеи. Задача ихъ состоитъ не только въ разрѣшеніи опредѣленныхъ столкновеній, возникшихъ между предпринимателями и ихъ рабочими, но также въ предупрежденіи такихъ столкновеній въ будущемъ, причемъ они стремятся достигнуть этой цѣли путемъ нравственнаго воздѣйствія государства, проявляющагося въ дѣятельности правительственныхъ органовъ. Въ идеяхъ, лежащихъ въ основѣ этихъ мѣръ, проявляется тенденція въ сторону коллективизма. Правда, по дѣйствующему законодательству, государственное вмѣшательство въ конфликты, возникающіе въ области труда, поставлено въ извѣстные предѣлы: оно можетъ принять форму либо простого изслѣдованія даннаго столкновенія, либо третейскаго разбирательства по просьбѣ *обѣихъ* сторонъ. Но одной возможности такого вмѣшательства уже достаточно для того, чтобы общественное мнѣніе—оно никогда не отличается безпристрастіемъ—сказалось во всей своей силѣ въ вопросѣ объ отношеніяхъ, существующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ между хозяиномъ и его рабочими; къ тому же сфера воздѣйствія государства можетъ съ каждымъ днемъ расшириться. Настоящее время есть переходная стадія въ развитіи посредической роли государства. Попытки въ этомъ отношеніи, если онѣ не будутъ оставлены вовсе, должны дойти до своего логическаго конца и привести къ установленію принудительнаго посредничества, которое является лишь болѣе скромнымъ терминомъ для обозначенія регулированія труда государствомъ, по всей вѣроятности при помощи судовъ [1]).

[1]) Обязательное посредничество должно осуществляться либо судами, либо органами исполнительной власти. Дайси выражаетъ, однако, сомнѣніе въ томъ, что и тѣ, и другіе окажутся подходящими для этой задачи. „Съ одной стороны,—говоритъ онъ,—судьи по самому существу недостаточно компетентны для дѣйствительнаго посредничества по вопросамъ, по которымъ у нихъ не можетъ быть спеціальныхъ знаній; къ тому же суды не располагаютъ надлежащими способами обезпечить исполненіе своихъ посредническихъ рѣшеній по отношенію къ участникамъ конфликта. Можно предвидѣть также, что возложеніе на судей работы не-судебной можетъ подорвать репутацію полнаго безпристрастія, которымъ особенно славятся судьи въ Англіи. Съ другой стороны, исполнительная власть представляется органомъ болѣе подходящимъ, чѣмъ суды, для исполненія рѣшеній, но парламентскій кабинетъ не обладаетъ и не можетъ обладать тѣмъ безпристрастіемъ, которое является для посредника первымъ условіемъ выполненія имъ своихъ обязанностей. Министерство, призванное постановить рѣшеніе по столкновенію между предпринимателемъ и его рабочими, въ рѣшеніи своемъ неизбѣжно будетъ считаться съ тѣмъ вліяніемъ, какое это рѣшеніе можетъ имѣть на ближайшихъ общихъ выборахъ“.

4) *Уравненіе удобствъ* (Equalization of advantages). — Въ тѣсной связи со стремленіемъ коллективистовъ расширить область покровительства находится идея предоставленія одинаковыхъ жизненныхъ удобствъ. Въ каждомъ обществѣ большинство членовъ не могутъ обезпечить себѣ тѣ удобства, которыя выпадаютъ на долю ихъ болѣе богатыхъ и болѣе счастливыхъ ближнихъ. Государство, — полагаютъ коллективисты, — должно защищать трудящіеся классы отъ такого послѣдствія бѣдности и, въ цѣляхъ этой защиты, оно должно принять мѣры къ обезпеченію за каждымъ гражданиномъ по возможности такихъ же удобствъ, въ видѣ образованія или физическаго благосостоянія, какія люди состоятельные получаютъ на собственныя свои средства. Во второй половинѣ XIX вѣка въ Англіи было издано немало законовъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ такому уравненію удобствъ въ отношеніи ко всѣмъ классамъ, что на дѣлѣ сводится къ предоставленію трудящимся различныхъ преимуществъ за счетъ всѣхъ налогоплательщиковъ.

Дайси отмѣчаетъ эту тенденцію въ развитіи законодательства о начальномъ народномъ образованіи, объ отвѣтственности предпринимателя за увѣчья, полученныя рабочими во время работы, и въ муниципализаціи промышленныхъ предпріятій.

До 1832 года государство не принимало никакого участія въ дѣлѣ народнаго образованія, при чемъ и на родителей не возлагалось юридической обязанности давать своимъ дѣтямъ образованіе. Впервые въ 1833 г. изъ государственныхъ средствъ было назначено 20.000 фунт. стерл. въ годъ на выдачу пособій двумъ большимъ обществамъ, занимавшимся распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ. Выдачею пособій, правда все болѣе и болѣе значительныхъ, и ограничивалось въ теченіе долгаго времени участіе государства въ дѣлѣ народнаго образованія. Болѣе широкое участіе государства не мирилось бы съ господствовавшими индивидуалистическими теченіями эпохи. Дайси обращаетъ вниманіе на то, что Джонъ Милль еще въ 1859 г., въ своемъ трактатѣ о свободѣ, высказывался отрицательно по вопросу о прямомъ участіи государства въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ и считалъ, что государство должно лишь обязывать родителей обезпечить своимъ дѣтямъ элементарное образованіе.

Въ 1870 году впервые народное образованіе сдѣлалось предметомъ государственнаго управленія, и государство возложило на родителей обязанность предоставлять своимъ дѣтямъ начальное образованіе, и притомъ на средства самихъ родителей, такъ какъ

они были обязаны уплачивать за школьное обученіе дѣтей. Въ 1876 г. приняты были мѣры къ болѣе дѣйствительному обезпеченію выполненія родителями ихъ обязанности, а въ 1880 г. впервые сдѣлано было всеобщимъ обязательное посѣщеніе дѣтьми школъ. Въ 1891 г. родители дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы, были освобождены отъ обязанности вносить школьную плату, и начальное обученіе сдѣлалось безплатнымъ.

Эта послѣдняя реформа вполнѣ гармонируетъ съ идеями коллективизма. Она создаетъ, съ одной стороны, такой порядокъ, при которомъ А, воспитывающій своихъ дѣтей на свой счетъ или вовсе не имѣющій учащихся дѣтей, обязанъ платить за обученіе дѣтей у В, который, хотя и имѣетъ средства для уплаты за ихъ ученіе, но предпочитаетъ, чтобы платили другіе. Съ другой стороны, она приводитъ къ тому, чтобы дѣтей богатыхъ и бѣдныхъ поставить, въ отношеніи къ начальному обученію, въ одинаковое положеніе. Тогда какъ въ началѣ XIX вѣка въ области народнаго образованія всецѣло господствовали принципы индивидуалистическіе, въ настоящее время въ государственной системѣ школьнаго дѣла выступаютъ начала коллективизма.

Въ духѣ коллективизма совершается и развитіе законодательства объ отвѣтственности предпринимателей. Около 1800 года судами былъ установленъ принципъ, по которому предприниматель отвѣтственъ передъ третьимъ лицомъ за ущербъ, причиненный ему вслѣдствіе небрежности служащихъ или рабочихъ во время ихъ работъ. Въ періодъ между 1830 и 1840 гг., въ отношеніи къ предѣламъ отвѣтственности предпринимателя, судами было установлено ненормальное ограниченіе. По ихъ толкованію, предприниматель не обязанъ уплачивать вознагражденіе кому-либо изъ своихъ служащихъ или рабочихъ за ущербъ, причиненный ему по небрежности его сотоварища во время ихъ общей работы. Это положеніе извѣстно подъ названіемъ „доктрины совмѣстной работы". Оно относится къ эпохѣ индивидуализма и опиралось на экономическую теорію, сомнительнаго, правда, достоинства, въ силу которой, при вступленіи рабочаго въ какое-либо предпріятіе, рискъ, естественно связанный съ его работою, принимается въ соображеніе при опредѣленіи заработной платы. Въ связи съ этимъ указывалось, что рабочій самъ можетъ быть отчасти отвѣтственъ за несчастный случай, отъ котораго онъ страдаетъ, хотя онъ и не является непосредственнымъ виновникомъ его: такъ, если рабочіе порохового склада имѣютъ обыкновеніе, въ нарушеніе правилъ, курить тамъ, и если А, одинъ изъ нихъ, самъ дѣлаетъ или допускаетъ это, то онъ можетъ ока-

заться отвѣтственнымъ за взрывъ, жертвою котораго онъ будетъ, хотя бы взрывъ послѣдовалъ и не отъ его трубки. Какъ бы то ни было, доктрина совмѣстной работы приводила къ тягостнымъ послѣдствіямъ. Если желѣзнодорожное несчастіе случилось по винѣ машиниста, то каждый пострадавшій пассажиръ могъ получить вознагражденіе отъ желѣзнодорожной компаніи, но кондукторъ не могъ получить никакого вознагражденія, такъ какъ онъ пострадалъ вслѣдствіе небрежности своего товарища по общей работѣ. Такой порядокъ, имѣвшій примѣненіе и въ Массачузетсѣ въ такой же степени, какъ въ Англіи, нельзя было бы объяснить антидемократическими чувствами, но онъ вызывалъ частые протесты со стороны рабочихъ. Однако предоставленіе послѣднимъ политическихъ правъ (въ 1867 г.) не тотчасъ привело къ отказу отъ доктрины совмѣстной работы. Актомъ 1880 г. объ отвѣтственности предпринимателей ограничено было примѣненіе правила, отъ котораго страдали трудящіеся, но оно не было отмѣнено. Въ 1894 г. палата общинъ приняла билль, всецѣло упразднявшій доктрину совмѣстной работы, но билль этотъ былъ оставленъ его авторами послѣ того, какъ палата лордовъ внесла въ него ограничительную поправку. Только въ 1897 году законодательство по этому предмету вступило на новый путь. Изданный въ этомъ году актъ о вознагражденіи рабочихъ ввелъ въ законодательство новое начало, по которому предприниматель обязанъ, за нѣкоторыми ограниченіями, страховать своихъ рабочихъ отъ риска, сопряженнаго съ работою. Въ то же время право рабочаго отчуждать свое право на вознагражденіе было фактически устранено, такъ какъ соглашеніе объ отказѣ отъ вознагражденія, обезпечиваемаго закономъ за рабочимъ, можетъ быть признано дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда соглашеніемъ между предпринимателемъ и его рабочими за послѣдними обезпечиваются выгоды не меньшія сравнительно съ тѣми, которыя предоставляются актами о вознагражденіи, при чемъ такія соглашенія должны быть санкціонированы должностнымъ лицомъ.

„Это законодательство отражаетъ, — говоритъ Дайси, — всѣ характерныя черты коллективизма. Рабочіе защищаются отъ риска труда не своими собственными усиліями или предусмотрительностью и не въ силу договоровъ съ предпринимателями, а системою страхованія, которую законъ дѣлаетъ обязательною для предпринимателей. Начало договорнаго соглашенія какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны предпринимателей устраняется. Предпочтеніе дается коллективному соглашенію. Зако-

номъ, наконецъ, обезпечивается за однимъ классомъ общества та выгода, въ отношеніи къ страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, которую другіе классы могутъ получить лишь своими собственными средствами, и хотя договоръ о наймѣ на работу и теперь еще заключается непосредственно между хозяевами и рабочими, однако позади стоитъ государство, которымъ опредѣляется одно изъ важнѣйшихъ условій рабочаго договора".

Характернымъ, съ точки зрѣнія успѣховъ коллективизма, представляется то широкое развитіе, какое получили въ муниципалитетахъ различныя промышленныя предпріятія. Въ началѣ XIX вѣка городскія управленія не брались за предпріятія, которыя съ успѣхомъ велись частными лицами или компаніями. До реформы 1835 г. они и по самому устройству своему были мало пригодны для этой цѣли; не гармонировала она и съ индивидуалистическими теченіями времени. Постепенный поворотъ въ общественномъ мнѣніи по этому предмету обнаруживается съ половины XIX вѣка, когда все болѣе и болѣе въ руки муниципалитетовъ стали переходить различныя предпріятія по водоснабженію, устройству рынковъ, газовому освѣщенію и т. п. На первыхъ порахъ муниципалитеты сосредоточивали въ своихъ рукахъ предпріятія, стоявшія въ близкой связи съ задачами городского управленія. Область ихъ, однако, быстро расширялась и захватывала все новыя отрасли, и въ настоящее время замѣчается настоящая дѣятельная конкурренція между муниципалитетами, оперирующими на средства, взимаемыя въ качествѣ налоговъ, и частными предпринимателями, располагающими лишь своими рессурсами. Къ тому же, — говоритъ Дайси, — „цѣлью муниципальныхъ предпріятій является использованіе средствъ, собираемыхъ съ налогоплательщиковъ, такимъ образомъ, чтобы можно было предоставить всѣмъ обитателямъ данной мѣстности такія удобства, напримѣръ, дешеваго передвиженія, какія они не могли бы получить сами. Здѣсь мы видимъ, въ самой наглядной формѣ, стремленіе къ уравненію удобствъ".

Переходя къ анализу тѣхъ общихъ тенденцій, которыя выступаютъ въ новѣйшемъ законодательствѣ Англіи, Дайси приводитъ изъ книги Джона Морлея: „Жизнь Кобдена", небольшое извлеченіе, которое онъ называетъ классическимъ по глубинѣ и яркости данной въ немъ характеристики основныхъ теченій этого законодательства.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—писалъ Морлей въ 1881 году,—

что Кобденъ былъ совершенно правъ, называя тенденціи этого законодательства (фабричнаго) соціалистическими. Это въ высшей степени яркое проявленіе государственной власти, которая устанавливаетъ, въ интересахъ рабочаго, опредѣленныя ограниченія въ области распоряженія капиталомъ. Актъ 1844 г. являлся лишь начальнымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Въ 1847 г. билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ сдѣлался закономъ. Кобденъ въ то время былъ заграницею и не принималъ участія въ послѣднихъ стадіяхъ проведенія билля. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ тридцати лѣтъ указанный принципъ примѣнялся все болѣе и болѣе съ изумительнымъ постоянствомъ. Въ настоящее время мы имѣемъ полный, подробный и обширный кодексъ для защиты труда; зданія должны быть содержимы въ чистотѣ; опасныя машины должны быть обнесены перилами; дѣти и подростки не должны чистить машины, когда онѣ находятся въ движеніи; рабочее время дѣтей и подростковъ не только ограничено, но опредѣлено въ точности; непрерывная работа не должна превышать извѣстнаго числа часовъ, смотря по роду производства, при чемъ въ законѣ даются точныя указанія по отдѣльнымъ случаямъ; закономъ устанавливается число праздничныхъ дней; дѣти должны посѣщать школу, и предприниматель обязанъ имѣть за каждую недѣлю удостовѣреніе по этому предмету; если произойдетъ несчастный случай, подлежащимъ органамъ должно быть послано извѣщеніе; особыя предписанія установлены для хлѣбопекаренъ, для производства кружевъ, для каменноугольныхъ копей и для цѣлой серіи другихъ спеціальностей; для того, чтобы обезпечить надлежащее выполненіе и тщательный надзоръ по этой массѣ подробныхъ предписаній, имѣется огромный штатъ инспекторовъ, врачей и другихъ властей, задача которыхъ состоитъ въ непрестанномъ надзорѣ за всякаго рода трудомъ, начиная съ женщины, которая плететъ солому, сидя у входа въ свою хижину, и вплоть до углекопа, спускающагося въ подземелье, или моряка, развозящаго по самымъ отдаленнымъ частямъ свѣта плоды и издѣлія міровой промышленности. Но все это одна изъ обширныхъ отраслей того, чего обыкновенно требуютъ наиболѣе настойчивые изъ соціалистовъ; и если къ этому сложному фабричному законодательству мы прибавимъ нашу систему общественнаго призрѣнія, то мы въ результатѣ придемъ къ довольно неожиданному заключенію, а именно — что въ странѣ, въ которой о соціализмѣ толковали меньше, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ, принципы его получили наиболѣе широкое примѣненіе".

Морлей имѣлъ въ виду только фабричное законодательство, но сказанное имъ примѣнимо и ко многимъ другимъ отраслямъ, при чемъ вѣрность его замѣчаній получала съ каждымъ годомъ все новыя подтвержденія.

Рабочее законодательство 1878 года значительно расширено дѣйствующимъ теперь кодексомъ, изданнымъ въ 1901 г. подъ названіемъ „Factory and Workshop Act". Сфера рабочаго законодательства расширилась далеко за предѣлы обычнаго понятія фабрикъ и мастерскихъ, и, повидимому, недалеко время, когда вмѣшательство государства коснется всѣхъ видовъ труда. Съ другой стороны, законодательство о народномъ здравіи, начавшееся въ 1848 г. со скромной попытки устранить нѣкоторыя вредныя для здоровья условія, развилось въ санитарный кодексъ 1875 г., который заключаетъ въ себѣ въ высшей степени сложныя и мелочныя предписанія. Акты о жилищахъ для рабочихъ классовъ мало-по-малу также развились въ сложное законодательство, предоставляющее мѣстнымъ органамъ закрывать нездоровыя жилища и даже сносить ихъ, въ случаѣ признанія ихъ непригодными для жилья, при чемъ органы мѣстнаго управленія уполномочиваются возводить постройки для обезпеченія рабочихъ жилищами и, въ этихъ видахъ, пріобрѣтать землю съ правомъ, въ случаѣ надобности, обращаться къ принудительному отчужденію ея. Въ послѣднее время обезпечена также возможность предоставлять мелкіе участки (allotments) сельскимъ рабочимъ, которые не могутъ сами купить или арендовать землю по рыночной цѣнѣ или которые живутъ тамъ, гдѣ землевладѣлецъ не желаетъ вовсе ни продавать, ни отдавать въ наемъ участки земли. Мѣстные органы, въ силу Allotments Acts, уполномочены пріобрѣтать землю, въ случаѣ необходимости на началахъ принудительнаго отчужденія, и затѣмъ сдавать ее участками сельскимъ рабочимъ.

Въ извѣстномъ соотношеніи съ развитіемъ коллективизма находятся нѣкоторыя явленія въ области общественнаго призрѣнія, системѣ котораго издавна былъ присущъ соціалистическій элементъ. Усиленіе этого элемента ясно выступаетъ изъ сравненія между идеями, которыми характеризуется реформа 1834 г. въ области призрѣнія бѣдныхъ, и тѣми идеями, которыя въ настоящее время отчасти уже вызвали законодательныя измѣненія, а отчасти получаютъ выраженіе въ способахъ завѣдыванія призрѣніемъ.

Въ глазахъ людей, проводившихъ реформу 1834 года, система обязательнаго призрѣнія является большимъ, хотя въ

данное время и неизбѣжнымъ зломъ. Примѣненіе ея они стремились поставить въ возможно болѣе узкіе предѣлы. Они разсчитывали въ недалекомъ будущемъ положить конецъ системѣ оказанія пособій на-дому. Многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, питали даже надежду на то, что въ концѣ концовъ можно будетъ совершенно упразднить систему обязательнаго призрѣнія. Въ интересахъ ограниченнаго примѣненія ея они придавали особенное значеніе двумъ обстоятельствамъ. Одно изъ нихъ заключается въ строгомъ ограниченіи помощи случаями дѣйствительной нищеты: задачею помощи должно быть спасеніе отъ голода, но не предоставленіе комфорта. Во-вторыхъ, съ пауперизмомъ—это явленіе совершенно отличное отъ обыкновенной бѣдности—должно связываться извѣстное безчестіе: получающій призрѣніе утрачиваетъ избирательныя права.

Съ теченіемъ времени произошла перемѣна во взглядахъ, и самое желаніе ограничить оказаніе помощи на-дому исчезло въ широкихъ кругахъ населенія. Мысль о возможности упраздненія системы обязательнаго призрѣнія уже не входитъ въ сферу задачъ практической политики. Немало, съ другой стороны, сдѣлано для уменьшенія тѣхъ неудобствъ, которыя связываются съ пауперизмомъ. Актомъ 1894 г. попечительнымъ совѣтамъ предоставлено было, при разрѣшеніи ходатайствъ о пособіяхъ на-дому, не принимать въ соображеніе того, что проситель, въ качествѣ члена общества взаимопомощи, „дружескаго общества“ (friendly society), получаетъ изъ кассы общества пособіе не свыше пяти шиллинговъ въ недѣлю. Новымъ актомъ 1904 г. по тому же предмету *право* попечительныхъ совѣтовъ въ этомъ отношеніи было превращено въ ихъ *обязанность*. Съ другой стороны, по закону 1885 г. полученіе пособія на дому въ формѣ врачебной помощи не лишаетъ получающаго ее права осуществлять избирательныя функціи. Въ будущемъ можно ожидать дальнѣйшаго движенія въ томъ же направленіи: теперешній премьеръ, сэръ Кэмпбель-Баннерманъ заявилъ въ 1904 г., въ качествѣ лидера оппозиціи, что онъ—„въ пользу отмѣны избирательныхъ ограниченій для получающихъ временное призрѣніе“.

Съ точки зрѣнія законодательныхъ теченій немалый интересъ представляютъ и проекты, еще не обратившіеся въ законы, такъ какъ въ нихъ обнаруживаются желанія и стремленія избирателей. Дайси останавливается на нѣкоторыхъ изъ нихъ, проникнутыхъ уже отмѣченнымъ стремленіемъ къ „уравненію удобствъ“. Таковъ проектъ установленія пенсій для престарѣлыхъ, достигшихъ шестидесяти-пяти-лѣтняго возраста, на средства, получаемыя отъ

налогоплательщиковъ. Таково же предположеніе предоставить попечителямъ о бѣдныхъ право устраивать „для достойныхъ нуждающихся престарѣлыхъ“ особые коттеджи, обитатели которыхъ „съ надлежащею заботливостью обезпечивались бы пищею и другими удобствами“. Другими словами, говоритъ Дайси, это значитъ, „что они будутъ пользоваться по меньшей мѣрѣ такимъ же, а можетъ быть и большимъ комфортомъ, чѣмъ тотъ, который составляетъ удѣлъ энергичнаго труженика, обезпечившаго себѣ, на склонѣ жизни, своимъ заработкомъ и сбереженіями скромную независимость. Всѣ такіе планы, каковы бы ни были ихъ преимущества, имѣютъ нѣкоторыя общія черты. Всѣ они имѣютъ въ виду освободить полученіе общественнаго призрѣнія отъ того униженія и нѣкотораго ограниченія въ правахъ, которыя до сихъ поръ связывались съ пауперизмомъ; они подрываютъ идею о томъ, что въ принципѣ каждый гражданинъ обязанъ самъ заботиться о своихъ нуждахъ не только въ молодости, но и въ старости; и что если преклонный возрастъ, съ которымъ сопряжена утрата работоспособности, можетъ быть названъ болѣзнью, то все-таки это болѣзнь настолько неизбѣжная, что она должна вызывать особенную обязанность обезпечить себя въ виду ея“.

Въ нѣкоторыхъ билляхъ 1904 г. выступаетъ также другая характерная особенность коллективизма, а именно благопріятное отношеніе, которое лица, усвоившія соціалистическіе идеалы, проявляютъ къ коллективной дѣятельности сравнительно съ индивидуальной. Трэдъ-юніонисты добиваются полнаго переворота въ области права коалицій. Они требуютъ, въ отношеніи къ промышленнымъ конфликтамъ, фактической отмѣны законовъ о преступныхъ соглашеніяхъ, узаконенія такъ называемаго мирнаго „пикетированія“ и—что является совершенною аномаліею—освобожденія трэдъ-юніоновъ и ихъ членовъ отъ гражданской отвѣтственности за ущербы, причиненные кому-либо дѣйствіями членовъ рабочаго союза. „Всѣ эти измѣненія приводятъ къ тому заключенію,—говоритъ Дайси,—что англійскіе рабочіе ощущаютъ живѣйшую потребность въ томъ, чтобы оказывать сильнѣйшее „нравственное воздѣйствіе“—воздѣйствіе, по отношенію къ которому едвали, однако, даже при распространительномъ толкованіи было бы справедливо примѣнять терминъ „нравственное“—съ цѣлью парализовать эгоизмъ рабочаго или предпринимателя, дѣйствующаго вразрѣзъ съ интересами группы трудящихся. Но эти же предполагаемыя измѣненія свидѣтельствуютъ о томъ, что англійскіе рабочіе слѣпы къ опасностямъ, сопряженнымъ съ та-

кимъ расширеніемъ права ассоціаціи, которое можетъ привести къ серьезному сокращенію области индивидуальной свободы. Эта склонность обезцѣнивать значеніе личной свободы и переоцѣнивать значеніе классовыхъ интересовъ иллюстрируется до извѣстной степени биллемъ объ иммиграціи иностранцевъ (биллемъ, который въ 1905 г. сталъ закономъ). Мѣра эта имѣетъ въ виду ограничить водвореніе въ Англіи неимущихъ иностранцевъ и вообще нежелательныхъ иммигрантовъ, присутствіе которыхъ можетъ увеличить англійскую бѣдноту. Она была предложена парламенту правительствомъ, причемъ есть основаніе думать, что ей сочувствуютъ рабочіе классы. Нельзя отрицать, что въ пользу билля объ иностранцахъ могутъ быть приведены доводы, заслуживающіе вниманія; но всякій безпристрастный наблюдатель не можетъ не замѣтить, что билль этотъ находится въ соотвѣтствіи съ стремленіемъ ограничить всякаго рода конкурренцію, идущую вразрѣзъ съ непосредственными интересами англійскихъ рабочихъ [1]). Какъ бы то ни было, въ этомъ биллѣ обнаруживается рѣшительная реакція противъ традиціонной въ Англіи политики благопріятнаго отношенія къ иммиграціи иностранцевъ, причемъ въ нѣкоторыхъ постановленіихъ его выступаетъ индифферентное отношеніе къ тому уваженію, которымъ въ Англіи всегда пользовалась личная свобода, хотя бы и иностранца, и которое можно назвать естественнымъ индивидуализмомъ общаго права".

Въ неменьшей степени, чѣмъ въ Англіи, коллективистическими тенденціями проникнуто и новѣйшее задонодательство нѣкоторыхъ самоуправляющихся колоній Англіи. Обязательное посредничество во всѣхъ конфликтахъ между предпринимателями и рабочими, или, иначе говоря, регулированіе государствомъ отношеній между этими двумя классами; широкое развитіе фабричнаго законодательства, предусматривающаго, между прочимъ, регулированіе закономъ продолжительности рабочаго дня во всѣхъ видахъ труда, въ томъ числѣ и домашней прислуги; предоставленіе государствомъ работы безработнымъ; опредѣленіе закономъ справедливой заработной платы; суровое примѣненіе за-

---

[1]) Основательность этого замѣчанія Дайси находитъ себѣ яркое подтвержденіе въ томъ дополненіи къ акту объ иммиграціи иностранцевъ, которое внесено было въ новую палату общинъ, въ 1906 году, по иниціативѣ рабочихъ членовъ парламента. Этимъ дополнительнымъ биллемъ воспрещается доступъ въ Англію иностранцамъ-рабочимъ, нанятымъ предпринимателемъ во время конфликта между нимъ и рабочими. Билль этотъ принятъ палатою общинъ, но не могъ обратиться въ законъ, такъ какъ палата лордовъ отвергла его, вызвавъ этимъ рѣзкое неудовольствіе въ средѣ рабочихъ классовъ.

конодательства о крѣпкихъ напиткахъ съ возможною задачею сдѣлать трезвость обязательною; недопущеніе всѣхъ тѣхъ иммигрантовъ, хотя бы они и были англійскими подданными, присутствіе которыхъ нежелательно рабочимъ;—всѣ эти и имъ подобныя мѣры находятъ полное сочувствіе въ средѣ гражданъ Австраліи и Новой Зеландіи.

„Сходство между законодательствомъ, которое дѣйствительно нашло себѣ мѣсто въ этихъ колоніяхъ,—говоритъ Дайси,—и тѣми законами, которые уже проведены или намѣчены въ Англіи, заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ оно проливаетъ яркій свѣтъ на естественныя тенденціи того скрытаго соціализма или коллективизма, еще не вылившагося въ опредѣленныя соціалистическія формулы, который въ теченіе послѣднихъ тридцати слишкомъ лѣтъ выступалъ, со все возрастающею силою, въ развитіи англійскаго законодательства“.

VI.

Въ предшествующемъ изложеніи я старался исчерпать главное содержаніе интересной книги Дайси, чтобы дать читателямъ возможно болѣе ясное представленіе о важнѣйшихъ фазисахъ развитія англійскаго законодательства XIX вѣка въ соотношеніи съ послѣдовательною смѣною теченій общественнаго мнѣнія. Въ этомъ развитіи наиболѣе ярко выступаетъ постепенный переходъ отъ индивидуализма къ коллективизму. Переходъ этотъ, какъ мы видѣли, представляетъ собою явленіе не случайное и не мимолетное, будучи вызванъ дѣйствіемъ цѣлой совокупности причинъ, вліяніемъ цѣлаго ряда измѣнившихся условій соціальной жизни. Въ области законодательства эта смѣна теченій общественной мысли сказалась весьма рѣзко, и причину этого Дайси вполнѣ основательно усматриваетъ въ коренномъ различіи, которое существуетъ у индивидуалистовъ и коллективистовъ въ опредѣленіи отношенія между человѣкомъ и государствомъ.

„Либералы-бентамиты, — говоритъ Дайси, — смотрятъ на людей, главнымъ образомъ и черезчуръ исключительно, какъ на отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ каждый долженъ собственными своими усиліями устраивать свое счастье и благосостояніе; при этомъ они считали, что преуспѣяніе общества, напр. англійской націи, означаетъ не что иное, какъ преуспѣяніе или благополучіе всѣхъ или большинства его членовъ. Они полагали также, и конечно не безъ основанія, что, при правильномъ по-

пиманіи человѣкомъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, истинное благополучіе каждаго гражданина будетъ и истиннымъ благополучіемъ государства. Поэтому либералы, въ эпоху преобладающаго вліянія ихъ, содѣйствовали развитію такого законодательства, которое увеличивало бы свободу, энергію и независимость каждаго гражданина, которое развивало бы въ немъ пониманіе своихъ дѣйствительныхъ интересовъ и которое укрѣпляло бы въ немъ чувство собственной индивидуальной отвѣтственности за результаты своего личнаго поведенія, какъ въ отношеніи къ себѣ самому, такъ и въ отношеніи къ своимъ ближнимъ.

„Коллективисты, съ другой стороны, смотрятъ на людей, главнымъ образомъ и черезчуръ исключительно, не столько какъ на отдѣльныхъ индивидовъ, сколько какъ на существа, которыя по самой природѣ своей являются гражданами и частями большого организма — государства, членами котораго они состоятъ. Реформисты, вниманіе которыхъ такимъ образомъ всецѣло поглощалось соціальною стороною человѣческой природы, были убѣждены или, скорѣе, чувствовали, что счастье каждаго гражданина зависитъ отъ благополучія націи, и считали, что въ обезпеченіи благополучія націи лежитъ единственный путь къ обезпеченію счастья каждаго индивидуальнаго гражданина. Поэтому коллективисты содѣйствовали развитію такого законодательства, которое усиливало бы соціальныя и симпатическія чувства каждаго человѣка и укрѣпляло бы въ немъ сознаніе отвѣтственности общества или государства передъ благополучіемъ или счастьемъ каждаго индивидуальнаго гражданина“...

При всемъ различіи между индивидуалистическимъ либерализмомъ эпохи бентамизма и демократическимъ соціализмомъ послѣдняго времени, оба эти теченія имѣютъ, однако, нѣкоторыя общія черты. „Отъ бентамизма,—говоритъ Дайси,—современные соціалисты (прибавимъ—англійскіе) унаслѣдовали законодательную догму, законодательное орудіе и законодательную тенденцію“.

Это положеніе Дайси разъясняетъ въ рядѣ весьма тонкихъ замѣчаній, представляющихъ выдающійся интересъ для установленія надлежащей точки зрѣнія на соотношеніе между смѣнившими одно другое теченіями общественной мысли.

Основной догматъ бентамизма—знаменитый принципъ полезности. Когда въ 1776 году вышло въ свѣтъ сочиненіе Бентама: „Fragment on Government“, генеральный атторней Веддербернъ, провидѣвъ въ замыслахъ утилитаризма революціонную тенденцію, высказалъ убѣжденіе въ томъ, что „принципъ полезности—принципъ опасный“. Такая квалификація основного на-

чала утилитаризма вызвала со стороны Бентама ироническое указаніе на то, что Веддербернъ въ значительной степени правъ, и что людямъ, которые извлекаютъ многія выгоды изъ олигархическаго порядка управленія, не можетъ не казаться опаснымъ принципъ, по которому единственно *справедливою* и закономѣрною цѣлью управленія является наибольшее счастье наибольшаго числа людей.

Въ настоящее время, когда принципъ наибольшаго благополучія сталъ труизмомъ, усвоеннымъ консерваторами въ неменьшей степени, чѣмъ демократами, опасеніе Веддерберна можетъ показаться страннымъ. „Однако,—говоритъ Дайси,—Веддербернъ, со своей точки зрѣнія, далъ вѣрную оцѣнку принципу полезности. Это былъ принципъ, чреватый настоящимъ переворотомъ; онъ предполагалъ упраздненіе всякой должности и всякаго учрежденія, которыя не оправдывались соображеніями общественной пользы; онъ подрывалъ въ корнѣ всѣ злоупотребленія, вродѣ дорого оплачиваемыхъ синекуръ, которыхъ было такъ много въ 1776 г. во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго и церковнаго управленія; онъ наносилъ смертельный ударъ не только оптимизму Блэкстона, но и историческому консерватизму Борка. Онъ, въ сущности, шелъ даже гораздо дальше, такъ какъ въ виду того, что въ каждомъ государствѣ бѣдные и нуждающіеся всегда составляютъ большинство, излюбленный догматъ бентамизма приводилъ къ заключенію,—безусловно чуждому англійскимъ государственнымъ людямъ XVIII-го вѣка,—а именно, что настоящею задачею законодательства должно быть обезпеченіе благополучія не дворянства или джентри, а рабочихъ и вообще трудящихся“.

Законодательнымъ орудіемъ бентамизма являлось парламентское верховенство въ надлежащемъ его использованіи.

„Всемогущество парламента, усвоенное Бентамомъ отъ Блэкстона,—говоритъ Дайси,—могло, въ качествѣ абстрактной доктрины, вызывать спокойное восхищеніе знаменитаго комментатора. Но всемогущество парламента, воплощенное въ дѣйствительность и направленное смѣлыми реформистами къ устраненію всѣхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ злоупотребленій, могло вызвать тревогу не только въ спекуляторахъ, извлекавшихъ себѣ выгоды и почетъ изъ данныхъ условій общественной жизни, но и въ государственныхъ людяхъ, вродѣ Питта и Вильберфорса, не находившихся подъ воздѣйствіемъ какихъ-либо корыстныхъ интересовъ. Словомъ, парламентское верховенство, выдвинутое Блэкстономъ въ теоріи и утилизированное Бентамомъ на практикѣ, является орудіемъ весьма пригоднымъ для установленія демократическаго деспотизма“.

Законодательною тенденціею бентамизма было постоянное усложненіе и усовершенствованіе механизма управленія.

Стремясь къ развитію законодательства въ соотвѣтствіи съ принципомъ полезности, бентамиты ближайшимъ образомъ озабочивались расширеніемъ области индивидуальной свободы, видя въ этомъ лучшее средство обезпечить наибольшее благополучіе наибольшаго числа людей. Однако, въ своихъ стремленіяхъ они на каждомъ шагу встрѣчали либо противодѣйствіе, либо инертность со стороны классовыхъ интересовъ. При всей своей убѣжденности въ благотворности принципа „laissez faire", они были постоянно приводимы къ сознанію того, что для достиженія ихъ цѣлей безусловно необходимо улучшеніе и усиленіе механизма управленія, и въ этомъ отношеніи они находили поддержку со стороны многихъ, которые, не будучи адептами какой-либо политической теоріи, понимали практическую необходимость въ административныхъ реформахъ для удовлетворенія разнообразныхъ и сложныхъ потребностей современнаго общества съ развитою промышленною жизнью. Въ результатѣ интенсивной законодательной работы, вслѣдъ за парламентскою реформою 1832 года, постепенно создалась сложная административная система, съ весьма развитою централизаціею—система, требовавшая постоянныхъ исправленій, дополненій и приспособленія къ новымъ запросамъ жизни.

Слѣпо вѣря въ догматъ „laissez faire", индивидуалисты упускали изъ вида, что нѣтъ необходимой логической связи между этимъ догматомъ и тѣмъ принципомъ наибольшаго благополучія, который одинаково можетъ быть присущъ какъ защитникамъ индивидуальной свободы, такъ и сторонникамъ попечительной системы управленія. Весьма характерно, что въ основѣ отрицательнаго отношенія Герберта Спенсера къ утилитаризму лежитъ именно то соображеніе, что утилитаристы, стремясь къ обезпеченію наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, часто свободу индивидовъ приносятъ въ жертву дѣйствительному или призрачному благу государства, т.-е. большинства гражданъ.

Дайси подчеркиваетъ также то странное явленіе, что развитію тенденціи бентамизма въ сторону расширенія государственнаго вмѣшательства содѣйствовало то, что въ немъ примиряло виговъ съ умѣренными либералами, а именно—безусловное пренебреженіе бентамитовъ къ доктринѣ естественныхъ правъ и общественнаго договора. „Это пренебреженіе дѣйствительно было гарантіею противъ увлеченія якобинскими принципами, но оно лишало индивидуальную свободу одного изъ охраняющихъ ее

устоевъ, такъ какъ доктрина прирожденныхъ правъ, при всей слабости ея съ логической точки зрѣнія, полагала въ теоріи извѣстный предѣлъ деспотизму большинства. Доктрина эта является, правда, весьма слабою преградою передъ крайностями демагогической тиранніи: „Декларація правъ человѣка“ не спасла ни одного изъ тысячи невинныхъ гражданъ, осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ; американская „Декларація независимости“, торжественно объявившая права человѣка неотъемлемыми, не освободила отъ рабства ни одного негра. Но эти знаменитые акты были все-таки формальнымъ признаніемъ того, что верховная власть не можетъ превратить силу въ право. Они оказали несомнѣнное вліяніе на общественное мнѣніе. Во Франціи „Декларація правъ человѣка“ поддерживала убѣжденіе въ томъ, что законодательное собраніе не должно обладать неограниченною властью. Въ нѣсколькихъ статьяхъ конституціи Соединенныхъ-Штатовъ, проникнутыхъ духомъ „Деклараціи независимости“, индивидуальная свобода получила серьезную опору; одна изъ этихъ статей въ немалой степени содѣйствовала тому, что увѣренность въ священномъ характерѣ обязательности договоровъ вошла какъ бы въ кодексъ общественной нравственности американцевъ и въ настоящее время служитъ реальною преградою развитію соціалистическаго законодательства. Такимъ образомъ, либералы 1830-хъ годовъ, ревниво относясь къ индивидуальной свободѣ, исповѣдывали, однако, такіе взгляды, которые—безсознательно для людей, ихъ исповѣдывавшихъ,—могли, при измѣнившихся соціальныхъ условіяхъ, содѣйствовать развитію деспотизма демократическаго государства“.

Реальныя послѣдствія извѣстнаго міросозерцанія могутъ оказаться въ рѣшительномъ несоотвѣтствіи съ намѣреніями людей, его вырабатывавшихъ: идеи, однажды усвоенныя, даютъ свои конечные логическіе результаты главнымъ образомъ подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ. „Въ періодъ между 1868 и 1900 годами произошли три перемѣны, выдвинувшія элементъ властности въ системѣ бентамовскаго либерализма. Вѣра въ „laissez faire“ пошатнулась, и принципъ полезности сдѣлался аргументомъ уже не въ пользу индивидуальной свободы, а въ пользу всемогущества государства. Парламентъ, съ развитіемъ демократіи, сдѣлался представительствомъ не среднихъ классовъ, а совокупности всѣхъ домохозяевъ, и такимъ образомъ парламентское верховенство стало означать, въ концѣ концовъ, неограниченное вліяніе трудящихся классовъ. Наконецъ, административный механизмъ подвергся реформамъ и былъ усиленъ. Такимъ образомъ

созданы были средства для практическаго расширенія государственнаго воздѣйствія; но, какъ говоритъ мудрая испанская пословица, „чѣмъ больше большаго, тѣмъ меньше меньшаго“—чѣмъ болѣе расширяется область государственнаго вмѣшательства, тѣмъ меньше становится область свободы каждаго отдѣльнаго гражданина. Бентамиты, какъ оказалось, выковали оружіе, въ которомъ болѣе всего нуждаются соціалисты, и англійскіе коллективисты унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ-утилитаристовъ законодательную доктрину, законодательное орудіе и законодательную тенденцію,—въ высшей степени пригодныя для осуществленія соціалистическихъ экспериментовъ“.

Такая преемственность служитъ, по нашему мнѣнію, весьма вѣскимъ показателемъ того, что новое направленіе въ развитіи англійскаго законодательства является дальнѣйшею нормальною ступенью въ естественномъ процессѣ эволюціи. Новый фазисъ этой эволюціи воспринялъ отъ фазиса предшествующаго тѣ элементы, которые сохраняютъ жизнеспособность и которые, составляя какъ бы связующее звено между ними, сглаживаютъ рѣзкость перехода отъ одного къ другому.

Относительно будущаго, Дайси ограничивается слѣдующими замѣчаніями. „Сила коллективизма,—говоритъ онъ,—мы всѣ это инстинктивно чувствуемъ, не исчерпана и, по всѣмъ признакамъ, даже не ослабѣваетъ. Нечего, однако, и удивляться тому, что теперь и въ теченіе неопредѣленнаго будущаго законодательство будетъ все дальше и дальше отклоняться отъ тѣхъ путей, которые были намѣчены Бентамомъ и по которымъ слѣдовали либералы 1830-хъ годовъ. Общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, находится гораздо болѣе подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ, чѣмъ силы аргументовъ, а обстоятельства, благопріятствовавшія развитію коллективизма, продолжаютъ существовать и оказывать свое вліяніе на общественные взгляды и чувства. Законы, съ другой стороны, являются въ ряду наиболѣе сильныхъ факторовъ, вліяющихъ на образованіе тѣхъ теченій общественнаго мнѣнія, которыя, затѣмъ, отражаются въ законодательствѣ; между тѣмъ, законодательство въ духѣ коллективизма развивается уже 25—30 лѣтъ, и оно успѣло создать моральную и интеллектуальную атмосферу, въ которой соціалистическія идеи растутъ и процвѣтаютъ. Это настолько несомнѣнно, что современные индивидуалисты сами оказываются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соціалистами. Стало быть, внутренняя логика явленій приводитъ къ развитію и расширенію законодательства, носящаго на себѣ печать коллективизма“.

Оканчивая этою цитатою изложеніе книги Дайси, считаю умѣстнымъ высказать нѣсколько соображеній о характерѣ переживаемаго Англіею перехода отъ „индивидуализма“ къ „коллективизму“. Уже пройденныя стадіи этого перехода вѣроятно окажутся, по своему внутреннему значенію, не столь существенными, какъ предстоящія въ будущемъ явленія въ этой области; но онѣ, прошедшія въ спокойной обстановкѣ постепенной законодательной работы, могутъ служить надежными показателями того, что и грядущія измѣненія въ условіяхъ соціальной жизни совершатся безъ катастрофъ и рѣзкихъ потрясеній, путемъ мирнаго обновленія этихъ условій. Это послѣднее свойство сдѣлалось настолько присущимъ Англіи, съ окончательнымъ упроченіемъ въ ней, въ XIX вѣкѣ, свободнаго политическаго строя на разумныхъ демократическихъ началахъ, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что указанное свойство будетъ служить регуляторомъ и въ послѣдующихъ стадіяхъ ея соціальнаго развитія.

Характернымъ свидѣтельствомъ въ пользу этой увѣренности должно быть признано отрицательное отношеніе огромнаго большинства англійскихъ соціалистовъ къ тѣмъ планамъ и пріемамъ, которые встрѣчаютъ такое широкое сочувствіе въ средѣ соціалистическихъ партій на континентѣ и всего болѣе въ странахъ съ слабо развитою культурою, какъ Россія. Весьма опредѣленно это явленіе обнаружилось на послѣднихъ общихъ выборахъ въ Англіи, въ январѣ текущаго года. Выборы эти, знаменующіе собою новый шагъ въ развитіи англійской демократіи, дали наиболѣе демократическій изъ всѣхъ парламентовъ, какіе когда-либо избирало англійское населеніе. Въ частности, въ новой палатѣ общинъ значительно увеличилось число представителей рабочихъ классовъ (поднявшись до 54 вмѣсто 12 избранныхъ на предыдущихъ выборахъ 1900 г.), причемъ часть ихъ образовала впервые самостоятельную и независимую рабочую партію въ составѣ 29 членовъ, изъ которыхъ большинство соціалисты. Въ средѣ ихъ нѣтъ, однако, ни одного представителя соціалъ-демократической федераціи: всѣ семеро кандидатовъ послѣдней были забаллотированы, въ томъ числѣ и глава федераціи Гайндманъ, неудача котораго оказывается тѣмъ внушительнѣе, что счастливымъ соперникомъ его на выборахъ былъ рабочій-либералъ [1]).

Неуспѣхъ соціалъ-демократическихъ теченій и безпочвен-

---

[1]) См. мою брошюру — „Новыя явленія въ развитіи англійской демократіи“ (Спб. 1906), стр. 33.

ность боевого соціализма въ Англіи очень выразительно оттѣняются тою складкою, какую приняли соціально-экономическіе идеалы и запросы въ средѣ рабочей партіи, даже въ лицѣ тѣхъ ея руководителей, которые причисляютъ себя къ соціалистамъ. Они не только далеки отъ стремленія положить классовую борьбу и ея интересы въ основу своей дѣятельности, но совершенно опредѣленно предрекаютъ неудачу и разложеніе рабочей партіи, если она съузитъ свои задачи цѣлями классоваго движенія. По убѣжденію руководителей этой партіи, она въ своей дѣятельности должна опираться на „понятія о справедливомъ и несправедливомъ, присущія всѣмъ классамъ", и „обращаться къ чувствамъ справедливости, призывъ къ которымъ никогда не оказывался тщетнымъ". Это — выраженія Д. Рамзея Макдональда, одного изъ талантливыхъ и самыхъ вліятельныхъ предводителей новой партіи, въ статьѣ объ этой партіи и ея политикѣ, напечатанной въ мартовской книгѣ журнала „Independent Review".

Въ этой же статьѣ Макдональдъ говоритъ, что его мало интересуютъ разсужденія о томъ, какія отношенія сложатся между рабочею партіею и другими партіями. Эти отношенія будутъ развиваться въ зависимости отъ обстоятельствъ. „Только улыбку, если не досаду, могутъ вызвать хвастливыя угрозы разгромить ту или другую партію",—прибавляетъ онъ, намекая на статью, появившуюся въ соціалистическомъ журналѣ „Clarion" подъ заглавіемъ: „Почему соціалисты будутъ громить либеральную партію". „Рабочая партія,—продолжаетъ Макдональдъ,—сама переживаетъ періодъ испытанія, да и кромѣ того, „разгромъ" не есть процессъ политическаго развитія. Существуютъ люди, которые до сихъ поръ мечтаютъ о революціяхъ; но ихъ мечтанія и должны быть направлены именно къ тому, чтобы палата общинъ никогда не видѣла въ своей средѣ никакой рабочей или соціалистической партіи. Старыя партіи не могутъ подлежать „разгрому". Онѣ раскалываются, онѣ приходятъ въ упадокъ, онѣ ассимилируются. Наступаетъ переходное время, въ политической жизни проявляется замѣшательство, прогрессивныя партіи и группы становятся реакціонными; но въ одинъ прекрасный день обнаруживается, что боевыя колонны опять готовы къ дѣлу, и возобновляется вѣчная борьба между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть".

При такихъ основныхъ воззрѣніяхъ руководителей новой рабочей партіи соціализмъ, ее вдохновляющій, не можетъ быть пугаломъ и угрозою мирному и спокойному развитію, а является важною принципіальною основою того направленія, въ которомъ

они намѣрены вести политику соціальныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи новое направленіе находится въ тѣсной органической связи съ тѣми теченіями общественной мысли, которыя уже давно выступили въ эволюціи соціальнаго законодательства Англіи и которыя выразились въ постепенномъ поворотѣ отъ преобладанія индивидуалистическихъ началъ, получавшихъ нерѣдко одностороннее развитіе, къ подчиненію этихъ началъ идеаламъ и требованіямъ соціальной справедливости.

Главный интересъ послѣдняго произведенія Дайси и заключается въ превосходномъ анализѣ основныхъ проявленій указанной эволюціи. По характеру пережитыхъ стадій этой эволюціи есть полное основаніе думать, что и въ будущемъ она можетъ идти и пойдетъ въ Англіи тѣмъ же путемъ мирнаго и спокойнаго улучшенія соціальныхъ условій и развитія чувства общественной солидарности, при которыхъ прочно установляется болѣе гармоническое соотношеніе между благополучіемъ государства и благомъ отдѣльныхъ его гражданъ. Примѣръ же Англіи настолько полонъ глубокаго смысла и поучителенъ, что въ него вдумываться — обязательно для руководителей и дѣятелей всякихъ политическихъ партій, въ особенности крайнихъ, при установленіи способовъ осуществленія соціальныхъ реформъ...

Владиміръ Дерюжинскій.

ВЪ СТРАНѢ ТУНЕЯДСТВА

Романъ Генриха Манна.

Heinrich Mann. Im Schlaraffenland. Ein Roman unter feinen Leuten. München, 1904. Albert Lange.

I.—Кафѐ „Ура!".

Въ теченіе зимы Андреасъ занимался со всѣмъ усердіемъ студента, которому трудно разсчитывать на присылку изъ дому, но весною съ нимъ произошла перемѣна. Безденежье лишило его возможности поѣхать домой на праздники и навело на размышленія о большомъ количествѣ братьевъ и сестеръ и плохомъ урожаѣ прошлаго года. Все, на что онъ могъ разсчитывать въ случаѣ успѣшнаго окончанія курса, это—мѣсто школьнаго учителя въ прогимназіи своего родного города Гумплаха. Что за будущность для него—Андреаса Цумзее, писавшаго съ восемнадцати лѣтъ стихи, заслужившіе полное одобреніе его друзей и даже—его самого?! „Обозрѣватель Гумплаха" помѣстилъ послѣ этого его повѣсть, доставившую ему благоволеніе мѣстнаго мецената. Въ каждомъ городѣ имѣется старичокъ, слывущій среди согражданъ безвреднымъ чудакомъ, такъ какъ онъ интересуется литературою.

Въ Берлинѣ у Андреаса не было ни души знакомой, но, несмотря на это, онъ, бывая въ театрѣ, прятался за колонну, стыдясь своего дешеваго мѣста. Разглядывая оттуда знаменитыхъ журналистовъ и рецензентовъ, толпившихся въ партерѣ, онъ случайно познакомился съ сосѣдомъ, скромно одѣтымъ бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ, оказавшимся коллегою. Сосѣдъ отре-

комендовался: „Фридрихъ Кёпфъ, писатель“, и услышавъ отъ Андреаса, что тотъ, къ сожалѣнію, не имѣетъ связей въ литературномъ мірѣ, предложилъ ввести его въ кафѐ „Ура!“, посѣщаемое выдающимися литераторами. Происхожденіе этого названія объяснялось такимъ образомъ. Ранѣе посѣтители его исповѣдывали разрушительные для общественнаго строя принципы, но со времени признанія соціалъ-демократіи несвоевременной они подвинулись нѣсколько вправо, признавъ себя сторонниками правительственнаго либерализма и бьющаго на ура патріотизма. Кафѐ получило свое названіе въ память этой эволюціи.

Андреасъ посѣщалъ его до осени въ сладостномъ убѣжденіи, что онъ вращается въ избранномъ литературномъ кругу. Тамъ онъ познакомился съ редакціонными тайнами распространенныхъ листковъ и закулисными сплетнями о брилліантахъ Лиззи Лаффѐ, находящейся на склонѣ лѣтъ подъ покровительствомъ банкира Тюркгеймера, и тому подобномъ. Непризнанные геніи и великіе лѣнтяи „перехватывали“ у него малую толику, вслѣдствіе чего ему приходилось заглядывать иногда въ вегетаріанскую кухмистерскую и не платить прачкѣ; раза два ему предложили побывать на судѣ въ качествѣ репортера, но этимъ ограничились выгоды, пріобрѣтенныя имъ отъ вступленія въ литературный міръ.

Порядкомъ разочарованный, онъ вздумалъ зайти за совѣтомъ къ ментору своему Кёпфу и уже приготовилъ подходящую къ случаю рѣчь, но когда тотъ встрѣтилъ его восклицаніемъ:— А, здравствуйте, коллега!—Андреасъ замѣтилъ, что онъ „сытъ по горло коллегами“.

— Ага! Я это зналъ заранѣе, но радъ, что вы сами пришли къ такому открытію. Не жалѣйте, впрочемъ, что вы познакомились съ шуточною стороною жизни вашихъ коллегъ. Теперь вы желаете приступить къ жизни въ серьёзъ?

— Но какъ?—спросилъ Андреасъ, недовольный его тономъ и не питая особаго довѣрія къ его мнѣнію.

— Для этого имѣются различные пути, а именно: пресса, театръ и общество.

— Вы забываете литературу?

— Ничуть. Я сказалъ: театръ; другой литературы у насъ нѣтъ.

Андреасъ вспомнилъ, что романы Кёпфа не имѣли успѣха, и не безъ удовольствія подмѣтилъ раздраженіе собрата. Но какъ же быть съ театромъ? Онъ не написалъ ни одной пьесы.

— И не нужно!—увѣренно продолжалъ Кёпфъ:—у театра есть литературная сторона, но гораздо важнѣе—общественная.

Въ театрѣ вы имѣете дѣло съ людьми, въ литературѣ—только съ книгами. Настоящая литература требуетъ серьезнаго отношенія къ себѣ, замкнутости, рѣшительности, словомъ, такихъ качествъ, которыя въ театрѣ послужатъ вамъ лишь во вредъ. Но вы, милый мой,—человѣкъ общественный. Хотите знать, почему я такъ увѣренъ въ этомъ? Въ кафѐ „Ура!“ никто не отнесся къ вамъ серьезно. Не сердитесь... Полацъ, напримѣръ,—сказалъ ли онъ вамъ хотя одну дерзость? Нѣтъ? И это потому, что онъ не видѣлъ въ васъ конкуррента. Люди сейчасъ же поняли, что у васъ слишкомъ жизнерадостная, счастливая натура для того, чтобы отвоевывать себѣ мѣсто въ литературѣ и прессѣ.

— Я и самъ готовъ думать то же самое,—сказалъ Андреасъ, стараясь принять видъ настоящаго „blasé“.

— Вы—одна изъ тѣхъ завидныхъ натуръ, на которыя большой спросъ въ театрѣ, т.-е. въ обществѣ. Тамъ нужно имѣть видъ человѣка счастливаго для того, чтобы вамъ дѣйствительно счастье привалило. Даже ваша наивность, или—если вы предпочитаете—кажущаяся наивность—будетъ какъ нельзя болѣе къ мѣсту. И въ салонахъ къ вамъ отнесутся не серьезно, какъ и въ кафѐ „Ура!“, но именно въ этомъ—тайна вашего успѣха. Женщины позволятъ вамъ то, чего не позволятъ другимъ. Вы рождены, мой милый, для того, чтобы женщины составили ваше счастье.

Андреасъ посмотрѣлъ на Кёпфа съ нескрываемой досадой. Но по добродушному лицу Кёпфа, украшенному, однако, подозрительно острымъ носомъ, ничего нельзя было заключить. Андреасъ сухо замѣтилъ, что онъ весьма польщенъ выслушанными имъ любезностями, но просилъ бы собрата указать ему: къ кому онъ долженъ обратиться для устройства своей карьеры?

— Какъ? Развѣ я вамъ не сказалъ? Очень просто. Ступайте къ главному редактору „Ночного Курьера“, доктору Бединеру, и устройте такъ, чтобы онъ далъ вамъ рекомендательную карточку къ Тюркгеймерамъ.

— Тюркгеймеръ, покровитель Лиззи Лаффѐ?

— А, вы знакомы съ обстоятельствами дѣла?

— Разумѣется,—съ гордостью отвѣтилъ Андреасъ.

— Въ такомъ случаѣ вы знаете, какъ держать себя. Извѣстите меня о результатѣ,—сказалъ Кёпфъ, пожимая гостю руку на прощанье.

Андреасъ обѣщалъ. Мысленно онъ спрашивалъ себя: неужели Кёпфъ все время втайнѣ потѣшался надъ нимъ? Но теперь ему ничего не оставалось, какъ только послѣдовать его совѣту. И на

слѣдующее же утро, съ непріятнымъ ощущеніемъ холодка въ желудкѣ, но съ гордо поднятою головою, онъ уже поднимался въ редакцію „Ночного Курьера“.

II.—Нѣмецкая духовная культура.

Новый, но выпачканный грязью коверъ на лѣстницѣ ослѣпилъ взоры Андреаса. Все въ домѣ говорило о богатствѣ и кипучей дѣятельности. Элегантные, но въ забрызганныхъ грязью панталонахъ молодые люди пробѣгали мимо него. Въ большой, полной народа пріемной Андреасъ обратилъ вниманіе на стеклянную дверь, ведшую въ обширный залъ, гдѣ сидѣло за конторками и столами человѣкъ тридцать сотрудниковъ, просматривавшихъ газеты или чинившихъ карандаши.

Распахнулась створчатая дверь, и въ пріемную вошелъ важнаго вида господинъ съ бакенбардами въ формѣ котлетъ рыжеватаго оттѣнка, въ надвинутомъ на лобъ цилиндрѣ.

— Главнаго редактора еще нѣтъ?

Подбѣжавшій къ нему служитель низко поклонился и доложилъ:—Они сейчасъ будутъ, господинъ генеральный консулъ.

— А, наконецъ-то!—и консулъ привѣтливо протянулъ руку только-что вошедшему высокому элегантному господину, сбросившему свое пальто на руки служителю. Прежде чѣмъ они оба исчезли за створчатою дверью, слышно было, какъ генеральный консулъ спросилъ редактора:

— Вы были въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ? Ну, что̀ говоритъ министръ?

Андреаса охватила почтительная дрожь,—эти слова открыли передъ нимъ перспективы безграничнаго могущества и почета. Докторъ Бединеръ имѣлъ доступъ во дворецъ на Вильгельмъштрассе, какъ самъ государственный секретарь! И не была ли вся редакція съ ея отдѣлами—подобіемъ государства съ его округами и отвѣтственными министрами-редакторами, надъ которыми царилъ богачъ издатель Іекузеръ, клавшій въ свой карманъ львиную долю подписныхъ пфенниговъ, получавшихся съ читателей?

Послѣ долгаго ожиданія, затерянный въ суматохѣ, Андреасъ рѣшился передать служителю привезенное имъ съ собою рекомендательное письмо гумплахскаго мецената къ доктору Бединеру. Оно пролежало у него въ карманѣ цѣлый годъ, такъ какъ онъ не придавалъ большого значенія рекомендаціи г-на Шмюкке.

Къ удивленію Андреаса, его пригласили въ кабинетъ редактора, и онъ послѣдовалъ туда, весь красный, увѣренный, что всѣ обратили вниманіе на выпавшее на его долю отличіе.

Онъ поклонился со всѣмъ доступнымъ ему изяществомъ д-ру Бединеру, который, улыбаясь, протянулъ ему свою сверкавшую бриллiантами руку.

— Васъ рекомендуютъ намъ въ качествѣ таланта, подающаго большія надежды, господинъ...?

— Цумзее, — подсказалъ Андреасъ. Онъ опустился на указанное ему мѣсто, говоря себѣ, что пріемъ не могъ быть любезнѣе. Редакторъ продолжалъ говорить. Рекомендація тѣмъ болѣе цѣнится имъ, что она исходитъ отъ его стариннаго друга. Онъ надѣется, что г. Шмюкке здоровъ?

Андреасъ поспѣшилъ отвѣтить успокоительно. Въ душѣ онъ дивился близости могущественнаго редактора къ Шмюкке, который никогда ею не хвастался.

— Мнѣ кажется, я уже встрѣчалъ ваше имя въ печати, господинъ...?

— Цумзее, — подсказалъ Андреасъ. Неожиданная любезность редактора вскружила ему голову: онъ онѣмѣлъ отъ восторга и сидѣлъ весь красный, не спуская глазъ съ д-ра Бединера, который, повторивъ его фамилію, задумчиво провелъ двумя пальцами по своему высокому, красивому лбу. Никогда еще не видѣлъ Андреасъ такихъ изысканныхъ манеръ, такого свѣтскаго обращенія, такого лоска въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ. Д-ръ Бединеръ сидѣлъ немного бокомъ, облокотясь одною рукою о ручку кресла и описывая другою по временамъ легкій, неподражаемо закругленный жестъ, пояснявшій его слова. Улыбка его относилась исключительно къ его собесѣднику: нельзя было представить себѣ, чтобы онъ могъ такъ улыбаться кому-нибудь другому. И все же, при всей его доступности, Андреасъ чувствовалъ себя вознесеннымъ въ какія-то дипломатическія сферы, изъ которыхъ онъ рисковалъ низринуться каждую минуту. Удалось ли г. Цумзее найти себѣ занятія? Андреасъ скромно отвѣтилъ, что, въ качествѣ начинающаго, ему трудно приходится, хотя онъ знаетъ двоихъ-троихъ редакторовъ: д-ра Полаца, напримѣръ...

— О, Полацъ! — д-ръ Бединеръ сдѣлалъ пренебрежительное движеніе: — я цѣню его, какъ человѣка, но (между нами!) сотрудничество въ его газетѣ принесло бы вамъ мало пользы.

Андреасъ поклонился, польщенный конфиденціальностью сообщенія. Хорошо, что Полацъ не подумалъ предложить ему со-

трудничать въ „Якорѣ“. Онъ, затаивъ дыханіе, слушалъ разъясненія д-ра Бединера.

— Всѣ эти строго партійные органы — не мѣсто для подающаго надежды таланта. Вы понапрасну скомпрометировали бы себя, между тѣмъ какъ у насъ всякій сохраняетъ свою индивидуальность, высказывая личные свои взгляды. „Ночной Курьеръ“ первый сдѣлалъ открытіе, что партійная печать пережила себя. Мѣсто ея займетъ либеральное хозяйственно-политическое направленіе. Но, собственно говоря, мы считаемъ себя органомъ духовной нѣмецкой культуры.

Д-ръ Бединеръ почти разгорячился, но сейчасъ же вернулъ себѣ свое аристократическое самообладаніе. Онъ не безъ самодовольства замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и даже улыбнулся, сдѣлавъ открытіе, что взглядъ Андреаса, осѣненный длинными, густыми рѣсницами, отличался, при всемъ своемъ простодушіи, вкрадчивою ласковостью, а безграничное восхищеніе, выражавшееся въ немъ, могло быть весьма пріятнымъ для дамы. У него даже мелькнула мысль о г-жѣ Тюркгеймеръ.

Онъ еще колебался, такъ какъ плохо сшитый черный сюртукъ придавалъ стройному юношѣ нѣкоторую мѣшковатость, требовавшую осторожности. Волосы его были плохо подстрижены, но голову Андреасъ держалъ высоко. Д-ръ Бединеръ рѣшился.

— Вы должны попытать счастья на театрѣ, то есть въ кругахъ общества, имѣющихъ отношеніе къ театру. Это ничего не значитъ, что вы еще не писали для сцены. Нынче завоевываютъ міръ не изъ рабочаго кабинета. Въ настоящее время и писатель долженъ выступать самолично. Вамъ надо пріобрѣсти положеніе въ обществѣ.

„Заговоритъ ли онъ о Тюркгеймерахъ?“ — подумалъ Андреасъ.

Но редакторъ все еще колебался.

— Придерживайтесь покуда нашего органа. Воскресное приложеніе „Новое Время“ — открыто для молодыхъ талантовъ; это послужитъ вамъ на пользу, когда вы напишете что-нибудь для сцены.

Андреасъ уже увидѣлъ листы „Ночного Курьера“ оказывающими самое широкое гостепріимство его произведеніямъ, и, весь пылая отъ смущенія, онъ дерзнулъ обратиться къ д-ру Бединеру съ просьбою — дать ему постоянную работу при редакціи.

Лицо редактора выразило озабоченность.

— Вы не такъ меня поняли. Мы не желаемъ подвергать такимъ испытаніямъ молодыхъ людей, которыхъ намъ рекомендуютъ. Видѣли вы несчастныхъ, посаженныхъ въ той комнатѣ

г. Іекузеромъ? Изъ нихъ вырабатываются мелкіе сотрудники, часть ихъ уходитъ въ провинцію. Неужели ваши честолюбивые замыслы этимъ ограничиваются? Нѣтъ, милый мой, мы имѣемъ для васъ въ виду нѣчто лучшее.

Андреасъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Отъ грознаго „мы“ — его прохватывала дрожь. Выраженіе глазъ д-ра Бединера говорило, что аудіенція кончена, но Андреасъ не имѣлъ духу уйти; пусть редакціонный служитель выведетъ его. Своею глупою просьбою онъ испортилъ первое хорошее впечатлѣніе. Онъ кусалъ себѣ губы и глаза его не поднимались выше лакированныхъ ботинокъ редактора, на которыя граціозно ниспадали сѣрые панталоны. Андреасъ слышалъ, какъ онъ слегка забарабанилъ пальцами по столу; положеніе становилось нестерпимымъ. Молодой человѣкъ украдкою кинулъ на него робкій взглядъ, но, къ изумленію его, д-ръ Бединеръ улыбался, держа въ рукѣ письмо Шмюкке. Быть можетъ, настойчивость Андреаса внушила ему нѣкоторое уваженіе къ выдержкѣ юноши. Не бѣда! Неудачный сюртукъ сойдетъ въ придачу ко всему другому. Наружность Андреаса и письмо Шмюкке—говорятъ за него.

— Я считаю общественныя связи—самымъ главнымъ, и со своей стороны готовъ облегчить вамъ первые шаги. Я намѣренъ дать вамъ рекомендательную карточку въ домъ, гдѣ подающіе надежды молодые таланты встрѣчаютъ благосклонный пріемъ. Хозяйка дома собираетъ въ своихъ салонахъ цвѣтъ интеллигенціи и искусства. Вы познакомитесь тамъ съ вліятельными людьми, и я совѣтую вамъ воспользоваться настроеніемъ, царящимъ въ домѣ Тюркгеймеровъ, милый другъ.

Не чувствуя отъ счастья подъ собою ногъ, Андреасъ сбѣжалъ по лѣстницѣ и чуть не опрокинулъ поднимавшагося наверхъ человѣка. Они крѣпко обнялись для того, чтобы не упасть. Это былъ средняго роста плотный молодой человѣкъ, прилично одѣтый, въ цилиндрѣ. Онъ обладалъ острымъ собачьимъ взглядомъ и такимъ носомъ, который, казалось, могъ обнюхать васъ безъ того, чтобы вы нашли въ этомъ что-нибудь неприличное. Въ немъ было нѣчто настолько добродушное и беззаботное, что ему можно было довѣрить, что̀ угодно, не придавая этому никакого значенія. Что̀ можетъ быть желаннѣе для репортера? Самое движеніе, съ какимъ онъ вѣжливо отодвинулъ Андреаса въ сторону, показывало, что онъ не боится препятствій и всякія столкновенія ему ни почемъ. Уже поднявшись на двѣ ступени, онъ вернулся для того, чтобы спросить: въ какомъ настроеніи редакторъ? Вѣдь коллега, конечно, отъ редактора?

— Я былъ у доктора Бединера,—подтвердилъ Андреасъ.

— Вы можете мнѣ сказать: зачѣмъ?

Тонъ вопроса былъ такъ простъ и дружелюбенъ, что Андреасъ въ своихъ собственныхъ интересахъ счелъ нужнымъ разсказать незнакомцу о томъ, зачѣмъ онъ былъ у редактора, и назвать себя.

— Скажите, онъ далъ вамъ рекомендательное письмо къ Тюркгеймерамъ? Поздравляю. Прекрасный домъ и красивая хозяйка, — онъ смачно прищелкнулъ языкомъ, — благодарю васъ. Когда патронъ посылаетъ кого-нибудь къ Тюркгеймеру, значитъ, онъ въ хорошемъ настроеніи. Быть можетъ, и мое дѣло насчетъ прибавки выгоритъ. Всего лучшаго! До свиданія.

Дома Андреасъ прежде всего занялся обозрѣніемъ своего гардероба; онъ обладалъ врожденнымъ вкусомъ по части туалета, и невзрачный видъ его сюртука заставилъ его отложить на два дня визитъ къ Тюркгеймерамъ. Не безъ трепета позвонилъ онъ у дверей палаццо въ стилѣ германскаго ренессанса; онъ рисовался себѣ въ видѣ сказочнаго принца у порога заколдованнаго зáмка. Дверь отворилась, но рослый зеленый съ серебромъ лакей обладалъ властью—прогнать смѣлаго завоевателя отъ вратъ земного рая. Онъ заявилъ, что барыни нѣтъ дома, и, удрученный этимъ извѣстіемъ, Андреасъ вручилъ ему свою карточку вмѣстѣ съ письмомъ редактора. Онъ сейчасъ же пожалѣлъ объ этомъ. Что̀ если наглый, заподозрившій въ немъ „искателя“ лакей не передастъ его карточки?

Но уже на слѣдующее утро онъ получилъ по почтѣ приглашеніе на вечеръ 10-го ноября отъ г-жи Адельгейды Тюркгеймеръ.

III.—Тюркгеймеры.

Андреасъ Цумзее явился поздно, считая это хорошимъ тономъ. Лицо величественнаго швейцара выражало лишь внушительную холодность. На лакея, оказавшагося тѣмъ самымъ, который принималъ отъ него карточку, онъ даже не взглянулъ. „Ты все-таки не помѣшалъ мнѣ попасть сюда“,—подумалъ онъ.

Самоувѣренность, съ какою онъ совершилъ свое вступленіе, помогла ему скрыть его робость, но зато сдѣлала его неосторожнымъ. При входѣ онъ наступилъ на шлейфъ желтаго шолковаго съ дорогимъ шитьемъ манто, и недостаточно быстро отступилъ для того, чтобы не замѣтить, какъ обладательницу его цѣловалъ снимавшій манто съ ея плечъ высокій молодой человѣкъ. Это была полная блондинка, и ея взбѣшенное, со вздернутымъ

носомъ лицо преисполнило Андреаса такимъ ужасомъ, что онъ ретировался, сконфуженно извиняясь.

Потокъ гостей, поднимавшихся по лѣстницѣ, увлекъ его въ буфетную. Въ тѣснотѣ онъ толкнулъ плечомъ пожилого господина изящной наружности и уже не былъ въ силахъ пробормотать ни одного слова въ извиненіе, но господинъ, любезно проговоривъ: „Pardon!“, подалъ ему тарелку и приборъ. Бѣдный Андреасъ узналъ по шолковымъ чулкамъ метрдотеля и—багрово покраснѣлъ. Онъ соображалъ: какого бы вина ему выпить для храбрости, какъ вдругъ позади него разсмѣялись. Испытанныя имъ униженія такъ его обозлили, что онъ обернулся, съ намѣреніемъ дать пощечину тому, кто вздумаетъ косо взглянуть на него, но, очевидно, смѣявшіеся имѣли въ виду совсѣмъ не его; одинъ изъ нихъ заговорилъ:

— Совѣтую вамъ выпить вотъ этого шабли—лучшее вино въ здѣшнемъ домѣ.

Андреасъ выпилъ, и настроеніе его сразу поднялось; онъ ощутилъ потребность поговорить,—очевидно, здѣсь знакомились сами.

— Да вѣдь это Кафлишъ!—воскликнулъ онъ, словно узрѣвъ давно невиданнаго друга. Репортеръ стоялъ подъ-руку съ представительнымъ брюнетомъ и, узнавъ недавняго знакомца, пожалъ ему руку.

— Радъ васъ видѣть. Вотъ какъ дѣйствуетъ рекомендація нашего патрона!

— Великолѣпно!—отвѣтилъ Андреасъ, ощущая особую предпріимчивость.—Не знаете ли вы, гдѣ хозяйка дома?

— А вы развѣ отъ Ратибора?—спросилъ брюнетъ.

— Нѣтъ, я изъ Гумплаха, — отвѣтилъ Андреасъ, причемъ брюнетъ благосклонно улыбнулся, а Кафлишъ расхохотался и объяснилъ, что хозяйкѣ было бы пріятно видѣть посланнаго отъ Ратибора. Представляться же ей безъ всякой цѣли—не имѣетъ смысла.

— Это знаменитый адвокатъ Гольдгерцъ?—спросилъ Андреасъ, когда брюнетъ отошелъ.

— Онъ самый, и всякому, кого вы видите здѣсь, онъ можетъ когда-нибудь пригодиться. Я видѣлъ ваши стихи въ иллюстрированномъ „Новомъ Времени“.

— Вы прочли ихъ?

— Ну, этого вы не можете требовать. „Новое Время“ помѣщаетъ стихи каждаго рекомендованнаго патрону молодого таланта. Но второго стихотворенія вамъ долго придется ждать. О

дальнѣйшемъ сами позаботьтесь. А вотъ и Аста! — прервалъ онъ себя, указывая на проходившую мимо молодую особу.

— Кто такая Аста?—спросилъ Андреасъ, оборачиваясь, но его развязность отомстила за себя: онъ наступилъ дамѣ на шлейфъ, и она обратила къ нему полное презрѣнія лицо.

— Попали вы въ бѣду. Это она сама.

— Да кто такая Аста?—развязно смѣясь, спросилъ Андреасъ, котораго трудно было теперь испугать.

— Дочь здѣшняго дома, мой юный другъ. А когда она бываетъ въ одномъ концѣ зала—значитъ, мать ея находится въ противоположномъ.

— Почему?—спросилъ Андреасъ, все же немного струсившій.

— Почему? Святая невинность! Аста—дѣвица съ принципами, причесывается à la Ибсенъ, она—модернистка, а мать ея—добрая женщина, и даже черезчуръ добра къ нашему брату.

— Понимаю,—сказалъ Андреасъ съ интонаціей, которая должна была звучать многозначительно.—А это, кажется, Лиззи Лаффѐ?—спросилъ онъ, смутившись при видѣ дамы, которую онъ оскорбилъ своею неловкостью въ передней. Онъ узналъ актрису и припомнилъ разговоры въ кафѐ „Ура!“ по поводу ея близости къ Тюркгеймеру. И безъ манто ея туалетъ былъ ослѣпителенъ, вся она сіяла бриллiантами. Она шла подъ-руку съ тѣмъ же кавалеромъ, съ которымъ Андреасъ уже видѣлъ ее—безбородымъ молодымъ человѣкомъ съ вызывающимъ лицомъ и широкими плечами.

— Добрый вечеръ, Лиззи!—на ходу поздоровался съ нею Кафлишъ. Андреасъ почувствовалъ, что труситъ передъ этою женщиной, имѣвшей видъ оскорбленной королевы, да и спутникъ ея казался человѣкомъ, съ которымъ шутки плохи. Онъ что-то пробормоталъ относительно присутствія Лиззи здѣсь въ домѣ.

— Она, очевидно, входитъ въ здѣшній инвентарь?—попробовалъ онъ пошутить. Кафлишъ осклабился.

— Надолго ли только? Она прискучила Тюркгеймеру, и какъ разъ въ такое время, когда жена его разсталась съ Ратиборомъ. Забавно!

Андреасъ передалъ ему о томъ, что онъ видѣлъ, но это не произвело впечатлѣнія на Кафлиша.

— Только-то? Дитрихъ Клемпнеръ—ея домашній пёсикъ. Вотъ бы и вамъ такое мѣстечко, милѣйшій. Клемпнеръ—искатель счастья, но безъ Лиззи онъ былъ бы ничѣмъ.

— Что же онъ такое?

— Драматическій писатель. Вы не видѣли его имени на

афишѣ? Ничего не значитъ. Если онъ что-нибудь напишетъ, это будетъ драма. Понимаете?

Они входили въ первый изъ трехъ салоновъ, расположенныхъ анфиладою; онъ былъ блѣдно-зеленый, второй—красный, третій—голубой въ стилѣ рококо. Народу было масса, но Кафлишъ обладалъ особымъ талантомъ прокладывать себѣ путь, обмѣниваясь рукопожатіями направо и налѣво.

— Кафлишъ, знаете ли вы что-нибудь о „Мести"?—окликнули его двое молодыхъ людей, по фамиліи Зюссъ и Душницкій.

— Все знаю! Тюркгеймеръ провелъ ее у директора полиціи черезъ посредство своего будущаго зятя, барона фонъ-Гохштеттена.

— И это—не единственная услуга, которую барону придется оказать своему будущему тестю; онъ еще долженъ выхлопотать ему орденъ: это входитъ въ условія брачнаго контракта. Орденъ „Солнца" Пуэрта-Вергонья уже не удовлетворяетъ его.

— А многое вычеркнули изъ „Мести"?

— Пустяки. Пропустили баррикады, убійство управляющаго раздраженными пролетаріями, сѣченіе банкирской жены пролетарками. Не дозволили только оскорбленія святыни.

Вокругъ разговаривавшихъ собралась группа, всякій спѣшилъ вставить свое слово. Почему нельзя коснуться поповъ? Стройная блондинка, подошедшая подъ-руку съ мужемъ, замѣтила, что религіи не должно касаться, и Андреасъ, которому показалось глупымъ стоять молча, поддержалъ ея мнѣніе. Ихъ познакомили. Душницкій воскликнулъ, что въ настоящее время принято забрасывать грязью честь буржуа...

— Нашу славную армію!—подхватилъ Зюссъ.

— Высочайшихъ особъ...

— Честь женщины...

— Полиція должна была бы это запретить! — воскликнулъ Зюссъ.

Тѣмъ временемъ среди другой группы ораторствовалъ старичокъ съ птичьею головкой, покрытой рѣдкимъ бѣлымъ пухомъ. Онъ восклицалъ визгливымъ голоскомъ:

— Темная сила вновь поднимаетъ голову...

— Да это поэтъ Вольдемаръ Веннихенъ?—спросилъ Андреасъ.

— Не хотите ли присоединиться къ кружку его почитателей?—предложилъ Кафлишъ, которому уже наскучило возиться съ новичкомъ. Онъ познакомилъ его по дорогѣ съ очень серьезнымъ господиномъ, чернобородымъ и одѣтымъ въ безукоризненный фракъ.

— Г. Андреасъ Цумзее, писатель; г. Либлингъ, сіонистъ.

Оба они прислушались къ фистулѣ маститаго поэта, писавшаго романы изъ жизни добродѣтельнаго купечества, борющагося съ аристократическими предразсудками и побѣждающаго ихъ. Онъ все еще повѣствовалъ о „завоеваніяхъ буржуазной революціи". Романы его давно уже не читались, и его перевели на половинный гонораръ. Андреасъ ощутилъ нѣчто вродѣ самодовольнаго сожалѣнія къ бѣдному, пережившему себя старику, который казался ему изъ Гумплаха звѣздою первой величины.

Обличенія Веннихеномъ „гасителей свѣта" имѣли нѣкоторый успѣхъ, но затѣмъ неожиданно заговорилъ своимъ звучнымъ голосомъ Либлингъ.

— Если мы желаемъ свободы, мы должны научиться править народомъ,—иначе онъ, въ своей безпомощности и неумѣньи разобраться въ сужденіяхъ, дозволитъ реакціонерамъ завлечь себя въ западню. Мы должны защитить народъ отъ него самого, и это можно сдѣлать лишь посредствомъ forza, farina e feste.

— Фью!—присвистнулъ какой-то острякъ. Всѣ разсмѣялись. Что за шутникъ этотъ Либлингъ!

— Онъ правъ,—замѣтилъ кто-то:—если мы не дадимъ народу хлѣба и зрѣлищъ, онъ рано или поздно вздернетъ насъ на висѣлицу.

Либлингъ возразилъ, что таково его истинное убѣжденіе, и онъ намѣренъ сдѣлать опытъ надъ роднымъ своимъ народомъ. Если ему и его единомышленникамъ удастся отвести евреевъ въ страну обѣтованную, они не сдѣлаютъ ихъ несчастными, давъ имъ парламентъ и прессу. Долой европейское развращеніе!

Всѣ зааплодировали. Андреасу показалось, что сіонизмъ Либлинга никто не принимаетъ въ серьёзъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ создаетъ ему извѣстное положеніе въ обществѣ.

Къ группѣ подошелъ господинъ, передъ которымъ всѣ невольно разступились. Онъ былъ худощавъ, нервенъ, съ желчнымъ цвѣтомъ лица. Его ястребиный носъ и острый взглядъ, казалось, бросали вызовъ каждому, кто вздумалъ бы ему противорѣчить. Его элегантность напоминала дуэлиста и биржевика.

— Это Ратиборъ! — шепнулъ кто-то.—Надо имѣть мѣдный лобъ для того, чтобы придти сюда!

Пришедшій заговорилъ не терпящимъ возраженія тономъ, сопровождая слова рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Надо столковаться, господа. Не все ли равно, какъ управляютъ страною, лишь бы порядокъ не былъ нарушенъ!

Этотъ взглядъ вызвалъ наибольшія одобренія. Андреасъ посмотрѣлъ на Ратибора съ завистью и восхищеніемъ. Внушать

людямъ почтеніе самымъ своимъ видомъ — какая недосягаемая мечта! Но онъ подивился неустойчивости мнѣній, выказываемой господствующими классами. Буржуазный абсолютизмъ Либлинга былъ всего болѣе въ ихъ интересахъ, но одновременно они дѣлали видъ, что раздѣляютъ устарѣвшіе на пятьдесятъ лѣтъ взгляды Веннихена. Въ сущности больше всего пришлось имъ по душѣ мнѣніе Ратибора. Андреасъ рѣшилъ пріобщиться къ нему, и это рѣшеніе ничего ему не стоило.

Утомленный впечатлѣніями и толкотнею, онъ захотѣлъ присѣсть, но не находилъ подходящаго сидѣнья. У стульевъ moderne были узкія жесткія спинки, у креселъ — треугольныя, или имъ недоставало ручекъ. Наконецъ, онъ нашелъ удобное мѣстечко въ салонѣ bleu-mourant и, прислонившись головою къ мягкой спинкѣ, безнадежно уставился въ сверкающій золотыми розетками для электричества потолокъ. Ни одного путнаго знакомства! Онъ не подвинулся ни на единый шагъ! Онъ окидывалъ взглядомъ робкаго завоевателя сидѣвшихъ вокругъ разряженныхъ женщинъ—полныхъ и изнѣженныхъ, какъ одалиски, худощавыхъ, подносившихъ лорнеты къ своимъ окаймленнымъ синевою, вызывающимъ глазамъ. Тотъ, кого онѣ подарятъ своею благосклонностью,—обезпеченъ на всю жизнь. Деньги валяются здѣсь на полу, и люди не дѣлаютъ ничего другого, какъ только набиваютъ ими карманы. Что за жизнь въ этой странѣ тунеядства, въ странѣ молочныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ!

Безобразный покрой его фрака бросился въ глаза молодому человѣку, сравнивавшему свой костюмъ съ безупречными костюмами остальныхъ, и при каждомъ сравненіи бѣшенство его возрастало. Онъ поклялся себѣ, что если черезъ полчаса не произойдетъ перемѣны къ лучшему, онъ уйдетъ отсюда съ тѣмъ, чтобы уже болѣе сюда не возвращаться.

Близъ него, напротивъ бержерки, осѣненной пальмами, на которой сидѣла полная высокая дама, остановились двое молодыхъ людей. Дама была уже не первой молодости, но бѣлизна ея лица отъ этого не пострадала, а такія дивныя плечи едвали были у нея въ юности,—подумалъ Андреасъ. Черные волосы, поднимавшіеся въ видѣ пышнаго шлема надъ узкимъ лбомъ, придавали ея крупнымъ чертамъ характерность. Она была въ бѣломъ шелку, и ниспадавшія съ корсажа кружева придерживались бриллiантовыми аграфами.

— Она все еще хороша, хотя немного тяжеловата,—въ восточномъ вкусѣ,—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— А Ратиборъ съ нею разошелся. Вотъ оселъ!

— Говорятъ, что это—изъ-за мужа.

— Неужели Тюркгеймеръ разыгралъ такую смѣшную роль? Послѣ того, какъ онъ двадцать лѣтъ предоставлялъ ей полную свободу?..

Собесѣдникъ пояснилъ. Ратиборъ оказался неблагодарнымъ. Благодаря близости къ фрау Адельгейдѣ, онъ проникъ въ коекакія тайны, и Тюркгеймеръ сталъ замѣчать, что на биржѣ многое уплываетъ у него изъ-подъ носу. Онъ, какъ умный человѣкъ, не мѣшается въ частныя дѣла своей жены, но въ дѣлахъ профессіи онъ строгъ.

— И онъ разорилъ Ратибора?

— Плохо же вы его знаете. Онъ предложилъ ему долю въ одномъ предпріятіи подъ условіемъ разрыва Ратибора съ его женою...

Въ эту минуту Андреасъ увидѣлъ въ дверяхъ изящнаго д-ра Бединера, съ моноклемъ въ глазу. Молодой человѣкъ ринулся на встрѣчу къ редактору.—Не будетъ ли г. докторъ такъ добръ: не представитъ ли его хозяйкѣ дома?

— Comment donc, mon cher!—воскликнулъ д-ръ Бединеръ, бывшій ранѣе парижскимъ корреспондентомъ:—я васъ ищу часа два, милѣйшій господинъ...

— Андреасъ Цумзее.

Редакторъ подхватилъ своего protégé подъ-руку и подвелъ къ фрау Тюркгеймеръ со словами:

— Прекрасная дама, позвольте вамъ представить моего талантливаго молодого собрата, г. Андреаса Цумзее, котораго я поручаю вашей благосклонности въ будущемъ.

И редакторъ моментально исчезъ.

Андреасъ поклонился такъ низко, что фрау Тюркгеймеръ подавила сострадательную улыбку и заговорила съ нимъ очень милостиво.

— Нашъ домъ открытъ для молодыхъ писателей, въ особенности — для талантливыхъ людей, рекомендованныхъ намъ д-ромъ Бединеромъ, г. Цумзее.

Андреасъ снова поклонился и присѣлъ на указанный фрау Тюркгеймеръ табуретъ. Она спросила, давно ли онъ занимается литературою?

— Очень недавно, и я не смѣлъ надѣяться на столь благосклонный пріемъ съ вашей стороны, дѣлающій меня безконечно счастливымъ. Интересъ къ литературѣ такъ ничтоженъ у насъ, что мы, начинающіе писатели, должны быть глубоко признательны тѣмъ немногимъ домамъ, въ которыхъ культивируется утонченный литературный вкусъ.

Эта заранѣе придуманная рѣчь отдавала провинціализмомъ, и, вѣроятно, фрау Тюркгеймеръ ждала другого, а потому посмотрѣла на Андреаса съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Она даже откинулась въ глубину бержерки и улыбнулась — видимо польщенная.

Андреасъ, опасавшійся дамскихъ лорнетовъ справа и слѣва, не отрываясь, глядѣлъ фрау Тюркгеймеръ прямо въ глаза, и взглядъ его голубыхъ глазъ, густо опушенныхъ загнутыми рѣсницами, производилъ впечатлѣніе, предугаданное д-ромъ Бединеромъ. Она нашла его пріятнымъ, свободнымъ отъ всякой дерзости и полнымъ юношеской преданности. Чувствуя, что его разсматриваютъ, Андреасъ покраснѣлъ, что̀ очень шло къ его бѣлокурому юношескому лицу съ легкимъ пушкомъ на верхней губѣ. Она продолжала его разглядывать. Тайная скорбь, набросившая тѣнь на ея черты, перешла въ забытье. Отъ нея осталась лишь нѣжная меланхолія, усиленная видомъ молодого человѣка, также нуждавшагося въ сочувствіи сострадательной души. Она освѣдомилась:

— Какъ вы чувствуете себя въ Берлинѣ? Вы, кажется, недавно оставили родину?

— Я съ береговъ Рейна.

— Это слышно по вашему выговору. Ахъ, Рейнъ!—вздохнула фрау Тюркгеймеръ, но не остановилась, однако, на рейнскихъ настроеніяхъ. Онъ долженъ чувствовать себя очень одинокимъ? Голосъ ея невольно понизился. Грусть, состраданіе и мечтательность—опутывали своими сѣтями молодого человѣка.

— Здѣсь холоднѣе, не правда ли, чѣмъ у васъ на Рейнѣ? У васъ умѣютъ веселиться, здѣсь—только потѣшаться. А деньги! Вы должны знать, что здѣсь нѣтъ ничего такого, чего бы люди не продали изъ-за выгодъ...

Андреасу казалось, что онъ слышитъ въ этихъ спокойныхъ словахъ вопль израненной души. Онъ былъ польщенъ ея довѣріемъ. Она небрежно прибавила:

— У васъ уже есть портной, г. Цумзее? Вы нуждаетесь въ дружескомъ руководительствѣ. Почему бы мнѣ не взять этого на себя?

Андреасъ поклонился. Ему показалось, что онъ ослышался.

— Ступайте къ Беренду въ Моренштрассе. Можете сослаться на меня. Онъ доставитъ вамъ безукоризненный гардеробъ. Я пришлю вамъ мою карточку.

Она протянула ему прекрасной формы, нѣсколько пухлую подъ перчаткою руку.

— Пожалуйста, не забывайте насъ. Я дома по пятницамъ...

Андреасъ вскочилъ, поцѣловалъ руку и отошелъ, задерживая дыханіе. Всѣ его мысли спутались. Когда онѣ слегка прояснились, онъ услышалъ позади себя голосъ, говорившій:

— Чортъ возьми! Вотъ кому счастіе во снѣ привалило. Вы не знаете исторіи съ портнымъ? Подателю карточки онъ дѣлаетъ за пятьдесятъ марокъ костюмъ, стоящій намъ триста.

Нѣсколько поодаль Андреасъ увидѣлъ генеральнаго консула съ острымъ брюшкомъ и подкрашенными котлетками-бакенбардами, встрѣченнаго имъ въ редакціи. Этотъ господинъ такъ ласково улыбнулся Андреасу, когда тотъ проходилъ мимо, что молодой человѣкъ счелъ долгомъ поклониться, и получилъ любезный отвѣтный поклонъ.

Какой-то незнакомецъ подошелъ къ Андреасу и безъ околичностей потрясъ его руку.

— Вы давно уже въ Берлинѣ?—спросилъ онъ:—всего тринадцать мѣсяцевъ? Ну, вотъ видите ли, а я здѣсь тринадцать лѣтъ, а г-жа Тюркгеймеръ еще не порекомендовала мнѣ портного,—и съ этими словами незнакомецъ отошелъ.

Въ дверяхъ второго салона Андреаса нагналъ протежé Лиззи—Дитрихъ Клемпнеръ, отрекомендовавшійся ему.

— Мы съ вами коллеги, не такъ ли? Ну, и везетъ же вамъ! Впрочемъ, при нашей спеціальности иначе и нельзя.

— Простите,—указалъ ему Андреасъ на господина съ бакенбардами въ видѣ котлетъ:—не знаете ли вы, кто это?

— Это? Ни болѣе, ни менѣе какъ самъ Тюркгеймеръ.

Андреасъ чуть не лишился чувствъ. Г. генеральный консулъ—вотъ что сбило его съ толку! Приглашеніе на раутъ было просто отъ г-жи Адельгейды Тюркгеймеръ. Дитрихъ Клемпнеръ усмѣхнулся.

— Вамъ кажется страннымъ, что онъ такъ любезно улыбнулся вамъ? А между тѣмъ это понятно. Вы одержали побѣду надъ ненавистнымъ ему Ратиборомъ.

IV.—Демократическая аристократія.

За ужиномъ Андреасъ оказался рядомъ съ Клемпнеромъ, Душницкимъ и Зюссомъ, взбѣшеннымъ потому, что Верда Бирацъ, актриса, воздушная, нѣжная блондинка въ прозрачномъ голубомъ платьицѣ безъ всякихъ украшеній, казавшаяся олицетвореніемъ дѣвической невинности, въ послѣднюю минуту бро-

сила своего кавалера для того, чтобы взять подъ-руку Ратибора. Зюссъ, не могшій успокоиться, пробормоталъ сквозь зубы что-то вродѣ „канальи“ по адресу этого юнаго созданія; правда, она не носитъ бриллiантовъ, какъ Лиззи Лаффé, у которой только они одни и остались отъ прошедшихъ черезъ ея руки сотенъ тысячъ, но зато она имѣетъ полъ-милліона въ банкѣ и даетъ деньги подъ проценты не хуже любого ростовщика...

Лиззи велъ къ ужину издатель Іекузеръ, толстякъ съ гладко выбритымъ лицомъ стараго актера, въ черномъ парикѣ. Андреасъ нашелъ его голову замѣчательной, но не встрѣтилъ сочувствія: тутъ не принято было чѣмъ-нибудь восхищаться. Сіонистъ Либлингъ оказался кавалеромъ русской путешественницы, княгини Бубуховой, а поэтъ Веннихенъ—прекрасной хозяйки дома. Тюркгеймеръ предложилъ руку миловидной г-жѣ Блохъ; мужъ ея велъ негласно различныя выгодныя, но сомнительныя дѣла, въ которыхъ уважаемому дому Тюркгеймера неудобно было принимать гласное участіе. Супруги Блохъ считались самою примѣрною супружескою четою въ Берлинѣ. Андреасъ, стоявшій съ Клемпнеромъ у стѣны, пропускалъ мимо себя безчисленныя, слѣдовавшія въ столовую, пары, но теперь онъ уже не оставался незамѣченнымъ въ людскомъ потокѣ. За послѣдніе полчаса онъ пріобрѣлъ имя и положеніе, онъ выдѣлился изъ толпы, благодаря капризу могущественной повелительницы. Андреасъ съ гордостью выдерживалъ испытующіе взгляды женщинъ и радовался, когда мужчины подходили съ нимъ знакомиться. Это былъ часъ его торжества.

Молодой человѣкъ изумлялся громаднымъ размѣрамъ столовой, въ которой было разставлено множество накрытыхъ столовъ, что придавало ей сходство съ общею залою большого ресторана. Гладкія бѣлыя стѣны украшались золочеными розетками; кромѣ гигантской люстры, столовая освѣщалась канделябрами подъ розовыми абажурами, стоявшими на каждомъ столѣ. Стукъ ножей и вилокъ не мѣшалъ разговору, изъ котораго Андреасъ узнавалъ различныя подробности о присутствовавшихъ. Пикантные разсказы и острый саладъ изъ омаровъ вызвали у него жажду, заставивъ его выпить болѣе, нежели онъ желалъ, такъ какъ онъ боялся „скомпрометировать“ себя. Онъ завидовалъ другимъ, могшимъ безнаказанно быть легкомысленными; ему предстояло еще упрочить свое положеніе. Онъ только дѣлалъ первые робкіе шаги, какъ учащійся ходить ребенокъ.

Послѣ ананаснаго крюшона начались рѣчи. Надъ головами гостей поднялась маленькая улыбающаяся голова съ развѣваю-

щимся вокругъ нея сѣдымъ пухомъ волосъ. Это Вольдемаръ Веннихенъ заговорилъ о союзѣ двухъ патриціанскихъ домовъ, о демократической аристократіи и тому подобномъ.

Когда онъ кончилъ, кругомъ зашептались о томъ, что нынѣшній раутъ—предпразднество по случаю свадьбы фрейлейнъ Асты Тюркгеймеръ съ высокороднымъ барономъ фонъ Гофштеттеномъ.

Тотчасъ взоры всѣхъ обратились къ жениху и невѣстѣ, причемъ Андреасъ замѣтилъ, что Аста дѣлаетъ недовольную мину. Она была красива, но, по мнѣнію Андреаса, не могла выдерживать сравненія съ матерью. Ея склонная къ полнотѣ фигура была приземиста, смуглое лицо не отличалось чистотою кожи, а густыя брови и упрямый ротъ придавали чертамъ нѣчто высокомѣрное, пугавшее Андреаса.

Женихъ ея оказался тѣмъ самымъ господиномъ съ жидкою бородкой и бѣлесоватыми волосами, къ которому Аста шла на встрѣчу, когда Андреасъ такъ некстати наступилъ ей на шлейфъ. Баронъ подпиралъ узкою, блѣдною, непомѣрно длинною рукою голову и сонно прислушивался къ словамъ невѣсты, причемъ ни одинъ мускулъ не шевелился на его лицѣ. Длинная, отвисшая челюсть и тонко изогнутый носъ придавали его профилю нѣчто лошадиное. Выраженіе блѣдно-голубыхъ глазъ могло быть въ зависимости не столько отъ мечтательности, сколько отъ малокровія. Андреасъ понялъ это, когда за сосѣднимъ столомъ раздалось принадлежащее остроумному адвокату Гольдгерцу восклицаніе:

— Усталая раса!

Въ этомъ опредѣленіи заключалось цѣлое сокращенное міровоззрѣніе, которое защитнику случалось не разъ проводить на практикѣ передъ судомъ. Оно отчасти составило его славу.

Легкое опьяненіе шампанскимъ, благодаря сангвиническому темпераменту Андреаса, побѣдило въ немъ робость новичка, и онъ уже не видѣлъ препятствій на своемъ пути. Онъ завоюетъ Адельгейду; въ сущности это—не особенно трудная, но славная задача. Конечно, это—не идиллія, а лишь ступень къ его возвышенію. Не увезетъ же онъ генеральную консульшу на необитаемый островъ!

— Вотъ за кѣмъ бы вамъ слѣдовало поухаживать!—сочувственно сказалъ Душницкій, видя, что Андреасъ поглядываетъ въ сторону Асты,—для того, чтобы обезпечить себѣ ея дружескій нейтралитетъ.

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ Клемпнеръ.—Вы знаете,

что Аста смотритъ на друзей своей матери какъ на своихъ личныхъ враговъ. Это она сыграла штуку съ Ратиборомъ.

— Дьявольскій характеръ, — слезливо пробормоталъ Зюссъ, котораго шампанское настраивало на грустный ладъ.

— Развѣ Аста завидуетъ матери? — освѣдомился Андреасъ.

— Вотъ еще! Она презираетъ ее.

— Она такъ добродѣтельна?

— Изъ снобизма, — пояснилъ Клемпнеръ, — она простила бы матери троихъ старыхъ графовъ заразъ, но у нея рѣшительное предубѣжденіе противъ молодыхъ талантовъ.

Андреасъ, вспомнивъ опредѣленіе Кафлиша, замѣтилъ, что Аста — модернистка, въ ней интеллектъ преобладаетъ надъ женственностью.

— Она очень moderne въ смыслѣ траты денегъ, — замѣтилъ Душницкій: — отцу она обходится такъ же дорого, какъ любая изъ его „дамъ".

— А дочери этого не полагается! — горестно заключилъ Зюссъ.

— Она покупаетъ себѣ аристократическое имя. Кому нужны эти старыя, истрепанныя имена? Такихъ бароновъ и тайныхъ совѣтниковъ можетъ заводить себѣ и средній кругъ, съ тѣхъ поръ какъ знать ударилась въ либерализмъ, который у насъ уже не въ модѣ.

За столомъ закурили, и Андреасъ, закуривая папиросу, обратилъ вниманіе на серебряный канделябръ, изображавшій собою изящную колонну, къ которой прислонилась Коломбина. Ее обнималъ какой-то господинъ, а Полишинель скромно держалъ подсвѣчникъ. Андреасъ, бывшій въ радужномъ настроеніи, ощутилъ потребность восхититься группою, но, вспомнивъ, что здѣсь восхищеніе не принято, снисходительно замѣтилъ:

— Недурная работа.

Клемпнеръ, подъ впечатлѣніемъ винныхъ паровъ, принялся излагать теорію о роли Полишинеля въ исторіи человѣчества. Онъ видѣлъ въ немъ комическій типъ первобытнаго, лишеннаго предразсудковъ человѣка, равно склоннаго къ героическимъ подвигамъ и къ низкимъ дѣламъ. Онъ сравнилъ его съ Зигфридомъ и Парсивалемъ, представляющимъ тотъ же типъ съ трагической стороны. Взоръ его, отуманенный виномъ, остановился на лицѣ Андреаса.

— А вѣдь и въ васъ, милѣйшій, есть нѣкоторыя особенности этого типа.

Андреасъ былъ черезчуръ миролюбиво настроенъ для того,

чтобы обидѣться; поэтому онъ ограничился вопросомъ объ имени художника. Зюссъ отвѣтилъ ему съ горестнымъ негодованіемъ:

— Откуда вы явились, что не знаете имени Клодіуса Мертенса? Взгляните въ ту сторону, и вы удостоитесь лицезрѣть великаго человѣка.

Посмотрѣвъ по указанному направленію, Андреасъ увидѣлъ широкоплечаго господина съ добродушнымъ лицомъ, бѣлокурою бородой и небрежно повязаннымъ галстукомъ. Рука его съ толстыми пальцами, лежавшая на столѣ, показалась Андреасу такою сильной, что онъ съ сомнѣніемъ взглянулъ на тонкую и хрупкую группу его работы. Странно, что онъ не слыхалъ имени художника.

— Это не мудрено,—замѣтилъ Душницкій:— Мертенсъ работаетъ лишь для двухъ-трехъ домовъ, платящихъ ему колоссальныя деньги, и ничего не выставляетъ. Не хотите ли взглянуть на его произведенія?

Они встали изъ-за стола, но по дорогѣ Душницкій и Зюссъ исчезли, и Андреаса проводилъ Клемпнеръ въ маленькій зеркальный кабинетъ, сообщавшійся съ большою оранжереей. Тамъ на стройныхъ цоколяхъ, полускрытыхъ группами растеній, стояли бронзы, терракотты и серебряныя статуэтки, принадлежавшія къ одной и той же семьѣ худощавыхъ фавновъ, опьяненныхъ луннымъ сіяніемъ сильфовъ, сладострастныхъ козловъ и загадочно улыбавшихся мальчиковъ. Сюжеты были рискованные, но это, казалось, не смущало сидѣвшихъ на диванахъ пожилыхъ мужчинъ и вооруженныхъ лорнетами дамъ. Хрупкая нимфа имѣла отдаленное сходство съ юною актрисою Вердою Бирацъ, а улыбка и толстое брюхо преслѣдовавшаго ее мраморнаго сатира—показались Андреасу знакомыми: онъ видѣлъ ихъ гдѣ-то въ этой толпѣ.

— Вотъ искусство Клодіуса Мертенса!—сказалъ Клемпнеръ съ мрачною торжественностью.

— А что же дѣлаетъ художникъ кромѣ этого? — спросилъ Андреасъ, не будучи въ состояніи побѣдить чувства нѣкоторой неловкости.

— Не осуждайте Мертенса,—онъ продуктъ нынѣшняго общества!—воскликнулъ трагически Клемпнеръ, бія себя въ грудь:— въ молодые годы Мертенсъ мечталъ о томъ, чтобы воскресить искусство Микель-Анджело, и питался въ тѣ времена черствымъ хлѣбомъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ открылъ какое-то новое искусство, нужное въ настоящее время любителямъ художествъ, онъ получаетъ по десяти приглашеній въ недѣлю и ему дѣлаютъ заказы тутъ же за ужиномъ.

Они вернулись въ первый салонъ, уже снова наполнившійся. Воздухъ въ немъ былъ свѣжъ и ароматенъ, и гости жадно вдыхали его.

— Совсѣмъ горный воздухъ, не правда ли? — сказалъ, улыбаясь, Тюркгеймеръ. Онъ объяснилъ, что это дѣйствуетъ аппаратъ съ озогеномъ. — Благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, можно за какую-нибудь тысячу марокъ дышать цѣлый вечеръ чистѣйшимъ горнымъ воздухомъ.

— На тысячу марокъ воздуху! — воскликнула восхищенная Лиззи Лаффѐ.

— Я готовъ пустить тысячу марокъ на воздухъ ради удобства моихъ гостей, — отвѣтилъ Тюркгеймеръ съ любезнымъ поклономъ.

Когда большой залъ наполнился гостями до такой степени, что трудно было двигаться, вздумали танцовать. Откуда-то появившійся кругленькій господинъ, потирая руки, скользнулъ къ роялю и сейчасъ же энергично заигралъ вальсъ, подъ звуки котораго закружились четыре-пять паръ, наступая людямъ на ноги и очищая себѣ такимъ образомъ мѣсто. Андреасъ не безъ страха глядѣлъ на молодыхъ дѣвушекъ, опасаясь, что Тюркгеймеръ подведетъ его къ одной изъ нихъ. У худощавыхъ былъ маленькій вырѣзъ, у полныхъ — значительно большій. Андреасу онѣ казались чванными какъ принцессы и дерзко-насмѣшливыми какъ уличные мальчишки; у него было неясное ощущеніе, что ему нечего съ ними дѣлать. Счастье его можетъ составить лишь зрѣлая женщина, опытность которой позволитъ ей оцѣнить по заслугамъ преданность и довѣріе молодого человѣка.

„Я слишкомъ наивенъ для молодыхъ дѣвушекъ“, — подумалъ Андреасъ, и вдругъ замѣтилъ неподалеку хозяйку дома, шедшую съ двумя дамами. Ея гордая походка понравилась Андреасу еще болѣе, чѣмъ ея усталая поза въ креслѣ. Ея бюстъ и круглая талія отъ этого выигрывали, а манеру ея высоко держать голову съ шлемомъ черныхъ волосъ онъ нашелъ прямо обольстительной. Онъ почтительно поклонился.

— А, вотъ мы и опять встрѣтились, г. Цумзее, — проговорила она, какъ бы случайно остановясь рядомъ съ нимъ; Клемпнеръ удалился съ деликатностью, не оставшейся незамѣченною.

— Вы еще не танцовали?

— Нѣтъ еще.

— Ахъ, эти нынѣшніе молодые люди! Но почему же?

Андреасъ, продолжая смотрѣть ей въ глаза, покраснѣлъ. Повторить какую-нибудь ложь, много разъ ею слышанную отъ

другихъ, — глупо. Не лучше ли — попросту сознаться въ своей робости?

— Вы станете надо мною смѣяться, — началъ онъ, поощряемый ея улыбкою, — но я еще ни разу не танцовалъ въ Берлинѣ, и долженъ вамъ сознаться, что до сихъ поръ я не сказалъ ни слова ни съ одною берлинскою барышней.

— Сознайтесь, что вы трусите, — замѣтила она, шутливо ударивъ его вѣеромъ по рукѣ.

— Въ чемъ тутъ сознаваться? — вздохнулъ онъ: — послѣ тѣхъ словъ, которыми вы такъ осчастливили меня, что̀ могъ бы я сказать этимъ молодымъ особамъ?

Она улыбнулась съ оттѣнкомъ задумчивости. Его на этотъ разъ импровизированная рѣчь показалась ей не банальною и произвела хорошее впечатлѣніе. Она быстро и дружелюбно кивнула головою молодому человѣку и бросила ему, уходя:

— Веселитесь же. До свиданія!

Кафлишъ, неожиданно оказавшійся передъ Андреасомъ, подалъ ему изящно согнутую калачикомъ руку и, поднявъ къ нему свое ухмыляющееся лицо, шепнулъ: — Обольститель!

Они прошли черезъ боковой кабинетъ въ обширную комнату, гдѣ группа гостей тѣснилась у круглаго стола, обнесеннаго на нѣкоторомъ разстояніи рѣшеткою. На столѣ Андреасъ замѣтилъ весьма остроумнаго устройства горизонтальное колесо, каждая спица котораго обозначалась лошадкою изъ слоновой кости. На лошадкахъ возсѣдали наѣздницы изъ серебра и перламутра, позы которыхъ отличались большою рискованностью. Никто кромѣ Клодіуса Мертенса не могъ быть ихъ творцомъ.

— Вы никогда не играли въ petits-chevaux? — спросилъ Кафлишъ, и такъ какъ Андреасъ не рѣшился солгать, громогласно провозгласилъ: — Господа, я покажу вамъ нѣчто невиданное. Вотъ господинъ, никогда не игравшій въ лошадки.

Въ рядахъ гостей пронесся шопотъ. Какой-то худощавый игрокъ, съ дрожащими руками, спросилъ, сколько лѣтъ Андреасу, и затѣмъ, обернувшись къ сидѣвшему за рѣшеткою и принимавшему ставки толстяку, крикнулъ:

— Нумеръ 5-й!

— Одну секунду, г. Штибицъ, — остановилъ толстяка д-ръ Бединеръ, главный редакторъ „Курьера“: — Не хотите ли вы поставить, господинъ...?

— Цумзее! — подсказалъ Андреасъ.

— Конечно, поставьте! — дружески посовѣтовалъ Тюркгеймеръ, благосклонно ему улыбавшійся.

— Нумеръ 5-й! — громко произнесъ Андреасъ, голосомъ, перенятымъ имъ у худощаваго игрока.

— Сколько?—спросилъ Штибицъ.

Андреасъ увидѣлъ на зеленомъ сукнѣ цѣлыя горки золота, и ему стало не по себѣ. Боясь, что онъ неприлично-долго колеблется, онъ вынулъ портмонэ и небрежнымъ движеніемъ бросилъ на столъ двѣ монеты по двадцати марокъ. Штибицъ пустилъ колесо. Пятый нумеръ выигралъ, и передъ Андреасомъ очутилось 280 марокъ.

Андреасъ мелькомъ взглянулъ на деньги и не взялъ ихъ; онъ боялся покраснѣть отъ удовольствія. Серебряная наѣздница, оскорблявшая, сама этого не подозрѣвая, общественное приличіе, казалось, ободряюще ему улыбалась. Онъ снова поставилъ на пятый нумеръ.

— Седьмой! — спокойно сказалъ Тюркгеймеръ послѣ того, какъ ставки были сосчитаны.

— Пятый! — проговорилъ подошедшій къ нимъ сіонистъ Либлингъ.

Снова заскрипѣло колесо, медленно задвигались лошадки. Опять выигралъ 5-й нумеръ. Штибицъ положилъ передъ Андреасомъ билетъ въ тысячу марокъ, одинъ—въ пятьсотъ, четыре—по сту и три монеты по двадцати марокъ. Тюркгеймеръ подошелъ къ молодому человѣку и подалъ ему руку, поглаживая другою свои бакенбарды.

— Право, мнѣ было пріятно проиграть вамъ. Я цѣлый вечеръ ставлю на 7-й нумеръ. Долженъ же онъ когда-нибудь выйти.

Андреасъ коротко поблагодарилъ. У него захватило духъ отъ страха проиграть такую сумму. Въ третій разъ уже не выиграешь, и рука его, подвигавшая-было Штибицу деньги, остановилась. Уйти съ выигрышемъ — неприлично, но почему жертвовать всѣмъ? Наслѣдственный здравый смыслъ его предковъ, честныхъ винодѣловъ, дрожавшихъ надъ каждымъ грошомъ, одержалъ верхъ надъ свѣтскими соображеніями. Пусть берлинцы разыгрываютъ изъ себя такихъ дураковъ!—Андреасъ подвинулъ Штибицу триста марокъ и, засунувъ остальныя деньги небрежно въ карманъ, снова объявилъ 5-й нумеръ. Онъ оглянулся, думая, что надъ нимъ смѣются, но, наоборотъ, его поведеніе вызвало, повидимому, нѣчто вродѣ восхищенія.

На этотъ разъ вышелъ нумеръ седьмой, выигралъ Тюркгеймеръ, и Андреасъ отошелъ, обмѣнявшись вѣжливымъ поклономъ съ хозяиномъ, проговорившимъ ему вслѣдъ: „Браво!“ У дверей

онъ встрѣтилъ Либлинга. Сіонистъ поздравилъ его и крѣпко пожалъ ему руку, но посовѣтовалъ больше не играть: счастье не повторяется.

Было уже болѣе трехъ часовъ ночи, когда Андреасъ спускался побѣдителемъ по уставленной цвѣтущими растеніями лѣстницѣ, превращенной въ висячій садъ. На подъѣздѣ онъ столкнулся съ Кафлишемъ; была ясная, морозная ночь, и по всей улицѣ снѣгъ блестѣлъ отъ фонарей экипажей, стоявшихъ двумя рядами. Кафлишъ предложилъ взять извозчика; дорогою они разговорились о Тюркгеймерахъ, въ домѣ которыхъ Андреасъ надѣялся занять опредѣленное положеніе.

— Что, Тюркгеймеръ очень богатъ?

— Ничего-себѣ,—отвѣтилъ Кафлишъ,—особенно послѣ спекуляціи съ желѣзными дорогами Puerta Vergogna.

Онъ вкратцѣ изложилъ Андреасу эту загадочную исторію. Тюркгеймеръ убѣдилъ президента этой страны (чуть ли не бѣглаго каторжника) въ необходимости проведенія въ ней желѣзнодорожныхъ путей и получилъ на нихъ концессію вмѣстѣ съ званіемъ генеральнаго консула. У нѣмецкой публики есть особое влеченіе къ бумагамъ съ звонкими названіями; но когда изъ семидесяти милліоновъ президентъ не получилъ ни гроша, онъ понялъ, что Тюркгеймеръ будетъ посильнѣе бѣглаго каторжника, и отказался отъ сдѣлки. Теперь наше правительство собирается принять мѣры для огражденія интересовъ германскихъ подданныхъ.

— Семьдесятъ милліоновъ! — мечтательно проговорилъ Андреасъ.

— Великій человѣкъ, не правда ли? — воскликнулъ Кафлишъ.—Наполеонъ, Бисмаркъ, Тюркгеймеръ!

Въ заключеніе, онъ занялъ у „собрата“ сто марокъ и предоставилъ ему заплатить извозчику.

V.—„Особый интересъ“.

Первая мысль, съ которою Андреасъ проснулся около полудня, была о портномъ Берендѣ. Нехорошо, что исторія съ карточкою оказывалась старою исторіей, но кто хочетъ преуспѣть — долженъ быть выше предразсудковъ. Онъ вынулъ банковые билеты, разгладилъ ихъ, но тотчасъ же небрежно засунулъ ихъ въ карманъ, словно обладаніе этими деньгами было нѣчто вполнѣ естественное и должное. Жизнь, для которой онъ былъ созданъ, только теперь начиналась.

Онъ собирался выйти, когда лакей принесъ ему карточку фрау Тюркгеймеръ. Уже? Андреасъ, насвистывая, сбѣжалъ по лѣстницѣ со своего четвертаго этажа, взялъ хорошаго извозчика и остановилъ его „Подъ Липами". Прежде всего онъ купилъ шляпу, модный галстукъ, перчатки, батистовый платокъ, и уже затѣмъ, собравшись съ духомъ, позавтракалъ у Aimé устрицами и шабли—въ память вчерашняго вечера. Послѣ завтрака онъ, съ сигарою въ зубахъ, отправился къ своему первому совѣтнику—Кёпфу.

— Ну, что, вы довольны?—встрѣтилъ тотъ его не безъ любопытства.

— Ничего-себѣ. Я выигралъ двѣ тысячи марокъ, и вскорѣ надѣюсь, на основаніи личнаго опыта, сообщить вамъ нѣкоторыя интимныя подробности относительно фрау Тюркгеймеръ.

— Скоро, однако!—замѣтилъ Кёпфъ со своею двусмысленною улыбкой.

— Хотите доказательствъ?—Андреасъ уже схватился за боковой карманъ сюртука, но подумалъ, что карточка къ портному—не такой уже лестный документъ, чтобы ею хвастаться.—Серьезно, я имѣлъ успѣхъ, но въ такомъ домѣ, гдѣ царитъ пріятный свободный тонъ, это и не трудно. Женщины дѣлаютъ вамъ глазки, золото само собою сыплется къ вамъ въ карманъ...

— Да неужели?

— По-моему, тамъ люди цѣлый день бьютъ баклуши. Не знаю, что они называютъ „дѣлами", но, вѣроятно, эти дѣла отнимаютъ у нихъ немного времени. У однихъ—страшно много денегъ, у другихъ—совсѣмъ ничего нѣтъ. Отличная ѣда, тонкія вина, женщины, остроуміе, искусство, удовольствія—все это имѣется тамъ, словно въ странѣ медовыхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ...

— Браво! Вотъ что я называю искреннимъ восторгомъ!

Андреасъ осѣкся; ему показалось, что онъ хватилъ черезъ край, и онъ сказалъ:

— Конечно, нашъ братъ писатель подходитъ къ этому со своей мѣркой. Мы обличаемъ это общество.

— Оставьте!—усмѣхнулся Кёпфъ.—Смотрите на дѣло проще, милый другъ. Не разыгрывайте, честолюбія ради, какого-то жалкаго обличителя. У васъ слишкомъ счастливая для этого натура: вы должны нравиться. А затѣмъ не думайте, что дамы у Тюркгеймеровъ—какія-то маркизы XVIII-го вѣка. Онѣ совсѣмъ не такъ доступны, смѣю васъ завѣрить по личному скромному опыту. Хорошій тонъ требуетъ, чтобы напускать на себя цинизмъ и по-

рочность, а въ сущности всѣ онѣ—дамы буржуазныя и дорожатъ принципами извѣстной морали.

Андреасъ вспомнилъ Асту и продолжалъ внимательно слушать Кёпфа, для котораго судьба Андреаса представляла родъ интереснаго эксперимента. Какъ разовьется этотъ безсознательный спекуляторъ и наивный искатель счастья въ той жирной почвѣ, въ которую его пересадили?

— Вамъ слѣдуетъ, напримѣръ, убѣдить женщину, любви которой вы добиваетесь, что романъ съ вами не есть нѣчто заурядное, испытанное, но нѣчто совсѣмъ иное, вносящее въ ея жизнь новизну, оригинальность, особый интересъ, даже льстящее ей. На ряду съ преданностью и покорностью, вы должны стараться чѣмъ-нибудь импонировать ей: не быть „какъ всѣ". Это тѣмъ легче для васъ, что вы—рейнскій уроженецъ. Ваша культура—болѣе древняя, и каждый захудалый вашъ крестьянинъ—болѣе аристократъ, чѣмъ выходцы съ востока, живущіе въ палатахъ...

Андреасъ отъ восторга привскочилъ на мѣстѣ, хлопнувъ себя по колѣнямъ. Онъ принялся ходить по комнатѣ, проявивъ вдругъ необычайную развязность, передразнивалъ вчерашнихъ гостей, походку Зюсса, гнусавый говоръ Тюркгеймера и его манеру пощипывать бородку. Конечно, всѣ они—выскочки, уроженцы Галиціи или Помераніи. Онъ смѣялся надъ толщиною Адельгейды, надъ женщинами вообще, а Кёпфъ слушалъ его, посмѣиваясь и такъ предательски поблескивая глазами, что нельзя было понять: забавляютъ ли его разсказы Андреаса или самъ Андреасъ.

Въ заключеніе Андреасъ попросилъ Кёпфа занять для него комнату въ томъ же домѣ. Эта мѣстность—приличная, и если важная дама пожелаетъ осчастливить посѣщеніемъ бѣднаго поэта...

— Конечно. Такая предусмотрительность дѣлаетъ вамъ честь, и я начинаю думать, что вамъ дѣйствительно суждено имѣть успѣхъ.

Отъ Кёпфа Андреасъ поѣхалъ къ знаменитому портному, имѣвшему видъ посланника. Г. Берендъ пригласилъ его въ салонъ, убранный со строгимъ великолѣпіемъ, и спросилъ: чѣмъ можетъ ему служить? Андреасъ побоялся обнаружить свое невѣжество въ выборѣ матерій и фасоновъ, но въ этомъ не оказалось надобности,—г. Берендъ прервалъ его на первыхъ же словахъ.

— Понимаю, вамъ необходимъ полный гардеробъ, отвѣчающій вкусу знатнѣйшихъ домовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляющій вашу индивидуальность? Ничего преувеличеннаго по части по-

слѣднихъ требованій. Мода—съ одной стороны, и легкій оттѣнокъ художественности — съ другой. Разрѣшите мнѣ поближе изучить вашъ жанръ. Будьте добры, пройдитесь вонъ до того зеркала.

Г. Берендъ, прищуривъ глазъ, внимательно изучалъ заказчика, и когда тотъ вернулся, поблагодарилъ его.

— Очень вамъ признателенъ. Я совершенно удовлетворенъ.

Онъ позвонилъ, явился закройщикъ, и г. Берендъ съ поклономъ удалился, такъ какъ ничтожное дѣло—снятіе мѣрки—уже не требовало его присутствія.

Въ пятницу — пріемный день фрау Тюркгеймеръ—Андреасъ получилъ свои костюмы, которые пришлось разложить по всей мебели, не видавшей ни разу въ жизни такого великолѣпія, хотя лѣтъ ей было немало.

Произведенія г. Беренда могли служить иллюстраціей свѣтскихъ обычаевъ — такъ тщательно были они приспособлены къ различнымъ случаямъ жизни. Каждая пара была снабжена билетикомъ съ надписью, спасшей Андреаса отъ возможной ошибки: „визитный костюмъ“, „вечерній“ (en petit comité), „костюмъ для прогулки“, „смокингъ“ и т. д.

Андреасъ выбралъ костюмъ, снабженный этикеткою „five o'clock“, и когда онъ подошелъ совсѣмъ готовый къ зеркалу, взору его предсталъ воочію давно лелѣянный имъ въ мечтахъ идеалъ. Безукоризненный черный сюртукъ до колѣнъ при свѣтлыхъ жемчужно-сѣрыхъ панталонахъ, изящный жилетъ, бѣлоснѣжный отливъ плиссированной рубашки. Натягивая перчатки, онъ изучалъ передъ зеркаломъ свои позы.

Въ карманѣ пальто Андреасъ нашелъ счетъ портного — на четыреста марокъ; выходило на кругъ по тридцати марокъ за костюмъ, т.-е. значительно менѣе того, что бралъ портной въ Гумплахѣ.

По дорогѣ Андреасъ заѣхалъ расплатиться съ г. Берендомъ, и на этотъ разъ уже съ чувствомъ собственнаго достоинства онъ вступилъ въ еще незнакомый ему салонъ фрау Тюркгеймеръ, обитый желтымъ атласомъ, уставленный причудливою черною съ золотомъ лакированною мебелью и устланный зеленоватымъ ковромъ.

При входѣ Андреаса воцарилось молчаніе; только Аста, сидѣвшая съ женихомъ поодаль, продолжала разговаривать.

Андреаса представили фрау Моръ и фрау Пимбушъ. Первая — красивая, просто одѣтая, съ милою улыбкой и честнымъ лицомъ — казалась воплощенною добродѣтелью; у нея даже не было лорнета, всегда пугавшаго Андреаса. Ходили слухи, что

только недостатокъ въ деньгахъ мѣшаетъ ей быть добродѣтельною въ жизни, но она добывала деньги въ другомъ кругу — знатныхъ иностранцевъ и иностранныхъ принцевъ, притомъ — съ соблюденіемъ всевозможныхъ приличій, такъ что буржуазная мораль отъ этого не страдала. Она была предана Адельгейдѣ, а потому ея улыбка какъ бы сказала Андреасу: „Я—вашъ другъ".

Фрау Пимбушъ, супруга водочнаго фабриканта, казалась, наоборотъ, олицетвореніемъ порока: все въ ней кричало объ этомъ — начиная съ ярко-красныхъ взбитыхъ волосъ, украшенныхъ аметистовыми гребнями. Надъ ея низкимъ зеленоватымъ лбомъ, казалось, копошились нечистыя мысли. Зеленоватые же глаза были обведены розовыми кругами до самыхъ скулъ и среди этого подозрительнаго румянца бѣлый какъ мѣлъ длинный носъ и острый подбородокъ выдавались впередъ, какъ у клоуна. Кроваво-красные уголки губъ двусмысленно кривились; несмотря на худобу, лицо ея казалось распухшимъ, и вся голова ея на длинной шеѣ — походила на пестрый, налитый сокомъ ядовитый цвѣтокъ на черезчуръ тонкомъ стеблѣ.

Самъ Пимбушъ былъ типичнымъ обитателемъ страны тунеядства, наслѣдникомъ знаменитаго водочнаго феодала, основавшаго милліонное дѣло. Пимбушъ презиралъ „лѣнивыхъ пролетаріевъ", напивавшихся и опивавшихся его водкою; мечтою жизни его было прослыть утонченнѣйшимъ джентльменомъ эпохи упадка. Онъ взялъ себѣ образцомъ для подражанія — высокороднаго барона фонъ-Гофштеттена, а такъ какъ къ тридцати-пяти годамъ онъ облысѣлъ и пріобрѣлъ пергаментный цвѣтъ кожи, это значительно облегчило его задачу. Этотъ отпрыскъ здоровыхъ бюргеровъ подошелъ къ идеалу совершеннѣйшаго кретинизма почти такъ же близко, какъ и потомокъ нюрнбергскихъ маркграфовъ.

Совсѣмъ въ сторонѣ сидѣла съ недоступною миною фрейлейнъ фонъ Гофштеттенъ, тридцатилѣтняя особа съ фамильнымъ носомъ, исключавшимъ всякую претензію на красоту. Каждою чертою своего худого надменнаго лица она словно говорила, что не одобряетъ женитьбы брата, но готова получить свою часть денегъ въ этой сдѣлкѣ. Она находила, что великолѣпные бюргерскіе салоны пахнутъ лавкою, а на изящныхъ джентльменахъ лежитъ неизгладимый налетъ обвѣшиванія и обмѣриванія; супруги же ихъ, какъ ни стараются онѣ обезьянничать свѣтскихъ дамъ и кокотокъ — остаются въ сущности жалкими мѣщанками. Дѣвица фонъ-Гофштеттенъ была такъ же молчалива, какъ и ея братъ, только онъ молчалъ по причинѣ малокровія, а она — изъ высокомѣрія.

Кромѣ нихъ, въ гостиной былъ еще Либлингъ, и Андреасъ, сравнивъ его сюртукъ со своимъ, отдалъ должное тонкому чутью г. Беренда, понимавшаго: кому что нужно. Жанръ Либлинга требовалъ простой корректности; даже въ покроѣ жилета сказывался моралистъ.

Всѣ съ увлеченіемъ говорили о предстоящемъ представленіи „Мести", разрѣшеніе которой къ постановкѣ потребовало такихъ хлопотъ. Узнавъ, что всѣ билеты распроданы, Пимбушъ поблѣднѣлъ. Не быть на такой première! Онъ выполнялъ свѣтскій ритуалъ съ благоговѣніемъ мистика, и счелъ бы себя опозореннымъ, еслибы цилиндръ его имѣлъ менѣе семи отливовъ, а тубероза въ его бутоньеркѣ—менѣе тринадцати лепестковъ.

— Ты слышишь, Клэра,—обратился онъ къ женѣ:—у насъ не будетъ ложи на „Месть".

— Въ такомъ случаѣ придется отъ нея отказаться, — снисходительно отвѣтила она, играя лорнетомъ.

— Но это невозможно! Всѣ тамъ будутъ.

— Еще бы! На сценѣ—революція, бьютъ все и вся!—насмѣшливо отозвалась Аста.

— Какая грубость!—заявилъ Либлингъ.

Заговорили о томъ, кто бы могъ быть авторъ? Навѣрное — кто-нибудь изъ ихъ круга.

— Вы—писатель, вы должны знать его!—воскликнула фрау Пимбушъ, повернувшись къ Андреасу и гипнотизируя его взглядомъ.

— Увѣряю васъ, я ничего не знаю.

— Но вы будете на спектаклѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, смутясь.

— Почему?

Въ сущности онъ и самъ и не зналъ: почему? Навѣрное, нашлось бы какое-нибудь мѣсто. Фрау Тюркгеймеръ мелькомъ взглянула въ его сторону при этихъ словахъ.

Либлингъ заговорилъ о современномъ паденіи нравовъ, строго осуждая порокъ и расточительность и приводя въ примѣръ молодого Іесселя, спустившаго три милліона въ полтора года. Фрау Пимбушъ заспорила: нынѣшніе молодые люди боятся страсти и берегутъ свое драгоцѣнное здоровье,—женщинѣ нечего опасаться съ ихъ стороны. Фрау Моръ добродушно разсмѣялась — тихимъ смѣхомъ уважаемой матроны, относящейся снисходительно къ рискованной выходкѣ младшей подруги. Андреасъ, рѣшившійся поразить тонкостью своихъ замѣчаній, проговорилъ, что нынѣшнее поколѣніе, происходящее отъ переутомленныхъ работою отцовъ, должно соблюдать осторожность. Всѣ устои расшатались, и никто

не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что завтра ему не придется работать.

Онъ мысленно ликовалъ, сидя между двухъ дамъ, платья которыхъ задѣвали его колѣни, и разговаривая съ ними о такихъ интимныхъ предметахъ. Взоръ фрау Моръ нѣжно убаюкивалъ его, а зеленоватые глаза фрау Пимбушъ, вмѣстѣ съ запахомъ раздражающихъ духовъ, обволакивали его странными чарами.

На часахъ пробило пять, причемъ охранявшій ихъ зелено-золотой драконъ пять разъ разинулъ пасть.

Тотчасъ же открылись двери, и двое лакеевъ внесли столикъ съ чайнымъ приборомъ. Хозяйка дома разливала чай, а фрейлейнъ Аста подавала чашки гостямъ. Когда она подошла къ Андреасу, онъ, желая снискать ея милость, высказалъ предположеніе, что слѣдовало бы отпраздновать особеннымъ образомъ свадьбу многоуважаемой фрейлейнъ.

— Съ кѣмъ это вы желаете праздновать?—отрѣзала Аста, не глядя на него, и между ея густыхъ бровей показалась складка. Она презрительно пожала своими сутуловатыми плечами.

У бѣднаго молодого человѣка, мечтавшаго побѣдить ея нѣмую непріязнь, улыбка застыла на губахъ. Гнѣвъ приземистой брюнетки напомнилъ ему негодованіе поблекшей блондинки, буфетчицы въ кафе „Ура!“, отвѣтившей на его попытку обнять ее:—Что это вы о себѣ вообразили, юноша?!

Фрау Пимбушъ ѣдко улыбнулась, а фрау Моръ шепнула:—Я забыла васъ предупредить, что Аста не желаетъ никакихъ празднествъ.—Затѣмъ она проговорила, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ:

— Въ сущности это нехорошо, милая Аста, что вы не позволяете вашимъ друзьямъ принять участіе въ самомъ торжественномъ днѣ вашей жизни.

— Тихая свадьба — самая модная, — замѣтилъ подошедшій Пимбушъ.

— Съ какой стати я буду вмѣшивать людей въ мои личныя дѣла!—возразила Аста.—Это уже отжило.

Либлингъ что-то неодобрительно пробормоталъ, но не рѣшился противорѣчить рѣшительной молодой дѣвушкѣ. Андреасъ проговорилъ почти про себя:

— У фрейлейнъ Асты современныя воззрѣнія, она—модернистка.

— Отжило?—повторила задумчиво фрау Пимбушъ.—Дѣйствительно, я нахожу, что въ свадьбѣ есть что-то неловкое...—и, наморщивъ лобъ, она прибавила:—я сказала бы: почти неприличное.

Аста съ багровымъ лицомъ стояла нахмуренная, а затѣмъ вдругъ повернулась и вышла изъ комнаты; за нею, какъ во снѣ, послѣдовалъ баронъ, за барономъ—Пимбушъ, ставшій его тѣнью.

Андреасъ чувствовалъ, что послѣ нанесенной ему Астою обиды ему слѣдуетъ уйти, но не можетъ же онъ поставить на карту свою будущность, и сознавая все свое униженіе, онъ остался. Дамы, отвернувшись отъ него, заговорили съ Либлингомъ. По счастію для него, появленіе новой гостьи произвело диверсію. Въ салонъ впорхнула маленькая элегантная фрау Гольдгерцъ, жена адвоката, съ развѣвающимися перьями на шляпѣ, съ развѣвающимся кружевнымъ воланомъ платья. Она перепархивала съ мѣста на мѣсто и безъ умолку щебетала. У нихъ тоже нѣтъ ложи на „Месть",—всѣ билеты проданы.

— И у меня нѣтъ ложи,—сказала фрау Тюркгеймеръ, наливая ей чай. Замѣтивъ исчезновеніе Асты, она обратилась къ Андреасу:

— Г. Цумзее, будьте такъ любезны, помогите мнѣ хозяйничать.

Андреасъ поспѣшилъ повиноваться; онъ снова выросъ въ собственныхъ глазахъ, и гостья одобрительно осмотрѣла его въ свой лорнетъ.

Общій разговоръ оживился; пользуясь этимъ, фрау Тюркгеймеръ заговорила съ Андреасомъ, и сама положила ему пирожнаго на тарелку, предлагая шартрезу или бенедиктину. Какъ только онъ замѣчалъ, что она глядитъ на него, онъ мечтательно поднималъ на нее свои дѣвственно-чистые глаза съ длинными, изогнутыми рѣсницами, и ея лицо съ двойнымъ подбородкомъ начало мало-по-малу окрашиваться слабымъ румянцемъ, что̀ наполнило его гордостью побѣдителя. Грудь ея высоко поднималась подъ синимъ шолковымъ плиссе ея tea-gown. Она спросила его, почему онъ такъ задумчивъ? Андреасъ отвѣтилъ, что онъ удивляется, видя на столѣ простые цвѣты: левкои, георгины, астры, флокусы, скабіозы. Адельгейда объяснила, что теперь эти цвѣты самые модные; ихъ ввели въ моду художники, такъ какъ подобные цвѣты изображались на старинныхъ картинахъ.

— Вы такъ внимательно слушаете,—закончила она.

— Когда *вы* что-нибудь объясняете мнѣ.

Въ улыбкѣ, съ которою она взглянула на его костюмъ, было столько доброты, что юный побѣдитель не удержался. Пользуясь тѣмъ, что остальные сидѣли къ нимъ спиною, онъ наклонился и приложился губами къ нѣсколько пухлой, но съ удлиненными пальцами ручкѣ Адельгейды, лежавшей на краю серебрянаго подноса. Прикосновеніе къ ея кожѣ согрѣло его, и губы его

поднялись выше браслета, покрывая руку легкими поцѣлуями. Фрау Тюркгеймеръ отняла ее и спросила совершенно спокойно:

— Вы будете на „Мести“?

— По всей вѣроятности—нѣтъ.

— Но почему? У васъ какой-то таинственный видъ.

Андреасъ подумалъ, что, быть можетъ, ему не мѣшаетъ имѣть таинственный видъ, и отвѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ быть.

Адельгейда настаивала. Вѣдь это воскресенье, и если она получитъ ложу, то разсчитываетъ на его присутствіе. Спектакль— утренній. Какъ? Онъ, все-таки, не можетъ? Какъ это скучно! Отчего же ему нельзя быть въ театрѣ?

— Оттого что я буду въ церкви.

— Въ церкви?—Адельгейда была совсѣмъ поражена: — Въ какой церкви?

— Въ католической. Въ храмѣ св. Гедвиги.

Фрау Тюркгеймеръ онѣмѣла. Идея Андреаса, между тѣмъ, крѣпла и развивалась. Онъ никогда не бывалъ въ театрѣ утромъ, и когда Адельгейда заговорила о воскресеньѣ, онъ мысленно услышалъ звонъ гумплахскихъ колоколовъ, и вслѣдствіе почти безсознательной ассоціаціи идей отвѣтилъ, что пойдетъ въ церковь. Но когда онъ увидѣлъ, какъ поражена была генеральная консульша Тюркгеймеръ его строго религіозными воззрѣніями, почти импонировавшими ей, онъ понялъ, что „особенность“, необходимая для обезпеченія ему успѣха, найдена. Кёпфъ внушилъ ему, что ему необходимо, въ качествѣ уроженца рейнской стороны, выдѣлиться своею высшею культурою, но эта религіозная marotte—была его собственнымъ геніальнымъ вдохновеніемъ. Строго вѣрующій католикъ — что̀ могло быть удивительнѣе въ этомъ берлинскомъ кругу! Андреасъ льстилъ себя мыслью, что онъ оставитъ въ тѣни Либлинга съ его сіонизмомъ.

— Вы бываете тамъ каждое воскресенье?—спросила Адельгейда бережно и нѣжно. Онъ кивнулъ головою.

— И вы не можете не пойти туда одинъ разъ? Не примите моего вопроса за навязчивость.

Она говорила тихо, съ очаровательною довѣрчивостью.

— Чего бы я не сдѣлалъ по вашему приказанію! Но, подумайте, именно теперь наступаетъ въ моей жизни переломъ. Въ провинціи я жилъ лишь наполовину, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ вашемъ домѣ, я болѣе пережилъ и узналъ, чѣмъ за многіе годы провинціальной жизни. Это волнуетъ меня, и я ощущаю привитую мнѣ съ дѣтства потребность искать успокоенія тамъ, гдѣ я привыкъ его находить.

Онъ перевелъ духъ. Адельгейда сложила руки на колѣняхъ и внимательно слушала.

— Это еще не все,—продолжалъ онъ:—я долженъ почерпнуть силъ для борьбы съ охватившею меня страстью. То, чего я желаю—великій грѣхъ, и, тѣмъ не менѣе, я желаю этого со всею силой моей страстной любви! — шепнулъ онъ, поднявъ на нее свои краснорѣчивые глаза.—Въ вопросахъ совѣсти мы всегда совѣтуемся съ духовникомъ.

— Вы бываете на исповѣди?—произнесла она почти со страхомъ. Онъ смущенно потупился. Онъ самъ не знаетъ, почему онъ говоритъ все это ей, именно ей?

— Развѣ все это такъ уже страшно?—осмѣлилась произнести Адельгейда. Она находила молодого человѣка оригинальнымъ и поэтичнымъ, но онъ не долженъ заходить въ исполненіи религіозныхъ обязанностей слишкомъ далеко: это можетъ испортить игру.

— А еслибы я... безъ исповѣди отпустила вамъ вашъ великій грѣхъ, не зная, конечно, въ чемъ онъ состоитъ?—спросила она съ очаровательною улыбкой.—Итакъ, вы будете въ воскресенье?

Онъ измѣнился въ лицѣ — отъ удивленія вслѣдствіе успѣха своей выдумки, но она приняла это за признакъ душевной борьбы.

— Изъ любви ко мнѣ,—сказала она почти нѣжно.

Кто-то входилъ, пора было положить конецъ. Андреасъ поднялся.

— Я ни въ чемъ не могу вамъ отказать, — отвѣтилъ онъ съ низкимъ поклономъ.

Вошелъ редакторъ, привезшій ложу на „Месть“, которую у него, буквально, изъ рукъ рвали, но онъ счастливъ, что можетъ услужить дамамъ. За нимъ вошелъ Тюркгеймеръ съ нѣсколькими молодыми людьми, и, сразу оцѣнивъ опытнымъ взоромъ положеніе вещей, онъ, лукаво посмѣиваясь, подошелъ къ Андреасу и пожалъ ему руку.

— Очень радъ снова встрѣтиться съ вами.

Андреасъ, поздоровавшись съ Зюссомъ и Душницкимъ, рѣшилъ, что ему пора лишить фрау Тюркгеймеръ своего присутствія. Воображеніе ея сильнѣе заработаетъ. Но уже на улицѣ онъ спросилъ себя: не нашла ли она его смѣшнымъ?

— Ба! Она любитъ меня, если повѣрила. Если послѣ всего, что я нагородилъ ей, она не сочла меня сумасшедшимъ, значитъ она любитъ меня.

VI.—„Месть“.

— Блестящій залъ!—сказалъ Пимбушъ Андреасу, входившему въ ложу. Адельгейда съ Клэрой помѣщались впереди, и сидѣвшая сзади Аста, указавъ вѣеромъ на роскошную спину матери, замѣтила Либлингу:

— Я ничего не увижу, но, можетъ быть, это и лучше.

Либлингъ осторожно возразилъ, что надо подождать. Съ своей стороны онъ видитъ признакъ общественнаго оздоровленія въ знакомствѣ со средою пролетаріевъ и даже въ посѣщеніи маленькаго народнаго театра съ грязными стѣнами, гдѣ народъ проводитъ свои досуги.

— Мы точно на похоронахъ,—замѣтилъ Андреасъ, но Пимбушъ не согласился:—Здѣсь все лучшее общество!—Въ эту минуту въ оркестрѣ что-то загромыхало, въ залѣ стало посвѣтлѣе, и Андреасъ увидѣлъ, что грязныя ложи сіяли сверху до низу огнями брилліантовъ и переливами атласныхъ манто и накидокъ. Обнаженныя руки въ кружевныхъ рукавахъ облокачивались о неопрятные барьеры, запахъ духовъ смѣшивался съ пылью. Фрау Моръ сидѣла рядомъ съ фрау Блохъ.—Какъ? И эти скромницы здѣсь?

Изъ сосѣдней ложи раскланялся банкометъ Штибицъ; всюду виднѣлись знакомыя лица, щелкали лорнеты, критиковались туалеты. На фрау Тюркгеймеръ было темное платье moirée, и подъ кружевомъ корсажа ея плечи соблазнительно отливали матовою бѣлизною. Въ публикѣ называли имена извѣстностей; вся критика была на лицо, начиная съ д-ра Абеля изъ „Курьера“ и профессора Швенке, эманципированнаго академика. Дипломатическій корпусъ былъ представленъ нѣсколькими загорѣлыми иностранцами въ орденахъ. Среди нихъ былъ и консулъ Puerta Vergogna.

Наконецъ, адскій шумъ въ оркестрѣ кончился, и среди торжественной тишины началось представленіе соціалистической пьесы „Месть“.

Дѣйствіе происходило на фабрикѣ въ восточной Пруссіи; экспозиція отличалась краткостью и энергичностью. Воскресенье. Хозяинъ трактира отказывается отпускать водку задолжавшимъ ему рабочимъ, и у нихъ является поэтому стремленіе отомстить обществу за всѣ претерпѣваемыя ими несправедливости. Они ежедневно имѣютъ дѣло съ ртутью и прочими ядами; въ сорокъ

лѣтъ они умираютъ стариками, большинство—въ чахоткѣ. Все зло—отъ директора, развращающаго и спаивающаго дѣвушекъ, и отъ его жены, надѣляющей молодыхъ рабочихъ дурною болѣзнью.

Это открытіе возбудило волненіе въ публикѣ. Исхудалые пролетаріи топчутся въ снѣгу, бьютъ себя въ грудь, задыхаются, и на сценѣ больше кашляютъ, чѣмъ говорятъ. Выходятъ женихъ съ невѣстою. Ее преслѣдуетъ директоръ, его—директорша; они должны покориться, дабы не лишить пропитанія своихъ престарѣлыхъ родителей. Въ разгаръ хрипѣнія больныхъ, за сценою раздается яростный вопль; мужчины втаскиваютъ на сцену Мессалину, женщины заворачиваютъ ей на голову юбки и подвергаютъ ее публично тѣлесному наказанію.

Противъ этой сцены никто не устоялъ. Крикъ мести оскорбленнаго народа потрясъ театръ. На дамахъ зазвенѣли бриллiанты, фрау Пимбушъ срывалась съ мѣста, и Адельгейда должна была ее успокаивать. Милліонеры въ партерѣ закричали: „bis!“ На сцену подали исполнительницѣ главной роли лавровый вѣнокъ.

Второй актъ. Гнусному директору удалось избѣжать засады, онъ въ окно палитъ въ пролетаріевъ изъ ружья; тѣ бомбардируютъ его камнями и, наконецъ, убиваютъ. Начинаютъ громить домъ, разбивать мебель, все летитъ въ дребезги. Слышны колокольчики. Къ мѣсту происшествія спѣшатъ въ саняхъ власти; ихъ берутъ въ плѣнъ; сани идутъ на растопки, чтобы поджечь домъ директора; подоспѣвшіе-было жандармы обращаются въ бѣгство.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ зрители задерживали дыханіе, затѣмъ раздался громъ рукоплесканій. У дамъ блестѣли на глазахъ слезы торжества, мужчины поблѣднѣли, всѣ были потрясены видѣннымъ и слышаннымъ.

— Это—произведеніе въ духѣ Микель-Анджело!—возвѣстилъ Пимбушъ, куда-то сбѣгавшій на развѣдки,—такъ сказалъ профессоръ Швенке. Либлингъ согласился, что въ драмѣ есть подъемъ. Лишь Аста, сдвинувъ брови, презрительно заявила, что это—безвкусная чепуха. Всѣ набросились на нее.

— Аста, мнѣ васъ жаль!—воскликнула Клэра:—у васъ нѣтъ пониманія возвышеннаго. Намъ предстоитъ еще бо́льшее наслажденіе.

— Чего же еще? Вѣдь народъ уже отомстилъ,—замѣтила довольно равнодушно фрау Тюркгеймеръ, на что фрау Пимбушъ отвѣтила своею развращенно-загадочною улыбкою.

Андреасъ былъ недоволенъ: Либлингъ и Пимбушъ мѣшали

ему любоваться спиною Адельгейды. Зачѣмъ она пригласила его? Тѣмъ временемъ на сценѣ шла пальба, мятежники забаррикадировались въ церкви; тутъ же была и порочная директорша въ одной рубашкѣ. Мужчины перекидывали ее по сценѣ, какъ мячъ, и, наконецъ, окунули въ большую купель, что̀ вызвало въ публикѣ сочувственный хохотъ.

Партеръ корчился отъ смѣха, дамы въ ложахъ прямо всхлипывали отъ удовольствія. Постановка была достойна большой сцены. Исхудалые, умирающіе люди съ перекошенными ненавистью лицами, мечущіеся при свѣтѣ факеловъ по разоренной церкви, производили фантастическое впечатлѣніе. Но такъ какъ задуманная авторомъ „жестокая" финальная сцена не была дозволена къ представленію,—интересъ къ концу акта нѣсколько ослабѣлъ, хотя нападеніе войскъ было отбито пролетаріями.

Пимбушъ обезпокоился; фрау Пимбушъ заявила, что это—недостаточно сильно. Либлингъ выразилъ мнѣніе, что этого нельзя признать искусствомъ. Гдѣ же нравственная идея?

— Она вытекаетъ изъ всей пьесы, — кротко заявила фрау Тюркгеймеръ.

— Настоящій chef d'oeuvre! — воскликнулъ, появившись въ дверяхъ, Кафлишъ.—Соціальная драма! Явить грубые, но могучіе народные инстинкты въ одухотворенномъ свѣтѣ — вотъ задача автора. — Онъ втянулъ въ себя воздухъ и продолжалъ: — Чувствуете ли вы запахъ народной души? „Месть" напоминаетъ мнѣ знаете ли что̀? „Записки горничной": „Ненависть, месть и отчаяніе толкнули меня на путь порока".

Дамы сдѣлали гримасу, но тутъ заговорилъ женихъ Асты, казавшійся менѣе обыкновеннаго усталымъ. Онъ видѣлъ конецъ акта; это—сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ, и если узнаютъ, что онъ пропустилъ пьесу, тогда, тогда... Его сіятельство шутить не любитъ...

Онъ видимо трусилъ. Дурное впечатлѣніе, произведенное ея женихомъ, разсердило Асту, и она такъ громко крикнула ему:—„Подай мнѣ манто!"—что изъ сосѣдней ложи обернулись. Они вышли вмѣстѣ.

Всѣ интересовались именемъ автора; Кафлишъ объявилъ, что идетъ на развѣдки, къ нему присоединилась фрау Пимбушъ; ложа мало-по-малу опустѣла; въ ней осталась лишь Адельгейда, отговорившаяся усталостью. Андреасъ вышелъ съ другими, но сейчасъ же вернулся.

— Какъ вы скоро! — лукаво улыбнулась она, и прибавила, что свѣтъ рѣжетъ ей глаза, вслѣдствіе чего понятливый молодой

человѣкъ догадался набросить ея манто на спинку креселъ, отгородивъ, такимъ образомъ, аванложу отъ нескромныхъ взоровъ.

— Вы не интересуетесь именемъ автора?

— Я пришелъ сюда совсѣмъ не для того. Я все время думалъ о васъ и сожалѣлъ, что эти господа не даютъ мнѣ возможности видѣть букетикъ фіалокъ на вашемъ плечѣ и ваши плечи подъ кружевною тканью...

Говоря это, онъ покраснѣлъ; Адельгейда улыбнулась. Однако, какимъ вещамъ научился онъ въ Берлинѣ! Онъ сѣлъ на указанный ею стулъ такъ близко, что его колѣна пришлись между складокъ ея платья. Она смотрѣла на него нѣжно-вопрошающимъ взоромъ.

— Итакъ, вмѣсто исповѣди, вы пришли сюда? А вдругъ вы загубили вашу душу ради меня? Или это не было серьезно?

Андреасъ сдѣлался, наоборотъ, чрезвычайно серьезенъ и закусилъ губы. Она испугалась: не обидѣла ли она его? Онъ съ укоромъ поднялъ на нее глаза.

— Вамъ не слѣдовало бы напоминать мнѣ объ этомъ.

— Простите!

Онъ еще ниже наклонился къ ней.

— Вы знаете, Адельгейда, что я всѣмъ готовъ пожертвовать для васъ. Вѣрьте мнѣ...

— Вѣрю вамъ, мой милый Андреасъ.

Онъ схватилъ ея руку и, почувствовавъ, что она чуть замѣтно притягиваетъ его къ себѣ, такъ нагнулся, что, не удержавшись, почти упалъ въ ея объятія, шепча:

— О, позволь мнѣ, Адельгейда, всю жизнь любить тебя такъ же, какъ здѣсь, въ эту минуту!

Но онъ тотчасъ упрекнулъ себя за неудачныя слова. Обнимать г-жу Тюркгеймеръ въ театральной ложѣ—такое счастье не могло длиться вѣчно. Ея матово-бѣлое, широкое лицо съ томнымъ взглядомъ было совсѣмъ близко къ его лицу, и губы Андреаса утонули въ ея мягкихъ красныхъ губахъ, какъ въ подушкѣ изъ бархатистыхъ розовыхъ лепестковъ. Она отстранилась и вздохнула:

— Не здѣсь, Андреасъ!

Въ ту же минуту въ оркестрѣ опять загрохотало, и пока взволнованный Андреасъ отодвигалъ свой стулъ, ему показалось, что дверь въ ложу тихо отворилась и затворилась. Андреасу на секунду даже померещилось въ отверстіе двери лицо Тюркгеймера, но, безъ сомнѣнія, это былъ обманъ чувствъ.

— Когда же?

— Постой... Дай сообразить. Завтра, въ среду, я—у портнихи, позднѣе—на базарѣ въ пользу дѣтей преступниковъ. Въ четвергъ? Можетъ быть, въ четвергъ ты будешь дома и прочтешь мнѣ свои стихи? Со временемъ ты долженъ написать драму, которая будетъ имѣть такой же успѣхъ. Ты прославишься, я этого хочу.

„Кёпфъ правъ, — подумалъ Андреасъ: — она желаетъ убѣдиться, что я окажусь достойнымъ ея протекціи".

Дверь съ шумомъ открылась. Фрау Пимбушъ восклицала:

— Нѣтъ, какъ вы думаете—кто авторъ? Человѣкъ, котораго мы всѣ знаемъ...

— Принадлежащій къ лучшему обществу,—нахмурясь, проговорилъ Либлингъ.

— Вы можете видѣть его отсюда, — не воздержался Пимбушъ.—Вотъ онъ сидитъ между толстою Лиззи Лаффе́ и маленькою Вердою Бирацъ. Это не кто иной, какъ Дитрихъ Клемпнеръ.

— Онъ кажется такимъ благонамѣреннымъ!—сказалъ удивленный Андреасъ.

— А проповѣдуетъ разрушеніе!—сокрушенно вздохнулъ Либлингъ.

— Какъ это пикантно!—воскликнула фрау Пимбушъ, лорнируя поэта, въ ложѣ котораго появилось двое критиковъ.

Послышались разныя сужденія о пьесѣ. Ничего не писалъ—и сразу такой успѣхъ! Теперь очередь за г. Цумзее. Пимбушъ авансомъ поздравилъ его. Въ залѣ раздалось шиканье, приглашавшее къ молчанію. Начался послѣдній актъ.

Андреасъ, занявшій лучшее мѣсто, слушалъ все такъ же невнимательно. Его безпокоила мысль Адельгейды—сдѣлать его драматургомъ. Вступить въ соревнованіе съ Клемпнеромъ, позволявшимъ убивать на сценѣ людей, съ которыми онъ пировалъ въ жизни? Ему не нравилась „Месть"; онъ находилъ ее грубоживотною и ненавистническою. Получивъ нѣжное обѣщаніе фрау Тюркгеймеръ, Андреасъ чувствовалъ себя собственникомъ, и нападки на состоятельный классъ были ему глубоко несимпатичны. Онъ удивлялся, какъ это буржуа могутъ апплодировать своему посмѣянію и униженію!

На сценѣ происходило тѣмъ временемъ крушеніе поѣзда, подстроенное пролетаріями. Они душили уцѣлѣвшихъ пассажировъ, пытавшихся выкарабкаться изъ-подъ обломковъ. Члену суда распороли животъ, кровь его обагрила снѣгъ. Опьяненные местью, пролетаріи корчились отъ восторга, плясали вокругъ своихъ жертвъ, изрыгая хриплыя проклятія, прищелкивали языкомъ, вра-

щали глазами и продѣлывали это такъ естественно, что зрителя охватывалъ пріятный ужасъ. Какой-то хмурый господинъ громко освѣдомился: сколько бычачьей крови было пріобрѣтено для пролитія ея на сценѣ, но его тотчасъ удалили.

Оргія мести все разгоралась; нѣсколько чахоточныхъ потащили въ кусты двухъ оставшихся въ живыхъ женщинъ, и дамы въ ложахъ приподнялись съ мѣстъ, чтобы лучше видѣть. Имъ казалось, что игра должна продолжаться и за кулисами. Иллюзія была такъ сильна, что болѣе нервныя особы поднесли платки къ носу; другія же, полузакрывъ глаза и поблѣднѣвъ отъ волненія, широко раздували ноздри, втягивая въ себя запахъ крови, несшійся со сцены. Когда раздались апплодисменты, онѣ вдругъ ослабѣли отъ избытка возбужденія, на лицахъ ихъ и шеяхъ проступила влага, кое-гдѣ слышался нервный смѣхъ, двумъ барышнямъ сдѣлалось дурно. Кажется, во всей залѣ оказалось лишь нѣсколько человѣкъ, оставшихся безучастными, между прочими—добродѣтельная фрау Блохъ, жена Тюркгеймеровскаго повѣреннаго по сомнительнымъ дѣламъ, и старый поэтъ Веннихенъ, удивлявшійся, почему достойный уваженія средній классъ, побѣдившій злую силу аристократіи, привѣтствуетъ теперь тріумфъ „черни“ и свое паденіе?

Апоѳеозъ пролетаріата заставилъ многихъ подняться съ мѣста. При свѣтѣ краснаго бенгальскаго огня—отблескъ пожаровъ, уничтожившихъ буржуазный строй,—народъ шелъ попарно на встрѣчу зарѣ гуманности и братства. Дѣвушка и парень, жертвы фабриканта и его жены, держали другъ друга въ объятіяхъ, намѣреваясь вступить въ законный бракъ. Основы народнаго міросозерцанія—нравственны. Самъ Либлингъ могъ считать себя удовлетвореннымъ такимъ выводомъ.

Когда утомленные своими упражненіями актеры въ одиннадцатый разъ появились передъ рампою и залъ уже сталъ пустѣть, господа въ партерѣ, апплодировавшіе до того, что порвали свои бѣлыя перчатки, потребовали исполненія рабочей марсельезы. Оркестръ грянулъ ее, публика подхватила, и Тюркгеймеръ, сидѣвшій въ ложѣ дипломатическаго корпуса, одобрительно улыбаясь, отбивалъ тактъ.

Андреасъ вернулся домой въ глубокой задумчивости. Успѣхъ пьесы и видъ Клемпнера, окруженнаго поклонницами-психопатками, заставилъ его оцѣнить „Месть“. Въ немъ также пробуждались грубые инстинкты. Онъ спрашивалъ себя: не чувствуетъ ли онъ себя пролетаріемъ, жаждущимъ крови буржуа? Быть можетъ,

его мужицкая кровь возмущается противъ этой утонченной культуры? Ему начинало казаться, что, овладѣвъ Адельгейдою, онъ выполнитъ священную месть, онъ отомститъ ей и ей подобнымъ за страданія цѣлаго народа. Онъ будетъ жестокъ, холоденъ, недоступенъ, она найдетъ въ немъ суроваго властелина.

На слѣдующее утро онъ написалъ ей письмо, заканчивавшееся такъ:

„Не легко мнѣ было разстаться съ моимъ бѣднымъ жилищемъ, гдѣ такъ хорошо работалось, но для тебя, моя горячо желанная, чего бы я не сдѣлалъ! Я живу теперь во второмъ этажѣ,—приходи скорѣе, утоли мою жажду нѣжностью твоей улыбки! Приказывай, повелѣвай! Чѣмъ еще могу я тебѣ пожертвовать?“

Андреасъ отказался отъ мысли украсить свое жилище чѣмъ-либо, исключая строгой простоты. Онъ просмотрѣлъ стихи, которые намѣревался ей прочесть. Придетъ она въ три или въ четыре часа? А вдругъ совсѣмъ не придетъ? Можетъ быть, она уже забыла о немъ? Но въ эту самую минуту позвонили. Онъ задержалъ дыханіе и прислушался. Шелестъ шолковаго платья... Это она.

Адельгейда постучала, онъ не отвѣчалъ. Она отворила дверь, вошла, но тотчасъ отступила, едва удержавшись отъ крика. Въ комнатѣ на деревянномъ табуретѣ, за простымъ сосновымъ столомъ, спиною къ двери сидѣлъ монахъ! Не ошиблась ли она дверью? Изъ-подъ капюшона выбивалась прядь бѣлокурыхъ волосъ, и лишь это удержало ее отъ отступленія. Монахъ медленно поднялъ голову, обернулся, она узнала его профиль, казавшійся въ сумеркахъ блѣднымъ. Совсѣмъ тихо и не безъ трепета она подкралась къ нему и опустила руку на его голову.

— Какъ ты испугалъ меня!—шепнула она.

— Испугалъ? Чѣмъ? — спросилъ онъ, вставъ и подавая ей стулъ:—моею рясою? Но вѣдь это—мое рабочее платье.

— Развѣ ты всегда носишь такой шлафрокъ? — спросила она наивно. Онъ обидѣлся.

— Конечно, вы не можете понять, какое значеніе имѣетъ для насъ рабочій костюмъ! Неужели ты думаешь, что если я надѣну фракъ, то мнѣ придутъ въ голову такія же мысли, какія являются съ этою рясой?

— Конечно нѣтъ, — согласилась Адельгейда; особенности Андреаса начинали смущать ее, но онѣ были такъ интересны! У замѣчательныхъ людей бываютъ свои фантазіи, а въ его фантазіи есть особый шикъ.

— Я понимаю тебя, Андреасъ, и понимаю, какъ ты пишешь...

— Я пишу по-католически!—рѣшительно заявилъ онъ, глядя куда-то въ окно. Его ряса и полумракъ въ комнатѣ пронизывали ее ощущеніемъ сладкаго ужаса. Она радовалась своему выбору: ни фрау Моръ, ни коммерціи совѣтница Вешереръ, ни сама Лиззи Лаффе́—никогда не переживали ничего подобнаго. Онъ былъ достоинъ ея любви, притомъ ряса шла къ нему.

Она нѣжно заглянула ему въ лицо, поблѣднѣвшее отъ думъ и аскетической жизни. Онъ еще не успѣлъ поправиться послѣ вегетаріанскаго „menu", связаннаго съ эпохою кафѐ „Ура!". Почему онъ даже не спрашиваетъ ее, отчего она опоздала?

— Ты можешь придти во всякое время, и я долженъ быть благодаренъ тебѣ,—отвѣтилъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось:—Если такъ надо, я готовъ и совсѣмъ отъ этого отказаться.

Онъ холодно скользнулъ взоромъ по ея пышной фигурѣ въ платьѣ tailleur. Адельгейда почувствовала острую боль при мысли, что ею пренебрегаютъ, и со вздохомъ схватилась рукою за сердце.

— Мнѣ нехорошо!—прошептала она.

Андреасъ поддержалъ ее; онъ почувствовалъ, что не будетъ въ состояніи перенести ее на диванъ. Она сама это поняла, и потому откинулась на спинку кресла. Андреасъ предложилъ открыть окно.

— Нѣтъ, не надо. Поболтаемъ... Я еще не знаю, какъ тебѣ понравился третій актъ. А читалъ ты рецензію д-ра Абеля?

Она говорила очень быстро для того, чтобы заглушить свои опасенія. Неужели она стара, слишкомъ стара для него? Неужели онъ ею пренебрегаетъ?

— Ужасный вздоръ!—сказалъ Андреасъ, и, взявъ „Курьеръ", онъ сталъ читать, комически подчеркивая главныя мѣста: „Новая звѣзда на драматическомъ горизонтѣ... Геніальный синтезъ дифференцированной общественной психологіи... Наполеоновское движеніе массъ"...

Андреасъ принялъ надлежащую позу и заговорилъ, подражая элегантному д-ру Бединеру:

— Понятно само собою, что въ передовицахъ мы поддерживаемъ здоровую либеральную, соотвѣтствующую интересамъ имущественныхъ классовъ политику, и оправдываемъ гнуснѣйшихъ владѣльцевъ фабрикъ. Но въ фельетонѣ мы принимаемъ сторону угнетенныхъ—слѣдствіе присущаго намъ чувства справедливости. Мы смотримъ на себя какъ на органъ духовной нѣмецкой культуры.

Онъ поднялъ лѣвую бровь, какъ бы выбрасывая моноклъ. Адельгейда, придя въ восторгъ, захлопала въ ладоши.

— Какой ты талантливый! Ты все можешь!

— А Клемпнеръ? — продолжалъ польщенный Андреасъ: — развѣ это благородно? Сидя за твоимъ столомъ и въ другихъ богатыхъ домахъ, онъ въ то же время предавалъ имущественный классъ поруганію и посмѣянію. Что ты объ этомъ скажешь? Я скажу: гадко!

— И ты правъ. Ты—благородный человѣкъ.

Въ ея кругу еще никто не подумалъ о томъ, что высказалъ Андреасъ, и его деликатность преисполнила ее искреннимъ восхищеніемъ.

— Ты благороденъ, — повторила она, и подумала, что онъ не продалъ бы ее, какъ Ратиборъ.

Успѣхъ обезоружилъ Андреаса. Онъ простилъ ей черезчуръ нѣжное письмо, которое онъ написалъ ей, и часъ ожиданія. Она была наказана, и теперь онъ могъ смягчиться. Онъ ближе придвинулъ къ ней стулъ и, обнявъ ее, шепнулъ: — Какая ты милая! Будь всегда такою. Хорошо?

— Ты благороденъ, —повторила она, тая подъ впечатлѣніемъ его невиннаго взора и ласковаго голоса.

— Мнѣ нравится твоя шея!—сказалъ онъ, коснувшись губами нѣжной бѣлой кожи ея двойного подбородка:—какая чудная линія подбородка!

— Ты благор...—Она не докончила.

Андреасъ неожиданно для себя искренно увлекся и былъ польщенъ своею побѣдою. Затѣмъ онъ вспомнилъ, что еще не прочелъ ей своихъ стиховъ. Подавляя легкую зѣвоту, она согласилась, но тутъ же фантазія ея заработала. Блѣдный поэтъ въ рясѣ,—она не позволила ему снять ее,—осыпающій ее, во грѣхѣ любимую, розами своего вдохновенія! Онъ читалъ рѣзкимъ голосомъ, сопровождая чтеніе торжественными жестами. Нравится ли ей нюансировка чувствъ? Чувствуетъ ли она настроеніе сумеречныхъ ароматовъ, красокъ и тоновъ? Адельгейда отвѣчала впопадъ, она выказала понятливость и вставляла время отъ времени реплики:—Очень мило! Шикарно! Восхитительно!

Ода „Къ раскаянію!“ заставила ее расплакаться: ихъ любовь—грѣхъ! Андреасу пришлось утѣшать ее, и онъ заплакалъ вмѣстѣ съ нею. Нѣсколько успокоившись, они оба закурили. Въ это время часы пробили половину шестого, и Адельгейда вскочила.

— Вотъ такъ исторія! Я опоздаю домой.

Она подбѣжала къ зеркалу, спѣша привести въ порядокъ свой туалетъ. Андреасъ самодовольно слѣдилъ за нею глазами.

На ряду съ гордостью побѣдителя онъ ощущалъ благодар-

ность. У него была красивая возлюбленная изъ лучшаго общества. Кто бы это подумалъ? Еслибы въ Гумплахѣ объ этомъ знали! Ея нѣсколько отяжелѣвшая красота неожиданно плѣнила бѣднаго молодого человѣка, всегда жившаго впроголодь, довольствовавшагося зачастую вегетаріанскимъ „menu“ и случайными ласками худосочныхъ дѣвицъ. Въ объятіяхъ Адельгейды въ немъ впервые проснулись темпераментъ и жажда наслажденій, сдерживаемые до сихъ поръ нищенскимъ режимомъ.

Она съ кокетливою улыбкою повернулась къ нему, стоя у зеркала и держа шпильки въ зубахъ. Она тоже была преисполнена гордости и признательности: ей удалось побѣдить скромнаго, набожнаго молодого человѣка съ суровыми принципами. Какъ сумѣетъ она намекнуть фрау Моръ и фрау Пимбушъ о своемъ новомъ счастьѣ! Онъ будетъ скроменъ: у него такая благородная натура. Ратибору она отомстила. Какъ глупа она была, опасаясь, что Андреасъ найдетъ ее слишкомъ старою! Madame de Chaulnes права: въ глазахъ буржуа герцогинѣ всегда будетъ тридцать лѣтъ.

Онъ не броситъ ее, такъ какъ у него нѣтъ денегъ, и будущность его—у нея въ рукахъ. Ея мечтою всегда было — создать долговременныя любовныя обязательства на почвѣ дружескаго довѣрія, и въ сорокъ-пять лѣтъ она была готова со свойственною ей воспріимчивостью цѣликомъ уйти въ интересы новаго возлюбленнаго, дѣлить съ нимъ его ощущенія и склонности, подражать его манерѣ выражаться, приспособляться къ нему, словно это должно было длиться цѣлый вѣкъ. Со спортсмэномъ она думала только о лошадяхъ; съ музыкантомъ такъ усердно посѣщала концерты, что заболѣла галлюцинаціей слуха; въ угоду банкиру Ратибору она стала спекулянтшей и обманывала мужа не только въ своемъ будуарѣ, но и на биржѣ. Съ Андреасомъ она ощутила небывалый нравственный и умственный подъемъ.

Онъ подошелъ къ ней, разглядывалъ ея туалетъ, поинтересовался цѣною шолка на юбкѣ. Она разсмѣялась.

— Какой ты ребенокъ!

— А что это у тебя за духи? Grab-apple? Ты такъ хорошо пахнешь.

Она полузакрыла глаза и откинула голову назадъ.

— Ты находишь меня красивою?

— Вотъ еще вопросъ!

Онъ обнялъ ее, но она освободилась. Онъ растреплетъ ей прическу, а она не захватила съ собою щипцовъ для завивки. Когда она надѣла шляпу и завязала вуаль, Андреасъ сдѣлалъ

плачущее лицо. Онъ не понимаетъ въ сущности, что̀ заставляетъ ее уходить?

— Онъ еще спрашиваетъ! У меня гостиная полна людей. Хорошо, если Аста принимаетъ за меня... Не скучай, мое сокровище. Мы будемъ видѣться каждый день. А можетъ быть ты пріѣдешь ко мнѣ черезъ полчаса?

Онъ отскочилъ, пораженный ужасомъ. Какъ? Послѣ этого свиданія онъ явится къ ней въ домъ, какъ посторонній человѣкъ, и станетъ пить чай съ ея гостями?! Его гумплахская мораль была возмущена.

Адельгейда не поняла причину его волненія. Онъ нагналъ ее у двери, она коснулась губами его уха:

— Завтра въ три.

Она захлопнула ему дверь передъ носомъ. Андреасъ упалъ на стулъ.

Она принадлежала ему! Этотъ изумительный фактъ заставилъ его покачать головою. Думая о невѣроятномъ и, тѣмъ не менѣе, осуществившемся, онъ повторилъ нѣсколько разъ, все возвышая голосъ:

— Госпожа генеральная консульша Тюркгеймеръ!

Этотъ титулъ казался ему чѣмъ-то сказочнымъ; его самого словно повысили въ чинѣ. Онъ не зналъ, которая изъ двухъ половинъ—генералъ или консулъ—болѣе импонировала ему? Цѣлое было во всякомъ случаѣ фантастично.

— Г-жа генеральная консульша и притомъ — изъ Пуэрта-Вергонья! Еслибы въ Гумплахѣ это знали! При мысли о землякахъ, онъ соскочилъ со стула, высоко подпрыгнулъ отъ радости и принялся исполнять побѣдный танецъ каннибаловъ. Когда онъ остановился, въ дверяхъ стоялъ Кёпфъ.

— Что̀ это у васъ? Торжество по случаю закладки зданія?— спросилъ онъ, улыбаясь веселому монаху.

— Вотъ именно! — воскликнулъ запыхавшійся Андреасъ:— чудное зданіе, большое, богатое! Оно называется Адельгейда Тюркгеймеръ!

— Поздравляю!—Кёпфъ былъ искренно изумленъ.—Вы довольны?

— Я думаю... Роскошнѣйшая женщина, какую я видѣлъ въ моей жизни. Какія плечи! Какая талія—нѣчто могучее, великолѣпное.—И онъ принялся декламировать:

Diese schönen Gliedermassen
Kolossaler Weiblichkeit...

— Это изъ Гейне,—прибавилъ онъ съ гордостью.

VII.—Политика и народное хозяйство.

Десять дней прошли какъ въ чаду. Цѣлое утро и цѣлый вечеръ Адельгейда проводила полулежа на подушкахъ дивана, въ мечтахъ о блаженствѣ, осуществлявшихся послѣ завтрака. Фрау Моръ и Пимбушъ ожидали ее съ чаемъ въ желтой гостиной, куда она входила запыхавшаяся и веселая. Ей не нужно было возбуждать словами зависть пріятельницъ. Ея блистательная блѣдность, влажный, не нуждавшійся въ атропинѣ взоръ—ясно говорили о ея торжествѣ. Фрау Моръ, замѣтившая наканунѣ, что Адельгейдѣ можно дать не болѣе двадцати-пяти лѣтъ, заявляла сегодня:—Милочка, ты опять помолодѣла на пять лѣтъ.

— Скажите мнѣ: какой вашъ режимъ? — спрашивала фрау Вешереръ, расфранченная шестидесятилѣтняя дама, распространявшая запахъ крѣпчайшихъ духовъ.

Андреасъ тоже расцвѣлъ; щеки его, къ тайному огорченію Адельгейды, округлились и порозовѣли. Онъ облѣнился и основательно кушалъ по три раза въ день. Утоливъ голодъ кровавымъ ростбифомъ, кусочкомъ дичи, дюжинами двумя устрицъ, орошенныхъ бутылкою добраго вина, онъ ощущалъ глубокій душевный миръ и глубже погружался въ красное плюшевое кресло. Голова его поникала на грудь, онъ засыпалъ. Однажды остававшаяся у него во рту сигара упала на пластронъ рубашки и прожгла ее до кожи.

Послѣ недѣли подобной жизни Андреасъ рѣшилъ, что никогда еще ему такъ хорошо не жилось. Сонливость его распространялась на цѣлый день, его охватывала непобѣдимая лѣнь, и ему случилось задремать въ присутствіи Адельгейды. На прощанье она посовѣтовала ему чаще видѣть людей. Почему онъ запирается у себя? Это вредно.

— Тебѣ слѣдовало бы показаться у меня.

— Это неприлично.

— Напротивъ. Именно твое отсутствіе подтверждаетъ догадки.

— А развѣ догадываются?

Адельгейда пустила въ ходъ всѣ средства для того, чтобы убѣдить его. Пусть ея пріятельницы его увидятъ. Какъ онѣ станутъ ей завидовать! Этотъ аргументъ подѣйствовалъ. Андреасъ согласился придти, но съ тѣмъ, чтобы идти сейчасъ вмѣстѣ съ нею. Она испугалась. Для чего безъ нужды афишировать ихъ отношенія? Но Андреасъ вдругъ заупрямился: или сейчасъ, или

никогда. Адельгейда со вздохомъ уступила. Шелъ дождь, пришлось взять экипажъ, она сама опустила шторы у кареты, но у подъѣзда дома уже стояло купэ, изъ котораго вышла фрау Пимбушъ.

— Ахъ, милая Адельгейда, я чуть не забрызгала васъ грязью на вашемъ собственномъ подъѣздѣ! Вотъ скандалъ!

Андреасъ вошелъ за дамами; никто не обратилъ на него вниманія, только сбѣгавшая уже съ лѣстницы маленькая фрау Гольдгерцъ, страшно куда-то торопившаяся, объявила, увидѣвъ его, что она останется еще на минуточку...

Въ чайномъ салонѣ уже сидѣли фрау Моръ и Вешереръ. Андреасъ поцѣловалъ руку послѣдней, но ощутилъ на губахъ вкусъ crême Simon, въ которомъ словно консервировалась эта шестидесятилѣтняя мумія. На ея поросшемъ плѣсенью лбу низко лежала бѣлокурая накладка, а струившійся отъ нея ароматъ крѣпкихъ духовъ, казалось, заглушалъ запахъ тлѣнія. Она благосклонно улыбнулась Андреасу, но тотъ нашелъ ее прямо ужасной.

Дамы набросились на Андреаса. Фрау Пимбушъ заявила, что онъ похожъ на Тангейзера, явившагося изъ грота Венеры. Фрау Моръ кротко его упрекнула, но хозяйка заступилась за него. Г. Цумзее проводитъ дни и ночи за работою.

— Нѣтъ, каковы эти поэты!—воскликнула, загадочно сверкая глазами, фрау Пимбушъ:—удивительно, какъ они выносливы! И вы долго намѣрены продолжать въ этомъ духѣ?

— Не злоупотребляйте поэзіей,—поддержала мумія:—у васъ утомленный видъ. А вы, милая Адельгейда, еще болѣе помолодѣли,—обернулась она къ фрау Тюркгеймеръ.

Андреасъ чувствовалъ себя неловко, и лишь улыбка фрау Моръ, говорившая: „Наслаждайтесь вашимъ счастьемъ, а я стану разливать чай!“, была единственнымъ оазисомъ, обѣщавшимъ ему успокоеніе.

Появленіе Лиззи Лаффé отвлекло отъ него дамскія стрѣлы. На ней было фіолетовое бархатное манто; она остановилась на порогѣ, занявъ всю ширину двери, такъ что Клемпнеръ и репортеръ Кафлишъ, ее сопровождавшіе, остались позади. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ она обозрѣвала общество какъ бы съ высоты трона, а затѣмъ походкою театральной королевы шумно и торжественно двинулась къ хозяйкѣ.

Кафлишъ отвелъ Андреаса въ сторону. Не замѣчаетъ ли онъ въ Лиззи нѣчто особенное? Это ея прощальный бенефисъ въ здѣшнемъ домѣ. Тюркгеймеръ безповоротно разстается съ нею. Ради кого — неизвѣстно. Многіе уже держатъ пари. Вѣроятно, какая-нибудь дѣвчонка? Его потянуло на простоту. На дняхъ

онъ заявилъ, что не переноситъ шампанскаго, — это произвело впечатлѣніе.

— А Лиззи? Останется при Клемпнерѣ?

— Клемпнеръ — нѣчто неотъемлемое. Но за поклонниками дѣло не станетъ. Она все же „Бриллiантовая Лиззи". Но безъ Клемпнера у нея ничего нельзя добиться.

Кафлишъ сообщилъ еще, что новый претендентъ на сердце Лиззи — нѣкто Рещинскій, сослуживецъ Гофштеттена, недавно пріѣхавшій въ Берлинъ. Андреасъ освѣдомился объ Астѣ, появленіе которой смутно страшило его. Кафлишъ расхохотался. Какъ? Развѣ онъ не знаетъ? Аста уже замужемъ; она обвѣнчалась инкогнито, и молодые проводятъ медовый мѣсяцъ въ Норвегіи. Зимою? Ничего не значитъ. У Асты Ибсеновскій жанръ, она катается на конькахъ по фіорду.

Андреасъ былъ пораженъ; родная дочь Адельгейды вышла замужъ, а они оба такъ были поглощены своею страстью, что она даже не упомянула объ этомъ! Онъ дѣйствительно вернулся изъ грота Венеры.

Принявъ самый непринужденный видъ, онъ подошелъ къ фрау Тюркгеймеръ и проговорилъ съ поклономъ:

— Я очень смущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ не поздравилъ васъ. Но я только-что услышалъ о свадьбѣ фрейлейнъ Тюркгеймеръ. Пожалуйста, простите мою кажущуюся невѣжливость.

— Вы напрасно извиняетесь, г. Цумзее. Всѣмъ намъ извѣстно, что вы усиленно работаете.

Этотъ обмѣнъ вѣжливостей очень позабавилъ дамъ, но хладнокровіе Андреаса произвело извѣстное впечатлѣніе. Клемпнеръ, словно выросшій послѣ успѣха „Мести", пожалъ руку „собрату". Правда ли, что онъ пишетъ пьесу? Андреасъ подтвердилъ; онъ чувствовалъ увѣренность въ себѣ и готовъ былъ подтвердить что̀ угодно.

— Вѣроятно, героиня ея — женщина, не удовлетворенная жизнью?—воскликнула фрау Пимбушъ.

— Вотъ какъ!—довольно сухо отозвалась Лиззи, но Андреасъ, видя себя предметомъ общаго вниманія, заявилъ, что при созданіи главной женской роли онъ именно имѣлъ въ виду многоуважаемую фрейлейнъ, и былъ бы счастливъ, еслибы...

— Ахъ, вотъ что̀!—протянула Лиззи, и, рѣшившись указать зазнавшемуся юношѣ его мѣсто, она, прежде чѣмъ его уничтожить, смѣрила его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Я такъ и думала. Отъ этихъ неудовлетворенныхъ жен-

щинъ не знаешь, куда дѣваться. Каждый навязываетъ вамъ подобную роль. Это старо.

— Полноте, Лиззи!—вмѣшалась фрау Моръ, а фрау Тюркгеймеръ выдала свое волненіе невольнымъ неловкимъ движеніемъ руки, но Лиззи была неумолима.

— Слава Богу, я-то знаю театръ! Теперь въ модѣ народъ, а мы должны слѣдовать за модою. Наполеоновское движеніе массъ...

— Это — изъ рецензіи д-ра Абеля, — вставила Адельгейда.

— Ну, такъ что же?—возразила разсерженная Лиззи. — Теперь интересуются только народомъ. Вспомните мое слово: „Месть" сдѣлаетъ школу...

— Школу — пожалуй,—возразила фрау Тюркгеймеръ, — но сборовъ она, кажется, не дѣлаетъ? Или ее еще даютъ?

Вызовъ былъ брошенъ. Андреасъ, радуясь, что о немъ забыли, отодвинулся вглубь, а Клемпнеръ укрылся за спиною Лиззи.

— Сборъ? — презрительно пожала плечами актриса: — мы, артисты, чужды такихъ торгашескихъ соображеній, когда дѣло идетъ о художественномъ произведеніи, подобномъ „Мести". Въ Поземуккелѣ и Мезерицѣ...

— А! Въ Поземуккелѣ и Мезерицѣ?..

— Да! „Месть„ имѣла тамъ громадный успѣхъ. Въ провинціи найдется больше истинныхъ цѣнителей, чѣмъ здѣсь, среди тупоумнаго берлинскаго общества. А „женскія права" уже стали достояніемъ улицы...

— Вы думаете? Если уже говорить объ улицѣ, то въ „Мести" слишкомъ многое пахнетъ улицею... И вообще я позволяю себѣ считать такія нападки на имущественный классъ очень некрасивыми, когда онѣ исходятъ отъ людей, менѣе всего имѣющихъ право жаловаться на насъ...

Адельгейда едва не попрекнула Клемпнера своимъ гостепріимствомъ, но покуда она остановилась, чтобы перевести дыханіе, заговорила Лиззи.—„Непонятная женщина" (такъ, вѣроятно, называется пьеса ея протеже?) трактуетъ, конечно, лишь о правѣ на любовь?—Лиззи побѣдоносно оглядѣлась кругомъ и проговорила, подчеркивая:

— Быть можетъ, о правѣ на любовь — въ извѣстномъ возрастѣ?

— Въ *вашемъ* возрастѣ, милѣйшая фрейлейнъ, такія шутки уже не своевременны!—отвѣтила Адельгейда самымъ оскорбительнымъ тономъ.

Голосъ ея дрогнулъ, хотя вообще она лучше владѣла собою;

она поблѣднѣла, между тѣмъ какъ Лиззи начинала багровѣть; вся перегнувшись и схватившись за бриллiантовый аграфъ у горла, актриса, казалось, готова была ринуться на противницу.

— Львицы, защищающiя своихъ дѣтенышей!—шепнулъ Кафлишъ сосѣдкѣ.

Андреасъ и Клемпнеръ, укрывшiеся за спинами своихъ покровительницъ, не знали сначала, какъ себя держать; но затѣмъ, вслѣдствiе молчаливаго соглашенiя, они рѣшили, что мужчинамъ не стоитъ вмѣшиваться въ бабью перебранку, и деликатно отвели глаза въ сторону.

Дамы замирали отъ восторга; фрау Пимбушъ была близка къ обмороку — такъ она старалась сдержать смѣхъ. Фрау Вешереръ морщила лобъ, отъ чего онъ еще болѣе напоминалъ закопошившуюся плѣсень пруда; фрау Моръ успокоительно улыбалась, а Кафлишъ строилъ страшныя рожи.

Вошедшiй съ Гольдгерцемъ, Тюркгеймеръ осторожно вмѣшался.

— Дамы о чемъ-то поспорили? Не могу ли я предложить свои услуги въ качествѣ честнаго маклера, какъ нашъ великiй канцлеръ?

— Чисто литературный споръ,—пояснила Адельгейда, а Кафлишъ прибавилъ:—По поводу нѣмецкой духовной культуры.

Фрау Тюркгеймеръ, обращаясь къ мужу, небрежно заявила, что имъ необходимо устроить у себя драматическiй вечеръ. Нужно какъ-нибудь оживить ихъ прiемы. Не правда ли?

Тюркгеймеръ галантно согласился.

— Ты, какъ всегда, права, Адельгейда. Мы обязаны сдѣлать что-нибудь для искусства.

— Имущественные классы — въ долгу передъ рыцарями духа, — подтвердила фрау Моръ.

— Король идетъ рука объ руку съ поэтомъ!—сказалъ Кафлишъ съ поклономъ въ сторону польщеннаго Тюркгеймера, который милостиво протянулъ обѣ руки Андреасу и Клемпнеру, выражая надежду, что они напишутъ что-нибудь для проектируемаго вечера. Взглядъ Адельгейды заставилъ его замолчать. Она сказала:

— Г. Клемпнеръ слишкомъ знаменитъ, его пьеса идетъ въ Поземуккелѣ и Мезерицѣ, а мы не можемъ утруждать знаменитыхъ людей нашимъ домашнимъ спектаклемъ...

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста!—прервала Лиззи самымъ медовымъ голосомъ.—Г. Клемпнеръ кончаетъ пьесу, написанную еще болѣе широкими штрихами, нежели „Месть“. Ничего подобнаго

ей еще не бывало, смѣю думать. Авторъ былъ бы счастливъ, многоуважаемая г-жа Тюркгеймеръ, еслибы могъ поставить эту пьесу, которая должна составить эпоху въ литературѣ, именно у васъ, передъ избраннымъ кружкомъ цѣнителей, прежде чѣмъ ее увидятъ широкіе круги публики...

Адельгейда не скрывала торжества, видя соперницу у своихъ ногъ. Какъ жаль, что г. Клемпнеръ создалъ новое грандіозное произведеніе! Они нуждаются именно въ одноактныхъ вещицахъ. Пусть молодые таланты попробуютъ свои силы: каждому—свой чередъ.

— Но какъ же безъ Клемпнера?..—растерялась Лиззи.

— Причины, по которымъ мы отказываемся отъ сотрудничества г. Клемпнера,—слишкомъ лестны для него.

— Вотъ именно—лестны!—подтвердилъ Тюркгеймеръ:—такой геніальный молодой человѣкъ!

Адельгейда пояснила: Дитрихъ Клемпнеръ слишкомъ опередилъ своихъ собратьевъ. Было бы несправедливо допустить его къ состязанію съ ними. Если его пьеса — „нѣчто небывалое", она убьетъ остальныя. Это было бы плохо для программы вечера...

— Плохо, плохо!—повторилъ Тюркгеймеръ, словно эхо.

— Но безъ Клемпнера программа будетъ неполна!—полуотчаянно настаивала Лиззи.

— Придется примириться съ ея неполнотою,—спокойно отвѣтила Адельгейда.

Клемпнеръ молчалъ, словно дѣло совсѣмъ его не касалось, предоставляя своей покровительницѣ унижаться понапрасну.

Лиззи перешла въ молящій тонъ. Первый успѣхъ еще ничего не значитъ. Публика забывчива. Успѣхъ „Мести" великъ, но сборовъ она уже не дѣлаетъ. Съ постановкою второй пьесы могутъ быть затрудненія, а представленіе ея здѣсь въ домѣ—могло бы обезпечить успѣхъ пьесы...

Адельгейда повела плечами. Фрау Лаффе несправедлива къ г. Клемпнеру. Ему ли, признанной знаменитости, нуждаться въ подобной рекламѣ? Въ такомъ случаѣ и Вольдемару Веннихену они могутъ оказать протекцію? Что такое ихъ домашній спектакль? Нѣтъ, геній не долженъ быть такъ скроменъ.

— Скроменъ только сбродъ!—заявилъ Кафлишъ, и Клемпнеръ, словно все это нисколько его не касалось, расхохотался первый.

Лиззи, понявъ, что дѣло проиграно, вся багровая, захотѣла отомстить.

— Странно, что вездѣ наталкиваешься на кружковщину; люди

какъ будто бы желаютъ служить интересамъ искусства, но это дѣлается для того, чтобы показать при бенгальскомъ освѣщеніи своихъ личныхъ питомцевъ...

Адельгейда сострадательно повела головою. Дамы хихикнули, навели на Лиззи лорнеты и отодвинулись отъ нея. Но Тюркгеймеръ выказалъ неожиданно большую подвижность и оживленіе. Покачиваясь, улыбаясь и потирая руки, онъ шутливо поклонился актрисѣ.

— Личные питомцы при бенгальскомъ освѣщеніи! Ловко сказано, уважаемая фрау Лаффѐ! У всѣхъ у насъ они имѣются, и дорогонько они обходятся намъ—эти личные питомцы!

Онъ захохоталъ и, дружески хлопнувъ Клемпнера по плечу, продолжалъ смѣяться ему въ лицо. Клемпнеръ тоже засмѣялся, и съ минуту они, раскрывъ ротъ, таращили другъ на друга глаза, покуда имъ обоимъ не стало неловко.

Лиззи поднялась, съ шумомъ отодвинувъ стулъ. Она окинула всѣхъ полнымъ презрѣнія взоромъ и двинулась къ двери трагической поступью развѣнчанной королевы. Клемпнеръ послѣдовалъ за нею, поджавъ хвостъ.

Андреасъ, на котораго эта сцена произвела удручающее впечатлѣніе, пользуясь уходомъ нѣкоторыхъ гостей, тоже хотѣлъ незамѣтно ускользнуть, но Тюркгеймеръ схватилъ его за руку и освѣдомился почти съ нѣжностью:

— Вы уже уходите, милѣйшій? Если вамъ нравится у насъ, пожалуйста бывайте чаще. Жена моя очень расположена къ вамъ, я случайно это знаю.

Онъ хитро улыбнулся и добавилъ:—И я также.

На лѣстницѣ Андреаса догналъ Кафлишъ.

— Знаете ли вы, какой подвигъ вы совершили? Нѣтъ? Вы оказали Тюркгеймеру величайшую услугу, которую онъ никогда не забудетъ. Благодаря вамъ, онъ отдѣлался отъ Лиззи, о чемъ давно мечталъ. Изъ-за васъ она нагрубила Адельгейдѣ, и та, конечно, отомстила: знаете, по пословицѣ: „Бей моего жида, я стану бить твоего жида“?..

— Къ чему ваши цитаты?

— А вотъ къ чему. Теперь вы у Тюркгеймера — свой человѣкъ. Ваша будущность обезпечена. Невинность—лучше всякой политики, это ясно каждому.

И онъ исчезъ, оставивъ Андреаса въ задумчивости среди орхидей и кактусовъ, украшавшихъ лѣстницу.

Съ нѣм. О. Ч.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

НЫНѢ И ТОГДА

1600 — 1900 гг.

— La Crise révolutionnaire, 1584—1614, par K. Waliszewski.

En énergies de toute nature, la Russie est un pays de longue accumulation et de brusque détente.

Кризисъ, переживаемый нынѣ Россіею, приводитъ мысль къ невольному сопоставленію съ эпохой великихъ потрясеній, которыя испытало московское государство три вѣка тому назадъ. Правда, ближайшіе политическіе поводы къ обоимъ этимъ государственнымъ и народнымъ кризисамъ, да и самый ходъ народныхъ движеній въ ту эпоху и въ наше время существенно различны. Но сравненіе все-таки напрашивается само собой уже потому, что обѣ эпохи представляютъ тѣ именно два русскія революціонныя движенія, которымъ несомнѣнно присущъ характеръ народный.

Совсѣмъ иное свойство и несравненно меньшее значеніе имѣли политическіе перевороты, ознаменовывавшіе послѣ-петровскій, такъ называемый „петербургскій" періодъ исторіи, которому въ наше время, очевидно, наступаетъ конецъ. Въ переворотахъ этихъ, какъ почти случайныхъ революціяхъ дворцовыхъ и военныхъ, элементъ народный не игралъ никакой роли.

Но иначе представляются—революціонное движеніе начала XVII столѣтія, которое довело было Россію до политической, а

отчасти и общественной анархіи,—и современное „освободительное движеніе“, быстро сообщившееся народной массѣ и сразу поднявшее въ ней уровень политическаго сознанія.

„Годы 1610—1612, когда передъ вторженіемъ чужеземнымъ, угрожавшимъ ея независимости, и подъ натискомъ внутренней смуты, разрушавшей строй политическій и общественный, Москвѣ оставался, повидимому, только выборъ между сдачей передъ той или другой изъ этихъ силъ,—были такимъ кризисомъ, когда въ дѣйствительности стучалась въ ворота революція. Необузданные порывы къ свободѣ, смѣлыя попытки ограниченія царской власти, еще болѣе отважныя стремленія къ ниспроверженію всего существовавшаго строя—всѣ эти явленія сдѣлались извѣстны Россіи еще на зарѣ семнадцатаго вѣка. Даже внезапное осуществленіе идеала полной анархіи могло въ то время казаться близкимъ. И вотъ почему тѣ событія, которыя уже удалены отъ насъ на три вѣка, и которыя мнѣ предстоитъ излагать, могутъ казаться, тѣмъ не менѣе, какъ бы близкими къ современности, которой намъ довелось быть удивленными свидѣтелями“...

Эти слова принадлежатъ автору новѣйшаго изслѣдованія о „смутномъ времени“, вышедшаго въ текущемъ году на французскомъ языкѣ, г. Валишевскому. Въ исторической литературѣ онъ сразу сдѣлалъ себѣ имя книгой о Екатеринѣ II, сочиненіемъ, которое по тщательному собранію показаній современниковъ этой государыни, сопоставленныхъ съ ея перепиской, заслуживало болѣе серьезнаго названія, чѣмъ избранное авторомъ заглавіе: „Романъ Императрицы“ [1]). Книга эта имѣла большой успѣхъ заграницею и выдержала уже 15 изданій. Дополненіемъ къ ней служитъ этюдъ „Вокругъ престола“, посвященный государственнымъ людямъ и фаворитамъ того же царствованія. За этими сочиненіями слѣдовали: характеристика Петра Великаго, два изслѣдованія, обнимающія послѣ-петровскій періодъ до Екатерины II, наконецъ, книга о Грозномъ. Кромѣ того, Валишевскимъ издана еще біографія Маріи-Людвики, жены короля Яна Собѣсскаго, съ заглавіемъ: „Marysiénka“.

Такимъ образомъ, историческія монографіи французскаго автора, включая вышедшую нынѣ, обнимаютъ періоды съ половины XVI и до конца XVIII столѣтій. Не считая себя вправѣ давать оцѣнку научнаго ихъ значенія, отмѣтимъ только, что труды эти свидѣтельствуютъ о достаточномъ ознакомленіи автора съ

---

[1]) Le Roman d'une Impératrice.—Autour d'un trône.—Pierre le Grand.—L'Héritage de Pierre le Grand.—La Dernière des Romanov.—Ivan le Terrible.

главными источниками и со взглядами русскихъ историковъ, заключаютъ и нѣкоторыя малоизвѣстныя данныя, а главное, представляютъ собой очерки, въ которые вошли результаты отдѣльныхъ изслѣдованій по вновь открытымъ источникамъ, такъ что изложеніе событій каждой эпохи является уже на уровнѣ современныхъ пріобрѣтеній науки.

Сверхъ того, и независимо отъ тѣхъ недостатковъ, какіе могутъ быть указаны русскими историками, очерки Валишевскаго представляютъ, собственно для публики, достоинство сжатости изложенія, легкости литературнаго языка, оригинальности нѣкоторыхъ взглядовъ, изящной формы, а иногда и остроумныхъ сопоставленій.

I.

Обращаясь къ той темѣ, которая затронута въ предисловіи къ книгѣ, гдѣ „смутное время“ начала семнадцатаго столѣтія названо первымъ „революціоннымъ кризисомъ“ въ Россіи, позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что авторъ имѣлъ на это несомнѣнное право. Онъ оговаривается, впрочемъ, что хотя разсказъ о той эпохѣ, читаемый въ свѣтѣ современныхъ намъ событій, и представляетъ нѣкоторый parfum d'actualité, но это является помимо его воли, такъ какъ онъ приступилъ къ настоящему своему труду раньше тѣхъ потрясеній, какія представились въ войнѣ съ Японіей и настоящемъ внутреннемъ кризисѣ въ Россіи. Поэтому авторъ предваряетъ читателя, что если книга навела бы этого послѣдняго на нѣкоторыя сближенія, то это явится независимо отъ воли автора, который вовсе не имѣлъ намѣренія выходить изъ своей роли повѣствователя и критика исторической достовѣрности фактовъ.

Но въ томъ же предисловіи, написанномъ уже подъ вліяніемъ современныхъ впечатлѣній, онъ замѣчаетъ, что какъ бы то великое движеніе, которое нынѣ охватило 130-милліонный народъ, ни казалось неожиданнымъ и внезапнымъ, можно, однако, найти связь между нимъ и прежними, хотя бы отдаленными движеніями того же рода. „Воображать себѣ, что этотъ народъ до послѣдняго времени переносилъ безъ возмущенія господство грубой силы и даже, порой, самъ поддавался подъ это иго, не раскаиваясь въ томъ впослѣдствіи, — говоритъ авторъ, — было бы большой ошибкой“.

Спрашивается, однако, умѣстно ли называть „смутное время“ — „революціоннымъ кризисомъ“, какъ то сдѣлалъ авторъ, когда

прямымъ поводомъ къ смутѣ послужило прекращеніе старой династіи, а самая смута привела только къ утвержденію новой династіи, по связи свойства, съ возстановленіемъ того же самодержавнаго строя? Но едвали необходимо ограничивать понятіе о революціонныхъ кризисахъ такъ, чтобы оно могло быть примѣняемо только къ полнымъ переворотамъ политическаго строя. Намъ кажется, что понятіе это вполнѣ примѣнимо и къ тѣмъ народнымъ движеніямъ, которыя имѣли смыслъ протеста противъ бытовыхъ условій, связанныхъ съ данной политической формой, хотя бы даже то или другое движеніе и не привело къ ея отмѣнѣ непосредственно или въ близкомъ времени.

Такъ, вполнѣ возможно видѣть революціонные кризисы въ возстаніи Спартака въ древнемъ Римѣ и въ крестьянскихъ войнахъ во Франціи и Германіи. Съ другой стороны, и въ числѣ возстаній, признаваемыхъ революціями, бывали такія, за которыми слѣдовали реставраціи, и еще такія, которыя не измѣняли формы правленія, а приводили только къ перемѣнѣ династіи.

Въ этомъ смыслѣ и „смутное время" несомнѣнно представляется кризисомъ революціоннымъ. Оно не было вызвано появленіемъ самозванца, но, наоборотъ, появленіе самозванцевъ было вызвано накопленіемъ народнаго страданія и назрѣваніемъ въ массахъ протеста противъ крутыхъ мѣръ, сопровождавшихъ московскую централизацію, противъ народнаго закабаленія и истощенія.

Правда, протестъ этотъ мало измѣнилъ условія быта; въ народѣ, подъ страхомъ полной анархіи и окончательнаго паденія не только государства, но и всякаго порядка, возобладалъ, наконецъ, инстинктъ самосохраненія, и рѣка, выступившая изъ береговъ, покрывшая землю широкимъ разливомъ, возвратилась въ прежнее русло. Надъ страстью протеста взяло верхъ опасеніе гибели, и народное движеніе испытало реакцію, которая удовольствовалась изгнаніемъ чужеземцевъ и возстановленіемъ безопасности.

Прекращеніе Рюриковскаго рода послужило только поводомъ для народнаго протеста противъ крутыхъ мѣръ, сопровождавшихъ укрѣпленіе московской государственности, а не самой причиною смутнаго времени. Между тѣмъ, дальнѣйшее усиленіе государственности, упроченіе крѣпостного права и увеличеніе народной тяготы для расширенія государства порождали мѣстные взрывы народнаго протеста, изъ которыхъ наиболѣе широкимъ и опаснымъ явилось Пугачевское возстаніе. Оно бросаетъ свѣтъ и на характеръ великаго мятежа, названнаго смутнымъ временемъ. Пугачевщина, очевидно, явилась какъ

протестъ противъ упроченія и расширенія крѣпостного права, преслѣдованія раскольниковъ и умноженія воинской и другихъ повинностей. А народный протестъ и на этотъ разъ выразился въ національной формѣ появленія самозванца.

Можно, конечно, замѣтить, что какъ бы то ни было, но послѣ революціоннаго кризиса начала XVII-го столѣтія прошло безъ малаго триста лѣтъ, а все-таки продолжалъ существовать режимъ суровой централизаціи, сдавливавшій народное развитіе, петербургскій бюрократизмъ, еще болѣе тяжелый, чѣмъ московское приказное начало съ его волокитой и лихоимствомъ. Но, вотъ, къ этому-то факту и примѣнимы начальныя слова предисловія г. Валишевскаго: „la Russie est un pays de longue accumulation et de brusque détente". Да, неумолимый, мертвенный бюрократизмъ царствовалъ еще триста лѣтъ послѣ первыхъ попытокъ къ ограниченію царской власти при Самозванцѣ, при Шуйскомъ, при королевичѣ Владиславѣ и при родоначальникѣ династіи Романовыхъ. И всего три года назадъ бюрократизмъ нашъ находился въ своемъ апогеѣ, а теперь мы уже имѣли Государственную Думу съ радикальнымъ большинствомъ, и въ этой Думѣ представители отъ крестьянъ говорили о землѣ и волѣ и нисколько не высказывались въ защиту самодержавія. Вотъ какія быстрыя перемѣны могутъ слѣдовать за вѣковыми періодами терпѣнія и назрѣванія протеста.

Но такъ было и передъ тѣмъ революціоннымъ кризисомъ, который доселѣ, по цензурнымъ причинамъ, носилъ нейтральное названіе „смутнаго времени". Періодъ установленія московской государственности, если его принять отъ начала управленія Ивана Даниловича Калиты до смерти Бориса Ѳедоровича Годунова, обнималъ также болѣе двухъ съ половиной вѣковъ. А какова была суровость тѣхъ средствъ, которыя были употреблены въ теченіе этого періода для сплоченія великорусскаго ядра, для постепеннаго расширенія государства, созданія строгой централизаціи—это легко характеризовать немногими словами, за каждымъ изъ которыхъ открывается цѣлая перспектива народныхъ жертвъ. Для достиженія этой цѣли пришлось вначалѣ прибѣгать къ помощи ордынской силы, къ погубленію многихъ соперниковъ, а впослѣдствіи—къ запрету брака для ближайшихъ родственниковъ правителя или къ тайному истребленію ихъ потомства, потребовались переходъ отъ вѣчевыхъ порядковъ къ погромамъ Грознаго, къ узаконенію кабалы и, наконецъ, къ отмѣнѣ права перехода крестьянъ, то-есть, къ такой мѣрѣ, которая приравняла вольныхъ земледѣльцевъ съ кабальными.

Отъ такого деспотическаго режима народъ сталъ бѣжать на востокъ, колонизируя Приволжье и Пріуралье, а также—въ южныя земли привольныя, въ казачество. Но и въ центральныхъ областяхъ московскаго государства образовалось, къ началу XVII-го столѣтія, цѣлое подвижное море бѣглецовъ, оторвавшихся отъ земли, отъ рода и племени, подлежавшихъ преслѣдованію, ставшихъ внѣ закона, враждебныхъ всему существовавшему строю. Оставалось только прійти удобному случаю, чтобы всколыхнуть это внутреннее море, постоянно нараставшее въ глубину, какъ бы лишенное дна, море, не знавшее и какихъ-либо береговъ гражданскаго долга и солидарности съ жестокими условіями государственнаго быта.

Великихъ жертвъ потребовало отъ народа сплоченіе московскаго государства на началахъ единовластія и приказнаго управленія, чуждыхъ вѣчевой старинѣ, но обезпечивавшихъ большую внѣшнюю силу. Г. Валишевскій въ своемъ предисловіи кратко опредѣляетъ московскій строй словами, что режимъ этотъ создавалъ политическое величіе вмѣстѣ съ бѣдственнымъ положеніемъ народа. И въ самомъ разсказѣ о причинахъ кризиса и о томъ приближеніи къ анархіи, которое, наконецъ, выразилось въ мятежѣ Болотникова, прямо направленномъ противъ высшихъ классовъ, и въ подвигахъ шаекъ Заруцкаго, Лисовскаго, Ляпунова—онъ отмѣчаетъ въ кризисѣ важную роль всякаго рода бѣглыхъ и хищниковъ.

Но, какъ намъ кажется, авторъ недостаточно останавливается надъ отдѣльными мѣрами и явленіями, которыя вызывали это разложеніе въ народной массѣ. Въ картинѣ смутнаго времени у Костомарова,—хотя онъ и избѣгаетъ общихъ опредѣленій, выраженныхъ въ точныхъ формулахъ,—эта бытовая сторона развита несравненно глубже и полнѣе. Изъ его классическаго труда, который первоначально печатался въ „Вѣстникѣ Европы" ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ [1]), мы позволимъ себѣ сдѣлать сокращенную выписку для уясненія того бѣдственнаго положенія, въ которое былъ приведенъ народъ, и которое оправдываетъ представленіе о смутномъ времени именно какъ о народномъ протестѣ, о революціонномъ кризисѣ, вызванномъ чрезмѣрной государственной эксплоатаціею.

„Разныя вѣтви казенныхъ доходовъ отдавались откупщикамъ, получавшимъ грамоту, сколько слѣдуетъ брать; но это не соблю-

---

[1]) „Смутное время". Первая статья первой книги „Вѣстника Европы", вышедшей въ мартѣ 1866 г. Продолженіе—въ томъ же и слѣдующемъ году.

далось, дѣлалось много произвола и злоупотребленій. Продажа вина производилась отъ казны, и пьянство стало источникомъ царскихъ доходовъ. Распространеніе пьянства столько же и разоряло народъ, сколько его развращало; явилось много праздношатающихся, пропившихся, готовыхъ на всякое порочное дѣло. Борисъ покровительствовалъ закрѣпленію холоповъ; при немъ постановлено, что всякій вольный человѣкъ, прослужившій у господина добровольно около полугода, дѣлался его вѣчнымъ холопомъ, а это привело ко всевозможнымъ насиліямъ. Сельскіе люди, имѣвшіе право свободно переходить съ земли одного владѣльца на землю другого, при Ѳедорѣ были закрѣпощены и отданы произволу владѣльцевъ, поставлены почти наравнѣ съ кабальными. Главная тягость состояла въ томъ, что они должны были безвыходно жить въ одномъ мѣстѣ, тогда какъ это было противно вѣковымъ, дѣдовскимъ привычкамъ. Охота переходить должна была еще сильнѣе одолѣвать крестьянъ послѣ закрѣпощенія. А бѣглыхъ искали, преслѣдовали, они готовы были идти противъ закона и общества. Такимъ образомъ накопились громады людей, готовыя на всякую смуту. По дорогамъ нападали на проѣзжихъ, грабили и убивали въ городахъ по ночамъ; въ Москвѣ каждое утро привозили къ земскому приказу убитыхъ ночью и ободранныхъ на улицахъ.

„Страшный голодъ въ 1601 и 1602 годахъ довершилъ подготовку московской земли къ потрясеніямъ. Тогда многіе владѣльцы стали прогонять своихъ холоповъ, чтобы не кормить ихъ. Государство постигла такая бѣда, какой не помнили отцы и дѣды. Царь велѣлъ отпереть свои житницы и раздавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны; но въ московской землѣ, по замѣчанію современника, всѣ должностныя лица были воры; они раздавали хлѣбъ своимъ близкимъ или тѣмъ, кто дѣлился съ ними барышами. Народъ сталъ ѣсть всякую гадость, и множество людей умирало съ голоду. Было немало случаевъ людоѣдства. Въ одной Москвѣ погибло 127 тысячъ народа. Голодъ утвердилъ въ народѣ мысль, что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, и все дурное, что происходило на Руси, ставили въ вину ему“...

II.

Трудъ Костомарова послужилъ и г. Валишевскому однимъ изъ главныхъ пособій. Разсказывая тѣ же событія, хотя въ болѣе сжатомъ видѣ, французскій авторъ, естественно, не разъ под-

ходитъ близко къ разсказу Костомарова, но иногда подтверждаетъ тѣ же факты еще и изъ другихъ источниковъ, кромѣ тѣхъ, на которые ссылается Костомаровъ. Естественно также, что взгляды авторовъ и расходятся въ зависимости отъ тѣхъ источниковъ, которымъ каждый изъ нихъ, въ томъ или другомъ случаѣ, отдаетъ предпочтеніе.

Несмотря, однако, на то сходство въ описаніи отдѣльныхъ эпизодовъ, которое обусловливается общими первоисточниками, трудъ г. Валишевскаго является самостоятельнымъ. Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, составилась цѣлая новая литература о самозванцахъ и вообще о событіяхъ смутнаго времени. Однимъ отцомъ Пирлингомъ издано цѣлыхъ девять сочиненій, относящихся къ событіямъ той эпохи, причемъ имъ ближе изслѣдованы источники, хранящіеся въ Ватиканской библіотекѣ. Валишевскій воспользовался и нѣкоторыми неизвѣстными въ Россіи польскими изслѣдованіями. Но и русскіе источники, сочиненія и новѣйшіе этюды, являвшіеся въ историческихъ журналахъ, извѣстны ему хорошо. Одна библіографія по избранному имъ предмету занимаетъ въ его книгѣ 21 страницу мелкаго шрифта.

Послѣ вопроса о томъ, было ли потрясеніе, происшедшее въ тогдашней Россіи, вызвано главнымъ образомъ пресѣченіемъ династіи, или же это обстоятельство послужило только поводомъ къ возстанію, а кризисъ долженъ былъ произойти вслѣдствіе долговременнаго и чрезмѣрнаго обремененія народа тяготами для усиленія могущества государства—главнымъ и доселѣ неразрѣшеннымъ вопросомъ въ исторіи смутнаго времени представляется загадка о самой личности перваго „Самозванца". За отсутствіемъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о жизни „Названнаго царя" передъ появленіемъ его при дворѣ кн. Вишневецкаго, изслѣдователямъ представляется широкое поле для субъективнаго предпочтенія тѣхъ или другихъ современныхъ показаній и для оцѣнки степени важности отдѣльныхъ фактовъ, логической связи ихъ и характера самого героя той трагедіи.

Что кризисъ долженъ былъ произойти, хотя бы и не явился человѣкъ, выдавшій себя за сына Грознаго, это доказывается краснорѣчивыми фактами. Въ Сѣверщинѣ, еще въ 1603 году, когда мнимый Димитрій только-что прибылъ къ Вишневецкому, образовалось революціонное скопище, подъ предводительствомъ Хлопки Косолапаго, которое современники называли только большой разбойничьей шайкой, но которое, не провозглашая никакого новаго царя, шло прямо на Москву, причемъ вождь шайки, по приводимому Костомаровымъ свидѣтельству современника, „гро-

зилъ истребить и престолъ, и бояръ, и все, что было на Руси правительственнаго, властвующаго, богатаго и утѣсняющаго". Итакъ, первая, настоящая революціонная волна нахлынула-было на Москву безъ всякаго отношенія къ самозванцу. Царскому войску удалось отбросить и разбить ее.

Что касается второго главнаго вопроса, то Валишевскій ставитъ его такъ: „что Самозванецъ былъ подлиннымъ Димитріемъ, это въ настоящее время не можетъ быть доказано съ научной достовѣрностью (scientifiquement), и мнѣніе это основывается только на вѣроятностяхъ. Но зато тезисъ противоположный, теперь, также какъ и въ прежнее время, утверждается только на такихъ данныхъ, которыя признаны неточными, недостаточными или нелѣпыми".

Костомаровъ въ „Смутномъ времени", передавъ результаты слѣдственнаго дѣла о смерти царевича Димитрія, произведеннаго Шуйскимъ, и разсказы нѣкоторыхъ современниковъ объ этомъ событіи, замѣчаетъ: „Но при всѣхъ извѣстіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, событіе остается темнымъ для исторіи". Въ другомъ мѣстѣ Костомаровъ допускаетъ, что самъ Борисъ Годуновъ могъ „не быть увѣренъ въ смерти Димитрія; онъ не видалъ убійцъ его, да еслибы и видѣлъ, еслибы былъ вполнѣ убѣжденъ, что въ Угличѣ зарѣзали царственнаго отрока, то и тогда не могъ бы поручиться, что зарѣзанный былъ настоящій Димитрій, что царевича не спасли заранѣе и не подмѣнили другимъ мальчикомъ".

Въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ показанія царицы Марѳы, которая знала всю правду, и Костомаровъ отмѣчаетъ, что ее при слѣдствіи не спрашивали. Онъ же приводитъ свѣдѣніе изъ разсказа Исаака Массы, что въ 1604 г., когда „названный Димитрій" уже собиралъ въ Польшѣ войско, чтобы идти на Москву, Годуновъ лично допрашивалъ приведенную для того Марѳу, и на вопросъ: „живъ ли твой сынъ или нѣтъ?"—получилъ отъ нея отвѣтъ: „Я не знаю; мнѣ говорили, что моего сына тайно увезли изъ русской земли безъ моего вѣдома, а тѣ, что мнѣ такъ говорили, давно умерли",—и отвѣтъ этотъ разсердилъ царя Бориса.

Приведемъ по Костомарову еще отвѣтъ, приписываемый Марѳѣ другимъ иностранцемъ и данный будто бы ею, когда, послѣ убіенія мнимаго Самозванца, толпа приволокла трупъ его къ Вознесенскому монастырю и, вызвавъ царицу Марѳу, требовала, чтобы она сказала, ея ли это сынъ. Царица будто бы сказала: „было бъ меня спрашивать когда онъ былъ живъ; а теперь, какъ вы его убили, онъ уже не мой". Правда, Костомаровъ не довѣряетъ

подлинности этого отвѣта. Но какъ бы то ни было, вотъ тѣ единственные случаи, когда приписываемое Марѳѣ отношеніе къ убіенію ея сына или Самозванца не истекало, такъ сказать, изъ оффиціальной необходимости.

Во время слѣдствія она не сдѣлала никакого заявленія; царю Годунову она будто бы сказала, что ея малолѣтняго сына увезли изъ Россіи, а толпѣ, убившей Самозванца, по другому сказанію, она дала отвѣтъ загадочный. Затѣмъ, всѣ эти отзывы Марѳы, взаимно-противорѣчивые и потому не заслуживающіе довѣрія, были прямо продиктованы ей уже самой перемѣной обстоятельствъ. Передъ воцареніемъ Годунова царица признала, что сынъ ея умеръ; при вступленіи названнаго Димитрія въ Москву она признала его сыномъ, а по воцареніи Шуйскаго и открытіи имъ мощей мученика Димитрія, она будто бы передъ „всѣмъ народомъ" признавалась, что сынъ ея былъ убитъ по велѣнью Годунова, а мнимый Димитрій „былъ разстрига, лютый еретикъ и чернокнижникъ", о чемъ она не объявила раньше потому, что онъ запретилъ ей „злымъ запрещеніемъ", въ чемъ она и кается. По крайней мѣрѣ, такое признаніе было приписано бывшей царицѣ Маріи (Марѳѣ) въ грамотѣ царя Василія Шуйскаго народу.

А что касается самой грамоты и другихъ заявленій самого Шуйскаго, который при слѣдствіи въ Угличѣ могъ узнать правду, то они опровергаютъ одно другое еще въ гораздо большей степени, чѣмъ показанія, приписываемыя царицѣ-инокинѣ Марѳѣ. По слѣдственному дѣлу, при жизни царя Ѳедора и правленіи Годунова, Шуйскій призналъ, что царевичъ Димитрій убилъ самъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, а передъ вступленіемъ мнимаго самозванца въ Москву Шуйскій съ Лобнаго мѣста объявилъ народу, что Годуновъ посылалъ убить царевича Димитрія, но царевича спасли, а вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ. Затѣмъ тотъ же Василій Шуйскій руководилъ мятежомъ противъ мнимаго самозванца и лично направлялъ на него убійцъ, говоря: „Кончайте скорѣй съ воромъ Гришкой Отрепьевымъ". А по своемъ воцареніи, онъ же разослалъ грамоту, въ которой совершенно опровергалъ прежнее свое дознаніе и излагалъ убіеніе царевича по повелѣнію Годунова и исторію о Гришкѣ Отрепьевѣ и Лжедимитріѣ, какъ она съ тѣхъ поръ всегда и признавалась оффиціально. Наконецъ, онъ же придумалъ открытіе мощей и перенесеніе ихъ изъ Углича въ Москву для того, чтобы самому утвердиться на царствѣ.

Признаніе царевича Димитрія святымъ и нахожденіе мощей

представили значительное затрудненіе для вполнѣ безпристрастнаго изслѣдованія всего дѣла о Самозванцѣ будущими историками. Едвали можно сомнѣваться, что не только Карамзинъ или Устряловъ, но и Соловьевъ были предрасположены къ признанію второй оффиціальной версіи Шуйскаго объ убіеніи въ Угличѣ истиннаго Димитрія по волѣ Годунова — отчасти потому, что иначе имъ пришлось бы отвергнуть явленіе мощей и признаніе царевича святымъ мученикомъ.

Костомаровъ уже и въ „Смутномъ времени" находилъ вторую версію Шуйскаго болѣе правдоподобной, чѣмъ его заключеніе по слѣдственному дѣлу. А черезъ семь лѣтъ, когда появился въ печати пространный разборъ слѣдственнаго дѣла, написанный г. Бѣловымъ въ смыслѣ нѣкотораго довѣрія къ факту самоубійства царевича, то Костомаровъ въ статьѣ „О слѣдственномъ дѣлѣ", напечатанной также въ „Вѣстникѣ Европы" [1]), высказалъ уже такое, вполнѣ опредѣленное мнѣніе по этому поводу: „Кажется, едвали можно сомнѣваться въ истинѣ того факта, что Димитрій царевичъ былъ зарѣзанъ". Притомъ, Костомаровъ вѣрилъ, что убійство совершилось именно по указанію или внушенію Годунова. „Царь Ѳедоръ могъ скоро умереть,— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—провозгласили бы царемъ Димитрія, Нагіе захватили бы власть и было бы первымъ ихъ дѣломъ погубить Бориса съ его семьей и родней. Не было для Бориса другого выхода: либо Димитрія сгубить, или самому со дня на день ждать гибели; человѣкъ этотъ уже привыкъ не останавливаться передъ выборомъ средствъ". Костомаровъ допускаетъ только, что Борисъ, „какъ умный человѣкъ", не давалъ прямого повелѣнія на убійство, но убійцы знали, что это дѣло будетъ угодно Борису, что оно—въ видахъ его.

Наконецъ, Костомаровъ отвергаетъ первую версію Шуйскаго уже и по соображенію чисто психологическому, потому что не считаетъ Шуйскаго способнымъ выставить въ церкви, на поклоненіе, остатки самоубійцы и допустить причисленіе его къ лику святыхъ, тѣмъ болѣе, что еслибы Шуйскій вѣрилъ тому, что самъ утверждалъ прежде, то-есть, что мальчикъ закололъ себя въ припадкѣ бѣшенства, то не рѣшился бы возвести въ святые того, кто, по понятіямъ тогдашняго времени, долженъ былъ представляться одержимымъ злымъ духомъ.

Замѣтимъ, что этотъ доводъ имѣетъ несомнѣнное значеніе по отношенію къ слѣдственному дѣлу, и онъ терялъ бы силу при

---

[1]) Сентябрь 1873 г., стр. 164.

предположеніи, что въ Угличѣ былъ похороненъ не самоубійца-Димитрій, а другой мальчикъ, поповъ сынъ.

Но обратимся теперь къ предположеніямъ г. Валишевскаго. Онъ является однимъ изъ сторонниковъ заявленнаго и нѣкоторыми новѣйшими русскими изслѣдованіями предположенія, что первый Самозванецъ могъ быть истиннымъ царевичемъ Димитріемъ. Какъ уже упомянуто выше, онъ признаетъ, что этотъ фактъ—въ настоящее время—не можетъ быть доказанъ научнымъ образомъ. Но, приводя всѣ свидѣтельства за и противъ, нашъ авторъ все-таки склоняется въ пользу предположенія о подлинности „названнаго" Димитрія. Но и въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій не было открыто документа, которымъ въ споръ по этому предмету вводился бы какой-нибудь важный новый фактъ, за исключеніемъ найденнаго польскаго оригинала одного письма Димитрія, или Лжедимитрія, къ папѣ, имѣвшагося раньше только въ латинскомъ текстѣ; а потому предпочтеніе, оказываемое г. Валишевскимъ свидѣтельствамъ въ пользу истинности названнаго Димитрія, зависитъ отъ его субъективнаго взгляда на степень достовѣрности разныхъ показаній, давно извѣстныхъ.

Но вѣдь то же самое надо сказать и о приверженцахъ гипотезы противоположной. А что касается документа только-что упомянутаго, то гг. Пташицкій и Бодуэнъ-де-Куртенэ доказали съ достаточной, по нашему мнѣнію, убѣдительностью, что польскій подлинникъ письма былъ написанъ русскимъ. Итакъ, документъ этотъ представляетъ важность только какъ опроверженіе высказывавшихся иными догадокъ, будто названный Димитрій былъ полякъ. Но для спора о томъ, былъ ли это истинный Димитрій, пробравшійся въ Польшу, или Гришка Отрепьевъ, попавшій туда же, оригиналъ этотъ не имѣетъ никакого значенія.

Сказаніе или легенда о томъ, какъ погибъ царевичъ, и о появленіи Гришки Отрепьева, „растриги, злаго еретика и чернокнижника", въ Польшѣ и при дворѣ самого короля является недостаточно доказаннымъ, но оно представляетъ связный разсказъ о цѣломъ событіи, хотя въ челобитной, приписанной Варлааму, есть явныя несообразности, указанныя самимъ Костомаровымъ. Однако разсказъ этотъ такъ уже усвоенъ всѣми, что отъ автора, который склоненъ считать Самозванца истиннымъ Димитріемъ, естественно было требовать объясненія, какъ онъ себѣ представляетъ возможность допустить, что царевичъ остался живъ, долго могъ укрываться и, наконецъ, открыть свое происхожденіе, уже въ такой странѣ, гдѣ онъ могъ найти безопасность и даже ожидать

помощи. Вотъ почему, какъ надо полагать, г. Валишевскій развиваетъ свой тезисъ, такъ сказать, въ три пріема.

III.

Въ первый разъ онъ для того разбираетъ слѣдственное дѣло, веденное Шуйскимъ. Указать на пропуски и на разныя странности въ этомъ дѣлѣ представляется нетруднымъ. Слѣдователи не осматривали трупа жертвы, царица Марія (инокиня Мароа) не была допрошена; показанія множества свидѣтелей, принадлежавшихъ къ различнымъ сословіямъ, слишкомъ тождественны, словно по выучкѣ, повторяютъ заявленіе мамки Волоховой объ игрѣ царевича въ тычку и пораненіи имъ себя взятымъ для этого ножомъ. Представляется маловѣроятнымъ, чтобы семилѣтнему мальчику, подверженному припадкамъ падучей болѣзни, позволили взять ножъ. Изъ Нагихъ, дядей Димитрія, двое, которые, впрочемъ, не были свидѣтелями самаго факта, показали, что царевичъ убился самъ, а третій, Михайло, одинъ изъ всѣхъ свидѣтелей, утверждалъ, что царевича зарѣзали Данило Битяговскій, сынъ надзирателя, сынъ мамки Осипъ Волоховъ и состоявшій при надзирателѣ Битяговскомъ Качаловъ. Но въ день убійства Михайло Нагой былъ совсѣмъ пьянъ, притомъ же онъ имѣлъ личную злобу противъ Битяговскаго, изъ-за денегъ. Иные свидѣтели показывали, что ранившій себя мальчикъ долго еще бился на рукахъ кормилицы Ждановой, а царица въ это время била полѣномъ мамку Волохову, кричала народу, что царевича зарѣзали Данило Битяговскій съ товарищами, и приказывала народу убить ихъ; а потомъ тѣмъ же полѣномъ билъ мамку Волохову братъ царицы, Григорій Нагой. Но такъ какъ никого изъ свидѣтелей на мѣстѣ преступленія не было, пока не ударили въ набатъ, то они только повторяютъ разсказъ той же мамки Волоховой. Валишевскій находитъ невѣроятнымъ, чтобы мать въ такую минуту оставила умиравшаго или хотя бы уже умершаго ребенка на рукахъ служанки, а сама занималась только мщеніемъ. Григорій Нагой который, хотя не видѣлъ самаго факта убійства или самоубійства, но засталъ царевича еще бившимся, также билъ мамку Волохову, а между тѣмъ онъ съ однимъ братомъ показалъ согласно ея же разсказу, что царевичъ убился самъ.

Затѣмъ спрашивается, почему не былъ допрошенъ третій изъ Нагихъ—Аѳанасій? Остается предположить, что онъ бѣжалъ изъ

Углича. Но почему онъ, а не другіе братья? Между тѣмъ, народъ, возбужденный Михайломъ Нагимъ, перебилъ предполагаемыхъ убійцъ, и Валишевскій высказываетъ догадку, что Нагіе, погубивъ ненавидимаго ими Битяговскаго, должны были затѣмъ поддерживать свое обвиненіе и на слѣдствіи, чтобы оправдать себя, но что двое изъ нихъ отказались отъ этого намѣренія, а настаивалъ на немъ только одинъ изъ братьевъ—Михайло.

Находя совсѣмъ неправдоподобнымъ, чтобы событіе 1591 года совершилось такимъ образомъ, какъ оно изложено въ слѣдственномъ дѣлѣ Шуйскаго, Валишевскій, на томъ же основаніи, не убѣждается и позднѣйшими заявленіями Шуйскаго, что царевичъ былъ убитъ въ Угличѣ и что названный Димитрій былъ именно Гришка Отрепьевъ. Авторъ считаетъ разсказъ, представленный въ слѣдственномъ дѣлѣ, нисколько не менѣе заслуживающимъ вѣры, чѣмъ позднѣйшее объявленіе того же Шуйскаго.

Но пропуски очевидные въ слѣдственномъ дѣлѣ авторъ сопоставляетъ съ характерными свидѣтельствами нѣкоторыхъ современниковъ-иностранцевъ. Таковы: разсказъ Флетчера, что уже ранѣе были покушенія на жизнь Димитрія; извѣстіе Исаака Массы, что при откопаніи въ 1606 году тѣла убитаго въ Угличѣ отрока въ одной рукѣ трупа былъ найденъ платокъ, а въ другой орѣхи; затѣмъ, повѣствованіе находившагося въ Ярославлѣ во время самаго событія 1591 года англійскаго агента Горсея, что черезъ нѣсколько дней послѣ предполагаемаго самоубійства царевича, когда уже было приступлено къ слѣдствію, къ нему ночью явился Аѳанасій Нагой, объявилъ ему о смерти царевича и просилъ дать лекарствъ для царицы Маріи, которая будто бы подверглась попыткѣ отравленія.

При основномъ взаимопротиворѣчіи двухъ оффиціальныхъ описаній событія 1591 года, приведенныя выше сообщенія хорошо освѣдомленныхъ иностранцевъ внушаютъ нѣкоторыя догадки.

Если уже раньше были производимы покушенія на жизнь царевича, то можно допустить, что онъ былъ гдѣ-нибудь укрытъ матерью и подмѣненъ другимъ мальчикомъ. Если обѣ руки у убитаго мальчика были заняты, то онъ не могъ самъ себя поразить ножомъ, и стало быть тотъ, который самъ себя ранилъ въ припадкѣ падучей болѣзни или на котораго совершено было покушеніе, не умеръ, а вмѣсто него похороненъ другой мальчикъ. Это объясняло бы исчезновеніе Аѳанасія изъ Углича съ самаго дня происшествія, и въ такомъ случаѣ можно предположить, что дядя царевича Аѳанасій Нагой увезъ его, можетъ быть, раненаго, тайно въ Ярославль и нуждался въ лекарствѣ — не для

матери убитаго царевича, какъ онъ говорилъ иностранцу, но для спасеннаго имъ настоящаго Димитрія. Тогда пришлось бы предположить также, что другіе братья Нагіе согласились между собой показывать, что царевичъ былъ убитъ — для того, чтобы предотвратить поиски за нимъ и охранить его, но что двое изъ братьевъ устрашились пытокъ и показали о самоубійствѣ въ угоду Борису, и только одинъ Михайло настаивалъ на совершеніи убійства Битяговскимъ и его сообщниками.

Затѣмъ, г. Валишевскій возвращается къ „загадкѣ" уже послѣ того, какъ имъ описано появленіе „Самозванца". Онъ допускаетъ, что этотъ послѣдній могъ не быть ни Гришкой Отрепьевымъ, ни истиннымъ Димитріемъ. Но Пирлингъ приводитъ свѣдѣніе, что въ самый день коронованія названный Димитрій, вопреки принятому обычаю, обратился къ народу съ рѣчью, въ которой пространно разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ. Неужели же это не было записано, а если было, то почему такой записи не оказывается въ московскихъ архивахъ? Авторъ не хочетъ вѣрить, что въ теченіе царствованія Самозванца не велось никакого регистра оффиціальныхъ документовъ, но допускаетъ, что запись эта могла быть изъята впослѣдствіи изъ архива тѣми, кому она приходилась не на-руку.

Ссылались на поминальный синодикъ Макарьевскаго монастыря, включающій, въ числѣ именъ покойныхъ членовъ семьи Грознаго, имя инока Леонида, и догадывались, что подъ этимъ именемъ могъ быть укрытъ умершій царевичъ Димитрій. Авторъ предполагаетъ здѣсь ошибку или описку, но при этомъ самъ впадаетъ въ ошибку, допуская, что имя „инока Леонида" могло относиться къ монахинѣ этого имени, „потому что по-русски именительный падежъ имени женскаго можетъ быть смѣшанъ съ родительнымъ падежомъ имени мужского". Но это показываетъ только, что автору неизвѣстно слово „инокиня", которое никакъ не можетъ быть смѣшано съ родительнымъ падежомъ слова „инокъ".

Въ донесеніи князя Вишневецкаго королю Сигизмунду о называющемъ себя московскимъ царевичемъ Димитріемъ, которое имѣется только въ передачѣ папскаго нунція въ Краковѣ, Рангони, приводится собственный разсказъ названнаго царевича о его спасеніи въ Угличѣ. Сущность разсказа заключается въ томъ, что Димитрій былъ спасенъ отъ убійства своимъ наставникомъ, который на кровати царевича велѣлъ спать другому мальчику, и тотъ былъ принятъ ночью убійцами за царевича. Но — въ этомъ, по крайней мѣрѣ, можно повѣрить слѣдствію — собы-

тіе 1591 г. совершилось днемъ, а не ночью. Притомъ, въ разсказѣ наставникъ не названъ, не упомянуто и о томъ, гдѣ онъ укрылъ спасеннаго имъ царевича. Валишевскій находитъ въ этомъ разсказѣ и другія невѣроятности, и полагаетъ, что Вишневецкій невѣрно передалъ то, что слышалъ отъ своего гостя, и не придаетъ этому разсказу никакой цѣны. Онъ допускаетъ впрочемъ, что самъ Димитрій, имѣя 24 года отъ роду, могъ только смутно помнить то, что происходило, когда ему было всего 7 лѣтъ.

Переходя къ оффиціально принятому утвержденію, что названный Димитрій, или Самозванецъ, былъ не кто иной, какъ чернецъ Григорій Отрепьевъ, бѣжавшій изъ Чудова монастыря, авторъ доказываетъ несостоятельность этого толкованія. Оно появилось впервые въ посланіи патріарха Іова, 14-го января 1605 г., обращенномъ ко всему духовенству. Въ посланіи этомъ сообщалось, что изъ Чудова монастыря бѣжалъ инокъ Григорій Отрепьевъ, и что многіе свидѣтели, изъ которыхъ названы двое: Венедиктъ и Степанъ (а не Варлаамъ и Мисаилъ, выданные впослѣдствіи за товарищей бѣглеца, причемъ первому былъ приписанъ извѣтъ или челобитная, обличавшая Самозванца), видѣли его на дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ и показали, что это былъ тотъ человѣкъ, который затѣмъ явился въ Брагинѣ, у кн. Вишневецкаго, и выдалъ себя за царевича Димитрія. Но свидѣтели эти въ Брагинѣ не были и не видѣли того человѣка, который явился къ Вишневецкому, а къ тому же самъ патріархъ причисляетъ ихъ къ бродягамъ и ворамъ. Чего же стоитъ ихъ свидѣтельство?

Отрепьевымъ прозывался въ 1497 году одинъ изъ Нелидовыхъ, захудалаго рода, котораго члены прежде бывали боярами. Въ Григоріѣ видятъ потомка этого Отрепьева. Григорій былъ на службѣ у одного изъ бояръ Романовыхъ, былъ выгнанъ за дурное поведеніе, потомъ еще проштрафился, укрылся отъ наказанія въ монастырь и, бродя по обителямъ, попалъ наконецъ въ московскій Чудовъ монастырь, гдѣ, между прочимъ, служилъ переплетчикомъ книгъ у самого патріарха Іова. Но за дурное поведеніе и воровство онъ былъ выгнанъ, бѣжалъ въ Польшу и вздумалъ выдать себя за царевича.

И вотъ, едвали не наиболѣе убѣдительнымъ изъ доводовъ Валишевскаго представляется тотъ, что бѣжавшій изъ дома юноша, бродившій затѣмъ по монастырямъ и знавшійся съ другими бродягами, не могъ имѣть ни того образованія, ни того характера, ни свѣтскости, какіе согласно отмѣчаются всѣми знавшими названнаго Димитрія въ Польшѣ.

Вотъ, напр., какъ его описываетъ папскій нунцій въ Краковѣ: „Димитрію около 24 лѣтъ, онъ одаренъ живымъ умомъ, весьма краснорѣчивъ, вполнѣ приличенъ по внѣшности, интересуется изученіемъ литературы, скроменъ и сдержанъ". Трудно предположить, чтобы и кн. Вишневецкій могъ принять Гришку Отрепьева за царевича. А вѣдь назвавшійся Димитріемъ сумѣлъ держать себя при блестящемъ дворѣ короля Сигизмунда, оказывался замѣчательнымъ всадникомъ, хорошо фехтовалъ, бѣгло говорилъ по-польски, зналъ нѣсколько и латинскій языкъ, умѣлъ говорить и съ нунціемъ, и съ королемъ, и успѣшно ухаживать за дочерью воеводы сандомирскаго, Мнишка. Словомъ, это былъ придворный кавалеръ. И если онъ явился въ Польшу въ 1602 году, какъ то было показано въ послѣдней оффиціальной реляціи, составленной въ Москвѣ, то какъ же онъ могъ бы представиться такимъ, какимъ его видѣлъ въ Краковѣ, въ 1604 году, нунцій Рангони?

Иные, правда показываютъ, что Димитрій впервые появился въ Польшѣ еще въ 1600 году, а по первоначальнымъ оффиціальнымъ извѣстіямъ изъ Москвы, онъ бѣжалъ въ Польшу еще въ 1593 г. Но и четырехъ лѣтъ (1600—1604) было недостаточно, чтобы изъ бродяги сдѣлать свѣтскаго и даже, по тогдашнему, образованнаго человѣка. А если принять 1593-й годъ, то послѣ годичнаго состоянія при патріархѣ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Чудовомъ, а раньше еще въ другомъ монастырѣ, Григорію въ 1604 г. уже должно было быть лѣтъ 30; а между тѣмъ, по описанію Рангони, у видѣннаго имъ московскаго царевича еще не росла борода. Наконецъ, весь такъ-называемый извѣтъ Варлаама о томъ, какъ онъ встрѣтился на Варваркѣ съ Гришкой, и тотъ тотчасъ убѣдилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ и монахомъ Мисаиломъ въ Кіевъ, какъ потомъ Гришка скрылся отъ нихъ, а Варлаамъ обличалъ его въ Польшѣ, слишкомъ похожъ на вымыселъ,—какъ то признано и новѣйшими русскими изслѣдователями.

Въ многочисленныхъ современныхъ разсказахъ о Григоріѣ Отрепьевѣ находится много противорѣчій, которыя историки стараются объяснить и сгладить такъ, чтобы всѣ имѣющіяся свѣдѣнія могли относиться къ одному и тому же лицу. Но именно на основаніи несовмѣстимости нѣкоторыхъ изъ этихъ извѣстій г. Валишевскій высказываетъ предположеніе, что они относятся къ двумъ разнымъ лицамъ. Не найдя никакого новаго показанія, которое бы бросало какой-нибудь свѣтъ на судьбу названнаго Димитрія передъ появленіемъ его въ Польшѣ, авторъ думаетъ, что изъ прежнихъ свѣдѣній одни относятся дѣйствительно къ

Григорію Отрепьеву, который, бѣжавъ отъ отца, сталъ холопомъ одного изъ Романовыхъ, потомъ пошелъ въ монахи, замѣнивъ свое имя Георгія (Юшка) именемъ Григорія, попалъ въ Чудовъ монастырь и, благодаря своимъ способностямъ, былъ посвященъ въ діаконы, затѣмъ былъ писцомъ сперва у архимандрита Пафнутія, потомъ у патріарха Іова, но не отличался нравственностью, хотя и въ этомъ отношеніи его, вѣроятно, слишкомъ очернили тѣ услужливые люди, которые выдавали его даже за еретика и чернокнижника. Таково одно лицо.

Остальная часть показаній о Гришкѣ, какъ Самозванцѣ, должна относиться къ другому лицу, къ юношѣ неизвѣстнаго происхожденія, который появился, быть можетъ, изъ той же Галицкой области, на сѣверѣ, и встрѣтился тамъ со св. Трифономъ, основателемъ монастыря въ Вяткѣ, и былъ имъ постриженъ въ монахи, вопреки каноническому правилу, въ возрастѣ 14 лѣтъ, на что могла быть важная причина. Затѣмъ, юный монахъ переходилъ изъ одного монастыря въ другой, ни въ которомъ изъ нихъ не оставаясь долго, какъ бы избѣгая грозящей ему опасности и стараясь скрыть свой слѣдъ, причемъ странникъ этотъ долженъ былъ имѣть вліятельныхъ покровителей, благодаря которымъ онъ могъ такъ легко, въ юномъ возрастѣ, мѣнять мѣсто жительства и повсюду находить пріемъ.

Этотъ Гришка — если и его называть такъ — былъ уже непохожъ на перваго. Онъ также побывалъ въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, и познакомился тамъ съ діакономъ Отрепьевымъ, даже былъ у него келейникомъ. Въ одномъ изъ первыхъ разсказовъ о Гришкѣ упоминается, что онъ, еще находясь въ Чудовомъ монастырѣ, дерзнулъ выдавать себя за царевича Димитрія. Онъ вскорѣ исчезъ изъ Чудова монастыря. Дѣло, повидимому, дошло до свѣдѣнія царя Бориса, и онъ сослалъ архимандрита Пафнутія въ Бѣлоозеро. Вскорѣ послѣ своего келейника, бѣжалъ изъ Чудова монастыря и діаконъ Отрепьевъ. Они встрѣтились въ Кіевѣ, но потомъ опять разстались. Настоящій Григорій Отрепьевъ пошелъ въ Запорожье и затѣмъ на Донъ, продолжая бродяжническую жизнь, а бывшій его келейникъ отправился въ Острогъ, къ покровителю православія князю Острожскому, откуда перешелъ въ Гощу и, наконецъ, явился въ Брагинъ, къ князю Вишневецкому.

Въ поясненіе, почему предполагаемый претендентъ ушелъ изъ Чудова монастыря, мы считаемъ не лишнимъ привесть изъ цитируемаго Костомаровымъ письма короля Сигизмунда къ брестскому воеводѣ Зеновичу свѣдѣніе, данное самимъ названнымъ

Димитріемъ, а именно, что, послѣ покушенія на его жизнь, „его увезли къ одному сыну боярскому; тамъ онъ воспитывался въ неизвѣстности, а чтобы лучше сохранить его отъ Бориса, удалили его въ монастырь; онъ ходилъ изъ монастыря въ монастырь, но потомъ Годуновъ узналъ о его существованіи и сталъ сильно искать его, и онъ ушелъ въ Украйну, во владѣніе польскаго короля".

Но кто же были тѣ покровители, которые заботились о спасеніи этого юноши, укрывали его и давали ему средства переходить откуда-то съ сѣвера въ Москву, въ Кіевъ, наконецъ въ Брагинъ, къ кн. Вишневецкому? Самъ Самозванецъ указывалъ на вліятельнаго при Годуновѣ дьяка Щелкалова, о которомъ имѣются свѣдѣнія, что онъ вступалъ во враждебные Годунову переговоры съ посланникомъ цесаря и попалъ подъ опалу въ 1594 году.

Но Валишевскій предпочитаетъ иное предположеніе. Побѣгъ подразумѣваемаго подъ именемъ Гришки Отрепьева царевича Димитрія въ Польшу совпалъ съ немилостью царя Годунова къ Романовымъ и къ Бѣльскому, котораго нѣкоторые также считаютъ покровителемъ претендента. Авторъ и высказываетъ догадку, что враждебно настроенные къ Борису Романовы, Бѣльскій, да и самъ кн. Шуйскій, который въ 1591 г. производилъ слѣдствіе, могли подготовлять въ истинномъ Димитріѣ орудіе, чтобы ниспровергнуть Бориса, орудіе, которое они могли впослѣдствіи и устранить, еслибы для нихъ открылась возможность иной, болѣе для нихъ выгодной комбинаціи. Здѣсь Валишевскій ссылается на находящееся въ флорентинскомъ архивѣ письмо неизвѣстнаго изъ Архангельска, помѣченное 4-мъ іюля 1605 г., въ которомъ сказано, что младшій сынъ Грознаго былъ укрытъ въ безопасномъ мѣстѣ московскими „знатными лицами", во-время предугадавшими замыслы Годунова. Письмо это, какъ допускаетъ авторъ, могло исходить отъ одного изъ членовъ существовавшей въ Архангельскѣ при концѣ XVI в. венеціанской колоніи.

Наконецъ, авторъ указываетъ еще на фактъ любопытный, если только достовѣрны источники, изъ которыхъ онъ почерпнутъ. Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, сосланный Годуновымъ въ Сійскъ и постриженный подъ именемъ Филарета (будущій патріархъ) былъ возвращенъ въ Москву мнимымъ Самозванцемъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Иваномъ. Другіе братья Романовы, сосланные Годуновымъ въ разные города, погибли тамъ, въ чемъ подозрѣніе падаетъ опять на Годунова. И вотъ, Ѳедоръ, который при ссылкѣ желалъ скорѣйшей смерти себѣ и своей женѣ, также постри-

женной, возвращаясь затѣмъ въ Москву, куда вступили войска Самозванца, проявлялъ уже совсѣмъ иное настроеніе. Онъ прогналъ отъ себя приставленнаго къ нему монаха Иринарха, пересталъ соблюдать монашескія правила, говорилъ, что займется снова охотой, и на увѣщанія другихъ монаховъ отвѣчалъ: „вотъ, увидите скоро, чѣмъ я еще буду!“

Во всемъ этомъ г. Валишевскій видитъ „серьезныя указанія, которымъ, быть можетъ, недостаетъ лишь нѣсколькихъ доводовъ документальныхъ, уничтоженныхъ или — слишкомъ старательно оберегаемыхъ. Если они уничтожены не были—продолжаетъ онъ,— то вѣроятно недалекъ уже день, когда они будутъ оглашены. Это не нарушило бы никакого уважительнаго интереса. Допуская даже, что Романовы принимали участіе въ той интригѣ, изъ которой вышелъ претендентъ, надо принять въ соображеніе, что въ ней участвовали болѣе или менѣе дѣятельно всѣ слои общества“.

IV.

Если разсматривать смутное время какъ отдѣльную историческую драму, въ которой завязкою послужило появленіе загадочнаго человѣка въ роли Димитрія, то главный интересъ этой драмы, представляется, конечно, въ вопросѣ—кѣмъ былъ этотъ человѣкъ? Говорящихъ лицъ въ этой драмѣ множество, и говорятъ они такъ различно, такъ противорѣчиво, что иные даже прямо противорѣчатъ самимъ себѣ, притомъ не разъ, какъ Шуйскій, царица Марія (Марѳа), патріархъ Іовъ, Басмановъ. Показаній имѣется великое множество, и они могутъ укладываться въ различныя комбинаціи, въ зависимости отъ избраннаго угла зрѣнія, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ укладываются въ разныя построенія, по обороту руки наблюдателя.

При такихъ условіяхъ, очевидно, что не только имѣется мѣсто для критерія психологическаго, но за этимъ критеріемъ должно быть даже признаваемо особое значеніе въ сопоставленіи фактовъ и оцѣнкѣ показаній, именно въ виду ненадежности и сбивчивости тѣхъ и другихъ. Руководствуясь преимущественно психологическими соображеніями, г. Валишевскій довольно убѣдительно доказываетъ, что названный Димитрій, какъ онъ являлся на глазахъ кн. Вишневецкаго, сандомирскаго воеводы Мнишка, папскаго нунція, короля Сигизмунда III и его двора, не могъ быть Гришкой Отрепьевымъ. Авторъ при этомъ признаетъ вѣроятнымъ, что это былъ истинный Димитрій. Но, затѣмъ, въ сво-

ихъ догадкахъ о роли бояръ въ той „интригѣ, изъ которой вышелъ претендентъ“, онъ свой психологическій методъ направилъ какъ бы противъ того заключенія, къ какому самъ пришелъ по отношенію къ главному герою драмы.

Въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что враждебные Годунову бояре могли, чтобы погубить его, вызвать тѣнь Димитрія, то вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что это и была только тѣнь, призракъ царевича, а не онъ самъ, спасенный и воспитанный боярами.

Психологическій критерій побуждалъ бы выдвинуть здѣсь на первое мѣсто то несомнѣнное и довольно внушительное обстоятельство, какое представляла внезапная и крутая перемѣна, происшедшая въ настроеніи и характерѣ правленія Бориса Годунова въ 1600 году. Выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ двухъ мѣстъ у Костомарова. „Въ первые два года своего царствованія,—говоритъ историкъ,—Борисъ дѣлалъ все, чтобы привязать къ себѣ народъ и утвердить любовь къ себѣ и своему роду... Онъ освободилъ сельскій народъ отъ всѣхъ податей на одинъ годъ... Вдовы, сироты получали отъ него вспоможеніе, онъ кормилъ и одѣвалъ неимущихъ. „Около него, по современному извѣстію, аки море яденія и езеро питія разливашеся“. Сидѣвшіе прежде въ тюрьмѣ пріобрѣтали свободу, опальные получали прощеніе... Не было казней, Борисъ наказывалъ только воровъ и разбойниковъ, и то не смертью“.—Вотъ какъ началъ царствовать Борисъ Годуновъ семь и восемь лѣтъ послѣ событія въ Угличѣ.

Но наступилъ 1600-ый годъ, и разнесся слухъ, что Димитрій не убитъ, а предохраненъ друзьями и живъ до сихъ поръ. „Эта роковая вѣсть—говоритъ Костомаровъ — перевернула Годунова и измѣнила до корня. Мягкосердечіе его исчезло, въ немъ проснулся прежній Годуновъ, воспитанникъ страшныхъ годовъ Ивановской опричины... Онъ увидѣлъ, что у него есть враги, а у враговъ можетъ явиться страшное орудіе,—надобно было найти это орудіе, истребить своихъ враговъ... Борисъ, когда услышалъ, что толкуютъ о Димитріѣ, соображалъ, что, вѣрно, гдѣ-то ему пріискиваютъ Димитрія, можетъ быть фальшиваго, а можетъ быть и настоящаго“.

Замѣчательно, что первой жертвой этой перемѣны въ настроеніи Годунова сдѣлался Бѣльскій, которому еще самъ Иванъ Грозный поручилъ охранять своего младшаго сына. Уже въ 1599 году Годуновъ удалилъ Бѣльскаго изъ Москвы въ Украйну, пославъ его строить городъ Борисовъ. А въ 1600 г. сослалъ

его куда-то на Низъ и заключилъ въ тюрьму. Но „слѣдъ Димитрія не былъ отысканъ — говоритъ Костомаровъ,—и Борисъ, растоптавъ Бѣльскаго, принялся за другихъ. Пострадала вся фамилія Романовыхъ и нѣсколько другихъ, родственныхъ и дружескихъ съ нею фамилій". Въ дружбѣ съ Романовыми состоялъ и Бѣльскій.

Отмѣчая такую внезапную перемѣну въ Годуновѣ и прямо относя ее къ дошедшимъ до него слухамъ о появленіи Димитрія, Костомаровъ объясняетъ опасеніе, которое вызвало эту перемѣну въ Борисѣ, только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ увѣренъ въ смерти Димитрія, а еслибы и былъ увѣренъ, что убійство въ Угличѣ совершилось, то могъ опасаться, что убили другого мальчика, а царевичъ спасся. — Однако представляется довольно невѣроятнымъ, чтобы такой проницательный и рѣшительный политикъ, каковъ былъ Годуновъ, допустилъ возможность малѣйшаго для себя сомнѣнія въ самомъ важномъ дѣлѣ, а именно въ дѣлѣ замѣны прежней династіи новою, своею. Развѣ онъ не долженъ былъ предвидѣть, что всякая неувѣренность въ этомъ отношеніи не дастъ ему никогда покоя, отравитъ все будущее его царствованіе? Оффиціально онъ не могъ поставить во главѣ слѣдствія одного изъ своихъ клевретовъ. Для того, чтобы устранить всякое подозрѣніе въ глазахъ царя Ѳеодора Ивановича, онъ долженъ былъ поручить слѣдствіе человѣку независимому, каковъ былъ князь Шуйскій, зная притомъ, что Василій Шуйскій— такой человѣкъ, который былъ готовъ на всякую ложь, какъ то и удостовѣрилось впослѣдствіи двукратнымъ отреченіемъ Шуйскаго отъ собственныхъ торжественныхъ заявленій. Всѣ согласны, что Шуйскій зналъ истину о томъ, что случилось въ Угличѣ, и едвали онъ рѣшился бы не сообщить ее Годунову, такъ какъ еслибъ утайка случайно раскрылась, то вся вина пала бы на голову слѣдователя. Но непохоже было на Годунова, правителя въ высшей степени подозрительнаго, чтобы онъ положился на одного Шуйскаго. Вмѣстѣ съ нимъ, онъ послалъ преданнаго ему Клешнина, да, вѣроятно, и другихъ людей, въ которыхъ онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ.

Мало того, скорѣе, чѣмъ остаться въ малѣйшей неувѣренности относительно смерти царевича, Годуновъ могъ тайно съѣздить въ Угличъ, велѣть разрыть гробницу похороненнаго мальчика и убѣдиться на мѣстѣ, или же велѣть тайно привезть тѣло въ Москву. Все это можно признать болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ то, чтобы такой человѣкъ, какъ Годуновъ, могъ сохранить малѣйшую неувѣренность насчетъ дѣйствительности смерти Димитрія.

А еслибы онъ зналъ навѣрное, что Димитрія уже нѣтъ въ живыхъ—самъ ли онъ убился, или былъ убитъ, все равно,—то не имѣлъ бы повода ни такъ страшно карать угличанъ, какъ онъ это сдѣлалъ, ни, въ особенности, до такой степени смутиться впослѣдствіи, при первомъ же извѣстіи, будто Димитрій живъ. Это извѣстіе не могло бы поразить его такъ сильно, что оно „перевернуло" его и онъ самъ сталъ инымъ, какъ говоритъ Костомаровъ.

Еслибы у Годунова было полное убѣжденіе, что настоящій Димитрій умеръ, то появленіе самозванца едвали могло бы подѣйствовать на него въ такой степени. Полная увѣренность создаетъ силу, и Годуновъ думалъ бы, что ему легко будетъ найти людей, которые уличатъ ложь. Едвали онъ зналъ о появленіи самозванца донъ-Себастіана въ Португаліи, хотя оно случилось въ его время. А въ Россіи раньше не бывало такого примѣра. Ему могло быть страшнымъ, могло прямо поразить его ужасомъ только появленіе истиннаго Димитрія, но не самозванца. А если Годуновъ безусловно зналъ правду о событіи 1591 года, то онъ или остался бы спокоенъ при появленіи самозванца, зная, что онъ только самозванецъ, или долженъ былъ именно придти въ ужасъ, зная, что Димитрій убитъ не былъ, и что, стало быть, появился онъ самъ.

Казни и массовая ссылка въ Угличѣ также едвали достаточно объясняются желаніемъ наказать виновныхъ въ убійствѣ Битяговскихъ, Волохова и Качалова, или заботой Годунова, чтобы въ Угличѣ не осталось свидѣтелей того, что царевичъ не закололся самъ, но былъ зарѣзанъ. Двѣсти угличанъ были казнены и почти все населеніе города сослано въ Пелымъ. Нагіе были подвергнуты пыткамъ и сосланы въ далекія мѣста; царица Марія (Марѳа) была сослана въ дальній монастырь. Еслибы Годуновъ зналъ навѣрное, что царевичъ погибъ, то чѣмъ объяснить такую жестокость, которая могла только усилить нелюбовь къ нему и составить затрудненіе для вступленія его впослѣдствіи на престолъ? Вѣдь все-таки нельзя же было имѣть увѣренность, что сосланы будутъ всѣ свидѣтели, что ни одного не останется на мѣстѣ. А наказывать столь жестоко населеніе за то, что толпа убила приставовъ, считая ихъ убійцами царевича,—это едвали соотвѣтствовало даже нравамъ того времени.

Все дѣло представится совершенно иначе, если предположить, что попытка убійства не удалась, что царевичъ былъ только раненъ, но заслоненъ близкими людьми, а сбѣжавшаяся толпа отбила злодѣевъ и умертвила ихъ; что раненый царевичъ, на ея глазахъ, былъ унесенъ и затѣмъ, разумѣется, вывезенъ въ не-

извѣстное мѣсто. Въ такомъ случаѣ руководители убійства могли исполнить данное имъ порученіе, только подмѣнивъ царевича другимъ умершимъ мальчикомъ, а Волохова, какъ было ей внушено заранѣе, должна была показывать, что царевичъ закололся самъ, въ припадкѣ болѣзни. Это все-таки вело къ той цѣли, чтобы Димитрій считался умершимъ, какъ это было нужно Годунову.

Но онъ, узнавъ, что убійство не удалось, что царевичъ въ дѣйствительности остался живъ и куда-то исчезъ, могъ впасть въ страшный гнѣвъ, казнить всѣхъ заподозрѣнныхъ въ отраженіи и убіеніи злодѣевъ, т.-е. толпу около двухсотъ человѣкъ, и сослать все населеніе просто изъ мести, какъ то дѣлывалъ Иванъ Грозный. Вѣдь былъ сосланъ въ Сибирь даже тотъ соборный колоколъ, въ который били въ набатъ. Неужели же и колоколъ, оставаясь въ Угличѣ, могъ быть опаснымъ для Бориса свидѣтелемъ? Скорѣе же ссылка чуть не всего населенія, какъ и колокола, выражала злобу Годунова вслѣдствіе неудачи его намѣренія, чѣмъ заботу объ устраненіи свидѣтелей.

Былъ ли убитъ или не былъ царевичъ, едвали можно допустить, чтобы Годуновъ не зналъ объ этомъ навѣрное. Но если онъ зналъ, что Димитрій остался живъ, однако надѣялся, что тотъ такъ и заглохнетъ гдѣ-нибудь въ монастырѣ, и вдругъ, черезъ девять лѣтъ, услышалъ, что появился тотъ, кого онъ выдавалъ за умершаго, то это, дѣйствительно, могло произвесть на него потрясающее впечатлѣніе, именно „перевернуть“ его, направить его руку на всѣхъ, въ комъ онъ подозрѣвалъ своихъ враговъ и, можетъ быть, укрывателей истиннаго Димитрія.

Только при этомъ условіи представились бы вполнѣ понятными тѣ усиленные поиски за Димитріемъ, на которыхъ настаиваетъ Костомаровъ. Искать исчезнувшаго Димитрія раньше, наугадъ, по всей странѣ, было невозможно, да и опасно, такъ какъ повсемѣстные поиски, поручаемые, по необходимости, мелкимъ мѣстнымъ властямъ, повели бы къ возникновенію слуховъ. Для того, чтобы надѣяться на успѣхъ поисковъ, „нужно было потормошить бояръ: авось либо у нихъ найдутъ нити, по которымъ можно добраться до тайны“. Костомаровъ примѣняетъ это собственно къ Романовымъ. Но Годуновъ велѣлъ обыскать и сослать въ дальнія мѣста и Бѣльскаго, и кн. Сицкаго, и князей Репниныхъ, Шестуновыхъ, Карповыхъ, наконецъ, Щелкалова. А за такое дѣло онъ не могъ приняться до тѣхъ поръ, пока о Димитріѣ не было слуха, что продолжалось нѣсколько лѣтъ. За это время было благоразумнѣе являться милосердымъ правителемъ, источникомъ всякихъ милостей.

Только тогда, когда сталъ распространяться слухъ о появленіи Димитрія, царь Борисъ Ѳедоровичъ долженъ былъ потерять надежду, что царевичъ такъ и останется въ неизвѣстности,—долженъ былъ подумать, что приводится въ исполненіе планъ враждебныхъ бояръ, и тогда уже можно было прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ, бросить маску благодушія и начать поиски съ надеждой успѣха, по тѣмъ нитямъ, которыя могли открыться только при разгромѣ всѣхъ бояръ, внушавшихъ подозрѣнія. Когда слухъ уже пошелъ, то нечего было опасаться возбудить его поисками.

И вотъ, когда и у сосланныхъ бояръ не нашлось слѣда, когда „желанный Димитрій не отыскивался", а Годуновъ получилъ отъ своихъ агентовъ извѣстіе, что „тайные враги спроваживаютъ этого Димитрія за рубежъ, въ Польшу", тогда Борисъ велѣлъ устроить на западной границѣ кордонъ и не пропускать черезъ границу никого, а всѣхъ задерживать и доносить о нихъ ему. При этомъ пострадало много народа, но „того, кого Борису было нужно, не нашли".

Спрашивается, могъ ли умный человѣкъ дойти до такихъ крайнихъ мѣръ, еслибы онъ зналъ положительно, что истинный Димитрій умеръ и еслибы слухъ о появленіи Димитрія онъ самъ считалъ ложнымъ? Да и какъ могли бы задержать на кордонѣ ложнаго Димитрія, по какимъ признакамъ? Ясно, что узнать могли только опредѣленное лицо, котораго и примѣты были, вѣроятно, разосланы. А такимъ лицомъ могъ быть только истинный Димитрій. Крайнія мѣры и безпокойство, внушенное Борису слухомъ о самозванцѣ, Костомаровъ объяснялъ тѣмъ, что Годуновъ могъ не знать, умеръ ли истинный царевичъ, не былъ ли онъ подмѣненъ инымъ мальчикомъ. Но вѣдь, повторимъ, представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы такой человѣкъ, какъ Борисъ, не добился еще въ 1591 г. полной правды по такому вопросу, отъ котораго могла зависѣть личная судьба его самого и его династіи.

И еслибы онъ зналъ навѣрное, что царевичъ умеръ, то первый же слухъ о самозванцѣ не перевернулъ бы его до такой степени, что онъ вдругъ предпринялъ погромъ бояръ, поиски за Димитріемъ и задержку всѣхъ желавшихъ перейти границу, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя мѣра все-таки не могла бы обнаружить ложнаго Димитрія, который, очевидно, выступилъ бы въ этомъ качествѣ, уже только перейдя границу. Убѣжденный въ смерти истиннаго Димитрія, энергичный царь Борисъ Ѳедоровичъ не могъ впасть при одномъ ложномъ слухѣ въ такое по-

ложеніе, что онъ „каждую минуту боялся за свой вѣнецъ, за свое существованіе, за свой родъ и былъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ“,—какъ говоритъ Костомаровъ.

Повторяемъ еще разъ: Годуновъ не могъ не знать правды. И вотъ, если онъ зналъ, что царевичъ остался живъ, въ такомъ случаѣ, при слухахъ о появленіи Самозванца, онъ не могъ не впасть въ чрезвычайное безпокойство и не принять тѣхъ крайнихъ мѣръ, какія имъ были приняты. Только при такомъ предположеніи все это оказалось бы вполнѣ естественнымъ и доказывало бы именно, что Борисъ надѣялся захватить истиннаго Димитрія, зная о его существованіи.

V.

Только-что высказанныя нами соображенія подтверждали бы ту мысль, въ пользу которой склоняется г. Валишевскій. Говоря о книгѣ этого автора, мы позволили себѣ дополнить ими тѣ факты, на которыхъ онъ основываетъ свой выводъ, что первый „Самозванецъ“ могъ быть истиннымъ Димитріемъ. Авторъ, напомнимъ объ этомъ, признаетъ, что научно этого вывода доказать нельзя. А намъ хотѣлось только показать, что психологическій анализъ дѣйствій самого царя Бориса скорѣе подтверждаетъ этотъ именно выводъ, чѣмъ издавна установившееся мнѣніе о Самозванцѣ.

Мы сказали вначалѣ, что г. Валишевскій проводитъ свою мысль о названномъ царѣ Димитріѣ какъ бы въ три пріема. Онъ сперва разбираетъ слѣдственное дѣло и высказываетъ догадку, что царевичъ могъ быть раненъ, но спасенъ. Затѣмъ, онъ подвергаетъ критикѣ вторую оффиціальную версію Шуйскаго, ставшаго уже царемъ, что царевичъ не закололся самъ, но былъ убитъ, и что царствовавшій Самозванецъ былъ не кто иной, какъ монахъ Гришка Отрепьевъ.

Наконецъ, третій пріемъ автора заключается въ томъ, что въ теченіе всего своего разсказа онъ охотно останавливается на тѣхъ частностяхъ, которыя наводятъ на мысль, что Самозванецъ, по его воспитанію, свѣтскости, отвагѣ и характеру, легкомысленному, но открытому и великодушному, являлся болѣе похожимъ на настоящаго царевича, чѣмъ на проходимца низшаго званія. Правда, научное образованіе претендента было поверхностное. Онъ приводилъ священные тексты невполнѣ точно, свѣдѣнія его по исторіи и географіи были довольно смутныя, упо-

миновенія его о Филиппѣ и Александрѣ, Константинѣ и Максентіи были неопредѣленны, а ссылки на Геродота и Ѳукидида—рискованны. Но авторъ, съ своей точки зрѣнія, удачно замѣчаетъ, что эта отрывочность невольно напоминаетъ собой „тревожный умъ Ивана IV", предполагаемаго отца претендента. И нельзя не согласиться, что эта характеристика вполнѣ подходитъ къ познаніямъ Грознаго, какъ они проявлялись въ его письмахъ къ Курбскому и въ извѣстномъ его преніи съ Поссевиномъ.

„Открытый" характеръ претендента не мѣшалъ ему, однако, быть хитрымъ политикомъ. Онъ принимаетъ католичество, въ письмѣ къ папѣ называетъ себя самой покорной изъ овецъ его стада, обѣщаетъ присоединить свой народъ къ католической церкви, беретъ съ собой въ лагерь двухъ іезуитовъ, Сигизмунду обѣщаетъ за одну нравственную поддержку и позволеніе набирать войско—Сѣверщину и Смоленскъ, а также помощь для пріобрѣтенія шведскаго престола. Но впослѣдствіи всѣ эти обѣщанія, по мѣрѣ успѣховъ предпріятія, теряютъ въ его глазахъ обязательность. Всего вѣроятнѣе, что они и сначала были даны безъ намѣренія сдержать ихъ. Когда, по его воцареніи, король требуетъ отъ него обѣщанныхъ территоріальныхъ уступокъ, то названный Димитрій отвѣчаетъ ему уклончиво, да еще торгуется о признаніи себя императоромъ, а папѣ, вмѣсто присоединенія Россіи къ католичеству, предлагаетъ союзъ Россіи съ Польшей и имперіей для изгнанія турокъ изъ Европы.

Въ Марину Мнишекъ названный Димитрій былъ искренно влюбленъ, но она, какъ слѣдуетъ заключить изъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ, руководилась однимъ честолюбіемъ. Отмѣтимъ мимоходомъ, что г. Валишевскій напрасно приписываетъ Костомарову ошибочное свѣдѣніе, будто Марина была старшая изъ *двухъ* дочерей Мнишка. Ссылаясь на гербовникъ Нѣсецкаго, г. Валишевскій доказываетъ, что у Мнишка было *пять* дочерей. Но авторъ, должно быть, не замѣтилъ выноску у Костомарова, въ которой даже названы по именамъ всѣ пять дочерей и шесть сыновей Мнишка. Костомаровъ говоритъ только, что Марина была старшая изъ двухъ дочерей отъ перваго брака. Младшая была за кн. Константиномъ Вишневецкимъ. Самого Мнишка г. Валишевскій представляетъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Это былъ расточитель, который вѣчно нуждался въ деньгахъ и готовъ былъ на самыя низкія услуги королю. По всей вѣроятности онъ же побудилъ Марину признать мужемъ второго, уже несомнѣннаго самозванца.

Замѣчательно, что когда Сигизмундъ III снесся съ знатнѣй-

шими сенаторами королевства, спрашивая ихъ мнѣнія относительно „подлинности“ претендента и возможнаго участія Польши въ его предпріятіи, то всѣ имъ спрошенные, кромѣ двоихъ, отвѣчали отрицательно. Замѣтимъ, что едвали это могло бы случиться, еслибы было справедливо высказываемое Костомаровымъ мнѣніе, что „источникъ потрясенія (т.-е. всего смутнаго времени)“ былъ „на Западѣ, а не въ Москвѣ“; что „виды Польши и стремленія, освященныя преданіями, какъ нельзя лучше сходились съ видами Рима“, и что „когда и въ Римѣ, и въ Польшѣ крѣпко думали о Московіи, явился названный Димитрій“. На этомъ предположеніи, не подкрѣпленномъ никакими фактическими данными, кромѣ словъ, кѣмъ-то сказанныхъ въ польскомъ сенатѣ въ 1671 году, что источникъ этого дѣла заключается въ тайныхъ умышленіяхъ, старательно скрываемыхъ (слова, которыя даже поставлены эпиграфомъ на изслѣдованіи Костомарова), историкъ заключалъ, что именно въ польскихъ источникахъ должно открыться когда-нибудь неожиданное для объясненія тайны всего этого дѣла.

Но, вотъ, прошли еще сорокъ лѣтъ, и все то, что доселѣ открылось въ польскихъ источникахъ новаго о Самозванцѣ, нисколько не приблизило насъ къ разгадкѣ тайны. Однако, еслибы покровительство, оказанное претенденту Сигизмундомъ, основывалось на видахъ Польши и стремленіяхъ, освященныхъ преданіями, то какъ же могло случиться, что всѣ виднѣйшіе польскіе сенаторы, за исключеніемъ двухъ, высказались и противъ подлинности Димитрія, и противъ оказанія ему помощи? Самъ канцлеръ Янъ Замойскій положительно отсовѣтовалъ королю вдаваться въ это предпріятіе, говоря, что если оно окончится неудачей, то это осрамитъ Польшу, а если претендентъ (въ которомъ Замойскій не признавалъ Димитрія) возсядетъ на московскомъ престолѣ, то онъ не сдержитъ данныхъ имъ обѣщаній. И независимо отъ кратковременности царствованія перваго самозванца, изъ собственныхъ его грамотъ къ королю достаточно ясно, что онъ и не намѣренъ былъ исполнить обѣщаній, данныхъ въ то время, когда онъ не только еще не явился въ Россію, но и не имѣлъ никакого войска, а потому готовъ былъ обѣщать что угодно.

Нельзя не прибавить, что приведенному заключенію Костомарова, будто источникъ смутнаго времени былъ на Западѣ, и что смутное время не представляло собой такого явленія, которое должно было произойти отъ внутреннихъ причинъ, каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства,—противорѣчитъ та картина всеобщаго недовольства, броженія, утѣсненія народа, накопленія

множества бѣглаго люда, находившагося во враждѣ съ закономъ и властью, которая превосходно начертана тѣмъ же глубокимъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ въ первой половинѣ его труда. Можно, конечно, допустить, что несмотря на внутреннее броженіе и накопленіе всѣхъ данныхъ для революціоннаго движенія, оно все-таки могло и не произойти, еслибы основа власти оставалась попрежнему крѣпкою.

Но когда основа эта въ глазахъ народа пошатнулась, когда вѣнецъ Рюриковой династіи надѣлъ бывшій временщикъ татарскаго происхожденія, нелюбимый какъ народомъ, такъ и боярами, а вдобавокъ подозрѣваемый въ убіеніи или попыткѣ къ убіенію законнаго наслѣдника, то такой *случай* и послужилъ поводомъ къ тому взрыву, который самъ по себѣ вовсе случайнымъ не былъ, такъ какъ для него накопилось слишкомъ много данныхъ. Внѣшніе враги могли воспользоваться этимъ положеніемъ, могли содѣйствовать взрыву, но въ ихъ содѣйствіи едвали основательно видѣть его главную причину, самый источникъ происшедшаго потрясенія.

Зато та догадка о личности Самозванца, которой Костомаровъ отдаетъ предпочтеніе, а именно, что тотъ, кто первый назвалъ себя Димитріемъ, былъ, по происхожденію, изъ сыновей одного изъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые, въ значительномъ количествѣ, убѣгали, въ царствованіе Ивана Грознаго, во владѣнія Рѣчи Посполитой, несомнѣнно представляется не менѣе вѣроятной, чѣмъ гипотеза г. Валишевскаго, что это могъ быть истинный Димитрій. По мнѣнію Костомарова, какъ и Валишевскаго, несомнѣнно только одно, а именно, что названный царь Димитрій не могъ быть Гришкой Отрепьевымъ.

Однако, изъ того, что онъ не былъ Отрепьевымъ, и что онъ, несомнѣнно, былъ русскимъ, очевидно, еще не слѣдуетъ, что это былъ истинный Димитрій. Тѣ личные признаки, которые побуждаютъ г. Валишевскаго предпочесть это послѣднее предположеніе, могли случайно совмѣщаться и въ иномъ человѣкѣ, вышедшемъ изъ высшей среды и получившемъ то „кавалерское" воспитаніе, какимъ отличался претендентъ. Костомаровъ также признаетъ, что онъ былъ, по всей вѣроятности, русскій, но воспитанный въ Польшѣ, и указываетъ въ немъ „черты, которыя и теперь располагаютъ изслѣдователя склоняться къ признанію его дѣйствительнымъ сыномъ Ивана Грознаго: его постоянная, смѣлая увѣренность, съ которою онъ высказывался, нигдѣ не измѣняя себѣ, съ самаго начала своего поприща до трагическаго конца... характеръ, чуждый подозрительности и до край-

ности довѣрчивый, несовмѣстимый съ званіемъ сознательнаго обманщика". Но все-таки почтенный историкъ признаетъ, что „остается много такого, что мѣшаетъ исторической критикѣ окончательно признать это".

VI.

Зато г. Валишевскій нѣсколько расходится съ Костомаровымъ во взглядѣ на то значеніе, какое потрясеніе, испытанное Россіею въ смутное время, могло имѣть для ея будущности. Костомаровъ высказываетъ такое мнѣніе, что та эпоха, которую г. Валишевскій назвалъ теперь „революціоннымъ кризисомъ", не оставила никакого слѣда ни въ учрежденіяхъ московскаго государства, ни въ стремленіяхъ русскаго народа къ болѣе „льготному" быту. Такую безслѣдность эпохи, длившейся цѣлый рядъ лѣтъ, потрясшей государство изъ конца въ конецъ и угрожавшей ему разложеніемъ, трудно допустить безъ особаго объясненія. И вотъ безслѣдность эту Костомаровъ и объясняетъ тѣмъ, что самая причина испытаннаго переворота была „не внутри, а внѣ Россіи".

И г. Валишевскій, вслѣдъ за Костомаровымъ, признаетъ, что описываемый имъ революціонный кризисъ „оказался безплоднымъ, не внесъ въ національную жизнь никакого новаго начала, не двинулъ ея будущность въ какомъ-либо новомъ направленіи". Но онъ объясняетъ это иначе. Онъ находитъ, что „борьба классовъ" не привела ни къ чему, потому что велась ими изъ-за отдѣльныхъ, эгоистическихъ интересовъ, безъ какой-либо политической программы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Бояре, разгромленные Грознымъ и унижаемые Годуновымъ, не нашли для обороны своихъ преимуществъ иныхъ средствъ, кромѣ возбужденія или поддержки разныхъ претендентовъ и призыва иностраннаго вмѣшательства, что, наконецъ, совершенно уронило значеніе бояръ въ глазахъ народа.

„До извѣстной степени, — говоритъ онъ, — смутное время имѣло для московскихъ бояръ такія же послѣдствія, какъ война „Двухъ розъ" для англійскихъ бароновъ XV-го вѣка. Но лорды все-таки руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ интересомъ государственнымъ, и потому значеніе ихъ возстановилось вмѣстѣ съ силой самого государства. Между тѣмъ, эгоистическая политика московскихъ олигарховъ привела ихъ къ безвозвратной утратѣ не только принадлежавшихъ имъ преимуществъ, но и всякаго общественнаго вліянія".

Что касается средняго, городского, торговаго класса, кото-

рый сперва участвовалъ въ переворотахъ, то онъ въ концѣ той эпохи сыгралъ важную роль, взявъ въ свои руки защиту національной независимости и возстановленіе порядка. „Но послѣ этого великодушнаго движенія ему точно не хватило дыханія, чтобы идти впередъ, и, взявъ однажды власть въ свои руки, сословіе это не сумѣло удержать изъ нея хотя бы частицу для себя. Держаніе власти точно жгло ему руки, и городское сословіе поспѣшило отдѣлаться отъ нея, совершивъ вполнѣ безкорыстное, но и отмѣченное робостью отреченіе, предаваясь вновь тому же принципу самодержавія, который повергъ его снова въ прежнее рабство". Наконецъ, „казачество, принимавшее столь дѣятельное участіе въ событіяхъ той эпохи, оказалось неспособнымъ сознать и выполнить какой-нибудь идеалъ,—мысль о реформѣ политической или соціальной. Казачество въ ту пору просто возставало противъ всякой власти и всякаго порядка, и идейное безсиліе привело къ той полицейской роли, которая выпала ему впослѣдствіи въ удѣлъ".

Какъ Костомаровъ, такъ и расходящійся съ нимъ только въ объясненіи, но не въ приговорѣ, Валишевскій имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что самодержавный строй, какъ онъ существовалъ до смутнаго времени, возстановился и въ послѣдующее время, почти на цѣлыя триста лѣтъ. Но все-таки едвали не слишкомъ безусловнымъ представляется такой отзывъ Костомарова, съ которымъ, въ сущности, согласенъ и авторъ разсматриваемой нами книги, что „смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія", и что послѣдовательный, разумный ходъ русской исторіи „какъ будто перескакиваетъ черезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченіе тѣмъ же путемъ, тѣмъ же способомъ, съ тѣми же пріемами, какъ прежде".

Впрочемъ, г. Валишевскій, писатель современный, не могъ замкнуться безусловно въ такомъ приговорѣ. Упомянувъ еще въ своемъ предисловіи, что послѣ тогдашняго потрясенія Россія послушно подчинилась игу строя, возстановленнаго на давнишнихъ началахъ, спокойно возвратилась въ свою вѣковую колею, Валишевскій вставляетъ оговорку: „Все было спасено,—замѣчаетъ онъ,—но и отъ тогдашней преждевременной и опасной попытки вступить на крутой путь, ведущій къ свободѣ, не все было утеряно безъ слѣда... Нѣчто отъ нея осталось въ глубинѣ народнаго сознанія, а это нѣчто должно было вновь проявиться современемъ и привесть къ новому этапу на временно покинутомъ

пути. Въ самой природѣ такихъ необычайныхъ явленій лежитъ то, что заставляетъ ихъ повторяться, и если политическія вѣянія настоящаго момента опредѣляютъ исторію завтрашняго дня, то и они сами, въ значительной степени, проистекаютъ изъ дня вчерашняго". А вотъ заключительныя слова книги: „Не все въ той страшной бурѣ было только сумасбродствомъ и преступнымъ развращеніемъ. Въ ней проявлялись и благородные инстинкты, законныя стремленія, которыя только временно утонули и исчезли въ общемъ водоворотѣ. Свобода требуетъ продолжительнаго искуса. Нравственный прогрессъ совершается въ Россіи медленно, какъ медленно развивается въ ней и жизнь физическая. Но революціонная буря XVII-го столѣтія, глубоко вспахавшая Россію, заложила въ ея малоурожайной почвѣ сѣмена, которыхъ присутствіе и энергія нынѣ уже не могутъ быть непризнаваемы".

Послѣдняя часть изслѣдованія Костомарова о смутномъ времени [1]) была помѣчена числомъ 9-мъ іюня 1867 года. Это былъ годъ полнаго развитія той реакціи, которая послѣдовала за покушеніемъ Каракозова, и еще не начиналась, когда онъ приступалъ къ своему труду. Наступленіе новой безпросвѣтной поры не могло не внушать настроенія пессимистическаго. Этой разностью въ субъективномъ настроеніи, быть можетъ, объясняется нѣкоторое несходство въ тонѣ обсужденія автора въ началѣ и въ концѣ его труда.

Въ началѣ его историкъ, выступая во всеоружіи знанія той эпохи, не только всесторонне, но и краснорѣчиво описывалъ плачевное состояніе народа въ царствованіе Годунова, а изъ этого описанія читатель легко понимаетъ и признаетъ естественнымъ то потрясеніе, которое излагается далѣе. Въ концѣ же своего изслѣдованія авторъ приводитъ къ такому заключенію, что весь кризисъ былъ вызванъ не внутренними причинами, но внѣшними интригами, и признаетъ тотъ кризисъ совершенно безплоднымъ, безслѣднымъ. „Наша смутная эпоха, — говоритъ онъ, — была школою своевольства, несогласія, безначалія, политическаго неразумія, двоедушія, обмана, легкомыслія, распущенности, мелкаго эгоизма, не цѣнящаго общихъ нуждъ, — словомъ, всего того, что впослѣдствіи впилось въ плоть и кровь польскаго общества и повело его къ разложенію".

Но если старая Польша разложилась вслѣдствіе дурно понятой свободы, перешедшей въ своеволіе и мелкій эгоизмъ, не цѣнившій общихъ нуждъ, то все-таки польское общество возро-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", сентябрь 1867 г.

дилось послѣ паденія государства. И если Россія начала XVII вѣка имѣла то преимущество, что въ ней одержалъ верхъ національный инстинктъ самосохраненія, которому временно принесена была въ жертву идея свободы, то самая идея эта, въ силу народной потребности, должна была воспрянуть снова, пользуясь новыми событіями, уронившими нравственный авторитетъ власти. Событія эти были непохожи на прежнія, но они сыграли ту же роль, какъ въ прежнее время перемѣна династіи и общее недовольство правленіемъ Годунова.

Нельзя, конечно, на протяженіи трехъ столѣтій выслѣдить фактическую связь современнаго движенія съ тѣмъ взрывомъ, который представляется „смутнымъ временемъ". Но преемственность заключается именно въ томъ, что продолжали существовать—прежній государственный строй, прежнее нерадѣніе власти о народѣ; шли—дальнѣйшее укрѣпленіе централизаціи и увеличеніе сонма приказныхъ и служилыхъ людей, жившихъ на счетъ бѣдствовавшаго народа, давившихъ его своимъ произволомъ и стяжаніями,—однимъ словомъ, продолжалось возрастаніе государственнаго бремени безъ всякаго соотвѣтствія съ силами населенія.

Костомаровъ признаетъ, что въ движеніи областей противъ Москвы въ смутное время еще отзывались преданія вольнаго вѣчевого времени, что земли, соединенныя московскимъ государствомъ, проявили сознаніе своей самобытности, Казань и Астрахань пытались оторваться, Псковъ припомнилъ себѣ былую независимость, а Новгородъ сталъ считать себя государствомъ. Въ такомъ случаѣ, возможно ли допустить, чтобы эпоха смутнаго времени прошла совершенно безслѣдно, не оставила въ умахъ народа своихъ слѣдовъ?

Что почва, по которой прошло пламя возстанія, и послѣ него тлѣла еще долго, это доказывается мятежомъ Разина, который произошелъ черезъ полвѣка, въ царствованіе второго уже царя изъ дома Романовыхъ, Алексѣя. Мятежъ этотъ не прекратился сразу даже послѣ казни Разина и продолжался четыре года, а обнималъ онъ губерніи астраханскую, саратовскую, самарскую, нижегородскую, тамбовскую, пензенскую и симбирскую. Разинъ нѣсколько разъ разбивалъ царскихъ воеводъ, бралъ большіе города и велъ бѣглый народъ, крестьянъ, казаковъ, инородцевъ, да и горожанъ, противъ бояръ и приказныхъ людей, провозглашалъ всеобщее равенство. И онъ прибѣгъ къ прежнему средству, — провозгласивъ самозванца, мнимаго царевича Алексѣя, умершаго сына царя.

Государственная сила одолѣла и этотъ мятежъ и продолжала расширяться, все болѣе проникая въ глубь областной и городской жизни, продолжая завоеванія, укрѣпляя еще болѣе крестьянскую неволю, да еще преслѣдуя религіозное движеніе, проявившееся въ народѣ, то-есть расколъ. И вотъ, еще лѣтъ черезъ сорокъ, уже при Петрѣ, проявился новый анти-государственный мятежъ, бунтъ Булавина, который охватилъ все Поволжье, съ прежнимъ, знакомымъ кличемъ „противъ князей, бояръ и нѣмцовъ, которые отвращаютъ отъ истинной вѣры". Далѣе, спустя еще почти шестьдесятъ лѣтъ послѣ Булавинскаго бунта, при Екатеринѣ II, ровно черезъ столѣтіе по подавленіи Разинскаго мятежа, явилось возстаніе Пугачева, который также былъ самозванцемъ, выдавая себя за умерщвленнаго Петра III, подобно тому, какъ прежній претендентъ выдавалъ себя за умерщвленнаго царевича Димитрія. Народный лозунгъ былъ все тотъ же: противъ бояръ, противъ дворянъ, противъ народнаго рабства, за вѣру. „Тряхнемъ Москвой!" — говорили яицкіе казаки, попрежнему разумѣя подъ Москвой тяжкую власть государства и давившее народъ государственное бремя.

Этотъ мятежъ былъ подавленъ, какъ и предшествовавшіе. Какъ правительство сумѣло освобождаться отъ тѣхъ ограниченій его власти, какія были установлены при царѣ Шуйскомъ, при призывѣ Владислава, при избраніи Михаила Ѳедоровича, наконецъ, при воцареніи Анны Ивановны,—такъ ему удавалось усмирять и народные мятежи противъ тягостей, налагаемыхъ долгимъ завоевательнымъ временемъ „собиранія земель", которое обнималось такъ называемыми московскимъ и петербургскимъ періодами. Но нельзя отрицать преемственной связи всѣхъ тѣхъ движеній, въ которыхъ выражался народный протестъ, а также и позднѣйшихъ революціонныхъ попытокъ, предпринятыхъ интеллигенціей, какъ военное возстаніе 1825 года и то подземное, вулканическое кипѣніе, о которомъ свидѣтельствовалъ цѣлый рядъ покушеній въ теченіе послѣдняго сорокалѣтія.

Въ настоящее время мы видимъ впервые, что волненіе, проникшее въ народъ, истекло уже не изъ темныхъ слуховъ о самозванцахъ или о посягательствахъ на вѣру, и выражается не въ формѣ неопредѣленнаго анти-государственнаго протеста, стремленія къ разрушенію всего существующаго, но въ видѣ воспринимаемыхъ народомъ отъ образованныхъ слоевъ и усвоиваемыхъ болѣе или менѣе ясно политическихъ понятій объ установленіи предѣловъ правительственной власти и о созданіи средствъ для подъема народнаго быта.

Но какъ бы то ни было, въ этой долговременной эволюціи, которая вела къ возстановленію въ политическомъ бытѣ русскаго народа законнаго вѣчевого начала свободы, и смутное время представляло собой звено, черезъ которое исторія уже не могла „перескочить", не заимствовавъ ничего отъ того великаго кризиса. Каждое изъ предшествовавшихъ движеній, въ свою очередь, вспахивало почву и влагало въ нее сѣмена, которыя когда-нибудь должны были взойти и дать Россіи наконецъ урожай свободы.

VII.

Указывая въ настоящей статьѣ тѣ факты, въ объясненіи или оцѣнкѣ которыхъ французскій авторъ расходится съ классическимъ изслѣдованіемъ русскаго историка смутнаго времени, мы должны остановиться на одной частности, не лишенной значенія. Мы хотимъ упомянуть еще о разногласіи г. Валишевскаго съ Костомаровымъ по вопросу объ ограниченіи власти перваго изъ царей династіи Романовыхъ.

Костомаровъ признаетъ въ смутномъ времени свидѣтельство, что „государство во многомъ еще не было достроено; московское единодержавіе еще несовсѣмъ успѣло истребить элементы прежняго строя удѣльновѣчевой Руси... И вотъ, князья и бояре стали думать объ ограниченіи самодержавія боярской думою, а народная громада искала вольности". Но, желая затѣмъ доказать полную безслѣдность этого кризиса, онъ принимаетъ за фактъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ былъ избранъ безъ всякихъ ограниченій власти. „Противное свидѣтельство русскаго эмигранта Котошихина—говоритъ онъ—не подтверждается еще ничѣмъ положительнымъ; да еслибы было что-нибудь въ этомъ родѣ для насъ неизвѣстное, все-таки, впослѣдствіи мы видимъ полное самодержавіе въ Россіи". Но едвали позволительно сомнѣваться въ томъ, что, ограничивъ царскую власть дважды подрядъ, бояре оставили безъ ограниченія власть вновь избираемаго царя-юноши, о которомъ Ѳедоръ Шереметевъ писалъ Голицыну, что избранъ будетъ „Миша Романовъ, юный и незрѣлый умомъ". Что „для насъ неизвѣстное" могло все-таки быть, этого не отвергаетъ безусловно и самъ Костомаровъ.

А между тѣмъ, свидѣтельство Котошихина, почти современника, совершенно положительно. Онъ говоритъ, что на послѣднихъ царей до Алексѣя налагалось ограниченіе власти, и съ Михаила взято было обязательство, чтобы ему, безъ согласія бояръ,

ничего важнаго не дѣлать. Съ сына же его такого письма не брали, разумѣя его быть гораздо тихимъ. Что доселѣ не найденъ или остается недоступнымъ документъ, который бы составилъ доказательство юридическое даннаго факта—это не можетъ служить опроверженіемъ такого свидѣтеля, какъ Котошихинъ. Вѣдь отъ московской Руси не осталось юридическаго опредѣленія правъ какъ боярской думы, такъ и земскихъ соборовъ, ни избирательнаго закона, ни даже закона о престолонаслѣдіи. Съ Алексѣя могли и не взять новаго обязательства, такъ какъ онъ наслѣдовалъ власть отца. Это представлялось совершенно въ духѣ времени, когда всѣ отношенія носили характеръ преимущественно личный, а не опредѣлялись точными юридическими институтами.

Что Котошихинъ впослѣдствіи выѣхалъ изъ Россіи—это неважно. Но очень важно, что онъ былъ дьякомъ посольскаго приказа, что онъ подробно описываетъ всѣ формы внѣшнихъ сношеній, выписываетъ самыя формулы обращенія къ разнымъ иностраннымъ монархамъ, съ точностью излагаетъ составъ и предметы вѣдѣнія всѣхъ приказовъ, то-есть всего центральнаго управленія. Показаніе такого свидѣтеля по вопросу о правленіи государствомъ едвали не имѣетъ рѣшающаго значенія. Немало значитъ и тотъ фактъ, что первые три года царь Михаилъ правилъ вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ.

Эти соображенія побуждаютъ насъ склониться къ мнѣнію г. Валишевскаго, что власть перваго царя изъ дома Романовыхъ была ограничена. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что Михаила и отца его, патріарха Филарета, писали въ оффиціальныхъ актахъ, вмѣстѣ, „великими государями". Валишевскій ссылается еще и на близкія къ тому времени показанія иностранцевъ, что власть царя Михаила была ограниченной.

Зато не имѣется ни одного свидѣтельства, чтобы это повторилось при вступленіи на престолъ царя Алексѣя. Наоборотъ, и Котошихинъ прямо говоритъ, что онъ волёнъ былъ рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію. Но отъ кончины Алексѣя до кончины Петра прошло всего сорокъ-девять лѣтъ и при послѣдовавшихъ затѣмъ царствованіяхъ до Екатерины II, если даже оставить въ сторонѣ извѣстные пункты, которыми формально обязалась Анна Ивановна, хотя тотчасъ же и отмѣнила ихъ, мы видимъ преобладаніе придворной олигархіи и цѣлый рядъ переворотовъ. А черезъ пять лѣтъ по кончинѣ Екатерины II, Александромъ I-мъ уже учреждается государственный совѣтъ и, по мысли Сперанскаго, проектируется учрежденіе государственной думы.

Итакъ, въ теченіе трехъ вѣковъ, минувшихъ отъ начала

смутнаго времени, въ позднѣйшихъ движеніяхъ сказывались еще отзвуки народнаго протеста противъ пренебреженія къ тяжкимъ условіямъ быта массы со стороны государственной власти, постоянно одержимой духомъ завоеваній и сдавливанія несмѣтныхъ, разнородныхъ областей все болѣе и болѣе сдвигавшимися оковами централизаціи. Но мысль о необходимости реформы въ политическомъ строѣ, хотя и выражалась въ нѣсколькихъ попыткахъ или предположеніяхъ, не могла однако пустить корней, пока она сама не проникла въ глубь народнаго сознанія. Въ наше время это, повидимому, уже совершилось, и въ этомъ нельзя не почерпнуть увѣренности, что великое движеніе, нынѣ охватившее Россію, приведетъ ее къ установленію политическаго быта на такихъ основахъ, въ которыхъ сила государства будетъ согласована съ интересами народнаго благосостоянія и свободнаго развитія народнаго духа.

Л. Полонскій.

ЗАКОНЫ

И

ОПЕЧАТКИ

Посмертный трудъ.

20-го ноября исполнится годъ со дня кончины Александра Львовича Боровиковскаго. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу оригинальный и богато-одаренный человѣкъ, соединявшій съ живымъ пониманіемъ духа Судебныхъ Уставовъ 1864 г. вѣрное имъ служеніе словомъ и дѣломъ. Онъ былъ сотрудникомъ и помощникомъ многаго множества русскихъ цивилистовъ въ ихъ практической дѣятельности. Можно сказать, что безъ его помощи и руководства въ дремучемъ лѣсу нашихъ кассаціонныхъ рѣшеній не обходился за послѣднія 20 лѣтъ ни одинъ юристъ-практикъ, постоянно прибѣгая къ его „Законамъ гражданскимъ" и „Уставу гражданскаго судопроизводства", вдумываясь и вчитываясь въ ихъ богатые подстатейные тезисы. За нимъ, однако, не одна заслуга кропотливаго и усидчиваго труда, вложеннаго въ эти книги. Онъ былъ не только комментаторомъ и толкователемъ нашихъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и остроумнымъ, проницательнымъ критикомъ нашего гражданскаго права и проектовъ его улучшенія, но онъ былъ и судьею, отзывчивымъ на нужды и скорби практической жизни.

Все въ его натурѣ и дѣятельности стояло въ противорѣчіи съ узко-формальнымъ и подъяческимъ отношеніемъ къ живой дѣйствительности, къ ея условіямъ и запросамъ, и это, вмѣстѣ

съ яркой логикой и прочнымъ знаніемъ, не могло не придавать его взглядамъ особой цѣны и вѣса. Читая написанныя имъ рѣшенія или тонкія критическія замѣтки, слушая его заключенія, приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ правда матеріальная, правда житейская выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины. При этомъ нельзя было съ обычной у насъ презрительной или снисходительной усмѣшкой сказать: „да, но какой же это юристъ"?—ибо это былъ настоящій, „всамдѣлѣшный" юристъ, не только по праву службы, но и по праву опыта и знанія занимавшій должности члена судебной палаты, оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и сенатора.

У насъ было время, когда звѣздами первой величины между цивилистами нерѣдко считались люди приказнаго склада, для которыхъ мертвыя правовыя схемы казались скрижалями завѣта, заставлявшими чаянія и упованія жизни смолкать предъ своимъ мертвымъ глаголомъ. Такого рода цивилистамъ, конечно, казалось, что не юридическія нормы должны расширяться и принимать въ себя жизнь, но что самую жизнь можно втолкнуть, болѣзненно и насильственно, въ ихъ узкія рамки. Отсюда вытекали тѣ толкованія, которыя исходили отъ „духомъ хладныхъ скопцовъ" и, восхищая подобныхъ имъ, оставляли въ недоумѣніи здравомыслящихъ людей. Послѣднимъ трудно было забыть, что „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка", и что слова одного изъ героевъ Щедрина: „по естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ этого не написано—ну и попался" — были остроумной шуткой, а не торжественно провозглашеннымъ мнѣніемъ патентованныхъ юристовъ. Противъ этой-то бездушной узкости и казуистичности всѣми силами своего ума и знанія вооружался Боровиковскій. Его замѣчательная книга — „Отчетъ судьи",—лучше всего показываетъ, какъ далекъ онъ былъ отъ формальнаго отношенія къ праву. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія III-ій томъ „Отчета судьи", названный авторомъ: „Дѣла мужичьи".

Нигдѣ въ области гражданскаго права и процесса „summum jus" не обращается въ „summa injuria" такъ легко, какъ въ дѣлахъ сельскихъ обывателей, несвѣдущихъ въ законѣ, не отдающихъ себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствительныхъ правахъ и обязанностяхъ и часто дѣлающихся жертвою корысти заугольныхъ адвокатовъ;—нигдѣ такъ не противно справедливости безучастное положеніе судьи, который только разсматриваетъ представленныя сторонами доказательства и, „спокойно зря на правыхъ и виновныхъ", не снисходитъ въ своемъ олимпійскомъ величіи до

разъясненія темному человѣку, какія доказательства отъ него требуются по существу дѣла и какимъ способомъ ихъ добыть. „Предметъ мужичьяго иска, — говоритъ Боровиковскій, — десятина-другая полевой земли или нѣсколько квадратныхъ саженъ земли усадебной; обычная цѣна иска — какіе-нибудь 150 — 200 р. „*Какіе нибудь*“... — такъ говоримъ мы. А они, истцы и отвѣтчики, навѣрное выражаются иначе: „цѣлые“ 150 р., „цѣлые“ 200 р.!.. „Ничтожный клочекъ“ земли — тамъ „все достояніе семьи“, драгоцѣнная „батьковщина“, либо пріобрѣтенія на „капиталъ“, сколоченный многолѣтними трудами. Рѣдко въ крупныхъ процессахъ рѣшаются столь важные для сторонъ интересы, какъ здѣсь. Эти мелкіе „споры о правѣ гражданскомъ“ вѣрнѣе было бы назвать „спорами о хлѣбѣ насущномъ“... — Отмѣчая, что строгое примѣненіе правила 367-ой статьи Уст. Гр. Суд. о несобираніи судомъ самимъ ни въ какомъ случаѣ доказательствъ и справокъ — имѣетъ практическое удобство, состоящее въ томъ, что для безучастнаго слушанія состязанія сторонъ не нужно даже знать дѣло, а достаточно лишь имѣть терпѣливый нравъ, Боровиковскій восклицаетъ: „Нѣтъ, судья, отличай *нежелающаго* отъ *неумѣющаго* отстаивать свое право! Къ нежелающему будь равнодушенъ, а неумѣющему помоги. Это — святая обязанность судьи. Этого требуетъ отъ судьи законъ, — тотъ самый законъ, который проникнутъ принципомъ состязательности гражданскаго процесса. Не навязывай судебной защиты нежелающему — вотъ это состязательность; оставаться же безучастнымъ къ желающему, но неумѣющему защищаться—это не „состязательность“, а неправосудіе. Правосудіе должно склоняться въ пользу того, кто правъ, а не того, кто лучше говоритъ, кто смышлёнѣе и хитрѣе“. И въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ рядъ примѣровъ. Человѣкъ пришелъ на судъ; противникъ говоритъ, а онъ молчитъ. Развѣ это непремѣнно молчаливое признаніе? Быть можетъ, онъ молчитъ вовсе не потому, что сознаетъ правоту противника, а просто потому, что *не умѣетъ* говорить. „Подзовите его къ судейскому столу, — говоритъ Боровиковскій, — помогите оправиться отъ смущенія, предложите въ понятной для него формѣ вопросъ“. Или — простая женщина говоритъ слова, которыя можно счесть „признаніемъ“; но въ сущности она просто болтаетъ, не понимая смысла своихъ словъ. „Не лови ее на безсознательномъ словѣ, — совѣтуетъ Боровиковскій судьѣ, — а разспроси, растолкуй и если по совѣсти убѣдишься, что это было не признаніе, а лишь бабья болтовня (быть можетъ, обусловленная смущеніемъ отъ обстановки судебнаго засѣданія), и

что когда „тяжущейся“ объяснили нелѣпость ея словъ, она пришла въ ужасъ и отъ нихъ отрекается,—закрой законы о признаніи: они отнюдь не желаютъ, чтобы эта баба была изловлена на глупомъ словѣ и изъ-за этого лишилась хлѣба насущнаго. Ты не исполнишь законъ, а оскорбишь его“. Такъ относился Боровиковскій къ дѣламъ мужичьимъ.

Съ трогательной откровенностью, которою проникнута вся его прекрасная книга, онъ сознается, что несмотря на то, что дѣла мужичьи самыя легкія для доклада и изложенія рѣшеній, тѣмъ не менѣе въ нихъ есть очень непріятная сторона, а именно — сомнѣніе въ правосудности постановленнаго рѣшенія вслѣдствіе безсилія суда вполнѣ выяснить обстоятельства дѣла. „Ясно сознаешь, — говоритъ Боровиковскій, что для выясненія истины тутъ нужны были бы совсѣмъ другіе пріемы, да и споръ надлежало бы рѣшить вовсе не тѣми нормами, какими обязанъ руководствоваться гражданскій судъ. Конечно, у насъ есть оправданіе: доказательства представлялись (либо не представлялись) въ порядкѣ, указанномъ уставомъ; истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ свои возраженія; недоказанное считается несуществующимъ;—мы такъ и поступили, а затѣмъ къ установленнымъ такимъ образомъ фактамъ примѣнили законъ. И все-таки чувствуешь себя какъ бы невольнымъ пособникомъ какого-то грѣха“...

Во всѣхъ отдѣлахъ этой недостаточно оцѣненной и мало извѣстной у насъ книги — говоритъ ли авторъ о давности, о чиншевомъ правѣ, о третьихъ лицахъ въ процессѣ, о судѣ и семьѣ или, наконецъ, о законѣ и судейской совѣсти — въ его словахъ звучитъ участливое отношеніе къ человѣку и стараніе вложить въ дѣятельность судьи стремленіе къ истинному правосудію, а не къ формальному только его отправленію. Онъ даетъ глубокіе и вдумчивые совѣты по вопросамъ объ аналогіи и о толкованіи законовъ, — съ ироніей рисуетъ развившееся у насъ „скоросудіе“, идущее въ разрѣзъ съ правильнымъ понятіемъ о скоромъ судѣ, и горой стоитъ за гласность суда, требуя соблюденія ея съ педантическою ортодоксальностью. „Я не сочувствую,—говоритъ онъ,—обычаю рѣшать дѣла, не выходя изъ комнаты, если нѣтъ ни сторонъ, ни публики. Когда въ церкви молящихся нѣтъ, служба совершается сполна, согласно съ церковнымъ уставомъ. Трудно поставить точную границу между опущеніемъ пустыхъ формальностей—и халатностью. Я бы счелъ желательною даже гласность совѣщанія судей. Говорятъ—тайна совѣщаній ограждаетъ свободу мнѣній судей;—да у судей нѣтъ

такой „свободы“ мнѣній, для проявленія которой нужно „удаленіе въ особую комнату“. Судья обязанъ рѣшить дѣло сообразно установленнымъ фактамъ и велѣніямъ закона. Еслибы было введено гласное совѣщаніе, судьи стѣснялись бы этимъ развѣ на первое время, съ непривычки. На первыхъ порахъ я, послѣ рѣшеній, постановленныхъ безъ публичнаго доклада, въ совѣщательной комнатѣ, испытывалъ смущеніе, которое уподобляю именно тому, какое испыталъ бы священникъ, еслибы вмѣсто провозглашенія молитвы среди церкви, какъ требуется церковнымъ уставомъ, прочелъ молитву вполголоса, не выходя изъ алтаря и не облачаясь... Скоро я къ этому порядку привыкъ, и *тѣмъ хуже для меня!*“

Особенною содержательностью отличаются его работы объ участіи судебной власти въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ признаётъ, что гражданскій законъ можетъ охранять лишь внѣшній миръ семьи, но не предписывать почтеніе и любовь, какъ это онъ дѣлаетъ. Въ семейной распрѣ гораздо полезнѣе помощь и посредничество нравственнаго авторитета родственника, друга, духовника, но обращеніе къ суду только еще пуще расшатываетъ семью. По образному выраженію Боровиковскаго, „исполнительный листъ является въ семью не вѣткой мира: онъ, напротивъ, закрѣпляетъ вражду казенной печатью!“—Въ распоряженіи судебной власти нѣтъ цемента, которымъ можно замѣнить единственную связующую супруговъ силу—любовь. „Замѣна любви принужденіемъ, замѣна священныхъ узъ брака веревочными путами явилась бы кощунственной каррикатурой. Судъ безсиленъ *присудить семьѣ счастье:* онъ долженъ ясно сознавать предѣлы той помощи, которую въ состояніи оказать“. Свои взгляды на судъ и семью Боровиковскій подробно развилъ въ двухъ блестящихъ статьяхъ (1902 г.): „Конституція семьи“ и „Бракъ и разводъ“, въ которыхъ подвергаетъ суровой и вмѣстѣ съ тѣмъ полной юмора критикѣ проектъ новаго гражданскаго уложенія съ его стремленіемъ замѣнить въ семейномъ правѣ юридическія начала—педагогическими, дидактическими и экономическими соображеніями. На множество вопросовъ, гдѣ жизнь приходитъ въ столкновеніе съ буквой закона, отозвался онъ статьями, полными чуткой и жизненной критики, чуждой педантической авторитетности, но сильной внутреннимъ содержаніемъ. Таковы его статьи въ юридическихъ журналахъ: „О правѣ и фактѣ“, „О семейномъ правѣ раскольниковъ“, „О проектѣ устава объ опекахъ“, „Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ“, „О правахъ женщинъ по литовскому статуту“, „О существѣ дѣлъ“ и, наконецъ, „О печатномъ листѣ“, кото-

рая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ приглашенію его въ члены коммиссіи о пересмотрѣ законовъ о печати подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко.

Это былъ человѣкъ оригинальный во всемъ, съ живою и остроумной рѣчью, проникнутой милымъ малороссійскимъ юморомъ. Съ нимъ можно было не соглашаться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, но никогда нельзя было не отдать справедливости самостоятельности и независимости его взглядовъ. Русскій человѣкъ во всемъ, начиная съ неравномѣрности работы подъ вліяніемъ настроеній и кончая нѣкоторою наружной небрежностью, онъ привлекалъ къ себѣ незлобивостью, отсутствіемъ всякой ходульности и умѣньемъ иногда искренно подсмѣиваться и надъ самимъ собою. Такимъ онъ былъ и въ старые годы своихъ первыхъ шаговъ на судебномъ поприщѣ въ только-что открытомъ харьковскомъ судебномъ округѣ; такимъ пробылъ въ петербургской прокуратурѣ, гдѣ блисталъ своими заключеніями по гражданскимъ дѣламъ; такимъ остался на каѳедрѣ новороссійскаго университета и во всей своей дальнѣйшей широкой служебной дѣятельности. Онъ былъ не только выдающимся юристомъ, но и поэтомъ. Это его свойство сказалось еще въ его первомъ литературномъ трудѣ: „О женской долѣ по малороссійскимъ пѣснямъ", а многія его стихотворенія, не могшія попасть въ печать, ходили по рукамъ, доставляя истинное наслажденіе красотой стиха и сжатостью, а также сердечностью сквозившаго въ нихъ чувства. Между ними почти нѣтъ лирическихъ, но по поводу такъ называемыхъ „гражданскихъ мотивовъ" онѣ являются зрѣлой сатирой или проникнуты трогательными образами.

Онъ умеръ хотя и не молодымъ, но не состарившимся человѣкомъ, внезапно, среди оживленной дѣятельности. Память о немъ будетъ долго жить среди знавшихъ его, а будущимъ юристамъ надо будетъ учиться у него умѣнью примирять толкованія холоднаго закона съ сострадательнымъ отношеніемъ къ условіямъ и тягостямъ гражданскаго быта.

Печатаемая ниже замѣтка Боровиковскаго осталась въ его бумагахъ и характеризуетъ оригинальный складъ ума и стиля покойнаго автора.

Z.

I.

„Законность“... Юристы говорятъ, что законность есть основное благо правильной государственной жизни.

Законность—это дѣйствія, согласныя съ закономъ. Значитъ, если законъ хорошъ—хороша и законность; если же законъ злой—то и законность злая?

Герценъ о современной ему русской жизни острилъ, говоря, что „въ Россіи только и можно жить благодаря безпорядкамъ“, т.-е. отступленіямъ отъ законовъ.

— Гдѣ тутъ правда?

II.

Возьмемъ самый грубый примѣръ.

Иродъ „послалъ избить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ предѣлахъ его, отъ двухъ лѣтъ и ниже“. Такое жестокое повелѣніе Иродъ далъ потому, что „разгнѣвася зѣло“. Тѣмъ не менѣе, повелѣнія царя іудейскаго были въ его царствѣ закономъ—безразлично, въ какомъ настроеніи они давались, благодушномъ или сердитомъ.

Нарочно беру примѣръ изъ далекаго прошлаго—чтобы обсудить тему безъ примѣси ужаса, гнѣва и состраданія. Еслибы невинные младенцы не были убиты, примѣрно, во второмъ году по Р. Хр., они въ двадцатомъ году нашей эры стали бы юношами, въ шестидесятомъ году стариками, бородатыми и сѣдыми евреями, а не позже 100-го года всѣ перемерли бы естественною смертью. Давнымъ-давно все равно слѣдъ бы простылъ и отъ тѣхъ младенцевъ, и отъ Ирода, и отъ его посланныхъ. Передъ нами — только казусъ для теоретическихъ размышленій.

III.

Исполненіе Иродова повелѣнія,—т.-е. избіеніе въ Виѳлеемѣ и въ предѣлахъ его всѣхъ младенцевъ до двухъ-лѣтняго возраста включительно,—являлось *законностью*.

Еслибы посланные пощадили указанныхъ Иродомъ младенцевъ—это было бы *противозаконіемъ*.

Но, съ другой стороны, *противозаконіемъ* было бы и то, еслибы посланные стали избивать младенцевъ старше двухъ лѣтъ, или стали бы избивать младенцевъ внѣ „Виѳлеема и предѣловъ его".

IV.

Не лучше ли было бы, еслибъ Иродъ велѣлъ своимъ посланнымъ избивать младенцевъ по ихъ, посланныхъ, „усмотрѣнію": если, молъ, младенецъ,—гдѣ бы то ни было и какого бы то ни было возраста,—покажется вамъ подозрительнымъ, какъ возможный въ будущемъ претендентъ на мое, Иродово, царство—убивайте его; если къ такому подозрѣнію основаній не усмотрите—оставляйте младенца въ покоѣ. Но знайте, что за недогадливость вы мнѣ отвѣчаете; прозѣваете—я съ васъ взыщу жестоко.

Какая же изъ такихъ двухъ бѣдъ была бы болѣе тяжкою? правило—или усмотрѣніе, произволъ?

V.

Поставивши такой вопросъ, я чувствую себя въ положеніи сказочнаго всадника, который доѣхалъ до распутья, гдѣ стоитъ надпись: „Поѣдешь направо—волкъ съѣстъ, налѣво—разбойникъ зарѣжетъ".

Ну ихъ, такіе вопросы!

Но мой вопросъ, какъ онъ ни труденъ, все-таки легче. Легче уже потому, что какъ бы я его ни рѣшилъ, меня ни волкъ не съѣстъ, ни разбойникъ не зарѣжетъ. Я разсуждаю спокойно, на разстояніи вѣковъ, съ птичьяго полета,—рѣшаю отвлеченную задачу.

Евреи того времени, жившіе внѣ Виѳлеема и его предѣловъ, а равно и виѳлеемскіе, у которыхъ дѣти были старше двухлѣтняго возраста, предпочли бы, конечно, законность, правило: оно не касалось ихъ дѣтей,—и вопили бы противъ усмотрѣнія, которое могло коснуться и ихъ. Евреи же, дѣти которыхъ подходили подъ жестокое правило, вѣроятно предпочли бы усмотрѣніе: имъ оставалась еще надежда, что посланныхъ можно умилостивить просьбами, подкупить взяткой, одурманить женскою лаской,—авось бѣда ихъ и минуетъ!..

Но какъ рѣшить вопросъ съ нашей точки зрѣнія,—когда онъ не имѣетъ уже шкурной остроты? Какъ его рѣшить, разсуждая объективно?

Надо сообразить *сумму* бѣды, грозившей въ томъ и въ иномъ случаѣ.

При усмотрѣніи, бѣда грозила всему іудейскому народу, каждой его семьѣ. Никто не былъ безопасенъ. На милосердіе, на подкупъ деньгами или женщиной—надежды плохи,—въ особенности когда и надъ посланными виситъ угроза: „прозѣваете—жестоко отвѣтите!". А у кого нѣтъ денегъ? нѣтъ женщины, которая могла бы, въ глазахъ посланныхъ, пересилить страхъ отвѣтственности? И пошли бы взяточничества, вымогательства, обезчещеніе женъ и дочерей... Сосчитайте всѣ эти бѣдствія.

При законности же—погибли бы указанныя Иродомъ дѣти въ указанномъ имъ районѣ. Но всѣ дѣти въ Виѳлеемѣ, переросшія двухлѣтній возрастъ, и всѣ жившія внѣ округа, оставались бы спокойными.

И борьба въ пользу отмѣны закона—все же легче, чѣмъ борьба противъ произвола. Чтобы добиться отмѣны закона—надо было дѣйствовать на одного Ирода: задобрить его, задарить, наконецъ, наслать на него какую-нибудь новую Далилу. Гораздо труднѣе борьба съ многоголовымъ произволомъ.

VI.

Я взялъ самый крайній случай—чтобы и на немъ иллюстрировать мысль о законности и произволѣ. Даже и въ этомъ случаѣ законность лучше.

Но обыкновенно вопросъ не стоитъ такъ круто, какъ въ разбираемомъ случаѣ избіенія невинныхъ дѣтей. На другихъ случаяхъ тотъ же тезисъ могъ бы быть иллюстрированъ еще съ большей очевидностью.

Итакъ, согласимся съ юристами, что законность дѣйствительно благо,—или, по меньшей мѣрѣ, что произволъ—зло гораздо большее, чѣмъ самая суровая законность.

VII.

Городничій Градобоевъ спрашиваетъ обывателей:—„Какъ хотите: судить ли мнѣ васъ по законамъ, или по душѣ, какъ мнѣ Богъ на сердце положитъ?"

— „Нѣтъ ужъ, за что же, Серапіонъ Мардарьичъ,—суди по душѣ, будь отецъ!“—отвѣчаютъ ему.

Вотъ до чего доводятъ привычки обѣихъ сторонъ къ произволу!

Горе народу, если у него слагаются пословицы: „не бойся суда, а бойся судьи“; „до Бога высоко,—до царя далеко“. Есть времена, когда, какъ выразился поэтъ,—

„Законы святы,
Да исполнители—лихіе супостаты“.

Нѣтъ, законность и законность! Ненуженъ, вреденъ произволъ!

VIII.

Что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда гнететъ не законъ, даже не произволъ, а нѣчто неимѣющее съ закономъ ничего общаго.

Возьму опять случай самый грубый.

Разскажу сказку.

Жилъ-былъ въ Астрахани земскій исправникъ. Былъ почти канунъ освобожденія крестьянъ, 1859-ый годъ. Крѣпостное право, однакожъ, еще свирѣпствовало во всей силѣ. Помѣщики драли крестьянъ,—драли, между прочимъ, и за „вольнодумство“, проявлявшееся тогда въ распространеніи слуховъ о „волѣ“. Драли у себя дома, „на конюшнѣ“,—либо посылали для экзекуціи въ полицію.

Вѣроятно, исполнялъ такія порученія и названный исправникъ. И вотъ, положилъ ему Богъ на душу—справиться съ закономъ. Видитъ, въ законѣ (Сводъ Зак. изд. 1857 г., т. XIV, уст. о предупрежд. и пресѣченіи преступленій, ст. 390) напечатано, что помѣщику или управляющему имѣніемъ съ помѣщичьими крестьянами предоставляется расправа и, между прочимъ, дозволено имъ подвергать наказанію розгами до сорока или *палками* до *пятидесяти* ударовъ. Другой бы на этомъ и угомонился: законъ... Но нашъ исправникъ сталъ разсуждать: вѣдь палки несравненно больнѣе розогъ; какъ же, розогъ 40 ударовъ, а палокъ 50?! И вотъ, сталъ онъ „рыться“ въ законахъ, и тамъ вычиталъ, что соотвѣтствующее правило есть и въ другомъ томѣ Свода Законовъ, гдѣ также предоставляется помѣщикамъ и управляющимъ расправа и, между прочимъ, наказаніе розгами до сорока или палками „уже только“ до *пятнадцати* ударовъ (т. XV того же изд., стр. 851). Добрякъ-исправ-

никъ не успокоился, и рапортомъ отъ 9-го іюня 1859 г. донесъ губернскому правленію объ оказавшемся по справкѣ—и, „чтобы не встрѣтить затрудненія въ мѣрѣ наказанія помѣщичьихъ крестьянъ палками, просилъ разрѣшенія“.

Губернское правленіе взялось за дѣло съ необычайною быстротой. Черезъ два мѣсяца, а именно 10-го сентября того же года, оно „сообразило означенный рапортъ съ законами“, признало слово „пятьдесятъ“ *опечаткою*—и „предписало астраханскому земскому исправнику руководствоваться въ вышеозначенныхъ случаяхъ 851 ст. угол. зак.“.

Обо всемъ этомъ губернское правленіе 30-го того же сентября „донесло Правительствующему Сенату для свѣдѣнія“.

И въ Сенатѣ дѣло залежалось всего лишь около девяти мѣсяцевъ. 22-го іюня 1860 г. Сенатъ рапортъ губернскаго правленія „слушали и приказали: признавая рапортъ губернскаго правленія по настоящему дѣлу правильнымъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: для увѣдомленія о семъ Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ Департаментъ Министерства Юстиціи передать копію съ сего опредѣленія, а астраханскому губернскому правленію дать знать указомъ“.

Лѣнюсь справиться, какое распоряженіе сдѣлано со стороны Главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ. Вѣроятно, поправка вошла въ очередное „Продолженіе“ къ Своду Зак., и едвали не явилась уже запоздалою, въ виду 19 февраля 1861 г.

Интересно вотъ что: сомнѣніе возбуждено лишь въ одномъ уѣздѣ; исправники всѣхъ прочихъ уѣздовъ не встрѣчали сомнѣній, и въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ опечатка свирѣпствовала за законъ. И исправленіе ея коснулось только астраханскаго уѣзда; нѣтъ даже слѣда, чтобы о томъ оповѣщены были прочіе исправники, а тѣмъ болѣе—помѣщики.

Сосчитайте: сколько мужичьихъ спинъ пострадало отъ опечатки?..

Эта сказка—быль. Она помѣщена во Второмъ Полномъ Собраніи Зак. Росс. Имперіи, 1860 г., № 35973, подъ заглавіемъ: „О исправленіи опечатки въ Сводѣ Законовъ, изд. 1857 г., касательно опредѣленія мѣры наказанія крестьянамъ помѣщиками или ихъ управляющими“.

IX.

Повторяю, я привелъ случай самый грубый—когда роль закона играла опечатка.

Откуда она взялась? Преступная неряшливость корректора? Неужели можно допустить, что кто-либо изъ „редакторовъ“ Свода умышленно столь злодѣйски „подшутилъ“? Конечно, почти несомнѣнно—первое предположеніе.

Ошибки, способныя переиначить законъ, возможны и не по небрежности, а, напр., по недоразумѣнію кодификаторовъ. Кассаціонный сенатъ много разъ усматривалъ такія ошибки, возстановлялъ истинный смыслъ закона и разъяснялъ, что „кодификаціоннымъ, а не законодательнымъ путемъ—не можетъ быть произведена перемѣна въ законахъ“.

X.

Все это—ошибки. Печальныя, причинившія зло—но все-таки ошибки. Онѣ болѣе или менѣе простительны, а если даже и непростительны, то подлежатъ осужденію какъ ошибки.

Но иногда бываетъ, что именемъ закона дѣйствуютъ распоряженія, явно неимѣющія на то права. Некомпетентная, но фактически могущественная власть отдаетъ приказанія, на которыя закономъ вовсе не уполномочена. Либо дѣйствуетъ распоряженіе, въ форму закона не облеченное и даже не оглашенное. И все это дѣйствуетъ какъ законъ.

Понадобилась, наконецъ, коммиссія для рѣшенія вопроса: что̀ есть законъ?

Вѣдь если сила закона присвояется тому, что̀ вовсе не есть законъ,—это, въ сущности, почти то же, что ставится на мѣсто закона опечатка.

XI.

Мы доживаемъ вѣкъ подобныхъ „опечатокъ“. До сихъ поръ онѣ жили и плодились, какъ живутъ и плодятся черви въ ямахъ, полныхъ гнили и недоступныхъ солнечному свѣту. Всякому, пытавшемуся возстать противъ опечатки смѣлымъ словомъ—грозилъ рискъ попасть подъ дѣйствіе опечатки, придуманной для откровеннаго слова. Теперь стало дышаться свободнѣе. Уличенныя при яркомъ лучѣ свѣта опечатки—стыдливо склоняютъ голову и прячутся куда-то въ норы. И лишь изрѣдка опечатка не хочетъ уступить свое мѣсто и отстаиваетъ свое право кусаться.

Я, конечно, не берусь здѣсь за изложеніе ни „исторіи“, ни „системы“ замѣны закона тѣмъ, что̀ я назвалъ „опечатками“.

Для этого потребовалась бы не короткая замѣтка, а цѣлыя изслѣдованія. Это—дѣло будущей исторіи доживаемаго нами времени. Я ограничусь лишь нѣсколькими указаніями и намеками (sapienti sat), чтобы пояснить мою мысль.

Развѣ, напр., „гражданская" исторія раскола не полна случаями, когда силу закона имѣли *не законы?* Распоряженія, жестокія даже для жестокаго вѣка, не рѣшались одѣваться въ форму закона, не оглашались въ общее свѣдѣніе, вѣдомы были лишь тѣмъ, кого били и угнетали, да тѣмъ, кто билъ и угнеталъ.

Развѣ, напр., малороссійская литература была загнана законами? Негласными распоряженіями она доведена была до того, что теперь невольно напрашивается вопросъ: въ силахъ ли будетъ освобождаемое малорусское слово оправиться и поднять голову?

Развѣ наша печать не терпѣла больше отъ незаконныхъ распоряженій, чѣмъ отъ самихъ законовъ? Достаточно указать на почти невѣроятную практику невинной 140 ст. Уст. ценз.

Развѣ такое невинное по мысли закона учрежденіе, какъ Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, не держало народъ въ темнотѣ своими каталогами?

И т. д., и т. д., и т. д. Все это—не законы, а нѣчто весьма близкое къ извращенію законовъ опечатками.

Я гдѣ-то читалъ, — кажется, у Бокля, — такую мысль: если юристы сдѣлали что-либо для цивилизаціи, то развѣ лишь устраненіемъ тѣхъ для нея преградъ, которыя они же сами раньше создали.

Можно бы поставить юристамъ задачу еще болѣе скромную: пусть *защитятъ законъ*; пусть очистятъ его отъ болѣзненныхъ наростовъ и „новообразованій".

Уже одна эта операція принесла бы немалую пользу. Законъ *стыдливъ*, стыдливъ *инстинктивно*, какъ инстинктивно стыдливы порядочные люди. Законъ, выходя въ свѣтъ, и принарядится, и причешется. Законъ не скажетъ грубой жестокости и несправедливости. Исполнители же способны и къ жестокости, и къ несправедливости; но дѣлать это они могутъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь *извращая* законъ.

XII.

Еще одно теоретическое замѣчаніе.

Вообразите себѣ, что въ законахъ было бы сказано: „исправнику дозволяется продѣлывать съ обывателями все, что ему вздумается". Было ли бы это „закономъ"?

Конечно нѣтъ. Это только доказывало бы, что не все написанное въ книгахъ законовъ есть законъ.

Законъ есть правило. *Повелѣваетъ* законодатель; исполнитель закона ничего не *повелѣваетъ*: онъ самъ—рабъ закона. Законъ—*правило*, правило *слѣпое*; онъ затрогиваетъ всякаго, кто подъ него подходитъ, и не трогаетъ никого, кто подъ него не подходитъ. Исполнитель—только *примѣняетъ* правило.

Возможно, что исполнительной власти предоставляется и *устанавлять правила*; тогда, въ сущности, на него переносится законодательная власть. Но все-таки, сперва должно быть правило, а потомъ—его примѣненіе. „Усмотрѣніе" же не предполагаетъ правила,—сливаетъ установленіе правила ad hoc и его примѣненіе въ одинъ моментъ.

Упомянутое предоставленіе исправнику дѣлать, что̀ ему вздумается—было бы попыткой „узаконить произволъ", т.-е. сдѣлать „холодный огонь", „сухую воду". Законъ стыдливъ—и подобныхъ фразъ не говоритъ.

Это—исполнители иногда читаютъ въ законѣ то, что̀ въ немъ вовсе не написано. Это тоже „опечатки".....

Александръ Боровиковскій.

1904 г.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Пѣснь о Сорренто.

Изъ Поля Гейзе.

Эти дни, эти страстныя ночи,
Ароматомъ любовнымъ полны,
Звѣздъ недремлющихъ кроткія очи,
Бѣлоснѣжные всплески волны...
И цвѣтовъ лучезарная лента,
Кипарисовъ зеленый чертогъ...
О, любимый лазурный Сорренто,
О, волшебный земли уголокъ!

Тихой ночью журчитъ Луизелла
И шумитъ мелодичной волной,
И звучитъ, и звенитъ тарантелла
О цвѣтахъ и любви молодой.
Озаряетъ уснувшее море
Голубая царица-луна...
О, Сорренто, въ вечернемъ уборѣ,
О, моя неземная страна!

Здѣсь на радостномъ, гордомъ просторѣ
Вспоминается прошлое вновь,
И въ стыдливомъ, мечтательномъ флёрѣ
Выплываетъ былая любовь,

Вырастаетъ любовь золотая,
Словно сказочный алый цвѣтокъ...
О, Сорренто, преддверіе рая,
О, волшебный земли уголокъ!

Море шепчетъ лазурныя сказки;
Подъ могучую пѣсню валовъ
Расцвѣтаютъ уснувшія ласки
И гирлянды несбыточныхъ сновъ.
Вьется поѣздъ, какъ сѣрая лента...
О, какъ я безконечно далекъ
Отъ тебя, мой любимый Сорренто,
О, волшебный земли уголокъ!

Анатолій Доброхотовъ.

ДЕБРИ

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906 (W. Heinemann).

Окончаніе.

XXIII [1]).

Ранней осенью Юргисъ снова направился въ Чикаго. Возможность скитанія прекращалась съ наступленіемъ холода, и кромѣ того Юргисъ, какъ тысячи другихъ его товарищей, надѣялся, что, попавъ въ городъ до наплыва безработныхъ, онъ легче устроится. У него было запрятано въ сапогѣ пятнадцать долларовъ — единственныя деньги, которыя онъ приберегъ на черный день изъ боязни остаться безъ работы на зиму. Онъ рѣшилъ какъ можно меньше тратить, спалъ въ хорошую погоду гдѣ-нибудь въ паркѣ, или подъ навѣсомъ, а въ дождь и холодъ укрывался въ самой дешевой ночлежкѣ, ѣлъ въ благотворительныхъ кухмистерскихъ, и рѣшилъ мѣсяца два перебиваться такимъ образомъ, надѣясь за это время найти работу. Пришлось, конечно, отказаться отъ пріобрѣтенныхъ за лѣто привычекъ чистоты; въ городѣ негдѣ было даже помыться,—а купаться въ озерѣ было уже слишкомъ холодно.

Онъ навѣдался сначала въ сталелитейномъ заводѣ и на машинной фабрикѣ, гдѣ прежде работалъ, но мѣсто его оказалось занятымъ. На скотные дворы онъ не хотѣлъ идти; онъ рѣшилъ пробить себѣ дорогу одинъ и боялся возобновленія прежнихъ се-

[1]) См. выше: октябрь, стр. 588.

мейныхъ связей. Онъ обошелъ всѣ фабрики и заводы, искалъ работы по объявленіямъ, не попадаясь впрочемъ на удочку агентовъ, такъ какъ пріобрѣлъ опытъ и узналъ про ихъ продѣлки отъ товарищей-бродягъ.

Послѣ цѣлаго мѣсяца исканій Юргисъ нашелъ, наконецъ, работу черезъ посредство газеты. Онъ прочелъ, что требуется сто рабочихъ, подумалъ, что это опять какая-нибудь ловушка для неопытныхъ, но все-таки пошелъ, такъ какъ идти было очень недалеко. Онъ засталъ цѣлую толпу ожидавшихъ очереди, но протолкался впередъ, и часа черезъ два очутился въ конторѣ, гдѣ его принялъ толстый ирландецъ, стоявшій за конторкой.

— Работали раньше въ Чикаго?—отрывисто спросилъ ирландецъ, и по наущенію своего добраго ангела Юргисъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, сэръ.

— Гдѣ работали? Есть рекомендаціи?

— Работалъ въ Канзасѣ. Рекомендація одна—сильныя руки.

— Мнѣ нужны люди для тяжелой работы подъ землей. Рыть туннели для телефоновъ. Это вамъ подойдетъ?

— Я на все согласенъ, сэръ. А какая плата?

— Пятнадцать центовъ въ часъ.

— Я согласенъ, сэръ.

— Хорошо. Пойдите запишитесь.

Черезъ полчаса Юргисъ уже сталъ на работу и очутился глубоко подъ землей. Туннель былъ странный—не такой, какіе прокладываются обыкновенно для телефоновъ; онъ былъ вышиной футовъ въ восемь съ широкой платформой наверху. Онъ былъ освѣщенъ электричествомъ, и наверху проложенъ былъ двойной рельсовый путь. Только впослѣдствіи Юргисъ узналъ, что это предпріятіе было мошенническою аферой, что, подъ предлогомъ устройства телефоновъ, трёстъ фабрикантовъ провелъ подземный рельсовый путь для перевозки грузовъ. Всѣ фабрики и заводы соединены были подземными путями, чѣмъ нарушались привилегіи рабочаго союза перевозчиковъ. Капиталисты рѣшили тайно закончить сѣть подземной дороги, чтобы потомъ держать въ своихъ рукахъ рабочихъ и прижимать ихъ какъ угодно. Рабочій союзъ поднялъ шумъ; по его жалобѣ городской совѣтъ назначилъ коммиссію для разслѣдованія, но, благодаря подкупамъ фабрикантовъ, коммиссія бездѣйствовала. Скандалъ разросся,—доказано было, что городское управленіе совершило рядъ подлоговъ, и что многіе чикагскіе капиталисты совершили уголовныя преступленія, за которыя должны были бы подвергнуться тюремному заключенію,—чего въ дѣйствительности судебная власть не

приводила въ исполненіе. Члены городского совѣта доказывали, что они понятія не имѣли о туннелѣ,—хотя входъ въ туннель устроенъ былъ черезъ черный ходъ въ кабакѣ, принадлежащемъ одному изъ городскихъ альдерменовъ.

Юргисъ получилъ работу по устройству новой вѣтви подземнаго канала, и могъ разсчитывать, что работы хватитъ на всю зиму. На радостяхъ онъ даже подвыпилъ въ первый же вечеръ. Потомъ онъ сравнительно дешево устроился; за пять долларовъ въ недѣлю онъ имѣлъ мѣсто для спанья и ѣду по близости отъ мѣста работы. У него оставалось болѣе четырехъ долларовъ въ недѣлю, что составляло неслыханное богатство по его понятіямъ. Вначалѣ пришлось еще поиздержаться на покупку инструментовъ, прочныхъ сапогъ и фланелевой рубахи. Но этимъ его расходы и ограничились. Онъ хотѣлъ-было купить теплое пальто у еврея-старьевщика, но раздумалъ: все равно весь день онъ будетъ работать подъ землей, а на ночь у него обезпечена постель,—такъ что теплое верхнее платье было бы лишней роскошью.

Но разсчетъ этотъ былъ неправильный, такъ какъ холодъ гналъ его каждый вечеръ въ кабакъ. Работая съ семи часовъ утра до половины пятаго, съ перерывомъ въ полчаса для обѣда, онъ никогда не видѣлъ дневного свѣта въ будни, а по вечерамъ долженъ былъ отправляться въ кабакъ, если хотѣлъ обогрѣться; тамъ было свѣтло, тепло, уютно и было съ кѣмъ поболтать и посмѣяться. У него не было ни семьи, ни друзей, и ему оставалось только общество товарищей по пьянству. По воскресеньямъ ему тоже некуда было дѣваться. Въ церковь пойти было непріятно: всѣ сторонились отъ грязнаго рабочаго, отъ котораго дурно пахло и у котораго ползали насѣкомыя по шеѣ. Комната, въ которой онъ нанималъ уголъ, не отапливалась, окно выходило на стѣну; гулять безъ пальто въ стужу тоже не представляло удовольствія—оставалось только пойти въ кабакъ. Тамъ, выпивъ стаканчикъ-другой, онъ получалъ право расположиться какъ дома, играть въ кости или въ карты, разсматривать картинки въ засаленныхъ журнальчикахъ, гдѣ помѣщались портреты убійцъ и полунагихъ женщинъ. На такія удовольствія онъ тратилъ всѣ свои деньги, и такъ проводилъ время въ теченіе шести недѣль, работая на чикагскихъ капиталистовъ, которые придумали еще одно средство закабалить рабочихъ.

Работы велись въ туннелѣ съ полнымъ пренебреженіемъ къ безопасности рабочихъ, и несчастія,—взрывы, крушенія стропилъ и балокъ,—случались довольно часто. Вскорѣ и Юргисъ сдѣлался

жертвой несчастнаго случая,—на него наскочилъ паровозъ, неожиданно появившійся изъ-за угла, и отбросилъ его къ стѣнѣ, ударивъ въ плечо. Юргисъ потерялъ сознаніе и очнулся уже въ санитарной каретке. Онъ лежалъ въ ней, прикрытый одѣяломъ, и его медленно везли по шумнымъ улицамъ. Въ городскомъ госпиталѣ, куда его привезли, молодой хирургъ вправилъ ему плечо, затѣмъ его вымыли и уложили въ постель въ одной палатѣ съ десяткомъ другихъ искалѣченныхъ рабочихъ.

Юргисъ провелъ въ госпиталѣ Рождество, и оно было для него однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Америкѣ. По поводу порядковъ въ госпиталѣ, гдѣ онъ лежалъ, ежегодно поднимали шумъ въ газетахъ, обвиняя докторовъ въ томъ, что они продѣлывали всяческіе эксперименты надъ больными. Но Юргисъ этого не зналъ и былъ доволенъ уходомъ. Онъ только протестовалъ противъ пищи. Больныхъ кормили мясными консервами, а Юргисъ зналъ по опыту, что ими и собакъ кормить грѣхъ. Юргисъ въ свое время размышлялъ о томъ, кому идутъ въ пищу издѣлія консервныхъ фабрикъ,—теперь онъ уже зналъ, что ихъ скупали поставщики разныхъ учрежденій: консервами кормили солдатъ и матросовъ, заключенныхъ, артели рабочихъ и больныхъ въ городскихъ больницахъ.

Черезъ двѣ недѣли Юргиса выписали изъ госпиталя—не потому, что онъ совершенно вылечился, а только потому, что въ дальнѣйшей хирургической помощи онъ не нуждался, а на его мѣсто было уже много другихъ кандидатовъ, болѣе больныхъ, чѣмъ онъ. А до того, что онъ не можетъ работать и что ему не на что будетъ жить до выздоровленія, больничному начальству не было дѣла. Онъ остался совсѣмъ безъ денегъ: несчастье случилось съ нимъ въ понедѣльникъ, а въ субботу онъ уплатилъ за комнату и ѣду, и остатокъ израсходовалъ въ воскресенье въ кабакѣ. У него было въ карманѣ теперь всего семьдесятъ-пять центовъ. Онъ бы, конечно, могъ потребовать возмѣщенія убытковъ съ хозяевъ, но не зналъ, что имѣетъ на это право, а сообщать ему это никто не былъ обязанъ. Онъ только пошелъ получить плату за проработанные полъ-дня, взялъ свои инструменты—и послѣ того остался безъ пристанища. Хозяйка, у которой онъ жилъ, поняла, что онъ не въ состояніи будетъ работать мѣсяца два, и отказалась содержать его въ долгъ. Былъ страшный холодъ, у Юргиса не было теплаго пальто, и онъ пришелъ въ полное отчаяніе. Ему некуда было идти, весь его капиталъ заключался въ двухъ долларахъ и шестидесяти пенсахъ, и онъ зналъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не смо-

жетъ заработать ни цента. Рука у него была на привязи, и всякая работа становилась невозможной. Онъ не только не могъ заработать что-нибудь нагрузкой или разгрузкой товаровъ, но даже не годился въ газетчики, потому что не могъ справиться съ конкуррентами. Слабыхъ не жалѣютъ, и никто имъ не помогаетъ. Даже еслибы онъ сталъ просить милостыню, то очутился бы въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ другіе.

Юргисъ зашелъ въ знакомый кабакъ выпить съ горя, заплатилъ за свой стаканъ и подошелъ къ огню погрѣться. Но по освященному обычаемъ закону потребителю предоставлялось грѣться у огня столько же времени, сколько онъ пилъ свой стаканъ,— потомъ полагалось потребовать еще стаканъ или уйти. Юргисъ, какъ старый завсегдатай, могъ посидѣть подольше. Но онъ отсутствовалъ двѣ недѣли,—хозяинъ понялъ, что ему не повезло, и постарался отдѣлаться отъ него. Вѣдь еслибы кабатчикъ имѣлъ мягкое сердце и жалѣлъ такихъ людей, какъ Юргисъ, то у него всегда околачивались бы всѣ бродяги. Юргисъ пошелъ въ другое заведеніе и заплатилъ опять за стаканъ водки. При этомъ онъ не могъ устоять противъ соблазна и съѣлъ горячаго супа, такъ какъ онъ былъ очень голоденъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось уйти еще скорѣе,—хозяинъ сталъ посматривать на него весьма недоброжелательно. Онъ направился въ кабакъ низшаго разбора, гдѣ когда-то бывалъ съ однимъ цыганомъ въ поискахъ легко доступнаго женскаго знакомства. Хозяинъ того кабака пускалъ зимой одного или двухъ жалкихъ съ виду бродягъ, съ цѣлью оживить торговлю. Человѣкъ зайдетъ послѣ работы выпить, и ему непріятно глядѣть на мрачное, страдальческое лицо бродяги. „Ну, чего носъ повѣсилъ?—скажетъ онъ. — Давай выпьемъ, авось повеселѣешь!“ Они выпьютъ, и если у бродяги достаточно несчастный видъ, то еще повторятъ. А если потомъ еще окажется, что они земляки, или работали гдѣ-нибудь вмѣстѣ, то они сядутъ за столъ и просидятъ часа два, и у хозяина, глядишь, лишній долларъ въ выручкѣ. Это можетъ показаться гнуснымъ, дьявольскимъ разсчетомъ, но нельзя винить кабатчика; онъ въ такихъ же тискахъ, какъ заводчикъ и фабрикантъ, принужденные поддѣлывать товаръ и обманывать покупателя. Не онъ, такъ другой продѣлаетъ то же самое, а если онъ будетъ деликатничать, то его легко могутъ описать за долги крупные заводчики, если только онъ не членъ городского совѣта, какъ многіе изъ дѣйствительно преуспѣвающихъ кабатчиковъ. Но въ этотъ день какъ разъ вездѣ уже понабилось бродягъ больше, чѣмъ полагалось, и Юргисъ не смогъ нигдѣ приткнуться даромъ. Ему пришлось ка-

ждый разъ платить, и онъ уже побывалъ въ шести кабакахъ, каждый разъ за деньги, когда только еще начало смеркаться; а полицейскіе участки открывались для ночлега только въ полночь. Въ послѣднемъ кабакѣ, куда онъ попалъ, ему позволили побыть дольше, но наконецъ все-таки пришлось уйти. Выйдя на улицу въ восьмомъ часу, онъ увидѣлъ еще издали яркое освѣщеніе; подойдя, онъ прочелъ на афишѣ, что въ этотъ вечеръ состоится собраніе какого-то религіознаго общества. Юргисъ очень обрадовался. До открытія дверей оставалось еще полчаса, и онъ чуть не замерзъ въ ожиданіи, хотя все время быстро ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ. Наконецъ, въ половинѣ девятаго, Юргисъ съ толпой другихъ бездомныхъ ворвался въ освѣщенную теплую залу; онъ даже чуть снова не сломалъ руку, протискиваясь въ двери. Устроители собранія могли быть довольны наплывомъ публики. Зала биткомъ набилась, и у дверей стояло еще много не попавшихъ во внутрь. Празднество началось съ пѣнія гимновъ; потомъ одинъ изъ трехъ устроителей, сидѣвшихъ на эстрадѣ,— высокій, гладко выбритый, худощавый человѣкъ въ очкахъ — сталъ произносить рѣчь. Юргисъ напряженно слушалъ, главнымъ образомъ потому, что боялся заснуть, — онъ зналъ, что громко храпитъ во снѣ, и что его за это могутъ выгнать. Ораторъ говорилъ объ искупленіи грѣховъ и о безконечной благости Господа, прощающаго грѣшникамъ. Говорилъ онъ убѣжденно и искренно,—но Юргисъ сразу почувствовалъ къ нему ненависть. Что̀ этотъ сытый господинъ въ черномъ сюртукѣ и накрахмаленномъ воротникѣ знаетъ о грѣхѣ и страданіи? Какъ онъ можетъ наставлять и рѣшать задачи жизни, когда самъ онъ—на сторонѣ мучителей и угнетателей? Хорошо проповѣдывать смиреніе, стоя въ теплой залѣ, имѣя деньги въ карманѣ,—а каково голоднымъ слушать? Эти проповѣдники будто бы стремятся спасти души бѣдняковъ,—а не видятъ, что души гибнутъ оттого, что тѣло слишкомъ страдаетъ отъ лишеній.

Собраніе кончилось въ одиннадцать часовъ, и до двѣнадцати Юргисъ чуть не замерзъ на улицѣ. А потомъ, у входа въ участокъ, собралась огромная толпа; когда двери открыли, началась свалка, и многіе такъ и не попали во внутрь. Въ числѣ оставшихся на улицѣ, когда закрылись двери, былъ и Юргисъ. Ему пришлось опять потратить грошъ изъ своего жалкаго капитала, чтобы попасть въ ночлежный домъ. Напрасно онъ сидѣлъ на митингѣ и ждалъ у дверей участка,—только время потерялъ. Теперь онъ могъ улечься на свою койку только въ половинѣ перваго, а уже въ половинѣ седьмого ночлежниковъ выгоняли. То

же повторялось и въ слѣдующіе дни; меньше чѣмъ черезъ недѣлю всѣ сбереженія Юргиса были истрачены, и ему оставалось только просить милостыню.

Начиналъ онъ работу подъ вечеръ, когда люди возвращались домой изъ конторъ. Тогда онъ выходилъ изъ кабака, гдѣ сидѣлъ и ждалъ, улучалъ минуту, когда не видать было полисмена, подходилъ къ прохожимъ и, разсказывая про свои несчастья, просилъ грошъ на бѣдность. Получивъ подаяніе, онъ быстро шелъ обратно въ кабакъ согрѣться. Если подавшій ему прохожій это видѣлъ, онъ возмущался и рѣшалъ, что никогда больше не будетъ давать милостыни. Но онъ при этомъ не думалъ о томъ, куда было идти Юргису, какъ не въ кабакъ, гдѣ онъ могъ удобно погрѣться у огня и гдѣ находилъ подобіе домашняго очага. Вѣдь никто не удѣлилъ бы ему угла у своего очага,—возмущенный прохожій тоже вѣдь не позвалъ бы его къ себѣ.

Казалось бы, что несчастный Юргисъ имѣлъ всѣ данныя для успѣха въ качествѣ нищаго. Онъ только-что вышелъ изъ госпиталя, имѣлъ очень больной видъ и держалъ руку на перевязи. Но среди господства поддѣлокъ во всѣхъ отрасляхъ производства его дѣйствительная болѣзнь и слабость не могли выдержать конкурренціи съ искусными поддѣлками. Юргисъ былъ жалкимъ дилеттантомъ въ сравненіи съ профессіональными нищими. Что онъ говоритъ, чтобы вызвать жалость прохожихъ? Что на-дняхъ вышелъ изъ больницы? Но это слишкомъ избито, и какъ доказать, что это правда? У него рука на перевязи; но даже всякій новичокъ съ презрѣніемъ отвергъ бы такой азбучный пріемъ. Стояніемъ на холоду безъ пальто тоже трудно убѣдить и разжалобить. Профессіоналы умѣли очень искусно принимать видъ нищихъ въ лохмотьяхъ. Про иного можно было бы побожиться, что онъ—въ разодранной холщевой курткѣ и дырявыхъ панталонахъ, а между тѣмъ у него было надѣто снизу теплое шерстяное платье. У многихъ профессіональныхъ нищихъ были хорошо обставленные дома и тысячи долларовъ въ банкѣ; многіе уже удалились отъ дѣлъ и занимались только преподаваніемъ своего ремесла дѣтямъ, а также и взрослымъ. У нѣкоторыхъ руки были привязаны къ туловищу, а въ рукавахъ торчали обрубки въ тряпкахъ. Были поддѣльные безногіе и слѣпые. Иные, менѣе ловкіе профессіоналы, искусственно калѣчили себя или вытравляли себѣ химическими препаратами страшныя язвы, выставляя ихъ потомъ на-показъ. Эти несчастные выходили изъ подонковъ города, ютились въ сырыхъ погребахъ, въ курильняхъ опіума, съ женщинами самаго низшаго разбора, выгнанными даже китай-

цами. Каждый день полиція дѣлала облавы по разнымъ притонамъ и уводила сотни нищихъ въ тюремный госпиталь, представлявшій изъ себя адъ въ миніатюрѣ. Тамъ была толпа людей съ испитыми, звѣрскими лицами; они хохотали, кричали, бранились и бросались другъ на друга, какъ собаки или обезьяны.

XXIV.

Юргису приходилось очень тяжело въ виду такой конкурренціи, а между тѣмъ необходимо было доставать денегъ хоть на ночлегъ,—иначе онъ бы замерзнулъ на улицѣ. Тогда только онъ увидѣлъ культурную жизнь общества въ истинномъ свѣтѣ. Онъ убѣдился, что въ мірѣ управляетъ только грубая сила, и для него, какъ для побѣжденнаго, весь окружающій міръ превратился въ тюрьму. Всюду за нимъ слѣдили глаза враговъ: сытый полисменъ норовилъ накрыть его на преступленіи и забрать; въ кабакѣ хозяинъ выпроваживалъ его злыми взглядами, если онъ сидѣлъ слишкомъ долго, ничего не заказывая; на улицахъ его мучили холодные взгляды прохожихъ, равнодушныхъ къ его просьбамъ о подаяніи. У всѣхъ были свои дѣла, и никому не было дѣла до него. Все было на замкѣ, за желѣзными засовами—и сходство съ тюрьмой было полное.

Однажды Юргисъ пережилъ необычайное приключеніе—единственное въ его жизни. Было уже поздно, и онъ еще не собралъ на уплату за ночлегъ. Шелъ снѣгъ, и онъ промерзъ до костей. Онъ пробирался среди публики, выходившей изъ театра, и долженъ былъ ловко маневрировать, пользуясь минутами, когда не видать было полицейскихъ. Вдругъ онъ завидѣлъ полисмена и быстро свернулъ за уголъ. Увидавъ прохожаго, Юргисъ преградилъ ему дорогу.

— Дайте на ночлегъ, сэръ!—началъ онъ привычную канитель.—У меня сломана рука, я не могу работать, и въ карманѣ—ни цента. Я—честный рабочій и никогда не просилъ подаянія до сихъ поръ. Не моя вина, сэръ, что я оказался въ такомъ положеніи.

Юргиса обыкновенно обрывали на полусловѣ, но, къ его удивленію, прохожій на этотъ разъ остановился и сталъ его слушать, не прерывая. Юргисъ только замѣтилъ, что онъ нетвердо стоитъ на ногахъ.

— Это вы про что говорите?—спросилъ прохожій слегка заплетающимся голосомъ.

Юргисъ сталъ опять повторять свое, говоря болѣе отчетливо и медленно, но онъ не дошелъ и до половины, какъ его слушатель положилъ ему руку на плечо.

— Ахъ ты бѣдняга, бѣдняга!—сказалъ онъ.—Плохо тебѣ, видно, пришлось! Да и мнѣ, знаешь, того, не хорошо. Тяжело жить на свѣтѣ!

Онъ неожиданно обнялъ Юргиса за шею и подошелъ съ нимъ ближе къ фонарю. Юргисъ увидѣлъ, что онъ—юноша лѣтъ восемнадцати, съ красивымъ дѣтскимъ лицомъ. На немъ было роскошное пальто съ мѣховымъ воротникомъ и цилиндръ.

— Плохо мнѣ, дружище! — повторилъ онъ. — Родители у меня—тираны. А съ тобой что̀ случилось?

— Я лежалъ въ больницѣ.

— Въ больницѣ — вотъ оно что̀! — воскликнулъ юноша съ блаженной улыбкой.—Это—какъ тетя Полли. У нея была двойня. Ну, а съ тобой что̀ было?

— Я руку сломалъ.

— Вотъ какъ! Ну, пройдетъ, пройдетъ. Хоть бы мнѣ руку сломать—можетъ быть, они стали бы лучше со мной обращаться. А отъ меня тебѣ что̀ нужно?

— Я голоденъ, сэръ,—сказалъ Юргисъ.

— Голоденъ? Чего жъ ты не идешь ужинать?

— Денегъ нѣтъ.

— Денегъ нѣтъ? Руку, товарищъ! Какъ и у меня. Ты бы домой пошелъ, какъ я.

— У меня нѣтъ дома.

— Вотъ какъ—ты пріѣзжій. Знаешь что̀: пойдемъ ужинать ко мнѣ. У насъ домъ пустой—никого нѣтъ. Старикъ—заграницей, Бубби путешествуетъ—медовый мѣсяцъ. Прямо можно запить съ тоски. Одинъ старый Гэмъ торчитъ въ столовой и прислуживаетъ къ столу,—чортъ бы его побралъ! И меня заставляютъ каждый день приходить ночевать домой—старикъ отдалъ приказъ. Вся прислуга слѣдитъ, чтобы я не утромъ возвращался, а вечеромъ. Вѣдь подумай только! Уѣхалъ въ Европу, а меня здѣсь не оставляетъ въ покоѣ. Вотъ, возвращайся каждую ночь домой—да и только! Приходится оставлять Китти. Она не отпускаетъ, а я, какъ дуракъ, долженъ все-таки уйти. Она вѣдь—такая штучка, скажу я тебѣ... Не отпускаетъ, говоритъ, что я пьянъ. А я ей на это: „Не пьянѣе тебя, кошечка!“ Хотѣла звать кэбъ. А я говорю: „самъ найду!“ Ну, вотъ, и пошелъ. А теперь идемъ ко мнѣ. Мы весь домъ освѣтимъ и такое учинимъ—вотъ увидишь. Дома я воленъ дѣлать, что̀ хочу.

У Юргиса кружилась голова, и онъ пересталъ понимать, что съ нимъ дѣлается, когда неожиданный новый знакомый потащилъ его съ собой. На вопросъ Юргиса, далеко ли имъ идти, онъ сказалъ, что нѣтъ, но рѣшилъ, что все-таки лучше поѣхать, и попросилъ Юргиса позвать кэбъ.

— Ты только позови, я заплачу самъ,—сказалъ онъ и вынулъ изъ кармана толстую пачку банковыхъ билетовъ.

Юргисъ, никогда не видавшій въ жизни столько денегъ, вытаращилъ глаза.

— Это только кажется, что много,—сказалъ его спутникъ, комкая билеты.—Это все мелочь, а до перваго мнѣ не дадутъ ни цента больше — такъ онъ приказалъ. Я ему сегодня каблограмму послалъ: „Умираю съ голода. Спасите честь семьи, пришлите корку хлѣба. А то съ голода поѣду вслѣдъ за вами.— Фредди“... И правда вѣдь,—я изъ школы убѣгу, если не пришлетъ.

Юноша продолжалъ неумолчно болтать, а Юргисъ дрожалъ отъ волненія. Онъ бы могъ безнаказанно завладѣть всей этой огромной суммой, но онъ не былъ воромъ по природѣ и легко побѣдилъ искушеніе. „Фредди“ отдѣлилъ одинъ билетъ — они стояли передъ окномъ кабака, и Юргисъ увидѣлъ, что билетъ этотъ въ сто долларовъ—и передалъ Юргису, прося заплатить за кэбъ и оставить у себя сдачу.

— Я вѣдь дѣлъ не понимаю, такъ и старикъ говоритъ, — сказалъ онъ.—Потому-то онъ и поручилъ тетѣ Полли смотрѣть за мной, а она въ госпиталѣ, и у нея близнецы... Эй, кэбъ!

Кэбъ остановился, и Юргисъ съ трудомъ усадилъ въ него мастера Фредди; возница сначала было не пустилъ Юргиса сѣсть рядомъ съ юношей, но Фредди окрикнулъ его, и онъ угомонился. Фредди назвалъ нумеръ дома по набережной; они ѣхали съ полчаса, и кэбъ, наконецъ, остановился. Юргисъ разбудилъ своего новаго пріятеля. Мастеръ Фредди сталъ жаловаться на холодъ и, выйдя изъ кэба, пригласилъ Юргиса слѣдовать за нимъ.

Они очутились передъ гранитнымъ домомъ колоссальныхъ размѣровъ, съ башнями и выступами. Юргисъ думалъ, что произошла ошибка, не вѣря, чтобы частные люди жили въ такихъ дворцахъ. Но ошибки не было. Мастеръ Фредди ощупалъ звонокъ съ помощью Юргиса и позвонилъ. Черезъ секунду дверь открылась и появился слуга въ синей ливреѣ. Онъ остановился какъ вкопанный. Спутникъ Юргиса увлекъ его за собой, и Юргисъ очутился въ какомъ-то непонятномъ полутемномъ помѣщеніи. Въ глубинѣ были колонны, поднималась широкая лѣстница,

полъ былъ изъ цвѣтного мрамора, на стѣнахъ висѣли яркія ткани и все утопало въ багровой полумглѣ. Человѣкъ въ ливреѣ, молча, приблизился къ нимъ. Мастеръ Фредди передалъ ему шляпу и съ трудомъ снялъ, при его помощи, пальто. Тѣмъ временемъ явился другой человѣкъ въ ливреѣ, торжественный какъ палачъ, подошелъ къ Юргису и, схвативъ его за руку, направился съ нимъ къ входнымъ дверямъ, но вдругъ раздался голосъ Фредди:

— Гамильтонъ, мой другъ остается ужинать со мной.

— Мастеръ Фредди!—воскликнулъ человѣкъ въ ливреѣ.

— Заплатите за кэбъ!—раздался въ отвѣтъ голосъ Фредди.

Юргисъ хотѣлъ-было сказать: „деньги у меня", но удержался. Толстый человѣкъ въ ливреѣ сдѣлалъ знакъ другому, который вышелъ на крыльцо, а самъ онъ послѣдовалъ за молодымъ господиномъ и Юргисомъ.

— Гамильтонъ,—скомандовалъ мастеръ Фредди,—откройте двери въ столовую и освѣтите!

Лакей нажалъ кнопку, и потокъ яркаго электрическаго свѣта, струившагося сверху, ослѣпилъ Юргиса. На стѣнахъ висѣли огромныя картины, изображавшія танцы нимфъ и дріадъ, охоту Діаны съ собаками, дѣвушекъ, купающихся въ лѣсномъ ручьѣ. Юргису казалось, что все это—живое, что онъ очутился въ какомъ-то волшебномъ дворцѣ. Посрединѣ стоялъ большой столъ, черный, съ серебряными и золотыми инкрустаціями, а на немъ—огромная ваза; въ ней сверкали искусственные папоротники и орхидеи, въ которыхъ спрятаны были электрическія лампочки.

— Это—столовая,—объяснилъ Фредди съ блаженной улыбкой.—Не дурно вѣдь, ты какъ полагаешь, пріятель?—Онъ подождалъ-было отвѣта Юргиса, но, не дождавшись, спросилъ:—Да ты, можетъ, никогда такого дома не видалъ? Можетъ, ты изъ провинціи и въ большихъ городахъ не бывалъ?

— Да,—проговорилъ Юргисъ.

— Тогда—другое дѣло. Провинціалы ничего такого, конечно, не видывали. Мой старикъ позволяетъ пріѣзжимъ приходить осматривать домъ даромъ. Они приходятъ какъ въ циркъ, смотрятъ, смотрятъ, потомъ дома разсказываютъ. Знай, молъ, какъ живетъ Джонсъ,—старикъ Джонсъ, фабрикантъ мясныхъ консервовъ. Вѣдь онъ разбогатѣлъ на торговлѣ свининой, чортъ его побери! Правда вѣдь, стоитъ посмотрѣть домишко. Ты что скажешь? Слыхалъ ты про фабриканта Джонса, члена мясного трёста?

Юргисъ невольно вздрогнулъ, и его собесѣдникъ, зорко слѣдившій за нимъ, замѣтилъ это.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.—Ты слыхалъ о немъ?

— Я работалъ у него на скотныхъ дворахъ.

— Да неужели?—крикнулъ мастеръ Фредди.—Ты работалъ на скотныхъ дворахъ? Вотъ такъ славно! Руку, пріятель! Мой старикъ былъ бы радъ тебѣ. Онъ въ дружбѣ съ рабочими—капиталъ и трудъ, общность интересовъ и все такое прочее... Гамильтонъ, представляю вамъ: другъ дома, старый другъ моего старика, работаетъ на скотныхъ дворахъ. Пришелъ провести со мной вечеръ, выпить вмѣстѣ. Мой другъ, м-ръ... Какъ тебя звать, дружище?

— Рудкусъ,—Юргисъ Рудкусъ.

— Мой другъ Рудкусъ!—Гамильтонъ, пожмите ему руку!

Величественный мэтръ д'отель кивнулъ головой, не двигаясь и не издавая ни звука, и мастеръ Фредди со смѣхомъ воскликнулъ, указывая на него пальцемъ:

— А я знаю, что̀ у васъ на умѣ теперь, Гамильтонъ,—пари держу, что знаю. Вы думаете, что я подвыпивши? Что̀, угадалъ?

— Да, сэръ, — отвѣтилъ Гамильтонъ съ поклономъ, и мастеръ Фредди расхохотался.

— Какая дерзость! — кричалъ онъ съ хохотомъ.— Сказать, что я пьянъ!

Потомъ, взявъ подъ-руку своего пріятеля, онъ вдругъ спросилъ:

— Хочешь осмотрѣть домъ? Я тебѣ покажу — поведу по всѣмъ комнатамъ, какъ мой старикъ, когда онъ показываетъ гостямъ. Покажу парадныя залы—Луисъ Кенсъ—Луисъ Сэсъ—кресла по три тысячи долларовъ штука. Салонъ для чая—Мари-Антнетъ; картина: танцующіе пастухи, Рюисдаль — двадцать-три тысячи. Бальная зала—колонны для хоръ привезены на спеціально построенномъ для этого пароходѣ — шестьдесятъ-восемь тысячъ. Потолокъ расписанъ въ Римѣ — какъ звать художника, Гамильтонъ?—Мататони? Макарони?—Потомъ вотъ эта столовая.—Серебряная ваза—Бенвенуто Челлини. И органъ—тридцать тысячъ долларовъ, сэръ.—Заведите его, сэръ Гамильтонъ, пусть м-ръ Реднозъ послушаетъ. Да что̀ я—совсѣмъ забылъ! Онъ сказалъ, что ѣсть хочетъ, Гамильтонъ. Дай намъ поужинать. Только не здѣсь, пойдемъ лучше ко мнѣ; тамъ уютнѣе. Идемъ, — только не поскользнись. Гамильтонъ, пришлите холодный ужинъ и вина.—Пришлите мадеры тридцать-восьмого года.

— Слушаюсь, сэръ, — отвѣтилъ мэтръ д'отель. — Но отецъ вашъ оставилъ распоряженія...

Мастеръ Фредди выпрямился.

— Отецъ оставилъ распоряженія мнѣ, а не вамъ!—сказалъ онъ и, взявъ Юргиса подъ-руку, нетвердо вышелъ изъ столовой.

По дорогѣ онъ еще остановился, спросилъ, послана ли каблограмма отцу, не возмутился, узнавъ, что не послана, и освѣдомился еще о здоровьи близнецовъ тети Полли. Потомъ они поднялись вдвоемъ по монументальной лѣстницѣ, наверху которой стояла статуя нимфы у фонтана, освѣщенная такъ, что тѣло казалось теплымъ и розовымъ. Наверху они вступили въ огромный дворъ подъ сводами, куда выходилъ цѣлый рядъ помѣщеній. Гамильтонъ отдалъ приказанія и послѣдовалъ за ними. Онъ нажалъ кнопку, и все озарилось ослѣпительнымъ свѣтомъ. Потомъ онъ раскрылъ одну изъ дверей, и они вошли въ огромный кабинетъ. Посрединѣ стоялъ столъ, покрытый книгами и принадлежностями для куренія; стѣны были увѣшаны спортсменскими принадлежностями, призами, полученными при состязаніяхъ въ теннисъ, гольфъ, охотничьими трофеями, головами буйволовъ и оленей. На полу лежали медвѣжьи и тигровыя шкуры, всюду стояло множество креселъ и дивановъ съ кучами подушекъ. Одинъ уголъ былъ убранъ въ персидскомъ вкусѣ, съ диваномъ и лампой, сверкающей разноцвѣтными камнями. Изъ кабинета открывалась дверь въ спальню, а за спальней виднѣлся мраморный бассейнъ, стоившій, по словамъ Фредди, около сорока тысячъ долларовъ. Когда вошелъ мастеръ Фредди, изъ сосѣдней комнаты выскочилъ огромный бульдогъ и кинулся къ нему, радостно виляя хвостомъ. На Юргиса онъ сразу огрызнулся и сталъ рычать. Но хозяинъ успокоилъ собаку.

— Смирно, Дьюи! — сказалъ онъ.—Это мой пріятель Реднозъ,—старый другъ моего старика, — позвольте васъ познакомить. Мой другъ м-ръ Реднозъ, адмиралъ Дьюи. Ну, что, хорошъ песъ? Больше восьми тысячъ долларовъ стоилъ.

Фредди опустился въ кресло, и адмиралъ Дьюи легъ у его ногъ. Онъ уже не рычалъ, но не сводилъ глазъ съ Юргиса. Адмиралъ былъ совершенно трезвъ и не довѣрялъ незнакомцу. Гамильтонъ закрылъ дверь и сталъ у нея, наблюдая за Юргисомъ. Явился вскорѣ человѣкъ въ ливреѣ съ складнымъ столикомъ. За нимъ послѣдовали два лакея съ закрытыми блюдами въ рукахъ. Они накрыли столъ и уставили его холодными блюдами: тамъ были нѣсколько паштетовъ, ломтики холоднаго мяса, сандвичи, свѣжіе персики со сливками (въ январѣ), пирожныя съ блѣдно-голубой и розовой глазурью и полъ-дюжины бутылокъ во льду.

— Ну, садись ѣсть, дружище!—сказалъ Фредди, садясь самъ за столъ. Лакей налилъ вина, и Фредди выпилъ одинъ за другимъ три стакана и опять позвалъ Юргиса, который все еще

не рѣшался сѣсть за столъ. Гамильтонъ пробовалъ было протестовать, но это ни къ чему не привело. Фредди велѣлъ ему уйти и оставить ихъ вдвоемъ. Гамильтону пришлось повиноваться, и онъ вышелъ. Но Юргисъ замѣтилъ, что онъ вынулъ предварительно ключъ изъ двери, чтобы можно было смотрѣть черезъ замочную скважину.

— Ну, ѣшь же!—сказалъ Фреди, усаживая Юргиса за столъ.— Мнѣ самому ѣсть не хочется,—я только пить буду, а ты ѣшь, не стѣсняйся.

Юргисъ послѣдовалъ приглашенію и налегъ на ѣду. Вооружившись вилкой и ножомъ, онъ набивалъ себѣ ѣду въ ротъ точно двумя лопатами. Голодъ у него былъ волчій, и онъ ѣлъ до тѣхъ поръ, пока не очистилъ все, что̀ было на столѣ. Фредди смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ и передалъ ему бутылку.

— Теперь пей!—сказалъ онъ.

Юргисъ сталъ пить прямо изъ бутылки, и почувствовалъ, что въ него вливается волшебный напитокъ, наполняющій его блаженствомъ. Онъ выпилъ все до конца, и потомъ только выговорилъ:—А-а-а!

— Недурное вѣдь винцо, что̀?—сказалъ Фредди и откинулся въ креслѣ, глядя на Юргиса добрыми глазами. Теперь и Юргисъ внимательно оглядѣлъ его. Онъ былъ очень красивъ; у него были золотистые кудрявые волосы и голова Антиноя. Беззаботно и ласково улыбаясь, онъ разсказалъ Юргису исторію всей своей семьи. Братъ Чарли влюбился въ опереточную пѣвицу—высокодобродѣтельную дѣвушку, и чуть не женился на ней; но отецъ пригрозилъ лишить наслѣдства и, кромѣ того, подарилъ ему столько денегъ, что даже добродѣтель артистки не устояла,—и они теперь уѣхали въ свадебное путешествіе безъ вѣнца. Сестра его Гвендолина тоже разсердила отца, выйдя замужъ за итальянскаго маркиза и уѣхавъ въ его замокъ. Но онъ сталъ швырять въ нее тарелки за завтракомъ, узнавъ, что отецъ не хочетъ давать ей денегъ, и она телеграфировала отцу. Тотъ поѣхалъ ублажать маркиза. Такъ они всѣ уѣхали теперь и оставили Фредди одного, давъ ему всего двѣ тысячи долларовъ на карманные расходы. Но онъ не сдастся. Если ему не пришлютъ денегъ, онъ будетъ телеграфировать, что женится на Китти,—тогда отецъ запоетъ другое.

Фредди продолжалъ болтать, пока не утомился. Глаза у него стали слипаться; онъ отъ времени до времени еще пытался открывать ихъ, но черезъ нѣсколько времени окончательно за-

крылъ и крѣпко заснулъ. Нѣсколько минутъ Юргисъ сидѣлъ неподвижно, наслаждаясь дѣйствіемъ шампанскаго. Потомъ вдругъ дверь тихо раскрылась, вошелъ на цыпочкахъ мэтръ д'отель и указалъ ему на дверь.

— Вонъ!—проговорилъ онъ.

Юргисъ продолжалъ, однако, сидѣть. Тогда Гамильтонъ взглянулъ на громко храпѣвшаго Фредди и сказалъ уже громче:

— Убирайся сейчасъ же,—не то я расшибу тебѣ голову!— Такъ какъ къ его словамъ присоединилось рычаніе пса, то Юргисъ пересталъ сопротивляться и направился къ двери. Они сошли вмѣстѣ внизъ, но прежде, чѣмъ выпустить Юргиса на улицу, Гамильтонъ потребовалъ, чтобы онъ поднялъ руки и далъ себя обыскать, грозя призвать въ противномъ случаѣ полицію. Но Юргисъ энергично запротестовалъ, говоря, что ни до чего не коснулся въ ихъ проклятомъ домѣ. Гамильтонъ испугался, что онъ станетъ кричать и разбудитъ Фредди, и не настаивалъ. Онъ быстро выпроводилъ, Юргиса, такъ сильно толкнувъ его ногой въ спину при этомъ, что Юргисъ повалился въ снѣгъ.

XXV.

Юргисъ поднялся взбѣшенный и, почувствовавъ прежде всего острый холодъ, пустился бѣжать. Но, добѣжавъ до оживленныхъ улицъ, онъ замедлилъ шаги, чтобы не возбуждать вниманія прохожихъ. Онъ забылъ про нанесенную ему Гамильтономъ обиду, помня только то, что у него сто долларовъ, и ощупывая въ карманѣ банковый билетъ. Но положеніе его оставалось по прежнему бѣдственнымъ, такъ какъ кромѣ этого билета у него не было ни одного цента, и ему не на что было пойти въ ночлежный домъ. Размѣнять сто долларовъ въ ночлежкѣ было опасно: его бы ограбили и даже могли бы убить. Въ отель тоже нельзя было идти въ нищенскомъ платьѣ: подумаютъ, что онъ укралъ сто долларовъ. Объяснить происхожденіе денегъ онъ не могъ. А Фредди навѣрное замѣтитъ, проснувшись, что у него недостаетъ билета въ сто долларовъ; будутъ искать и его накроютъ. Оставалось одно — размѣнять деньги въ кабакѣ. Юргисъ сталъ искать подходящій кабакъ. Всюду было слишкомъ полно, и онъ не рѣшался войти. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ, что посѣтителей нѣтъ, а хозяинъ стоитъ одинъ у стойки. Юргисъ собрался съ духомъ, зашелъ и, подойдя къ кабатчику, спросилъ:

— Не размѣняете ли вы мнѣ сто долларовъ?

Кабатчикъ, плотный рослый человѣкъ, силачъ съ виду, съ щетинистымъ, давно небритымъ лицомъ, изумленно взглянулъ на Юргиса. Юргисъ еще разъ повторилъ свой вопросъ.

— Откуда эти сто долларовъ?—спросилъ кабатчикъ.

— Это все равно,—возразилъ Юргисъ. — У меня есть билетъ въ сто долларовъ, и нужно размѣнять его. Вы можете?

— Я долженъ посмотрѣть, не фальшивый ли онъ? Я такъ ничего не могу сказать.

Юргисъ не сразу рѣшился выпустить изъ рукъ драгоцѣнную бумажку, но въ концѣ концовъ все-таки передалъ ее кабатчику. Тотъ сталъ внимательно разглядывать ее. Бумажка была новая, и это возбуждало подозрѣніе кабатчика.

— Гмъ,—сказалъ онъ и опять зорко поглядѣлъ на бродягу въ лохмотьяхъ.—Откуда у него сто долларовъ?

— Налить чего-нибудь?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Юргисъ.—Дайте стаканъ пива.

— Хорошо, — сказалъ кабатчикъ.— Я размѣняю деньги.— Онъ положилъ билетъ въ карманъ, налилъ Юргису стаканъ пива и поставилъ на стойку. Потомъ онъ наклонился надъ кассой и сталъ медленно собирать мелочь. Набравъ около доллара, онъ отсчиталъ плату за пиво и пододвинулъ сдачу Юргису. Тотъ сначала ждалъ дальнѣйшихъ денегъ, потомъ крикнулъ:

— Гдѣ же остальное? Гдѣ девяносто-девять долларовъ? Сдача со ста?

— Пошелъ!—сердито сказалъ кабатчикъ.—Вонъ отсюда!

Юргисъ взглянулъ на него дикими глазами. На минуту онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса; потомъ, охваченный стихійнымъ бѣшенствомъ, онъ громко вскрикнулъ и, схвативъ кружку пива, пустилъ ее въ голову хозяину, который едва успѣлъ уклониться отъ удара. Но Юргисъ уже снова бросился на него сначала съ бутылкой, попавшейся ему въ руки, потомъ голыми руками. Но силачу хозяину удалось повалить на земь ослабѣвшаго Юргиса, и онъ позвалъ на помощь. Изъ-за перегородки выскочили два человѣка, спрятанные на случай дракъ въ кабакѣ. Всѣ трое кинулись на Юргиса; черезъ минуту явился также полицейскій съ улицы и сталъ такъ колотить палкой обезсиленнаго Юргиса, что тотъ окончательно свалился на земь, какъ бревно. Потомъ полицейскій спросилъ хозяина о томъ, что собственно случилось. Хозяинъ сказалъ, что Юргисъ чуть не расшибъ ему голову бутылкой, что онъ навѣрное пьянъ, и посовѣтовалъ вызвать полицейскую каретку, чтобы отвезти его въ полицію. Но полицейскій отвѣтилъ, что его отлично можно будетъ отвести пѣшкомъ, тѣмъ

болѣе, что до участка очень недалеко. Хозяинъ пошелъ за водой, чтобы оживить лежавшаго на полу Юргиса, по дорогѣ спряталъ доставшійся ему банковый билетъ въ кассу и вернулся съ водой. Юргисъ слабо стоналъ. Его подняли и вытащили на улицу, а потомъ свели въ участокъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ въ тюремной камерѣ и провелъ ночь въ полузабытьи, страдая отъ жажды и головной боли. Никто не шелъ на его зовъ. Въ участкѣ было и помимо него много другихъ съ расшибленными головами, и они также терзались въ жару; такихъ людей сотни и тысячи на землѣ, и никто ихъ не слышитъ, никто не приходитъ имъ на помощь.

Утромъ Юргису дали воду и кусокъ хлѣба, а потомъ повезли въ ближайшую камеру мирового судьи. Тамъ его держали взаперти, пока не дошла очередь до разбирательства его дѣла. Его ввели тогда въ залу и вызвали кабатчика для показаній въ качествѣ свидѣтеля. Онъ принялъ присягу и разсказалъ, какъ было дѣло: обвиняемый, по его словамъ, пришелъ въ его заведеніе совершенно пьяный, потребовалъ кружку пива и далъ долларъ. А когда онъ, хозяинъ, далъ ему сдачу, обвиняемый сталъ требовать сдачи не съ одного, а со ста долларовъ, запустилъ въ него бутылкой и буйствовалъ такъ, что чуть не переколотилъ всего въ заведеніи. Послѣ свидѣтеля привели къ присягѣ и обвиняемаго, жалкаго нищаго съ забинтованной въ грязныя тряпки рукой, съ расшибленной головой. На вопросъ судьи, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе, Юргисъ сказалъ, что далъ сто долларовъ, а получилъ сдачу съ одного. Но судья поглядѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Откуда у васъ взялся билетъ въ сто долларовъ?—спросилъ онъ.

— Я получилъ его, господинъ судья, отъ одного молодого человѣка на улицѣ, у котораго просилъ милостыни.

Все присутствіе стало хихикать. Юргисъ возмутился.

— Я говорю правду, господинъ судья,—возбужденно крикнулъ онъ. Но судья его остановилъ.

— Вы вчера вечеромъ не только просили милостыню, но, вѣроятно, и подвыпили, не правда ли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, господинъ судья,—возразилъ Юргисъ.

— Совсѣмъ ничего не пили?

— Нѣтъ, кое-что пилъ,—выпилъ бутылку какого-то страннаго вина,—оно, какъ огонь, всего согрѣло.

Опять въ публикѣ раздался смѣхъ. Судья поднялъ глаза на Юргиса и насупился.—Вы судились раньше?—отрывисто спросилъ онъ.

Юргисъ замялся; но когда судья повторилъ вопросъ, онъ сознался, что работалъ на скотныхъ дворахъ и былъ присужденъ къ тюремному заключенію за то, что поколотилъ надзирателя.

— Ну да, понимаю,—сказалъ судья, не давъ ему закончить разсказа.—Перестаньте пить, тогда вы будете больше въ силахъ сдерживать себя. Десять дней и издержки. Слѣдующее дѣло!

Юргисъ крикнулъ отъ бѣшенства, когда полицейскій оттащилъ его за воротъ. Сидя въ сосѣдней комнатѣ въ ожиданіи другихъ арестантовъ, уведенныхъ на судъ, онъ плакалъ какъ ребенокъ отъ бѣшенства. Ему казалось чудовищнымъ, что полиція и судьи ни во что не ставятъ его слова, а вѣрятъ только кабатчику. Но онъ не зналъ, что хозяинъ кабака платилъ пять долларовъ въ недѣлю полиціи за всякаго рода снисхожденія, что онъ былъ опорой демократическаго лидера въ своемъ околоткѣ и пріобрѣталъ ему множество голосовъ.

Такъ Юргисъ попалъ вторично въ Брайдуэль, и на второй же день, гуляя по двору, встрѣтилъ своего стараго знакомца, Джэка Дуана, который чуть не обнялъ его на радостяхъ.

— Ба, да это „вонючка"!—воскликнулъ Дуанъ.—Что это съ вами? Видъ у васъ такой, точно васъ изрубили на колбасную начинку. Въ чемъ дѣло?

Юргисъ разсказалъ о своихъ прежнихъ злоключеніяхъ, потомъ разсказалъ всей компаніи свою невѣроятную исторію,—но только Джэкъ, знавшій, что онъ никогда не вретъ, повѣрилъ ему. Другіе сильно усомнились. Потомъ Юргисъ сталъ разспрашивать стараго пріятеля о его судьбѣ, и узналъ, что онъ попалъ теперь въ тюрьму только потому, что не подкупилъ во-время полицію. Юргисъ слушалъ разсказы Дуана и другихъ товарищей по заключенію иначе, чѣмъ въ первый разъ, когда думалъ только о возвращеніи въ семью. Теперь онъ сталъ однимъ изъ ихъ числа и внимательно слушалъ разсказы объ ихъ подвигахъ,—зная, что и ему придется пробиваться въ жизни такими же путями, какъ имъ. Выйдя изъ тюрьмы, онъ прямо направился къ Джэку Дуану за обѣщаннымъ содѣйствіемъ. Онъ не нашелъ его по указанному адресу одной молоденькой француженки, его подруги. Но она сказала ему, гдѣ скрывается Дуанъ,—у нея онъ могъ бы попасться, такъ какъ полиція знала ея адресъ. Юргисъ нашелъ его, послѣ долгихъ поисковъ, у „отца Гансона", содержателя виннаго погребка и укрывателя воровъ и преступниковъ. Дуанъ далъ ему полезные совѣты, т.-е. ввелъ его въ кругъ чикагскихъ преступниковъ. Онъ обрадовался приходу Юргиса, такъ

какъ былъ безъ гроша и надѣялся, что при помощи Юргиса сможетъ поправить свои дѣла. Онъ предупредилъ Юргиса, что въ эту зиму онъ не можетъ разсчитывать на удачи: въ виду больной руки, онъ долженъ будетъ вдвойнѣ остерегаться, но пока полиція его не знаетъ, онъ будетъ въ полной безопасности. Тутъ, у „отца Гансона", онъ сможетъ укрываться сколько угодно, а все, что они награбятъ, можно будетъ сбывать ростовщику, который покупаетъ краденое за треть цѣны. Въ первый же вечеръ, послѣ одиннадцати часовъ, Юргисъ участвовалъ впервые въ ночномъ грабежѣ: Дуанъ отправился вмѣстѣ съ нимъ на одну изъ пустынныхъ улицъ, по близости, затушилъ фонарь и сталъ ждать, лавируя такъ, чтобы не попасться на глаза полиціи. Вскорѣ ему удалось остановить одного прохожаго, и онъ подозвалъ Юргиса, который долженъ былъ держать жертву, пока Дуанъ ловко обшаривалъ карманы. Потомъ они оставили среди улицы полузадушенную жертву и быстро разошлись въ разныя стороны. Вернувшись къ отцу Гансону, они осмотрѣли захваченную добычу и уничтожили всѣ предметы, которые могли бы служить уликой—бумажникъ, кошелекъ и т. д. Послѣ того Дуанъ раздѣлилъ поровну деньги, и на долю Юргиса пришлось пятьдесятъ-пять долларовъ. Онъ сталъ протестовать, говоря, что не имѣетъ права на половину, но Дуанъ настоялъ на ровномъ дѣлежѣ. На слѣдующій день они купили газету, чтобы прочесть отчетъ о своемъ подвигѣ, и чтеніе подробностей привело Юргиса, какъ новичка, въ ужасъ. Оказалось, что у ограбленнаго сдѣлалось сотрясеніе мозга отъ испуга и ударовъ по головѣ, и что кромѣ того его нашли почти замерзшимъ, и ему пришлось отнять три пальца правой руки. Дуанъ смѣялся надъ волненіемъ Юргиса. Въ ихъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ этого,—сказалъ онъ,—такъ что нужно мириться. Онъ увѣрялъ Юргиса, что вскорѣ онъ будетъ такъ же равнодушенъ къ страданіямъ жертвъ, какъ къ страданіямъ быковъ на бойняхъ.

— Все жъ таки онъ намъ не сдѣлалъ никакого зла,—сказалъ Юргисъ.

— Но онъ навѣрное причинилъ кому-нибудь другому столько зла, сколько только могъ, ручаюсь за это,—возразилъ Дуанъ.

Дуанъ объяснилъ Юргису, что ему лучше скрываться; если полиція узнаетъ о его принадлежности къ ихъ шайкѣ, ему придется тратить слишкомъ много денегъ на подкупы. Юргисъ сначала было согласился, но черезъ нѣсколько недѣль, когда рука его стала заживать, онъ сталъ тяготиться затворничествомъ. Дуанъ старался развлечь его, уступилъ ему свою хорошенькую

француженку, но когда и это не помогло, то согласился водить его съ собой въ разные кабаки и притоны, гдѣ собирались крупные артисты ихъ профессіи; вскорѣ Юргисъ познакомился съ преступниками высшаго разряда въ Чикаго. Онъ узналъ, какую роль они играютъ въ городскомъ управленіи. Собственниками города были собственно промышленники, управлявшіе отъ имени народа, и для сохраненія власти они содержали огромную армію приверженцевъ при помощи систематическихъ подкуповъ. Во время выборовъ весной и осенью тратились милліоны долларовъ на спаиваніе и подкупъ народныхъ массъ, т.-е. на покупку голосовъ. Но армію приверженцевъ нужно было содержать круглый годъ. Лидеровъ и организаторовъ заправилы оплачивали прямымъ путемъ: альдерменовъ — подкупами, адвокатовъ—жалованьями, подрядчиковъ—заказами, журналистовъ—объявленіями. Но низшіе слои, помогавшіе заправиламъ выборныхъ организацій, получали награду въ видѣ безпрепятственнаго разрѣшенія эксплуатировать населеніе. На правѣ эксплуатаціи держалась полиція, пожарная команда, водопроводное общество—всѣ они могли безнаказанно мошенничать и грабить населеніе, вступивъ въ союзъ съ властями. Полиція собирала обильную дань съ кабатчиковъ, которымъ разрѣшала за деньги нарушать законъ о воскресномъ отдыхѣ, съ содержательницъ притоновъ разврата, игорныхъ домовъ, воровъ и укрывателей краденаго, съ торговцевъ бѣлыми рабынями. Всѣ эти категоріи преступниковъ составляли тѣсный союзъ; иногда даже полицейскія власти были собственниками притоновъ, на которыхъ они будто бы дѣлали облаву, или же, дѣлая видъ, что преслѣдуютъ грабителей, они на самомъ дѣлѣ дѣлились съ ними добычей. А въ дни выборовъ вся эта армія темныхъ людей становилась грозной силой и могла устроить выборы по своему усмотрѣнію.

Послѣ нищенской голодной жизни Юргисъ вдругъ сталъ жить широко, имѣя всегда сколько угодно денегъ. Его свели съ однимъ ирландцемъ, Букомъ Галораномъ, который, поговоривъ съ нимъ, сейчасъ же предложилъ ему заработокъ; онъ нуждался въ человѣкѣ, вполнѣ похожемъ на рабочаго. Юргисъ принялъ его предложеніе, и въ слѣдующую же субботу „сталъ на работу". Ему поручили отправиться въ контору, гдѣ производилась уплата жалованья городскимъ рабочимъ, сказать, что его имя—Михаилъ О'Флагери, получить конвертъ съ деньгами и передать его Галорану, который ждалъ его въ кабакѣ. А потомъ онъ долженъ былъ продѣлать ту же процедуру еще нѣсколько разъ подъ именемъ Іоанна Шмидта, потомъ Сержа Реминицкаго и т. д. За

эту работу онъ получалъ каждый разъ пять долларовъ. Вскорѣ онъ убѣдился въ удобствахъ знакомства съ Галораномъ: онъ попалъ разъ въ участокъ за буйство въ какомъ-то притонѣ, но такъ какъ ему не захотѣлось провести ночь среди бродягъ, то онъ послалъ за Галораномъ, который тотчасъ же по телефону потребовалъ его освобожденія. Его потомъ приговорили къ штрафу въ десять долларовъ, но уплаты ихъ не потребовали.

Денегъ у него было теперь много, но онъ пилъ и безчинствовалъ меньше, чѣмъ прежде; онъ хотѣлъ извлечь выгоды изъ своего положенія и прочно устроиться,—а для этого нужно было сохранять ясность мыслей. Онъ даже удерживалъ отъ кутежей и своего пріятеля Дуана. Вскорѣ его связи стали расширяться, и онъ пріобрѣлъ много полезныхъ знакомствъ. Однажды онъ съ Дуаномъ высмотрѣлъ въ одномъ изъ кабаковъ покупщика товаровъ для провинціальнаго склада; они пошли за нимъ, когда онъ вышелъ изъ кабака сильно выпивши, и въ темномъ мѣстѣ ограбили его. Потомъ они сейчасъ же вернулись въ кабакъ—хозяинъ былъ предупрежденъ,—пробрались черезъ черный ходъ въ ближайшій притонъ, а тамъ черезъ крышу въ другой, въ третій и совершенно замели слѣды. Это былъ обычный пріемъ, которымъ часто пользовались, чтобы скрыть какую-нибудь дѣвушку, завлеченную въ притонъ обманомъ, когда ее разыскивала семья. Иногда родныхъ приходилось пустить въ домъ, гдѣ находилась дѣвушка,—но ее сплавляли по крышамъ куда-нибудь въ другое мѣсто. За свое содѣйствіе кабатчикъ получилъ отъ Дуана и Юргиса двадцать долларовъ изъ ста-тридцати, взятыхъ ими у ограбленнаго, но онъ въ свою очередь познакомилъ Юргиса съ нѣкоимъ Гольдбергеромъ, агентомъ игорнаго дома. Тотъ попросилъ Юргиса расшибить голову одному пріѣзжему шуллеру, съ которымъ онъ поссорился изъ-за женщины. Юргисъ готовъ былъ размозжить головы всѣмъ чикагскимъ шуллерамъ, но спросилъ, чѣмъ онъ при этомъ рискуетъ. Гольдбергеръ сказалъ, что при его связяхъ можно все дѣлать совершенно безнаказанно. Тутъ же онъ сообщилъ по секрету о своемъ участіи въ „скаковомъ трёстѣ“, и Юргисъ узналъ, что таковой существуетъ, что онъ держится подкупами въ колоссальныхъ размѣрахъ. Скачки перестали быть спортомъ, по словамъ Гольдбергера, и сдѣлались крупнымъ коммерческимъ предпріятіемъ, организація котораго стоитъ милліоны. Трёстъ устраивалъ скачки, и результаты ихъ зависѣли всецѣло отъ него; онъ устраивалъ побѣду или пораженіе всякой лошади, подкупая жокеевъ и пользуясь множествомъ другихъ профессіональныхъ уловокъ. Устраивались колоссальныя аферы,—причемъ

иногда собственники играли противъ своихъ же лошадей. За деньги продавались заранѣе программы достовѣрныхъ результатовъ;—Гольдбергеръ предложилъ Юргису участвовать въ такой предварительной игрѣ, и дѣйствительно выигрышъ оказался совершенно вѣрнымъ въ виду того, что Гольдбергеръ былъ членомъ скакового синдиката. Юргисъ и Дуанъ готовы были изъ благодарности, за выигрышъ и за драгоцѣнныя справки, убить врага Гольдбергера,—но тотъ своевременно скрылся.

Въ общемъ дѣла Юргиса шли недурно. Тѣмъ временемъ наступили выборы, и Юргисъ уже зналъ, какъ воспользоваться ими. Такъ какъ Галоранъ былъ „демократъ", то и Юргисъ примкнулъ къ его партіи, не выказывая, впрочемъ, чрезмѣрнаго партійнаго рвенія: онъ дружилъ и съ республиканцами, побѣда которыхъ предвидѣлась на слѣдующихъ выборахъ, тѣмъ болѣе, что республиканцы платили въ предшествующую кампанію по четыре доллара за голосъ, а демократы—три. Оказалось, что можно одновременно агитировать для обѣихъ партій: Юргису разсказалъ товарищъ, какъ на прошлыхъ выборахъ Галоранъ скупалъ голоса цѣлой партіи итальянскихъ рабочихъ вмѣстѣ съ агентомъ республиканцевъ. По общему соглашенію, итальянцевъ раздѣлили на двѣ половины, платя каждому по кружкѣ пива за голосъ, а Галоранъ и его политическій соперникъ подѣлили между собой агитаціонныя суммы.

Вскорѣ послѣ этого Юргисъ рѣшилъ перемѣнить профессію и заняться политикой. Грабежъ и разбой были дѣломъ труднымъ и все-таки недостаточно выгоднымъ. Дуану, къ тому же, пришлось удрать,—слишкомъ ужъ скандаленъ былъ его открытый побѣгъ изъ тюрьмы послѣ того, какъ его поймали на взламываніи кассы. Газеты подняли шумъ, обвиняя полицію въ нагломъ взяточничествѣ, и Дуанъ предпочелъ скрыться. А Юргисъ какъ разъ познакомился съ Гарперомъ, бывшимъ ночнымъ полицейскимъ у Броуна, который доставилъ ему право гражданства въ Америкѣ въ первый годъ его пріѣзда. Они познакомились на рабочемъ балу, и Гарперъ сказалъ, что онъ поссорился съ полицейскимъ начальствомъ и всей душой льнетъ къ рабочимъ союзамъ. Потомъ оказалось, что эта ссора притворная, и Гарперъ—шпіонъ, получающій опредѣленное жалованье за выслѣживанье того, что дѣлается въ рабочихъ союзахъ. Гарперъ вскорѣ сманилъ Юргиса на подобную же работу. Онъ самъ былъ выборнымъ агентомъ Майка Скелли, представителя демократовъ на скотныхъ дворахъ. Скелли затѣялъ на этотъ разъ очень сложную комбинацію. Онъ поддерживалъ богатаго пиво-

вара, которому хотѣлось стать альдерменомъ, и пользовался огромными деньгами своего очень глупаго довѣрителя для своихъ цѣлей. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ республиканцами, которые по его наущенію выбрали своимъ кандидатомъ ничтожнаго клеврета Скелли; его кандидатуру Скелли и рѣшилъ поддерживать деньгами пивовара, не имѣвшаго въ сущности никакихъ шансовъ. А зато республиканцы обязывались не выставлять кандидата на слѣдующихъ выборахъ, когда самъ Скелли собирался выступить кандидатомъ демократовъ. Республиканцы согласились, но дѣйствовали какъ дураки,—впрочемъ, только дураки и могли оставаться республиканцами тамъ, гдѣ царитъ Скелли. Они не понимали, что нужно дѣйствовать тайкомъ, что демократы не могутъ открыто поддерживать республиканцевъ. Конечно, все это можно было бы въ концѣ концовъ уладить,—да вотъ мѣшаютъ соціалисты. Юргисъ не имѣлъ никакого представленія о соціалистахъ, и помнилъ только, что несчастный Тамошисъ Кушлейка былъ соціалистомъ; Гарперъ объяснилъ ему, что это—враги американскаго государственнаго устройства, и Юргисъ удовлетворился этимъ объясненіемъ. Майкъ Скелли боялся, что демократы, недовольные тѣмъ, что онъ оффиціально поддерживаетъ кандидатуру богатаго капиталиста, перейдутъ къ соціалистамъ, а не къ республиканцамъ, какъ онъ разсчитывалъ, держа уже лидеровъ республиканской партіи въ своихъ рукахъ. Нужно было поэтому имѣть надежныхъ помощниковъ. Юргисъ какъ разъ годился для этого. У него навѣрное много знакомствъ на скотныхъ дворахъ съ прежнихъ временъ, а политическаго прошлаго у него нѣтъ, такъ что онъ отлично можетъ вступить въ рабочій союзъ и агитировать тамъ въ пользу республиканскаго кандидата и противъ пивовара. Скелли съ своей стороны устроитъ на средства пивовара „союзъ молодежи республиканской партіи"; Юргисъ можетъ, при помощи республиканскихъ лидеровъ, устраивать митинги, поить пивомъ членовъ новаго союза молодежи и создать такимъ образомъ республиканское большинство на выборахъ. Юргисъ согласился, но думалъ, что его ни за что не примутъ обратно на скотные дворы. Оказалось однако, что по одному слову агента Скелли онъ сейчасъ же получилъ мѣсто на бойнѣ. Онъ снова сдѣлался рабочимъ, отыскалъ старыхъ пріятелей, вступилъ въ рабочій союзъ и сталъ агитировать за республиканскаго кандидата Дойля, выхваливая его, какъ настоящаго товарища рабочихъ. „Зачѣмъ же подавать голоса за негодяя милліонера и играть въ руку Майку Скелли?—доказывалъ онъ.—Что онъ такое сдѣлалъ для рабочихъ, чтобы

постоянно поддерживать его кандидатовъ?“ На деньги Скелли нанята была потомъ большая зала, и Юргисъ водилъ туда каждый вечеръ съ дюжину новыхъ членовъ „Дойлевскаго республиканскаго союза“. Устроено было открытіе союза съ музыкой, фейерверками, съ угощеніемъ пивомъ, и несчастный кандидатъ долженъ былъ, весь дрожа отъ волненія, три раза повторить заученную наизусть маленькую рѣчь, которую составилъ помощникъ Скелли. Кромѣ того, знаменитый своимъ краснорѣчіемъ сенаторъ Спершенкъ, кандидатъ на президентскій постъ, произнесъ рѣчь о священныхъ правахъ американскихъ гражданъ и о благополучіи американскихъ рабочихъ. Его рѣчь приводилась потомъ цѣликомъ въ газетахъ; въ нихъ сообщалось также изъ достовѣрныхъ источниковъ, что неожиданная популярность Дойля, республиканскаго кандидата въ альдермены, очень тревожитъ м-ра Скелли, предсѣдателя демократическаго городского совѣта.

Еще больше, какъ казалось, непріятенъ былъ предсѣдателю демократическаго совѣта грандіозный факельцугъ членовъ „Дойлевскаго республиканскаго союза“; всѣ члены были въ красныхъ плащахъ—и во время процессіи всѣхъ даромъ угощали пивомъ. Юргисъ работалъ безъ устали и по устройству этой процессіи, и въ дальнѣйшей агитаціи. Рѣчей онъ не произносилъ,—это было дѣломъ другихъ интеллигентныхъ дѣятелей партіи,—но устраивалъ собранія, собиралъ на нихъ толпы людей, поилъ пивомъ, устраивалъ фейерверки. Вначалѣ онъ обращался съ чужими деньгами съ полной добросовѣстностью, ничего не оставляя себѣ и довольствуясь условленной платой за свой трудъ. Но онъ вскорѣ замѣтилъ, что за это на него косятся со всѣхъ сторонъ, такъ какъ его честность мѣшала другимъ представлять преувеличенные счета. Не желая возстановлять другихъ противъ себя, онъ измѣнилъ тактику и даже вознаградилъ себя за пропущенное время. Въ день выборовъ онъ заслужилъ полное одобреніе Скелли. Въ его распоряженіи былъ большой шарабанъ, въ которомъ онъ ѣздилъ изъ дому въ домъ, собирая избирателей; затѣмъ онъ самъ подавалъ голосъ разъ двѣнадцать, и всѣ его друзья тоже слѣдовали его примѣру.

Онъ собралъ также цѣлыя толпы иностранцевъ—литовцевъ, поляковъ, словаковъ, — которые подавали голоса по его указаніямъ во всѣхъ избирательныхъ участкахъ. Онъ, не жалѣя, раздавалъ при этомъ деньги, оставляя и у себя въ карманѣ добрую четверть того, что̀ ему давали организаторы. Зато Дойль былъ избранъ большинствомъ болѣе чѣмъ въ тысячу голосовъ. Послѣ выборовъ Юргисъ, всѣ его пріятели и почти все рабочее насе-

леніе скотныхъ дворовъ закутили на всю ночь, празднуя побѣду народнаго большинства и пораженіе наглой плутократіи.

XXVI.

Послѣ выборовъ Юргисъ продолжалъ работать на скотныхъ дворахъ: агитація противъ союза полиціи съ грабителями была въ полномъ разгарѣ, и лучше было на время держаться въ сторонѣ. У Юргиса было уже триста долларовъ въ банкѣ, и онъ бы могъ даже устроить себѣ каникулы, но работа у него была легкая, и онъ предпочиталъ не отказываться отъ нея. Кромѣ того, и Майкъ Скелли совѣтовалъ ему остаться, говоря, что скоро можетъ подвернуться новый заработокъ. Юргисъ разспрашивалъ знакомыхъ про свою семью, узналъ, что Ельзбета съ семьей уѣхали въ городъ, и пересталъ думать о нихъ. Онъ проводилъ свободное время въ холостой компаніи. Онъ уже давно сбросилъ ужасное платье, пропитанное фосфатами, а начавъ заниматься политикой, сталъ носить полотняный воротничокъ и грязный красный галстукъ. Онъ часто ѣздилъ съ товарищами въ городъ, ходилъ въ дешевые театры и кафе-шантаны или проводилъ вечера въ кабакахъ, играя въ карты и кости. По субботамъ онъ, какъ и другіе, посѣщалъ рабочіе балы, куда каждый являлся съ дамой, гдѣ всѣ напивались и танцовали до одуренія.

Вскорѣ Юргисъ понялъ, на какой новый заработокъ намекалъ ему Скелли. Въ маѣ кончался срокъ условія между фабрикантами и рабочими союзами и начались переговоры о новыхъ условіяхъ платы. Стали ходить слухи о готовящейся стачкѣ. Прежнее условіе регулировало только положеніе рабочихъ-спеціалистовъ, а чернорабочіе, т.-е. двѣ трети рабочей массы, работали по частному соглашенію. Трэдъ-юніоны хотѣли теперь установить для чернорабочихъ плату въ восемнадцать съ половиной пенсовъ въ часъ; это они получали обыкновенно и по частному соглашенію. По точнымъ разсчетамъ, за вычетомъ нерабочихъ часовъ, это составляло заработокъ около семи долларовъ, т.-е. какъ разъ достаточно, чтобы не умирать съ голоду семейному человѣку. Въ виду того, что цѣна на мясные консервы сильно поднялась, а на живой скотъ понизилась, фабриканты могли бы согласиться на это; но они не захотѣли и отклонили требованія союза. Когда срокъ условія съ союзомъ кончился, они понизили плату тысячи рабочихъ до шестнадцати

пенсовъ, а старикъ Джонсъ сказалъ, что понизитъ ее даже до пятнадцати — только для того, чтобы не уступать заправиламъ союза. Въ странѣ есть полтора милліона безработныхъ, и въ одномъ Чикаго ихъ сто тысячъ, такъ что замѣстителей не трудно будетъ достать. Все это произошло въ іюнѣ, и рабочіе союзы рѣшили объявить стачку. Переговоры ни къ чему не вели, такъ какъ фабриканты упрямо стояли на своемъ; возбужденіе достигло высшей точки, и наконецъ изъ центральнаго управленія рабочихъ союзовъ полетѣли телеграммы во всѣ главные фабричные центры Соединенныхъ Штатовъ — и началась большая „мясная стачка". Юргисъ направился къ Майку Скелли, который жилъ въ очень красивомъ домѣ, и попросилъ дать ему занятіе на время стачки; онъ вѣдь обѣщалъ ему свое покровительство. Скелли пристально поглядѣлъ на него, прежде чѣмъ отвѣтить. Юргисъ читалъ въ утреннихъ газетахъ рѣзкія нападки Скелли на фабрикантовъ за ихъ возмутительное отношеніе къ рабочимъ; лидеръ демократовъ взывалъ къ городскимъ властямъ, требуя, чтобы снесли всѣ скотные дворы; можно себѣ представить поэтому изумленіе Юргиса, когда Скелли спросилъ его, почему онъ не хочетъ продолжать работу.

— Вы предлагаете мнѣ идти противъ товарищей?—воскликнулъ Юргисъ.

— Зачѣмъ бросать работу?—возразилъ Скелли.—Какъ разъ теперь фабриканты нуждаются въ преданныхъ рабочихъ и предложили бы вамъ отличныя условія. Зачѣмъ дѣйствовать противъ своей выгоды?

— Нѣтъ, ужъ вы лучше дайте мнѣ другія занятія—по политической агитаціи.

— Это невозможно. Вѣдь вы республиканецъ, а я не намѣренъ продолжать поддерживать республиканцевъ. Мой пивоваръ и такъ въ бѣшенствѣ отъ послѣднихъ выборовъ.

— Я... я могу стать демократомъ, — робко предложилъ Юргисъ.

— Это сразу не дѣлается. И кромѣ того, до новыхъ выборовъ далеко, такъ что никакой агитаціонной работы нѣтъ. Я помогаю своимъ, но теперь ничего не могу больше сдѣлать. Сегодня меня осаждаютъ весь день просьбами; я опредѣлилъ семнадцать человѣкъ на городскія работы и больше не могу никого устроить. Повѣрьте, лучше всего продолжать работу. Стачка ни къ чему не приведетъ. Она кончится черезъ нѣсколько дней пораженіемъ рабочихъ, а, работая, вы можете значительно улучшить свое положеніе.

Юргисъ понялъ всю благоразумность этого совѣта и на слѣдующій же день отправился на бойню къ Дургэму. Тамъ мясники оставили длинный рядъ свиныхъ тушъ въ различныхъ стадіяхъ приготовленія, и человѣкъ тридцать конторскихъ служащихъ пытались подъ руководствомъ надзирателя закончить работу. Когда Юргисъ заявилъ, что станетъ на работу, надзиратель очень обрадовался и сразу согласился поднять ему плату до трехъ долларовъ, согласно его требованію. Но въ тотъ же еще день Юргисъ узналъ, что клерки и стенографы получаютъ по пяти долларовъ, и былъ внѣ себя отъ своей непрактичности.

Юргисъ сдѣлался такимъ образомъ однимъ изъ „новыхъ американскихъ героевъ", но геройство его было не изъ трудныхъ, такъ какъ никакихъ лишеній онъ не испытывалъ. Ему хорошо платили, его снабдили одеждой, дали хорошую постель и отлично кормили три раза въ день. Никакой опасности онъ не подвергался, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда рѣшался выйти изъ воротъ и пойти выпить пива. Но и тогда онъ могъ разсчитывать на помощь чикагской полиціи, защищавшей штрейкбрехеровъ. Къ тому же стачечники рѣшили не пускать въ ходъ насилія. Въ первый же день послѣ работы Юргисъ нарочно вышелъ съ товарищами за ворота фабрики и пошелъ по Гальстетъ-Стриту. Черезъ нѣсколько времени они встрѣтили товарищей, которые совѣтовали имъ бросить работу. Изъ домовъ и кабаковъ появились еще человѣкъ двѣнадцать и стали ругать и стыдить Юргиса и его товарищей. Юргисъ остановился, сталъ слушать стачечниковъ ради забавы, потомъ завязалась драка, довольно, впрочемъ, непродолжительная. Послѣ того всѣ разошлись. Но тѣмъ временемъ явилась полиція, а вслѣдъ за нею газетные репортеры; они сейчасъ же стали выспрашивать очевидцевъ происшествія,—и уже черезъ нѣсколько часовъ продавцы газетъ выкрикивали на бѣгу: „Насиліе на скотныхъ дворахъ! Штрейкбрехеры, окруженные яростной толпой!" На слѣдующее утро исторія о томъ, какъ Юргисъ пошелъ выпить пива и подвергся нападкамъ стачечниковъ, сдѣлалась извѣстной черезъ газеты по всей Америкѣ—въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ; она послужила сейчасъ же матеріаломъ для безконечныхъ публицистическихъ разглагольствованій. Но Юргису предстояло испытать еще много волненій въ дальнѣйшемъ теченіи стачки. Послѣ работы онъ могъ или поѣхать кутить въ городъ, или остаться спать на фабрикѣ, гдѣ приготовлены были койки для рабочихъ. Онъ остался, но потомъ пожалѣлъ, потому что не могъ спать: всю ночь приходили отовсюду штрейкбрехеры; это

были иностранцы низшаго разбора, греки, румыны, словаки. Ихъ привлекала не столько высокая плата, какъ перспектива всякаго рода безчинствъ. Они буянили всю ночь и собрались спать уже тогда, когда пришли звать ихъ на работу.

Утромъ надзиратель послалъ Юргиса къ управляющему, который сталъ разспрашивать его, хорошо ли онъ знаетъ работу на бойняхъ. У Юргиса забилось сердце отъ радости: очевидно, его назначатъ надзирателемъ, и осуществится мечта его жизни. Многіе изъ надзирателей были членами союзовъ, а другіе, не члены, тоже пристали къ стачечникамъ, такъ что на бойняхъ былъ большой недостатокъ въ людяхъ, знающихъ дѣло. Свѣжее мясо было нужнѣе, чѣмъ консервы. Недостатокъ его былъ бы чувствителенъ для отелей, ресторановъ и богатыхъ домовъ, а если бы тамъ стали терпѣть неудобства отъ стачки, то общественное мнѣніе заставило бы фабрикантовъ сдаться. Юргисъ зналъ это, и рѣшилъ не упускать случая выдвинуться. Онъ сказалъ, что отлично знаетъ дѣло и можетъ быть надзирателемъ. Но онъ требовалъ высокой платы—и не только на время стачки. Управляющій призналъ справедливость его притязаній, и они условились, что Юргисъ будетъ получать во время стачки по пяти долларовъ въ день, а потомъ—двадцать-пять въ недѣлю. Ему дали высокіе сапоги и куртку, и онъ тотчасъ же сталъ на работу. Бойня представляла теперь необычайный видъ. Тамъ, гдѣ еще наканунѣ отдѣлывалось четыреста тушъ въ часъ съ головокружительной быстротой, теперь толпа глупыхъ негровъ и иностранцевъ, не понимавшихъ, что имъ говорятъ, вмѣстѣ съ блѣдными конторщиками, которымъ дѣлалось дурно отъ запаха крови, съ величайшими усиліями обрабатывали дюжины двѣ штукъ скота. Негры очень плохо работали и все старались улизнуть и поспать въ тѣни послѣ безсонной ночи. Командовать этой разнузданной толпой было чрезвычайно трудно, а Юргисъ, привыкшій повиноваться, не умѣлъ къ тому же проявлять достаточную рѣшительность въ приказаніяхъ. Но даже когда онъ принималъ строгій видъ и ругалъ негровъ за медлительность, это все-таки не помогало: „Работайте сами, если я вамъ не гожусь!“—отвѣчали ему негры. Послѣ перваго же обѣда пропали всѣ стальные ножи,—всѣ негры засунули по ножу въ сапогъ, такъ что связываться съ ними становилось опасно. Юргисъ понялъ, что внести порядокъ въ этотъ хаосъ невозможно, и сталъ мириться съ плохой работой, съ порчей свиныхъ тушъ, съ тѣмъ, что люди уходили среди работы. Во время стачки вѣдь все сходило съ рукъ. Вскорѣ у Юргиса открылся новый источникъ

дохода. Когда онъ набросился съ бранью на одного изъ плохихъ рабочихъ—это произошло случайно безъ свидѣтелей,—тотъ сунулъ ему въ руку десять долларовъ, и онъ ихъ принялъ. Другіе стали пускать въ ходъ тотъ же пріемъ, и доходы Юргиса сильно поднялись.

Въ виду всѣхъ этихъ осложненій, собственники скотныхъ дворовъ хотѣли прикончить и приготовить для продажи хотя бы только больныхъ и искалѣченныхъ въ дорогѣ свиней. Было очень жарко, появились случаи холеры между свиньями, и нужно было заколоть ихъ всѣхъ, прежде чѣмъ эпидемія распространится. Агенты фабрикантовъ собирали негровъ на югѣ и привозили ихъ въ Чикаго, соблазняя ихъ платой пяти долларовъ въ день—и не упоминая о стачкѣ. Въ Чикаго стали стекаться толпы всякаго сброда; многіе города воспользовались этимъ случаемъ, чтобы очистить свои тюрьмы и рабочіе дома: судебныя власти отпускали на свободу заключенныхъ съ обязательствомъ уѣхать въ теченіе сутокъ, а агенты изъ Чикаго поджидали освобожденныхъ у выхода и отправляли ихъ цѣлыми партіями на скотные дворы. Въ то же время туда доставлялись цѣлые поѣзда съ припасами, включая водку и пиво—для того, чтобы у рабочихъ не являлось желанія уходить съ фабрикъ. Имъ устроили койки для спанья—рядомъ съ помѣщеніями для работницъ, тоже набранныхъ изъ подонковъ населенія. Но все-таки не было возможности удовлетворять спросу мясного рынка съ такими совершенно деморализованными рабочими. Общество стало требовать прекращенія стачки, пресса шумѣла, и необходимость соглашенія сдѣлалась самой настоятельной. Фабриканты предложили назначить третейскій судъ,—союзы послѣ десяти дней стачки приняли предложеніе. Рѣшено было, что въ теченіе полутора мѣсяца всѣ рабочіе будутъ приняты обратно,—не исключая членовъ рабочаго союза. Юргисъ было-испугался, думая что ему не сдобровать, когда на фабрику вернутся члены союза, но его успокоили, и дѣйствительно, оказалось, что фабриканты только схитрили, чтобы протянуть время. Во всѣ крупные центры мясного производства посланы были телеграммы: „не принимать членовъ союза". Когда къ Дургэму явились снова на работу двадцать тысячъ человѣкъ съ голодными, измученными лицами, то управляющій прошелся по рядамъ и сталъ отдѣлять тѣхъ, кого принималъ обратно. Юргисъ ясно видѣлъ, что онъ обходитъ всѣхъ дѣятелей и ораторовъ союза. Толпа рабочихъ стала волноваться, и возбужденіе возросло до крайности, когда въ числѣ непринятыхъ оказался предсѣдатель мясного трэдъ-юніона; сотни голо-

совъ стали кричать, что въ такихъ условіяхъ никто не согласенъ вернуться. Возмущенный предсѣдатель, толстый, плотный мясникъ, крикнулъ: „Опять бросать работу, товарищи!“ Тутъ же объявлена была новая стачка: тѣ, которые уже пошли работать на бойню, побросали ножи и разбѣжались во всѣ стороны — объявлять о возобновленіи стачки. Положеніе сдѣлалось на этотъ разъ еще болѣе острымъ. Теперь штрейкбрехерамъ приходилось плохо, и случаи столкновеній со стачечниками учащались, хотя вожди движенія удерживали своихъ людей отъ насилія. Но трудно было справиться съ сотней тысячъ рабочихъ, доведенныхъ до отчаянія голодомъ и нищетой.

А на скотныхъ дворахъ хозяева организовали новую армію труда. Каждый вечеръ являлись тысячи двѣ штрейкбрехеровъ, изъ которыхъ лишь незначительное число были опытные и знающіе рабочіе; большинство были негры южныхъ штатовъ. Ихъ размѣстили, какъ скотъ, въ фабричныхъ зданіяхъ, хотя законъ запрещалъ держать рабочихъ въ неприспособленныхъ для жилья помѣщеніяхъ. Нравы установились тамъ за это время самые невообразимые. Еще передъ самой стачкой предсѣдатель городского совѣта съ гордостью заявлялъ, что въ городѣ прекратились кулачные бои и картежная игра. А теперь снова налетѣла компанія шуллеровъ, вошедшая въ союзъ съ полиціей, чтобы обыграть до чиста негровъ. Каждую ночь шла игра до утра. Совершенно еще дикіе негры, привыкшіе къ рабству, наслаждались теперь свободой, понимая ее какъ потворство всѣмъ разнузданнымъ страстямъ. На фабрики доставлялась въ безграничномъ количествѣ водка, пріѣзжали цѣлые обозы женщинъ, набранныхъ изъ послѣднихъ притоновъ въ Чикаго. Стали умножаться случаи заразныхъ болѣзней, и все это происходило въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ изготовлялась пища, разсылаемая во всѣ концы міра. Скотные дворы въ Чикаго никогда не были привлекательнымъ мѣстомъ, но теперь они сдѣлались чѣмъ-то ужасающимъ—станомъ двадцатитысячной арміи звѣроподобныхъ людей. Подъ палящимъ солнцемъ зловоніе отъ мясныхъ отбросовъ на бойнѣ становилось ужасающимъ, и къ нему присоединялись испаренія изъ котловъ на мыловарняхъ, запахъ фосфатовъ и, кромѣ того, еще зловоніе тряпья, сушившагося на солнцѣ, и гніющихъ отбросовъ пищи! Столовыя были черны отъ мухъ, устройство жилищъ было самое негигіеничное во всѣхъ подробностяхъ. И средя этого зловонія, грязи и гнили толпа негровъ проводила ночи въ попойкахъ, игрѣ, крикахъ и пѣсняхъ.

Рабочіе же въ это самое время голодали, и руководители

стачки приходили въ полное отчаяніе. Фабриканты не уступали; притокъ новыхъ рабочихъ силъ не изсякалъ, и не было надобности церемониться съ старыми рабочими. Юргисъ тоже очень измѣнился, запилъ, сталъ притѣснять рабочихъ, доводя ихъ до изнеможенія, и постоянно ругался и кричалъ на свою команду.

Однажды, въ концѣ августа, вбѣжалъ на бойню управляющій и крикнулъ, чтобы всѣ бросили работу и поспѣшили за нимъ. Оказалось, что убѣжалъ быкъ изъ загона, и его схватили стачечники. На улицѣ поднялся шумъ. Прибѣжавъ на мѣсто происшествія, Юргисъ увидѣлъ огромную толпу народа. Стачечники успѣли заколоть быка и, какъ люди умѣлые въ своемъ дѣлѣ, отрѣзали уже самые лучшіе куски. Полиція накинулась на нихъ и стала немилосердно колотить всѣхъ, кто попадался подъ руку. Юргисъ со своими людьми присоединился къ полиціи, и началась звѣрская погоня за стачечниками, которыхъ загоняли въ дома и тамъ избивали и калѣчили. Юргисъ и два полицейскихъ загнали одного стачечника въ кабакъ, и тамъ стали его колотить, а кстати хватили палкой и хозяйку кабака, толстую польку, протестовавшую противъ ворвавшихся полицейскихъ. Пока она лежала на полу безъ чувствъ, Юргисъ выпилъ нѣсколько бутылокъ водки, а потомъ всѣ вмѣстѣ ограбили выручку. Послѣ того они положили бычачью тушу на телѣгу и съ торжествомъ повезли обратно на скотные дворы. Имъ кричали и свистали во слѣдъ, бросали въ нихъ камни; потомъ обо всемъ этомъ подробно писали въ газетахъ, не упоминая только объ эпизодѣ съ ограбленной выручкой.

Поздно днемъ они вернулись на бойню, закончили уборку бычачьей туши и нѣсколькихъ другихъ, оставшихся недодѣланными съ утра, и затѣмъ прекратили работу. Юргисъ отправился съ пріятелями въ городъ, поужиналъ, зашелъ играть въ рулетку и потерялъ пятнадцать долларовъ,—онъ былъ несчастливъ въ игрѣ. Послѣ того онъ рѣшилъ напиться, чтобы утѣшиться, и вернулся на фабрику уже въ два часа ночи. Когда онъ направлялся въ комнату, отведенную ему для спанья, его остановила по дорогѣ нарумяненная женщина въ грязномъ кимоно и поддержала его, видя, что онъ шатается. Они пошли вмѣстѣ черезъ темную комнату, какъ вдругъ отворилась дверь и вошелъ человѣкъ съ фонаремъ въ рукахъ.

— Кто тутъ?—сердито спросилъ онъ.

Юргисъ остановился, человѣкъ поднялъ фонарь, и при свѣтѣ его можно было разглядѣть его лицо. Юргисъ остолбенѣлъ отъ ужаса; его охватила бѣшеная ярость,—передъ нимъ стоялъ Кон-

норъ, соблазнитель его жены, виновникъ всѣхъ его несчастій. Юргисъ думалъ иногда, что, попавъ снова на скотные дворы, онъ рискуетъ встрѣтиться съ Конноромъ, но теперь, увидавъ его въ дѣйствительности, онъ обезумѣлъ отъ бѣшенства. Не помня себя, онъ кинулся на врага, сшибъ его на землю кулакомъ, а когда онъ упалъ на полъ, то схватилъ его за горло и сталъ стучать головой о каменный полъ. Женщина, стоявшая тутъ же, подняла крикъ; сбѣжались люди. Фонарь потухъ, и нельзя было разглядѣть, что̀ происходитъ; слышно было только тяжелое, прерывистое дыханіе Юргиса. Опять повторилось старое. Юргисъ укусилъ своего врага, и у него остался на зубахъ кусокъ щеки Коннора. Опять его оттаскивали, и онъ отбивался до тѣхъ поръ, пока не пришелъ полицейскій и не избилъ его до безчувствія.

Конецъ ночи Юргисъ провелъ въ полицейскомъ участкѣ при скотныхъ дворахъ. Очнувшись, онъ потребовалъ пить,—теперь положеніе его было другимъ, чѣмъ при первомъ столкновеніи съ Конноромъ; потомъ онъ послалъ письмо къ Гарперу, требуя, чтобы онъ пришелъ, но Гарперъ явился только на слѣдующій день. Юргиса съ утра же повели на судъ и потребовали у него пятьсотъ долларовъ залога, чтобы отпустить его до тѣхъ поръ, пока опредѣлится состояніе его жертвы. Юргисъ былъ въ бѣшенствѣ. Ему удалось убѣдить судью, что онъ судится впервые и что Конноръ первый напалъ на него, и еслибы послѣ этого кто-нибудь замолвилъ за него слово, его бы сейчасъ отпустили. Гарперъ сказалъ, что поздно получилъ записку Юргиса, но обѣщалъ тотчасъ же все устроить.

— Пятьсотъ долларовъ,—сказалъ онъ Юргису,—не нужно будетъ платить; придется только дать кое-что, чтобы замять дѣло.

Но когда Юргисъ назвалъ свою жертву, Гарперъ отшатнулся въ полномъ ужасѣ.

— Конноръ?—воскликнулъ онъ.—Какой ужасъ! Въ такомъ случаѣ я безсиленъ выпутать васъ изъ бѣды. Конноръ—правая рука Скелли, человѣкъ очень вліятельный. Къ несчастью, Скелли самого теперь нѣтъ; онъ уѣхалъ по дѣламъ стачки, а я даже не смѣю внести залогъ за васъ—иначе и я погибъ.

— Что̀ же мнѣ дѣлать?—съ ужасомъ проговорилъ Юргисъ.—Похлопочите; потомъ вы скажете, что не знали, съ кѣмъ я связался.

— Ужъ не знаю, право,—возразилъ Гарперъ.—И судиться-то вамъ не слѣдовало бы,—хорошаго ничего не выйдетъ. Единственное, что̀ остается—это внести залогъ и удрать. Я постараюсь понизить сумму залога. Сколько у васъ денегъ?

— Около трехсотъ долларовъ,—чистосердечно отвѣтилъ Юргисъ.

— Я постараюсь, по дружбѣ, освободить васъ за эту сумму— не то вѣдь васъ могутъ закатить въ тюрьму года на два. Жаль мнѣ васъ.

Юргисъ вынулъ свою чековую книжку, зашитую въ платьѣ, и подписалъ ордеръ на всю сумму. Гарперъ пошелъ съ деньгами въ судъ, разсказалъ, что Юргисъ очень порядочный человѣкъ и другъ Скелли, и что на него напалъ штрейкбрехеръ. Въ судѣ согласились отпустить Юргиса за триста долларовъ. Гарперъ не сказалъ Юргису при этомъ, что ему легко будетъ до суда вытребовать обратно залогъ; онъ рѣшилъ воспользоваться этими деньгами, какъ вознагражденіемъ за услугу и за то, что онъ рисковалъ поссориться изъ-за Юргиса съ Скелли. Юргисъ такъ обрадовался свободѣ, что про все другое забылъ. Онъ горячо поблагодарилъ своего спасителя, взялъ оставшіеся еще въ банкѣ долларъ и четырнадцать центовъ, положилъ ихъ въ карманъ вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими послѣ ночного кутежа двумя долларами съ четвертью, сѣлъ въ конку и поѣхалъ на другой конецъ Чикаго.

XXVII.

Юргисъ опять превратился въ бродягу. Онъ сразу лишился всѣхъ средствъ, которыя помогали ему жить удобно и пріятно. Ему не надъ кѣмъ стало командовать, онъ не могъ больше безнаказанно воровать, онъ опять смѣшался съ толпой и очутился даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ другіе, такъ какъ долженъ былъ скрываться. Кромѣ того, борьба за жизнь сдѣлалась для него теперь болѣе трудной, чѣмъ прежде; онъ уже пріобрѣлъ привычки къ удобствамъ, и потребности его увеличились; въ особенности же онъ привыкъ выпивать, и теперь готовъ былъ лучше голодать цѣлый день, чѣмъ отказаться отъ стакана водки. Юргису пришлось снова осаждать ворота фабрикъ, но теперь труднѣе было разсчитывать на удачу, чѣмъ когда-либо, главнымъ образомъ въ виду наступившаго экономическаго кризиса. Около двухъ милліоновъ рабочихъ были безъ работы всю весну и осень, и далеко не всѣ вернулись на прежнія мѣста. Къ нимъ прибавились еще новыя толпы безработныхъ; призванные на время стачки негры и иностранцы тоже оставались въ Чикаго и искали заработка. Ихъ Юргисъ избѣгалъ самымъ тщательнымъ образомъ, боясь, что кто-нибудь изъ нихъ узнаетъ его и выдастъ полиціи.

Онъ бы охотно уѣхалъ совсѣмъ изъ Чикаго, еслибы не то, что у него не было ни гроша денегъ.

Черезъ десять дней у Юргиса осталось всего нѣсколько пенсовъ, и онъ все еще былъ безъ работы. Его охватилъ стихійный ужасъ при мысли, что его дѣйствительно ожидаетъ голодная смерть. Онъ ходилъ съ утра до ночи по улицамъ, прося подаянія, ища работы. Онъ исходилъ огромный городъ изъ конца въ конецъ и всюду встрѣчалъ толпы такихъ же несчастныхъ, какъ онъ самъ. Взоръ встрѣчалъ всюду изобиліе благъ, но безпощадная рука преграждала путь къ нимъ. Бываютъ тюрьмы такого рода, что люди заключены за рѣшеткой, а все, чего они жаждутъ—снаружи. А есть еще тюрьмы, гдѣ все желанное спрятано за рѣшеткой, а человѣкъ стоитъ передъ нею и не можетъ ничего взять.

Юргисъ пустился на всѣ способы борьбы съ нищетой, питался черствымъ хлѣбомъ, рылся въ мусорныхъ ящикахъ, стоящихъ у домовъ, и выбиралъ оттуда съѣдобные отбросы. Но голоданіе губительно отзывалось на немъ; онъ становился слабѣе и слабѣе съ каждымъ днемъ; ему дали разъ, случайно, работу въ товарномъ складѣ, мимо котораго онъ проходилъ; но какъ только онъ началъ складывать и носить товары, смотритель объявилъ, что ему не справиться съ работой, и отпустилъ его. Юргисъ продолжалъ стоять у склада въ полномъ отчаяніи, и на его же глазахъ нанятъ былъ на ту же работу другой человѣкъ. Онъ ушелъ, едва сдерживая рыданія, чувствуя себя обреченнымъ, погибшимъ. Потомъ его охватило бѣшенство, и онъ сталъ придумывать планы мести. Проходя мимо овощной лавки, онъ увидѣлъ большую корзину съ капустой, стоявшую у самаго входа. Быстро оглянувшись вокругъ, онъ схватилъ одинъ кочанъ, быстро побѣжалъ съ нимъ и скрылся за уголъ. За нимъ погнались, но онъ быстро сворачивалъ изъ улицы въ улицу разными закоулками и проходами, спрятавъ кочанъ подъ пальто. Уйдя достаточно далеко, онъ вынулъ капусту, съѣлъ полъ-кочана сырымъ, а вторую половину спряталъ въ карманъ, на ужинъ.

Какъ-разъ въ это время одна изъ чикагскихъ газетъ устроила, для рекламы, безплатную столовую для безработныхъ, гдѣ весь вечеръ и всю ночь давали каждому пришедшему даромъ тарелку сытнаго, горячаго супа. Шутники говорили, что это дѣлалось для того, чтобы всѣ покупатели, на которыхъ газета разсчитывала, не умерли пока съ голоду. Когда Юргисъ узналъ объ этомъ учрежденіи, онъ рѣшилъ, что съѣстъ въ одинъ вечеръ шесть тарелокъ супу. Но на самомъ дѣлѣ едва добился одной, такъ какъ

передъ входомъ въ столовую стоялъ длинный рядъ голодныхъ, и многіе такъ и ушли ни съ чѣмъ. Ходить въ столовую было нѣсколько опасно для Юргиса; въ этой части города его могли узнать. Но онъ былъ въ такомъ отчаяніи, что даже тюрьма представлялась ему какимъ-то желательнымъ убѣжищемъ. Приближалась зима, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и Юргисъ зашелъ два раза въ одинъ вечеръ выпить; у него осталось еще всего два пенса, и съ ними онъ отправился въ низшаго разряда пивную, гдѣ пиво изготовлялось изъ отбросовъ, подправленныхъ химическими суррогатами, и гдѣ за два цента продавалась большая кружка пива вмѣстѣ съ правомъ проспать ночь рядомъ съ другими бродягами, мужчинами и женщинами. Юргису было особенно тяжело перейти на положеніе нищаго, такъ какъ онъ видѣлъ, сколько шансовъ на удачу онъ терялъ по собственной винѣ. Опять приближались выборы, на этотъ разъ президентскіе; онъ видѣлъ плакаты и флаги—и безумствовалъ отъ отчаянія, что самъ онъ теперь ни при чемъ тутъ, хотя, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы разбогатѣть въ короткое время. Были дни, когда приходилось особенно трудно. Разъ онъ цѣлый день просилъ милостыню—и не получилъ ни одного цента; только подъ вечеръ ему удалось помочь какой-то старой дамѣ, которая выходила изъ электрическаго трамвая со свертками; онъ разсказалъ ей о своихъ несчастіяхъ и возбудилъ въ ней довѣріе; она повела его въ ресторанъ и заплатила за его обѣдъ. Онъ сытно пообѣдалъ, получивъ супъ, мясо, хлѣбъ, бобы и даже кофе съ пирожнымъ, и вышелъ изъ ресторана подкрѣпленный. Издали онъ увидѣлъ на улицѣ, сквозь дождь и темноту, красные огни и услышалъ барабанный бой. Очевидно, тамъ происходилъ митингъ, и Юргисъ направился туда.

Выборы подготовлялись очень вяло на этотъ разъ; никто не интересовался борьбой между партіями, и трудно было залучить публику на митинги. Особенно не удавались митинги въ Чикаго. Теперь долженъ былъ говорить очень видный ораторъ, кандидатъ въ вице-президенты, и организаторы дрожали, боясь провала. Но на ихъ счастье былъ холодный вечеръ и шелъ проливной дождь. Достаточно было, поэтому, ярко освѣтить входъ, подольше бить въ барабанъ, и тогда можно было надѣяться, что всѣ бездомные на версту вокругъ прибѣгутъ и наполнятъ залу. А на слѣдующій день можно будетъ оповѣстить въ газетахъ о безконечныхъ оваціяхъ и прибавить, что публика состояла не изъ дамъ въ шолковыхъ чулкахъ, а это—доказательство, что кандидатъ пользуется симпатіями рабочихъ массъ. Юргисъ вскорѣ очу-

тился въ большой залѣ, украшенной флагами, и послѣ короткой рѣчи предсѣдателя, подъ звуки туша, сыграннаго оркестромъ, поднялся ораторъ, для котораго собрали митингъ. Къ величайшему своему изумленію, Юргисъ узналъ сенатора, который поддерживалъ кандидатуру Дойля и говорилъ на собраніи „Дойлевскаго республиканскаго союза". Юргису сдѣлалось горько до слезъ. Онъ вспомнилъ о золотомъ времени, когда и онъ принималъ дѣятельное участіе въ выборной кампаніи. Теперь опять всѣ шансы на сторонѣ республиканцевъ, и онъ могъ бы участвовать въ прибыляхъ, не будь съ нимъ этого страшнаго несчастья.

Краснорѣчивый сенаторъ разъяснялъ всѣ выгоды протекціонизма—системы, при которой рабочіе позволяютъ фабрикантамъ продавать имъ все по высокимъ цѣнамъ для того, чтобы фабриканты могли дороже платить имъ за трудъ; такимъ образомъ, вынимая деньги изъ кармановъ рабочихъ одной рукой, фабриканты клали ихъ обратно другой. Сенаторъ видѣлъ въ этомъ источникъ величія Америки. Всѣ ея будущіе успѣхи и ея слава среди другихъ націй зависятъ, по его словамъ, отъ рвенія и преданности, съ которыми каждый гражданинъ будетъ поддерживать созидателей ихъ благополучія, т.-е. членовъ доблестнаго союза, называемаго „великой старой партіей".

Тутъ раздались звуки оркестра, и Юргисъ встрепенулся. Онъ старался вслушиваться въ слова сенатора и понять его теорію процвѣтанія Америки, потому что ему необходимо было не заснуть. Онъ зналъ, что, заснувъ, онъ начнетъ громко храпѣть, и его выгонятъ. Но онъ сытно пообѣдалъ, былъ страшно утомленъ, сидѣть ему было тепло и удобно; поэтому, несмотря на всѣ старанія, лицо сенатора стало расплываться въ туманѣ передъ его взоромъ, и онъ незамѣтно задремалъ. Сначала онъ еще встрепенулся, когда сосѣдъ толкнулъ его въ бокъ, потомъ опять захрапѣлъ уже такъ громко, что вышелъ скандалъ. Публика возмутилась, призвали полицейскаго, который схватилъ Юргиса за воротъ и вытолкалъ его съ руганью на улицу, подъ дождь. Юргисъ могъ еще благодарить судьбу за то, что его не избили и не арестовали, что̀ могло бы легко произойти. Онъ выругалъ внутренно самого себя и сталъ обдумывать, что̀ дѣлать. Лилъ дождь, и нужно было гдѣ-нибудь укрыться. Денегъ у него не было ни пенса, идти переночевать было нѐкуда. Оставалось опять просить милостыню. Увидавъ хорошо одѣтую даму подъ зонтикомъ, онъ подошелъ къ ней и, идя съ ней рядомъ, сталъ просить денегъ на ночлегъ. Но вдругъ онъ остановился. При свѣтѣ фонаря, мимо котораго они прошли, онъ узналъ даму: это была

Елена Ясайтитъ, которая, когда-то, танцовала на его свадьбѣ и слыла красавицей. Онъ ее съ тѣхъ поръ видѣлъ всего разъ или два; ея женихъ бросилъ ее, и она уѣхала изъ фабричнаго района неизвѣстно куда. Она тоже узнала его и была страшно поражена.

— Юргисъ Рудкусъ!—воскликнула она.—Какъ это вы очутились тутъ?

— Мнѣ не повезло,—пробормоталъ онъ.—Я безъ работы, и у меня нѣтъ ни денегъ, ни мѣста, гдѣ переночевать. А вы, Елена, замужемъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—не замужемъ, но у меня хорошее мѣсто... Я бы хотѣла помочь вамъ, Юргисъ,—прибавила она, помолчавъ.—Но я вышла безъ кошелька, и у меня нѣтъ ни гроша. Но вотъ что—пойдите къ Марьѣ, я вамъ дамъ ея адресъ. Она будетъ вамъ страшно рада.

— Да неужели Марья здѣсь?—радостно воскликнулъ Юргисъ. Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ со скотныхъ дворовъ, какъ изъ тюрьмы, спасаясь бѣгствомъ именно отъ Ельзбеты и Марьи. Но теперь онъ несказанно обрадовался при одномъ имени Марьи. Ему захотѣлось увидѣть ее, вернуться домой. Онѣ простятъ его, и онъ опять будетъ имѣть свой домъ и семью. Узнавъ улицу и нумеръ дома, гдѣ жила Марья, онъ сейчасъ же направился туда. Очутившись передъ домомъ очень аристократическаго вида, онъ позвонилъ у кухонной двери. Ему отворила молоденькая негритянка, посмотрѣвшая на него съ крайнимъ недовѣріемъ.

— Что вамъ нужно?—спросила она.

Когда онъ спросилъ, здѣсь ли живетъ Марья Берчинская, дѣвушка сначала спросила, зачѣмъ она понадобилась. Юргисъ отвѣтилъ, что она—его родственница. Негритянка его впустила, затѣмъ пошла куда-то справиться и вернулась съ отвѣтомъ, что такой особы здѣсь не имѣется. Хозяйка не знаетъ никакой Марьи Берчинской. Юргисъ постоялъ въ нерѣшительности, потомъ печально повернулся къ двери. Но въ эту минуту въ дверь постучались, негритянка пошла отворять, потомъ Юргисъ услышалъ громкій топотъ ногъ; служанка вскрикнула, побѣжала назадъ, съ испугомъ промчалась мимо Юргиса и, быстро побѣжавъ вверхъ по лѣстницѣ, закричала:—Полиція! Облава!

Юргисъ ничего не могъ понять, но, увидавъ синіе мундиры полиціи, побѣжалъ вслѣдъ за служанкой. Ея крики подняли весь домъ; населеніе его оказалось весьма многочисленнымъ, и изо всѣхъ дверей стали появляться съ криками испуганныя жен-

щины, большей частью въ однихъ капотахъ, и мужчины, тоже полуодѣтые. Черезъ одну изъ открывшихся дверей Юргисъ увидѣлъ большую комнату съ мягкими креслами и столами, на которыхъ стояли бутылки и стаканы. На полу валялись игральныя карты, по ковру текло вино изъ разбитыхъ бутылокъ. Какая-то молодая женщина лежала въ обморокѣ и около нея суетились двое мужчинъ. Еще около дюжины человѣкъ толпились у дверей. Стуки въ дверь возобновились съ удвоенной силой. Съ лѣстницы сбѣжала толстая женщина съ нарумяненными щеками и крупными брилліантами въ ушахъ и крикнула: — Скорѣе! Всѣ къ черному ходу!

Она провела всѣхъ въ кухню, и Юргисъ послѣдовалъ за остальными. Въ кухнѣ толстая женщина нажала кнопку, кухонный шкафъ откинулся, и за нимъ открылась дверь, которая вела въ темный корридоръ.

— Сюда!—крикнула она собравшимся, и они покорно стали исчезать черезъ потайную дверь. Ихъ было человѣкъ двадцать-тридцать. Но едва прошелъ послѣдній, какъ раздались опять крики, и испуганная толпа стала возвращаться въ ужасѣ:—Полиція и съ той стороны. Мы въ западнѣ!—кричали они.

— Наверхъ!—скомандовала толстая женщина, и вся толпа бросилась вверхъ по лѣстницѣ. На самомъ верху дома была лѣстница, которая вела на крышу и открывалась какъ траппъ; но оказалось, что на ней сверху кто-то сидитъ, и что нѣтъ спасенія и этимъ путемъ. А снизу раздался голосъ: „Не прячьтесь. Мы на этотъ разъ не выпустимъ".—Толпа остановилась въ нерѣшительности, и черезъ нѣсколько минутъ полиція вошла въ домъ и стала пересчитывать свои жертвы. Мужчины были, видимо, очень смущены и испуганы, а женщины, большинство которыхъ были совершенно пьяны, громко хохотали, шутили надъ полицейскими и готовы были начать драку. Громче всѣхъ кричала и хохотала женщина въ красномъ кимоно, и, взглянувъ на нее, Юргисъ въ ужасѣ отшатнулся: это была Марья. Его невольный крикъ заставилъ обернуться и ее, и она въ испугѣ вскочила.

— Юргисъ!—крикнула она.—Ты какъ сюда попалъ?

— Я только-что пришелъ—повидаться съ тобой. Мнѣ Елена Ясайтитъ дала твой адресъ. Я встрѣтилъ ее на улицѣ.

Онъ замолчалъ, и они молча поглядѣли другъ на друга.

— А ты живешь здѣсь?—спросилъ Юргисъ.

— Да,—отвѣтила Марья.

Въ это время снизу раздался крикъ:

— Эй вы, дѣвицы, одѣвайтесь и сходите внизъ! Торопитесь—не то такъ заберемъ. А на дворѣ-то вѣдь дождь.

— Бр-р!—произнесъ кто-то съ содроганіемъ, и женщины, сидѣвшія въ передней, разошлись по комнатамъ.

— Пойдемъ,—сказала Марья Юргису и повела его въ свою маленькую комнатку, гдѣ стояли кровать, стулъ, вѣшалка. На полу валялись платья, и въ комнатѣ былъ безнадежный безпорядокъ: баночки съ румянами и флаконы съ духами валялись въ перемежку съ шляпами и грязными тарелками на столикѣ; пара туфель, часы и бутылка виски стояли на стулѣ.

На Марьѣ были надѣты только кимоно и чулки, и она стала, не стѣсняясь, одѣваться въ присутствіи Юргиса и даже не закрыла дверь въ корридоръ. Юргисъ уже понялъ, куда онъ попалъ, и хотя онъ много уже видалъ въ жизни, и его не легко было привести въ ужасъ, все же ему стало очень горестно. Онъ привыкъ къ мысли, что семья его исключительно порядочная. Какъ Марью не удержало воспоминаніе о прошломъ? Но онъ самъ засмѣялся надъ собой. Какое право имѣетъ онъ требовать порядочности отъ другихъ?

— Ты здѣсь давно?—спросилъ онъ.

— Около года. Нужно же жить чѣмъ-нибудь,—и я не могла видѣть, какъ дѣти голодаютъ.

— Ты потеряла работу?

— Я заболѣла, а потомъ и очутилась безъ гроша. А когда послѣ смерти бѣднаго Станислава...

— Станиславъ умеръ?

— Да развѣ ты не зналъ? Ахъ, да, я забыла, что это было послѣ тебя. Его загрызли крысы. Его наняли приносить пиво рабочимъ на одной фабрикѣ. Онъ носилъ обыкновенно кружки на длинномъ шестѣ и отпивалъ понемножку отъ каждой кружки. Разъ онъ слишкомъ много выпилъ и заснулъ въ углу. Его не замѣтили и заперли на ночь. Къ утру нашли только его трупъ, обглоданный крысами.

Юргисъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Марья спокойно зашнуровывала ботинки, и потомъ торопилась кончить одѣваться въ виду окриковъ полицейскаго.

— А другіе всѣ живы? Чѣмъ они живутъ?

— Живы. Они здѣсь живутъ недалеко. Теперь имъ ничего. Я ихъ поддерживаю,—я много зарабатываю.

Юргисъ помолчалъ и спросилъ:

— А они знаютъ, какъ ты живешь?

— Ельзбета знаетъ, я не могу скрывать отъ нея ничего.

А теперь и дѣти, вѣроятно, догадались. Да я не стыжусь—нужно вѣдь жить какъ-нибудь.

— А Тамошисъ знаетъ?—спросилъ онъ.

Марья пожала плечами.

— Не знаю,—сказала она.—Я ужъ годъ, какъ не видѣла его. У него сдѣлалось зараженіе крови, пришлось отрѣзать палецъ, и онъ не могъ больше играть на скрипкѣ. Онъ послѣ того ушелъ навсегда.

Юргисъ смотрѣлъ на Марью, изумляясь перемѣнѣ въ ней. Она стала такая спокойная—жесткая. Онъ разсказалъ ей въ свою очередь о себѣ и спросилъ, винитъ ли она его за то, что онъ тогда убѣжалъ отъ нихъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Я не виню. Слишкомъ было тяжело,—всѣ мы не сумѣли справиться тогда. Не знали ничего, не умѣли бороться. Теперь бы мы иначе дѣйствовали. Вотъ даже ты—не такъ бы поступилъ, когда вышла исторія съ Оной. Когда люди голодаютъ, они должны продать все, за что можно выручить деньги. Теперь, я думаю, ты это понялъ. Тогда Она могла бы поддержать насъ всѣхъ.

Марья сказала это безстрастно и дѣловито, и Юргисъ не рѣшился признаться ей, что заплатилъ триста долларовъ и потерялъ мѣсто надзирателя за удовольствіе вторично поколотить Коннора. Раздался опять голосъ полицейскаго, торопившаго всѣхъ сходить внизъ. Марья надѣла огромную шляпу со страусовыми перьями и вышла вмѣстѣ съ Юргисомъ внизъ, а полицейскій сталъ осматривать, нѣтъ ли кого-нибудь за дверями или подъ кроватью. Юргисъ спросилъ, что все это значитъ; ему сказали, что это—полицейская облава,—это было обычное дѣло—и мадамъ, вѣроятно, еще до утра столкуется съ полиціей. Юргисъ испугался, сказалъ Марьѣ по-литовски, что полиція его разыскиваетъ, и что его могутъ посадить надолго въ тюрьму, если узнаютъ, кто онъ. Марья встревожилась, но обѣщала выпутать его. Она стала шептаться съ мадамъ, и та объяснила полицейскому коммиссару, что Юргисъ — братъ Марьи, пришедшій навѣстить ее. Коммиссаръ недовѣрчиво улыбнулся и сказалъ, что ему приказано забрать всѣхъ. Собрали всю компанію — среди мужчинъ были мальчики, гимназисты и сѣдобородые старики, которые годились имъ въ дѣдушки. Нѣкоторые были во фракахъ,—и, кромѣ Юргиса, не было ни одного бѣднаго человѣка. Тѣмъ временемъ пріѣхали полицейскія каретки, и при стеченіи сосѣдей, которые съ любопытствомъ и злорадствомъ смотрѣли на скандалъ, ихъ отвезли всѣхъ въ полицейскій участокъ. Юр-

гисъ назвался вымышленнымъ польскимъ именемъ, и его посадили въ камеру вмѣстѣ съ нѣсколькими другими. Тѣ принялись разговаривать вполголоса, а Юргисъ легъ въ углу и погрузился въ мысли. Много онъ видѣлъ ужасовъ за годъ скитанія, и считалъ все человѣчество уродливымъ и презрѣннымъ,—но для своей семьи онъ дѣлалъ исключеніе. То, что Марья сдѣлалась падшей женщиной, а Ельзбета съ дѣтьми живетъ ея позоромъ, потрясло до самой глубины его заснувшую душу и пробудило всѣ старыя муки. Онъ сталъ вспоминать прежнія мечты о честной свободной жизни. Передъ нимъ воскресъ нѣжный образъ Оны и маленькаго сына, изъ котораго онъ мечталъ сдѣлать настоящаго человѣка. Онъ заново пережилъ ужасъ, охватившій его, когда онъ узналъ о позорѣ Оны, о ея страданіяхъ. А теперь Марья спокойно говоритъ, что онъ дѣйствовалъ какъ дуракъ, что нужно было торговать честью жены. А бѣдный Станиславъ! Какъ равнодушно Марья разсказала его исторію! Картина его смерти леденила кровь Юргису. Всѣ эти чувства внезапно нахлынули на душу Юргиса; онъ думалъ, что они уже никогда не будутъ больше тревожить его; вѣдь онъ сдѣлалъ все, чтобы убить ихъ въ себѣ. А теперь они незамѣтно пробрались въ душу; заговорили забытые голоса, возстали тѣни прошлаго. Нѣтъ, пусть они расплываются въ туманѣ. Онъ никогда больше не станетъ ихъ слушать... онъ затушитъ въ себѣ всякую искру честности и совѣсти...

XXVIII.

Утромъ Юргисъ, вмѣстѣ съ другими, предсталъ на судъ и страшно боялся, что его узнаютъ: тотъ же судья и тотъ же секретарь засѣдали теперь, какъ и тогда, когда разбиралось его дѣло послѣ исторіи съ Конноромъ. Но судья не узналъ его, равнодушно выслушалъ объясненіе о его родствѣ съ Марьей и, сухо посовѣтовавъ ему помѣстить сестру въ болѣе приличное мѣсто, отпустилъ его, а съ каждой изъ дѣвицъ потребовалъ штрафа въ пять долларовъ. За все заплатила мадамъ, и этимъ дѣло кончилось. Юргисъ отправился вмѣстѣ съ Марьей къ ея дому. Полиція ушла, и уже стали приходить посѣтители. Ясно было, что къ вечеру все войдетъ въ норму. Марья привела Юргиса къ себѣ въ комнату. Увидавъ ее при дневномъ свѣтѣ, Юргисъ замѣтилъ, что у нея совершенно желтое лицо и черные круги подъ глазами.

— Ты болѣла?—спросилъ онъ.

— Да я все время больна,—отвѣтила она.—Иначе и быть не можетъ при этой чортовой жизни.—Все отъ морфія... я теперь безъ него совсѣмъ жить не могу.

— А на что это тебѣ?

— Ужъ такъ полагается. Или морфій, или водку,—а то не выдержать. Мадамъ пріучаетъ къ этому съ самаго начала, или давая незамѣтно въ ѣдѣ, или какъ средство отъ головной боли. А какъ привыкнешь, такъ и не отстать. Я ужъ, по крайней мѣрѣ, не отстану.

— Долго ты еще здѣсь останешься?

— Не знаю. Вѣрно, всю жизнь. Вѣдь у меня ни гроша нѣтъ. Денегъ я получаю много — половину платы съ каждаго гостя. Иногда долларовъ тридцать за ночь,—а не остается ничего. За комнату и ѣду такія цѣны берутъ, какія тебѣ и не снились, и за все отдѣльно,—особенно за питье. Часто присчитываютъ и то, чего не брала. За стирку бѣлья берутъ двадцать долларовъ въ недѣлю—подумай только!... И во всякомъ другомъ мѣстѣ было бы то же самое. Я сберегаю только пятнадцать долларовъ въ недѣлю для Ельзбеты, и дѣти могутъ ходить въ школу.

Помолчавъ, Марья опять стала разсказывать Юргису о порядкахъ у нихъ. Всякую новую пріѣзжую запутываютъ прежде всего въ долги, потомъ отнимаютъ у нея все платье, грозятъ тюрьмой, и она поневолѣ остается,—особенно иностранки, не понимающія ни слова по-англійски. Иныя пріѣзжаютъ по обманнымъ объявленіямъ,—думаютъ, что поступаютъ на честное мѣсто, конторщицей или въ этомъ родѣ. А ихъ приводятъ сюда, дурманятъ, а потомъ запираютъ, и имъ приходится покориться. Одна недавно изъ окна выскочила,—тогда былъ большой скандалъ. За доставку пансіонерокъ платятъ много—по сорока долларовъ за каждую, и ихъ доставляютъ изо всѣхъ странъ. У насъ здѣсь семнадцать—изъ девяти разныхъ странъ. Больше всего француженокъ, потому что мадамъ говоритъ по-французски. Француженки—самыя худшія изъ всѣхъ,—кромѣ еще японокъ. Тутъ рядомъ есть домъ, полный японокъ. Я бы не согласилась жить вмѣстѣ съ ними. Но большинство женщинъ—порядочныя, даже трудно повѣрить. Имъ тяжело продаваться, — онѣ отъ крайней нужды здѣсь, и потому пьютъ, чтобы одурманиться.

Юргисъ разсказалъ о своей судьбѣ за это время, и Марья внимательно слушала,—по ея лицу видно было, что она его жалѣла, особенно когда онъ разсказывалъ, какъ голодалъ.—Теперь тебѣ будетъ легче,—сказала она. — Я тебѣ буду помогать, пока достанешь работу.

— Я не хочу, чтобы ты....

— Почему? Изъ-за того, что я здѣсь?

— Нѣтъ, а потому, что я такъ поступилъ съ вами—бросилъ въ нуждѣ.

— Пустяки!—Мы тебя не винили. А теперь давай, позавтракаемъ. Ты навѣрное голоденъ.

Она позвонила и велѣла вошедшей негритянкѣ принести имъ завтракъ.

Юргисъ дѣйствительно былъ голоденъ, и они сытно поѣли вдвоемъ, разговаривая объ Ельзбетѣ и дѣтяхъ. Едва они успѣли кончить завтракъ, какъ пришла другая негритянка и сказала, что мадамъ зоветъ „литовку Марію". Марьѣ пришлось уйти. Она дала новый адресъ Ельзбеты, поселившейся въ еврейскомъ кварталѣ. Когда Юргисъ смущенно попросилъ у нея денегъ, она заявила, что не дастъ ему ничего, кромѣ четверти доллара,—потому что иначе онъ все пропьетъ. Она сказала, чтобы онъ немедленно пошелъ къ Ельзбетѣ, гдѣ ему страшно обрадуются, и гдѣ у него будутъ кровъ и пища.

Уйдя отъ Марьи, Юргисъ не сразу направился къ Ельзбетѣ, а сталъ ходить по улицамъ въ надеждѣ все-таки найти работу. Идя безъ опредѣленной цѣли, онъ очутился подлѣ дома, гдѣ наканунѣ былъ на политическомъ митингѣ. На этотъ разъ тамъ не было красныхъ огней, у входа не били въ барабанъ, но вывѣшено было объявленіе о происходящемъ тамъ митингѣ, и въ двери входило много публики. Билетовъ у входа не продавали,—значитъ, входъ былъ свободный, и Юргисъ вошелъ. Никакихъ украшеній на этотъ разъ онъ не увидѣлъ въ залѣ, но эстрада была полна народу, и зала была тоже биткомъ набита. Юргисъ сѣлъ въ заднихъ рядахъ, и забывъ тотчасъ же, гдѣ онъ сидитъ, погрузился въ мысли о личныхъ дѣлахъ, о томъ, какъ его встрѣтитъ Ельзбета, и о томъ, какъ бы ему достать работу.

Вдругъ Юргисъ услышалъ взрывъ апплодисментовъ. Толпа задвигалась, стала махать платками—очевидно, прибылъ ораторъ. Но Юргисъ только удивился, что эти люди такъ глупы и такъ увлекаются тѣмъ, что̀ не можетъ принести имъ никакой выгоды. Онъ опять предался своимъ мыслямъ, сталъ внутренно подготовлять объясненіе съ Ельзбетой; сначала онъ еще старался прислушаться къ словамъ оратора на эстрадѣ, но не могъ уловить нити и вскорѣ заснулъ. Онъ проснулся отъ прикосновенія чьей-то руки и встрепенулся, увѣренный, что онъ опять захрапѣлъ и что его выведутъ; но къ изумленію онъ услышалъ ласковый женскій голосъ, говорившій ему:—Вы бы послушали, товарищъ,—эта рѣчь

могла бы васъ заинтересовать.—Онъ взглянулъ на свою сосѣдку—молодую, красивую, красиво одѣтую даму. И она назвала его „товарищемъ"—что это значило?

Онъ сталъ искоса поглядывать на сосѣдку и былъ совершенно пораженъ. Она, видимо, забыла о немъ, увлеченная тѣмъ, что говорилось съ эстрады. Юргисъ сталъ прислушиваться, ничего не понималъ и опять поглядѣлъ на странную даму. Она сидѣла окаменѣвшая, тѣсно сжавъ руки на колѣняхъ, съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ. Она напряженно глядѣла на эстраду, прерывисто дышала и изрѣдка быстро смачивала засохшія отъ волненія губы. Что это значило? Очевидно, ее сильно волновали слова человѣка, говорившаго съ эстрады. Кто онъ такой? Юргисъ наконецъ догадался поглядѣть на него.

Внѣшность оратора поразила его, какъ дикое зрѣлище въ природѣ — горный лѣсъ подъ бурей или корабль на разъяренныхъ волнахъ. Онъ былъ высокаго роста, худой, съ большой черной бородой и дикими, глубоко сидящими глазами. Онъ говорилъ возбужденно и сильно жестикулировалъ. Голосъ у него былъ глубокій и звучный, но Юргисъ былъ слишкомъ занятъ его глазами, чтобы помнить о голосѣ. Онъ долго глядѣлъ на него, и вдругъ ему показалось, что ораторъ точно нарочно указываетъ на него, обращается къ нему, и тогда Юргисъ почувствовалъ странное обаяніе его взволнованнаго голоса. Юргисъ сталъ вслушиваться и весь застылъ.

— Вы слушаете меня,—говорилъ ораторъ,—и думаете: все это, можетъ быть, и придетъ, но не въ мое время и мнѣ не поможетъ. А пока вы продолжаете работать на другихъ, живя въ нищетѣ, болѣзняхъ, умирая отъ лишеній. Съ каждымъ днемъ борьба становится все ожесточеннѣе, съ каждымъ днемъ приходится вамъ работать тяжелѣе. Проходятъ мѣсяцы, годы—вы приходите опять сюда, и я спрашиваю: прозрѣли ли вы наконецъ? Я все жду.—Что же мнѣ дѣлать? Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы я могъ укрыться отъ зрѣлища страданій. На всѣхъ концахъ міра происходитъ то же самое. И я не могу перестать говорить, не могу успокоиться. Меня не останавливаетъ страхъ тюрьмы и преслѣдованій, — я буду продолжать свою проповѣдь, я твердо увѣренъ, что если сумѣю наконецъ высказать правду, которую ношу въ душѣ, то она потрясетъ и пробудитъ всѣ спящія души, уничтожитъ ложь и лицемѣріе и водворитъ торжество правды на землѣ. Я говорю отъ имени нѣмыхъ страдальцевъ, не поднимающихъ голоса за себя, говорю отъ имени всѣхъ обездоленныхъ, для которыхъ весь міръ—тюрьма,—дѣтей, изнемогающихъ

на фабрикахъ, бѣдняковъ, умирающихъ въ трущобахъ, молодыхъ дѣвушекъ, которымъ приходится или броситься въ воду, или вступить на путь разврата,—говорю отъ имени всѣхъ, попадающихъ подъ колеса кровожаднаго бога—Жадности. Во имя человѣколюбія, во имя безсмертной души человѣка, возстающей отъ праха, взываю къ освобожденію, къ свѣту...

Ораторъ остановился, и наступило минутное молчаніе, во время котораго всѣ затаили дыханіе, потомъ изъ тысячи устъ раздался согласный крикъ восторга. Одинъ Юргисъ сидѣлъ неподвижно, весь дрожа и не сводя глазъ съ эстрады. Ораторъ поднялъ руку, опять все смолкло, и онъ продолжалъ:

— Я взываю ко всѣмъ жаждущимъ истины и справедливости,—и въ особенности обращаюсь къ вамъ, рабочіе. Вы создаете благоденствіе страны—и васъ отстраняютъ отъ управленія ею; вы готовите обильную жатву для другихъ, а сами просите взамѣнъ только корку хлѣба и кровъ. Я несу вамъ вѣсть о спасеніи. Я знаю вашу жизнь, я самъ жилъ, какъ вы, долгіе годы питался однимъ хлѣбомъ и спалъ на лѣстницахъ или подъ навѣсами. Я знаю, что̀ значитъ создавать гордыя мечты и видѣть ихъ крушеніе,—я прозрѣлъ, платясь за это тяжкими страданіями тѣла и духа. Я дошелъ до отчаянія и знаю, что отчаяніе родитъ великую силу. И я твердо вѣрю, что мои слова пробудятъ вашу силу, открывъ вамъ глаза на ужасы вашей жизни. Вы прозрѣете и станете свободными людьми, сами освободите себя отъ рабства. Товарищи, проснитесь, прозрѣйте, порвите путы привычекъ и предразсудковъ,—поймите уродство теперешняго строя жизни во всей его презрѣнности! Подумайте, на поляхъ Манчжуріи двѣ враждебныя арміи сошлись теперь лицомъ къ лицу; льется невинная кровь сотенъ тысячъ людей, и это происходитъ черезъ девятнадцать вѣковъ послѣ того, какъ на землѣ жилъ Учитель мира и любви, проповѣдь котораго признана божественной. У насъ есть школы, книги, газеты. Сколько философовъ проповѣдывали истину, сколько поэтовъ мечтали о любви,—а чудовище жестокости попрежнему свирѣпствуетъ на землѣ. Представьте себѣ ясно эти искалѣченныя тѣла. Объ этомъ пишутъ, объ этомъ говорится въ церквахъ, а люди это терпятъ и не возстаютъ... Если Манчжурія слишкомъ далека, чтобы возбудить ваше воображеніе, подумайте о томъ, что̀ дѣлается тутъ, въ Чикаго: каждую ночь десять тысячъ женщинъ должны продавать свое тѣло подъ угрозой голодной смерти; десятки тысячъ мужчинъ скитаются безъ крова и просятъ подаянія, чтобы не замерзнуть на улицѣ. Сотни тысячъ матерей живутъ въ страшной

нуждѣ, чтобы прокормить дѣтей, а старики призываютъ смерть, какъ избавительницу отъ страданій. Люди работаютъ, какъ рабы, за нищенскую плату, проводятъ жизнь въ безрадостномъ трудѣ, обреченные на вѣчную нищету, на жизнь въ грязи и невѣжествѣ, въ пьянствѣ и порокахъ. А посмотрите на другую сторону картины. Тысячи, десятки тысячъ живутъ въ роскоши трудами своихъ рабовъ, строятъ себѣ дворцы, платятъ сотни долларовъ за пару сапогъ, за носовой платокъ, тратятъ милліоны на лошадей, автомобили, яхты. Они соперничаютъ между собой въ безсмысленныхъ тратахъ, въ разрушеніи полезныхъ предметовъ, пользуются для своихъ выгодъ слезами и кровью рабочихъ массъ. Землепашецъ обрабатываетъ землю, рудокопъ извлекаетъ богатство изъ земли, ткачъ готовитъ пряжу, каменотесъ обрабатываетъ камни, люди высокаго ума дѣлаютъ открытія, — и результатами ихъ трудовъ пользуются только праздные богачи, завладѣвшіе рабочими силами всего міра. Въ ихъ рукахъ сосредоточивается управленіе страной, и своей властью они пользуются лишь для собственныхъ выгодъ, самовольно расширяютъ свои права, стараются прорыть все болѣе и болѣе широкіе каналы, по которымъ стекались бы въ ихъ руки богатства всѣхъ странъ. А вы, рабочіе, добровольно становитесь вьючными животными для нихъ. Неужели вы полагаете, что такъ и быть должно, что всегда результаты труда будутъ идти на пользу только празднымъ лѣнтяямъ, на удовлетвореніе ихъ капризовъ,— а не будутъ наконецъ принадлежать человѣчеству, идти на общее благо? Но какъ же это произойдетъ? Какая сила измѣнитъ порядокъ вещей? Неужели вы полагаете, что ваши хозяева и угнетатели сами помогутъ вамъ освободиться и выкуютъ для васъ мечъ, своими деньгами будутъ строить для васъ школы, способствовать вашему развитію, помогутъ вамъ организоваться въ политическія партіи для борьбы съ ними? Нѣтъ, поймите, что это ваше собственное дѣло—что вы сами должны возстать противъ гнета и не бояться жертвъ для святого дѣла. Готовьтесь бороться, страдать, голодать. Наступитъ часъ торжества, купленный тяжкой борьбой,—голосъ труда станетъ звучать бодро и смѣло. Жажда свободы удовлетворится, мечта превратится въ дѣйствительность. Распадутся оковы, армія труда воспрянетъ, расправитъ члены, и изъ всѣхъ грудей раздастся мощный крикъ радости.

Голосъ оратора оборвался отъ волненія. Онъ стоялъ, протянувъ впередъ руки. Вся толпа слушателей поднялась съ мѣста, какъ одинъ человѣкъ, съ криками восторга, и Юргисъ кричалъ

теперь громче всѣхъ, чтобы дать исходъ своимъ чувствамъ. Его потрясли не только слова оратора, но весь его видъ, его голосъ. Онъ открылъ Юргису новый міръ, пробудилъ въ немъ какія-то невѣдомыя ему самому силы, преисполнилъ его радостью, смѣшанной съ великой печалью. Все въ немъ воскресло,—его прежнія надежды и мечты, его минувшія печали и отчаяніе. Въ одну минуту къ нему вернулись всѣ пережитыя имъ за всю его жизнь чувства — только странно преображенныя. Теперь ему казалось нестерпимымъ, что онъ сносилъ столько униженій безъ ропота, что въ немъ убивали систематически душу, и онъ допускалъ это. Теперь все рушилось, всѣ подпоры его души сломились. Имъ овладѣлъ духъ возмущенія, и онъ тихо шепталъ: „Клянусь! клянусь!“

XXIX.

Ораторъ снова сѣлъ на свое мѣсто на эстрадѣ, и тогда только Юргисъ понялъ, что рѣчь его кончена. Долго еще продолжались апплодисменты, потомъ кто-то запѣлъ, и всѣ подхватили пѣсню, которая увлекла Юргиса своей дикой воодушевленностью. Это была марсельеза. Онъ въ жизни не испытывалъ ничего подобнаго,—произошло какое-то чудо. Его спасли изъ бездны отчаянія, онъ почувствовалъ себя свободнымъ; что̀ бы теперь ни случилось, еслибы даже пришлось снова просить подаянія, онъ бы отнесся къ этому совсѣмъ иначе, понимая смыслъ всего, имѣя цѣль передъ собой.

Послѣ оратора, такъ волшебно повліявшаго на Юргиса, говорили другіе. Послѣ сбора взносовъ на покрытіе расходовъ по устройству митинга, предсѣдатель предложилъ начать пренія, и опять Юргисъ удивился. Ему казалось, что говорить уже нечего послѣ такихъ словъ,—что остается только осуществлять, дѣйствовать самому и поднимать другихъ. Но пренія все-таки начались и велись въ спокойно разговорномъ тонѣ; тогда Юргисъ вернулся къ сознанію дѣйствительности. Нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ готовъ былъ поцѣловать руку своей прекрасной сосѣдки, обнять человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ по другую сторону. А теперь онъ вспомнилъ, что онъ—бродяга и въ лохмотьяхъ, что отъ него дурно пахнетъ, и что ему негдѣ переночевать. Митингъ кончился; начали расходиться, и Юргисъ былъ въ ужасѣ. Ему казалось, что прекрасное видѣніе, представшее передъ нимъ такъ неожиданно, никогда уже не повторится. Онъ сталъ оглядывать публику. Всѣ обсуждали рѣчь ора-

тора; къ нему никто не обращался, да онъ и не могъ бы ничего сказать; онъ даже не зналъ имени оратора. Онъ чувствовалъ только, что долженъ подойти къ нему и поговорить съ нимъ, и что этотъ человѣкъ не отнесется къ нему съ презрѣніемъ, хотя онъ и бродяга. Юргисъ сталъ ждать, пока зала опустѣетъ. Оратора не было на эстрадѣ, но дверь въ комнату для участвующихъ была открыта; Юргисъ собрался съ духомъ и пошелъ туда вмѣстѣ съ другими. Въ большой комнатѣ онъ увидѣлъ оратора, который сидѣлъ въ углу съ утомленнымъ до крайности, блѣднымъ лицомъ. Одна рука у него безсильно свѣсилась. Около него стоялъ плотный господинъ въ очкахъ и отстранялъ входившихъ. „Пожалуйста, не подходите,—говорилъ онъ,—вы видите, до чего товарищъ усталъ". Юргисъ стоялъ и смотрѣлъ. Отъ времени до времени утомленный ораторъ поднималъ глаза и обмѣнивался нѣсколькими словами съ подходившими къ нему. Увидавъ Юргиса, онъ съ особымъ вниманіемъ взглянулъ на него. Юргисъ подошелъ къ нему.

— Я хочу поблагодарить васъ,—проговорилъ онъ торопливо и волнуясь.—Я не могу уйти, не сказавъ, какъ я счастливъ, что слушалъ васъ. Я вѣдь ничего этого не зналъ.

Господинъ въ очкахъ хотѣлъ-было отстранить Юргиса отъ „утомленнаго товарища", но тотъ остановилъ его.

— Дайте ему говорить. У него есть что сказать мнѣ. Вы хотите побольше узнать о соціализмѣ?—спросилъ онъ Юргиса.

— Я не зналъ, что это соціализмъ,—возразилъ съ удивленіемъ Юргисъ.—Я хочу помочь... Все, о чемъ вы говорили, я испыталъ въ жизни.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ тотъ.

— У меня нѣтъ дома.

Узнавъ затѣмъ, что Юргисъ литовецъ, ораторъ попросилъ позвать товарища Остринскаго, поляка, говорящаго по-литовски, а самъ объяснилъ Юргису, что дѣйствительно страшно утомленъ, такъ какъ уже цѣлый мѣсяцъ говоритъ на собраніяхъ каждый вечеръ. Онъ попросилъ поэтому извинить его.

— Я васъ познакомлю съ человѣкомъ, который вамъ поможетъ такъ же, какъ и я,—прибавилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ появился товарищъ Остринскій, маленькій человѣкъ съ морщинистымъ лицомъ, очень уродливый и слегка хромой. На немъ былъ длинный потертый сюртукъ и зеленые очки, что придавало ему до крайности комичный видъ. Но онъ дружески пожалъ руку Юргису и заговорилъ съ нимъ по-литовски, что сразу расположило Юргиса къ нему.

— Хотите поговорить о соціализмѣ? — спросилъ онъ.— Отлично. Пойдемте вмѣстѣ отсюда и поговоримъ по дорогѣ.

Юргисъ попрощался съ околдовавшимъ его ораторомъ и вышелъ съ Остринскимъ. Тотъ предложилъ проводить Юргиса домой, но, узнавъ, что у него нѣтъ дома, попросилъ разсказать о своихъ обстоятельствахъ. Юргисъ разсказалъ обо всемъ, что съ нимъ произошло на скотныхъ дворахъ, о томъ, какъ онъ лишился семьи и сдѣлался бродягой.

На этомъ мѣстѣ разсказа Остринскій крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Вы прошли черезъ всю каторгу рабочей жизни, мы сдѣлаемъ изъ васъ борца!

Затѣмъ онъ разсказалъ о себѣ. Оказалось, что онъ живетъ въ двухъ комнаткахъ, что жена его больна и что онъ можетъ предложить Юргису мѣсто для ночлега только въ кухнѣ. Юргисъ съ радостью принялъ это предложеніе и пошелъ съ нимъ.

— Завтра мы достанемъ что-нибудь получше, — прибавилъ Остринскій. — Мы стараемся всегда выпутывать товарища изъ бѣды.

Остринскій жилъ въ еврейскомъ кварталѣ, въ подвалѣ. Входя туда, они услышали дѣтскій плачъ. У Остринскаго было трое маленькихъ дѣтей и четвертый только-что родился. Онъ повелъ Юргиса на кухню, извиняясь за безпорядокъ въ домѣ и объясняя его болѣзнью жены. Въ кухнѣ стоялъ большой портняжный столъ. Остринскій былъ портной; спеціальность его заключалась въ заканчиваніи брюкъ для магазиновъ готоваго платья. Онъ бралъ работу на домъ, и ему помогала жена, когда была здорова. Но имъ приходилось все тяжелѣе, такъ какъ, работая по двѣнадцати-четырнадцати часовъ въ сутки, они все-таки едва могли заработать достаточно на пропитаніе семьи. Работа эта не требовала особаго умѣнья, и предложеніе ея поэтому было огромное, а въ виду конкурренціи плата все болѣе понижалась. Вотъ съ вопроса о конкурренціи Юргисъ и долженъ начать изученіе соціализма, сказалъ ему Остринскій. Усѣвшись съ нимъ на кухнѣ, онъ сталъ излагать ему въ элементарной формѣ принципы борьбы пролетаріата противъ капитализма и очень убѣдительно говорилъ о грядущемъ торжествѣ соціализма; онъ увѣрялъ, что вѣра въ эту побѣду облегчаетъ жизнь для всякаго соціалиста и подкрѣпляетъ его въ борьбѣ за осуществленіе идеала. Онъ говорилъ о положеніи въ Чикаго, гдѣ экономическая борьба особенно трудна, такъ какъ рабочей партіи противопоставлены могущественныя организаціи капиталистовъ, мѣшаю-

щія успѣхамъ стачекъ. Но именно тѣмъ, что неравная борьба обезсиливаетъ трэдъ-юніоны, она подготовляетъ торжество соціалистамъ,—такъ какъ члены профессіональныхъ рабочихъ союзовъ все болѣе и болѣе переходятъ въ ихъ ряды.

Остринскій ознакомилъ Юргиса съ организаціей партіи и ея развѣтвленіями во всѣхъ частяхъ Америки, разсказалъ о количествѣ изданій, посвященныхъ интересамъ партіи, и объяснилъ, что все это—дѣло нѣсколькихъ лѣтъ. Остринскому было лѣтъ пятьдесятъ. Онъ былъ полякъ родомъ изъ Силезіи и принималъ участіе въ пролетарскомъ движеніи семидесятыхъ годовъ, когда Бисмаркъ обратилъ свою политику „желѣза и крови" противъ „интернаціонала". Остринскій сидѣлъ два раза въ тюрьмѣ, но тогда онъ былъ молодъ и все ему казалось нипочемъ. У себя на родинѣ онъ уже видѣлъ соціализмъ въ полномъ развитіи, ставшимъ признанной политической силой въ государствѣ, а потомъ пріѣхалъ въ Америку, и пришлось все начать сначала. Въ Америкѣ относились со смѣхомъ къ соціализму; всѣ считали себя и такъ „свободными". „Какъ будто политическая свобода дѣлаетъ экономическое рабство менѣе чувствительнымъ!" воскликнулъ Остринскій. Онъ говорилъ тихо, чтобы не разбудить жену и дѣтей, и весь онъ казался Юргису такимъ же поразительнымъ, какъ ораторъ на митингѣ. Такой онъ, казалось бы, жалкій, ничтожный, а между тѣмъ какая смѣлость, сколько онъ уже сдѣлалъ, какой онъ герой! И такихъ, какъ онъ, тысячи, и всѣ они—рабочіе. Что прогрессъ создается рабочими, товарищами Юргиса, казалось ему поразительнымъ; онъ даже почти не могъ этому вѣрить.

Остринскій сталъ объяснять ему тактику соціалистовъ въ политикѣ, отстаиваніе интересовъ рабочихъ массъ. Онъ разсказалъ про международную организацію соціализма, вліяющаго теперь уже на политику почти во всѣхъ странахъ, говорилъ о цѣляхъ движенія, о томъ, что оно хочетъ водворить и навѣрное водворитъ справедливость и равенство на землѣ, что это—грядущая новая религія человѣчества, или, вѣрнѣе, исполненіе прежней, ибо соціализмъ исполняетъ всѣ завѣты Христа.

Долго сидѣлъ Юргисъ, внимая своему новому знакомому. Ему казалось, что все, что произошло съ нимъ въ этотъ вечеръ,—чудо. Онъ какъ бы встрѣтилъ человѣка изъ новаго міра, человѣка четырехъ измѣреній, который разъяснилъ ему такъ просто и ясно все, что было до сихъ поръ для Юргиса непонятнымъ хаосомъ. Въ глазахъ Юргиса собственники скотныхъ дворовъ были какимъ-то рокомъ, отъ котораго нѣтъ спасенія. А Остринскій объяснилъ ему организацію мясного трёста, который путемъ чудо-

вищнаго накопленія капитала сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власть надъ страной и пренебрегалъ всѣми законами. Юргисъ когда-то жалѣлъ свиней на бойнѣ,—а Остринскій объяснилъ ему, что онъ самъ совершенно въ положеніи такого же бѣднаго животнаго, изъ котораго хозяева выжимаютъ всю пользу, какую только могутъ. При теперешнемъ строѣ на землѣ царитъ жадность,—страшное чудовище, у котораго тысяча пастей, тысяча копытъ. Остринскій разсказалъ, какъ власть крупныхъ капиталовъ уничтожаетъ всю мелкую торговлю и доводитъ людей часто до сумасшествія и самоубійства, какъ мясной трёстъ опредѣляетъ цѣны по всей Америкѣ и какъ захватилъ всю торговлю мясомъ. Организація трёста, сосредоточенія всѣхъ средствъ производства въ своихъ рукахъ,—очень мощная; несчастье только въ томъ, что она не служитъ общимъ интересамъ, а обогащаетъ отдѣльныхъ капиталистовъ. Дѣло соціализма—отнять власть у пиратовъ и взять въ свои руки организацію мясного трёста, чтобы управлять имъ дѣйствительно въ интересахъ рабочихъ массъ. Юргисъ слушалъ съ восхищеніемъ его слова о грядущей побѣдѣ труда и долго еще потомъ не могъ заснуть, представляя себѣ будущій видъ скотныхъ дворовъ, когда они окажутся собственностью самихъ рабочихъ.

XXX.

Утромъ, позавтракавъ съ Остринскимъ и его семьей, Юргисъ отправился къ Ельзбетѣ. Онъ уже не боялся перваго объясненія съ ней, какъ наканунѣ, а тотчасъ же сталъ посвящать ее въ свою новую вѣру. Ельзбета обрадовалась его приходу, но слова его о соціализмѣ не проникали въ ея сознаніе,—она была человѣкомъ стараго міра, слишкомъ закаменѣвшая въ предразсудкахъ среди жизненныхъ страданій и недоступная проповѣди новыхъ идей. Но она рада была, что новая вѣра Юргиса отвлекла его отъ пьянства, и потому сочувствовала перемѣнѣ, совершившейся въ немъ.

Юргисъ сталъ искать работы, и ему сразу улыбнулась удача: онъ получилъ мѣсто привратника въ отелѣ, и оказалось, что хозяинъ, Томми Гиндъ,—одинъ изъ главныхъ дѣятелей соціалистической партіи. Когда это выяснилось, то отношенія между хозяиномъ и „товарищемъ Юргисомъ“ установились самыя близкія, причемъ Юргисъ далеко не пренебрегалъ своими обязанностями въ отелѣ, а работалъ еще болѣе усердно, убиралъ и чи-

стилъ весь домъ, носилъ сундуки пріѣзжихъ и чувствовалъ себя прекрасно.

Томми Гиндъ былъ въ юности рабочимъ, подмастерьемъ въ кузницѣ, состоялъ членомъ рабочаго союза и, ознакомившись на практикѣ съ системой эксплуатаціи капиталистовъ, примкнулъ къ соціалистической партіи и очень ревностно занялся пропагандой. Онъ писалъ соціалистическіе памфлеты, обличая всѣ злоупотребленія капиталистовъ, съ которыми въ достаточной мѣрѣ познакомился, пробивая себѣ путь въ жизни. Онъ привлекалъ многихъ въ свою партію, и въ этомъ смылѣ скромный отель, который онъ содержалъ, оказывалъ ему пользу. Туда пріѣзжало много скотопромышленниковъ изъ южныхъ штатовъ,—именно тѣхъ, которые страдали отъ эксплуатаціи мясного трёста, не могли жить въ большихъ отеляхъ и старались устроиться дешево. Ихъ Томми Гиндъ возстановлялъ противъ стараго порядка и обращалъ въ соціализмъ. Вскорѣ ему сталъ помогать въ этомъ и Юргисъ, котораго онъ призывалъ для бесѣдъ съ пріѣзжими. Юргисъ разсказывалъ о порядкахъ на бойняхъ въ Чикаго и научился говорить сильно и убѣжденно. Кромѣ того, для успѣха пропаганды онъ сталъ многому учиться, читать, и укрѣплялся въ своихъ новыхъ убѣжденіяхъ. Онъ не понималъ, какъ каждый не видитъ сразу же правоты соціализма. Но ему пришлось испытать и много разочарованій, биться съ упрямыми людьми, не понимающими смысла того, что имъ говорили соціалисты.

Юргисъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи, познакомился со многими выдающимися товарищами, принималъ участіе въ организаціи митинговъ и видѣлъ, какъ постепенно растетъ сила соціализма и какъ успѣшно идетъ пропаганда стачекъ и борьба съ политиканами. Когда снова подготовлялись выборы, то положеніе дѣлъ въ Чикаго совершенно измѣнилось. Скелли совсѣмъ уже не могъ разсчитывать на большинство; напротивъ того, проповѣдь соціалистовъ разросталась и процвѣтала. Юргисъ познакомился съ представителями разныхъ толковъ среди соціалистовъ, слушалъ въ домѣ одного единомышленника пламенную проповѣдь религіозно настроеннаго соціалиста, который связывалъ свое ученіе съ проповѣдью Христа и поднималъ рабочихъ во имя Евангелія. Познакомился онъ также съ другимъ дѣятелемъ, называвшимъ себя „философскимъ коммунистомъ“, который спорилъ съ соціалистами. Онъ вѣрилъ въ побѣду только матеріальнаго прогресса, былъ убѣжденнымъ позитивистомъ и въ то же время идеализировалъ человѣчество. Онъ вдохновенно говорилъ о времени, когда исчезнетъ система заработной платы, и человѣчество

придетъ къ свободному труду и свободному творческому пользованію всѣми силами человѣческаго духа. Онъ проповѣдывалъ общинное владѣніе землей. Его теоріи опровергались соціалистами въ преніяхъ, на которыхъ присутствовалъ Юргисъ, но его привлекалъ духовный обликъ этого проповѣдника братской любви между людьми. Прошелъ годъ, и успѣхи соціализма въ Чикаго превысили всѣ ожиданія. Наступилъ день выборовъ. Юргисъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ и всѣми служащими въ отелѣ съ утра волновались и слѣдили за подачей голосовъ. Побѣда оказалась поразительной: кандидаты демократической партіи, столь сильной прежде въ фабричномъ районѣ Чикаго, были побиты, и на ихъ мѣсто выбраны соціалисты. Вечеромъ того же дня состоялся грандіозный соціалистическій митингъ. Вдохновенно говорившій съ эстрады ораторъ торжествовалъ побѣду и взывалъ къ рабочимъ, требуя отъ нихъ, чтобы они организовывались и твердо шли по пути соціализма. „Тогда,—говорилъ онъ, — мы окончательно уничтожимъ оппозицію,—и Чикаго будетъ нашимъ!“

Съ англ. З. В.

ЛЮБОПЫТНЫЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Письмо въ Редакцію.

I.

Весной нынѣшняго года меня очень заинтересовали пренія, происходившія въ петербургской Городской Думѣ по вопросу объ обязательномъ увольненіи учительницъ городскихъ школъ въ случаѣ ихъ выхода замужъ. Петербургская печать отвела этимъ преніямъ не мало мѣста, будучи почти вся на сторонѣ противниковъ такого правила, но оно было оставлено въ силѣ совершенно неожиданно, повидимому, для его защитниковъ—большинствомъ всего одного голоса, 41 противъ 40, —если только память мнѣ не измѣняетъ,—причемъ либеральная печать смотрѣла на это большинство какъ на реакціонное, противное духу прогресса въ народномъ школьномъ дѣлѣ. А лѣтъ 10, 15 тому назадъ, вопросъ этотъ занималъ общественное мнѣніе и обсуждался прессой также и въ нашемъ штатѣ Калифорніи, но не въ принципіальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ практическаго неудобства: спеціально подготовленныхъ учащихъ, съ дипломами нормальныхъ школъ, т.-е. учительскихъ семинарій, въ западной Америкѣ далеко не хватаетъ, и потому нѣкоторыя школьныя власти думали, что слѣдуетъ временно поступиться принципомъ, чтобы не остаться совсѣмъ безъ учащихъ. Тѣмъ не менѣе, принципъ одолѣлъ, и правило, что замужество учительницы равносильно подачѣ ею прошенія объ отставкѣ, было повсемѣстно принято совѣтами народнаго образованія въ графствахъ и городахъ нашего штата. На Востокѣ и въ Центрѣ Союза оно было повсюду давно въ силѣ,—а теперь преобладаетъ и на Западѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что принципіальная его сторона, въ

смыслѣ необходимости для пользы школы уволить учительницу, если она выходитъ замужъ, давно рѣшена у насъ безповоротно въ утвердительномъ смыслѣ всѣми авторитетами страны по народному образованію, и въ Америкѣ вопросъ этотъ давно пересталъ быть спорнымъ. Я не буду приводить теоретической аргументаціи pro и contra, такъ какъ вообще въ настоящемъ письмѣ разсчитываю только констатировать нашу американскую дѣйствительность по разнымъ вопросамъ, составляющимъ и современную русскую „злобу дня".

Народное образованіе въ Союзѣ организовано чрезвычайно своеобразно въ томъ смыслѣ, что у насъ нѣтъ никакихъ центральныхъ учрежденій для его урегулированія; не только федерація государствъ, Союзъ, какъ цѣлое, совсѣмъ не вмѣшивается въ него, но и отдѣльныя государства, штаты, касаются его только чрезвычайно поверхностно, въ общихъ чертахъ; вся администрація дѣла народной школы предоставлена мѣстнымъ учрежденіямъ графствъ и городовъ, а также примитивнымъ самоуправляющимся административнымъ единицамъ, которыя во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ совершенно самостоятельны и руководствуются только своими собственными постановленіями и правилами. На практикѣ это выражается выборными совѣтами народнаго образованія, обыкновенно многочленными — отъ 7-ми до 15-ти членовъ, въ числѣ которыхъ почти всюду есть женщины,—служащими безвозмездно и обновляемыми каждые 2, 3 или 4 года, смотря по тому, на какой срокъ выбираются въ данномъ штатѣ штатные чины; при вступленіи въ должность они пересматриваютъ правила, принятыя прежними совѣтами, и установляютъ какъ ихъ, такъ и школьные бюджеты и личный составъ—на свой срокъ службы. Само собой разумѣется, что общее положеніе извѣстнаго штата и извѣстной мѣстности вліяетъ всего больше на сущность этихъ постановленій, и что насколько разнообразны личные составы совѣтовъ, настолько же разнообразны и учреждаемыя ими правила. Всякое умственное теченіе, всякое абстрактное положеніе найдетъ въ нихъ своихъ приверженцевъ и имѣетъ возможность высказаться и оформиться; очевидно, слѣдовательно, что общепринятыя во всемъ Союзѣ правила перешли стадію спорности и должны считаться результатомъ долговременнаго и повсемѣстнаго опыта и голосомъ общей народной воли. Только совѣты самыхъ крупныхъ административныхъ единицъ — большихъ графствъ и значительныхъ городовъ—печатаютъ свои правила,—большинство же довольствуется писанными протоколами своихъ засѣданій, причемъ вновь принимаемыя постановленія разбросаны въ нихъ и только очень рѣдко правильно систематизируются. Я не могъ найти ни одного штата, который обладалъ бы сводомъ такихъ постановленій своихъ мѣстныхъ совѣтовъ народнаго образованія. Федеральный департаментъ народ-

наго образованія въ Вашингтонѣ въ своемъ отчетѣ за 1904 г. имѣетъ главу, посвященную систематизаціи штатныхъ законовъ по народному образованію,—за исключеніемъ шести, а департаментъ народнаго образованія штата Нью-Іорка въ своемъ 361-мъ бюллетенѣ за декабрь 1905—указываетъ сущность школьныхъ законовъ своего штата; но изученіе этихъ документовъ даетъ только самое общее понятіе о положеніи дѣла народнаго образованія въ странѣ и штатѣ Нью-Іоркѣ, и ровно ничего о мѣстной дѣятельности совѣтовъ, составляющей сущность дѣла. Словомъ, децентрализація администраціи дѣла народнаго образованія въ Союзѣ такова, что для того, чтобы имѣть точное понятіе о состояніи какого-либо отдѣльнаго вопроса, необходимо снестись со *всѣми* совѣтами народнаго образованія въ странѣ,—а ихъ нѣсколько тысячъ, такъ какъ во всемъ Союзѣ насчитывается до 2.904 графствъ и до 1.176 городовъ съ населеніемъ свыше 4.000 въ каждомъ. Чтобы имѣть подъ собой твердую почву по поводу вышеприведеннаго вопроса, я написалъ цѣлой сотнѣ совѣтовъ, въ разные районы, штаты, города, графства, и нашелъ всюду *безъ исключенія* въ силѣ правило, что замужество учительницы народной школы равносильно подачѣ ею прошенія объ отставкѣ. Именно, это самое выраженіе принято вездѣ. Отвѣты совѣтовъ дали мнѣ, кромѣ того, нѣсколько интересныхъ фактовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вышедшія замужъ и немедленно уволенныя учительницы подавали жалобы въ судъ, требуя выдачи жалованья за весь срокъ, на который онѣ были назначены,—но судъ всегда имъ отказывалъ въ этихъ искахъ, признавая правило законнымъ и не подлежащимъ компетенціи судебной власти. Въ городѣ Чикаго не могутъ быть учительницами только тѣ замужнія женщины, у которыхъ есть дѣти моложе двухъ лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штата Пенсильваніи дѣвушка-учительница, прежде чѣмъ она можетъ быть назначена на мѣсто, должна дать подписку, что не выйдетъ замужъ до окончанія срока, такъ какъ неожиданныя смѣны учительницъ, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, вызываютъ всегда болѣе или менѣе долгіе перерывы въ занятіяхъ, вредные для школъ. Помимо такихъ частныхъ ограниченій, довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ, замѣчается и нѣкоторая реакція противъ учительницъ и женщинъ вообще, основанная, во-первыхъ, на томъ, что ощущается излишняя феминизація учениковъ-мальчиковъ народныхъ школъ, особенно среднихъ, а во вторыхъ—по дороговизнѣ для штата приготовленія учительницъ. Такъ, штатъ Калифорніи съ полутора-милліоннымъ населеніемъ, содержитъ 5 нормальныхъ школъ, которыя, помимо стоимости и расходовъ на помѣщенія, обходятся ему около двухсотъ тысячъ долларовъ въ годъ и выпускаютъ ежегодно нѣсколько менѣе 500 учащихъ, въ томъ числѣ всего около 30 мужчинъ. Тогда какъ получившій такое

спеціальное образованіе мужчина, только за очень рѣдкими исключеніями, служитъ на образовательномъ поприщѣ до смерти, дѣвушки-учительницы служатъ, въ среднемъ, менѣе 5-ти лѣтъ, причемъ свыше 80% оставляютъ учительство очень рано, потому что выходятъ замужъ. Большинству изъ нихъ штатъ даетъ даровое, дорого стоящее образованіе, не получая ничего взамѣнъ; нормальныя школы переполнены, а штатъ постоянно нуждается въ компетентныхъ учащихъ, хотя и приготовляетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ то нужно, еслибы они только оставались на службѣ.

Для безпристрастнаго посторонняго наблюдателя, не подверженнаго непосредственно вліяніямъ современной русской „злободневности", съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дѣлается яснымъ, что переживаемый Россіей острый политическій кризисъ оказываетъ самое мощное давленіе на всѣ стороны ея жизни,—между прочимъ, и на такія общественныя явленія, которыя не должны бы имѣть ничего общаго съ политикой и страстями, а разрѣшаться только сообразно ихъ внутренней добротности,—если можно такъ выразиться. Такъ и вышеочерченный спеціальный вопросъ не удержался на принадлежащей ему почвѣ, а, какъ я уже упомянулъ, печать назвала его защитниковъ реакціонерами. Опасности такого положенія дѣлъ въ странѣ прямо неисчислимы. Политическій фанатизмъ, въ моемъ представленіи, ни въ чемъ не уступаетъ религіозному, и, въ своей апогеѣ, совершенно такъ же одностороненъ. Серьезнѣйшіе люди незамѣтно для самихъ себя подпадаютъ его исключительному руководству, утрачиваютъ способность свободно оріентироваться и различать пшеницу отъ плевелъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, и кончаютъ тѣмъ, что подчиняютъ всѣ свои симпатіи и антипатіи извѣстному шаблону. Самообладаніе исчезаетъ, и люди дѣлаются рабами „злобы дня". Неумѣренный политическій неврозъ такъ же силенъ и такъ же одуряющъ, какъ воздѣйствіе на нервную натуру гашиша, опіума, морфія...

Всякому русскому читателю извѣстно дѣло газеты „Двадцатый Вѣкъ" съ его рабочими. Извѣстно оно и въ Америкѣ. Нигдѣ въ мірѣ ремесленные союзы не достигли той силы и развитія, какъ у насъ, особенно нѣкоторые, въ томъ числѣ и типографскій. Конечно, въ Россіи воскресенье далеко не имѣетъ того значенія, которое оно имѣетъ въ Америкѣ, особенно если принять въ соображеніе, что, кромѣ воскресенья, у насъ нѣтъ въ году и полудюжины общепринятыхъ праздниковъ какого бы то ни было рода а въ Россіи ихъ масса. Тѣмъ не менѣе, наши газеты выходятъ 365 разъ въ году, и за ту четверть вѣка, что я живу въ Америкѣ, я никогда не слыхалъ и не читалъ, чтобы кто-либо

когда-либо заикнулся о томъ, что газеты не должны выходить по понедѣльникамъ, такъ какъ типографщикамъ нуженъ воскресный отдыхъ. Если несомнѣнно то, что всякому работнику необходимъ отдыхъ хотя бы разъ въ недѣлю, то несомнѣнно и то, что человѣкъ рождается, умираетъ, ѣстъ и пьетъ, и вообще живетъ и по воскресеньямъ, и что ему необходимое должно удовлетворяться такъ или иначе и по этимъ днямъ. Если типографщикъ желаетъ отдыхать непремѣнно въ воскресенье,—почему не имѣютъ права требовать того же и доктора, и госпитали, и отели, и рестораны, и желѣзныя дороги и т. д.? Вотъ что сказалъ мнѣ по этому поводу президентъ типографскаго союза въ нашемъ городѣ: „Культурный человѣкъ не можетъ обходиться въ наше время 48 часовъ безъ газеты. Мы, типографщики, сами первые взбунтовались бы, еслибъ газеты вздумали не выходить по понедѣльникамъ. Пока у насъ воскресенье, въ другихъ частяхъ Свѣта понедѣльникъ или суббота, и было бы дико не знать, что у нихъ произошло. Жизнь не останавливается изъ-за воскресенья, и культурному человѣку должно бы быть легче обойтись безъ обѣда, чѣмъ безъ газеты. Мы, напримѣръ, устроились въ нашемъ городѣ такъ, что работаемъ только одно воскресенье изъ пяти, такъ какъ намъ, работающимъ въ газетныхъ типографіяхъ, помогаютъ товарищи изъ типографій, гдѣ печатанія газетъ нѣтъ. Намъ несравненно легче жить, чѣмъ, напр., „мотормэнамъ“ и кондукторамъ городскихъ трамваевъ: у нихъ каждое воскресенье двойная работа противъ будней. Они всѣ работаютъ каждое воскресенье, и ничего съ этимъ не подѣлаешь. Вы сами знаете, что по воскресеньямъ весь городъ ѣдетъ за городъ, лѣтомъ на берегъ океана, зимой—въ деревню. Попробовали бы они забастовать въ это время,—да весь городъ жестоко взбунтовался бы противъ нихъ и имъ бы досталось отъ публики. У всякаго ремесла свои выгоды и свои невыгоды—съ этимъ ничего не подѣлаешь, и ваши петербургскіе типографщики въ этомъ дѣлѣ поступали просто—crazy. Такія нелѣпыя требованія и возстановляютъ общество противъ ремесленныхъ союзовъ,—и потому имъ слѣдуетъ быть умнѣе и резоннѣе“. А въ Петербургѣ большинство газетъ не только подчинилось требованію типографщиковъ—не выходить по понедѣльникамъ, но и возстало противъ своего сотоварища, „Двадцатаго Вѣка“; по этому дѣлу засѣдалъ даже третейскій судъ. Культура, здравый смыслъ, право—все было принесено въ жертву политикѣ только потому, что требованіе было предъявлено рабочими, оно было радикально, и какое бы то ни было ему противодѣйствіе считалось поэтому реакціонерствомъ.

Я очень радъ, что, несмотря на серьезнѣйшія сомнѣнія, я все-таки послалъ мою замѣтку по аграрному вопросу, и тѣмъ не менѣе она нашла себѣ мѣсто въ майской книжкѣ вашего журнала. Замѣтка эта вызвала очень много писемъ ко мнѣ съ родины, давшихъ мнѣ цѣлую массу драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній, которыми я не располагалъ. Возраженій по существу нѣтъ, — напротивъ, оказывается, что я былъ слишкомъ оптимистиченъ, — что удобной къ воздѣлыванію частно-владѣльческой земли у насъ, вѣроятно, меньше въ дѣйствительности, чѣмъ это вычисляютъ, а безземельныхъ настолько больше, чѣмъ я предполагалъ, что и всѣхъ частно-владѣльческихъ земель не можетъ хватить на нихъ однихъ, даже при самомъ небольшомъ минимумѣ надѣла. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, отлично освѣдомленный, опредѣляетъ ихъ въ двадцать милліоновъ душъ; г. Щербина, во 2-мъ выпускѣ „Политической Энциклопедіи", установляетъ, что ихъ не меньше одного милліона хозяйствъ, и думаетъ, что, за несовершенствомъ статистическихъ данныхъ, цифра эта гораздо ниже дѣйствительности; принимая за базисъ воронежскую губернію, по которой эти данныя полнѣе, онъ думаетъ, что всѣхъ безземельныхъ въ Европейской Россіи—до 15.840,000 душъ. Даже малоземельнымъ, не говоря уже о большинствѣ, очевидно, не на что надѣяться. Но я не буду входить въ детали, а опять остановлюсь только на сущности дѣла. Резюмируя весь находящійся теперь въ моемъ распоряженіи новый матеріалъ по поводу современнаго положенія аграрнаго вопроса въ Россіи, я пришелъ къ тому заключенію, что оно является результатомъ двухъ главныхъ факторовъ: 1) обѣщаній крестьянству правительствомъ и нѣкоторыми лѣвыми партіями надѣлить его землей, и 2) объединеннаго стремленія всѣхъ соціалистическихъ фракцій воспользоваться политическимъ неврозомъ, въ которомъ находится страна, и продѣлать опытъ съ націонализаціей земли во что бы то ни стало. Я не знаю, что̀ могло имѣть въ виду правительство, дѣлая невыполнимыя обѣщанія, такъ какъ не могу допустить, чтобъ оно не знало дѣйствительности; самые опасные аппетиты крестьянства возбуждены, а удовлетворять ихъ придется двумя рыбами и пятью хлѣбами. Оно, повидимому, намѣрено въ этой крайности пожертвовать даже частью лѣсовъ, — что̀ я считаю завѣдомымъ преступленіемъ противъ общаго благосостоянія страны [1]). Лѣвыя же партіи были очевидно увлечены

[1]) Америка, хотя ея лѣса далеко не такъ еще истощены, какъ въ большей части Европейской Россіи, напротивъ, несмотря на начинающійся уже и здѣсь земельный голодъ, энергично расширяетъ съ каждымъ годомъ свои лѣсныя резервацiи; за послѣднее десятилѣтіе учреждено 38 резервацій, съ общей суммой 45 м. акровъ въ ихъ предѣлахъ,—нѣкоторыя съ огромными расходами на отчужденіе частныхъ въ нихъ владѣній.

стремленіемъ привлечь на свою сторону на выборахъ крестьянскія массы даже невыполнимыми обѣщаніями — обычная ошибка всѣхъ неопытныхъ политиковъ,—и „кадетамъ", успѣвшимъ, отчасти благодаря этимъ обѣщаніямъ сконцентрировать въ свою пользу большинство въ распущенной Думѣ, придется, вѣроятно, расплачиваться за этотъ эфемерный успѣхъ весьма долгое время. Вообще, аграрный вопросъ представляется мнѣ страшно осложненнымъ своимъ недавнимъ политическимъ прошлымъ,—„злоба дня" и стремленіе побѣдить во что бы то ни стало, очевидно, пересилили благоразуміе и дѣйствительные интересы страны. Серьезная американская пресса, да, повидимому, и большинство западно-европейской, приписываютъ распущеніе Думы, главнымъ образомъ, именно постановкѣ ею аграрнаго вопроса. Но, какъ ни интересенъ этотъ первый факторъ для его настоящаго положенія, особенно въ практическомъ смыслѣ его вліянія на непосредственное будущее Россіи, я не стану дальше на немъ останавливаться, а перейду ко второму.

Америку, главнымъ образомъ, поразили тѣ заявленія извѣстной части русской печати, которыя утверждаютъ, что отнынѣ Россія поведетъ за собой цивилизованный міръ по новому пути—государственной и соціальной реорганизаціи,—и что соціализмъ будетъ немедленно положенъ въ основы ея будущаго, начиная съ націонализаціи земли. Нельзя, конечно, отрицать, что идея эта успѣла-таки пробраться и въ то немногое въ практическомъ смыслѣ, что удалось высказать по аграрному вопросу первой Думѣ. Въ то же время едвали подлежитъ сомнѣнію, что обычное русское доктринерство успѣло съузить и соціализмъ настолько, что въ русской практикѣ онъ отожествился съ марксизмомъ, который въ настоящій моментъ и руководитъ всѣмъ дѣломъ. Насколько глубоко онъ захватилъ современную Россію, я не знаю; хотя, судя по многочисленности и аггрессивности марксистскихъ органовъ печати, и можно бы думать, что онъ широко распространенъ,—но я, лично пережившій увлеченія русской интеллигенціи въ шестидесятыхъ годахъ матеріализмомъ и естественными науками, а въ семидесятыхъ народничествомъ, затѣмъ внимательно слѣдившій за „пустопорожнимъ мѣстомъ" восьмидесятыхъ и „толстовствомъ" девяностыхъ годовъ,—невольно отношусь съ серьезнѣйшими сомнѣніями относительно дѣйствительной глубины всѣхъ подобныхъ увлеченій. Въ моемъ представленіи извѣстные, наиболѣе активные слои современной русской интеллигенціи захвачены марксизмомъ настолько сильно, что и инертное громадное большинство до извѣстной степени подвержено этому идолопоклонству, и на этой-то пассивной подвер-

женности эти слои и основываютъ всѣ свои надежды. Эта инертность боится бойкаго, крикливаго, самоувѣреннаго теченія, которое только одно и знаетъ, что̀ ему нужно, и ни въ чемъ не сомнѣвается; она опасается какъ-либо ему противодѣйствовать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно окрестило себя „научнымъ соціализмомъ" и въ этомъ новомъ чинѣ провозгласило свою непогрѣшимость. Въ „Войнѣ и Мирѣ" есть чудно обрисованная фигура нѣмецкаго генерала-теоретика Пфуля, благодаря исключительно научной, якобы, импозантности, успѣвшаго-таки заставить весь россійскій генералитетъ укрѣпиться въ дрисскомъ лагерѣ, хотя онъ и былъ до очевидности безсмысленъ. И русскій аграрный вопросъ нашъ марксизмъ разрѣшаетъ очень просто: Марксъ, Энгельсъ, Каутскій говорятъ то-то,—слѣдовательно, объ чемъ же тутъ дальше разсуждать?! Коротко и ясно, рѣшено и подписано. Такъ, по крайней мѣрѣ, относятся къ дѣлу нѣкоторыя дошедшія до меня статьи и брошюры. Въ то же время, политическая дѣйствительность такъ тяжела и мрачна, необходимость ея коренной реорганизаціи такъ неотложна, а надежды добиться чего-либо, хоть сколько-нибудь отвѣчающаго потребностямъ, такъ проблематичны, что и неимѣющіе ничего общаго съ марксизмомъ люди цѣпляются за него изъ-за его рѣшительности и аггрессивности. Въ американскомъ же представленіи марксизмъ—не что̀ иное, какъ нѣмецкая версія соціализма, которая по общей нѣмецкой методѣ относительно подобныхъ отвлеченностей доведена до крыши безъ экспериментальной провѣрки и теперь разстрѣливается критикой до того, что отъ первоначальнаго зданія скоро не останется и слѣда. Лучшія и наиболѣе активныя силы нѣмецкой интеллигенціи такъ увлеклись этой неблагодарной работой, этой умственной гимнастикой, что въ политическомъ отношеніи Германія отстала отъ всей Европы, и реакція и милитаризмъ дѣйствуютъ въ ней на самомъ широкомъ просторѣ и безъ малѣйшей узды. Все принесено въ жертву этому новому Молоху. Америка [1]) думаетъ, что марксизмъ—метафизика, безпочвенное доктринерство, которое никогда не можетъ имѣть практическаго значенія, и что покуда и чистый, необезображенный схоластикой соціализмъ есть только очень древняя политико-экономическая теорія, которая, несмотря на множество и разнообразіе придававшихся ей въ разное время конкретныхъ формъ, при экспериментальной провѣркѣ всегда оказывалась почему-либо несостоя-

[1]) Когда я говорю: Америка, я, конечно, подразумѣваю выводы большинства ея серьезной печати и общественныхъ силъ. Въ Америкѣ немало соціалистовъ,—хотя, конечно, во много разъ меньше относительно, чѣмъ въ любомъ европейскомъ государствѣ,—но между ними очень мало марксистовъ; они встрѣчаются только между нашими эмигрантами, вкупѣ съ нѣмцами, составляющими большинство американскихъ соціалистовъ вообще.

тельной. Америка полагаетъ, что какая-либо теорія — техническая, научная, соціальная, — какъ бы симпатична и многообѣщающа она ни была, — должна пройти сквозь положительную экспериментальную провѣрку, прежде чѣмъ какое-либо производство, наука или государство могутъ строить на ней что-либо. Паръ, конечно, эффективнѣе лямки, лошади, веселъ, парусовъ, — но ушло цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ удачная экспериментальная провѣрка довела его до настоящаго состоянія, и все-таки онъ и до сихъ поръ не только не вытѣснилъ этихъ средствъ къ передвиженію, но, конечно, и никогда вполнѣ ихъ не вытѣснитъ. Въ моемъ архивѣ лежитъ больше десятка присланныхъ мнѣ въ разное время русскими изобрѣтателями проектовъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ — съ прекрасными чертежами, сложными вычисленіями и самыми страстными доказательствами ихъ абсолютнаго совершенства, — а сколько тысячъ такихъ проектовъ ждетъ по всему бѣлому свѣту шансовъ къ примѣненію! Теоретически воздухоплаваніе несомнѣнно привлекательнѣе всякаго другого средства къ передвиженію, — но я не могу себѣ представить страны, которая бы уничтожила свои желѣзныя дороги и пароходы, дабы замѣнить ихъ воздухоплаваніемъ въ его настоящемъ состояніи. Оно еще не выдержало требованій экспериментальной провѣрки—того же, чего не выдержалъ еще и соціализмъ. Я не буду говорить о неудачныхъ русскихъ опытахъ — о петербургскихъ коммунахъ шестидесятыхъ годовъ, о земледѣльческихъ колоніяхъ по Энгельгардту семидесятыхъ, — объ интеллигентныхъ поселкахъ „толстовцевъ" въ девяностыхъ, — мнѣ могутъ возразить, что общія жизненныя условія Россіи въ тѣ времена сами по себѣ исключали возможность успѣха. Но я собралъ громадный матеріалъ по этому предмету въ Америкѣ — матеріалъ преимущественно литературный и историческій, но подтвержденный за послѣднюю четверть вѣка и многими личными моими изслѣдованіями и наблюденіями. Матеріалъ этотъ такъ великъ и поучителенъ, что его просто жаль комкать въ журнальную статью, — тѣмъ не менѣе, и безъ многихъ интереснѣйшихъ деталей, онъ кажется мнѣ достойнымъ самаго трезваго обсужденія. Въ Америкѣ эти эксперименты, конечно, никогда не встрѣчали ни малѣйшаго противодѣйствія со стороны какихъ-либо властей; да и мѣстное населеніе относилось къ нимъ всюду и вездѣ не только безъ враждебности, но и скорѣе симпатично, чѣмъ индифферентно. Извѣстны достовѣрно многіе случаи, когда окрестные фермеры долгое время поддерживали коммуны даровыми съѣстными припасами. Было до десятка судебныхъ дѣлъ, два раза доходившихъ до верховнаго суда, когда судьи поддерживали коммуны противъ ихъ же собственныхъ членовъ, пытавшихся расторгнуть ихъ требованіями выдѣла своего личнаго имущества, добровольно ими уступленнаго при

организаціи. Фрикція засвидѣтельствована только въ двухъ, трехъ случаяхъ, разъ съ шэкерами по поводу ихъ отказа носить оружіе во время революціонной войны — 1776,—или когда слишкомъ публично практиковались разныя крайности, вродѣ „свободной любви", — хотя „Онеидская коммуна" просуществовала цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Соціалистическіе эксперименты начались въ Америкѣ еще въ 1713 г., т.-е. почти двѣсти лѣтъ тому назадъ; они обнимаютъ собою около 300 отдѣльныхъ случаевъ, и почти безъ всякихъ исключеній никогда не страдали отъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній.

Американскіе соціалистическіе эксперименты слѣдуетъ прежде всего раздѣлить на религіозные и чисто-экономическіе, затѣмъ—на производившіеся иностранцами и природными американцами. Религіозными я называю такіе, въ основу которыхъ была положена религія, а соціализмъ былъ только ея аттрибутомъ. Всѣ таковые, за исключеніемъ одного, были основаны иностранцами, эмигрировавшими въ Америку съ исключительной цѣлью привести ихъ въ исполненіе. Первымъ по времени была коммуна Эфрата, основанная въ 1713 г. въ штатѣ Пенсильваніи нѣмцами, подъ предводительствомъ Конрада Бейцеля. Они признавали только Евангеліе, отрицали всякую обрядность и практиковали безусловный коммунизмъ всякой собственности и строгое безбрачіе. Бейцель былъ автократомъ во всѣхъ отношеніяхъ, прожилъ очень долго, и подъ его управленіемъ коммуна эта достигла значительной численности—по преданіямъ, одно время въ ней было нѣсколько тысячъ членовъ—и высокаго матеріальнаго благосостоянія. Объ ея дѣятельности въ XVIII столѣтіи не сохранилось, однако, достовѣрныхъ письменныхъ данныхъ; извѣстно только, что назначенный Бейцелемъ его преемникъ уже не пользовался его авторитетомъ, и коммуна, пополнявшаяся только извнѣ европейскими эмигрантами, нѣмцами же, стала мало-по-малу приходить въ упадокъ и окончательно вымерла въ 1858 г., когда надъ остатками ея имущества была назначена мѣстными властями правительственная опека. Хотя Эфрата была наиболѣе долговѣчной коммуной изъ всѣхъ занесенныхъ въ исторію американскаго соціализма,—о ней вообще сохранилось только очень мало свѣдѣній.

Второй по времени общиной были шэкеры, о которыхъ, наоборотъ, имѣется обширная литература—нѣсколько крупныхъ книгъ и многое множество журнальныхъ и газетныхъ статей. Основаніе имъ положила жена мастерового, безграмотная англичанка Анна Ли, эмигрировавшая отъ притѣсненій на родинѣ въ Америку въ 1774 году съ нѣсколькими приверженцами, чѣмъ и прекратилось шэкерское дви-

женіе въ самой Англіи, гдѣ оно было отголоскомъ французскихъ камюзардовъ начала XVIII столѣтія. Анна Ли основала первую шэкерскую общину въ Ватервлитѣ, въ штатѣ Нью-Іоркѣ, разошлась съ мужемъ, отъ котораго имѣла четверыхъ дѣтей и который оставилъ ея общину и женился вторично; она была признана своими послѣдователями женственнымъ олицетвореніемъ Христа на землѣ, и установила управленіе общиной откровеніемъ свыше, безусловный коммунизмъ имущества и безбрачіе. Единственное занесенное въ исторію столкновеніе американскихъ соціалистическихъ общинъ съ властью, и то кратковременное и не имѣвшее серьезныхъ послѣдствій, было вызвано ея отказомъ позволить членамъ общины носить оружіе, что требовалось патріотами того времени по поводу революціонной войны за освобожденіе колоній. Анна Ли умерла въ 1784 году; но шэкеры, подъ умѣлымъ управленіемъ ея преемника Мичама, а позже Иванса, разростались очень быстро въ числѣ, выдѣлили изъ себя многія подраздѣленія, такъ что въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія составляли уже 18 общинъ съ 6.000 членовъ, раскиданныхъ въ девяти штатахъ и владѣвшихъ поземельнымъ имуществомъ въ 150.000 акровъ. Въ глазахъ свѣта, шэкеры управляются совѣтомъ изъ четырехъ лицъ, двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, но въ дѣйствительности однимъ старшиной, предсѣдателемъ этого совѣта, такъ какъ онъ назначаетъ своей властью и его членовъ, и своего преемника. Общины подраздѣлены на семьи, конечно, не въ обычномъ понятіи этого слова, такъ какъ, за безусловнымъ безбрачіемъ, семейныхъ отношеній у шэкеровъ нѣтъ и быть не можетъ, а въ смыслѣ объединенія симпатизирующихъ другъ другу индивидуумовъ обоего пола въ отдѣльныя общежитія и хозяйства, и съ теченіемъ времени собственность такихъ семей и общинъ болѣе или менѣе обособилась, хотя въ общихъ дѣлахъ секты онѣ и подчинены безусловно центральному совѣту. Шэкеры—отличные хозяева; для тяжелыхъ работъ, а въ послѣднее время и для домашнихъ, они нанимаютъ постороннихъ рабочихъ и занимаются разными особенно выгодными земледѣльческими спеціальностями: разведеніемъ сѣмянъ, выводковъ, и т. д. Они владѣютъ нѣсколькими очень цѣнными имѣніями, стоящими на высокой степени культуры, съ превосходными постройками и образцовыми инвентарями. Пополняются шэкеры исключительно извнѣ, пріемомъ, послѣ продолжительнаго испытанія, взрослыхъ членовъ, но преимущественно круглыхъ сиротъ дѣтей, и въ ихъ составѣ есть представители всѣхъ націй. Послѣ своего расцвѣта въ шестидесятыхъ годахъ, они быстро пошли на убыль; въ 1875 г. ихъ было уже всего 2.415, въ 1890—1.728, а въ 1900—меньше 1.200. И число общинъ, и число семей тоже постепенно уменьшаются, за вымираніемъ членовъ. Воспи-

тываемая ими молодежь неизмѣнно покидаетъ ихъ, придя въ возрастъ; приливъ взрослыхъ членовъ совершенно прекратился; старики медленно вымираютъ; и не подлежитъ сомнѣнію, что если они не реорганизуются на новыхъ началахъ очень скоро,—настоящая четверть вѣка увидитъ ихъ совершенное исчезновеніе.

Въ 1804 году нѣмецъ Раппъ съ 600 послѣдователями изъ Вюртемберга основалъ въ штатѣ Пенсильваніи общину подъ именемъ „Общества Гармоніи", болѣе извѣстную подъ именемъ раппистовъ. Они оставили Германію вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій,—были извѣстны тамъ подъ именемъ секты сепаратистовъ, однородныхъ съ мистиками и піэтистами XVIII столѣтія, но болѣе радикальной относительно отрицанія всякой обрядности и упорствѣ въ отказѣ носить оружіе или оказывать какое-либо активное сопротивленіе злу. Съ самаго начала раппистыы были коммунистами, а въ 1807 г. приняли и безбрачіе. Въ 1815 г. они переселились въ штатъ Индіану, а въ 1825 г. продали и это новое мѣстожительство Роберту Оуэну, для его коммуны, и основали новую, подъ именемъ „Экономіи", гдѣ, подъ управленіемъ Раппа, а затѣмъ его сына, людей очень дѣловитыхъ и пользовавшихся между ними неограниченнымъ авторитетомъ, быстро достигли сравнительно высокаго матеріальнаго благосостоянія, и, при помощи прилива новыхъ эмигрантовъ изъ Германіи, насчитывали одно время въ своихъ рядахъ до тысячи членовъ. Но, со смертью второго Раппа, и эта община пошла на убыль, была вынуждена прибѣгнуть къ наемному труду, и къ 1900 г. отъ нея оставалось въ живыхъ всего девять очень престарѣлыхъ членовъ. Въ настоящій моментъ и она перестала существовать.

Въ 1817 г. нѣмецъ Баумюллеръ основалъ въ штатѣ Охайо общину зоаритовъ,—какъ и раппистыы, составленную изъ германскихъ сепаратистовъ. Ихъ религія была основана преимущественно на „Проповѣди на Горѣ". Они практиковали безусловный коммунизмъ, но признавали бракъ, и сначала ихъ число и благосостояніе быстро возрастали, достигнувъ одно время 1800 членовъ съ имуществомъ, оцѣнивавшимся въ $ 3000^{00} per capita. Баумюллеръ, человѣкъ очень энергичный, умный и практичный, былъ долгое время неограниченнымъ, и религіознымъ, и дѣловымъ руководителемъ зоаритовъ; ихъ земли были выбраны чрезвычайно удачно, были введены выгодныя промышленныя производства, и въ матеріальномъ отношеніи эта коммуна была обставлена лучше всѣхъ остальныхъ. Но со смертью Баумюллера начались раздоры, приведшіе ко многимъ судебнымъ тяжбамъ членовъ между собой и общиной, и въ 1898 г. она распалась окончательно, существенно обѣднѣвъ за періодъ раздоровъ.

Въ 1844 г. нѣмецъ Метцъ основалъ общину эбенезеровъ, посе-

лившуюся сначала въ штатѣ Нью-Іоркѣ, но вскорѣ перебравшуюся въ штатъ Эйоуэ, гдѣ она пріобрѣла 30.000 акровъ превосходной земли; община эта извѣстна болѣе подъ именемъ „Общества Амана", и существуетъ и теперь. Эбенезеры представляютъ собою отпрыскъ германскаго религіознаго движенія Рока и Грубера въ 1714 году; ихъ религія основана на откровеніи свыше, и управленіе общиной чисто деспотическое. Хотя они допускаютъ бракъ, но въ его примѣненіи являются мальтузіанцами, и церковь управляетъ и дѣторожденіемъ, руководствуясь экономическимъ положеніемъ общины;—раза два дѣторожденіе было останавливаемо на нѣсколько лѣтъ.

Въ 1844 г. нѣмецъ докторъ Кейль, мистикъ и послѣдователь магнетизма въ медицинѣ, основалъ общину въ штатѣ Миссури подъ именемъ Бетеля. Подъ его чисто деспотическимъ, но дѣловитымъ управленіемъ, община быстро разрослась настолько, что въ 1856 г. ей стало тѣсно, и около половины членовъ перебрались въ штатъ Орегонъ, гдѣ они основали новую коммуну подъ именемъ „Авроры", сохранившую, однако, общность управленія и имущества съ Бетелемъ. Хотя обѣ эти общины въ матеріальномъ отношеніи были довольно успѣшны, держались онѣ исключительно вліяніемъ Кейля, и, съ его смертью, быстро распались, просуществовавъ около сорока лѣтъ.

Въ 1846 г. шведы, подъ предводительствомъ Ольсона и Янсона, основали общину „Bishop Hill" въ штатѣ Иллинойсѣ. И они, какъ всѣ вышеописанныя нѣмецкія коммуны, были послѣдствіемъ религіозныхъ вліяній мистиковъ и піэтистовъ въ Швеціи, съ довольно однородными съ ними религіозными основами. Но управленіе этой коммуной было выборное, приближающееся къ демократическому, и вожаки не пользовались особеннымъ вліяніемъ. Хотя колонія была довольно многочисленная, обладала сравнительно хорошими средствами и первые годы обѣщала-было матеріальное благосостояніе, но раздоры скоро вызвали нѣсколько судебныхъ тяжбъ, и разложеніе въ ней произошло гораздо быстрѣе,—она распалась окончательно въ 1862 году.

Единственной религіозно-коммунистической американской общиной была „Онеидская коммуна" въ штатѣ Нью-Іоркѣ, основанная докторомъ Нойсомъ въ 1848 г., состоявшая изъ природныхъ американцевъ и просуществовавшая до 1880 г. Хотя она и претендовала на демократическое управленіе, но въ дѣйствительности Нойсъ былъ неограниченнымъ, и религіознымъ, и дѣловымъ ея главой. Это былъ отлично образованный, дѣловитый человѣкъ съ желѣзной волей, весьма однако односторонній и склонный къ крайнему доктринерству и отчасти мистицизму. Онъ ввелъ выдѣлку разныхъ ловушекъ для ловли дикихъ звѣрей, производства шолка, чугуно-литейное дѣло, и матеріальная сторона коммуны находилась въ очень хорошемъ состояніи. Рели-

гіозную свою доктрину Нойсъ назвалъ „перфекціонизмомъ", то-есть достиженіемъ душевнаго совершенства посредствомъ общенія съ божествомъ и вытравленія всякой грѣховности посредствомъ взаимнаго критицизма членовъ и постояннаго публичнаго покаянія во всякомъ грѣховномъ помышленіи. Общность имущества сопровождалась и общностью тѣла, т.-е. „свободной любовью", причемъ любовь, т.-е. взаимное влеченіе половъ, отдѣлялась отъ требованій поддержанія вида, и дѣторожденіе руководилось коммуной, посредствомъ особаго устава, основаннаго якобы на научныхъ основаніяхъ. Одно время „Онеидская коммуна" насчитывала до 700 членовъ и владѣла имуществомъ, оцѣнивавшимся въ шестьсотъ тысячъ долларовъ,—но держалась она исключительно Нойсомъ и „свободной любовью", такъ какъ съ ея уничтоженіемъ и смертью Нойса немедленно распалась, обративъ свое имущество въ акціонерную компанію.

Всѣ вышеперечисленныя нѣмецкія и шведская коммуны состояли изъ невѣжественныхъ сельчанъ и мастеровыхъ, религіозныхъ фанатиковъ, слѣдовавшихъ безпрекословно за своими деспотическими и болѣе интеллигентными вожаками, умѣвшими поддерживать въ своихъ стадахъ религіозный экстазъ. Въ учредительныхъ хартіяхъ всѣхъ ихъ безъ исключенія—даже въ „Онеидской"—я нахожу прежде всего изреченіе евангелиста Луки: „и всѣ, кто вѣрилъ, жили вмѣстѣ, и владѣли всѣмъ сообща, и надѣляли всѣхъ, смотря по нуждѣ каждаго". Это были попытки возстановить примитивную христіанскую церковь, вернуться къ жизненнымъ условіямъ двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, посредствомъ искусственнаго опрощенія, аскетизма и безусловнаго повиновенія избранникамъ божіимъ на землѣ. Непротивленіе злу и отказъ носить оружіе требовались всѣми ими; во время междоусобной войны 1861—1865 гг. наборы замѣнялись наймомъ охотниковъ за призванныхъ на службу членовъ. Всѣ платили государственные и мѣстные налоги, хотя и не безъ болѣе или менѣе сильныхъ протестовъ, основанныхъ на томъ, что государство имъ не нужно. Всѣ носили грубую, однообразную, для женщинъ умышленно некрасивую одежду, употребляли только самую простую, однообразную пищу, причемъ большинство не ѣло мяса, не признавали свѣтскихъ книгъ и развлеченій, и, подъ предлогомъ экономическихъ надобностей, образованіе дѣтей у всѣхъ стояло на самомъ послѣднемъ планѣ и не шло дальше грамоты на собственномъ языкѣ и церковнаго пѣнія. Тѣ, которые допускали бракъ, подчиняли его регулированіе требованіямъ коммуны, а не личному усмотрѣнію членовъ. Свои крайне ограниченныя потребности они удовлетворяли отчасти земледѣліемъ, отчасти мануфактурными производствами, преимущественно лѣсопильнымъ, мукомольнымъ, шерстянымъ, и вся ихъ жизнь проходила въ тяжелой ра-

ботѣ. Хотя нѣкоторыя общины достигали большого матеріальнаго благосостоянія, тѣмъ не менѣе, въ среднемъ, оно, вѣроятно, стояло ниже благосостоянія ихъ вольныхъ сосѣдей, въ то же время удовлетворявшихъ своимъ гораздо болѣе высокимъ жизненнымъ потребностямъ. По крайней мѣрѣ, оцѣнка имущества „Общества Амана“ per capita стоитъ ниже средней, и для штата Эйоуэ, и для графства, въ которомъ оно расположено. Общинная работа, несмотря на долгіе часы и непрерывность, оказывается повсюду гораздо менѣе производительной, чѣмъ вольная, индивидуальная. Изучивъ подробно уставъ этихъ американскихъ коммунъ и ихъ литературу, я совсѣмъ пересталъ понимать, почему русское „толстовство“ окрещено этимъ именемъ: главныя его основы, безъ какихъ-либо исключеній, входятъ или полностью, или отчасти въ эти уставы и обыкновенно разработаны въ нихъ съ гораздо большей послѣдовательностью и обстоятельностью. Даже всю аргументацію „Крейцеровой сонаты“ можно найти въ нихъ съ начала до конца.

За исключеніемъ вымирающихъ шэкеровъ, изъ всѣхъ этихъ общинъ перешло въ XX-е столѣтіе только „Общество Амана“, насчитывавшее, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, около 1.800 членовъ. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что оно обязано этимъ предусмотрительности своихъ настоящихъ вожаковъ, содержащихъ всю общину въ строгой изоляціи отъ внѣшняго міра. Несмотря, однако, и на это, уже замѣчаются признаки разложенія: молодежь начинаетъ уходить въ „свѣтъ“, и прежняя безусловная покорность членовъ исчезаетъ.

Всѣ вышеперечисленныя мною общины признавали абсолютную равноправность мужчины и женщины и формально проповѣдывали равное участіе всѣхъ членовъ въ управленіи. Но на практикѣ эти догматы сводились къ абсолютизму одного лица; единственное исключеніе составляли шведы въ коммунѣ „Bishop Hill“, которая и оказалась наименѣе долговѣчной. Одно признаніе принципа откровенія свыше само по себѣ дѣлаетъ всякую равноправность лицемѣрнымъ фарсомъ.

Объ экономическомъ соціализмѣ въ Америкѣ поговорю въ другой разъ.

П. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ.—Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1906.

Тяжелый годъ. — Неприкосновенность закона о выборахъ. — Разъясненіе его Сенатомъ.—Высочайшій указъ 5-го октября. — Новыя правила о старообрядцахъ и сектантахъ.—Вопросы земскій, еврейскій и аграрный на съѣздѣ „группы центра“ Государственнаго Совѣта.—Циркуляры о военно-полевомъ судѣ и объ отношеніи должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ.

Сколько потрясеній перенесла Россія въ теченіе года, сколько пережила и мрачныхъ, и свѣтлыхъ минутъ! Первыхъ, къ несчастью, гораздо больше, чѣмъ послѣднихъ. Непродолжительна была радость, вызванная манифестомъ 17-го октября: непосредственно вслѣдъ за его изданіемъ на улицахъ Петербурга, Москвы, другихъ большихъ городовъ пролилась кровь—и стала расширяться сфера дѣйствій военнаго положенія. Недолговѣчна была и надежда на спокойное, безпрепятственное развитіе дѣятельности перваго народнаго представительства: поколебленная еще до созыва Думы, образованіемъ кабинета Горемыкина-Столыпинскаго, эта надежда исчезла 13-го мая, когда былъ прочитанъ отвѣтъ министерства на адресъ Думы. Безконечно тянулись, наоборотъ, періоды томительнаго ожиданія. Пассивъ одного изъ нихъ – перерывъ сначала желѣзнодорожнаго, потомъ почтоваго и телеграфнаго сообщенія, бунтъ въ Кронштадтѣ, открытое возстаніе въ Москвѣ, анархія въ остзейскомъ краѣ и на Кавказѣ, карательныя экспедиціи, аграрные безпорядки; пассивъ другого, открывшагося роспускомъ Думы—военные бунты въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, ужасающій сѣдлецкій погромъ, ужасающія проявленія краснаго террора, небывалое обостреніе чрезвычайныхъ репрессій. При такой обстановкѣ предстоитъ жить еще почти четыре мѣсяца, до новаго созыва Думы; при такой обстановкѣ предстоитъ приступить къ выборамъ. И все-таки мы не теряемъ вѣры въ близость лучшаго будущаго. Мы по-

мнимъ, что безправіе, господствовавшее въ мартѣ и апрѣлѣ 1906-го года, не помѣшало побѣдѣ оппозиціи на первыхъ думскихъ выборахъ. Такую же побѣду мы считаемъ возможной, даже вѣроятной и теперь— не въ томъ, конечно, смыслѣ, что въ Думу вернутся всѣ бывшіе ея члены, а въ томъ, что большинство окажется на сторонѣ искренне конституціонныхъ партій, готовыхъ и способныхъ заложить основы новаго государственнаго и общественнаго строя. Чѣмъ тяжелѣе уроки недавняго прошлаго, тѣмъ яснѣе необходимость избѣжать прежнихъ ошибокъ и сосредоточить усилія на достиженіи важнѣйшихъ цѣлей. Россія должна стать правовымъ государствомъ, обезпечивающимъ народу—*всему* народу—всѣ блага свободы и культуры.

Все больше и больше крѣпнетъ увѣренность въ томъ, что еще недавно возбуждало серьезныя сомнѣнія: созывъ Думы не будетъ отсроченъ, время выборовъ вскорѣ будетъ назначено и самые выборы состоятся на основаніи дѣйствующаго избирательнаго закона. На измѣненіе этого закона продолжаютъ надѣяться только тѣ „истинно-русскіе люди", для которыхъ вообще законъ не писанъ. Игнорируя все совершившееся въ теченіе послѣдняго года, они рѣшаютъ, на недавно окончившемся кіевскомъ съѣздѣ, ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ, „не благоугодно ли ему будетъ, въ силу принадлежащей ему верховной *неограниченной* власти, повелѣть, дабы *до назначенія новыхъ выборовъ* въ Государственную Думу былъ изданъ новый выборный законъ и дабы, *если* снова будетъ созвана Дума, ей было даровано лишь законосовѣщательное значеніе". Для своеобразныхъ монархистовъ не существуетъ, слѣдовательно, воли монарха, столь ясно и опредѣленно выраженной какъ въ манифестахъ 17-го октября и 20-го февраля, такъ и въ новой редакціи основныхъ законовъ. Удивительнаго здѣсь нѣтъ ничего: союзамъ, объединившимся подъ рукою г. Грингмута, „тщетны всѣ препоны", воздвигаемыя совѣстью и разумомъ. Но вотъ чего трудно было ожидать: тенденція, восторжествовавшая въ Кіевѣ, нашла сторонниковъ въ такъ называемой „группѣ центра" Государственнаго Совѣта, собиравшейся недавно въ Петербургѣ для обсужденія „злобы дня". Правда, они остались въ меньшинствѣ, повидимому незначительномъ: большинство группы признало недопустимымъ не только анти-конституціонное измѣненіе избирательной системы, но и самое возбужденіе вопроса о такомъ измѣненіи. Характерно, однако, уже и то, что мысль о перемѣнѣ, равносильной государственному перевороту, не сразу и не единодушно была отвергнута собраніемъ лицъ, призванныхъ къ участію въ законодательной дѣятельности; еще болѣе характерно, что между

ея защитниками оказались и земскіе избранники. Если по такому вопросу могло произойти разногласіе въ средѣ „центра“ Государственнаго Совѣта, то чего же слѣдуетъ ожидать отъ „правыхъ“ его членовъ? Можно ли, затѣмъ, сомнѣваться въ непригодности Государственнаго Совѣта для той роли, которая отведена ему въ нашей новой политической жизни? Въ настроеніи земскихъ собраній произошла глубокая перемѣна, откинувшая ихъ далеко назадъ, сдѣлавшая ихъ неспособными отзываться на запросы времени. Совершенно понятно, что не на требуемой высотѣ оказываются и представители ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Далеки отъ нея и многіе изъ числа назначенныхъ членовъ, вся жизнь которыхъ прошла при условіяхъ прямо противоположныхъ переживаемымъ Россіей въ настоящее время; далеки отъ нея и избранники дворянства, теперь усерднѣе чѣмъ когда-либо отстаивающаго все отжившее и устарѣвшее... Акклиматизація въ Россіи двухпалатной системы станетъ возможной только тогда, когда произойдетъ радикальная перемѣна въ устройствѣ и составѣ верхней палаты.

Прежде, чѣмъ приступить къ выборамъ, министерство нашло нужнымъ получить отъ Сената разъясненіе нѣкоторыхъ статей Положенія о выборахъ. Въ ежедневной печати возникъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли Сенатъ давать такія разъясненія. Положеніемъ 6-го августа повѣрка выборовъ въ Государственную Думу была возложена на первый департаментъ Сената; указомъ 11-го декабря она предоставлена самой Думѣ. Отсюда, по мнѣнію прогрессивныхъ газетъ, слѣдуетъ заключить, что только Дума уполномочена, въ настоящее время, толковать законы, относящіеся къ выборамъ. Участвуя въ отправленіи законодательной власти, Дума не можетъ быть связана, въ одной изъ своихъ функцій, опредѣленіями подзаконнаго учрежденія, какимъ является Сенатъ. Противоположнаго взгляда держится оффиціозная пресса, основываясь на отсутствіи закона, которымъ прямо ограничивался бы, въ указанномъ выше смыслѣ, кругъ дѣйствій Сената. Для насъ совершенно ясно, что такое ограниченіе вытекаетъ само собою изъ высокаго положенія, занимаемаго Государственной Думой. Разъ что повѣрка выборовъ, на всѣхъ ступеняхъ избирательнаго производства, предоставлена палатамъ, онѣ, *и только онѣ*, компетентны разрѣшать *всѣ* связанные съ нею вопросы. Есть государства, гдѣ повѣрка выборовъ производится судомъ—но судомъ безусловно независимымъ, дѣйствующимъ съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій правильно организованнаго процесса. Первый департаментъ Сената ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи не принадлежитъ къ числу судебныхъ учрежденій; его члены не пользуются несмѣняемостью, его дѣлопроизводство не

имѣетъ ничего общаго съ судебнымъ. Изъятіе изъ его вѣдѣнія повѣрки отдѣльныхъ выборовъ не достигло бы цѣли, еслибы за нимъ сохранилось право установлять, путемъ интерпретаціи закона, общія положенія, обязательно предрѣшающія правильность или неправильность избранія. Было время, когда неблагопріятныя условія дѣятельности перваго департамента уравновѣшивались, по крайней мѣрѣ отчасти, личными качествами сенаторовъ, входившихъ въ его составъ и руководившихъ его занятіями (В. А. Арцимовичъ, А. Д. Шумахеръ); но это время прошло, и теперь меньше чѣмъ когда-либо министерство можетъ найти твердую точку опоры въ авторитетѣ перваго департамента.

Обратимся теперь къ существу разъясненій, данныхъ Сенатомъ по вопросамъ избирательнаго права. На основаніи ст. 17-ой Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ, избираемые изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости. Кто же принадлежитъ къ составу сельскаго общества? Очевидно—*всѣ* приписанные къ нему крестьяне. Сельскія общества, за силою ст. 17-ой и 40-ой Общаго Положенія 1861-го года, составились изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика. Никакого различія между крестьянами-домохозяевами и не-домохозяевами эти статьи не установляютъ; понятіе о крестьянахъ-домохозяевахъ выступаетъ на сцену только въ ст. 47-ой, опредѣляющей составъ *сельскаго схода*—но и на сельскомъ сходѣ домохозяинъ можетъ замѣнить себя однимъ изъ членовъ своего семейства. Для избранія въ члены волостного схода ст. 71-ая не требуетъ принадлежности къ числу домохозяевъ. Ст. 130-ая обусловливаетъ увольненіе крестьянина изъ сельскаго общества, между прочимъ, согласіемъ его родителей; это служитъ подтвержденіемъ тому, что членами сельскаго общества должны считаться не одни домохозяева. Совершенно несогласнымъ съ истиннымъ смысломъ и даже съ буквой закона представляется, поэтому, разъясненіе Сената, признавшаго, что въ уполномоченные отъ волостныхъ сходовъ могутъ быть избираемы *только* крестьяне-домохозяева. Въ положеніи о выборахъ для такого ограниченія свободы дѣйствій волостного схода и правъ крестьянъ-не-домохозяевъ нельзя найти и тѣни основанія. Мысль законодателя заключалась въ томъ, чтобы сохранить за крестьянскими выборами характеръ сословный—а въ составъ крестьянскаго *сословія* несомнѣнно входятъ всѣ формально изъ него не вышедшіе.

Еще менѣе согласнымъ съ закономъ кажется намъ другое разъясненіе Сената, относящееся къ крестьянскимъ товариществамъ и

отдѣльнымъ крестьянамъ, пріобрѣвшимъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. Право участвовать въ выборахъ Сенатъ признаетъ за ними только въ составѣ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, находя, что въ списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ они, по владѣнію вышеозначенною землею, вносимы быть не могутъ. Угадать юридическія основы этого разъясненія мы не беремся. Ст. 12-ая Положенія о выборахъ, опредѣляющая составъ съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ, не установляетъ никакого различія между землевладѣльцами ни по сословію, ни по способу пріобрѣтенія земли. Ничего въ этомъ отношеніи не измѣнилъ и Высочайшій указъ 11-го декабря, увеличившій, а не уменьшившій число избирателей. Откуда же опала, которой Сенатъ подвергаетъ многочисленную категорію землевладѣльцевъ? Вѣдь нельзя же считать покупку земли при помощи банка обстоятельствомъ, умаляющимъ права владѣльца. Если поводомъ къ своеобразному правоограниченію служитъ обремененіе земли банковымъ долгомъ, то чѣмъ же послѣдній отличается отъ другихъ долговъ, лежащихъ на землѣ безъ всякаго ущерба для политическихъ правъ владѣльца?..

Третьимъ разъясненіемъ Правительствующаго Сената признано, что рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, участвующіе въ выборахъ, *какъ рабочіе*, въ особомъ порядкѣ, установленномъ указомъ 11-го декабря, не могутъ одновременно участвовать въ выборахъ ни въ городскомъ избирательномъ участкѣ, ни въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, ни въ съѣздѣ городскихъ избирателей, ни въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей. Это разъясненіе было бы вполнѣ понятно и правильно, еслибы въ нашихъ избирательныхъ законахъ было послѣдовательно проведено право избирателя участвовать въ выборахъ только одинъ разъ, только въ одномъ качествѣ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно другое. Крестьянинъ-членъ сельскаго общества, владѣющій на правѣ собственности въ уѣздѣ—землею, въ городѣ—недвижимымъ имуществомъ, а въ другомъ городѣ занимающій отдѣльную квартиру, можетъ подавать голосъ, сообразно числу соединяющихся въ немъ качествъ, въ четырехъ различныхъ избирательныхъ коллегіяхъ. Лица другихъ сословій могутъ вотировать, на томъ же основаніи, въ трехъ мѣстахъ, три раза. Единственной тому помѣхой можетъ оказаться назначеніе выборовъ въ такіе сроки, которыми фактически исключалось бы двукратное или трехкратное выступленіе одного и того же лица въ роли избирателя. Справедливо ли, затѣмъ, изъ общаго правила дѣлать исключеніе только для однихъ рабочихъ? Мотивировано оно, по видимому, тѣмъ, что отъ рабочихъ, какъ таковыхъ, не требуется имущественнаго ценза; но развѣ есть какое-нибудь существенное различіе между заработной платой и содержаніемъ по должности, служа-

щимъ, какъ бы оно ни было незначительно, источникомъ избирательнаго права (отд. I указа 11-го декабря)? Подъ понятіе объ имущественномъ цензѣ и то, и другое одинаково подходитъ—или одинаково не подходитъ, смотря по тому, какой смыслъ, широкій или узкій, соединяется съ этимъ понятіемъ.

Всѣмъ тремъ разъясненіямъ Сената свойственна одна общая черта: они всѣ ограничиваютъ сферу дѣйствій избирательнаго права, отстраняя отъ участія въ выборахъ цѣлыя группы крестьянъ и рабочихъ, среди которыхъ немало „безпокойныхъ" элементовъ. Къ этимъ группамъ принадлежали нѣкоторые изъ числа „трудовиковъ", всего больше выдвинувшихся въ Государственной Думѣ. Отсюда возможность предположеній, основательныхъ или неосновательныхъ, но во всякомъ случаѣ неблагопріятныхъ и для Сената, и для обратившагося къ нему министерства. Отсюда, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность разногласія между Сенатомъ и будущей Думой. Поводовъ къ конфликтамъ, затрудняющимъ правильный ходъ мирной законодательной работы, безъ того уже слишкомъ много: большой ошибкой является каждый шагъ правительства, грозящій новыми столкновеніями. Не такъ великъ, притомъ, и выигрышъ, обѣщаемый устраненіемъ нѣсколькихъ „нежелательныхъ" кандидатовъ. Гдѣ избиратели-крестьяне настроены оппозиціонно, тамъ они найдутъ выразителей этого настроенія и между самыми настоящими „домохозяевами". Прошло то время, когда крестьянской массой могла руководить „властная рука". Все больше и больше народъ сознаетъ свои нужды и дорожитъ своими правами, все рѣшительнѣе идетъ свободно выбраннымъ путемъ, къ ясно намѣченнымъ цѣлямъ.

Несомнѣнно связаны съ предстоящими выборами тѣ перемѣны въ юридическомъ положеніи крестьянъ, которыя принесъ съ собою Высочайшій указъ 5-го октября. Все то, что имъ дано—и еще многое другое—составляло цѣлые десятки лѣтъ предметъ пожеланій, выражавшихся и въ земскихъ собраніяхъ, и въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, и въ печати, но остававшихся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не дальше, какъ три года тому назадъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ изготовленъ длинный рядъ узаконеній, прямо противоположныхъ, по духу и цѣли, основнымъ началамъ только-что совершившейся реформы. Въ Высочайшемъ указѣ 8-го января 1904-го года, передавшемъ министерскіе проекты на разсмотрѣніе бюрократически составленныхъ губернскихъ совѣщаній, провозглашена была рѣшимость „сохранить крестьянамъ сословный строй". На самомъ дѣлѣ этотъ строй не только сохранялся, но обособлялся еще больше прежняго. Между привилегированными сословіями и крестьянствомъ, съ приравненными къ нему

„низшими“ классами сельскаго населенія, сооружалась настоящая китайская стѣна. Широко раздвигался кругъ вѣдомства волостного суда, въ руководство которому предназначались особый уставъ о наказаніяхъ, особый сельскій гражданскій уставъ, особый процессуальный кодексъ. Демаркаціонная линія проводилась глубокая, укрѣпленная по всѣмъ правиламъ бюрократической фортификаціи. Чудовищность затѣи была такъ очевидна, что противъ нея возстали, еще при жизни ея иниціатора (В. К. фонъ-Плеве), даже нѣкоторыя губернскія совѣщанія (напр. петербургское). Устоять противъ новыхъ вѣяній, вызванныхъ первыми неудачами въ войнѣ съ Японіей, она не могла. Высочайшій указъ 12-го декабря 1904-го года, произнеся смертный приговоръ надъ политикой „контръ-реформъ“, призналъ необходимость обезпеченія за крестьянами положенія полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей. Колебаніямъ, однако, еще не наступилъ конецъ: нѣсколько мѣсяцевъ спустя внезапно было закрыто особое совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства, которому указъ 12-го декабря предоставлялъ главную роль въ движеніи крестьянскаго вопроса—и закрыто именно потому, что не отступало передъ радикальными рѣшеніями. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полутора года. До 17-го октября, да и позже, ничто не мѣшало осуществить обѣщанную полноправность крестьянства; ничто не мѣшало внести соотвѣтствующій законопроектъ на разсмотрѣніе Государственной Думы. Ни то, ни другое сдѣлано но было: вопросъ объ уравненіи сословій былъ возбужденъ самою Думой, но, вмѣстѣ со многими другими, остался безъ разсмотрѣнія за роспускомъ Думы. Цѣлыхъ три мѣсяца понадобилось для несложной работы, результатомъ которой явился, наконецъ, указъ 5-го октября. Ограниченія, подлежавшія отмѣнѣ, давно были всѣмъ извѣстны; необходимость покончить съ ними не возбуждала никакихъ сомнѣній. Запоздалость правительственныхъ мѣръ вошла у насъ, очевидно, въ обычай, хотя ею до крайности уменьшается ихъ значеніе. Въ половинѣ 90-хъ годовъ, когда въ первый разъ былъ поставленъ на очередь пересмотръ положенія о крестьянахъ, глубокое и сильное впечатлѣніе было бы произведено всякимъ шагомъ впередъ къ гражданскому равенству. Въ меньшей степени такое впечатлѣніе было возможно даже два года тому назадъ, когда только-что начиналось освободительное движеніе. Теперь, послѣ столькихъ отсрочекъ, дѣйствіе наконецъ состоявшагося рѣшенія сведено къ минимуму. Этому способствуетъ, помимо запоздалости, и разсчетъ, несомнѣнно лежащій въ основѣ рѣшенія—разсчетъ на то, что оно не останется безъ вліянія на предстоящіе выборы. Не случайно же выдающуюся роль въ выработкѣ указа 5-го октября съигралъ тотъ администраторъ, который еще такъ недавно являлся главнымъ исполнителемъ предначертаній

В. К. Плеве. Если король французскій могъ забыть обиды, нанесенныя герцогу Орлеанскому, то отсюда еще не слѣдуетъ, что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ забылъ стремленія и взгляды управлявшаго земскимъ отдѣломъ. Пройдя чрезъ руки г. Гурко, освободительная мѣра приняла явно оппортунистскій характеръ.

Если указу 5-го октября не суждено оказать большого вліянія на избирателей, то это, конечно, не уменьшаетъ его внутреннюю цѣнность для крестьянской массы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прислушаться къ ламентаціямъ „Московскихъ Вѣдомостей". Въ статьѣ, озаглавленной: „*Упраздненіе* крестьянскаго сословія", газета г. Грингмута называетъ уравненіе крестьянъ съ другими сословіями, насколько оно касается государственной службы, „тяжелымъ ударомъ дворянству", вызваннымъ „республиканской теоріей эгалитаризма", а насколько оно касается вступленія въ высшія школы—„упраздненіемъ русской науки". Въ разрѣшеніи крестьянамъ, получившимъ образованіе или вступившимъ въ гражданскую службу, оставаться въ составѣ своихъ сельскихъ обществъ, усматривается „открытіе пути для вторженія въ деревню революціоннаго третьяго элемента". Крайне вреднымъ признается умаленіе власти земскихъ начальниковъ, „предоставляющее крестьянству самопроизволъ (!) какъ разъ въ то время, когда оно нуждается въ наибольшемъ попеченіи" (!). Всѣ эти „сожалѣнія" являются лучшей похвалой новому закону. Настоящій его недостатокъ—неполнота, до нѣкоторой степени, впрочемъ, оправдываемая способомъ его изданія. Если онъ ограничился „умаленіемъ власти" земскихъ начальниковъ, то это объясняется тѣмъ, что совершенная отмѣна безусловно несостоятельнаго института должна идти рука объ руку съ кореннымъ преобразованіемъ мѣстнаго суда и управленія—а такая сложная работа можетъ быть произведена только въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ. Тою же причиною обусловливается незначительность перемѣнъ, внесенныхъ указомъ 5-го октября въ правила о волостномъ судѣ.

Безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій указъ 5-го октября могъ бы, какъ намъ кажется, пойти гораздо дальше по пути отступленій отъ дѣйствующаго земскаго положенія. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается: 1) возвращеніемъ крестьянамъ-личнымъ землевладѣльцамъ потеряннаго ими въ 1890-мъ году права участія въ избирательныхъ землевладѣльческихъ съѣздахъ и 2) устраненіемъ административнаго произвола въ установленіи личнаго состава гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. До сихъ поръ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ волостями, гласными становились тѣ, кого призывалъ къ тому губернаторъ; теперь кандидатамъ предоставляется самимъ избирать гласныхъ изъ своей среды. Особенно недостаточной кажется намъ

послѣдняя мѣра: она оставляетъ въ силѣ неравномѣрность представительства, созданную, въ ущербъ крестьянамъ, положеніемъ 1890-го года. Запоздалость, отъ которой страдаетъ весь указъ 5-го октября, отразилась съ особенною силой на той его части, которая касается земства: еслибы указъ былъ распубликованъ хоть нѣсколько раньше, онъ могъ бы быть примѣненъ къ выборамъ, недавно происходившимъ во многихъ губерніяхъ, или, по меньшей мѣрѣ, къ земскимъ собраніямъ, сессія которыхъ почти вездѣ происходила въ сентябрѣ. Замѣна гласныхъ назначенныхъ гласными выбранными внесла бы, можетъ быть, свѣжую струю въ составъ собраній, уменьшивъ вліяніе земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства. Назначались въ гласные, сплошь и рядомъ, волостные старшины, сельскіе старосты, волостные писаря; избранными оказались бы, можетъ быть, рядовые крестьяне, менѣе зависимые отъ начальства. Въ томъ уѣздѣ, который намъ болѣе всего знакомъ, намъ пришлось наблюдать, во время послѣдняго земскаго собранія, нѣкоторое озлобленіе крестьянъ-должностныхъ лицъ противъ крестьянской массы. Объясняется оно, вѣроятно, тѣмъ, что крестьянскія власти нерѣдко привлекаются къ отвѣтственности за недостатокъ служебнаго рвенія — и вымещаютъ свою обиду на односельцахъ, изъ-за неисправности или непокорности которыхъ они пострадали.

Общій нашъ выводъ таковъ: указъ 5-го октября — небольшая, сравнительно, уплата въ счетъ долга, давно лежащаго на правительствѣ. Особой благодарностью по отношенію къ должнику кредиторъ, въ подобныхъ случаяхъ, не обязанъ.

Уплатой въ счетъ долга, накоплявшагося въ теченіе столѣтій, являются и Высочайше утвержденныя 14-го октября правила о старообрядцахъ и сектантахъ. Развивая основное начало, установленное указомъ 17-го апрѣля 1905-го года, они опредѣляютъ какъ порядокъ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ, такъ и права и обязанности лицъ, входящихъ въ составъ этихъ общинъ. О старообрядцахъ и о сектантахъ говорится въ различныхъ отдѣлахъ правилъ, но говорится почти одно и то же. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ, предоставляется свободное исповѣданіе ихъ вѣры и отправленіе религіозныхъ обрядовъ, по правиламъ ихъ вѣроученій; какъ тѣ, такъ и другіе могутъ образовать общины, пользующіяся правами юридическихъ лицъ, сооружать молитвенные дома [1]), составлять общія собранія членовъ общины, избирать,

[1]) Старообрядцы имѣютъ право сооружать, кромѣ молитвенныхъ домовъ, храмы, скиты и обители, а сектанты—„иныя, предназначенныя для богомоленія помѣщенія“.

для завѣдыванія общинными дѣлами, совѣты, избирать наставниковъ [1]), уполномоченныхъ носить присвоенныя имъ по ихъ вѣроученію одѣянія, освобожденныхъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу и пользующихся многими другими правами духовенства, въ томъ числѣ и правомъ вести книги, удостовѣряющія гражданское состояніе, т.-е. совершать записи о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ. Для старообрядцевъ, не объединенныхъ въ общины, и для сектантовъ, у которыхъ нѣтъ наставниковъ, метрическія книги ведутся въ городахъ—городскими управами или городскими старостами, въ уѣздахъ—волостными правленіями. Несогласной съ общимъ духомъ новыхъ правилъ представляется только слѣдующая статья, повторенная и въ отдѣлѣ о старообрядцахъ, и въ отдѣлѣ о сектантахъ: „если въ дѣятельности общины обнаруживаются дѣйствія, противныя закону и ограждающимъ нравственность постановленіямъ, губернаторъ или градоначальникъ, пріостановивъ собственною властью дѣйствіе общины, о закрытіи ея предлагаетъ на разрѣшеніе губернскаго или областного правленія. Жалобы на состоявшіяся по сему предмету постановленія губернскаго или областного правленія приносятся въ первый департаментъ Прав. Сената и разрѣшаются имъ окончательно". Дѣйствія, противныя закону или нравственности, всегда могутъ быть установлены судомъ: ему, и только ему, слѣдовало бы предоставить право закрытія общины—право чрезвычайно важное уже потому, что въ случаѣ закрытія все остающееся за покрытіемъ долговъ имущество общины поступаетъ въ вѣдѣніе правительства (для употребленія на благотворительныя цѣли). Губернское правленіе не обладаетъ ни безпристрастіемъ, ни знаніями, необходимыми для рѣшенія столь серьезнаго вопроса; слишкомъ трудно, притомъ, предположить, что оно когда-нибудь позволитъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ губернатора, ясно выразившимся въ пріостановкѣ дѣйствій общины. Въ первомъ департаментѣ Сената разсмотрѣніе жалобы на постановленіе губернскаго правленія неизбѣжно приметъ чисто формальный характеръ. Не имѣя возможности провѣрить факты, послужившіе поводомъ къ закрытію общины, Сенатъ поневолѣ ограничится удостовѣреніемъ въ томъ, что губернаторомъ и губернскимъ правленіемъ соблюдены, съ внѣшней стороны, требованія закона. Пока не отмѣнена приведенная нами статья правилъ, положеніе старообряд-

---

Эта разница въ редакціи правилъ объясняется, по нашему мнѣнію, не желаніемъ ограничить права сектантовъ, а предположеніемъ, что они не нуждаются въ монастыряхъ и храмахъ.

[1]) Старообрядцамъ предоставлено избирать, кромѣ наставниковъ, духовныхъ лицъ (настоятелей). И въ этомъ мы также видимъ не ограниченіе правъ сектантовъ, а отраженіе мысли, что у сектантовъ нѣтъ духовенства въ обычномъ смыслѣ слова. Ничто не мѣшаетъ „наставнику" исполнять функціи „духовнаго лица".

ческихъ и сектантскихъ общинъ не можетъ считаться прочно обезпеченнымъ.

Не смотря на указанный нами недостатокъ правилъ 14-го октября, не смотря на то, что остаются въ силѣ постановленія уголовнаго закона, направленныя противъ пропаганды не-православныхъ вѣроученій, шагъ впередъ несомнѣнно сдѣланъ большой. Очень мало, въ сущности, положеніе старообрядцевъ и сектантовъ было измѣнено къ лучшему законами 19-го апрѣля 1874-го и 3-го мая 1883-го года—единственными, на протяженіи цѣлаго вѣка, въ основѣ которыхъ лежало нѣчто похожее на вѣротерпимость. Первый изъ этихъ законовъ, имѣвшій въ виду предоставить старообрядцамъ возможность доказывать свои права по происхожденію и имуществу, оставался почти безъ примѣненія, какъ потому, что дѣйствіе его не распространялось на вновь „уклонившихся отъ православія", такъ и потому, что веденіе метрическихъ книгъ было возложено на полицію, къ которой крайне неохотно обращались старообрядцы. Второй законъ ставилъ постройку новыхъ и даже починку старыхъ молитвенныхъ зданій въ зависимость отъ разрѣшенія администраціи, произволъ которой ничѣмъ не былъ ограниченъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ неудовлетвореннымъ оставалось естественное желаніе собираться для молитвы въ предназначенныхъ и приспособленныхъ къ тому зданіяхъ, и милліоны христіанъ оставались лишенными права, предоставленнаго не-христіанамъ. Въ девяностыхъ годахъ, въ самый разгаръ реакціи, безъ того уже до крайности ограниченная вѣроисповѣдная свобода подверглась новому стѣсненію: штундистамъ запрещена была общая молитва даже въ частныхъ квартирахъ. Стоитъ только припомнить, что писалось, до послѣдняго времени, въ отчетахъ синодальнаго оберъ-прокурора [1]), чтобы понять серьезность опасности, постоянно грозившей всѣмъ „иначе вѣрующимъ". Если опасность исчезла, если осуществлены въ значительной мѣрѣ требованія истинной вѣротерпимости, то это объясняется не столько перемѣной настроенія въ правительственныхъ сферахъ, сколько измѣненіемъ условій, среди которыхъ протекаетъ государственная жизнь. Для благодарности и здѣсь нѣтъ особой причины, и на результатъ выборовъ новое положеніе старообрядцевъ и сектантовъ едвали повліяетъ сколько-нибудь замѣтно. Они не забудутъ, во всякомъ случаѣ, съ какой стороны могутъ надвинуться на нихъ новыя тучи. Достаточно яснымъ напоминаніемъ объ этомъ служитъ пріемъ, оказанный представителю старообрядцевъ на кіевскомъ съѣздѣ „истинно-русскихъ людей".

---

[1]) Разборы этихъ отчетовъ, постоянно появлявшіеся въ „Вѣстникѣ Европы", сведены въ одно цѣлое въ книгѣ: „Свобода совѣсти и вѣротерпимость" (Спб., 1904).

Чѣмъ бы ни были вызваны указы 5-го и 14-го октября, каковы бы ни были ихъ недочеты и пробѣлы, несомнѣнно одно: они не устанавляютъ ничего такого, что шло бы въ разрѣзъ съ программой перваго народнаго представительства и съ задачами будущей Государственной Думы. Новой Думѣ будетъ предстоять не отмѣна мѣръ, декретированныхъ этими указами, а ихъ дальнѣйшее развитіе. Съ этой точки зрѣнія можно было бы привѣтствовать и примѣненіе статьи 87-ой основныхъ законовъ къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ. Мы уже имѣли случай показать, насколько желательно и осуществимо немедленное устраненіе наиболѣе крупныхъ его недостатковъ. Нѣсколько иначе взглянула на этотъ вопросъ группа центра Государственнаго Совѣта: признавая его важность, она не нашла нужнымъ настаивать на неотложномъ его рѣшеніи. Теперь же, по мнѣнію группы, можетъ и должна быть принята другая мѣра: распространеніе дѣйствующаго земскаго положенія на царство польское, остзейскій край и западныя губерніи. Безспорно, чѣмъ скорѣе расширится область мѣстнаго самоуправленія, тѣмъ лучше: но едвали цѣлесообразно *вводить* гдѣ бы то ни было порядокъ, уже обреченный на уничтоженіе. Группа центра предлагаетъ для западныхъ и остзейскихъ губерній *сословное* земство—то сословное земство, несостоятельность котораго яснѣе чѣмъ когда-либо обнаружилась именно въ настоящее время. Мотивируется это предложеніе тѣмъ, что въ земствѣ безсословномъ господствующая роль досталась бы меньшинству, польскому или нѣмецкому. Мы думаемъ, наоборотъ, что къ такому результату привела бы именно сословность земскихъ учрежденій; именно она оказалась бы неблагопріятной для массы населенія—бѣлоруссовъ и литовцевъ, латышей и эстовъ... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ земствѣ, созданномъ при участіи Государственной Думы, сословному началу суждено блистать только своимъ отсутствіемъ. Съ этимъ близкимъ будущимъ необходимо считаться при изданіи временныхъ правилъ, относящихся къ земскимъ учрежденіямъ.

По еврейскому вопросу въ средѣ группы центра произошло разногласіе. Меньшинство высказалось за немедленную отмѣну тѣхъ, неоправдываемыхъ государственными видами постановленій полицейскаго характера, которыя стѣсняютъ гражданскую и экономическую жизнь еврейскаго населенія. Большинство, не отрицая необходимости существенныхъ улучшеній въ законодательствѣ о евреяхъ, нашло пересмотръ его несвоевременнымъ. Намъ кажется, что большинствомъ группы руководила чрезмѣрная осторожность. Въ еврейскомъ вопросѣ есть, несомнѣнно, стороны, которыхъ не слѣдуетъ касаться до постановки его въ Государственной Думѣ; но мы не видимъ препятствій къ немедленной отмѣнѣ правоограниченій, состоявшихся сравнительно

недавно и крайне тяжело отзывающихся на положеніи евреевъ. Назовемъ, въ видѣ примѣра, правила 3-го мая 1882-го года, названныя „временными", но дѣйствующія уже цѣлую четверть вѣка. Искусственно скучивъ евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ, они довели многихъ и многихъ до крайней, ужасающей нищеты, нисколько не поднявъ благосостояніе деревни. Мы указывали, вслѣдъ за изданіемъ правилъ [1]), на неизбѣжность такого результата; въ настоящее время онъ признанъ всѣми и неоднократно былъ констатированъ мѣстными и центральными властями. Зачѣмъ же откладывать устраненіе очевиднаго зла? До законодательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса пройдетъ, въ лучшемъ случаѣ, еще немало времени — а нужда среди евреевъ растетъ все больше и больше. Смягчить раздраженіе, накоплявшееся годами, не можетъ никакая полумѣра—но въ политической жизни, кромѣ разсчета, необходимо принимать въ соображеніе и справедливость, требующую немедленнаго облегченія невыносимаго гнета.

Еще бо́льшую нерѣшительность, чѣмъ въ еврейскомъ вопросѣ, группа центра выказала въ вопросѣ аграрномъ. Въ резолюціяхъ по этому предмету нѣтъ даже намека на возможность принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Центръ Государственнаго Совѣта остается здѣсь, такимъ образомъ, позади партіи мирнаго обновленія, а можетъ быть даже и союза 17-го октября. Это предвѣщаетъ мало хорошаго для будущей законодательной сессіи. Въ Государственной Думѣ, каковъ бы ни былъ исходъ выборовъ, едва ли составится большинство, враждебное главному желанію крестьянства—и между Думой и Совѣтомъ произойдетъ конфликтъ, грозящій опасными послѣдствіями... Полумѣры, въ чемъ бы онѣ ни заключались, недостаточны для правильнаго и мирнаго удовлетворенія крестьянской земельной нужды. Къ числу такихъ полумѣръ мы относимъ и состоявшееся 14-го октября пониженіе платежей по ссудамъ, выданнымъ и имѣющимъ быть выданными изъ крестьянскаго поземельнаго банка. Оно облегчаетъ, безспорно, положеніе крестьянъ, пріобрѣвшихъ и могущихъ еще пріобрѣсти землю при содѣйствіи крестьянскаго банка; но оно вовсе не касается всей остальной крестьянской массы и не даетъ никакого ручательства въ томъ, что частновладѣльческія земли будутъ поступать въ продажу, по сходной цѣнѣ, именно тамъ, гдѣ въ нихъ всего больше нуждаются крестьяне.

Мы показали, мѣсяцъ тому назадъ, что учрежденіе военно-полевыхъ судовъ не удовлетворяетъ ни одному изъ тѣхъ условій, внѣ ко-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1882 г.

торыхъ немыслимъ нормальный, правильно организованный и правильно дѣйствующій судъ. Новымъ, яркимъ подтвержденіемъ нашего вывода является недавній циркуляръ предсѣдателя совѣта министровъ [1]). Неполнота правилъ привела, какъ и слѣдовало ожидать, къ совершенно произвольному ихъ примѣненію. Сфера дѣйствій военно-полевого суда не была точно опредѣлена: ее стали распространять все больше и больше, включая въ нее самыя разнородныя преступныя дѣянія, независимо отъ времени ихъ совершенія. Страшно широка была власть, предоставленная администраціи: нѣкоторыя изъ числа лицъ, облеченныхъ этою властью, стали расширять ее еще дальше, выводя изъ нея право требовать пересмотра состоявшагося рѣшенія и усиленія назначенной имъ кары. Отсюда необходимость умѣряющихъ и сдерживающихъ разъясненій. Нельзя сказать, однако, чтобы эти разъясненія были свободны отъ недостатковъ, къ искорененію которыхъ они направлены. Въ правилахъ о военно-полевомъ судѣ преступныя дѣянія, ему подсудныя, не перечислены вовсе; въ циркулярѣ 6-го сентября сюда были отнесены вооруженныя нападенія на частныхъ и должностныхъ лицъ, разбои, грабежи и насилія; въ новомъ циркулярѣ не упоминается о *насиліяхъ*, но зато введена новая группа преступленій—изготовленіе, пріобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ взрывчатыхъ веществъ. Циркуляръ, такимъ образомъ, присвоиваетъ себѣ функціи закона. Преданіе военно-полевому суду—гласитъ слѣдующій пунктъ циркуляра — „допустимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе (даннымъ лицомъ) преступнаго дѣянія представляется вполнѣ *очевиднымъ*, т.-е. когда обвиненіе можетъ быть основано на *достовѣрныхъ* и не требующихъ *особой провѣрки* данныхъ, а слѣдовательно, *главнымъ образомъ*, если преступникъ задержанъ или застигнутъ на мѣстѣ преступленія, при самомъ совершеніи послѣдняго или непосредственно по его совершеніи“. Неопредѣленныя уже сами по себѣ, понятія объ очевидности и достовѣрности становятся еще болѣе эластичными вслѣдствіе дальнѣйшихъ оговорокъ циркуляра. Что такое „особая провѣрка“ и чѣмъ она отличается отъ провѣрки простой, обыкновенной, которую можно возлагать и на военно-полевой судъ? Не ясно ли, что данныя, требующія провѣрки—хотя бы и не „особой“—не могутъ уже считаться очевидными и безусловно достовѣрными? Не парализуется ли словами: *главнымъ образомъ* требованіе задержанія на мѣстѣ преступленія, вслѣдъ за его совершеніемъ? Не даютъ ли эти слова возможность разсуждать такъ:

---

[1]) Помѣщаемая выше (стр. 5) статья Н. С. Таганцева: „Законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ“, написана и сдана въ редакцію раньше чѣмъ состоялся этотъ циркуляръ.

подозрѣваемое лицо захвачено не на мѣстѣ преступленія, нѣсколько часовъ спустя послѣ его совершенія—но виновность его очевидна, и потому изъ общаго правила слѣдуетъ сдѣлать изъятіе, допускаемое совѣтомъ министровъ?... Въ основѣ циркуляра лежитъ внутреннее противорѣчіе: онъ направленъ къ регулированію того, что не поддается никакой регламентаціи. Правила о военно-полевомъ судѣ узаконяютъ произволъ; произволомъ неизбѣжно должно быть проникнуто и всякое ихъ толкованіе.

А между тѣмъ, каждый день приноситъ съ собою новыя подтвержденія безцѣльности и безплодности военно-полевого суда. Съ каждымъ днемъ становится все яснѣе и яснѣе, что стремительность расправы никого не устрашаетъ и ничего не предупреждаетъ. Странно было бы сомнѣваться въ этомъ особенно теперь, послѣ того какъ 14-го октября, въ двѣнадцатомъ часу дня, на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ столицы, произведено—и отчасти удалось—открытое, вооруженное нападеніе на карету, въ которой, подъ конвоемъ жандармовъ, перевозились значительныя денежныя суммы. Нападавшіе знали, чѣмъ они рискуютъ: они знали, что они могутъ погибнуть и отъ собственныхъ бомбъ, и отъ перестрѣлки съ охранителями кареты, и, наконецъ, отъ быстро свитой веревки палача. Тройная опасность ихъ не остановила—и преступленіе совершилось, только благодаря счастливой случайности не стоивъ жизни никому изъ оборонявшихся и никому изъ толпы прохожихъ. Не пора ли положить конецъ кровавому эксперименту, продолжающемуся уже около двухъ мѣсяцевъ? Политика репрессіи à outrance достигла, въ правилахъ о военно-полевомъ судѣ, своего крайняго выраженія; дальше идти некуда—остается только отказаться отъ пути, избраніе котораго было роковой ошибкой. Чѣмъ ближе выборы въ Государственную Думу, тѣмъ менѣе цѣлесообразна борьба противъ террора—терроромъ, тѣмъ болѣе необходимы другіе способы умиротворенія страны.

Какъ ни велика разница между правилами о военно-полевомъ судѣ и мѣрами, регулирующими отношеніе должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ, одна черта сходства между ними существуетъ несомнѣнно: какъ тѣ, такъ и другія одинаково безплодны. Въ самомъ дѣлѣ, чего можетъ достигнуть циркуляръ совѣта министровъ, воспрещающій должностнымъ лицамъ „всякое участіе въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, не только явно революціонныхъ, но и такихъ, которыя обнаруживаютъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ или призываютъ къ ней населеніе“? Партійная дѣятельность должностныхъ лицъ и до сихъ поръ, за рѣдкими исключе-

ніями, была весьма незначительна. Ее охотно преувеличивала, охотно расцвѣчивала яркими красками реакціонная печать; но въ сущности— если оставить въ сторонѣ совпавшія съ періодомъ наибольшаго развитія забастовокъ выступленія нѣкоторыхъ союзовъ, — она не шла дальше платоническихъ заявленій сочувствія той или другой оппозиціонной группѣ. Сочувствіе не поддается никакому внѣшнему воздѣйствію; противъ него безсильны самые строгіе циркуляры. Загнанное, если можно такъ выразиться, внутрь, оно легко принимаетъ болѣе острую форму. Число чиновниковъ, подъ покровомъ избирательной тайны подающихъ голосъ за оппозиціонныхъ кандидатовъ, циркуляръ совѣта министровъ не уменьшитъ, а увеличитъ. Неуловимыми и неустранимыми останутся и многія другія услуги, оказываемыя оппозиціоннымъ партіямъ—напр. распространеніе партійныхъ изданій, рекомендація намѣчаемыхъ партіями выборщиковъ, безъименные денежные взносы на партійныя цѣли. Правда, циркуляръ требуетъ отъ начальствующихъ лицъ постояннаго наблюденія за подчиненными—но едвали между этими лицами найдется много такихъ, которыя захотятъ и съумѣютъ организовать бдительный надзоръ за частною жизнью служащихъ. Циркуляръ легко можетъ оказаться „ударомъ шпаги по водѣ“ — но движеніе волнъ, образующихся на мѣстѣ удара, будетъ достаточно сильно, чтобы поколебать авторитетъ держащихъ шпагу.

Что̀ понимаетъ циркуляръ подъ именемъ „борьбы съ правительствомъ“? Отождествляется ли здѣсь понятіе о правительствѣ съ понятіемъ о министерствѣ? Если да, то остается еще доказать, что отрицательное отношеніе къ случайнымъ, быстро мѣняющимся министрамъ умаляетъ значеніе власти. Столь же неопредѣленно понятіе о борьбѣ, обнимающее собою цѣлую скàлу оттѣнковъ, отъ сдержанной критики до ожесточеннаго порицанія, отъ пассивнаго неодобренія до прямого противодѣйствія. И чего же, въ концѣ концовъ, требуетъ отъ должностныхъ лицъ циркуляръ? Абсолютнаго нейтралитета, невозмутимаго равнодушія? Нѣтъ: онъ разрѣшаетъ участіе въ партіяхъ, стоящихъ на сторонѣ правительства (т.-е. министерства)— а отъ разрѣшенія, въ такихъ случаяхъ, очень недалеко до рекомендаціи. Членами партій, не подходящихъ подъ запретъ циркуляра, могутъ быть даже лица, стоящія во главѣ самостоятельныхъ частей управленія или отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденій; они не должны только принимать на себя руководящей роли и входить въ составъ партійныхъ бюро и комитетовъ. Ничто, слѣдовательно, не мѣшаетъ чиновникамъ всѣхъ степеней, отъ низшихъ до высшихъ, вступать въ ряды союза русскаго народа и ему подобныхъ организацій, очень мало озабоченныхъ охраненіемъ общественнаго спокойствія...

Не вполнѣ согласнымъ, въ этомъ отношеніи, съ циркуляромъ мо-

жетъ показаться опредѣленіе Сената, признавшаго, что судьи не могутъ примыкать, въ качествѣ членовъ, къ преслѣдующимъ политическія цѣли обществамъ, союзамъ и партіямъ. Различія между партіями, по ихъ направленію и окраскѣ, здѣсь не сдѣлано никакого. Нетрудно, однако, убѣдиться въ томъ, что практически опредѣленіе Сената не расходится съ циркуляромъ: стоитъ только припомнить, что высшее дисциплинарное присутствіе Сената, отъ котораго зависитъ воздѣйствіе на судей, приступаетъ къ разбору дѣлъ этого рода не иначе, какъ по предложеніямъ министра юстиціи. Понятно, что при господствѣ системы, породившей обсуждаемый нами циркуляръ, министръ юстиціи не станетъ привлекать къ отвѣтственности судей, примкнувшихъ къ одной изъ „благонамѣренныхъ" партій и даже активно работающихъ въ ея духѣ. Оставаясь на почвѣ закона, высшее дисциплинарное присутствіе не будетъ въ правѣ уволить судью, вступившаго въ оппозиціонную партію: основаніемъ къ увольненію можетъ служить только безнравственный или предосудительный поступокъ, несовмѣстный съ достоинствомъ судейскаго званія. Нелегко будетъ мотивировать и менѣе строгую мѣру—перемѣщеніе въ другую мѣстность, на равную судейскую должность: для принятія ея необходимо, по закону, установить такія *дѣйствія* судьи, которыя „даютъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ судейскихъ обязанностей". Подобнымъ „дѣйствіемъ" принадлежность судьи къ политической партіи очевидно считать нельзя... Если высшее дисциплинарное присутствіе не выйдетъ за предѣлы своей власти, циркуляръ о партіяхъ по отношенію къ судьямъ останется мертвой буквой.

ВЛАДИМІРЪ ДАНИЛОВИЧЪ СПАСОВИЧЪ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДНИХЪ ПИСЬМАХЪ

(Февраль - августъ 1906 г.).

Покойный Владиміръ Даниловичъ оставилъ Петербургъ всего четыре года тому назадъ, осенью 1902 года; угрожавшая ему тогда болѣзнь вынудила его искать болѣе мягкаго климата и менѣе суровой зимы; — такимъ образомъ, онъ переселился въ Варшаву. Но до того времени В. Д. прожилъ безвыѣздно въ Петербургѣ болѣе полувѣка, начиная съ 1845 года, — когда онъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, явился въ Петербургъ 16-ти-лѣтнимъ юношей (род. въ 1829 г.). Окончивъ передъ тѣмъ курсъ гимназіи въ городѣ Минскѣ, мѣстѣ его рожденія въ семьѣ мѣстнаго доктора, онъ поступилъ въ здѣшній университетъ, на юридическій факультетъ, и кончилъ курсъ въ 1849 году. Я зналъ В. Д. и теперь еще хорошо помню его на университетской скамьѣ: я кончалъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1846—47 году, а Спасовичъ тогда только еще начиналъ (1845—46 г.). Въ половинѣ 50-хъ годовъ мы опять встрѣтились съ нимъ и сошлись на этотъ разъ гораздо ближе—на университетской каѳедрѣ, работая каждый по своему факультету; одновременно мы оставили и каѳедру (въ 1861 году), вмѣстѣ съ нашимъ профессорскимъ кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ К. Д. Кавелинъ. Этотъ кружокъ сохранилъ дружественныя отношенія, и по оставленіи нами каѳедры, вплоть до 1865 года, когда въ этомъ же кружкѣ, подъ вліяніемъ отмѣны предварительной цензуры, въ Петербургѣ, закономъ 6-го апрѣля 1865 года, образовалась и вслѣдъ за тѣмъ осуществилась мысль объ основаніи научнаго журнала, какимъ и явился въ 1866 году „Вѣстникъ Европы", который долженъ былъ отчасти замѣнить намъ оставленную нами каѳедру въ университетѣ.

Всѣ сорокъ лѣтъ существованія журнала В. Д. оставался неизмѣннымъ его сотрудникомъ [1]); и вотъ опять мы работали съ нимъ

---

[1]) Вотъ главнѣйшіе труды В. Д. Спасовича въ журналѣ, подписанные имъ:

Въ первый годъ изданія журнала, въ 1866 году: „Новѣйшая исторія Австріи" (мартъ, сентябрь и декабрь). — Въ 1870 г.: „Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета" (апр., май).)—Въ 1872 г.: „Польскія фантазіи на славянофильскую тему" (августъ).—Въ 1873 г.: „Опытъ построенія соціологіи" (апр.).—„Новѣйшая исторія Австріи": „Десять лѣтъ реакціи" (май, іюнь, декабрь).—1874 г.: „Вопросъ о такъ-

вмѣстѣ, и нынѣшній разъ до самаго конца его замѣчательной жизни. Конечно, въ этотъ періодъ времени, В. Д. составилъ себѣ почетное имя и прочную славу на поприщѣ служенія Судебнымъ Уставамъ. Но и профессорская карьера В. Д., и особенно его судебная дѣятельность остались и останутся долгое время въ памяти не однихъ его современниковъ. Никто такъ вѣрно и съ такимъ мастерствомъ не начерталъ облика Спасовича, какъ на каѳедрѣ университета, такъ и въ судѣ, какъ Ан. Ѳ. Кони въ „Рѣчи", читанной имъ въ годовомъ собраніи петербургскаго „Юридическаго Общества", 23 февраля 1903 года [1]).

„Какъ сейчасъ вижу, — говорилъ А. Ѳ. Кони,—обширный думскій залъ, гдѣ читались въ 1862 году лекціи перваго свободнаго русскаго университета [2]), гдѣ раздавались вдохновенныя слова Кавелина—и гдѣ на эстраду, на которой была поставлена каѳедра, по три раза въ недѣлю входилъ быстрою походкою человѣкъ въ очкахъ, съ коротко остриженною головою, энергическимъ лицомъ и живыми, пронзительными глазами, въ глубинѣ которыхъ горѣло пламя мысли и смѣлаго стремленія къ истинному знанію. Сложное понятіе о преступленіи и наказаніи развивалось передъ внимательной и пестрой аудиторіей ярко и понятно, очень часто художественно, и всегда съ той широтой, которая одна даетъ уголовному праву основаніе называться наукой, а не сборомъ теоретическихъ положеній, чуждыхъ жизни и подчасъ тяжелыхъ для совѣсти человѣка.—Этотъ профессоръ—былъ Спасовичъ"...

называемой литературной собственности" (іюнь).—1880 г.: „Маркизъ А. Велепольскій, его рѣчь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ" (окт., ноябрь).—1881 г.:—Тоже (февраль, май, іюнь, декабрь). — 1885 г.: „Памяти К. Д. Кавелина" (іюнь). — „Разборъ послѣднихъ трудовъ Кавелина" (окт.). — 1887 г.: „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго" (апрѣль).—1888 г.: „Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова" (мартъ, апр.). — 1889 г.: „Черногорія и имущественный законникъ Богишича" (февр.).—1891 г.: „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права" (октябрь). — „Лермонтовъ въ книгѣ Н. Котляревскаго" (дек.). — 1894 г.: „Дружба Шиллера и Гёте" (февраль, мартъ, апр.).—1896 г.: „Адольфъ Павинскій, историкъ польскаго сеймика" (дек.). — 1897 г.: „Мережковскій и его „Вѣчные спутники" (іюнь). — „К. Д. Кавелинъ" (февраль). — „Чествованіе памяти Палацкаго" (окт.).—1899 г.—„Адамъ Мицкевичъ и его поэтическое творчество" (авг.).—1900 г.: „Эволюція романа по новой книгѣ П. Д. Боборыкина (окт.).—1891 г.: Вл. С. Соловьевъ, какъ публицистъ" (январь).—Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (май, іюнь).

[1]) А. Ѳ. Кони „Очерки и воспоминанія. — Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки". Спб. 1906 г. Стр. 771 и слѣд.

[2]) По закрытіи университета въ сентябрѣ 1861 года, оставившіе каѳедру профессора, вмѣстѣ съ другими, какъ Костомаровъ, открыли курсы въ большой залѣ Городской Думы, что, дѣйствительно, имѣло видъ перваго опыта частнаго университета, не связаннаго административнымъ произволомъ, и потому „свободнаго" отъ такого произвола.

„Затѣмъ,—продолжаетъ ниже А. Ѳ. Кони,—мнѣ пришлось встрѣтиться со Спасовичемъ черезъ нѣсколько лѣтъ на службѣ Судебнымъ Уставамъ, которымъ онъ отдалъ свои лучшія силы. Вмѣстѣ со многими, сошедшими теперь со сцены, я былъ свидѣтелемъ его трудовъ и горячо привѣтствовалъ тѣ основы судебной этики, которыя закладывались имъ и въ судебныхъ преніяхъ, и въ опредѣленіяхъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Въ числѣ многихъ и многіе годы я восхищался его оригинальными непокорными словами, которыя онъ вбивалъ, какъ гвозди, въ точно соотвѣтствующія имъ понятія,—любовался его горячими жестами и чудесной архитектурой рѣчей, неотразимая логика которыхъ соперничала съ ихъ глубокою психологіей и указаніями долгаго и опытнаго житейскаго раздумья. Какъ часто приходилось представлять себѣ кого-либо, пришедшаго въ первый разъ послушать въ судъ *знаменитаго Спасовича* и сначала удивленно вопрошающаго себя: „Какъ, неужели это Спасовичъ? не можетъ быть"!—говорящаго себѣ, потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ:—„А вѣдь, пожалуй, это и онъ", и восклицающаго, наконецъ, съ восторгомъ:—„Да, это онъ! онъ и никто другой"! На поприщѣ судебныхъ состязаній намъ пришлось поработать вмѣстѣ... И побѣжденный, и побѣдитель, я возвращался домой всегда и прежде всего—благодарнымъ ученикомъ Спасовича"...

Переселеніе В. Д. Спасовича нисколько не измѣнило нашихъ отношеній; съ 1902 г. болѣзнь не позволила ему принимать участіе въ журналѣ, и въ 1901 году появились послѣднія его статьи, посвященныя воспоминаніямъ о нашихъ общихъ друзьяхъ: Вл. С. Соловьевѣ и В. А. Арцимовичѣ; но зато личная бесѣда замѣнилась перепиской. Благодаря этому обстоятельству, я могу теперь познакомить читателя, по крайней мѣрѣ, съ послѣдними письмами В. Д. Спасовича, писанными въ 1906 году; они представляютъ большой интересъ особенно для будущаго его біографа, какъ свидѣтельство того, что В. Д. до конца своей жизни внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ эти послѣдніе годы у насъ; очевидно, связь его съ нами, въ теченіе 60-ти лѣтъ жизни въ нашей средѣ, окрѣпла до того, что онъ, и по удаленіи изъ Петербурга, мысленно продолжалъ жить съ нами.

Зиму съ 1905 на 1906 годъ В. Д., по совѣту врачей, долженъ былъ провести въ Ниццѣ, такъ какъ и климатъ Варшавы все еще недостаточно былъ благопріятенъ для него. Возвратившись изъ Ниццы въ Варшаву, еще въ началѣ февраля, онъ отвѣчалъ мнѣ:

Варшава 13 (26) февраля 1906 г.

„Дорогой М. М., не дожидаясь весны, я перебрался изъ Ниццы въ Варшаву, поздоровѣвъ. Сижу дома, берегусь отъ холодовъ и на-

хожусь въ довольно сносномъ положеніи. Въ Ниццѣ я побывалъ на могилѣ Герцена; карточку съ изображеніемъ надгробнаго памятника прилагаю.—Войдя въ вагонъ спѣшнаго поѣзда въ Ниццѣ, 1/14 февраля, я уже не выходилъ изъ него вплоть до Варшавы, въ которой очутился, послѣ 50-ти часовъ ѣзды, въ пятницу 3/16 февраля.

„Вскорѣ затѣмъ я получилъ февральскую книжку „Вѣстника Европы" и накинулся на статью: „*Партія демократическихъ реформъ и ея программа*". Первое мое движеніе было — откликнуться на вызовъ, на стр. 787: „Лица, желающія присоединиться къ партіи, благоволятъ заявить о томъ письменно редакціи „Вѣстника Европы". Все въ программѣ, касающейся польской національности, одобрилъ я безъ оговорокъ.—Я противникъ самаго термина „автономія", коимъ пользуются, нерѣдко и вкривь, и вкось, мои земляки, воздерживаясь отъ точнаго ея опредѣленія. Это темное пятно служитъ имъ вмѣсто отверстія, изъ котораго они вытаскиваютъ, по возможности, побольше историческаго старья съ тѣмъ, чтобы его реставрировать. Никто не можетъ глядѣть одновременно и взадъ, и впередъ! Теперь намъ слѣдуетъ примыкать, а не отщепаться, и стать твердою ногою въ общероссійскомъ парламентѣ. Сила вещей поведетъ къ образованію промежуточныхъ, между центральными и губернскими учрежденіями, еще и областныхъ съ разноцвѣтными окрасками. Съ большинствомъ 59-ти §§ я мирюсь и имъ сочувствую, но есть между ними и такіе, которыхъ я не могу признать ни предрѣшенными *правилами*, ни широко распространенными *взглядами*, какъ исходнымъ пунктомъ для общей дѣятельности.

„Мы переживаемъ тревожный промежуточный моментъ, въ ожиданіи обѣщанной, но неготовой еще конституціи. Каждый подобный переходъ имѣетъ свои неотложные очередные вопросы, требующіе соглашенія, хотя бы и предвидѣлось, что, по минованіи тревожнаго момента, согласившіеся совсѣмъ разойдутся, и это даже въ ближайшемъ будущемъ. Въ Евангеліи сказано: „Довлѣетъ дневи злоба его". Есть и въ политикѣ золотое правило: *Quieta non movere*! Къ числу поднятыхъ, но не очередныхъ вопросовъ отношу я вопросъ о *правахъ женщинъ*, затронутый въ § 19 программы въ словахъ: „Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія должно быть основано на всеобщемъ голосованіи *безотносительно къ полу*". Сочинявшій программу комитетъ устранилъ женщинъ отъ участія въ выборахъ въ Нижнюю Палату, въ Государственную Думу (§ 6). Маленькій начатокъ допущенія женщинъ къ выборамъ въ органы земскаго и городского самоуправленія существуетъ уже въ Городовомъ и Земскомъ Положеніяхъ, но онъ сдѣланъ только въ пользу владѣлицъ недвижимой собственности, которыя хотя и участвуютъ въ выборахъ, но только не лично, а лишь посредствомъ своихъ уполномоченныхъ. Вмѣсто того, чтобы только увеличить нѣсколько этотъ бутончикъ, параграфъ 19-ый программы вводитъ весь женскій полъ не въ одни выборы, но въ цѣлую область представительства въ мѣстномъ самоуправленіи, наравнѣ съ мужчинами, и, повидимому, съ допущеніемъ женщины къ должностямъ по этому самоуправленію. Разъ она будетъ, наравнѣ съ мужчинами, допущена въ городское и земское самоуправленіе, я не понимаю, какъ можно устранить ее логически отъ участія въ самомъ народномъ пред-

ставительствѣ, если не въ первой или Нижней Палатѣ, то во второй, въ Верхней, комплектуемой не по выбору населенія, а по назначенію отъ органа земскаго самоуправленія.—Лично я горячій сторонникъ эмансипаціи женщинъ, но полагаю, что это вопросъ весьма крупный и весьма еще далекій. Съ нимъ слѣдовало бы повременить, не подливая кипятку къ общественному броженію, которое и безъ того становится почти не въ моготу.

„Второе мое возраженіе противъ программы партіи относится къ настойчиво и сильно пропагандируемому въ ней „suffrage universel" по французскому образцу. Это учрежденіе сильно пропагандируется у насъ въ шаблонной формулѣ, состоящей изъ существительнаго: *голосованіе* съ четырьмя заученными—точно это слова молитвы—прилагательными: *всеобщее, равное, прямое и закрытое.* Параграфъ 5-ый дѣлаетъ для народнаго представительства одно малое изъятіе, выкидывая прилагательное *прямое,* пока не будетъ окончательно рѣшено, будутъ ли выборы въ Нижнюю Палату (Государственную Думу) прямые или двустепенные; но для мѣстнаго самоуправленія предлагаются полностью всѣ четыре прилагательныя, между тѣмъ какъ для мѣстнаго самоуправленія эта-то формула не годится, потому что голосованіе никакъ не можетъ быть всеобщее.

„Во всѣхъ устроенныхъ мѣстныхъ общежитіяхъ всѣ жители пользуются выгодами благоустроеннаго сожительства, но всю тяготу благоустройства несутъ на себѣ только плательщики особыхъ мѣстныхъ податей и сборовъ, т.-е. лица, подходящія подъ извѣстный имущественный цензъ. Къ нимъ слѣдовало бы присоединить въ подмогу—жителей съ извѣстнымъ цензомъ по образованію. Помнится мнѣ, что М. М. Ковалевскій соглашался въ прежнее время на „suffrage universel" по итальянскому образцу, то-есть, при непремѣнномъ условіи, по крайней мѣрѣ, грамотности. Нынѣ онъ отступилъ, повидимому, отъ этого условія, подписавъ программу партіи.—Я лично опасаюсь для Россіи всеобщаго голосованія. Боюсь рискованнаго скачка въ неизвѣстное, въ виду отсталости и темноты громадныхъ массъ нашего крестьянскаго населенія.

„Третье и послѣднее мое возраженіе имѣетъ предметомъ *аграрную* политику программы, въ статьяхъ 36—46, посвященную осуществленію идеаловъ не „демократическихъ", а скажу напрямикъ—соціалистическихъ. Пунктъ *а* въ § 37 возлагаетъ на государство непосильную и прямо невозможную, на мой взглядъ, обязанность, которой донынѣ оно не несло,—надѣлять землею малоземельныхъ или безземельныхъ, на чужой почвѣ работающихъ земледѣльцевъ. Эти надѣлы будутъ, по § 40, не въ собственность, а въ пользованіе безсрочное,—слѣдовательно, повидимому, во владѣніе наслѣдственное. Программа предлагаетъ, такимъ образомъ, приступъ къ такъ-называемой аграрной *національзаціи* земли. Дареніе малоимущимъ будетъ принудительное, въ сущности, на счетъ многоземельныхъ владѣльцевъ, получающихъ не настоящее, а лишь умѣренное вознагражденіе,—значитъ, будетъ сопровождаться извѣстнаго рода конфискаціею. Законъ установитъ не *минимальный,* какъ бы то слѣдовало, а *максимальный* размѣръ частнаго владѣнія, который будетъ продолжаться, пока вся земля каждой мѣстности будетъ раздана до тла, такъ какъ населеніе быстро

растетъ, между тѣмъ какъ къ земельной площади не прибавится ни одного вершка. При такихъ условіяхъ произойдетъ мельчаніе и исчезновеніе крупной, а затѣмъ и средней поземельной собственности. Это мельчаніе повлечетъ за собою уменьшеніе производительности земли, такъ какъ крестьянское хозяйство вездѣ и всегда отсталое и не интенсивное. Голодовки будутъ случаться чаще, нежели теперь.

„Аграрная политика программы похожа, на мой взглядъ, на гнѣздо, свитое московскимъ славянофильствомъ послѣдняго пошиба, идеализирующимъ общину и предполагающимъ ввести безсрочное владѣніе, вмѣсто собственности, даже и тамъ, гдѣ крестьянское владѣніе не общинное, а подворное (§ 40). Эта попытка совпадаетъ съ моментомъ, когда всѣ чувствуютъ, что „мужика" надлежало бы сдѣлать полноправнымъ гражданиномъ, подчинивъ его одному общему для всѣхъ состояній гражданскому кодексу.

„Вамъ понятно, конечно, дорогой М. М., что, при всемъ своемъ западничествѣ, К. Д. Кавелинъ былъ, по части обожанія общины, полный славянофилъ. Не знаю, какъ бы онъ отнесся къ предложенію о національзаціи земли, но могу васъ увѣрить, что и я, и мои земляки, почти всѣ, кромѣ немногихъ соціалистовъ, и вообще всѣ жители мѣстностей, гдѣ крестьянское владѣніе—не общинное, но подворное, мы—противники, мы—рѣшительные противники перенесенія къ намъ великорусскихъ общинныхъ мірскихъ порядковъ. Это отрицательное отношеніе къ общинному владѣнію отдѣляетъ насъ отъ коренной Россіи сильнѣе, чѣмъ какія бы то ни было сепаратистическія мечты объ автономіи. Мы надѣемся, что и въ Государственной Думѣ, по общинному безличному владѣнію, мы будемъ не сепаратисты, а большинство. Еще недавно, въ декабрьской книжкѣ „В. Е." за 1905 г. (Внутреннее Обозрѣніе), стр. 786, вашъ журналъ былъ съ нами за одно, говоря такъ: „Если осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ не ставится въ Германіи на ближайшую очередь, то что же сказать о Россіи съ ея умственною и матеріальною отсталостью?! Цѣлесообразно ли уничтожить на мѣстахъ тѣ небольшіе культурные центры, какими служили довольно многія помѣщичьи усадьбы? Цѣлесообразно ли лишить мѣстное самоуправленіе точекъ опоры въ бывшихъ дѣятеляхъ, столь много успѣвшихъ сдѣлать скудными средствами и вопреки всякаго рода препятствіямъ..."

„Кончаю длинное письмо, предваряя, что оно написано, главнымъ образомъ, для вашего „субботняго" кружка, въ особенности для К. К., А. Ѳ. и В. Д.".

Между тѣмъ, здоровье В. Д. снова пошатнулось; письма его ко мнѣ становятся все рѣже и рѣже; во второй половинѣ апрѣля онъ пишетъ уже съ трудомъ:

Варшава. 20-го апрѣля (3-го мая) 1906 г.

„Вы, вѣроятно, имѣете извѣстіе обо мнѣ и о моемъ житьѣ-бытьѣ отъ нашего общаго знакомаго Анатолія Leroy Beaulieu, котораго мы чествовали въ Варшавѣ, и который направился въ Петербургъ созер-

цать, какъ выклёвывается цыпленокъ изъ своего яйца.—Я наблюдалъ въ первый разъ въ жизни избирательную агитацію, и она не пришлась мнѣ по душѣ—я радъ былъ, что меня миновала эта чаша, а могъ бы постараться, чтобы меня выбрали въ винницкомъ уѣздѣ, гдѣ я землевладѣлецъ, но я отклонилъ всякія этого рода предложенія. Они уже не по нашему съ вами возрасту; мы потрудились на своемъ вѣку и имѣемъ полное право на покой...

„Намъ приходится быть только зрителями спектакля, который весьма интересенъ. Но это еще цвѣточки, будутъ и ягодки; порою попадаются между ними и весьма кислыя,—тѣмъ не менѣе, я счастливъ, что дожилъ до нашего тревожнаго времени и не мирюсь съ пессимистическимъ взглядомъ на нашего Януса.

„Въ качествѣ больного я обреченъ на Наугеймскія воды, для пользованія которыми отправлюсь въ началѣ іюня стараго стиля. Очень хотѣлъ бы повидаться съ вами за-границей"...

Мѣсяцъ спустя, В. Д. извѣщаетъ, наконецъ, о своемъ отъѣздѣ на-воды и еще разъ возвращается къ мыслямъ о нашихъ дѣлахъ:

Варшава.—21 мая (4 іюня) 1906 г.

„Въ будущую субботу, 27 мая (9 іюня), ѣду лечиться въ Наугеймъ, съ сестрою, на пять недѣль. Около половины іюля я намѣренъ прокатиться куда-нибудь на взморье—вѣроятно, на берега Адріатическаго моря. Вернемся въ Варшаву въ началѣ русскаго сентября. Прошу васъ, дайте мнѣ вѣсточку, въ Bad-Nauheim (Hessen), p.-r., о томъ, куда поѣдете вмѣстѣ съ Л. И. Постараюсь направить свой обратный путь такимъ образомъ, чтобы съ вами повидаться...

„Тяжело жить: день ото дня не легче! Нравы общественные страшно дичаютъ; взрывы бомбъ, выстрѣлы, грабежи и убійства совершаются каждый божій день—и на улицѣ! Тошно иногда становится и отъ того, что говорятъ и пишутъ даже наши литературные друзья и единомышленники,—напримѣръ, отъ того, что печатаетъ въ органѣ, съ которымъ и вы находитесь въ близкихъ отношеніяхъ—одинъ изъ его столповъ. Группа друзей этого органа отошла въ „правую" сторону отъ „кадетовъ", чтобы не быть заодно съ революціонерами и анархистами, и дала себѣ особое названіе. На дѣлѣ однако, выходитъ что эту новую партію заполонилъ „блокъ" „кадетовъ" и повлекъ на приступъ... Меня также удивляетъ и то, что партія демократическихъ реформъ не заняла особаго положенія и не выдѣлилась изъ „блока"...

„Я радъ, что я не въ Петербургѣ и не засѣдаю въ Думѣ. У правительственныхъ министровъ, мало впрочемъ образованныхъ, находится, однако, довольно здраваго смысла, чтобы понять, что Думу, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ разгонять...

„Надѣюсь, что скоро увижусь съ вами гдѣ-нибудь на Рейнѣ"...

Но эта надежда и обоюдныя желанія не осуществились, какъ не осуществился и планъ В. Д. прогуляться на берега Адріатики: воды

вовсе не облегчили больного. Возвратившись въ Варшаву, онъ пишетъ мнѣ—и на этотъ разъ послѣднее письмо, недѣли за двѣ до смерти.

Варшава.—25 авг. (7 сент.) 1906 г.

„Достойнѣйшій нашъ староста [1]) и юбиляръ М. М.

„Вопреки ожиданіямъ, мы не съѣхались съ вами лѣтомъ за-границею, и васъ я потерялъ изъ виду въ Маріенбадѣ, а самъ вернулся въ Варшаву, болѣе больнымъ, чѣмъ до отъѣзда за-границу. Знаю я, что если не тѣлесно, то душевно вы будете присущи 28 сего августа, въ понедѣльникъ, въ Петербургѣ, гдѣ собираются справить вашъ тройной юбилей: восемьдесятъ лѣтъ отъ рожденія, шестьдесятъ—литературнаго труда, и сорокъ—издательства „Вѣстника Европы". Настоящее посланіе должно привести въ извѣстность право старѣйшихъ и преданнѣйшихъ вашихъ друзей, стоящихъ у самой средины юбилейнаго кружка, чествовать васъ; я моложе васъ и бывалъ еще студентомъ на вашихъ лекціяхъ; въ литературной дѣятельности мы были неразлучно въ одномъ и томъ же лагерѣ; мы были когда-то апостолами того либерализма, который слылъ у противниковъ нашихъ, лѣвой стороны передовыхъ, буржуазнымъ. Мы пытались (въ началѣ 80-хъ годовъ), подъ вашимъ главенствомъ, создать „порядокъ" (названіе газеты), который былъ, однако, какъ опережающій свое время, закрытъ (въ январѣ 1882 г.)... Послѣ сорока лѣтъ существованія, органъ вашъ, по моему мнѣнію, не нуждается въ измѣненіи: онъ всегда стоялъ за всякій прогрессъ, но легальный, за всякую эволюцію, но не революцію, за установленіе порядка по соглашенію всѣхъ партій на аренѣ парламента—безъ кровопролитія и убійствъ"...

Такимъ сердечнымъ привѣтомъ журналу, въ которомъ онъ работалъ, начиная съ его основанія, заканчивается послѣднее письмо В. Д., полученное мною незадолго до печальной вѣсти о его кончинѣ, въ 10 часовъ вечера 13-го октября. При жизни В. Д. имѣлъ немало враговъ въ печати, но замѣчательно то, что смерть его вызвала единодушное сочувствіе къ покойному и признаніе за нимъ заслугъ на различныхъ поприщахъ общественной жизни.

М. Ст.

---

[1]) Шутка В. Д. относится къ моему старѣйшинству, въ нашемъ кружкѣ, по возрасту: впрочемъ, самъ В. Д. былъ моложе меня всего на три года.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1906.

I.

— Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Книгоиздательство „Скорпіонъ". М. 1906.

„Эмиль Верхарнъ долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ поэтовъ, пищущихъ въ наши дни на французскомъ языкѣ. Онъ принадлежитъ къ числу писателей, именемъ которыхъ означаются цѣлыя эпохи. Вліяніе его только недавно начало расти, но невозможно предвидѣть, какъ широко распространится оно во всемірной литературѣ. Верхарнъ создалъ свой міръ поэзіи, какъ создали свой міръ Данте, Шекспиръ, Гете, Гюго, Ибсенъ. Онъ разработалъ темы, которыхъ до него почти не касались, онъ создалъ новые пріемы въ литературѣ, которымъ еще долго будутъ подражать, онъ преобразовалъ и оживилъ французскій стихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Верхарнъ—одинъ изъ современнѣйшихъ поэтовъ, и, можетъ быть, не далеки отъ истины тѣ, кто называютъ его Дантомъ современной европейской жизни. Знакомство съ Верхарномъ столь же необходимо для мыслящаго человѣка, какъ знакомство со всѣми великими дѣятелями искусства". Такъ опредѣляетъ Верхарна г. Брюсовъ. Неподдѣльное увлеченіе, которымъ согрѣты эти строки, понятно въ переводчикѣ, сроднившемся съ поэтомъ въ процессѣ анатомированія и оживленія его души. „Онъ создалъ свой міръ поэзіи..." Это—высшая похвала и величайшая дань признанія для поэта, независимо отъ того, согласится ли исторія обозначить его именемъ эпоху, или изберетъ другой способъ увѣковѣченія его памяти.

Да, Верхарнъ создалъ особый міръ поэзіи и жизни. Его пѣсни—

непѣтыя пѣсни, въ которыхъ отразился тревожный и порывистый духъ, неукротимо рвущійся къ тайнамъ, къ „безумнымъ неизвѣстностямъ", гдѣ испаряется мысль и зарождается туманность чувства. Ступени развитія болѣзненно-чуткой души поэта вели его отъ здороваго, свѣжаго реализма „фландрской деревни" къ высотамъ сверхъчувственныхъ постиженій, къ символамъ вѣчнаго, страдальчески разбросаннаго въ жизни. Но и здѣсь Верхарнъ не однообразенъ и ничего не отдаетъ прошлому безвозвратно—ни цѣльнаго чувства любви къ конкретной обыденности „быта", ни красоты родныхъ деревень и луговъ. „Не однообразенъ"—мало сказать. Изъ современныхъ поэтовъ едва ли можно назвать другого, кто былъ бы столь переливчато-измѣнчивъ въ настроеніяхъ и образахъ, какъ Верхарнъ. Это—неистощимый родникъ всего, отъ чего свѣтится и темнѣетъ душа—восторга, безумія, любви, отчаянья, скорби, муки; у него это—безчисленныя тропинки, на которыя разбилась и разсыпалась жизнь,—онѣ ведутъ въ міръ непостигнутаго, не схваченнаго словомъ, онѣ усѣяны шипами и розами, надъ ними носятся туманы, скрывающіе солнце...

О, вѣчно ль небесамъ мечтать въ алмазномъ снѣ?
И сонмамъ звѣздъ глядѣть съ своихъ высотъ ко мнѣ
Неумолимо и сурово?
И вѣчно-ль не сорвать покрова
Предъ золотой Изидой въ вышинѣ!

Такъ переводитъ г. Брюсовъ послѣднюю строфу одного изъ безумнѣйшихъ, по страстному порыву мысли, стихотвореній Верхарна („Числа"). Въ этой формѣ ставитъ Верхарнъ старый, какъ муки человѣчества, вопросъ души, не довольствующейся внѣшней жизнью. Мысль фламандскаго поэта не устремляется въ „алмазный сонъ" небесъ. Она проникаетъ глубоко въ землю, стремясь исторгнуть тайну у „духа земли". Страстная пытливость придаетъ его языку необыкновенную оригинальность, силу, рѣжущую стремительность мысли.

Aubes rouges, midis fumeux, couchants vermeils,
Dans le tumulte violent des heures
Elles demeurent;
Et leur âme, par au-delà du temps et de l'espace,
S'éternise, devant le flux et le reflux qui passent.
Et la première c'est la force
Epanouie ou souterraine,
Multipliée en poings, en bras, en torses,
Ou tout à coup sereine,
Dans un cerveau suprême et foudroyant.
Par à travers l'or effrayant,
Les cris, la chair, le sang, la lie,
Elle apparait: celle qui tend ou qui délie
L'énorme effort humain bandé vers la folie.

Кажется, никакой другой языкъ не въ силахъ передать это пылкое воображеніе, эту стремительность и остроту. Въ особенности русская рѣчь, сила которой не въ энергіи и не въ рѣзкой металличности образовъ, но въ льющейся мягкости, въ легкости переходовъ отъ образовъ къ чувству, отъ мысли къ настроеніямъ. Если въ пьесахъ энергіи и силы, въ родѣ „Le Forgeron", гдѣ слышатся оглушающіе удары молота о наковальню, Верхарнъ, въ переводѣ г. Брюсова, нѣсколько смягчается, то это не вина переводчика. Онъ сдѣлалъ все, чтобы приблизиться къ оригиналу, не становясь его рабомъ, достигъ возможной близости подлинника и, во многихъ строфахъ, желѣзной твердости и сухости стиха.

Son front
Exempt de crainte et pur d'affronts,
Sur les flammes se penche, et tout à coup rayonne.
Devant ses yeux, le feu brûle en couronne.
Ses mains grandes obstinément
Manient, ainsi que de futurs tourments,
Les marteaux clairs, libres et transformants
Et ses muscles s'élargissent, pour la conquête
Dont le rêve dort en sa tête.

У г. Брюсова:

Вотъ онъ,
Сомнѣній чуждъ и чуждый страха,
Склоненный подъ огнемъ, внезапно озаренъ,
И пламя передъ нимъ, какъ рядъ живыхъ коронъ.
Вотъ, молотъ бросивши съ размаха,
Его вздымаетъ онъ, упрямъ и напряженъ,
Свой молотъ, изъ руды творящій
Оружіе побѣдъ,
Тѣхъ, что провидитъ онъ за далью лѣтъ!

Это—не переводъ, это почти перековка металла изъ одной въ другую — близкую форму, и она говоритъ объ огромномъ трудѣ переводчика, о большой чуткости къ оригиналу.

Смягченнымъ является Верхарнъ и въ своей знаменитой „La Révolte", гдѣ переводчикъ съ большимъ тактомъ обходитъ всѣ образы, которые могли бы рѣзко нарушить строй его перевода и разбить звуковую волну русской рѣчи. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ образчиковъ перевода г. Брюсова въ названной пьесѣ.

La toux des canons lourds,
Les lourds hoquets des canons sourds
Mesurent seuls les pleurs et les abois de l'heure.
Les cadrans blancs de carrefours obliques,
Comme des yeux en des paupières,

Sont défoncés à coups des pierres:
Le temps normal n'existant plus
Pour les coeurs fous et résolus
De ces foules hyperboliques.

Въ переводѣ:

Гулы глухіе орудій
(Кашель чугунный безжалостныхъ грудей)
Мѣрятъ печальные вздохи минутъ.
Циферблаты разбиты на башняхъ высокихъ,
Не льется на площади ровный ихъ свѣтъ
(Словно очи столицы смежили рѣсницы);
Времени болѣе нѣтъ
Для сердецъ опьяненныхъ, жестокихъ,
Для толпы, свершающей судъ!

Передача *впечатлѣнія* подлинника—основная задача г. Брюсова, и ей онъ не разъ приноситъ въ жертву близость къ оригиналу и точность. Но, взамѣнъ этого, переводчикъ достигаетъ поразительныхъ эффектовъ въ передачѣ общаго колорита и настроенія. Вотъ, напримѣръ, строфа изъ пьесы „Le Vent", порывистой, пронизанной дрожью осенняго холода и тоски.

Dans les étables lamentables,
Les lucarnes rapiécées
Ballottent leurs loques falotes
De vitres et de papier.
— Le vent sauvage de Novembre!—
Sur sa butte de gazon bistre,
De bas en haut, à travers airs,
De haut en bas, à coups d'éclairs,
Le moulin noir fauche, sinistre,
Le moulin noir fauche le vent,
Le vent
Le vent sauvage de Novembre.

„Точность"—неприложимое понятіе въ передачѣ подобныхъ стиховъ, и г. Брюсовъ, естественно, менѣе всего думалъ о „точности", когда переводилъ:

...Вотъ старой рамой
Стучитъ упрямо;
Вотъ въ крышѣ стонетъ, словно проситъ
И молкнетъ съ яростью безсилья.
А тамъ, надъ краснымъ краемъ рва,
Большія мельничныя крылья
Летящій вѣтеръ косятъ, косятъ—
Разъ-два, разъ-два...

Иногда же, стремясь къ передачѣ впечатлѣнія, г. Брюсовъ слишкомъ далеко отходитъ отъ оригинала и свободно разрабатываетъ

сюжетъ, не стѣсняясь дополнять картину новыми образами, что̀ приближаетъ переводъ къ импровизаціи на извѣстный мотивъ. Такова, напр., передача стихотворенія „Au Nord".

Deux vieux marins des mers du Nord
S'en revenaient, un soir d'automne,
Da la Sicile et de ses îles mensongères,
Avec un peuple de Sirènes,
A bord.

De la rive, les gens du port
Les regardaient, sans faire un signe:
Aux cordages, le long des mâts
Les Sirènes, couvertes d'or,
Tordaient, comme des vignes,
Les lignes
Sinueuses de leurs corps.
Les gens se regardaient, ne sachant pas
Ce qui venait de l'océan, là-bas,
Malgré les brumes,
Le navire semblait comme un panier d'argent
Rempli de chair, de fruits et d'or bougeant
Qui s'avançait, porté sur des ailes d'écume.

. . . . . .

Ils ne reconnurent ni leurs amis
—Les deux marins—ni le navire de leur pays,
Ni les focs, ni les voiles
Dont ils avaient cousu la toile,
Ils ne comprirent rien à ce grand songe
Qui enchantait la mer de ses voyages,
Puisqu'il n'était pas le même mensonge
Qu'on enseignait, dans leur village;
Et le navire auprès du bord
Passa, les allèchant vers sa merveille,
Sans que personne, entre les treilles,
Ne recueillît les fruits de chair et d'or.

Стоитъ только сравнить съ этими воздушными, нѣжными абрисами поэтической грусти переводъ г. Брюсова, чтобы видѣть, какой упорной борьбой достигается русское выраженіе пьесы, и какимъ диссонансомъ звучатъ, сравнительно съ подлинникомъ, неизбѣгнутые прозаизмы:

Два моряка возвращались на сѣверъ.
Ихъ челнъ не боится осеннихъ тумановъ!
Въ царствѣ садовъ, и дворцовъ, и обмановъ,
Какъ добыча, досталась имъ въ плѣнъ
Семья сиренъ.

Толпились на пристани люди.
Толпа изумленно глядѣла
На челнъ, увлекаемый крыльями пѣны.
Привязаны къ мачтамъ сирены
— Къ небесамъ устремленныя груди —
Извивали линіи тѣла,
И золото ихъ украшеній горѣло.
Глядѣла толпа изумленно,
Не зная, что́ близится къ нимъ съ океана.

Сквозь дымку тумана
Казались корзиной серебряной челны,
Наполненной вверхъ золотыми плодами,
Золотыми живыми цвѣтами.

Они не узнали друзей—двухъ моряковъ—
Имъ знакомыхъ давно.
Не узнали снастей, ни ихъ парусовъ,
А сами соткали для нихъ полотно.
Молчаливые, косные люди!

И мимо прошелъ торжествующій сонъ,
На мигъ озаривъ ихъ родной небосклонъ,
Для тысячей нѣмъ,
Не понятъ никѣмъ,
Ибо слишкомъ онъ былъ непохожъ
На скучную ложь,—
На разсказы учителей мѣстныхъ...

Все нѣжное, воздушное, граціозно-любовное въ поэзіи Верхарна, чѣмъ полны, напримѣръ, его „Les heures d'après midi", еще не нашло своего выраженія у г. Брюсова въ настоящей книгѣ, отведенной по преимуществу „стихамъ о современности", гдѣ трепещетъ и бьется въ тискахъ непостижности и сомнѣнія во все извѣрившаяся и неустанно-пытливая мысль. Поэту кажется, что человѣкъ „въ неистовствѣ все знать, все взвѣсить, все измѣрить" достигнетъ, наконецъ, и счастья, и свободы, найдетъ свои „всемірныя права", но кончаетъ насмѣшливымъ восклицаніемъ: права и долгъ—„лишь бѣглыя мечтанья", плѣняющія молодежь: да здравствуетъ жизнь, исполненная сознанья, что „радость—въ буйствѣ силъ, въ ихъ полнотѣ!"

Поэзія толпы, большихъ городовъ, массовыхъ движеній такъ же близка душѣ Верхарна, какъ и поэзія ужаса и смерти. Когда онъ изображаетъ улицу въ день возстанія, слышится гулъ и ревъ обезумѣвшей, опьяненной толпы, и залпы орудій, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется вѣяніе мечты, во имя которой люди идутъ умирать. Это прекрасно передано г. Брюсовымъ въ нервныхъ и сильныхъ звукахъ, въ образахъ, разительныхъ своеобразіемъ и чеканкой. Но ужасъ, неподдѣльный ужасъ картины, отъ которой дыбомъ встаютъ волосы,—

неожиданно разрѣшается у Верхарна раздумьемъ, разсудительнымъ, взвѣшивающимъ взглядомъ со стороны.

Все, что мечталось когда-то,
Что геніи, въ пѣснѣ крылатой,
Провидѣли въ темной дали,
Что въ души, какъ сѣвъ, западало,
Чѣмъ души, какъ травы, цвѣли,
Все встало,
Въ мигѣ, смѣшавшемъ, какъ сплавъ:
Ненависть, силу, сознаніе правъ!..

Верхарнъ воспѣваетъ Лондонъ, „чугунный и желѣзный", банкира, рѣшающаго „судьбы царствъ и королей", „женщину въ черномъ" на перекресткѣ, моръ, картины старыхъ фламандскихъ мастеровъ, постигнувшихъ „всю красоту, всю прелесть тѣлъ", вѣтеръ,—поэтъ неистощимъ въ сюжетахъ, безконечно-разнообразенъ въ настроеніяхъ и стилѣ. Онъ не избѣгаетъ прозаизмовъ и не боится образовъ, рѣзкихъ для слащаво-воспитаннаго вкуса. Есть прозаизмы, едва ли, впрочемъ, преднамѣренные, и въ переводѣ г. Брюсова, есть и неудачныя выраженія, но мы на нихъ останавливаться не будемъ: они — мало замѣтная мелочь въ большомъ трудѣ переводчика; кромѣ того, въ одномъ изъ критическихъ разборовъ они были уже отмѣчены. Самъ же переводчикъ, давшій въ предисловіи живую и продуманную характеристику творчества Верхарна, говоритъ о своихъ переводахъ слѣдующее: „выборъ переведенныхъ пьесъ довольно случаенъ. Никто, съ такимъ горькимъ сознаніемъ, какъ переводчикъ стиховъ, не повторяетъ стараго изреченія: „Въ искусствѣ дѣлаешь не то, что хочешь, но что можешь". Мои переводы даютъ не то, что я считаю самымъ характернымъ у Верхарна, но то, что мнѣ удалось перевести удачнѣе другого. Верхарномъ написано около двадцати сборниковъ стихотвореній, обнимающихъ въ общемъ до 400 пьесъ, часто очень длинныхъ, по 80 — 100 стиховъ. Я даю здѣсь въ своемъ переводѣ менѣе двадцати поэмъ, и, разумѣется, онѣ не могутъ ознакомить читателей со всѣми сторонами многообразнаго творчества Верхарна. Скажу прямо: переведенныя мною пьесы отражаютъ болѣе или менѣе полно лишь одну сторону въ поэзіи Верхарна, являютъ его, прежде всего, какъ пѣвца современности".

Но и этихъ переводовъ достаточно, чтобы сообщить читателю наиболѣе яркія черты творчества Верхарна: любовь къ жизни, движенье и порывъ.

Паденье и полетъ, величье и позоръ,—
Преображаетъ все костеръ существованья.
О, только-бъ, кругозоръ смѣнивъ на кругозоръ,
Всегда готовымъ быть на новыя исканья!

Это такъ характерно для Верхарна!

За стихами въ книгѣ г. Брюсова слѣдуютъ нѣсколько образчиковъ прозы Верхарна и библіографія его произведеній и литературы о немъ.

II.

— Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. 1-я часть. М. 1906.

— Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. М. 1906.

— Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Ч. I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Спб. 1906.

— Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Ч. I.—Вып. I. (Народная словесность); ч. I.—Вып. II. (Исторія литературы съ XI—XVIII вв.). Ч. II. (Исторія литературы съ эпохи Петра до Пушкина).

Въ хорошихъ учебникахъ и руководствахъ для изученія русской словесности давно существуетъ пробѣлъ, и нельзя не порадоваться тому, что съ разныхъ сторонъ предпринимаются попытки удовлетворить этой потребности тѣмъ или инымъ способомъ. Къ сожалѣнію, на пути къ наилучшему осуществленію задачи, предстоящей составителямъ такихъ руководствъ, которыя, вмѣстѣ съ отрицаніемъ всего устарѣлаго и шаблоннаго въ прежнихъ руководствахъ, заключали бы въ себѣ итоги глубокаго и разносторонняго изученія, стоятъ оффиціальныя программы, которыя измѣняются крайне медленно и все еще полны схоластики и казеннаго формализма. Забывая ту атмосферу общественныхъ интересовъ, въ которой воспитывается въ настоящее время учащаяся молодежь, оффиціальное руководительство его просвѣщеніемъ усиливается искусственно удержать молодую мысль на той ступени изученія родной литературы, за которой начинается критическое отношеніе къ дѣйствительности, изъ опасенія, можно думать, „превратныхъ толкованій“ и „вольнодумства“. Но „вольнодумство“, какъ извѣстно, проникаетъ въ головы учащихся многими путями, которыхъ не въ силахъ преградить никакія программы, а „превратныя толкованія“ не становятся менѣе превратными оттого, что изъ школьныхъ стѣнъ изгнано изученіе цѣлаго ряда литературныхъ явленій высокой художественной и общественно-идейной цѣнности. Это налагаетъ такой отпечатокъ на книгу, что по отношенію къ изображенію литературы въ XIX вѣкѣ, положенный въ основу изложенія принципъ „примѣнительно“ или „непримѣнительно“ къ оффиціальнымъ программамъ является первымъ отличительнымъ признакомъ для книгъ одного и другого рода. Въ этомъ смыслѣ мы привѣтствуемъ книгу г. Нелидова, предназначаемую имъ для ознакомленія съ „талантливѣйшими русскими писателями послѣгоголевскаго періода, проложившими

русской литературѣ широкую дорогу въ Европу, но до сихъ поръ еще не удостоившимися занять соотвѣтствующаго ихъ первоклассным талантамъ мѣста въ русской школѣ".

Исходя изъ того основанія, что средняя школа тщательно обходитъ молчаніемъ все наиболѣе важное для историческаго изученія: вліяніе окружающей среды, идейныхъ теченій, общественныхъ настроеній,—г. Нелидовъ, повидимому опытный педагогъ, вноситъ такое пониманіе въ задачи школьнаго изученія литературы: „Если мы искренно желаемъ воспитать подрастающее поколѣніе въ лучшихъ идеяхъ, возбудить въ немъ высокія нравственныя стремленія, то мы должны позаботиться о возможномъ сближеніи школьнаго преподаванія съ серьезными запросами жизни, къ чему изученіе новѣйшей литературы нашей служитъ наилучшимъ средствомъ. Отзывчивость нашихъ писателей на потребности времени обязываетъ насъ обратить особенное вниманіе на идейную сторону ихъ произведеній, познакомиться съ историческими условіями, при которыхъ имъ пришлось развиваться и дѣйствовать, и съ тѣми задачами, которыя ставило передъ ними ихъ время. Нельзя поэтому выбрасывать изъ программы такихъ писателей, какъ Бѣлинскій, Достоевскій, Л. Н. Толстой, такихъ поэтовъ, какъ Некрасовъ, и суживать задачу школьнаго изученія литературы, ставя исключительною его цѣлью „выработку эстетическаго вкуса и стиля" учащихся. Нельзя также давать кое-какіе обрывки ихъ біографій и кое-что изъ ихъ произведеній, тенденціозно выбравши наименѣе затрогивающее окружающую жизнь, наиболѣе удаленное отъ живыхъ ея вопросовъ".

Посвящая первую часть „Очерковъ" исторіи литературы Николаевской эпохи, г. Нелидовъ сосредоточиваетъ преимущественное вниманіе на Герценѣ и Бѣлинскомъ, какъ на наиболѣе яркихъ и талантливыхъ выразителяхъ своего времени. Своему изложенію авторъ предпосылаетъ нѣсколько предварительныхъ и, замѣтимъ, чрезвычайно обдуманныхъ замѣчаній, касающихся выясненія понятія „исторіи литературы", какъ науки, ея объема и задачъ, во „введеніи" же дается краткій общій обзоръ всей русской литературы, отъ начала письменности до 30-хъ годовъ XIX ст. Слѣдуя во взглядѣ на общественный характеръ Николаевской эпохи, въ значительной степени, автору „характеристикъ литературныхъ мнѣній", г. Нелидовъ останавливается, между прочими, на слѣдующихъ вопросахъ: „Вліяніе правительственной системы въ царствованіе Николая I на общественную жизнь и литературу", „Нѣмецкая идеалистическая философія и ея вліяніе на русское общество 30-хъ и 40-хъ годовъ", „Вліяніе западно-европейской поэзіи и утопическаго соціализма", „П. Я. Чаадаевъ", „Общественное движеніе 40-хъ годовъ" и др. Въ необходимыхъ случаяхъ

авторъ останавливается на философскихъ и литературныхъ явленіяхъ Запада, сжато и мѣтко характеризуетъ ихъ вліяніе и связи съ умственными теченіями въ Россіи. Основная точка зрѣнія автора—прогрессъ во имя свободной общественности и науки; достоинства его изложенія — популярность, ясность, отчетливость; коренная особенность — преобладаніе общественно-историческаго элемента надъ художественнымъ, что̀ заставляетъ автора подолгу останавливаться на фактахъ, самихъ по себѣ интересныхъ, но ближайшаго отношенія къ литературѣ въ собственномъ смыслѣ не имѣющихъ.

Что̀ возможно сдѣлать при „новыхъ", „расширенныхъ" программахъ учебнаго курса, допустившихъ нѣкоторыхъ писателей послѣгоголевскаго періода, сдѣлано г. Саводникомъ въ его „Очеркахъ". Избѣгая, въ нѣкоторую противоположность г. Нелидову, всего спорнаго, узко-субъективнаго, авторъ отказался отъ мысли дать общую картину литературнаго движенія во вторую половину XIX вѣка, ограничившись характеристикой наиболѣе выдающихся писателей въ связи съ ихъ важнѣйшими трудами. „Изъ числа писателей, не включенныхъ въ программу,—несмѣло замѣчаетъ г. Саводникъ, — авторъ рѣшился внести въ свою книгу С. Т. Аксакова, какъ одного изъ наиболѣе яркихъ представителей русскаго національнаго духа въ литературѣ. Но зато онъ счелъ себя вынужденнымъ исключить изъ учебника оцѣнку дѣятельности новыхъ русскихъ поэтовъ",—потому, какъ объясняетъ г. Саводникъ, что, съ одной стороны, было бы затруднительно дать въ сжатомъ видѣ сколько-нибудь полную характеристику, а съ другой — изъ боязни не избѣжать субъективности въ ихъ оцѣнкѣ. Стремясь сдѣлать свою книгу по возможности обстоятельной въ отношеніи фактическихъ свѣдѣній и оставаясь на почвѣ научнаго объясненія фактовъ, авторъ съ большимъ вниманіемъ относится къ эстетическому и моральному элементамъ литературныхъ произведеній, хотя подъ часъ излишняя боязнь субъективности держитъ автора подъ властью шаблонныхъ опредѣленій и устарѣлыхъ пріемовъ въ разборѣ художественныхъ произведеній. Первая часть книги посвящена характеристикѣ литературныхъ направленій первой половины девятнадцатаго вѣка, затѣмъ, главнымъ образомъ, изображенію дѣятельности Пушкина, затѣмъ слѣдуютъ Лермонтовъ, Гоголь. Во второй части авторъ останавливается на дѣятельности С. Т. Аксакова, Тургенева (наиболѣе обстоятельно), Гончарова, Островскаго, Л. Н. Толстого и Достоевскаго. Изложеніе отчетливое и ясное. Книга г. Саводника, страдая общимъ недостаткомъ общественно-историческаго фона, тѣмъ не менѣе служитъ полезнымъ руководствомъ и представляетъ серьезный полезный вкладъ въ нашу педагогическую литературу.

Г. Келтуяла предназначаетъ свой курсъ исторіи русской литературы въ пособіе лицамъ, стремящимся къ самообразованію. Это пока еще первая часть, посвященная исторіи древней русской литературы. Въ основу своего изложенія авторъ полагаетъ два принципа—соціологическій и хронологическій. „Моей основной задачей было—изложить исторію русской литературы такъ, чтобы изучающіе предлагаемый „курсъ“ вынесли изъ него, съ одной стороны, достаточный запасъ историко-литературныхъ свѣдѣній, а съ другой,—отчетливое пониманіе хода развитія русской литературы и его условій“. Въ зависимости отъ этого авторъ даетъ подробное изложеніе содержанія произведеній русской литературы, справедливо полагая, что знать исторію литературы въ ея развитіи нельзя безъ предварительнаго знакомства съ ея произведеніями. Работа г. Келтуялы — большая, обстоятельная и въ высшей степени продуманная работа, въ которой онъ проявилъ большую самостоятельность, какъ въ выборѣ, такъ и въ распредѣленіи матеріала. Многія его объясненія гипотетичны, но его добросовѣстное отношеніе къ источникамъ и спорнымъ мнѣніямъ заставляютъ видѣть въ нихъ результатъ серьезной критической мысли, способной пробудить въ молодыхъ читателяхъ и любознательность, и столь же критическое отношеніе. Въ основу соціологическаго принципа авторъ пытается положить идею о классовомъ происхожденіи и характерѣ древней русской литературы.

Но одно дѣло — пособія, которыя предназначены для чтенія, для свободнаго и болѣе или менѣе самостоятельнаго изученія, и другое дѣло—учебники, по которымъ гг. педагоги будутъ заставлять учить, а кое-гдѣ и „зубрить“ своихъ учениковъ. Трудъ ихъ составленія — сложный и въ высшей степени отвѣтственный трудъ, и требованія къ нимъ должны быть предъявляемы совсѣмъ другія. Изъ лежащихъ передъ нами книгъ для цѣлей учебника предназначаются книги г. Сиповскаго, автора нѣсколькихъ ученыхъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросамъ педагогическаго дѣла. Выпуская на книжный рынокъ свои учебники, г. Сиповскій тоже отвѣтилъ несомнѣнной потребности, но, къ сожалѣнію, его работа не во всѣхъ частяхъ представляетъ удачное разрѣшеніе назрѣвшей школьной нужды въ отношеніи исторіи литературы. Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на той изъ частей его учебника, которая наиболѣе, по нашему мнѣнію, нуждается въ переработкѣ.

Въ предисловіи къ первому выпуску первой части, посвященному ученію о народной словесности, г. Сиповскій дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ онъ указываетъ отличительныя черты своего изложенія. „Всѣмъ извѣстно,—говоритъ авторъ,—какъ печально поставлено у насъ школьное изученіе народной поэзіи: въ большинствѣ

случаевъ, ни интереса, ни любви этотъ важный отдѣлъ у молодежи не возбуждаетъ; въ учебникахъ излагается онъ сжато, даже скомканно, тоже безъ всякаго интереса и любви, безъ малѣйшаго желанія освѣжить старый, давно изношенный матеріалъ, безъ попытки внести въ освѣщеніе этого матеріала новое слово". Новое слово г. Сиповскаго прежде всего тотъ субъективный элементъ, котораго такъ боится г. Саводникъ. Въ своей работѣ г. Сиповскій—„не старался маскировать свою любовь къ народному творчеству тѣмъ сухимъ и безличнымъ изложеніемъ, которое обычно въ нашихъ учебникахъ; я не побоялся внести въ этотъ элементарный курсъ и „немножко учености" съ цѣлью показать ученикамъ, какъ изучается народное творчество, какъ оно сложно, богато и разносторонне по своимъ пріемамъ, содержанію и настроеніямъ; я сознательно не избѣгалъ ссылокъ на имена русскихъ изслѣдователей—съ цѣлью показать, сколько почтенныхъ русскихъ людей свою жизнь отдали и отдаютъ на изученіе народной поэзіи"...

Вотъ какъ надо изучать народную словесность!—воскликнетъ съ отрадой въ сердцѣ читатель, познакомившись со взглядомъ г. Сиповскаго. Однако осуществленіе этого прекраснаго взгляда на дѣло способно въ значительной степени расхолодить восторгъ читателя. Такъ, несмотря на то, что между составителями прежнихъ учебниковъ и г. Сиповскимъ лежитъ (на что онъ и самъ указываетъ въ концѣ предисловія) замѣчательная работа Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности, значительно облегчавшая работу г. Сиповскаго и въ отношеніи освѣженія матеріала, и въ отношеніи къ „немножко учености",—„ученость" эта не разработана для цѣлей учебника средней школы, и изложеніе автора, при несомнѣнной способности къ живой и популярной передачѣ, носитъ именно скомканный и конспективный характеръ. Съ другой стороны, въ отношеніи пріемовъ, содержанія и настроеній народнаго творчества, авторъ воспользовался далеко не всѣмъ матеріаломъ, который былъ бы и наученъ, и въ высшей степени интересенъ въ средней школѣ. Въ отношеніи „пріемовъ"—для г. Сиповскаго остались неиспользованными многія цѣнныя наблюденія акад. Веселовскаго, Потебни; по отношенію къ былинамъ—авторъ почти оставилъ въ сторонѣ тотъ историко-бытовой фонъ, (Труды Всев. Миллера, Жданова), на которомъ они могли создаваться; нѣтъ указаній на взаимныя связи различныхъ видовъ народнаго творчества въ генетическомъ и формальномъ отношеніяхъ. Вообще, обаяніе поэзіи, при всей любви г. Сиповскаго къ народному творчеству, не чувствуется въ его изложеніи. На послѣднемъ отразились слѣды нѣкоторой, можно думать, спѣшности, чѣмъ объясняется далеко не совершенная точность въ выраженіяхъ и наличность оборотовъ, если

можно такъ выразиться, домашняго характера. Примѣры неточныхъ опредѣленій: „заговоры—это эпическая формула, имѣющая принудительное значеніе,—она должна вызвать или устранить какое-нибудь явленіе“ (элементъ воли, составляющій „принудительность“, какъ выражается авторъ, не составляетъ исключительной принадлежности заговора: онъ можетъ входить въ пѣсню, поговорку, даже сказку; отличительнымъ признакомъ заговора является „заключительное“ указаніе на дѣйствіе, обрядъ)... „Для нашихъ предковъ она (природа) была матерью, не красавицей—онъ жилъ съ ней, жилъ въ ней. Впрочемъ, тѣ небольшіе осколки языческой миѳологіи, которые дошли до насъ, хотя бы въ названіяхъ боговъ, олицетворяющихъ силы природы, доказываютъ ясно (будто бы?), что еще до принятія христіанства наши предки доросли (?) до вопросовъ о жизни міра. Стоитъ перечитать, хотя бы, соч. Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“,—и мы въ собранныхъ имъ, правда позднихъ фактахъ все-таки безъ труда усмотримъ слѣды указаній, несомнѣнно, древнихъ“... Голыя ссылки на *такихъ-то* ученыхъ (часто безъ указанія сочиненій), на *такія-то* школы въ изученіи различныхъ вопросовъ едва ли способны содѣйствовать развитію любознательности учащихся въ данномъ направленіи, безъ ближайшаго руководства учебника или учителя. Изъ неудачныхъ оборотовъ: „всѣ типичныя черты ихъ (былинныхъ героевъ) бережно сохранены (у Ал. Толстого) и въ то же время въ нихъ тонко и художественно отмѣчены тѣ *мелкіе* (?) *изгибы* ихъ души, которые теряются въ *грубомъ* (?) рисункѣ народа“... „Лавровскій *особенно подчеркиваетъ* пѣсню, въ которой „царь борется съ драгуномъ“... „Внѣшнія отношенія къ нѣмцамъ, финнамъ, къ Москвѣ въ этихъ (новгородскихъ) былинахъ совершенно *игнорируются*“... Изъ второго выпуска: „Всѣ совѣты Мономаха *живо прикасались* къ жизни“... *Широкими аккордами* выражаетъ свое горе авторъ „трудной повѣсти“... Все это были бы, можетъ быть, и мелочи, еслибы онѣ встрѣчались не въ учебникѣ, предназначенномъ служить цѣлямъ художественнаго познанія родного слова.

Внѣшнія проявленія субъективнаго элемента выражаются въ заявленіяхъ въ родѣ: „я перехожу теперь къ разряду пѣсенъ бытовыхъ; въ возбужденіи въ учащихся эмоцій: эстетическихъ („красиво начало многихъ заговоровъ: оболокусь оболоками“...)—вмѣсто научнаго объясненія—и моральныхъ: „Историческая судьба русской народной поэзіи достойна всяческаго (!) сожалѣнія“... „Къ сожалѣнію, эти произведенія (лирическія) сохранились хуже“... Въ дальнѣйшемъ авторъ обращаетъ къ учащимся сожалѣніе, что до сихъ поръ на сказки обращали меньше вниманія, чѣмъ онѣ этого заслуживаютъ. Конечно, возбужденіе добрыхъ чувствъ — важнѣйшая задача истинной педагогіи, но способъ,

примѣняемый г. Сиповскимъ, можетъ вызвать въ учащихся сожалѣніе совершенно обратнаго характера: зачѣмъ сохранилось и то, что̀ сохранилось, если его дѣлаютъ предметомъ такой трудной и, въ сущности, такъ еще мало разработанной науки?..

Второй выпускъ разработанъ г. Сиповскимъ гораздо удовлетворительнѣе: здѣсь менѣе настойчивъ „субъективный элементъ"; добросовѣстно использованы многіе результаты обширной спеціальной литературы, замѣтно стремленіе сдѣлать произведенія древней письменности удобопонятными для учащихся со стороны и внутренняго смысла, и исторической перспективы. Лишнее и здѣсь есть въ такихъ, напримѣръ, утвержденіяхъ, которыя столь же отвѣтственны, сколь и недоказуемы авторомъ: „Только изученіе идеаловъ далекой, родной старины объяснитъ намъ многія особенности современнаго интеллигентнаго русскаго человѣка; *только* это изученіе *облегчитъ* возможность понять *очень многое* въ жизни *простого* (?) *русскаго мужика*, поможетъ разобраться въ міросозерцаніи раскола, въ „двоевѣрной" поэзіи народа, помирившаго (будто ?) свое *старое* язычество съ *новымъ* христіанствомъ. Только пониманіе идеаловъ русской старины дастъ намъ возможность вѣрно понять все великое историческое значеніе Достоевскаго и Толстого—этихъ искателей Христа въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей". Еслибы это было такъ легко, то и Достоевскій и Толстой были бы давнымъ давно объяснены и „вѣрно поняты" истолкователями идеаловъ русской старины, но въ томъ-то и дѣло, что, сравнительно со старорусскими идеалами, такъ много *другого* необходимо для истолкованія этихъ писателей, что изслѣдователи древней письменности и не берутся за это истолкованіе. Желательно, чтобы въ учебникѣ не было подобныхъ голословныхъ утвержденій, которыхъ, къ сожалѣнію, не мало. Но въ общемъ второй выпускъ производитъ гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе, особенно во второй своей части, въ главѣ „Юго-западно-русская литература XVII в.". Изложеніе толковое, характеристики мѣтки и матеріалъ выбранъ удачно.

Въ общемъ благопріятное впечатлѣніе производитъ и вторая часть, представляющая, по сообщенію автора, во многихъ отдѣлахъ результатъ его собственныхъ изслѣдованій. Расположеніе матеріала: 1) Петровскій періодъ русской литературы, 2) Екатерининскій періодъ, 3) Александровскій періодъ; каждый изъ этихъ періодовъ заключаетъ въ себѣ подраздѣленіе литературнаго матеріала по направленіямъ, что̀ составляетъ, на нашъ взглядъ, дѣйствительно удобный принципъ группировки, особенно если присоединять къ отдѣльнымъ очеркамъ, какъ это и дѣлаетъ авторъ, сжатыя вступительныя замѣтки теоретическаго свойства—о родахъ и видахъ литературныхъ явленій, о на-

правленіяхъ на Западѣ и т. д. Спорный элементъ и здѣсь есть, но это уже вопросы спеціальной критики. Ставя въ центрѣ всего своего курса Пушкина, г. Сиповскій имѣлъ возможность, пользуясь этимъ принципомъ, охарактеризировать и отмѣтить цѣлый рядъ писателей и произведеній, которые въ прежнее время опускались вовсе въ учебныхъ курсахъ, а съ другой стороны, освободить отъ лишняго балласта свѣдѣнія о такихъ писателяхъ, какъ Карамзинъ и Жуковскій, сосредоточивъ вниманіе, главнымъ образомъ, на литературной сторонѣ ихъ дѣятельности. Правда, при томъ порядкѣ распредѣленія, какой принятъ г. Сиповскимъ, ускользаетъ представленіе объ эволюціи литературнаго развитія въ его цѣломъ, но зато пріобрѣтается бо́льшая наглядность. Трудно требовать отъ тѣсныхъ предѣловъ учебника, чтобы въ немъ подобающее мѣсто занималъ общественный элементъ эпохи,—это уже дѣло пособій. Словомъ, поскольку допускаетъ роковое „примѣнительно", въ этой части своего труда г. Сиповскій стоитъ на своей почвѣ, и это прежде всего отражается на изложеніи, живомъ и содержательномъ.

III.

— Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. I томъ, Спб. 1905; II т., вып. 1, 2 и 3. Спб. 1906. (Исполнено въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ).

Намъ уже приходилось, по поводу одного изъ выпусковъ, указывать на выдающіяся достоинства этого замѣчательнаго изданія. Послѣдующіе выпуски усиливали впечатлѣніе обширной и чрезвычайно тщательной работы, направленной на разысканіе и художественное выполненіе того матеріала, значительная часть котораго могла бы остаться совершенно недоступной для широкихъ круговъ интересующейся публики, или же, какъ показываютъ отдѣльные случаи, рисковала бы исчезнуть безслѣдно (какъ это и случилось уже, если не ошибаемся, съ нѣкоторыми оригиналами, воспроизведенными въ этомъ изданіи). Подлинники заимствовались для настоящаго изданія не только изъ многочисленныхъ собраній въ Россіи (великаго князя Николая Михаиловича, Нарышкиныхъ, кн. Куракиныхъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, художественныхъ галлерей и т. д.), но и заграницей (изъ собраній гр. Разумовскихъ, Ланскоронскаго, Красинскаго) и представляютъ собой цѣлую сокровищницу портретовъ и миніатюръ, чрезвычайно интересныхъ въ историческомъ и въ художественномъ отношеніяхъ.

Историческая галлерея лицъ объединена духомъ той эпохи, которая наложила на нихъ неизгладимую печать своего, какъ выража-

лись въ старину, генія. Конецъ Елизаветинскаго царствованія, съ надменной улыбкой вельможи на петиметрово расшаркиваніе Запада, смѣняется величавой привѣтливостью фаворита-мецената, еще умѣющаго управлять мечемъ, но уже склонившагося передъ дерзновеннымъ пареніемъ Разума и свободолюбивыхъ мечтаній,—и переходитъ въ аристократически-упрощенный девятнадцатый вѣкъ, уже тронутый тревогой мысли, уже утомленный и разочарованный въ грандіозныхъ замыслахъ пережитой эпохи. И всѣ стадіи развитія человѣческой личности, отъ вырожденія до геніальнаго подъема духовныхъ силъ, проходятъ, схваченныя кистью художника, отвоеванныя у забвенья, говорящія о жизни, которая была и больше не повторится, завѣщавъ свой смыслъ, свою духовную особность суду исторіи и вдумчивой памяти потомковъ.

Изъ группы царствовавшихъ особъ отмѣтимъ типичный портретъ Петра III, узкогрудаго, узкоголоваго, „взрослаго ребенка", легкомысленно сбросившаго царскую порфиру и какъ бы отвернувшагося съ безпечной улыбкой отъ короны; Екатерины II (работы Левицкаго) въ типичныхъ условностяхъ царственнаго величія; Павла I (изъ Останкинской галлереи гр. Шереметева, писанъ Аргуновымъ); Александра I и Елизаветы Алексѣевны (работы Монье, изъ собранія Строгановыхъ); имп. Маріи Ѳедоровны, удивительный по экспрессіи и живости (изъ гатчинскаго дворца, работы безподобнаго Ритта), а также замѣчательныя миніатюры, изображающія дочерей Павла.

Изъ портретовъ государственныхъ дѣятелей, военныхъ и гражданскихъ, обращаютъ на себя вниманіе портреты фельдмаршаловъ С. С. Апраксина и св. кн. Н. И. Салтыкова; кн. Багратіона; гр. В. В. Орлова-Денисова; кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго, работы Рослена; гр. П. П. Коновницына (писалъ Кипренскій). Никита Панинъ, гр. А. И. Морковъ, гр. Н. С. Мордвиновъ, гр. А. И. Васильевъ встаютъ, какъ живые, въ воспроизведеніи знаменитыхъ мастеровъ портретной живописи (Рослена, Изабе, Дау, Боровиковскаго).

Далѣе группируются фавориты имп. Екатерины II и Павла: Зубовы (Лампи), гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ (Аргунова), кн. Гр. Орловъ (Рокотова). Многіе изъ портретовъ рѣдки, какъ, напримѣръ, изображенія С. В. Салтыкова, А. П. Ермолова, гр. И. П. Кутайсова, П. Х. Обольянинова. Очень интересна миніатюра кн. Е. Р. Дашковой, живо напоминающей своимъ обликомъ данное ей Фридрихомъ Вел. прозвище „la mouche vaniteuse du coche". Къ ея портрету Державинъ сочинилъ извѣстный „стишокъ", намекая на ея президентство въ Академіи Наукъ:

Сопутницей была,
Когда съ небесъ

На тронъ возсѣсть Астрея шла,
А нынѣ—Аполлонъ.

Далѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе портреты Н. С. Перекусихиной, гр. А. С. Протасовой, А. П. Лопухиной съ сестрами. Примѣчательны портреты гр. М. Ю. Віельгорскаго (работы К. Брюллова), игравшаго въ свое время видную роль въ общественной жизни, друга ученыхъ, художниковъ и музыкантовъ, и А. Н. Оленина, президента Акад. Художествъ, горячо и безкорыстно преданнаго интересамъ отечественныхъ наукъ и искусствъ. Изъ писателей немногимъ посчастливилось быть увѣковѣченными кистью великихъ мастеровъ, да и изъ нихъ, можно думать, не всѣ еще вошли въ появившіеся выпуски разбираемаего изданія. Однако въ немъ представлены Г. Р. Державинъ, А. Ф. Лабзинъ (оба Боровиковскаго), Н. М. Карамзинъ (Тропинина), П. М. Карабановъ, тотъ самый, котораго Воейковъ въ своемъ „Парнасскомъ календарѣ" назвалъ—„именнымъ стихотворцемъ, долженствующимъ всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько піесъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоего пола". Затѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь М. М. Хераскова (миніатюра), А. С. Грибовскаго (Фюгера), В. И. Майкова, гр. В. Н. Головину, автора „Записокъ", г-жу Криденеръ (рѣдкая миніатюра изъ собранія гр. Ланскоронскаго въ Вѣнѣ), впервые появляющееся изображеніе А. С. Грибоѣдова (Жигалева, 1826), затѣмъ Тропининскаго Пушкина, И. А. Крылова и др.

„Классическія" черты танцовщицы Н. С. Семеновой, сестры „великолѣпной" Екатерины Семеновой, упомянутой въ „Онѣгинѣ", и Е. И. Колосовой, поразительной въ свое время красавицы, исторгавшей своимъ искусствомъ, по отзывамъ современниковъ, слезы у зрителей, напоминаютъ тѣ пламенныя увлеченія балетнымъ искусствомъ, которыя обезсмертилъ поэтъ въ своихъ тоскующихъ и призывныхъ строфахъ:

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу-ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?

Отдѣльно упомянемъ изображенія знаменитаго А. С. Шешковскаго, Умскаго (работы Левицкаго), а также иностранцевъ, помѣщенныхъ здѣсь по тѣмъ или инымъ отношеніямъ къ Россіи: Дидро (Левицкаго), австрійскаго посла Лебцельтерна, гр. Лаваль, Поццо-ди-Борго.

Къ портретамъ приложены краткія біографіи, и ихъ необходимо имѣть въ виду при знакомствѣ съ изданіемъ. Ихъ достоинства—сжа-

тость, точность, иногда новизна сообщаемыхъ свѣдѣній, корректная объективность, доходящая до лѣтописнаго безпристрастія. При послѣднемъ условіи наиболѣе приближаются къ цѣлямъ исторической иллюстраціи очерки тѣхъ лицъ, жизнь которыхъ была богата событіями внѣшняго и внутренняго характера. Но тамъ, гдѣ біографическій матеріалъ былъ не изъ благодарныхъ, воплощаясь въ сухихъ біографическихъ данныхъ или формулярныхъ спискахъ, и очерки были далекими отъ того „духа жива", который сохраненъ картиной. При нѣкоторыхъ же портретахъ какъ-то инстинктивно хочется искать соотвѣтствія живого слова съ той замѣчательной экспрессіей художественнаго воспроизведенія, которая способна вызвать иллюзію движенія и жизни. Поменьше внѣшнихъ чертъ, поменьше разсказа о служебныхъ успѣхахъ, награжденіи чинами, орденами и т. д., и побольше экспрессіи въ деталяхъ, изъ которыхъ складывается живая личность, побольше „стиля эпохи"—въ направленіи къ тому моменту, который изобразилъ художникъ...

Таковы идеальныя желанія, которыя можно обратить къ иллюстраціямъ *нѣкоторыхъ* портретовъ. Въ общемъ же, составители совершили большую и въ высшей степени внимательную работу, въ задачу которой, конечно, не могли входить требованія художественно-психологическаго построенія.—Евг. Л.

IV.

— Н. Рожковъ. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. М. 1906.

Основное содержаніе этой книги совершенно не соотвѣтствуетъ ея заглавію. Ея главная тема—исторія московскихъ приказовъ, а не происхожденіе самодержавія. О „самодержавіи" собственно, или о „политической сторонѣ развитія верховной власти", авторъ говоритъ немного, на 20-ти страницахъ предпослѣдней главы, и говоритъ о ней мало новаго, основываясь, главнымъ образомъ, на изслѣдованіяхъ г. Платонова. Напротивъ того, московскіе приказы или „технику высшаго управленія" авторъ разсматриваетъ обстоятельно, въ 6-ти главахъ, извлекая много новыхъ свѣдѣній изъ трехъ московскихъ архивовъ: министерства юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора. Въ этой части, несомнѣнно цѣнной, какъ самостоятельное спеціальное изслѣдованіе въ неразработанной еще области, г. Рожковъ изучаетъ взаимоотношенія между верховной властью и подчиненными органами въ управленіи военномъ, финансовомъ, судебномъ, полицейскомъ, въ дѣлахъ землевладѣнія, въ контролѣ и надзорѣ за администраціей, наконецъ, въ дѣлахъ церковныхъ. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ управленія—

„къ половинѣ XVII вѣка техника высшаго управленія постепенно преобразовалась въ смыслѣ усиленія самостоятельности бюрократіи и избавленія верховной власти отъ множества мелкихъ дѣлъ, прежде до нея восходившихъ". Подчиненные органы управленія постепенно сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ самостоятельное вѣдѣніе многихъ важныхъ дѣлъ.

Съ этою „спеціальной частью" книги, трактующей о техникѣ управленія, искусственно соединена небольшая „общая часть", посвященная государственному и соціальному строю древнѣйшаго времени въ связи съ народнымъ хозяйствомъ. Повторяя главные выводы своего „Обзора русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія", г. Рожковъ характеризуетъ древнѣйшее государство кіевской Руси, до XII вѣка, какъ „неорганизованное двоевластіе вѣча и князя", а государство сѣверо-восточной Руси, до XV вѣка, какъ „типическое вотчинное государство, въ которомъ государственныя функціи разсматривались, какъ простые хозяйственные аттрибуты земельнаго владѣнія". Но затѣмъ, переходя къ своей спеціальной части, къ государству XVI, XVII вѣковъ, г. Рожковъ совершенно не связываетъ ея съ этими опредѣленіями и оставляетъ открытыми вопросы: въ чемъ именно заключались характерныя черты новаго государственнаго порядка, и чѣмъ онъ отличался по существу отъ древнѣйшаго вотчиннаго государства? Недостаточность такого опредѣленія государства древнѣйшей Удѣльной Руси обнаруживается при сопоставленіи его съ московскимъ государствомъ XVII вѣка. Г. Рожковъ выясняетъ, что въ XVII вѣкѣ въ высшемъ управленіи „старый хаосъ смѣняется нѣкоторымъ порядкомъ" (стр. 124); но такое „нѣкоторое" упорядоченіе управленія не можетъ служить отличительнымъ признакомъ новаго государственнаго строя отъ стараго, потому что это управленіе покоилось на старыхъ основахъ и „Москва, какъ государство", и въ XVII вѣкѣ оставалась „типическимъ высшимъ видомъ русской вотчины" [1]). Изучая образованіе „самодержавія", или, вѣрнѣе, вообще московскаго государственнаго порядка, г. Рожковъ упускаетъ отмѣтить важнѣйшій моментъ: закрѣпленіе на службу государству боярства и дворянства, возникновеніе государственнаго подданства. Великій князь Удѣльной Руси былъ вотчиннымъ государемъ лишь по отношенію къ своимъ дворцовымъ землямъ; въ отношеніи же бояръ онъ не былъ ни „вотчинникомъ", ни „государемъ", въ собственномъ смыслѣ слова, потому что бояре были у него не подданными, а свободными, „вольными слугами".

Государственные и соціальные порядки г. Рожковъ тѣсно связы-

---

[1]) Забѣлинъ, „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ"—„Вѣстникъ Европы", 1871 г., № 2.

ваетъ съ отношеніями экономическими. Нельзя не пожалѣть, что разысканія свои въ этой сложной области изученія экономическаго фундамента исторіи онъ ведетъ безъ должной осмотрительности. Его формулы взаимозависимости экономическихъ и государственныхъ явленій вызываютъ недоумѣніе даже у сочувствующихъ ему читателей. Мы, напримѣръ, совершенно отказываемся понять, какъ „зарожденіе денежнаго хозяйства и сопровождавшій его экономическій кризисъ" могли „*вызвать*" въ числѣ другихъ явленій также „извѣстную степень развитія административной техники, избавившую верховную власть отъ вмѣшательства во всѣ мелочи текущей работы по управленію", и какъ это „въ результатѣ *всего этого*", въ томъ числѣ и административной техники, „сложилась самодержавная власть"? (стр. 208). Отказываемся понять также, какъ это въ XV и первой половинѣ XVII в. столь разныя учрежденія, какъ земское самоуправленіе и воеводская бюрократія, могли послѣдовательно смѣнять одно другое „*соотвѣтственно* хозяйственнымъ и соціальнымъ условіямъ", которыя за это время оставались по существу одинаковыми (стр. 205).

Изучая зарожденіе денежнаго хозяйства въ XVI вѣкѣ и сравнивая его, по книгѣ Бюхера, съ западнымъ, г. Рожковъ приходитъ къ выводу, что русское денежное хозяйство „отличалось тою особенностью", что оно было не городскимъ, не хозяйствомъ небольшихъ изолированныхъ городскихъ рынковъ, какъ было на Западѣ, а хозяйствомъ „народнымъ", или „по крайней мѣрѣ, каждый рынокъ охватывалъ очень значительный районъ". Это уже не „особенность", а коренное отличіе. Минуя стадію „городского хозяйства" съ торговымъ оборотомъ въ небольшомъ замкнутомъ районѣ, минуя эту стадію, въ которой долго прозябало хозяйство Германіи, мы сразу, очень рано, въ XVI вѣкѣ шагнули въ стадію народнаго денежнаго хозяйства съ обширными рынками. Положеніе — сомнительное само по себѣ, и десятка два извѣстій, собранныхъ г. Рожковымъ о торговыхъ связяхъ между отдаленными пунктами, не устраняютъ нашихъ сомнѣній. Карлъ Бюхеръ, устанавливая три формы хозяйства, подчеркиваетъ, что онѣ „не представляютъ собою такихъ послѣдовательныхъ стадій, которыя бы цѣликомъ другъ друга исключали". Онъ утверждаетъ только, что въ извѣстные періоды одна изъ этихъ формъ хозяйства являлась господствующей. Въ періодъ замкнутаго городского хозяйства, указываетъ онъ, велась также и оптовая торговля продуктами отдаленныхъ районовъ. И въ числѣ предметовъ этой торговли онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, рыбу и соль, тѣ самые продукты, которые не разъ упоминаются въ извѣстіяхъ г. Рожкова объ оптовомъ торговомъ обмѣнѣ между отдаленными рынками. Извѣстія эти, такимъ образомъ, никакъ не могутъ служить доказательствомъ того, что оптовая торговля у

насъ рано, въ противоположность Германіи, получила преобладаніе надъ торговлей въ небольшомъ замкнутомъ районѣ.—Н. П. С.

V.

— Проф. М. А. Рейснеръ. Русскій абсолютизмъ и европейская реакція.

Профессоръ казанскаго университета, М. А. Рейснеръ, живя нѣсколько лѣтъ заграницей и лично наблюдая смѣну настроеній и недоумѣній западно-европейскаго общества,—въ виду измѣнчивыхъ перипетій борьбы русскаго освободительнаго движенія съ правительствомъ,—высказываетъ мнѣніе, что это колебаніе настроенія и пессимистическая оцѣнка посторонними наблюдателями совершающихся въ Россіи событій, какъ „процесса анархическаго разложенія страны“ или, по крайней мѣрѣ, какъ „торжества анархіи“,—имѣетъ нѣкоторыя основанія. Основанія эти заключаются въ томъ, что процессъ обновленія государственнаго строя Россіи идетъ, по мнѣнію автора, „тяжелымъ, медленнымъ ходомъ и глубоко взрываетъ собою народную муть. Все, что столѣтіями накапливалось и таилось на днѣ національной жизни, все, что залегло темными пятнами въ ея изгибахъ подъ вліяніемъ абсолютизма, все это теперь сразу вышло наружу и представило собою зрѣлище столь же громадное, сколь—мрачное“. Врагъ, съ которымъ борется русское освободительное движеніе, по мнѣнію автора, „чрезвычайно могучъ и силенъ“. Передъ нами—не простая смѣна правительствъ. „Передъ нами рушится и отживаетъ цѣлый политическій міръ, захватившій полъ-Европы и треть Азіи; крушеніе системы, сумѣвшей дожить до XX вѣка, примѣнившей къ своимъ цѣлямъ всѣ тѣ богатства европейской техники и культуры, которыя были добыты тяжелымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній“. Авторъ оставляетъ безъ доказательства утвержденіе о могучей будто бы силѣ стараго государственнаго строя (который, по нашему мнѣнію, напротивъ того, ежедневно обнаруживаетъ свое безсиліе бороться съ освободительнымъ движеніемъ даже въ пассивной его формѣ); но своей задачей ставитъ развитіе другой, высказанной имъ мысли, мысли о томъ, что „русское государство съумѣло во многихъ отношеніяхъ достичь своеобразныхъ и оригинальныхъ успѣховъ; что оно взяло у Запада и приспособило къ своимъ потребностямъ все то, что могло взять, а новѣйшія пріобрѣтенія современной политической мысли въ Европѣ съумѣло переварить въ себѣ и создать изъ нихъ новыя опоры для своего средневѣкового господства“.

Изъ сказаннаго видно, что проф. Рейснеръ имѣетъ въ виду раз-

работать ту общепринятую въ наукѣ идею, что средства, которыми русское самодержавіе укрѣпляетъ свои позиціи, въ значительной мѣрѣ заимствованы у Запада, подготовлены западно-европейской реакціей. Авторъ примѣняетъ эту идею къ новѣйшему времени, а общая схема его построеній заключается въ слѣдующемъ. Въ западной Европѣ исторія послѣдовательно выдвигала на сцену идеи, служившія выраженіемъ назрѣвшихъ реформъ государственно-общественнаго быта. Пока эти идеи написаны были на знамени прогрессивныхъ партій, русское правительство относилось къ нимъ враждебно. Но когда идея, выполнивъ свою миссію, теряетъ прогрессивное значеніе, обращается на службу чистой эксплуатаціи и реакціи, тогда за нее ухватывается наша власть, выставляетъ ее, какъ знамя своей политики, обновляетъ при ея помощи устарѣвшіе доспѣхи деспотизма, нѣсколько укрѣпляетъ такимъ образомъ свои позиціи и зарекомендовываетъ себя Западу, какъ учрежденіе, идущее въ уровень съ вѣкомъ.

Такое схематизированіе сложныхъ явленій способствуетъ яркости изображенія, но врядъ ли всегда находится въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Такъ, вопреки тому факту, что „знаменитая священная тріада русской самодержавной политики"—православіе, самодержавіе и народность—провозглашена еще во времена Николая I, г. Рейснеръ утверждаетъ, что „вплоть до Александра III ничего не было слышно спеціально о русской народности, и Россіей управляли одинаково русскіе, нѣмцы, поляки и татары съ русской душой". Замѣтимъ прежде всего, что здѣсь кроется нѣкоторое смѣшеніе понятій, и „провозглашеніе при Александрѣ III національнаго начала" вовсе не означало отказа пользоваться для цѣлей абсолютизма личными силами инородцевъ. Это доказывается указаніемъ самого автора на такія „блестящія имена" участниковъ послѣдней войны, какъ Штакельбергъ, Гриппенбергъ, Стессель, Ренненкампфъ, Келлеръ, и на такихъ „національно-русскихъ героевъ" новѣйшаго времени, какъ гг. Плеве, Вааль, Клейгельсъ, Нейдгардтъ, Скалонъ и др. Обратимся, однако, къ развитію высказанной авторомъ мысли. Національная идея, говоритъ онъ, родилась „среди бурь французской революціи" и явилась въ сочетаніи съ идеей свободы. Уже поэтому русское самодержавіе не могло не отнестись къ ней враждебно, что испытали на себѣ даже апологеты русскаго самодержавія—славянофилы. „Но вотъ народилась на Западѣ новая національная идея; она вышла изъ-за купеческаго прилавка и изъ канцеляріи броненоснаго кулака... Ея пророкомъ стало филистерство и девизомъ сдѣлались гнетъ и эксплуатація. Безмѣрный захватъ чужихъ земель, рынковъ, колоній, полное пренебреженіе къ чужой культурѣ и традиціямъ, къ чужому языку, исторіи и самобытности... Такая національность годилась вполнѣ для

русскаго полицейскаго строя. Это была новая идея, созданная передовымъ человѣчествомъ, и при ея помощи полицейскій механизмъ русской бюрократіи могъ получить блестящій современный фасонъ и самоновѣйшую окраску... И нельзя отказать совѣтникамъ Александра III въ политической ловкости за провозглашеніе ими національнаго начала", которое послужило оправданіемъ аггрессивной внѣшней политики русскаго правительства и гоненія на инородцевъ внутри страны. Новыя идеи имперіализма и націонализма русскій абсолютизмъ использовалъ, такимъ образомъ, какъ орудіе противъ народной свободы. „Современная европейская реакція со своимъ идейнымъ аппаратомъ сослужила такимъ образомъ великую службу русскому полицейскому строю и модернизировала его".

Вліяніе западнаго имперіализма на русскую политику отрицать, конечно, нельзя; но мы полагаемъ, что новѣйшая политика правительства относительно инородцевъ объясняется проще и возникла изъ развитія внутреннихъ отношеній. Идея національности въ формѣ „народности" выдвинута на защиту и для обоснованія нашего абсолютизма еще при Николаѣ I. Но тогда къ ней прибѣгали для борьбы съ либерализмомъ, проникавшимъ съ Запада въ среду интеллигентныхъ слоевъ общества, и соотвѣтствующая аргументація отличалась, поэтому, нѣкоторой тонкостью мысли и философскимъ характеромъ. Въ новѣйшее время національная идея служитъ для дискредитированія идеи политической свободы, проникающей въ умы низшихъ слоевъ культурнаго общества, того, что можно, пожалуй, считать третьимъ сословіемъ, и въ народныя массы изъ среды русскаго же общества. Въ надеждѣ на умственную неразвитость всѣхъ этихъ слоевъ, распространеніе политическаго недовольства приписали нашимъ инородцамъ, чуждымъ истинно-русской государственной идеѣ; а для вящшаго убѣжденія россіянъ въ истинѣ этого утвержденія, матеріальные интересы инородцевъ въ борьбѣ за существованіе стали приноситься въ жертву интересамъ русскихъ служащихъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ, торговцевъ, а евреи такъ прямо отданы были на потокъ и разграбленіе.

По тому же плану, какъ и отношеніе русскаго абсолютизма къ національной идеѣ, построено г. Рейснеромъ и разъясненіе политики русскаго правительства въ области соціальныхъ отношеній. „Полицейское государство стараго типа,—говоритъ г. Рейснеръ,—не задавалось соціальными проблемами; оно смотрѣло на вещи до крайности просто. Свои фискальные интересы оно ставило на первый планъ и „полицеистъ" сѣялъ для того, чтобы камералистъ могъ собирать жатву. Промышленность насаждалась всѣми возможными и невозможными средствами, съ единственной цѣлью создать изъ нея курицу, несущую

для фиска золотыя яйца". Старое полицейское государство на Западѣ и въ Россіи „было системой безконечной опеки и невообразимой регламентаціи, бумажнымъ зданіемъ изъ предписаній, поученій, приказаній, наставленій и увѣщаній, построенныхъ на полицейскомъ принужденіи и административномъ произволѣ (стр. 15—17). Въ Европѣ это состояніе смѣнилось другимъ: состояніемъ политической и экономической свободы, поведшимъ къ полному преобразованію экономическаго быта на началахъ индустріализма и капитализма, къ огромному развитію богатствъ и блестящей внѣшней культуры. „Но всѣ эти завоеванія вѣка нисколько не подвинули русское полицейское государство перемѣнить свой курсъ и повернуть его въ сторону экономическаго и политическаго либерализма. Словно хитрый и осторожный дикарь, Россія дѣлала у себя нѣкоторые опыты, но въ общемъ выжидала. Русской бюрократіи далеко не нравилась эта энергичная сознательная самодѣятельная личность, этотъ свободный создатель своего счастія, на которомъ держалась европейская эра. Она страшилась этой жизни, пульсирующей и бьющейся въ самыхъ различныхъ формахъ, этой силы и мощи освобожденнаго капитала и ему подвластнаго, ему служащаго генія. Оно выжидало". Русское правительство восприняло европейскія соціальныя идеи въ то время, когда,—послѣ выяснившагося стремленія капитализма монополизировать всѣ источники народнаго богатства, овладѣть государственной властью и задавить свободу, если не прямымъ насиліемъ, то денежной тираніей, и послѣ того, какъ на борьбу съ капитализмомъ выступили рабочіе классы—западно-европейскія правительства вышли изъ роли простого наблюдателя экономической борьбы, „вторглись непосредственно въ область классовой борьбы и сдѣлали суверенитетъ однимъ изъ факторовъ, регулирующихъ національное производство и потребленіе"... „Но воистину удивительно то употребленіе, которое было сдѣлано изъ этихъ новыхъ идей русскимъ полицейскимъ государствомъ. Эта система дала русскому полицейскому строю совершенно неожиданную возможность обновленія и перекраски. Не имѣя за собой европейскаго расцвѣта индустріи, не обладая сложнымъ европейскимъ аппаратомъ представительства и правовой защиты, русская бюрократія рѣшила сразу преобразовать свою финансовую и административную машину и перескочить въ одинъ мигъ изъ государства Филиппа II въ эпоху культурнаго и соціальнаго законодательства". Оно продолжало попрежнему обирать народъ налогами, заставляли его желѣзнодорожными тарифами вывозить заграницу хлѣбъ, нужный самому себѣ, накопляло такимъ образомъ золотой запасъ, привлекало для той же цѣли иностранные капиталы, захватывало въ свои руки желѣзнодорожное хозяйство, „отравляло народъ при помощи водочной моно-

поліи", поощряло капиталистическіе синдикаты; „и на все это хищническое хозяйство наклеивались ярлыки, заимствованные изъ практики культурнаго и соціальнаго строя Европы". Эта культурная внѣшность дала правительству возможность надѣлать государственныхъ долговъ, немыслимыхъ для чисто полицейскаго государства. „Въ непостижимомъ ослѣпленіи Европа не замѣчала разницы между русскимъ полицейскимъ строемъ и правовымъ государствомъ новаго времени и открывала свой кредитъ Россіи въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ Англіи, Франціи и т. п." Русское правительство воспользовалось и идеей классовой борьбы и разжигало вражду капиталистовъ и рабочихъ, мѣшая такимъ образомъ ихъ объединенію для политическаго протеста; а въ послѣднее время эту соціальную политику дополняетъ еще одно явленіе, неизвѣстное западной Европѣ. Явленіе это заключается въ правительственной организаціи „пятаго" класса населенія, такъ называемаго Lumpenproletariat'a. Этотъ классъ „бродягъ, воровъ, громилъ и сутэнеровъ получилъ профессіональную организацію. Изъ нихъ образованы знаменитыя черныя сотни, представляющія собой вѣрноподданническія „народныя" массы, избивающія и грабящія всѣхъ, кто осмѣливается протестовать противъ русскаго „культурнаго" и „соціальнаго" государства".

Приведеннаго выше достаточно для того, чтобы составить понятіе о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ пріема трактованія предмета, усвоеннаго г. Рейснеромъ. Въ томъ же духѣ разсмотрѣны авторомъ отношенія русскаго абсолютизма къ идеямъ нравственной личности, равенства, правового государства и народнаго представительства. Всѣми этими идеями правительство пользуется для поддержанія полицейскаго режима. Книжка написана сильно и займетъ, конечно, свое мѣсто въ дѣлѣ правильной оцѣнки колеблющагося, но еще господствующаго полицейскаго строя.

VI.

— А. И. Шершенко. Правовое и экономическое положеніе иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ связи съ развитіемъ края. Статистическій очеркъ. Выпускъ первый. Кубанская область. Екатеринодаръ. 1906.

Сѣверный Кавказъ составляетъ въ настоящее время одинъ изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новѣйшихъ районовъ хлѣбной производительности Европейской Россіи; и по причинѣ своей молодости, а также потому, что тамъ дѣйствуютъ еще старыя административныя учрежденія, экономическое положеніе края представляется совершенно почти неизслѣдованнымъ. Сказанное о Сѣверномъ Кавказѣ вообще

приложимо и къ одной его части,—къ Кубанской области въ частности; а между тѣмъ эта область должна бы привлечь наше вниманіе не только своею производительностью, но и той ролью, какую она, въ качествѣ рѣдко населенной страны, играла, какъ пріемникъ избыточнаго земледѣльческаго населенія черноземной Россіи, и тѣми отношеніями, какія сложились тамъ (какъ, впрочемъ, и въ другихъ казацкихъ областяхъ) между различными классами общества. Извѣстно, какимъ обаяніемъ еще такъ недавно пользовались среди русскихъ земледѣльцевъ магическія слова: „Черноморье", „Кубань", манившія ихъ на земельныя приволья Кавказа. И хотя вся почти территорія Кубанской области въ 1792 г. „пожалована въ вѣчное владѣніе войску черноморскому въ воздаяніе заслугъ, доказанныхъ на водѣ и сушѣ въ войну съ Оттоманскою Портою", но пришлые земледѣльцы были желанными тамъ гостями, потому что казаки, обязанные тяжелой военной службой, не могли сами обрабатывать свои обширныя владѣнія, нуждались въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ земледѣльцевъ, торговцевъ и ремесленниковъ „и гостепріимно открывали двери всякому пришельцу—будь то свободный промышленникъ, рабочій или бѣглый". Первоначально пришлый народъ стремился сюда на временную работу, а затѣмъ онъ сталъ устраиваться здѣсь на постоянное жительство. „Первое время войсковое начальство энергично боролось противъ наплыва въ область иногородныхъ, которые устраивались въ станицахъ подъ видомъ родственниковъ казаковъ, но увеличивающійся изъ года въ годъ притокъ такихъ лицъ привелъ, наконецъ, войсковое начальство къ сознанію трудности борьбы съ этимъ „зломъ"; а въ 1863 г. оно само ходатайствовало о легализированіи положенія пришлаго, такъ называемаго „иногороднаго" населенія. Населеніе это давно уже пріобрѣтало въ станицахъ усадебныя постройки, а закономъ 1868 г. ему было дано легальное право пріобрѣтать таковыя и пользоваться общественнымъ выгономъ для выпаса скота, съ условіемъ уплачивать войску за право пользованія усадьбой ежегодно посаженную плату. „Слухъ, что въ казачьихъ станицахъ могутъ селиться и не казаки, быстро распространился по Россіи, и въ Кубанскую область массами стали стекаться переселенцы". Главный наплывъ послѣднихъ относится, однако, къ самымъ послѣднимъ годамъ. Это видно изъ того, что съ 1887 по 1904 годъ невойсковое населеніе Кубанской области увеличилось почти на 900 тыс. человѣкъ, а перепись 1897 г. зарегистрировала тамъ 616 тыс. лицъ, родившихся внѣ области. Въ настоящій моментъ невойсковое населеніе Кубанской области преобладаетъ надъ войсковымъ: изъ 2248 тыс. душъ населенія 1904 года 1.243 тыс. душъ, или 55%, принадлежало лицамъ невойскового сословія. Въ этой части населенія слѣдуетъ, однако, отличать такъ называе-

мыхъ коренныхъ жителей—крестьянъ, получившихъ надѣлъ отъ казны или пріобрѣвшихъ землю въ собственность, и иногородныхъ, не владѣющихъ полевою землею. Первыхъ числилось въ 1904 г. 324 тыс. душъ, а вторыхъ—920 тыс. душъ. Послѣдняя группа населенія должна быть въ свою очередь раздѣлена на двѣ подгруппы: около 600 тыс. душъ принадлежатъ къ семьямъ, владѣющимъ усадьбами, и 324 тыс. иногородныхъ не имѣютъ въ предѣлахъ Кубанской области никакой недвижимости.

Этой-то, иногородной части населенія Кубанской области и посвященъ трудъ г. Шершенко, названный въ заголовкѣ нашей замѣтки. Какъ видно изъ заглавія книги, авторъ имѣетъ въ виду характеризовать положеніе иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ вообще, и настоящій его трудъ, касающійся Кубанской области, составляетъ первый выпускъ задуманной имъ работы. Данныя, касающіяся положенія иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ, слишкомъ малочисленны для того, чтобы можно было представить по этому предмету сколько-нибудь обстоятельное изслѣдованіе. Поэтому самъ авторъ характеризуетъ свою работу, какъ опубликованіе „нѣкоторыхъ матеріаловъ, касающихся этого класса населенія". Новымъ матеріаломъ, используемымъ авторомъ, служатъ данныя о положеніи мѣстнаго населенія, собираемыя ежегодно областнымъ статистическимъ комитетомъ черезъ станичныя, волостныя и сельскія управленія, но оставляемыя комитетомъ безъ разработки. Данныя эти, конечно, обладаютъ всѣми недостатками, свойственными такъ называемой волостной статистикѣ, но какъ первоначальный матеріалъ они имѣютъ извѣстное значеніе, а нѣкоторыя важныя свѣдѣнія этихъ матеріаловъ должны даже обладать довольно большой точностью, потому что они служатъ для мѣстнаго обложенія (о числѣ скота). По поводу свода этихъ данныхъ въ разсматриваемомъ изданіи мы должны выразить сожалѣніе, что авторъ не раздѣлилъ коренное населеніе области на войсковое и невойсковое, и что онъ ограничился таблицами среднихъ цифръ и процентныхъ отношеній, а не привелъ абсолютныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ выведены послѣднія. Какъ матеріалъ, абсолютныя, такъ сказать, первоначальныя данныя имѣютъ гораздо бо́льшую важность, чѣмъ цифры производныя, которыя, при наличности первыхъ, могутъ быть выведены каждымъ, для кого они интересны.

Вопросъ о положеніи иногородныхъ въ казацкихъ областяхъ и въ ставропольской губ. и о ихъ будущей судьбѣ очень мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе литературы; а между тѣмъ этотъ классъ населенія обнимаетъ милліоны лицъ, и лица эти не имѣютъ никакого обезпеченія, кромѣ усадебной осѣдлости, которою владѣютъ, впрочемъ, далеко не всѣ. Вопросъ о судьбѣ иногородныхъ есть настоящій соціальный

вопросъ Донской, Кубанской и другихъ областей и рано или поздно не можетъ не остановить на себѣ вниманіе общества. Трудность разрѣшенія вопроса объ этой категоріи безземельнаго населенія усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, при разсмотрѣніи вопроса о надѣленіи его землею, нельзя не коснуться земель казацкаго войска. Дѣйствительно, на милліонное почти населеніе иногородныхъ, напр., Кубанской области, не считая земли, принадлежащей войску (6,3 милл. десятинъ), имѣется менѣе милліона десятинъ частновладѣльческихъ и 650 тысячъ казенныхъ земель. Но казенныя земли занимаютъ склоны Кавказскаго хребта и непригодны для устройства земледѣльцевъ; а частновладѣльческія составляютъ лишь около 1 десятины на душу обоего пола класса иногородныхъ. Для сколько-нибудь достаточнаго обезпеченія послѣднихъ земельными угодьями врядъ ли можно, поэтому, обойтись безъ того, чтобы не коснуться казацкихъ земель. И иногородные имѣютъ всѣ права на эти земли. Ихъ именно трудами, главнымъ образомъ, и воздѣлываются эти земли; вносимыми ими платежами покрываются общественные расходы станицы и „во многихъ станицахъ, гдѣ иногородныхъ мало, казаки прямо говорятъ, что безъ иногородныхъ имъ трудно содержать общественныя учрежденія“. Они участвуютъ наравнѣ съ казаками въ отбываніи повинностей: подводной, постойной, по содержанію дорогъ, мостовъ и переправъ. Казацкое населеніе области высказывается, конечно, противъ того, чтобы войсковыя земли были обращены на обезпеченіе иногородныхъ. И оно, пожалуй, право, потому что нести тяжелую военную службу, не имѣя доходовъ отъ этой земли, обработываемой иногородными, казаки не имѣли бы возможности. Но постановка вопроса измѣняется, если военная служба казаковъ—этотъ остатокъ старины—будетъ отмѣнена и полу-военное казацкое сословіе обращено въ чистыхъ земледѣльцевъ. Въ средѣ самихъ казаковъ начинаетъ распространяться мысль, что постановка аграрнаго вопроса, въ случаѣ отмѣны обязательной военной службы казаковъ, должна измѣниться.

Положеніе иногородныхъ въ казацкихъ областяхъ заслуживаетъ, однако, вниманія и въ другихъ отношеніяхъ. Этотъ слой населенія лишенъ теперь почти всякихъ мѣстныхъ, такъ сказать, правъ. Иногородные почти вовсе не участвуютъ въ мѣстномъ управленіи, лишены права безплатнаго пользованія такими общественными учрежденіями, какъ школа, медицинская помощь, хлѣбозапасные магазины, несмотря на то, что эти учрежденія содержатся, главнымъ образомъ, на суммы, получаемыя отъ обложенія иногородныхъ; не имѣютъ права безъ разрѣшенія станичныхъ обществъ перестраивать, пристраивать и возводить новыя постройки на состоящихъ въ ихъ пользованіи усадебныхъ участкахъ и, въ заключеніе, подчинены юрисдикціи станичнаго суда,

состоящаго исключительно изъ казаковъ. Измѣненіе положенія иногородной части населенія казацкихъ областей въ указанныхъ отношеніяхъ должно составлять ближайшую задачу нашего общественнаго управленія.—В. В.

Въ октябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Агафоновъ, В. К.—Наука и жизнь. Спб. 906. Ц. 1 р.

Бергъ, Гуго (фабричный рабочій).—Долой безработицу! Съ предисловіемъ А. Вильбрандта. Съ нѣм., пер. Е. Рахмиловичъ. Спб. 906. Ц. 25 коп.

Бирюковъ, П.—Левъ Николаевичъ Толстой (графъ). Біографія. В. I. Съ 29 иллюстраціями. М. 906. Ц. 2 р.

Блаттнеръ, Карлъ.—Карманный словарь русскаго и нѣмецкаго языковъ. Съ указаніемъ произношенія по фонетической системѣ методы Туссэна-Лангеншейдта. Ч. I: Русско-нѣмецкая. Берл. 906.

Бёмэ, Маргарита.—Дневникъ падшей. Подлинныя записки, обработанныя для печати. Съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ, со вступительной статьей С. Франца. Спб. 906. Ц. 70 к.

Берендтсъ, Э.—Кое-что о современныхъ вопросахъ. 907. Ц. 60 к.

Блосъ, В.—Исторія германской революціи 1848 года. Съ нѣм. Г. Радомысльскій. Спб. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Бобошко, О. Л.—Рабочій и аграрный вопросы. Николаевъ. 906. Ц. 5 к.

Бородинъ, Н. А., членъ первой Госуд. Думы.—Государственная Дума въ цифрахъ. Спб. 906. Стр. 72. Ц. 25 к.

Бубликовъ, А., инж.—Современное положеніе Россіи и желѣзнодорожный вопросъ. Спб. 906. Ц. 50 к.

——— Замѣтки по очереднымъ вопросамъ желѣзнодорожной политики. Спб. 906. Ц. 1 р.

Вейль, Ж.—Исторія соціальнаго движенія во Франціи (1852—1902 г.). Перев. М. Брагинскій. Спб. 906. Ц. 1 р. 80 к.

Воскресенскій, А.—Опытъ философской пропедевтики.—Ч. I: Наука и философія. Ч. II: Очерки психологіи. Орелъ. 905. Ц. 75 и 85 к.

Верещагинъ, Н.—Трудовыя колоніи. Кооперація въ дѣлѣ воспитанія. Спб. 906. Ц. 16 к.

Гарлицкій, Э. Ѳ.—Краткій учебникъ химіи. Съ 29-ю рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 45 к.

Годлевскій, С.—Всемірная послѣдняя борьба.—Краткая повѣсть объ Антихристѣ Влад. Соловьева и его предсказаніе о всемірной войнѣ. Спб. 906. Ц. 10 к.

Г. С. Ш.—Князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Спб. 906.

Гуго фонъ-Гофмансталь.—Драмы. Перев. С. Орловскаго. М. 906. Ц. 1 р.

Дамашке, А.—Аграрная реформа. Спб. 906. Ц. 50 к.

Де-Волланъ, Григ.—Въ странѣ милліардовъ и демократіи. Очерки и замѣтки. Съ 12 иллюстр. Спб. 906. Ц. 2 р. 25 к.

Димъ, Н.—Сельскій пролетаріатъ въ Россіи. Спб. 906. Ц. 12 к.

Довнаръ-Запольскій, проф., М. В.—Тайное общество декабристовъ. Историческій очеркъ, написанный на основаніи слѣдственнаго дѣла. М. 906. Ц. 1 р.

Додэ, Альфонсъ.—Малышъ. Полный перев. А. Трачевской-Калугиной. Съ біограф. и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Съ портретомъ автора и рисунками. Спб. 906.

Емельяновъ, Ег.—Золото въ розсыпяхъ и коренныхъ мѣсторожденіяхъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

——— Научныя экскурсіи въ область загадочнаго. Спб. 905. Ц. 60 к.

——— Радій въ роли Дракона. Спб. 906. Ц. 50 к.

Жерве, Ник.—Неосуществившійся проектъ народнаго представительства 1881 года, предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ. Спб. 906. Ц. 10 к.

Жуковскій, Юл. Г.—Населеніе и земледѣліе. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ-Разумникъ.—Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. II. Спб. 907. Ц. за оба тома—3 руб.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга Новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 9-ое. Спб. 906. Ц. 1 р. 45 к.

Куно Фишеръ.—Исторія новой философіи. Декартъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Съ нѣм. пер. Н. Н. Полилова. Съ портретомъ Декарта. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Ковалевская, О. П.—Молочный скотъ и молочное хозяйство. Руководство для сельскохозяйственныхъ колоній, народныхъ школъ и хозяевъ-практиковъ. Спб. 906. Ц. 30 к.

Ковалевскій, Максимъ.—Отъ прямого народоправства къ представительному, и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій. Т. II. М. 906. Ц. 2 р.

Крачковскій, В. Н.—Афоризмы. Спб. 906. Ц. 1 р.

Кричевскій, Б.—Восьмичасовой рабочій день. Спб. 907. Ц. 10 к.

Кулябко-Корейскій, Н. И.—Франція въ XIX вѣкѣ. Политическія волненія и революціонныя бури. М. 907. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А.—Въ люди вышелъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Лернеръ, Н., и Ставрогинъ, Н.—Гражданскіе мотивы въ русской поэзіи отъ Пушкина до нашихъ дней. Спб. 906. Ц. 60 к.

Локоть, проф., Т. В.—Первая Дума. Статьи, замѣтки и впечатлѣнія бывшаго члена Государственной Думы. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Лопатины, Ив. и Пав.—Очеркъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Варш. 906. Ц. 15 к.

Любомудровъ, М.—Введеніе въ науку о справедливости Герберта Спенсера. Составлено по Отто Гауппу. Ковровъ. 906.

Марксъ, Карлъ.—Теорія прибавочной стоимости. Изъ неизданной рукописи. Къ критикѣ политической экономіи. Вып. I-й. Перев. съ изданія Каутскаго П. Стрѣльскій, подъ ред. І. Плеханова. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. С.—Трилогія: Христосъ и Антихристъ. I. Смерть боговъ, Юліанъ Богоотступникъ. Спб. 906. Ц. 2 р.

Мечниковъ, проф., И.—Что такое старость? Съ франц. Спб. 905.

Могилянскій, П.—Интернаціоналъ. Очеркъ изъ исторіи рабочаго движенія второй половины XIX вѣка. Спб. 906. Ц. 15 к.

Мошинъ, Алексѣй.—Ясная Поляна и Васильевка. Спб. Ц. 50 к.

——— Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. О писателяхъ. Спб. 905. Ц. 20 к.

——— Штрихи и настроенія. Кн. 2-я. Ц. 1 р.

Николаевъ, Юрій.—Запросы мысли. Спб. 906.

Пёльманъ, Р.—Очеркъ греческой исторіи въ связи съ источниковѣдѣніемъ. Съ нѣм. А. Русанова, Н. Кремлева и Е. Бекетова.

Первушинъ, П. М.—Святой Великій Князь Владиміръ Равноапостольный. Гимнъ-поэма. Ч. 1. Пенза, 906. Ц. 10 к.

Поссе, В. А.—Рабочія стачки. I, II, III и IV. Спб. 906. Цѣна всѣхъ четырехъ выпусковъ—95 к. Государственная Дума. Спб. 906. Ц. 30 к.

Понрковъ, Николай.—Солнечныя пѣсни. 1903—05 г. М. 906. Ц. 60 к.

Пуанкаре, Анри. Цѣнность науки. Съ франц., подъ ред. А. Бачинскаго и Н. Соловьева. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Ралэ, Томасъ. Элементарная политика. Перев. съ англ. Н. П. Дружинина. Москва. 906. Стр. 142. Ц. 45.

Ренанъ, Эрнестъ.—Калибанъ. Философская драма. Перев. М. А. Головкина. М. 906. Ц. 40 к.

Родіоновъ, Л.—Правовое государство. Краткіе очерки по государственному праву. М. 906. Ц. 35 к.

Розановъ, В. В. — Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Рожковъ, Н. А.—Какъ произошло и какъ развилось самодержавіе въ Россіи. Спб. 907. Ц. 60 к.

Сомовъ, П. О.—Векторіальный анализъ и его приложенія. Спб. 907.

Сухоплюевъ, И.—Послѣдствія неурожаевъ въ Россіи. М. 906.

Тотоміанцъ, В.—Задачи городского самоуправленія. Краткій очеркъ муниципальнаго соціализма. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 8 к.

Трачевскій, Ал.—Наполеонъ I. Первые шаги и консульство. 1769—1804. М. 907. Ц. 1 р. 25 к.

——— Учебникъ Новой исторіи. Съ 133 рис. Спб. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Трофимовъ, А. Н —Теорія прибавочной стоимости К. Маркса съ технической точки зрѣнія. Спб. 906.

Трубниковъ, А. А.—Помнишь—бывало... Спб. 906. Ц. 85 к.

Тылова, К.—Балдушкинъ. Разсказъ изъ манчжурской эпопеи. Спб. 906. Ц. 40 к.

Франческо Ричіолли.—Государственное устройство свободныхъ государствъ. Съ приложеніемъ таблицъ конституцій. Съ итальян., подъ ред. Н. Рейнгардта. Спб. 906. Ц. 40 к.

Храневичъ, В. I.—Очерки экономическаго быта крестьянства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 906. Ц. 60 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій. Т. IX: „Современникъ" 1862—1863 гг. Статьи экономическія.—Отдѣлъ „Политики".—Романъ „Что дѣлать?" Спб. 906.

——— Т. I: „Отечественныя Записки", 1853 — 56 гг. — „Атеней", 1868. — „Современникъ", 1853—1855 г. Критика и библіографія. Спб. 906.

——— Т. X, ч. 2. Отдѣльныя статьи (1842—1863). Статьи послѣдняго времени (1885—1889). Спб. 906. Ц. 18 руб. за 10 томовъ.

Шарпантье, С.—Нищій у порога Европы. Политическій и географическій очеркъ Марокко. Съ картой. Спб. 906. Ц. 60 к.

Штукенбергъ, А.—Фауна Верхне-Каменноугольной толщи самарской луки. Спб. 906.

Щаповъ, А. П.—Сочиненія, въ 3-хъ томахъ. Т. I. Спб. 906. Ц. 3 р.

Щукинъ, Н. И.—Краткое описаніе новаго владѣнія Имп. Россійскаго Историческаго Музея, имени имп. Александра III, въ городѣ Москвѣ. Съ 29-ью фототипіями работы К. Фишера. М. 906.

Эль, П.—Соціально-сатирическіе этюды. Спб. 906. Ц. 80 к.
Эльцбахеръ, П.—Сущность анархизма. Спб. 906. Ц. 75 к.
Якимовъ, Василій.—Morituri. Разсказы. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Библіотека „Общественной пользы“: 1) Э. Бюиссонъ, Всеобщая стачка, перев. П. С., съ прилож. статьи Н. Кудрина: „Всеобщая забастовка“ (ц. 15 к.), 2) К. Марксъ, Революція и контръ-революція въ Германіи, съ предисл. К. Каутскаго (ц. 25 к.). 3) Л. Василевскій, Современная Польша и ея политическія стремленія (ц. 50 к.). 4) Н. А. Бородинъ, Государственная Дума въ цифрахъ, (ц. 25 к.). Спб. 906.

— Библіотека по общественно-экономическимъ вопросамъ: проф. Н. Х. Озеровъ, I. Что должны имѣть въ виду рабочіе. II. Страхованіе трудящихся въ Германіи. III. Фабричные комитеты. IV. Земельный вопросъ въ Россіи. V. Финансовая реформа въ Россіи. Ц. 5-ти вып. 95 к. М. 906.

— Бой-Котъ. Пѣсни о четырехъ свободахъ. Вып. 1. Спб. 906. Ц. 10 к.

— Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованные московскому городскому общественному управленію въ теченіе 1863—1904 гг. М. 906.

— Ежегодникъ Имп. Театровъ. Сезонъ 1903—4 г. Выпускъ XIV, съ Приложеніемъ. Спб. 906.

— Изданіе журнала „Образованіе“: 1) Полицейскій соціализмъ въ Россіи (ц. 20 к.), 2) Кочетковой, З., Соціализмъ и земледѣліе (ц. 40 к.), 3) Лоранъ-Дешенъ, Рабочіе синдикаты въ Бельгіи, перев. съ франц. Ц. 40 к. 4) А. Богдановъ, Революція и философія. Спб. 906. Ц. 7 к.

— Изданія журнала „Русское Богатство“: 1) Григ. Бѣлорѣцкій, „Безъ идеи“. Спб. 906. Ц. 75 к. 2) С. Савинкова, „Годы скорби“. Спб. 906. Ц. 15 к. 3) П. Лавровъ, „Задачи позитивизма и его рѣшеніе“. Спб. 906. Ц. 40 к.

— „Искра“. За два года. Спб. 906. Ц. 2 р. 25 к.

— Какъ устраиваются городскія общественныя работы. Опытъ германскихъ городовъ. Перев. съ нѣм. Б. А. Гагена. Спб. 906. Ц. 70 к.

— Краткія біографіи членовъ Государственной Думы. Спб. 906. Ц. 30 к.

— Крестьянскіе наказы самарской губерніи. Опытъ собиранія матеріаловъ въ русской революціи. Съ вступительными статьями А. Васильева и В. Кудрявцева. Самара. 906. Ц. 45 к.

— Матеріалы для исторіи факультета восточныхъ языковъ. Т. II. 1865—1901 г. Спб. 906.

— Матеріалы по статистикѣ начальнаго образованія на русскихъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ—на 1 января 1900 года. Спб. 906.

— Передъ церковнымъ соборомъ. Трудъ московской коммиссіи по церковнымъ дѣламъ. М. 906. Ц. 1 р. 35 к.

— Политическая Энциклопедія. Подъ ред. Л. З. Слонимскаго. Т. I, вып. 2 (Аргау—Антисемитизмъ). Второе изданіе. Спб 906. Ц. 1 р.

——— Т. I, вып. 3 (Бразилія—Выборы). Спб. 906. Ц. 9 р. за 12 выпусковъ.

— Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, графа Л. Н. Толстого. Т. III. Спб. 906. Ц. 65 к.

— Сборникъ женской гимназіи А. С. Пушкина. Т. I. Подъ ред. А. Ясинскаго. Юрьевъ. 906. Ц. 2 р. 40 к.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1906 г. Кн. XII. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1903 г. Спб. 906.

— Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ

ревнителей просвѣщенія въ память имп. Александра III. Кн. XI. Спб. 906. Ц. 2 р.

— Труды Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства по аграрному вопросу. Полт. 906.

— Хозяйственно-Статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1905 годъ. Годъ X-й. Уфа. 906. Ц. 2 р. 25 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1906 г.

Мемуары князя Гогенлоэ. — Разоблаченія относительно причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка.—Новыя черты для характеристики „Желѣзнаго канцлера".—Забавно-поучительная исторія въ Кепеникѣ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль сдѣлалось необыкновенно популярнымъ въ Германіи имя князя Хлодвига Гогенлоэ, третьяго канцлера имперіи, умершаго въ 1901 году. Всѣ газеты говорятъ о немъ, приводятъ его слова, обсуждаютъ его поступки и обнаруживаютъ вообще такой интересъ къ его личности, какого не замѣчалось во время его канцлерства. Тихій и скромный при жизни, онъ неожиданно нашумѣлъ послѣ смерти и пріобрѣлъ, можно сказать, всемірную славу—если не какъ политическій дѣятель, то какъ авторъ мемуаровъ, возбуждающихъ любопытство публики пикантными разоблаченіями и анекдотами изъ новѣйшей исторіи Германіи и отчасти Европы. Неизмѣнно корректный и сдержанный дипломатъ, великосвѣтскій царедворецъ по рожденію и фамильнымъ связямъ, князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ является теперь въ видѣ тонкаго, ядовитаго наблюдателя, откровенно разглашающаго чужія интимныя бесѣды и политическія тайны. Никто не зналъ, что съ половины шестидесятыхъ годовъ онъ аккуратно записывалъ все происходившее при немъ или при его участіи и распорядился приготовить этотъ матеріалъ къ печати послѣ его смерти; а тѣ, которые слышали объ его мемуарахъ, не могли предвидѣть, что они будутъ имѣть подобный нескромный характеръ. Воля покойнаго была исполнена его третьимъ сыномъ, принцемъ Александромъ, и мемуары вышли въ свѣтъ въ двухъ большихъ томахъ, въ Штутгартѣ, подъ редакціею и наблюденіемъ профессора Курціуса, сына знаменитаго историка. Отрывки изъ этихъ мемуаровъ, касающіеся причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка, появились въ то же время въ распространенномъ популярномъ журналѣ „Ueber Land und Meer", откуда они были перепечатаны большинствомъ нѣмецкихъ газетъ. Императоръ Вильгельмъ II послалъ князю Филиппу Гогенлоэ грозную телеграмму: „Только-что читаю съ изумленіемъ и негодованіемъ опубликованныя подробности самыхъ интимныхъ частныхъ разговоровъ между твоимъ отцомъ и мною, отно-

сительно удаленія князя Бисмарка. Какъ могло случиться, что такого рода матеріалъ могъ быть преданъ гласности, безъ предварительнаго моего дозволенія? Я долженъ признать этотъ образъ дѣйствій въ высшей степени безтактнымъ, нескромнымъ и крайне неумѣстнымъ, такъ какъ нигдѣ не слыхано, чтобы обстоятельства, относящіяся до царствующаго суверена, оглашались безъ его одобренія". Оказалось, впрочемъ, что старшій сынъ и наслѣдникъ князя Хлодвига, князь Филиппъ Гогенлоэ-Шиллингсрфюрстъ, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о содержаніи записокъ своего отца и не принималъ никакого участія въ ихъ обнародованіи; покойный поручилъ это дѣло болѣе либеральному принцу Александру, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ еще депутатомъ въ имперскомъ сеймѣ и заслужилъ своими рѣчами кличку „краснаго принца". Иногда этотъ принцъ публично возражалъ или подавалъ голосъ противъ правительственныхъ законопроектовъ, внесенныхъ или поддерживаемыхъ его отцомъ, и послѣдній, въ отвѣтъ на высказываемыя по этому поводу недоумѣнія, ссылался на то, что его сынъ—совершеннолѣтній. Впослѣдствіи принцъ Александръ поступилъ на государственную службу и занялъ постъ начальника одного изъ округовъ Эльзаса; но теперь онъ вынужденъ былъ внезапно выйти въ отставку. Нельзя отрицать, что въ данномъ случаѣ либерализмъ его заключалъ въ себѣ какую-то неправильность, которая вполнѣ оправдывала раздраженіе Вильгельма II. Въ мемуарахъ дѣйствительно сообщаются разныя интимныя замѣчанія императора, вовсе не предназначенныя для публики, и наслѣдники князя Гогенлоэ, конечно, не имѣли нравственнаго права оглашать подобныя частныя бесѣды безъ вѣдома и согласія заинтересованныхъ лицъ. Нѣкоторыми изъ этихъ разоблаченій затронуты важные и щекотливые вопросы международной политики, напр. по поводу отношеній Германіи къ Россіи, — вопросы, входящіе уже прямо въ область секретной придворной дипломатіи. Очевидно, князь Хлодвигъ Гогенлоэ, вопреки своей репутаціи, не раздѣлялъ обычныхъ взглядовъ и традицій прусско-германскаго чиновничества; отъ этихъ взглядовъ и традицій чувствовалъ себя свободнымъ и принцъ Александръ, хотя и состоявшій на службѣ имперіи. Дѣло въ томъ, что въ имперскомъ строѣ Германіи сохранились средневѣковыя феодальныя черты, въ силу которыхъ представители извѣстныхъ фамилій находятся лишь въ вассальномъ подчиненіи императору и не считаются вообще чьими-либо подданными; фамилія Гогенлоэ принадлежитъ именно къ числу этихъ старинныхъ владѣльческихъ династій, занимающихъ особое привилегированное положеніе въ имперіи. Князь Хлодвигъ имѣлъ титулъ и званіе имперскаго князя; по своимъ земельнымъ владѣніямъ онъ былъ связанъ съ Баваріей и ея королевскимъ домомъ, тогда какъ

его старшій братъ, герцогъ Ратиборъ и Корвей, владѣлъ землями въ Пруссіи и потому былъ вассаломъ прусскаго короля. Этимъ объясняется и тотъ независимый тонъ, въ какомъ говорится въ мемуарахъ о Гогенцоллернахъ и въ частности о Вильгельмѣ II.

Особенный интересъ представляютъ тѣ главы записокъ князя Гогенлоэ, которыя относятся къ знаменитымъ мартовскимъ днямъ 1890 г., когда совершилось паденіе Бисмарка. Утромъ 21-го марта Гогенлоэ прибылъ въ Берлинъ и заѣхалъ къ своему брату, герцогу Виктору Ратибору, у котораго засталъ уже газету съ напечатаннымъ рескриптомъ императора объ отставкѣ Бисмарка и о пожалованіи ему титула герцога Лауенбургскаго; слухи о серьезныхъ причинахъ разрыва подтверждались съ разныхъ сторонъ. „Обращеніе Бисмарка съ императоромъ, пренебрежительные отзывы его о послѣднемъ въ разговорахъ съ дипломатами, и взаимная натянутость въ личныхъ сношеніяхъ дѣлали разрывъ неизбѣжнымъ. Такъ какъ императоръ уже нѣсколькими недѣлями раньше совѣщался съ Каприви по поводу вѣроятнаго назначенія его канцлеромъ и Бисмаркъ узналъ объ этомъ, то дѣло не могло тянуться долго. Здѣсь настроеніе — двойственное: одни говорятъ, что императоръ правъ, другіе—что правъ Бисмаркъ. Княгиня также не способствовала умиротворенію, а напротивъ, подзадоривала своего мужа. Утверждаютъ, напр., что Бисмаркъ въ послѣднее время часто мѣнялъ свои взгляды и этимъ возбуждалъ недовѣріе императора; къ этому присоединились разныя мелочи, раздражавшія Бисмарка". Во дворцѣ, за обѣдомъ, 24-го марта, министръ Стошъ подробно разсказывалъ князю Гогенлоэ о своихъ несогласіяхъ съ Бисмаркомъ, и былъ, повидимому, очень радъ, что можетъ теперь говорить свободно, что не надо уже бояться великаго человѣка. „Это чувство облегченія преобладаетъ здѣсь. Вновь оправдывается истина, что только кроткіе владѣютъ симпатіями на землѣ. Лишь бы только въ иностранной политикѣ осмотрительно слѣдовали по пути Бисмарка! Послѣ обѣда императоръ такъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, что у меня пальцы захрустѣли; онъ также чокнулся со мною, и я такъ почтительно поклонился ему при этомъ, что едва не пролилъ своего шампанскаго. Я былъ принятъ затѣмъ императрицей Фридрихъ, которая не одобряетъ способовъ и пріемовъ, употребленныхъ при отставкѣ Бисмарка. Она думаетъ, что я долженъ былъ бы быть его преемникомъ; но когда я напомнилъ ей, что я родился въ томъ же году, какъ ея отецъ и мать, то она согласилась со мною, что поздно брать на себя такую задачу. Въ вопросахъ соціальной политики она раздѣляетъ мое мнѣніе, и, по ея словамъ, императоръ Фридрихъ всегда возставалъ противъ бисмарковскаго законодательства". Великій герцогъ Баденскій, съ которымъ авторъ видѣлся на слѣдующій день, сообщилъ ему много лю-

бопытнаго; онъ утверждаетъ, что причиною разрыва между императоромъ и канцлеромъ былъ вопросъ о власти и что всѣ другія разногласія имѣли лишь второстепенное значеніе. Важнѣйшимъ предметомъ спора былъ кабинетный приказъ 1852 года, исключавшій отдѣльные доклады министровъ у короля помимо министра-президента; Бисмаркъ настойчиво подтвердилъ министрамъ необходимость соблюденія этого стараго порядка, чѣмъ отнималъ у нихъ право непосредственныхъ сношеній съ монархомъ. Императоръ хотѣлъ, чтобы упомянутый приказъ былъ отмѣненъ, а Бисмаркъ возставалъ противъ этого. При разговорѣ съ императоромъ Бисмаркъ былъ такъ раздраженъ, что Вильгельмъ II замѣтилъ потомъ: „хорошо еще, что онъ не бросилъ въ меня чернильницей". Императоръ относился подозрительно и къ иностранной политикѣ канцлера; „онъ предполагалъ, что Бисмаркъ намѣренъ вести эту политику по своимъ особымъ, неизвѣстнымъ императору планамъ, и имѣетъ въ виду пожертвовать Австріею и тройственнымъ союзомъ ради соглашенія съ Россіею, тогда какъ императоръ этого не желаетъ и стоитъ за тройственный союзъ. Въ Вѣнѣ также господствуетъ недовѣріе къ графу Герберту Бисмарку. Говорятъ еще, что императоръ написалъ безъ вѣдома канцлера письмо къ королевѣ Викторіи и что это письмо сдѣлалось извѣстнымъ въ Берлинѣ". Черезъ два дня, 27-го марта, князь Гогенлоэ былъ у Бисмарка, котораго нашелъ вполнѣ здоровымъ и бодрымъ. „Когда я сказалъ ему,—пишетъ онъ въ дневникѣ,—что событіе произошло вполнѣ неожиданно для меня, то онъ добавилъ: „и для меня", такъ какъ тремя недѣлями раньше онъ не думалъ, что дѣло кончится подобнымъ образомъ. „Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я долженъ былъ этого ожидать, ибо императоръ хочетъ уже самъ управлять". Онъ говорилъ затѣмъ о различныхъ пунктахъ разногласій между нимъ и императоромъ, упоминалъ о законѣ для защиты рабочихъ, который кажется желательнымъ императору, но который на дѣлѣ былъ бы только закономъ принужденія и опеки для рабочихъ,— и перешелъ къ вопросу о положеніи министра-президента, причемъ признавалъ недопустимымъ, чтобы каждый министръ могъ имѣть докладъ у короля безъ спроса министерскаго совѣта или его президента. Онъ сильно возстановленъ противъ министровъ, потому что они не поддержали его; они больше боятся императора, чѣмъ канцлера. При такихъ условіяхъ онъ не могъ сохранить свой авторитетъ. Великаго герцога Баденскаго онъ также причисляетъ къ своимъ противникамъ. Когда я высказалъ ему предположеніе, что рано или поздно императоръ попроситъ его вернуться, онъ отклонилъ эту мысль: онъ не желаетъ вторично провести такія три недѣли. „Здѣсь вы меня больше не увидите; но если пріѣдете ко мнѣ въ Варцинъ или Фри-

дрихсруэ, то буду очень радъ". Въ заключеніе онъ совѣтовалъ мнѣ, какъ намѣстнику Эльзаса-Лотарингіи, принять мѣры къ тому, чтобы императоръ возможно меньше заботился объ этой области". Будучи уже въ Страсбургѣ, князь Гогенлоэ узналъ, въ какой формѣ императоръ объяснилъ командующимъ генераламъ причины удаленія Бисмарка. „Вопросъ о правѣ доклада министровъ и крайняя неумѣренность, съ какою канцлеръ выступалъ противъ императора, сдѣлали для него невозможною дальнѣйшую совмѣстную работу. Лучше было, поэтому, разойтись теперь же, когда можно еще разстаться мирно, чѣмъ доводить дѣло до серьезнаго конфликта. Далѣе императоръ сообщилъ генераламъ, что Россія хочетъ занять Болгарію своими войсками и заручиться для этого нейтралитетомъ Германіи; но онъ обѣщалъ австрійскому императору, что останется его вѣрнымъ союзникомъ, и онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Занятіе Болгаріи русскими войсками означаетъ войну съ Австріею, и онъ не можетъ оставить Австрію безъ поддержки. Все болѣе выясняется, что разногласіе относительно русскихъ плановъ ускорило разрывъ между императоромъ и канцлеромъ. Бисмаркъ не хотѣлъ оказать помощь Австріи въ случаѣ нужды; императоръ же хочетъ дѣйствовать заодно съ Австріею, не останавливаясь даже предъ опасностью быть вовлеченнымъ въ войну съ Россіею и Франціею. Этимъ я объясняю себѣ замѣчаніе Бисмарка, что императоръ ведетъ политику въ духѣ Фридриха-Вильгельма IV. Это черная точка для будущаго". Въ Карлсруэ великій герцогъ Баденскій передавалъ князю Гогенлоэ дальнѣйшія подробности о канцлерскомъ кризисѣ. По его словамъ, „дѣло шло въ концѣ концовъ о томъ, должна ли царствовать династія Бисмарка или династія Гогенцоллерновъ. Еслибы императоръ уступилъ на этотъ разъ, то онъ потерялъ бы всякій авторитетъ; всѣ смотрѣли бы только на Бисмарка и слушались бы его одного. Положеніе становилось уже невыносимымъ. Великій герцогъ разсказывалъ о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Бисмаркомъ. Онъ зашелъ къ нему проститься и сказалъ при этомъ, что всегда будетъ съ благодарностью вспоминать то время, когда они вмѣстѣ работали для блага Германіи; но князь отвѣтилъ, что самъ великій герцогъ виноватъ въ его теперешнемъ удаленіи, ибо онъ высказывался предъ императоромъ въ пользу новаго рабочаго законодательства и этимъ содѣйствовалъ разладу между императоромъ и Бисмаркомъ. Великій герцогъ оспаривалъ это, напомнивъ, что къ разрыву привели недоразумѣнія въ области прусскихъ дѣлъ, а въ прусскія дѣла онъ никогда не вмѣшивался; „тогда Бисмаркъ сдѣлался грубъ",—но великій герцогъ не повторилъ того, что сказалъ тогда Бисмаркъ; свиданіе окончилось, такимъ образомъ, далеко не дружественно. Въ апрѣлѣ князь Гогенлоэ имѣлъ случай провести цѣлый часъ наединѣ съ императо-

ромъ при совмѣстной поѣздкѣ въ охотничій домъ, въ окрестностяхъ Страсбурга; въ дорогѣ императоръ безъ перерыва излагалъ всю исторію своихъ пререканій съ Бисмаркомъ. По этому разсказу, охлажденіе началось еще въ декабрѣ 1889 года. Тогда уже императоръ требовалъ, чтобы сдѣлано было что-нибудь по рабочему вопросу; канцлеръ былъ противъ этого. Императоръ исходилъ изъ того соображенія, что если правительство не возьметъ на себя иниціативы, дѣло перейдетъ въ руки имперскаго сейма и его партій, соціалистовъ, центра и прогрессистовъ, и авторитету правительства будетъ причиненъ ущербъ. Канцлеръ хотѣлъ опять предложить новому рейхстагу законъ о соціалистахъ, съ правомъ высылки, и въ случаѣ отклоненія закона думалъ распустить парламентъ, а еслибы возникли безпорядки, то энергически подавить ихъ вооруженной силой. Императоръ возражалъ противъ этого, говоря, что еслибы его великій дѣдъ послѣ долгаго славнаго царствованія вынужденъ былъ дѣйствовать противъ возставшихъ, никто не могъ бы упрекнуть его за это; но не таково положеніе его, Вильгельма II, который ничего еще не сдѣлалъ для государства. Ему ставили бы въ вину, что онъ начинаетъ свое царствованіе съ разстрѣливанія своихъ подданныхъ. Онъ готовъ будетъ прибѣгнуть къ силѣ, если понадобится; но онъ можетъ дѣлать это только съ чистой совѣстью, послѣ того, какъ онъ пытался бы удовлетворить основательныя жалобы рабочихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ бы все для исполненія ихъ основательныхъ требованій. Императоръ требовалъ поэтому въ особомъ министерскомъ совѣщаніи, чтобы представлены были проекты мотивированныхъ приглашеній на международную рабочую конференцію; но Бисмаркъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Императоръ передалъ вопросъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, и наконецъ ему удалось осуществить свою мысль, несмотря на возраженія Бисмарка. Между тѣмъ Бисмаркъ втихомолку противодѣйствовалъ, старался побудить Швейцарію уклониться отъ участія въ конференціи, что̀ было предупреждено только лойяльнымъ поведеніемъ швейцарскаго посланника въ Берлинѣ, и работалъ въ этомъ же духѣ между дипломатами. Отношенія между императоромъ и канцлеромъ мало-по-малу разстроились; они стали крайне тягостными вслѣдствіе возникшихъ споровъ изъ-за кабинетнаго приказа 1852 года. Бисмаркъ неоднократно совѣтовалъ императору призывать отдѣльныхъ министровъ для объясненій и докладовъ по дѣламъ ихъ вѣдомствъ; но когда сношенія императора съ министрами сдѣлались болѣе частыми, Бисмаркъ былъ опять недоволенъ, сдѣлался ревнивымъ, и выдвинулъ кабинетный приказъ 1852 года, чтобы опять отдалить министровъ отъ императора. Противъ этого протестовалъ императоръ и требовалъ отмѣны кабинетнаго приказа; Бисмаркъ сначала согласился, а потомъ

долго не давалъ о себѣ знать. Тогда императоръ поручилъ сказать князю, что онъ долженъ или внести проектъ объ отмѣнѣ кабинетнаго приказа, или выйти въ отставку; князь колебался, но 18-го марта онъ подалъ наконецъ прошеніе объ отставкѣ. Нужно замѣтить, что еще въ началѣ февраля 1890 г. Бисмаркъ сообщилъ о своемъ намѣреніи удалиться на покой; но, нѣкоторое время спустя, онъ увѣдомилъ императора, что раздумалъ и рѣшилъ остаться; это было непріятно для Вильгельма II, который, однако, не спорилъ и сдерживался, пока не разыгралась исторія съ кабинетнымъ приказомъ. Секретные переговоры съ Виндгорстомъ послужили также матеріаломъ для непріятныхъ объясненій; вообще, такихъ конфликтовъ было много въ послѣднія три недѣли. Императоръ повторилъ фразу о династіи Бисмарка или династіи Гогенцоллерновъ; онъ коснулся также иностранной политики и указалъ на то, что канцлеръ скрывалъ отъ него нѣкоторыя свои дѣйствія. Онъ полагаетъ, что Бисмаркъ довелъ до свѣдѣнія петербургскаго двора о желаніи императора вести антирусскую политику; но, прибавилъ Вильгельмъ II, для этого нѣтъ точныхъ доказательствъ.

Мемуары князя Гогенлоэ внесли мало существенно новаго въ извѣстныя уже свѣдѣнія о причинахъ отставки Бисмарка; они только яснѣе подчеркиваютъ тотъ интересный для насъ фактъ, что нѣкоторую роль въ канцлерскомъ кризисѣ игралъ вопросъ о политикѣ Германіи относительно Россіи. Въ 1890 году истекалъ срокъ своеобразнаго договора секретной международной перестраховки, которымъ Германіи гарантировался русскій нейтралитетъ въ случаѣ нападенія Франціи, а Россіи обезпечивался германскій нейтралитетъ въ случаѣ нападенія Австріи; эта сомнительная комбинація, устроенная Бисмаркомъ за спиною тройственнаго союза и безъ вѣдома союзниковъ, противорѣчила идеямъ и чувствамъ Вильгельма II и была имъ безусловно отвергнута — не изъ вражды къ Россіи, какъ увѣряли поклонники канцлера, а просто въ силу политической честности, не позволяющей въ одно и то же время находиться въ союзѣ съ двумя противниками. Императоръ хотѣлъ остаться вѣрнымъ тройственному союзу, и въ частности союзу съ Австріею, пока этотъ союзъ существуетъ, и потому онъ отказался отъ возобновленія договора съ Россіею, направленнаго косвенно противъ Австріи; но изъ этого еще нельзя было заключить, что онъ враждебно настроенъ относительно Россіи и думаетъ воевать съ нею въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. Съ другой стороны, если Бисмаркъ готовъ былъ парализовать значеніе австрійскаго союза, чтобы связать Россію договоромъ съ Германіею, то изъ этого вовсе не вытекалъ выводъ о твердомъ рѣшеніи его поддерживать миръ и дружбу съ Россіею при всякихъ

обстоятельствахъ. Бисмаркъ умышленно давалъ спорному вопросу неправильную постановку: выходило такъ, что Вильгельмъ II, оставаясь при одномъ тройственномъ союзѣ, этимъ самымъ создаетъ опасность войны съ Россіею, а Бисмаркъ, сѣявшій всегда раздоръ и тревожное безпокойство между державами, является охранителемъ общаго мира и сторонникомъ прочной дружбы съ Россіею. Послѣ разоблаченій князя Гогенлоэ становится уже почти несомнѣннымъ, что та же тема объ опасностяхъ мнимой антирусской политики императора занимаетъ видное мѣсто въ объясненіи канцлерскаго кризиса со стороны Бисмарка и что отчасти по этой же причинѣ было признано въ свое время неудобнымъ напечатаніе третьяго тома его „воспоминаній". Теперь этотъ запретъ вѣроятно будетъ уже снятъ, и міръ въ состояніи будетъ оцѣнить всю глубину его разсужденій о сложныхъ и трудныхъ вопросахъ политики. Люди безпристрастные, не ослѣпленные величіемъ Бисмарка, какъ историческаго дѣятеля, находятъ, что его воспоминанія и размышленія только тяжеловѣсны и далеко не всегда интересны; въ этомъ отношеніи неизданный еще третій томъ едва ли можетъ значительно отличаться отъ первыхъ двухъ. Въ нихъ нѣтъ признаковъ геніальности, и не видно также проявленій свѣтлаго и широкаго ума, ибо Бисмаркъ былъ великъ въ дѣйствіяхъ, а не въ разсужденіяхъ. Записки Гогенлоэ, который въ сущности, заодно со всѣми нѣмецкими патріотами, преклоняется предъ Бисмаркомъ, даютъ немало характерныхъ черточекъ для надлежащаго освѣщенія личности перваго германскаго канцлера. По мнѣнію Бисмарка, прусскіе юнкеры не могутъ ему простить того, что онъ возвысился и получилъ титулъ князя; положеніе Гогенлоэ является будто бы гораздо болѣе благопріятнымъ, потому что, въ качествѣ прирожденнаго имперскаго князя, онъ ни въ комъ не возбуждаетъ зависти. Самъ Бисмаркъ до конца своей жизни оставался въ душѣ прусскимъ юнкеромъ, необузданнымъ и суровымъ; достигнувъ громкой славы, онъ давилъ ею всѣхъ окружающихъ и не терпѣлъ при себѣ никакой самостоятельной индивидуальности. Король, впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I съ сознательнымъ самоотверженіемъ выносилъ на себѣ гнетъ тяжелаго характера своего канцлера; въ августѣ 1874 года онъ жалуется князю Гогенлоэ, что Бисмаркъ принуждаетъ его къ совершенію такихъ актовъ, которые противорѣчатъ его волѣ и его симпатіямъ, и что при всякомъ несогласіи онъ тотчасъ грозитъ своей отставкой; „такъ дальше идти не можетъ". Въ сентябрѣ 1876 года, въ Варцинѣ, Бисмаркъ говоритъ о своемъ намѣреніи сложить съ себя должность канцлера и министра-президента; онъ „не можетъ постоянно нести отвѣтственность за все, что совершается, и въ то же время не имѣть средствъ самому выбирать своихъ коллегъ; одни изъ министровъ ему противо-

дѣйствуютъ, другіе слишкомъ слабы и держатъ у себя неподходящихъ совѣтниковъ. Такъ не можетъ продолжаться; поэтому онъ давно уже просилъ объ отставкѣ, но онъ предвидитъ, что тогда иностранныя дѣла пойдутъ плохо, ибо никто не обладаетъ по отношенію къ императору такою властью, какую пріобрѣлъ онъ, Бисмаркъ. Онъ думалъ однако создать себѣ такое положеніе, чтобы быть въ состояніи вліять на ходъ иностранныхъ дѣлъ, не имѣя на себѣ бремени и отвѣтственности канцлерскаго поста. Еслибы императоръ сдѣлалъ его генералъ-адъютантомъ, то это былъ бы единственный вѣрный способъ къ достиженію цѣли". Князь Гогенлоэ позволилъ себѣ замѣтить, что Бисмаркъ, быть можетъ, ошибается. Когда императоръ перестанетъ въ немъ видѣть имперскаго канцлера со всѣмъ его могуществомъ, онъ ускользнетъ отъ его вліянія, и другіе легко оттѣснятъ его. На это канцлеръ сказалъ, что онъ выступитъ также кандидатомъ на выборахъ въ депутаты, и это доставитъ ему нужное значеніе и власть; въ противномъ случаѣ всегда останется за нимъ право совершеннаго удаленія отъ дѣлъ.—Тѣмъ не менѣе, Бисмаркъ оставался канцлеромъ и послѣ смерти Вильгельма I, и въ короткое царствованіе несчастнаго Фридриха III, и готовился уже крѣпко держать власть при молодомъ Вильгельмѣ II, который привыкъ смотрѣть на него какъ на естественнаго своего руководителя и наставника. Бисмаркъ стоялъ даже за то, чтобы безнадежно-больной кронпринцъ Фридрихъ, лишенный голоса вслѣдствіе горловой болѣзни, заранѣе предоставилъ царствовать своему сыну; въ этомъ случаѣ, какъ и въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ III и его супругою, онъ проявилъ необыкновенное безсердечіе, опираясь на существовавшій идейный антагонизмъ между либеральными родителями и воинственнымъ наслѣдникомъ. На первыхъ порахъ по вступленіи своемъ на престолъ, Вильгельмъ II всецѣло подчинялся авторитету Бисмарка. По свидѣтельству князя Гогенлоэ, онъ видимо не рѣшался высказывать о чемъ-либо мнѣніе, несогласное съ идеями канцлера. Вдова императора Фридриха III съ горечью отзывалась о „злобныхъ и грубыхъ людяхъ", отравлявшихъ послѣдніе мучительные мѣсяцы покойнаго; о немъ говорили, что онъ вовсе не способенъ былъ заниматься дѣлами и ничего не успѣлъ сдѣлать, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ съ напряженіемъ работалъ и самостоятельно принималъ рѣшенія по разнымъ вопросамъ. „Гербертъ Бисмаркъ имѣлъ дерзость сказать принцу Уэльскому, что императоръ, который не можетъ говорить, не долженъ былъ бы и царствовать... Бисмаркъ-отецъ правилъ неограниченно болѣе двадцати лѣтъ и не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы монархъ имѣлъ свою волю. Молодой императоръ находится вполнѣ въ его рукахъ; нельзя еще знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать". Съ своей стороны принцъ

Уэльскій разсуждалъ осторожно, но онъ возмущался грубостью семьи Бисмарковъ, отца и сына Герберта. Въ январѣ 1889 года даже смиренный Гогенлоэ былъ пораженъ непонятнымъ озлобленіемъ канцлера противъ хвалителей умершаго императора и особенно противъ Геффкена, напечатавшаго дневникъ Фридриха III. „Онъ какъ-то вцѣпился въ это дѣло и не хочетъ отъ него отстать, — замѣчаетъ Гогенлоэ.—Онъ производитъ на меня впечатлѣніе умственно не совсѣмъ здороваго человѣка. Неудовольствіе во всѣхъ классахъ народа растетъ, и Бисмаркъ вредитъ больше себѣ, чѣмъ мертвому императору". Тогда же Вильгельмъ II убѣдился, что немыслимо живому и дѣятельному человѣку ужиться съ Бисмаркомъ; всѣ кругомъ сознавали, что крутой и безпокойный режимъ стараго канцлера потерялъ свой прежній смыслъ и становится источникомъ опасности для мирнаго внутренняго развитія Германіи. Нѣтъ надобности отыскивать или предполагать особыя таинственныя причины отставки Бисмарка; напротивъ, надо удивляться тому, что онъ упорно удерживалъ свое владычество и домогался еще расширенія своихъ полномочій въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ смерти Вильгельма I. Исполнивъ свою историческую миссію, онъ не ушелъ своевременно и пережилъ свою славу; легенда „желѣзнаго канцлера", безъ сомнѣнія, осталась бы болѣе цѣльною и внушительною, еслибы она не затемнялась образомъ угрюмаго старца, болѣзненно боровшагося за власть.

Въ мемуарахъ Гогенлоэ встрѣчается множество поучительныхъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденій и безпритязательныхъ замѣтокъ, относящихся къ правительствамъ и дворамъ разныхъ европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи. Приведемъ здѣсь только одно сообщеніе, помѣченное 20-мъ мая 1881 года. „Кронпринцесса много говорила о Россіи, и затѣмъ также кронпринцъ. Оба они въ отчаяніи отъ положенія русскихъ дѣлъ, и кронпринцесса вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе, что только конституціонная система можетъ помочь въ данномъ случаѣ. Правда, имперскій канцлеръ опасается, что законодательное собраніе заставитъ императора назначить хорошихъ ораторовъ министрами, но я этого не сказалъ кронпринцессѣ. Кронпринцъ очень доволенъ дружескимъ отношеніемъ къ нему русскаго императора... Императоръ высказался противъ конституціи" [1]).

---

[1]) Приведенныя цитаты изъ записокъ князя Гогенлоэ заимствованы нами изъ нѣмецкихъ газетъ, помѣстившихъ пространныя изъ нихъ извлеченія; самые мемуары еще не получены въ Петербургѣ, а первое изданіе, по слухамъ, уже разошлось, второе же появится вѣроятно въ неполномъ видѣ, съ значительными пропусками и урѣзками, въ виду многочисленныхъ протестовъ.

Почти столько же шуму, какъ мемуары Гогенлоэ, надѣлала въ Пруссіи и Германіи комическая исторія захвата ратуши въ мѣстечкѣ Кепеникъ близъ Берлина небольшимъ военнымъ отрядомъ подъ предводительствомъ какого-то таинственнаго капитана. Мирные обыватели мѣстечка были взволнованы необычайнымъ событіемъ: явилась вооруженная сила, заняла всѣ входы и выходы въ зданіи ратуши, арестовала бургомистра и бухгалтера, забрала кассу въ суммѣ четырехъ тысячъ марокъ и отправила арестованныхъ въ Берлинъ на гауптвахту; все это было исполнено по особому словесному предписанію высшаго начальства, на которое формально ссылался офицеръ привилегированнаго прусскаго полка, командовавшій экспедиціею. Солдаты возвращались съ караула, когда встрѣтившійся капитанъ остановилъ ихъ и велѣлъ слѣдовать за нимъ для исполненія служебнаго порученія; по дорогѣ присоединилась еще, по распоряженію того же капитана, вторая группа солдатъ, и всѣ они направлены были по желѣзной дорогѣ къ Кепенику. Капитанъ былъ довольно пожилой и очень серьезный; въ костюмѣ замѣчались нѣкоторые недочеты; фуражка не соотвѣтствовала формѣ, и даже кокарда была поставлена навыворотъ, но это объяснялось, быть можетъ, его почтеннымъ возрастомъ; зато онъ командовалъ рѣзкимъ и властнымъ тономъ, который вызывалъ безусловное повиновеніе. Прибывъ на мѣсто съ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одиннадцати человѣкъ, капитанъ распоряжался спокойно и методично, безъ всякихъ колебаній, чисто по военному; для поддержанія порядка около ратуши онъ обратился за содѣйствіемъ къ мѣстному полиціймейстеру, который тотчасъ отдалъ въ его распоряженіе своего помощника. Капитанъ съ двумя гренадерами вошелъ въ комнату бургомистра, доктора Лангерганса, и объявилъ ему, что долженъ арестовать его по особому секретному повелѣнію; растерявшійся бургомистръ потребовалъ письменнаго приказа, но ему пригрозили употребленіемъ силы, и онъ, для доказательства своего права на болѣе вѣжливое обращеніе, сослался на свое званіе офицера запаса, забывъ уже о должности бургомистра; у него сразу какъ будто исчезли изъ головы обычныя понятія о гражданскихъ правахъ всякаго вообще обывателя и о законныхъ условіяхъ ареста; онъ скромно покорился авторитету военныхъ мундировъ и только про себя раздумывалъ о загадочныхъ мотивахъ принятой мѣры. Капитанъ перешелъ въ помѣщеніе бухгалтера, заявилъ ему также объ арестѣ и потребовалъ передачи всей наличности подъ росписку, что̀ и было безпрекословно исполнено; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ конфисковалъ вновь полученную почту, вскрывалъ письма и пакеты, распорядился закрыть телефонное сообщеніе съ городомъ, приготовилъ карету для арестованныхъ и далъ инструкцію конвойнымъ, куда ихъ везти; на прощаніе онъ выдалъ солдатамъ

по одной маркѣ на человѣка и уѣхалъ. Солдаты были очень довольны своимъ кратковременнымъ начальникомъ; они съ спокойной совѣстью отправились въ свои казармы и сообщили о служебной причинѣ опозданія; но когда явились тѣ изъ нихъ, которые сопровождали арестантовъ, то истинный смыслъ всего этого приключенія раскрылся съ полною очевидностью. Доставленные на гауптвахту узники возбудили всеобщій веселый смѣхъ и должны были сами смѣяться надъ собою; подвигъ предпріимчиваго „кепеникскаго капитана" надолго занялъ собою воображеніе публики и въ теченіе цѣлой недѣли служилъ матеріаломъ для газетнаго остроумія, для назидательныхъ разсужденій и тонкихъ полицейскихъ догадокъ. Судя по цѣлесообразной и твердой распорядительности мнимаго офицера, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣетъ военный опытъ и состоялъ дѣйствительно на военной службѣ; нѣкоторые доказывали даже, что онъ обнаружилъ весьма цѣнныя качества военнаго человѣка—находчивость, предусмотрительность и способность внушать слѣпое довѣріе подчиненнымъ. Прошло десять дней, и загадочный герой попался въ руки берлинской полиціи, которая вообще не имѣетъ привычки довольствоваться составленіемъ протокола и оффиціальнымъ удостовѣреніемъ, что „преступникъ скрылся".

Кто же оказался этимъ ловкимъ мошенникомъ, съумѣвшимъ такъ удачно сыграть роль толковаго и авторитетнаго прусскаго офицера? Къ ужасу нѣмецкаго офицерства и къ общему смущенію благонамѣренной нѣмецкой публики, этотъ искусный поддѣльный капитанъ привилегированнаго прусскаго полка былъ... простымъ сапожникомъ по рожденію и ремеслу, и въ то же время зауряднымъ мазурикомъ, осужденнымъ пять разъ за кражи и подлоги и просидѣвшимъ значительнѣйшую часть своей жизни — цѣлыхъ 27 лѣтъ — въ тюрьмѣ и смирительномъ домѣ. И такого субъекта съ грубою и безсмысленною физіономіею, не умѣющаго ни вести себя прилично, ни говорить интеллигентнымъ языкомъ, всѣ принимали за властное лицо только потому, что на немъ былъ офицерскій сюртукъ! Трудно придумать болѣе яркую иллюстрацію того зловреднаго и опаснаго извращенія, до котораго доводитъ людей слѣпая военная дисциплина, въ связи съ одностороннимъ культомъ военнаго мундира. Если простой сапожникъ, прошедшій многолѣтнюю тюремную школу, могъ заставить повиноваться себѣ вооруженную силу и направить эту силу куда угодно и для какой угодно цѣли, при помощи одного только взятаго на прокатъ чудодѣйственнаго офицерскаго мундира,—то чего не въ состояніи сдѣлать интеллигентный и смѣлый человѣкъ въ генеральской формѣ? Очевидно, военная дисциплина не должна исключать права и обязанности подчиненныхъ, въ случаѣ сомнѣнія, провѣрять полномочія распоряжаю-

щихся лицъ и входить въ оцѣнку законности дѣлаемыхъ ими распоряженій; иначе судьба Кепеника можетъ угрожать всему государству. Духъ слѣпого повиновенія и пассивное рабство народныхъ массъ превращаютъ армію въ мертвый механизмъ, могущій съ одинаковымъ успѣхомъ служить и добру и злу, и защитѣ права, и преступному его упраздненію; оттого забавная кепеникская исторія представляетъ собою весьма поучительный наглядный урокъ, изъ котораго можно и слѣдуетъ извлечь пользу не для одной только Пруссіи.

Перемѣна министерства во Франціи произошла по случайнымъ личнымъ причинамъ, независимо отъ какихъ-либо политическихъ обстоятельствъ. Глава кабинета, Саррьенъ, давно уже добивается отставки по слабости здоровья; онъ временно принялъ власть въ мартѣ текущаго года, во имя концентраціи республиканскихъ группъ, и предполагалъ удалиться отъ дѣлъ тотчасъ послѣ майскихъ парламентскихъ выборовъ, чтобы подвергнуться основательному леченію; но вслѣдствіе настояній президента Фалліера онъ отложилъ свою отставку до осени, и затѣмъ окончательно покинулъ министерство около 20-го октября (н. ст.). По установившемуся обычаю, вмѣстѣ съ отставкой предсѣдателя совѣта министровъ, вернули свои портфели всѣ члены кабинета, и президентъ республики, какъ и слѣдовало ожидать, поручилъ образованіе новаго министерства самому выдающемуся изъ министровъ, министру внутреннихъ дѣлъ Клемансò. Такъ какъ кабинетъ Саррьена пользовался общимъ довѣріемъ республиканцевъ и располагалъ значительнымъ большинствомъ въ парламентѣ, то въ сущности можно было ограничиться только частичнымъ обновленіемъ министерскаго персонала; но нѣкоторые изъ наиболѣе даровитыхъ членовъ кабинета, какъ Леонъ Буржуа и Пуанкарѐ, рѣшительно уклонились отъ участія въ новой министерской комбинаціи, такъ что Клемансò вынужденъ былъ замѣнить ихъ другими лицами. По обыкновенію, многіе дѣятели и депутаты, къ которымъ обращался Клемансò, упорно отказывались отъ чести быть министрами; подобные отказы, мотивируемые разными политическими соображеніями, составляютъ, какъ извѣстно, особенность конституціонныхъ странъ, въ отличіе отъ государствъ стараго придворно-бюрократическаго режима, гдѣ не принято отказываться отъ предлагаемыхъ выгодныхъ должностей и гдѣ министры съ удивительною цѣпкостью держатся за свои мѣста въ теченіе многихъ лѣтъ, хотя бы въ явный ущербъ интересамъ страны.

Кабинетъ Клемансò окончательно сформировался 26-го октября; самый интересный изъ новыхъ министровъ—несомнѣнно генералъ Пикаръ, герой и жертва знаменитаго процесса Дрейфуса, только недавно

возстановленный въ своихъ служебныхъ правахъ и повышенный въ дивизіонные генералы. Сдѣлать Пикара военнымъ министромъ, главою французской арміи, послѣ многолѣтнихъ несправедливыхъ гоненій и преслѣдованій, выпавшихъ на его долю,—мысль чрезвычайно смѣлая и остроумная, достойная Клемансо. Другая новая и оригинальная мысль, получившая теперь свое осуществленіе,—это созданіе новой должности „министра труда и соціальной предусмотрительности", съ назначеніемъ на этотъ постъ молодого, талантливаго оратора-соціалиста, депутата Вивіани.

Вѣнскій кабинетъ играетъ еще довольно крупную роль въ общей международной политикѣ Европы, но на Балканскомъ полуостровѣ онъ рѣшительно занимаетъ господствующее положеніе, которымъ пользуется съ неизмѣннымъ искусствомъ для реальной пользы Австро-Венгріи, безъ ущерба для прочнаго мира и дружбы съ другими державами и особенно съ Россіею. Русская дипломатія давно уже отреклась отъ своихъ историческихъ правъ и интересовъ на ближнемъ Востокѣ, предоставивъ тамъ первенство болѣе настойчивому и систематическому австрійскому вліянію. Заслуга этихъ мирныхъ австрійскихъ успѣховъ на Балканахъ принадлежитъ главнымъ образомъ австро-венгерскимъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ, олицетворяющимъ собою такъ называемый вѣнскій кабинетъ. Когда говорятъ о вѣнскомъ кабинетѣ, то при этомъ прежде всего имѣютъ въ виду австро-венгерское министерство иностранныхъ дѣлъ или даже только главу этого министерства; такимъ оффиціальнымъ главою и руководителемъ австрійской дипломатіи былъ съ мая 1895 года графъ Агеноръ Голуховскій, который въ послѣднее время возбудилъ противъ себя неудовольствіе венгерскаго парламента и правительства и долженъ былъ вслѣдствіе этого выйти въ отставку (21 октября н. ст.). Съ его именемъ связано извѣстное соглашеніе съ Россіею, состоявшееся въ охотничьемъ замкѣ Мюрцштегѣ въ Штиріи, въ бытность тамъ императора Александра III, въ октябрѣ 1893 года; этимъ соглашеніемъ опредѣлялась совмѣстная дѣятельность обѣихъ державъ для умиротворенія христіанскихъ областей Турціи, причемъ выработана была особая, крайне скромная программа мѣстныхъ реформъ и международнаго контроля для Македоніи. Эта политика робкихъ дипломатическихъ полумѣръ имѣла, однако, до сихъ поръ очень мало практическаго успѣха. Преемникомъ графа Голуховскаго и продолжателемъ той же политики назначенъ баронъ Эренталь, проведшій многіе годы своей дипломатической службы въ Петербургѣ и занимавшій здѣсь съ 1899 г. постъ австро-венгерскаго посланника.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Marcel Prevost. Monsieur et Madame Moloch. Paris, 1906 (Alph. Lemerre, éditeur).

Въ національной жизни Франціи есть вопросъ, не теряющій интереса и даже остроты, хотя онъ связанъ уже съ казалось бы отошедшимъ въ историческое прошлое событіемъ. Это—вопросъ объ утраченной Эльзасъ-Лотарингіи. Долго Франція жила мечтой о „реваншѣ". Теперь это прошло, и націоналистическіе идеалы не пользуются прежней популярностью. Но въ литературѣ событія франко-прусской войны и созданное ею болѣзненное отношеніе къ Германіи продолжаютъ сохранять прежнюю жизненность. Все еще не только политики, но и романисты устанавливаютъ каждый свое отношеніе, даютъ каждый свое объясненіе событіямъ національнаго пораженія, освѣщаютъ психологію участниковъ войны, судятъ виновныхъ, устанавливаютъ отношенія новыхъ поколѣній къ побѣдителямъ. Почти каждый изъ лучшихъ французскихъ романистовъ написалъ свой романъ на эту тему. Начиная съ „Débâcle" Зола, появился длинный рядъ романовъ изъ исторіи 1870 года. Новѣйшіе романисты уже не связаны личными переживаніями съ седанской трагедіей, но и у нихъ чувствуется страстно живое отношеніе къ ней. Романы братьевъ Маргеритъ посвящены исторіи самыхъ событій войны, психологіи пораженій, выясненію скрытыхъ общественныхъ причинъ, вызвавшихъ и опредѣлившихъ судьбу войны. Поль Аданъ тоже изучаетъ самую войну. Но другіе, какъ, напримѣръ, Ренэ Базенъ, изображаютъ слѣдующее поколѣніе французовъ, уже выросшихъ въ покоренной странѣ. Его цѣль показать, что если среди тѣхъ, которые переживали войну, многіе смирились, остались на старыхъ мѣстахъ подъ властью побѣдителя, то дѣти ихъ, не пережившія самыхъ ужасовъ войны, инстинктивно, стихійно тяготѣютъ къ утраченной родинѣ. Историческое прошлое становится, такимъ образомъ, источникомъ острыхъ національныхъ чувствъ у молодыхъ поколѣній.

Новымъ прибавленіемъ къ литературѣ на тему національныхъ чувствъ является интересный романъ Марселя Прево, „Monsieur et Madame Moloch". Онъ освѣщаетъ отношеніе современныхъ молодыхъ французовъ къ болѣзненному еще вопросу о захватѣ французской земли и связанное съ этимъ враждебное отношеніе къ Германіи.

Марсель Прево выступаетъ въ этомъ романѣ въ новой роли. Онъ извѣстенъ какъ авторъ модныхъ романовъ на эротическія темы, какъ психологъ современной парижанки, свѣтской женщины, жрицы комфорта и моды. А въ послѣднее время онъ перешелъ отъ изображенія женской порочности или холодной извращенности къ прославленію сильныхъ и свободныхъ женщинъ,—vierges fortes. Но всѣ эти произведенія сводятся къ однообразно узкой области свѣтской суеты. Въ изображеніи безконечныхъ варіацій женской психологіи Прево впадаетъ иногда въ безсодержательную пошлость.

„Monsieur et Madame Moloch"—въ иномъ родѣ, и по замыслу—оригинальная, серьезно продуманная вещь. Въ романѣ двѣ основныя темы, и обѣ разработаны съ большой вдумчивостью. Прево пытается дать характеристику нѣмецкаго національнаго духа, и эта характеристика, сдѣланная французомъ, во всякомъ случаѣ любопытна. Далѣе,—это, въ сущности, главная тема—Прево изображаетъ эволюцію національнаго чувства въ современныхъ молодыхъ французахъ, свободныхъ отъ шовинизма и, казалось бы, равнодушныхъ къ вопросу о захватѣ Эльзасъ-Лотарингіи нѣмцами. Они не пережили сами момента отчужденія родной земли, и для нихъ прошлое—историческій фактъ, не вызывающій острыхъ ощущеній до тѣхъ поръ, пока пребываніе въ Германіи не открываетъ имъ самимъ ихъ дѣйствительныхъ чувствъ. Такимъ образомъ, книга Прево—этюдъ національной психологіи, и тема ея, очевидно,—болѣе широкая, чѣмъ обычный анализъ женскихъ переживаній и любовныхъ экспериментовъ.

Прево изображаетъ нѣсколько разныхъ взглядовъ на вопросы національной розни и со стороны французовъ, и со стороны нѣмцевъ. Повѣствованіе ведется отъ имени молодого француза, дружественно расположеннаго къ Германіи; но дѣйствительный герой романа—нѣмецкій ученый профессоръ, врагъ культа силы, на которомъ зиждется нѣмецкая культура. При такой постановкѣ получаются своеобразныя психологическія комбинаціи и является даже иллюзія безпристрастія со стороны француза къ традиціонному національному врагу. Въ дѣйствительности этого безпристрастія нѣтъ, и авторъ нашелъ только довольно искусный пріемъ полемики: все накипѣвшее негодованіе противъ германской политики онъ вкладываетъ въ уста нѣмца, котораго изображаетъ духовнымъ титаномъ, а отъ лица молодого француза превозноситъ все, что̀ велико и привлекательно въ нѣмецкой культурной жизни, не будучи обиднымъ для французскаго самолюбія, т.-е. нравственную силу нѣмецкихъ писателей и философовъ, красоты старинныхъ германскихъ уголковъ, нѣмецкихъ лѣсовъ и т. д. Французъ и нѣмецъ въ романѣ перемѣнились ролями. Нѣмецъ возстаетъ противъ того, что̀ составляетъ силу нѣмецкой завоевательной политики,

а французъ восхваляетъ истинныя достоинства нѣмецкой націи. Но, размежевавъ такимъ образомъ оцѣнку добра и зла въ нѣмецкой жизни и устроивъ, такъ сказать, декорацію безпристрастнаго суда, Прево уже совершенно свободно выражаетъ свои сужденія о Германіи и даетъ въ романѣ полную характеристику нѣмецкаго національнаго духа,—конечно, съ точки зрѣнія француза. Есть страстность въ его судѣ, и въ этомъ скорѣе достоинство книги. Въ художественномъ произведеніи живой темпераментъ писателя гораздо цѣннѣе отвлеченной разсудочной истины. Въ романѣ француза, описывающаго и судящаго Германію, не слѣдуетъ, конечно, искать исторически вѣрныхъ сужденій о нѣмецкой національной жизни. Но если въ авторѣ чувствуется искренность, то романъ его будетъ, во всякомъ случаѣ, вѣрнымъ отраженіемъ чувствъ француза къ нѣмецкой дѣйствительности.

Это, дѣйствительно, мы находимъ въ „Monsieur et Madame Moloch". Французскій романъ изъ нѣмецкой жизни—довольно рѣдкое литературное явленіе; также и въ этомъ отношеніи книга Прево оригинальна. А такъ какъ главное въ ней—отношеніе француза къ тому, что̀ онъ видитъ и переживаетъ въ Германіи, то романъ становится тѣмъ болѣе національно-французскимъ. И выводъ, къ которому приходитъ авторъ, — характерно-національный, но онъ подходитъ къ нему такъ искусно, что получается нѣкоторая иллюзія безпристрастности.

Итакъ, „Monsieur et Madame Moloch"—повѣсть о далеко небезстрастныхъ, а напротивъ того, болѣзненно-сложныхъ впечатлѣніяхъ француза, изучающаго характерныя черты германской жизни. Конечно, писатель, дѣйствительно побѣдившій призракъ націонализма, писатель, подобный Анатолю Франсу, посмотрѣлъ бы съ бо̀льшей высоты на нѣмецкую культуру, не сталъ бы превозносить въ ней только то, что̀ не опасно для Франціи, и горячо возмущаться тѣмъ, что̀ составляетъ угрозу для Франціи. Мудраго безпристрастія нѣтъ въ романѣ Прево; онъ судитъ какъ французъ, національное чувство котораго укрѣпляется во время пребыванія въ странѣ врага. Но именно въ этихъ условіяхъ его чуткость обостряется и его описанія нѣмецкой дѣйствительности пріобрѣтаютъ страстность и сочность.

Фабула романа—не сложная; она составлена изъ происшествій, составляющихъ обычную пищу газетъ. Романъ нѣмецкой принцессы съ французскимъ учителемъ ея сына; анархическое покушеніе,—довольно, впрочемъ, безобиднаго свойства—вотъ, въ сущности, все, что̀ происходитъ въ повѣствованіи. Но это служитъ только рамками для изображенія національныхъ чертъ нѣмецкой политики и борющейся съ ней нѣмецкой духовной культуры. Въ нѣмецкой жизни автора романа интересуютъ не столько народныя массы, какъ правящія власти, т.-е. то, что̀ можетъ наиболѣе отразиться на судьбахъ Франціи. Въ „Monsieur

et Madame Moloch“ изображенъ дворъ маленькаго герцогства Ротбергъ, и принцъ Отто—самостоятельный правитель герцогства, явная каррикатура на главу нѣмецкой имперіи. Къ этому двору попадаетъ, въ качествѣ воспитателя наслѣднаго принца Макса, молодой французъ Дюберъ, отъ имени котораго ведется повѣствованіе. Отецъ Дюбера былъ богатый, но легкомысленный дѣлецъ и умеръ совершенно разоренный; его сыну пришлось прекратить беззаботное существованіе богатаго молодого буржуа, и онъ принужденъ искать заработка, чтобы содержать себя и молоденькую сестру-институтку. Луи Дюберъ попадаетъ въ Германію къ герцогскому двору—и очень доволенъ. У него нѣтъ никакихъ національныхъ предубѣжденій противъ Германіи; онъ привыкъ считать бывшія французскія провинціи нѣмецкими и не испытываетъ никакихъ непріятныхъ эмоцій въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Ему симпатиченъ его ученикъ, интересно наблюдать за окружающей жизнью и, главное, у него складываются дружескія, слегка романтичныя отношенія съ нѣсколько сентиментальной, красивой матерью его ученика, принцессой Эльзой. Дюберъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней на встрѣчу своей сестрѣ, четырнадцатилѣтней Гритѣ, которая пріѣзжаетъ къ нему гостить на каникулы. За время отсутствія, онъ получаетъ нѣжное письмо отъ принцессы и возвращается въ Ротбергъ вмѣстѣ съ Гритой, радостно возбужденный. Ему съ сестрой отводятся комнаты не въ герцогскомъ дворцѣ, гдѣ онъ жилъ, когда былъ одинъ, а въ одной изъ виллъ курорта по сосѣдству съ дворцомъ. Дюберъ успѣлъ уже въ теченіе первой зимы въ Ротбергѣ освоиться съ новой средой; онъ знаетъ хорошо и языкъ, и нравы, и можетъ съ нѣкоторой твердостью судить объ окружающемъ. Въ этихъ условіяхъ начинается для него новый періодъ жизни въ Ротбергѣ, и его юная сестрица, обладающая чисто-французскимъ живымъ умомъ и воспріимчивостью, тоже очень заинтересовывается нѣмецкой жизнью. Въ романѣ отмѣчено съ особой настойчивостью, что и старшій братъ, и молоденькая сестра пріѣзжаютъ въ Германію съ открытой душой, безъ чувства національной враждебности; дальнѣйшее ихъ отношеніе опредѣляется уже впечатлѣніями, полученными въ новой средѣ.

„Безпристрастная“ критика нѣмецкой жизни начинается въ романѣ съ легкаго вышучиванія мелкихъ недостатковъ. Тактичность и природный вкусъ четырнадцатилѣтней парижанки Гриты выдвигаются въ романѣ особенно ярко на фонѣ нѣмецкаго безвкусія и нѣмецкой безтактности. Уже на нѣмецкомъ вокзалѣ въ тюрингенскомъ городкѣ она покоряетъ всѣхъ своей граціей французской школьницы, и даже нѣмецкій носильщикъ сразу повинуется ея приказаніямъ, загипнотизированный превосходствомъ ея спокойной, властной граціи. Во время дальнѣйшаго долгаго путешествія въ коляскѣ вмѣстѣ съ представи-

телями мѣстнаго буржуазнаго общества, проявляется ея превосходство надъ тяжеловѣсностью ея нѣмецкихъ спутниковъ. Herr Граусъ, собственникъ виллы, гдѣ отведено помѣщеніе для брата и сестры, говоритъ по-французски съ комичнымъ педантизмомъ—первый недостатокъ; затѣмъ онъ не имѣетъ представленія о Парижѣ—второй признакъ некультурности. Онъ обѣщаетъ показать Гритѣ красоты своей родины съ наилучшей стороны—чтобы ей было о чемъ разсказывать своимъ подругамъ, „гуляя по парижскимъ бульварамъ": онъ не знаетъ, что парижскіе бульвары—не мѣсто прогулокъ для молоденькихъ барышенъ изъ общества. Затѣмъ, у него очень грубые вкусы:—онъ предполагаетъ, что живописность стараго германскаго городка должна показаться скучной молоденькой парижанкѣ, и обѣщаетъ ей, что новомодные дома въ Ротбергѣ гораздо болѣе удовлетворятъ ея требованіямъ. И каждый разъ Грита показываетъ свое превосходство, восторгаясь именно грустными романтичными видами природы и высказываясь противъ красотъ новой нѣмецкой архитектуры. Она обнаруживаетъ во всѣхъ сужденіяхъ латинское чувство художественной мѣры и такта,—нѣмцы во всемъ тяжелы и грубы. Это причина первыхъ столкновеній, первыхъ проявленій розни. Въ первомъ разговорѣ со своимъ сверстникомъ, молодымъ принцемъ Максомъ, Грита является представительницей болѣе утонченной духовной культуры. Мальчика воспитываетъ Hofmayor Марбахъ „на прусскій ладъ", какъ говоритъ Максъ, стѣсняясь дать болѣе точныя объясненія, т.-е. сказать, что майоръ его колотитъ, чтобы привить ему духъ прусской дисциплины. Максъ воспитанъ въ принципахъ узкаго аристократизма, а Грита сразу же объясняетъ ему, что благородство крови—предразсудокъ, уничтоженный французской революціей, а есть только различіе между хорошо и дурно воспитанными людьми. Она даетъ также молодому принцу урокъ хорошаго вкуса, объясняя различіе между пышностью и красотой. Въ разговоръ подростковъ вмѣшивается военный воспитатель принца, графъ Марбахъ, и дѣлаетъ суровый выговоръ дѣвочкѣ за то, что она проникла въ часть парка, закрытую для публики, и даже сорвала цвѣты противъ правилъ; она опять ведетъ себя съ необычайнымъ для дѣвочки—даже француженки—достоинствомъ и приводитъ майора въ смущеніе своимъ справедливымъ гнѣвомъ и тактомъ. Словомъ, сразу устанавливается различіе двухъ націй—и превосходство французской—въ вопросахъ внѣшнихъ формъ обхожденія. А затѣмъ критика распространяется на болѣе серьезныя стороны жизни.

Наблюдая за окружающимъ и обсуждая духовную жизнь Германіи, Дюберъ приходитъ къ убѣжденію, что есть двѣ Германіи—сѣверная, воплощенная въ Пруссіи и въ прусской политикѣ,—Германія грубой силы,—и затѣмъ южная Германіи мысли и поэзіи. Это дѣленіе

составляетъ сущность всѣхъ сужденій въ книгѣ Прево; оно позволяетъ автору выражать всѣ симпатіи мыслящей Германіи, и въ то же время дать волю національной ненависти къ побѣдителю, сильному своей военной организаціей. Дворъ принца Отто, вся сложная бюрократическая система въ маленькомъ герцогствѣ воплощаетъ культъ національной грубой силы, и чѣмъ больше Дюберъ сталкивается съ этимъ, тѣмъ острѣе въ немъ заговариваетъ національное чувство. Самонадѣянность принца Отто, его неделикатность, пренебреженіе ко всякой духовности все болѣе и болѣе раздражаютъ его,—и, къ сильному его разочарованію, та же мелкая властность сказывается и въ принцессѣ Эльзѣ. Ихъ нѣжность возрастаетъ; онъ увлекается поэтичностью и красотой принцессы и охотно поддается ея сентиментальнымъ капризамъ, совершаетъ съ нею уединенныя прогулки, является на тайныя свиданія въ павильонъ, построенный однимъ изъ предковъ герцога для французской танцовщицы.—Весь дворъ замѣчаетъ расположеніе принцессы къ молодому французу, и ему приходится выслушивать множество намековъ и колкостей со стороны завистливыхъ придворныхъ; но это въ порядкѣ вещей и не особенно смущаетъ его. Взаимное увлеченіе разростается, и принцесса первая говоритъ о томъ, что согласна тайкомъ уѣхать отъ мужа, оставить сына, который все равно отнятъ у нея строгостью военнаго воспитанія, и уѣхать съ своимъ молодымъ другомъ. Дюберъ, однако, смутно чувствуетъ, даже въ разгарѣ своего увлеченія, національныя черты въ принцессѣ — ея властность и надменность. Она всегда говоритъ тономъ повелительницы, „разрѣшаетъ“ ему выражать свои чувства и постоянно даетъ чувствовать разстояніе между владѣтельной особой и плебеемъ французомъ. Это его расхолаживаетъ, но онъ старается не обращать вниманія на всѣ эти черты, искупаемыя искренностью и нѣжностью ея чувства. Смутно онъ чувствуетъ роковую національную рознь, которая должна разрушить ихъ любовь, но не сразу сознается въ этомъ самъ себѣ. Онъ старается объяснить слова и дѣйствія Эльзы понятіями ея среды, которая становится ему все болѣе и болѣе ненавистной.

У Дюбера есть союзникъ и даже скорѣе учитель въ дѣлѣ пониманія германскаго національнаго духа. Онъ самъ нѣмецъ, но врагъ основного принципа нѣмецкой жизни, культа грубой силы. Этотъ учитель—профессоръ Циммерманъ, философъ и ученый. Въ философіи онъ пламенный идеалистъ, провозглашающій превосходство идеи надъ матеріей. Онъ увѣренъ въ побѣдѣ идейности надъ грубымъ насиліемъ, нарушающимъ гармонію едино прекраснаго, равнаго во всѣхъ своихъ явленіяхъ міра. Онъ основалъ цѣлую школу молодежи, исповѣдующей монизмъ; у нихъ есть даже нѣкоторый культъ, объединяющій членовъ

кружка, и всѣ они преклоняются предъ своимъ учителемъ, профессоромъ Циммерманомъ изъ Іены. Циммерманъ—не только философъ, а также ученый, и занимается спеціально химіей и ученіемъ о взрывчатыхъ веществахъ. Въ жизни онъ отличается классической профессорской разсѣянностью и неприспособленностью къ обстоятельствамъ внѣшней жизни. Но у него есть ангелъ-хранитель въ лицѣ его жены, вся жизнь которой проходитъ въ заботахъ о мужѣ. Ихъ соединяютъ нѣжная, сохранившаяся до старости, любовь и вѣра жены въ ученіе мужа. Эта странная парочка — чудакъ профессоръ уродливъ какъ обезьяна, а его жена сохраняетъ и въ старости слѣды необычайной красоты—привлекаетъ вниманіе Гриты Дюберъ уже по дорогѣ въ Ротбергъ со станціи. Граусъ, сопровождающій Дюберовъ, говоритъ имъ, что это профессоръ Циммерманъ, знаменитый „динамологъ", т.-е. теоретикъ науки о взрывчатыхъ веществахъ. Это мудреное техническое слово Грита сразу передѣлываетъ въ болѣе удобное для нея слово „Молохъ", и старикъ ученый съ женой сохраняютъ въ романѣ прозвище: „Monsieur et Madame Moloch".

Ученость профессора Циммермана очень высоко цѣнится въ Германіи, но его утопическая философія, враждебная основному принципу нѣмецкой политики, безпокоитъ правительство. Пока онъ ограничивается проповѣдью своихъ утопій въ кругу учениковъ, его не трогаютъ. „Это человѣкъ, живущій химерами", объясняетъ Граусъ Дюберу и его сестрѣ, разсказывая имъ про профессора; „онъ не знаетъ практической жизни, но это для Германіи не опасно: пусть философы полны химеръ, — есть правительство и солдаты, и они сумѣютъ защитить дѣйствительную жизнь отъ философскихъ бредней".

Въ видахъ этой „защиты отъ философскихъ бредней" профессору Циммерману приходится терпѣть гоненія. Онъ врагъ милитаризма — въ этомъ его главное преступленіе. Онъ участвовалъ въ французской кампаніи, былъ раненъ, но вмѣсто того, чтобы укрѣпиться въ военно-патріотическихъ чувствахъ, сдѣлался послѣ войны убѣжденнымъ противникомъ торжества силы надъ духомъ. Онъ считаетъ войну величайшимъ позоромъ, вѣритъ только въ побѣду духа, возмущается мечтами имперіалистовъ и пангерманистовъ и проповѣдуетъ духовное единеніе народа въ общей культурной борьбѣ на пути къ новымъ завоеваніямъ въ области духа и мысли. Monsieur Moloch—воплощеніе благородной мыслящей Германіи, и его устами авторъ резюмируетъ свое отношеніе къ нѣмцамъ. Профессоръ разговариваетъ ночью на террасѣ со своей женой, глядя вдаль, на разстилающуюся предъ ними равнину, гдѣ все прекрасно, кромѣ уродливаго герцогскаго замка, напоминающаго не то казармы, не то госпиталь: „Погляди на эту долину, Цицилія", говоритъ онъ: „она—яркій символъ современной

Германіи. Уланъ воздвигнулъ въ ней съ гордостью свое жилище. Онъ представляетъ собой прусскую Германію, Германію грубой силы. Но когда имя принца Отто падетъ въ бездну забвенія, вмѣстѣ съ столь же темными именами его предковъ, мое имя останется на устахъ людей, потому что его имя означаетъ силу, а мое означаетъ мысль. Да, есть двѣ Германіи. Пусть филистеры восхваляютъ торжество нѣмецкой силы,—я вѣрю только въ торжество нѣмецкой мысли. Германія мечтаній, поэзіи, испытующей мысли, истинно святая Германія, я остаюсь твоимъ рыцаремъ!"

Въ центрѣ романа изображено торжество, которое даетъ исходъ всѣмъ противорѣчивымъ элементамъ, собравшимся въ маленькой нѣмецкой резиденціи. Это торжество—празднованіе седанской годовщины въ день 2-го сентября. Всѣмъ въ этотъ день представляется случай проявить свои чувства. Во-первыхъ, это праздникъ для толпы, т.-е. для тѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ, которыхъ авторъ клеймитъ, какъ представителей грубаго насилія. Патріотическое торжество совершается съ мелкой заносчивостью и грубымъ самодовольствомъ. Пока городъ только радостно возбужденъ, этотъ естественный подъемъ патріотическихъ чувствъ ничуть не задѣваетъ молодого француза. Онъ внутренно провѣряетъ свои чувства, и находитъ, что въ сущности не сознаетъ въ душѣ отвѣтственности за ошибки французскихъ вождей и ихъ пораженія, что личныя чувства его не связаны съ минувшей національной катастрофой и нѣмецкій національный праздникъ не долженъ вызывать въ немъ болѣзненныхъ настроеній. Но въ теченіе дня онъ видитъ такъ много неделикатности и грубости, что чувства его мѣняются. Праздникъ годовщины Седана знаменуется въ Ротбергѣ открытіемъ статуи Бисмарку, и по этому поводу происходитъ оффиціальное торжество съ рѣчами. Противникъ нѣмецкаго милитаризма, профессоръ Циммерманъ, назначаетъ на этотъ день публичную лекцію „о седанской годовщинѣ", но ему ее запрещаютъ. Убѣжденія профессора извѣстны, и его рѣчи противъ войны и насилія считаются слишкомъ опасными. Дюберъ слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ. Съ утра онъ еще философски спокоенъ, но, видя толпы празднично разряженныхъ ветерановъ войны, направляющихся на празднество, онъ уже съ грустью думаетъ: „О, французскіе ветераны, не слѣдовало уступать врагу!" За рѣчами при открытіи памятника Дюберъ слѣдитъ изъ дворцоваго павильона, гдѣ принцесса Эльза назначила ему свиданіе. Тутъ впервые Дюберъ обмѣнивается словами любви и поцѣлуями со своей подругой, и они рѣшаютъ уѣхать и принадлежать другъ другу. Но именно тутъ онъ чувствуетъ все сильнѣе наростающее враждебное настроеніе; его поражаетъ неделикатность, съ которой

принцесса говоритъ объ удачномъ патріотическомъ праздникѣ, не считаясь съ чувствами молодого француза.

Празднество кончается неожиданной катастрофой. Нѣмцы произносятъ длинныя рѣчи, восхваляя силу нѣмецкаго оружія, превосходство твердой воли вождей и стойкости всего народа. Рѣчь одного изъ ораторовъ принимаетъ рѣзко-полемическій характеръ и направлена противъ врага родины, который въ такой радостный для національной гордости день выступаетъ противъ нѣмецкаго торжества. Онъ намекаетъ на запрещенную лекцію Циммермана и клеймитъ его за нарушеніе патріотическаго долга. Но неожиданно вслѣдъ за нимъ вскакиваетъ на трибуну неизвѣстно откуда появившійся Циммерманъ и произноситъ громовую рѣчь противъ войны. Онъ кричитъ во всеуслышаніе, что единственный врагъ отечества — Бисмаркъ, передъ статуей котораго происходитъ торжество. Единеніе Германіи, говоритъ онъ, произошло бы на пути духовныхъ завоеваній, а Бисмаркъ утопилъ родину въ крови, основывалъ побѣды на лжи и жестокости. Но побѣда силы—мнимая; ее уничтожитъ побѣда духа. Циммермана хотятъ схватить, гофъ-майоръ Марбахъ готовъ броситься на него; но Циммерманъ обращаетъ свои обличенія прямо противъ него, называетъ его однимъ изъ лже-Бисмарковъ, продолжающихъ губить Германію, и совѣтуетъ беречься его. Онъ смѣется надъ угрозами Марбаха и кричитъ: „Помни мое предсказаніе: ты хотѣлъ убить Идею— но Идея тебя убьетъ!“

Съ этими словами онъ сходитъ съ трибуны и направляется къ выходу черезъ мѣсто, огороженное для помѣщенія въ немъ придворныхъ экипажей. Спустя нѣсколько времени, когда всѣ садятся въ экипажи, чтобы уѣхать, въ каретѣ графа Марбаха происходитъ взрывъ. Поднимается страшная суматоха; сначала думаютъ, что графъ убитъ. Но когда его переносятъ въ павильонъ, — откуда Дюберъ едва успѣваетъ во-время уйти,—то оказывается, что онъ только въ обморокѣ и совершенно невредимъ. Взрывъ былъ невинный, произведенный очевидно только съ цѣлью напугать. Но все-таки Молоха считаютъ виновникомъ и сажаютъ въ тюрьму. Принцъ Отто, любитель сенсаціонныхъ событій и словъ, самъ раздуваетъ эту исторію, телеграфируя во всѣ концы міра объ анархическомъ покушеніи; и потомъ онъ самъ не радъ своей поспѣшности, такъ какъ она навлекаетъ на него нежелательную защиту Пруссіи. Ему присылаютъ въ большомъ количествѣ прусскія войска. Циммерманъ ведетъ себя достойно въ тюрьмѣ; онъ спокойно заявляетъ о своей непричастности къ взрыву, но увѣренъ, что его все-таки осудятъ. Въ послѣднюю минуту, когда уже дѣло отъ слѣдователя перешло въ судъ, въ тюрьму является принцъ Максъ и, рыдая отъ отчаянія, объясняетъ, что онъ—виновникъ злой шутки надъ графомъ, котораго ненавидитъ за его жестокія педаго-

гическія мѣры. Все разъясняется, и принцу Отто съ трудомъ удается потушить вызванный имъ же скандалъ.

Дюберъ выноситъ изъ всѣхъ этихъ впечатлѣній окончательное убѣжденіе, что нѣмцы—дѣйствительно враги Франціи, и въ немъ самомъ крѣпнетъ національное сознаніе. Это окончательно выясняется въ его отношеніяхъ къ принцессѣ Эльзѣ. Она готова бросить мужа и открыто приблизить къ себѣ молодого француза,—не измѣняя, однако, удобствъ жизни, такъ какъ у нея большое личное состояніе. Но когда онъ не соглашается и требуетъ, чтобы она отказалась отъ всѣхъ родовыхъ привилегій и стала его женой, она не можетъ даже скрыть своего возмущенія передъ дерзостью плебея. Любовь свою она ему дала, но равнымъ признать его не можетъ. Это окончательно убѣждаетъ его порвать; внутренно онъ уже и до того понялъ, что въ ней слишкомъ сильны національныя нѣмецкія черты, и что никакой истинной близости между ними не можетъ быть. Онъ разъясняетъ все это ей въ прощальномъ письмѣ, которое посылаетъ ей, вмѣсто того чтобы ѣхать самому на условленное мѣсто свиданія. Послѣ того онъ уѣзжаетъ съ сестрой обратно въ Парижъ. Дѣвушка рада, такъ какъ и она тоже испытала много разочарованій въ дѣтской любви, установившейся между ней и Максомъ и разрушенной его грубостью. Дюберъ уѣзжаетъ изъ Германіи въ другихъ настроеніяхъ, нежели пріѣхалъ,—съ прежними симпатіями къ духовной Германіи, но съ ясно сознанной враждебностью къ политическому врагу.

Говорить о безпристрастномъ изображеніи Германіи въ романѣ Прево, конечно, нельзя. Походъ французскаго романиста противъ культа силы объясняется только тѣмъ, что сила эта—въ рукахъ врага. Вся современная культура исходитъ изъ того же принципа, изъ тѣхъ же позитивныхъ началъ, какъ и нѣмецкая завоевательная политика. Рыцарямъ духа, которые есть вездѣ, въ Германіи, какъ и во Франціи и въ другихъ странахъ, побѣды грубой силы дѣйствительно кажутся призрачными. Но нѣтъ среди современныхъ европейскихъ націй народовъ, которые были бы всецѣло жрецами идеи. Франція также стремится осуществить позитивные идеалы, достичь матеріальныхъ благъ путемъ силы и захвата, и въ этомъ смыслѣ ни одна нація не можетъ быть судьей другой. Въ борьбѣ съ Германіей Франція также стремилась къ побѣдѣ, какъ и Германія. Ея пораженіе—не результатъ идеальныхъ стремленій духа, а только недостаточности силъ сравнительно съ нѣмецкими. Разочарованіе молодого француза поэтому очень искусственно пристегнуто къ идеализму и характерно только для пристрастности всякихъ націоналистическихъ сужденій. Но въ замыслѣ книги интересно другое—самое раздѣленіе всякой національной жизни на два противоположныхъ теченія. Этимъ жизнь націи сводится къ

основнымъ началамъ всего живого, къ кажущемуся противорѣчію и внутреннему взаимодѣйствію начала духа и начала плоти...—З. В.

II.

Eugène Pierre. Traité de droit politique, électoral et parlementaire. Supplément. Paris, 1906 („Bibliothèque parlementaire").

Книга Эжена Пьера появилась какъ нельзя болѣе кстати для насъ, въ моментъ зарождающейся и у насъ парламентской жизни. Сочиненіе Пьера сыграло уже немаловажную роль въ исторіи нашей Государственной Думы: являясь наиболѣе полнымъ изо всѣхъ существующихъ руководствъ по парламентскому праву, оно было широко использовано президіумомъ Думы при установленіи началъ и пріемовъ нашей парламентской практики. Многія изъ указаній, которыя дѣлались на засѣданіяхъ Государственной Думы по вопросамъ парламентской процедуры, были внушены книгой Пьера. Кромѣ того, для ознакомленія членовъ Думы съ этой процедурой сдѣланы были, по иниціативѣ президіума, извлеченія изъ руководства Пьера: первое изъ нихъ, розданное членамъ Думы на засѣданіи 29-го мая, касалось провѣрки полномочій депутатовъ, второе—о функціяхъ бюро и о парламентской дисциплинѣ — было роздано въ концѣ іюня. Предполагалось продолжать и дальше изданіе такихъ извлеченій по наиболѣе важнымъ вопросамъ парламентской практики, но преждевременный роспускъ Думы не далъ возможности осуществить это намѣреніе. Авторитетъ, пріобрѣтенный книгой Пьера въ нашей первой Государственной Думѣ, заставляетъ обратить особое вниманіе на появившееся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ добавленіе къ ней, которое, несомнѣнно, послужитъ цѣннымъ руководствомъ при выработкѣ еще далеко не установившихся пріемовъ русской парламентской дѣятельности. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ свое добавленіе авторъ уже внесъ свѣдѣнія о русской Государственной Думѣ по положенію 6-го августа.

Сочиненіе Э. Пьера вышло первымъ изданіемъ въ 1893 г.; второе изданіе его, значительно дополненное, появилось въ 1902 г.; наконецъ, въ нынѣшнемъ году обнародованъ упомянутый выше „Supplément" ко второму изданію. „Supplément" составляетъ непосредственное продолженіе послѣдняго; онъ группируетъ новыя данныя парламентскаго права и практики по тѣмъ же рубрикамъ, на какія подраздѣлено второе изданіе, причемъ нумерація параграфовъ сохранена и въ добавленіи, такъ что обѣ книги представляютъ собой одно цѣлое и изученіе ихъ должно вестись одновременно, чему и способствуетъ указанная выше система дѣленія ихъ на однѣ и тѣ же главы

съ одинаковой нумераціей статей. Изданіе 1902 г. представляетъ собой толстый томъ въ 1.400 страницъ слишкомъ; добавленіе обнимаетъ 550 страницъ. На этихъ двухъ тысячахъ страницъ зарегистрованы по соотвѣтствующимъ отдѣламъ всѣ до мельчайшихъ случаи въ исторіи французской палаты и сената, имѣющіе отношеніе къ началамъ и пріемамъ осуществленія народнаго представительства. Авторъ болѣе чѣмъ кто-либо вправѣ говорить объ этой исторіи: слишкомъ тридцать лѣтъ онъ служитъ въ канцеляріи палаты депутатовъ и въ настоящее время занимаетъ въ ней отвѣтственный постъ главнаго секретаря президентства палаты (secrétaire général de la présidence de la Chambre des Députés); какъ это видно изъ предисловія къ первому изданію его книги, онъ присутствовалъ съ начала до конца на всѣхъ засѣданіяхъ палаты въ теченіе почти двадцати-пяти лѣтъ. Этотъ практическій опытъ и продолжительное наблюденіе дали Э. Пьеру возможность изучить до тонкости все относящееся къ принципамъ и техникѣ парламентаризма, и плодомъ этого опыта явилось его капитальное сочиненіе, которое онъ справедливо называетъ „un livre vécu". Но въ характеристикѣ отдѣльныхъ сторонъ парламентскаго строя онъ не ограничивается одною практикой французскаго парламента третьей республики: хотя главное содержаніе его книги сосредоточено на исторіи палаты депутатовъ послѣ парламентской реформы 1875 г., тѣмъ не менѣе каждую главу онъ начинаетъ изложеніемъ исторіи даннаго вопроса со времени великой революціи и той постановки его, какую онъ послѣдовательно получалъ при различныхъ режимахъ, смѣнившихся во Франціи послѣ конституціи 1791 г.; кромѣ того, по каждому вопросу авторъ приводитъ параллельные случаи въ конституціяхъ и парламентской процедурѣ всѣхъ другихъ державъ, имѣющихъ представительное правленіе. Эта система, строго выдержанная во всѣхъ отдѣлахъ его трактата и добавленія къ нему, сообщаетъ его труду особое значеніе, ибо даетъ наглядное понятіе о порядкахъ всѣхъ конституціонныхъ государствъ по всѣмъ, даже самымъ мелкимъ, вопросамъ парламентскаго права и о ходѣ ихъ историческаго развитія на французской почвѣ. Главнымъ источникомъ Э. Пьера въ этомъ отдѣлѣ его работы послужило извѣстное сочиненіе Дареста: „Les constitutions modernes". Что же касается до матеріаловъ, какими онъ пользовался для характеристики дѣйствующаго парламентскаго права Франціи, то тутъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать „Анналы", т.-е. стенографическіе отчеты палаты депутатовъ и сената съ ихъ приложеніями. Каждое положеніе конституціи или парламентскаго наказа иллюстрируется Э. Пьеромъ выдержками изъ „Анналовъ", въ тѣхъ случаяхъ, когда это положеніе было предметомъ обсужденія въ парламентѣ, такъ что сухая формула закона или правила получаетъ ося-

зательность и жизненность, и мотивировка ея становится ясной изъ возникшихъ по ея поводу преній. Кромѣ „Анналовъ", источниками для Э. Пьера послужили всѣ оффиціальные акты, обнародованные обѣими палатами, и наконецъ—личное наблюденіе автора за ходомъ парламентскихъ дебатовъ.

Все сочиненіе Э. Пьера,—какъ самый трактатъ, такъ и добавленіе къ нему,—подраздѣлено на семь частей. Первая, вступительная часть касается раздѣленія государственной власти между органами учредительной, законодательной и исполнительной властей; въ этомъ отдѣлѣ особое значеніе имѣетъ глава о правѣ законодательной иниціативы палатъ. Вторая часть посвящена избирательному праву и процедурѣ выборовъ членовъ парламента, а также—президента республики; здѣсь же авторъ разсматриваетъ вопросъ объ условіяхъ роспуска палатъ. Въ третьей части, озаглавленной: „организація палатъ", трактуется о тѣхъ первыхъ шагахъ въ дѣятельности всякаго представительнаго собранія, безъ которыхъ невозможно дальнѣйшее правильное его функціонированіе, а именно — провѣрка правильности выборовъ, организація бюро и выработка наказа; особая глава посвящена вопросу о парламентской дисциплинѣ и мѣрахъ къ ея охраненію. Изъ этой части и сдѣланы были тѣ извлеченія, которыя раздавались членамъ Государственной Думы въ ея первую сессію. Четвертая и пятая части книги Пьера разсматриваютъ вопросы о предѣлахъ законодательной и исполнительной властей и ихъ взаимоотношеніяхъ, причемъ каждой изъ функцій палатъ посвящена особая глава. Шестая часть касается процедуры парламентской работы, а седьмая—прерогативъ палатъ, т.-е. неприкосновенности членовъ ихъ, почестей, которыя имъ оказываются, и вознагражденія ихъ.—Нельзя сказать, чтобы книга Э. Пьера читалась легко: крайняя, доходящая до педантизма, детальность въ разработкѣ мельчайшихъ сторонъ въ техникѣ парламентаризма и однообразіе системы изложенія затрудняютъ ея чтеніе, такъ что получается впечатлѣніе, что читаешь сухой сборникъ законовъ и правилъ, который разнообразитъ только мотивировка, приводимая авторомъ послѣ каждаго выставленнаго имъ положенія. Но эти особенности книги неизбѣжны: авторъ задался цѣлью свести въ одно цѣлое и закрѣпить все разнообразіе дѣйствующаго парламентскаго права и обычая во Франціи; для ясности изложенія и точности выводовъ онъ не могъ придумать лучшей системы, которой онъ и пожертвовалъ красотою формы. Его книга, благодаря избранному имъ методу, является поэтому наиболѣе полнымъ и всестороннимъ кодексомъ парламентскаго права въ современномъ его развитіи. Черезъ весь трудъ Э. Пьер красною нитью проходитъ убѣжденіе автора въ томъ, что это развитіе далеко не закончилось; парламентаризмъ, въ той формѣ, какую

онъ принялъ во Франціи, есть созданіе новѣйшаго времени, и ростъ его не завершился; народное представительство продолжаетъ завоевывать съ каждымъ днемъ все большее мѣсто въ государственномъ организмѣ, и Э. Пьеръ предвидитъ тотъ моментъ, когда вся политика, внутренняя и внѣшняя, будетъ обсуждаться не въ тайнѣ кабинетовъ, а гласно и открыто въ парламентскихъ залахъ, когда для соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, какъ и для международныхъ антагонизмовъ, избирательная борьба будетъ единственной ареной ихъ столкновеній. Э. Пьеръ бодро вѣритъ въ это грядущее завоеваніе народнымъ представительствомъ почти всей государственной власти, а потому и трудъ свой считаетъ особенно полезнымъ въ настоящую минуту, когда еще не завершилось его полное развитіе. Нужно умѣть присматриваться къ росту парламентаризма, говоритъ онъ, если хочешь, чтобъ онъ способствовалъ національному прогрессу; въ прежнія времена написать проектъ общественнаго договора значило оказать громадную услугу скорѣйшему водворенію свободы; теперь же не меньшей заслугой является обнаруженіе тѣхъ пружинъ, которыя движутъ механизмомъ управленія; съ каждымъ днемъ должно входить въ міръ все больше справедливости и свободы, а для этого необходимо, чтобы съ каждымъ днемъ этотъ механизмъ работалъ съ большей правильностью и закономѣрностью. Выяснить условія, при которыхъ достигаются эта правильность и закономѣрность, и составляетъ задачу трактата Э. Пьера. Онъ не обольщаетъ себя мыслью, что эта цѣль уже достигнута; напротивъ того, онъ указываетъ разные недочеты въ современномъ функціонированіи французскаго парламента и рядъ мѣръ къ устраненію ихъ; но проникнутый глубокой вѣрой въ жизнеспособность Франціи и сознаніемъ ея культурной миссіи, онъ бодро глядитъ въ будущее, въ увѣренности, что на почвѣ Франціи расцвѣтетъ истинный демократизмъ подъ сѣнью законовъ, всѣми одинаково уважаемыхъ, и учрежденій, въ которыхъ должна найти свое выраженіе воля всей націи. Это бодрое настроеніе, проникающее все сочиненіе Э. Пьера, придаетъ ему особую цѣнность для насъ, помимо его значенія какъ кодекса парламентскаго права и обычая: въ минуту, когда Россія стоитъ на распутьи между двумя режимами и двумя сессіями Государственной Думы, когда старый строй грозитъ стереть еще слабые зачатки парламентаризма, идея котораго едва успѣла проникнуть въ сознаніе народныхъ массъ, исполненный вѣры въ будущее призывъ Э. Пьера къ укрѣпленію и развитію началъ парламентскаго строя, какъ соединяющаго въ себѣ наибольшую сумму справедливости съ наилучшей гарантіей національнаго благополучія, пробуждаетъ бодрящее чувство надежды на осуществимость и у насъ того идеала демократической конституціи, который сдѣлался лозунгомъ всѣхъ нашихъ

прогрессивныхъ партій: современная Франція по сравненію съ Франціей 1871-го года является примѣромъ того, чего можетъ достигнуть страна совокупными усиліями свободныхъ и равноправныхъ гражданъ, направленными къ усовершенствованію политическаго механизма и къ установленію наиболѣе прочныхъ гарантій свободы и порядка „посредствомъ осторожнаго приспособленія государственнаго зданія къ ежедневно нарождающимся потребностямъ“. — Кн. Н. Г.

ВОСПОМИНАНІЯ О В. Д. СПАСОВИЧѢ

Я зналъ В. Д. Спасовича почти полвѣка. Первая встрѣча моя съ нимъ относится къ 1860-му году. Я былъ въ то время помощникомъ редактора только-что основаннаго „Журнала Министерства Юстиціи", въ которомъ В. Д. помѣстилъ сначала статью о воровствѣ-кражѣ, потомъ — о преступленіяхъ противъ чести. Послѣдняя статья вызвала, почему-то, неудовольствіе въ высшихъ сферахъ. Пришлось оправдываться, писать объясненія; участіе въ ихъ составленіи принялъ В. Д., съ которымъ я по этому именно поводу и познакомился у редактора журнала, А. М. Троицкаго. Молодой профессоръ, незадолго передъ тѣмъ вступившій на каѳедру уголовнаго права, занималъ уже тогда выдающееся мѣсто въ богатомъ силами юридическомъ факультетѣ. Проницательный взглядъ В. Д., его подвижная фигура, оригинальная рѣчь—все сразу привлекало къ себѣ вниманіе. Въ разговорѣ, скоро перешедшемъ отъ собравшаго насъ дѣла къ болѣе общимъ темамъ, поражала чуткая отзывчивость его на всѣ вопросы дня. То же впечатлѣніе, но еще болѣе сильное, я выносилъ и изъ слѣдующихъ встрѣчъ съ Спасовичемъ (бо̀льшею частью у Д. В. Стасова, гдѣ собирался тогда кружокъ молодыхъ юристовъ, готовившихся къ судебной реформѣ и мечтавшихъ объ адвокатурѣ). Помню въ особенности его живой, о̀бразный разсказъ о первыхъ волненіяхъ въ Варшавѣ, откуда онъ пріѣхалъ осенью 1861-го года. Въ слѣдующемъ, 1862-мъ году, уже послѣ выхода Спасовича изъ университета, онъ предложилъ мнѣ принять участіе, вмѣстѣ съ нимъ, В. П. Гаевскимъ и Д. В. Стасовымъ, въ защитѣ тверскихъ мировыхъ посредниковъ, преданныхъ суду Сената за рѣзкое заявленіе объ условіяхъ, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ крестьянской реформы. Единственною возможной тогда формой защиты было такъ называемое рукоприкладство — письменное изложеніе основаній, говорящихъ въ пользу подсудимыхъ. Помню, что наше совѣщаніе по этому дѣлу происходило въ тотъ день, когда вспыхнулъ самый большой изъ тогдашнихъ страшныхъ петербургскихъ пожаровъ. Для свиданія съ нашими кліентами въ Петропавловской крѣпости мы должны были получить разрѣшеніе отъ военнаго генералъ-губернатора, которое и было намъ дано кн. Суворовымъ; но самое свиданіе происходило въ присутствіи коменданта, жандармскаго офицера и плацъ-адъютанта. Подсудимые были признаны виновными и присуждены къ заключенію въ смирительномъ домѣ, но почти немедленно помилованы, безъ снятія, однако, наложенныхъ на нихъ

правоограниченій. Для В. Д., какъ и для его товарищей, это дѣло было первымъ опытомъ уголовной защиты.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я видѣлся съ В. Д. рѣдко, хотя не переставалъ слѣдить за его дѣятельностью. Весною 1866-го года мы стали участниками общаго дѣла, и съ тѣхъ поръ наши сношенія уже никогда не прерывались. На долю перваго с.-петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, въ составъ котораго входилъ и я, выпала честь принятія В. Д. въ среду новорожденной корпораціи. Въ августѣ того же года В. Д. сдѣлался членомъ юридическаго кружка, о которомъ я упомянулъ выше: мы постоянно встрѣчались и тамъ, и въ судѣ, а потомъ и въ Совѣтѣ, членомъ котораго В. Д. былъ выбранъ 30-го апрѣля 1867-го года. Какъ велика была популярность, пріобрѣтенная имъ въ короткое время—объ этомъ можно судить по числу полученныхъ имъ голосовъ: 41 изъ 51. Съ тѣхъ поръ онъ выходилъ изъ состава Совѣта только по очереди или по собственному желанію, для отдыха; много лѣтъ онъ состоялъ его предсѣдателемъ. Семь лѣтъ сряду я былъ свидѣтелемъ его неутомимой работы по организаціи присяжной адвокатуры, по разрѣшенію безчисленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ новымъ, непривычнымъ дѣломъ. Приходилось установлять основныя требованія, которыя Совѣтъ могъ и долженъ былъ предъявлять къ присяжнымъ повѣреннымъ и къ желающимъ получить это званіе; приходилось вырабатывать руководящія начала для корпоративнаго суда, одинаково далекія отъ излишняго формализма и отъ товарищескаго потворства; приходилось устраивать бытъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ судебные уставы дали только одно: имя. Надъ всѣми этими задачами В. Д. трудился съ глубокимъ пониманіемъ ихъ важности. Всегда справедливый, снисходительнымъ онъ былъ лишь настолько, насколько это позволяли интересы сословія и всего общества. „Мы изобрѣли и наложили на себя—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ чудесныхъ застольныхъ рѣчей—узы самой безпощадной дисциплины; мы не колеблясь жертвуемъ своими вкусами, своей свободой тому, что скажетъ громада—великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода—не людямъ, а началу, себя—себѣ же самому, съ громадской точки зрѣнія разсматриваемому... Намъ дорога та сила, которую даютъ крѣпкіе, суровые нравы“. Лучше нельзя формулировать ту точку зрѣнія, которой въ Совѣтѣ всегда держался Спасовичъ.

Защитникомъ на судѣ В. Д. выступилъ во второй или третій день первой въ Петербургѣ сессіи суда присяжныхъ. Дѣло было заурядное, но въ рѣчи В. Д. ярко выступали на видъ тѣ черты, которыя скоро обезпечили за нимъ громкую извѣстность. Упрочила его славу защита Гайдебурова, обвинявшагося въ непредставленіи книги Вундта: „Душа

человѣка и животныхъ" въ духовную цензуру. Я коснусь только тѣхъ рѣчей Спасовича, которыя я самъ слышалъ и которыя оставили во мнѣ самое яркое воспоминаніе. Въ январѣ 1869-го года въ Спб. окружномъ судѣ слушалось дѣло чиновника государственнаго банка Харкевича и содержателя мѣняльной лавки Лютикова; они обвинялись въ подлогѣ, совершенномъ съ корыстною цѣлью. Харкевича защищалъ я, Лютикова — Спасовичъ. До сихъ поръ я не могу забыть, какое онъ обнаружилъ знаніе банковой техники, до самыхъ тонкихъ ея деталей, насколько они играли роль въ данномъ дѣлѣ — и съ какою удивительною наглядностью воспроизвелъ ихъ въ своей защитительной рѣчи. Въ такомъ всеоружіи В. Д. являлся всегда, чего бы ему ни приходилось касаться. Его рѣчи полны интереснѣйшихъ экскурсій въ самыя различныя области: исторіи, богословія, психологіи, физіологіи, медицины, народныхъ и общественныхъ обычаевъ, государственнаго права. Никогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не предпринималъ такихъ экскурсій безъ надобности. Его цѣлью всегда было только всестороннее освѣщеніе вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію суда—все равно, относились ли они къ личности подсудимаго или къ событію преступленія. Особенно цѣннымъ этотъ способъ веденія защиты былъ въ тѣ тяжелыя времена, когда до крайности ограничена была свобода печати. Съ его помощью удавалось иногда приподнять на судѣ хоть край занавѣса, за которымъ творилось столько темныхъ дѣлъ. Благодаря широкой постановкѣ защиты, многія рѣчи В. Д. имѣли въ свое время общественное значеніе—и сохраняютъ до сихъ поръ историческую цѣнность.

Въ 1870-мъ году разбиралось громкое дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона. Спасовичъ защищалъ одну изъ обвиняемыхъ, Александру Авдѣеву или „Сашу большую"—семнадцатилѣтнюю дѣвушку, успѣвшую уже пройти всѣ ступени паденія. Картина ея жизни была написана рукою мастера. В. Д. ничего не скрывалъ, ничего не старался затушевать или изобразить въ мягкомъ свѣтѣ; но суровая правдивость его слова громче говорила въ пользу подсудимой, чѣмъ самыя трогательныя фразы. Потрясенный самъ, онъ произвелъ потрясающее дѣйствіе на слушателей. Уже тогда легко было предвидѣть, до какой высоты можетъ подняться Спасовичъ, если порывъ таившейся въ немъ страстности будетъ вызванъ глубокой, важной идеей—такой идеи, служеніе которой можетъ наполнить цѣлую жизнь. Соединеніемъ этихъ двухъ условій, достигнутымъ безъ всякой натяжки, безъ всякаго разсчета на эффектъ, обусловливается необыкновенная сила рѣчи, произнесенной Спасовичемъ (10-го іюля 1871-го года) въ защиту Кузнецова, одного изъ подсудимыхъ по такъ называемому „Нечаевскому" дѣлу. Говоря о ней нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ статьѣ объ этомъ про-

цессѣ, я назвалъ ее „непревзойденнымъ до тѣхъ поръ образцомъ русскаго ораторскаго искусства". Такимъ образцомъ, она остается въ моихъ глазахъ и теперь; мнѣ не приходилось слышать рѣчи, которая сильнѣе дѣйствовала бы на умъ, на воображеніе, на сердце. Кульминаціоннымъ ея пунктомъ была параллель между польскою и русскою молодежью, между заманчивостью воспоминаній, которыми располагаетъ первая, и непригляднoстью того, что̀ видитъ позади себя вторая. Послѣ столькихъ лѣтъ я точно слышу звукъ голоса Спасовича, говорящаго о „пурпурѣ, и златѣ", въ которыхъ возникаетъ передъ глазами молодого поляка прошлое его отчизны. Именно такимъ, я въ этомъ убѣжденъ, оно возставало въ ту минуту передъ умственнымъ взоромъ самого оратора, высоко поднимая его надъ настоящимъ и раздвигая стѣны суда до размѣровъ парламентской залы. И нужно замѣтить, что, при всемъ своемъ общемъ значеніи, параллель, проведенная Спасовичемъ, не только не выходила изъ рамокъ защиты, но наоборотъ, составляла существенную ея часть, бросая яркій свѣтъ на настроеніе Кузнецова и его товарищей. Въ характеристикѣ русской молодежи семидесятыхъ годовъ нетрудно найти черты, примѣнимыя и къ переживаемой нами эпохѣ... Никогда я не видѣлъ Спасовича такимъ взволнованнымъ, какъ по окончаніи рѣчи за Кузнецова. Руки его были холодны какъ ледъ, взглядъ направленъ куда-то вдаль; „міръ видѣній", имъ вызванныхъ, все еще держалъ его въ своей власти. Взволнованы были и его слушатели, и нелегко было слѣдовавшему за нимъ защитнику возвратиться въ обычную колею судебнаго процесса.

Во всю свою ширь дарованіе Спасовича могло развернуться только въ дѣлахъ уголовныхъ; но и въ гражданскихъ дѣлахъ написанное и сказанное имъ замѣтно возвышалось надъ общимъ уровнемъ. Во всемъ сказывался разносторонне образованный юристъ — сказывался тѣмъ ярче, чѣмъ сложнѣе и чѣмъ жизненнѣе были спорные вопросы, подлежавшіе разрѣшенію суда. Имѣть его противникомъ было опасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересно, потому что приходилось слѣдовать за нимъ или предупреждать его въ всесторонней разработкѣ дѣла.

Мой выходъ изъ присяжной адвокатуры, въ 1874 г., не измѣнилъ моихъ отношеній къ Спасовичу. Я видѣлся съ нимъ очень часто, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ изъ болѣе или менѣе случайнаго гостя въ „Вѣстникѣ Европы" я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ журнала, къ которому съ самаго его основанія такъ близко стоялъ Спасовичъ. На юридической почвѣ мы встрѣчались въ небольшомъ кружкѣ, который—замѣнивъ собою прекратившіяся около 1870-го года старыя юридическія собранія,—группировался одно время около В. Д., а нѣсколько позже—въ юридическомъ обществѣ, во всѣхъ отдѣленіяхъ котораго онъ дѣятельно работалъ. Какъ ни занимали Спасовича во-

просы права, замкнуться въ ихъ сферу онъ не могъ: слишкомъ сильно былъ въ немъ развитъ интересъ къ общественнымъ наукамъ, къ изящной литературѣ, къ искусству. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ сложились два небольшихъ кружка: въ одномъ читались и обсуждались такія книги, какъ „Основныя начала“ Спенсера, „Политика какъ наука“ Стронина, „Россія и Европа“ Данилевскаго; другой посвятилъ себя подробному изученію Шекспира. Душою обоихъ былъ Спасовичъ. Первый кружокъ—къ которому принадлежали, между прочимъ, А. А. Книримъ и Д. В. Стасовъ,—существовалъ недолго, года три или четыре; второй имѣетъ длинную исторію. Въ теченіе трехъ зимъ (1875—78) онъ оправдывалъ вполнѣ названіе „Шекспировскаго“, которое осталось за нимъ и позже. Всѣ произведенія Шекспира были разобраны въ рядѣ обстоятельныхъ рефератовъ, за которыми слѣдовала оживленная, иногда продолжительная бесѣда; „Гамлету“, напримѣръ, было отведено цѣлыхъ три вечера. Референтами выступали, кромѣ В. Д. и меня, А. Ѳ. Кони, Е. И. Утинъ, А. И. Языковъ, В. К. Случевскій, А. Т. Серебряковъ, иногда и дамы. В. Д. представилъ четыре доклада (сонеты Шекспира, „Мѣра за мѣру“, „Гамлетъ“, „Антоній и Клеопатра“), обработанные съ свойственнымъ ему искусствомъ. Въ дебатахъ онъ принималъ всегда самое горячее участіе, готовясь къ нимъ внимательнымъ изученіемъ литературы о Шекспирѣ. Осенью 1878 г. кружокъ, къ которому присоединились кн. А. И. Урусовъ, С. А. Андреевскій, П. Д. Боборыкинъ, перешелъ къ такой же работѣ надъ Шиллеромъ, Лессингомъ и Гёте; иногда она прерывалась экскурсіями въ другія литературныя области. Когда, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, среди нѣкоторыхъ членовъ кружка стало замѣчаться охлажденіе къ его занятіямъ, его составъ, по иниціативѣ В. Д., былъ значительно обновленъ и каждому участнику предоставлено избирать для рефератовъ любую литературную тему. Въ кружокъ вступили, тогда же или позже, Д. А. Коропчевскій, В. В. Чуйко, М. А. Кавосъ, Н. М. Минскій, Д. С. Мережковскій, А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, Л. З. Слонимскій, С. А. Венгеровъ, П. И. Вейнбергъ, Н. А. Котляревскій, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и др. Были періоды, когда кружокъ собирался довольно часто и работалъ усердно; были періоды сравнительнаго застоя — и одинъ изъ нихъ наступилъ послѣ отъѣзда В. Д. въ Варшаву. Не знаю, удастся ли кружку найти другого вдохновителя. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: для всѣхъ участниковъ кружка, особенно — для самыхъ раннихъ, онъ связанъ съ цѣлымъ рядомъ свѣтлыхъ воспоминаній, средоточіемъ которыхъ является фигура В. Д. Спасовича, безсмѣннаго предсѣдателя кружка, вносившаго въ него

весь запасъ своихъ знаній, всю глубину своей мысли, весь блескъ своего слова и весь пылъ своей натуры.

Въ торопливо набросанныхъ строкахъ я только слегка затронулъ дорогой мнѣ образъ. Богатое наслѣдство, оставленное Спасовичемъ, требуетъ достойной его оцѣнки. Ее должны дать соединенныя усилія всѣхъ тѣхъ, кому близка та или другая сторона дѣятельности покойнаго.

К. Арсеньевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1906.

Годовые итоги.—Процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ.—Судебная ликвидація „дней свободы“ и войны.—Предварительное слѣдствіе о бывшихъ членахъ Государственной Думы.—Городскіе выборы въ Петербургѣ.—Несостоявшійся пріемъ англійской депутаціи.—В. Д. Спасовичъ †.—Александръ Веселовскій и В. В. Стасовъ †.—И. Н. Захарьинъ-Якунинъ †.

Только одинъ годъ прошелъ съ 17 октября 1905 г. Не вѣрится!.. Кажется, что прошли многіе, долгіе годы... Были дни полной безформенной свободы. Были дни торжества захватнаго права. Были дни, когда народъ открыто боролся съ властью. Мѣстами—были недѣли, когда власть формально уходила изъ рукъ правительственныхъ агентовъ и принадлежала забастовочнымъ и стачечнымъ комитетамъ и другимъ, революціоннымъ путемъ создавшимся организаціямъ... Была горячая предвыборная борьба. Были выборы. Была побѣда конституціоналистовъ. Была первая въ Россіи Государственная Дума... Была увѣренность, что вѣковое прошлое дѣйствительно стало прошлымъ. Была надежда, что административный гнетъ, насиліе и произволъ рухнули и не возродятся. Обновленіе всего строя государственной и общественной жизни ожидалось въ самомъ близкомъ времени... И въ тотъ же годъ было разочарованіе! Разочарованіе—въ искренности намѣреній и обѣщаній власти. Разочарованіе—въ возможности для общества начать творческую работу обновленія. Разочарованіе въ томъ, что наличныя общественныя силы готовы къ творческой работѣ... Одно въ теченіе года было неизмѣнно—убійства, стрѣльба, взрывы и кровь...

Реальный результатъ года: въ отношеніи созиданія и творчества—никакого; въ отношеніи усиленія стараго режима—военно-полевые суды. Манифестомъ 17-го октября былъ призванъ къ жизни новый и сложный законодательный аппаратъ. Онъ дѣйствовалъ всего семьдесятъ-два дня, и прежде, чѣмъ Дума успѣла что-либо сдѣлать, она была распущена. Но, несмотря на это, законодательная дѣятельность развивалась цѣлый годъ безостановочно. Развивалась—все дальше и дальше возводя начальственный произволъ въ правовой принципъ. Законъ за годъ ничего положительнаго не далъ: онъ только боролся. Запоздалую отмѣну правовыхъ ограниченій для крестьянъ, само собою разумѣется, нельзя считать за творческій актъ. Также—боевые про-

тивъ Думы законы о продажѣ казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель. Нота борьбы съ народнымъ представительствомъ звучитъ гораздо сильнѣе всего другого въ основныхъ законахъ, изданныхъ за четыре дня до созыва Думы... Говоря коротко, годовой результатъ работы „временнаго" законодательнаго механизма формулируется такъ: то самое, за что въ 1900 г. въ Китаѣ, во время усмиренія возстанія боксеровъ, начальникъ военнаго отряда былъ преданъ суду и подвергнутъ наказанію—устройство импровизированнаго „скорорѣшительнаго" судьбища—и что въ декабрѣ и январѣ совершалось, какъ преступленія, подъ Москвой и въ Прибалтійскомъ краѣ—то самое съ августа стало нормой закона.

Идейнаго результата протекшаго года еще учесть нельзя. Одно можно сказать: насколько русскій человѣкъ не сталъ гражданиномъ, имѣющимъ права, и остался обывателемъ, живущимъ милостью начальства, настолько въ немъ не подвинулось впередъ развитіе сознанія гражданскихъ обязанностей, долга и отвѣтственности. Первые выборы въ Государственную Думу воочію показали, что общество—не исключая крестьянскихъ слоевъ—политически созрѣло—въ смыслѣ пониманія соотношенія между гражданами и властью и въ смыслѣ общей обрисовки положительныхъ идеаловъ. Дальнѣйшая же зрѣлость его въ смыслѣ детальнаго конкретизированія положительныхъ идеаловъ въ условіяхъ времени и пространства—могла наступить только впослѣдствіи. Необходимыя условія для наступленія законченной политической зрѣлости общества до 27 апрѣля ожидались. Общество тогда жило на-пока. Оно готовилось слиться съ властью и къ принятію на себя бремени отвѣтственности—и это умѣряло ростъ чувства голаго протеста. Видя передъ собою фактъ правительственной ошибки или произвольнаго внутренне-незакономѣрнаго дѣйствія, каждый общественный дѣятель въ то время, вслѣдъ за осужденіемъ, невольно спрашивалъ себя: а какъ надо было поступить, какъ поступилъ бы „я"? Встаетъ ли передъ нимъ съ прежней силой этотъ вопросъ теперь? Съ грустью должно признать, что нѣтъ...

Главное зло бюрократическаго режима въ томъ, что его основа—противоположеніе и борьба. Противоположеніе власти народу и народа власти. Борьба съ одной стороны за свободу; съ другой—за порядокъ. Бюрократическій режимъ слагался вездѣ постепенно и исторически и у насъ удержался столь долго, что въ глазахъ нѣкоторыхъ, даже теоретиковъ, получилъ признаніе „исконнаго", специфически русскаго начала, незыблемаго и неизмѣннаго. Но историческое образованіе отнюдь не мѣшаетъ ему быть совершенно искусственной конструкціей, создающей неестественныя условія государственнаго бытія. Онъ разбиваетъ власть и народъ на два вражескихъ стана. Онъ отри-

цаетъ общность ихъ задачъ. Во имя порядка, власть при немъ ведетъ постоянную борьбу съ стремленіемъ народа къ свободѣ. А народъ, во имя свободы, ведетъ такую же постоянную борьбу съ стремленіемъ власти сохранять порядокъ. Какъ будто гражданская свобода не должна быть одинаково дорога власти, какъ и народу! Какъ будто сохраненіе порядка народу не нужно!.. 17 октября прошлаго года борьбѣ и противоположенію былъ объявленъ конецъ. Было объявлено слитіе власти съ народомъ въ одно органически связанное и неразрывное цѣлое. Черезъ шесть мѣсяцевъ за объявленіемъ послѣдовалъ первый практическій шагъ на пути осуществленія новыхъ отношеній между властью и народомъ. Первый—и послѣдній. Уже на второй день послѣ созыва Думы стало ясно, что скораго дѣйствительнаго конца борьбы ожидать нельзя. А когда, еще спустя съ небольшимъ два мѣсяца, Дума была распущена, власть открыто стала на прежнія боевыя позиціи. Усиленная охрана замѣнилась чрезвычайной. Появились военно-полевые суды...

Вернулась къ борьбѣ власть — вернулось къ одному сплошному протесту и общество. Раскройте любую газету любого лагеря. Въ каждой строкѣ вы прочтете протестъ. Мысль надъ созиданіемъ не работаетъ. Мысль только анализируетъ и критикуетъ. И „Рѣчь", „Око", „Русскія Вѣдомости" или „Страна", съ этой точки зрѣнія, мало отличаются отъ „Московскихъ Вѣдомостей", не говоря уже о революціонныхъ изданіяхъ вродѣ „Русскаго Знамени". Только правительственныя газеты—„Россія" и „Новое Время"—какъ будто держатся другого тона. Но именно „какъ будто". Въ сущности онѣ исключительно заняты полемикой, защищая распоряженія министерства во что̀ бы то ни стало, путемъ нападокъ на противниковъ.

Чрезвычайно характерна въ данномъ отношеніи статья М. М. Ковалевскаго, напечатанная въ № 186 „Страны". Авторъ горячо призываетъ къ единенію передъ выборами конституціонные элементы. Онъ развертываетъ „надъ знаменами отдѣльныхъ партій одно великое знамя русской свободы и законности". Что̀ же должно стоять на объединяющемъ великомъ знамени, по мнѣнію этого строго лойяльнаго и послѣдовательнѣйшаго изъ конституціоналистовъ?—„Долой полевые суды и ссылки въ административномъ порядкѣ въ Нарымскій край! Долой намордникъ, наложенный на печать и собранія; долой давленіе администраціи на правосудіе! Да исполнятся царскія слова, да позволено будетъ, наконецъ, каждому, будь онъ простымъ обывателемъ или чиновникомъ, жить въ мирѣ со своей совѣстью и исповѣдывать то, что̀ онъ думаетъ!"... И затѣмъ М. Ковалевскій вспоминаетъ недавнее прошлое: „Когда насъ разъединяли въ Таврическомъ дворцѣ партійныя несогласія, достаточно было появленія на министерскихъ скамьяхъ

людей, выяснявшихъ намъ разумность тѣхъ порядковъ, при которыхъ, послѣ отказа въ преслѣдованія со стороны судебной власти, администрація продолжаетъ держать заключенныхъ въ тюрьмѣ, чтобы всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, воспрянули духомъ и тѣломъ, крича: „Долой со всѣмъ этимъ старымъ безправіемъ!“ Пусть этотъ лозунгъ и будетъ впредь написанъ на знамени русской свободы“...

Кто рискнетъ сказать, что М. М. Ковалевскій неправъ? Кто скажетъ, что онъ невѣрно опредѣлилъ жгучую и основную потребность минуты?.. На кого надѣтъ „намордникъ“, надъ кѣмъ виситъ возможность безъ суда и разбора быть брошеннымъ въ тюрьму или подвергнуться ссылкѣ, или даже лишиться жизни по рѣшенію суда, въ составъ котораго воспрещено допускать юристовъ, — тотъ не можетъ спокойно отдаваться мыслямъ о государственномъ строительствѣ. Лозунгъ „долой!“ для него есть первый и самый близкій. А между тѣмъ вѣдь это боевой кличъ, ничего, кромѣ протеста и отрицанія, въ себѣ не заключающій. Это — лозунгъ, связующій индивидуалистовъ съ соціалистами, оппозиціонеровъ съ революціонерами, конституціоналистовъ съ анархистами. Въ Таврическомъ дворцѣ онъ дѣйствительно объединялъ всѣхъ членовъ Думы. Но развѣ въ этомъ единодушіи была творческая сила Думы? Развѣ не оно, напротивъ, препятствовало Думѣ проявить творческую дѣятельность?

До 17-го октября прошлаго года вся мыслящая Россія соединялась подъ флагомъ: „долой!“ Прошелъ годъ — и опять нѣтъ другого объединяющаго знамени. Общественнымъ силамъ необходимо размежеваться между собой: оппозиціи отдѣлиться отъ революціи. Власть, въ лицѣ сложной совокупности центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, тоже представляетъ собою крупную общественную силу. Она должна найти и имѣть свое мѣсто среди общественныхъ теченій. Только при этихъ двухъ условіяхъ возможна плодотворная созидательная работа.

Графъ Витте въ первые дни послѣ манифеста это сознавалъ и пытался занять опредѣленное политическое положеніе въ обществѣ. Попытка успѣха не имѣла. Правительство осталось изолированнымъ. И. Л. Горемыкинъ и П. А. Столыпинъ и попытокъ въ этомъ направленіи не дѣлали. Послѣ роспуска Думы ее хотѣли было сдѣлать по своей иниціативѣ графъ Гейденъ, М. А. Стаховичъ, Н. Н. Львовъ и Д. Н. Шиповъ, но встрѣтили неодолимыя препятствія. Потомъ — ее безрезультатно повторилъ А. И. Гучковъ. Дальнѣйшихъ попытокъ уже навѣрное не будетъ. Всѣми своими циркулярами, казнями, запретами и полнымъ подавленіемъ гражданской свободы правительство изолировалось отъ общества непроницаемой стѣной. И общественныя силы, вмѣсто размежеванія, объединились въ протестѣ противъ него и въ отрицаніи его такъ, какъ не были объединены никогда.

Печальный итогъ года возвѣщенной свободы!.. Еще печальнѣе итоги цифръ, заимствуемые нами изъ № 188 „Страны". „Реализація манифеста 17-го октября 1905 г., — пишетъ Михаилъ Кауфманъ, — началась въ день опубликованія въ столицахъ и на слѣдующій день—во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. На дѣйствительную неприкосновенность личности низы отвѣтили погромами интеллигенціи и евреевъ въ 84 городахъ. Началось кровопролитіе, которое не остановилось до сего дня. За годъ убито и ранено въ Россіи по „политическимъ" причинамъ 16.992 человѣка; если изъ этого числа удалить раненыхъ, то получимъ убитыми 7.331 чел. Въ общее число пострадавшихъ вошли и обыватели, и власти. На обывателей падаетъ 13.381 жертва, а представителей власти, убитыхъ, раненыхъ и подвергшихся покушеніямъ, насчитывается 3.611 человѣкъ. Обыватели гибли слѣдующимъ образомъ: повѣшено 215 ч., разстрѣляно по „обыкновенному" военному суду 341, казнено по суду военно-полевому 221 чел. (въ теченіе $1^1/_2$ мѣс.), убито карательными отрядами 741, а остальные убиты солдатами, казаками, городовыми, хулиганами, экспропріаторами и т. п."...

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы писали, что амнистія въ отношеніи всего того, что совершалось въ юридическомъ хаосѣ объявленной, но не облеченной въ формулы закона, свободы, подсказывается столько же чувствомъ, сколько и холоднымъ разсудкомъ. Мы писали, что она необходима, какъ единственный выходъ изъ цѣлаго лабиринта противорѣчій между закономъ и жизнью. Иллюстраціей къ нашимъ словамъ служитъ только-что закончившійся грандіозный процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ, разсматривавшійся петербургской судебной палатой въ теченіе почти мѣсяца.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ образовался въ дни октябрьской забастовки прошлаго года. Первое его засѣданіе происходило 13-го октября при участіи 40 рабочихъ. На слѣдующій день участвовало уже 112 избранныхъ по фабрикамъ и заводамъ депутатовъ. А затѣмъ число депутатовъ дошло до 248. Подъ угломъ зрѣнія уголовнаго уложенія, это было преступное сообщество, поставившее себѣ цѣлью и т. д. Фактически же это былъ, какъ справедливо говорили подсудимые, „пролетарскій парламентъ", обладавшій въ теченіе октября и ноября диктаторской силой. По его слову останавливались работы во всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ — останавливались и затѣмъ въ назначенные день и часъ возобновлялись; желѣзныя дороги прекращали движеніе; изъ сберегательныхъ кассъ выбирались деньги и т. д., и т. д. Въ составъ его люди входили не по преступному произволу, а на основаніи выборовъ, по нормѣ — одинъ депутатъ на пятьсотъ

рабочихъ. Парламентъ имѣлъ свою правильно организованную исполнительную власть — исполнительный комитетъ, сносившійся со всей Россіей и всюду посылавшій приказы и распоряженія. Дѣйствовалъ онъ настолько открыто, что съ нимъ вступалъ въ сношенія самъ первый министръ. Какъ обнаружилось на судѣ, въ петербургскомъ почтамтѣ было однажды получено письмо съ адресомъ: „въ рабочее правленіе",—и почтамтъ доставилъ письмо въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Помнится, въ ноябрѣ передавался по городу такой разсказъ: во время почтово-телеграфной забастовки, кто-то обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой оказать содѣйствіе для отправленія экстренно нужной телеграммы. П. Н. Дурново отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать, и указалъ обратиться въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Совѣтъ принялъ телеграмму, и она немедленно была передана адресату. Мало того: графъ Витте получилъ отвѣтъ на срочный запросъ изъ Кушки относительно состоявшагося тамъ смертнаго приговора только черезъ посредство совѣта.

Подобный фактическій захватъ власти былъ, конечно, дѣйствіемъ незакономѣрнымъ и объективно преступнымъ. Но насколько нынѣ судившіеся депутаты являлись въ тотъ моментъ субъективно преступными—еще большой вопросъ. Какъ вопросъ, формулировалъ субъективную виновность подсудимыхъ и представитель обвиненія, по крайней мѣрѣ въ заключительной части своей рѣчи. „По силѣ разумѣнія своего — говорилъ г. Бальцъ (цитируемъ по газетному отчету) — я исполнилъ лежавшую на мнѣ трудную, сложную и, говорю откровенно, тяжелую задачу, и я чувствую себя совершенно спокойнымъ передъ собственной совѣстью. Совѣсть подсказываетъ мнѣ объективную правильность моего конечнаго вывода изъ дѣла. Выводъ этотъ слѣдующій. Въ водоворотѣ политической жизни, охватившемъ Россію и въ частности Петербургъ послѣ 17-го октября минувшаго года, совѣтъ рабочихъ депутатовъ вторгся своей дѣятельностью въ такое русло, входъ въ которое загражденъ законами, но дѣйствовалъ совѣтъ въ такое время, когда въ силу событій сдвинулись со своихъ мѣстъ всѣ составныя части громаднаго государственнаго механизма и не успѣли еще освоиться и укрѣпиться на тѣхъ новыхъ устояхъ, которымъ суждено въ будущемъ регулировать дальнѣйшее теченіе русской государственной жизни".

Эту исключительность момента прокуроръ рекомендовалъ вниманію палаты при опредѣленіи мѣры и степени отвѣтственности подсудимыхъ. И палата, очевидно, съ нимъ согласилась. Подсудимымъ, признаннымъ виновными по ст. 102 угол. улож., нормальное наказаніе —каторга до 10 лѣтъ — понижена до ссылки на поселеніе. А признаннымъ виновными по ст. 129, вмѣсто поселенія, назначено заклю-

ченіе въ крѣпости на 8 мѣс. и на 1 годъ 6 мѣсяцевъ. Но намъ думается, что такая исключительность момента логически ведетъ дальше—къ устраненію вмѣненія содѣяннаго въ вину.

Когда былъ арестованъ предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ, Хрусталевъ-Носарь, въ извѣстіяхъ совѣта было напечатано, что правительственная полиція его взяла „въ плѣнъ". И эта характерная фраза повторялась на судѣ и подсудимыми, и свидѣтелями. Имѣли ли они основаніе считать арестъ Хрусталева-Носаря плѣномъ? Въ виду фактической роли, которую онъ игралъ, приходится сказать, что да. Нельзя забывать, что въ то время все было перепутано. Въ газетахъ тогда нерѣдко можно было прочесть подобныя, напримѣръ, замѣтки: „во время засѣданія такого-то союза явился неизвѣстный человѣкъ въ полицейской формѣ и сталъ что-то говорить; предсѣдатель предложилъ ему не мѣшать и удалиться, что̀ онъ немедленно и исполнилъ".

Въ теченіе всего судебнаго процесса подсудимые и судъ говорили на разныхъ языкахъ, и у внимательно читавшихъ отчеты осталось общее впечатлѣніе, что происходило нѣчто, весьма мало похожее на судебное разбирательство. Долго, кропотливо и настойчиво устанавливались безспорные факты, напр., что совѣтъ рабочихъ депутатовъ не былъ тайной организаціей. Цѣлый рядъ свидѣтелей оглашалъ принесенные съ заводовъ резолюціи. Свидѣтелей-рабочихъ экзаменовали въ знаніи ими политическихъ терминовъ, вродѣ „учредительное собраніе" и т. п. Прокуратура, отправляясь отъ законныхъ признаковъ состава статей уголовнаго уложенія, всячески домогалась установить, что въ ряду принимавшихся совѣтомъ рѣшеній былъ хоть одинъ разъ принятъ призывъ къ вооруженному „выступленію". Защита же не менѣе упорно домогалась доказать, что совѣтъ самъ ни къ чему не призывалъ, а лишь формулировалъ призывы, шедшіе отъ заводовъ, и что предположенія о дѣйствіи оружіемъ касались не нападенія, а обороны на случай нападенія со стороны черносотенцевъ, которыми руководила, по утвержденію подсудимыхъ и защиты, полиція. Подсудимые подробно развивали свои теоретическія воззрѣнія. Для нихъ скамья подсудимыхъ была трибуной, съ которой они черезъ судъ говорили обществу вообще и своимъ избирателямъ-рабочимъ, въ частности. Десятки свидѣтелей выражали недоумѣніе, почему ихъ не предали суду, и вмѣсто свидѣтельскихъ показаній совершали то, что̀ на языкѣ устава уголовнаго судопроизводства именуется „явкой съ повинной". Свидѣтели жандармы предупредительно отвѣчали на вопросы прокурора и предсѣдателя и отмалчивались на вопросы защитниковъ. Свидѣтели рабочіе—наоборотъ...

Въ отношеніи общественнаго своего значенія процессъ окончился

ранѣе приговора. 14-го октября всѣ двадцать-два защитника отказались отъ дальнѣйшаго въ немъ участія. По просьбѣ подсудимыхъ, палата освободила и ихъ отъ личнаго присутствованія въ засѣданіяхъ.

Поводомъ для защиты и для подсудимыхъ покинуть залъ засѣданій послужилъ отказъ палаты включить въ число судебныхъ доказательствъ доставленную однимъ изъ защитниковъ копію письма бывшаго директора департамента полиціи, г. Лопухина, и вызвать г. Лопухина въ качествѣ свидѣтеля. Письмо въ русской печати не появлялось, и полное содержаніе его намъ неизвѣстно. Но чего оно касалось—даетъ понятіе отчетъ о засѣданіи палаты 14 октября. О. О. Грузенбергъ, прежде прочтенія письменнаго заявленія защитниковъ, сказалъ устно нѣсколько словъ и, между прочимъ, говорилъ: „Участіе правительственныхъ властей въ организаціи погромовъ, въ убійствахъ... вотъ коренной вопросъ настоящаго дѣла, такъ какъ совѣтъ организовалъ народныя массы для самозащиты. Для этого мы представили неопровержимый документъ—письмо одного представителя власти къ другому. Для этого мы просили вызвать свидѣтеля, автора этого письма. Намъ отказали“... Въ письменномъ заявленіи тайну содержанія письма раскрываетъ слѣдующее мѣсто: „особое присутствіе... отказалось получить авторитетныя свѣдѣнія отъ лица, по порученію правительства спеціально изслѣдовавшаго анархическую и погромную дѣятельность органовъ власти, а именно директора департамента полиціи г. Лопухина, и такимъ образомъ въ настоящемъ процессѣ получилась одна лишь внѣшняя видимость всесторонняго разслѣдованія, а на дѣлѣ особое присутствіе палаты стѣсняло подсудимыхъ, и защита была стѣснена въ выясненіи ближайшихъ побудительныхъ причинъ дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ“.

Хотя законъ, въ общемъ правилѣ, не допускаетъ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, влекущихъ высшія наказанія, въ отсутствіи подсудимыхъ, но въ то же время уставъ уголовнаго судопроизводства послѣдовательно устраняетъ всякое принужденіе подсудимыхъ къ активному участію въ процессѣ. Подсудимые могутъ отказаться отъ защиты, могутъ ничего не спрашивать и не говорить и даже не отвѣчать на предлагаемые вопросы. А потому мы считаемъ, что какъ они не сдѣлали никакого нарушенія, заявивъ просьбу объ освобожденіи отъ присутствованія при судебномъ разбирательствѣ, такъ и палата удовлетвореніемъ ихъ просьбы смысла закона не нарушила. Но на отказъ отъ участія въ процессѣ защиты мы смотримъ иначе. Уголовный защитникъ—не только представитель интересовъ подсудимаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый участникъ состязательнаго процесса и, какъ таковой, органъ правосудія. Безъ защитника невозможно со-

стязаніе. Безъ состязанія получается уродливая форма суда, при которой нѣтъ ни возраженій, ни спора. Сознавая это, защитникъ едва ли имѣетъ нравственное право „бастовать“ по своей иниціативѣ. Только если этого требуетъ подсудимый въ силу своего права не защищаться—только въ такомъ случаѣ можно оправдать оставленіе защитникомъ—все равно, по избранію или по назначенію—залы суда. Конечно, мы исключаемъ случаи, напр., прямого его оскорбленія предсѣдательствующимъ и т. п., когда помимо его процессъ обрекается на безрезультатность въ смыслѣ неизбѣжной отмѣны производства въ кассаціонномъ порядкѣ.

Одновременно съ судебной ликвидаціей „дней свободы“ происходитъ такая же ликвидація войны. Военно-морскимъ судомъ уже разсмотрѣно дѣло о сдачѣ миноносца „Бѣдовый“. Въ скоромъ времени предстоятъ процессы адмирала Небогатова и генерала Стесселя. Въ періодѣ предварительнаго изслѣдованія находится еще нѣсколько однородныхъ дѣлъ.

Мы далеки отъ мысли отрицать необходимость и цѣлесообразность судебнаго преслѣдованія за преступныя дѣянія, совершенныя во время войны. На войнѣ особенно важно точное соблюденіе предписаній закона и долга службы, а потому тѣмъ менѣе допустима безнаказанность злоупотребленій. Но мы опасаемся обратной стороны медали. Мы опасаемся, что осужденіе и наказаніе Стесселя, Небогатова и др. размѣняютъ на мелочи впечатлѣніе нашихъ сплошныхъ пораженій и на сушѣ, и на морѣ. Легко можетъ получиться такой результатъ, что въ сознаніи общества и особенно правительства причиной всѣхъ причинъ окажутся личныя свойства тѣхъ или другихъ генераловъ и адмираловъ—недобросовѣстность, нерѣшительность, быть можетъ, трусость и т. п. При каждомъ крупномъ событіи—желѣзнодорожномъ крушеніи или пораженіи въ бою—первымъ вопросомъ обыкновенно возникаетъ: кто виноватъ? Не *что* виновато, а именно *кто*. Мысль всегда ищетъ наиболѣе простого и легкаго разрѣшенія мучительныхъ сомнѣній. *Что*—это сложная совокупность явленій и факторовъ разнаго порядка, сотканныхъ вмѣстѣ въ нѣчто громадное—въ систему. *Кто*—это конкретный человѣкъ. Найти человѣка, назвать по имени и успокоить себя—не представляетъ никакого особеннаго труда. Разобраться же въ системѣ, породившей событіе, выдѣлить изъ нея факторы, непосредственно опредѣлившіе его наступленіе—чрезвычайно трудно.

Между тѣмъ, такъ позорно проигранная война была именно слѣдствіемъ системы. Неужели можно хоть минуту подумать, что еслибы

Стессель или Небогатовъ были не такими людьми, какими ихъ обрисуютъ судебныя о нихъ дѣла, то Артуръ не перешелъ бы къ японцамъ и русскій флотъ не погибъ бы въ Цусимскомъ или другомъ проливѣ? Проигрышъ войны былъ роковымъ образомъ предрѣшенъ за многіе годы до того, какъ устраивались торжественные проводы Куропаткина, какъ прославлялось имя Стесселя, какъ Небогатова его начальникъ аттестовалъ—„не адмиралъ, а конфетка". Проигрышъ войны опредѣлили надменное самомнѣніе, полный разрывъ власти съ народомъ, раболѣпіе, возведенное въ принципъ, игра въ солдатики, вмѣсто боевой подготовки арміи, принесеніе всего въ жертву показному порядку... И только пока сознаніе не отвлечено отъ яснаго пониманія этихъ причинъ пораженія—только до тѣхъ поръ можно имѣть надежду, что событія, подобныя войнѣ съ Японіей, не станутъ повторяться.

Есть еще и другая опасность въ судебной ликвидаціи войны. Давно сказано: побѣдителей не судятъ. Этотъ афоризмъ разрѣшаетъ неизбѣжныя противорѣчія между практикой войны и теоріей. Нѣтъ науки побѣждать, а есть искусство побѣды. Искусство же не поддается регламентаціи закона вообще и особенно закона карающаго. Но афоризма: побѣжденнаго не судятъ—не существуетъ. Напротивъ, его судятъ, т.-е. оцѣниваютъ его дѣйствія съ точки зрѣнія отвлеченныхъ формулъ военно-уголовныхъ законовъ. А между тѣмъ развѣ въ моментъ совершенія этихъ дѣйствій онъ не находился въ однихъ условіяхъ съ тѣмъ, кто послѣ боя оказался побѣдителемъ? Въ результатѣ легко могутъ получаться формально правильныя, но внутренне несправедливыя рѣшенія. Сюда надо прибавить еще то, что русско-японская война была первой войной при нынѣшнихъ техническихъ средствахъ боя. Законы же, на основаніи которыхъ судъ будетъ оцѣнивать дѣйствія генераловъ и адмираловъ, написаны тогда, когда не было ни дальнобойныхъ орудій, ни броненосцевъ, когда, словомъ, условія боевой обстановки были совершенно иныя.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. „Солдатъ долженъ сражаться до послѣдней капли крови"—въ этомъ онъ клялся, присягая на вѣрность службы, въ этомъ его долгъ. Вотъ несложное отправное положеніе, на которомъ построено дѣйствующее законодательство. И положеніе это несомнѣнно имѣло прежде реальное основаніе. При несовершенствѣ механическихъ факторовъ боя, человѣкъ—его духовныя свойства, его психика—былъ главной боевой силой. Угадать психическіе процессы, совершающіеся въ противникѣ, для сражающагося невозможно. Противникъ, когда все, кажется, слагается въ его пользу, можетъ не выдержать, дрогнуть. Сильный духомъ одинъ можетъ побѣдить десятерыхъ. А потому отъ сражающагося естественно было

требовать бодрости и активнаго боя „до послѣдней капли крови". Теперь—человѣкъ, какъ боевая сила, занялъ другое мѣсто. Особенно—въ морскомъ сраженіи. Оно начинается и кончается на разстояніи десяти верстъ между противниками. Если у одного орудія стрѣляютъ на десять верстъ и корабли имѣютъ двадцать узловъ въ часъ хода, а у другого дальность стрѣльбы—девять съ половиной верстъ и скорость—пятнадцать узловъ, то первый разстрѣляетъ и потопитъ второго, какъ бы ни была сильна духомъ команда этого второго. И этотъ исходъ можно учесть гораздо раньше „послѣдней капли крови" съ математической точностью. Теперь, слѣдовательно, реальное основаніе отправного положенія закона упало, и осталось одно голое требованіе самопожертвованія. Не споримъ, отвлеченно-идеологическое основаніе предъявляемыхъ солдату требованій само по себѣ также не лишено значенія. Но, во всякомъ случаѣ, отдѣльные факты, напр. сдача корабля въ морскомъ бою, требуютъ уже оцѣнки по другому масштабу.

Любопытный эпизодъ, тоже относящійся къ судебной ликвидаціи войны, представляетъ собою дѣло капитана Булгакова. Объ этомъ дѣлѣ еще лѣтомъ писалось въ газетахъ, а недавно было напечатано особое сообщеніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Капитанъ Булгаковъ командовалъ фортомъ въ Портъ-Артурѣ. Послѣ сдачи крѣпости, онъ добровольно отправился въ плѣнъ, въ Японію, и тамъ, повидимому, не чуждался своихъ бывшихъ подчиненныхъ и бесѣдовалъ съ ними. Кто-то на него донесъ. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ преданъ суду и признанъ виновнымъ въ томъ, „что, находясь въ плѣну въ Японіи, 24-го октября 1905 года, въ городѣ Хамодерахъ, сказалъ военно-плѣннымъ нижнимъ чинамъ рѣчь, въ которой порицалъ дѣйствія высшихъ военныхъ начальниковъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ, по возвращеніи въ Россію и по увольненіи въ запасъ, насильственно отнимать у помѣщиковъ землю". Преступленіе это судъ войскъ Дальняго Востока подвелъ подъ признаки 129 ст. угол. улож. и приговорилъ капитана Булгакова къ заключенію въ крѣпости на три съ половиной года. Прокуроръ опротестовалъ приговоръ, такъ какъ дѣяніе осужденнаго было совершено на иностранной территоріи и по японскимъ законамъ не наказуемо. Для выясненія этого послѣдняго вопроса—говорится въ оффиціальномъ сообщеніи—„въ настоящее время происходятъ сношенія между главнымъ военно-суднымъ управленіемъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. По выясненіи вопроса, дѣло будетъ разсмотрѣно въ кассаціонномъ порядкѣ. *Въ настоящее время капитанъ Булгаковъ отбываетъ наказаніе въ гор. Харбинѣ*".

Заключительная фраза „сообщенія" лучше всего! Приговоръ опротестованъ и потому не вступилъ въ законную силу, собираются справки,

дѣло еще будетъ разсматриваться—а капитанъ Булгаковъ уже отбываетъ наказаніе. Не напрасно по этому поводу г. Коровиченко („Око", № 39) вспоминаетъ величественныя слова И. Л. Горемыкина, сказанныя имъ 13-го мая въ Государственной Думѣ: „Что касается заботъ Государственной Думы объ укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права, то въ этомъ отношеніи правительство заявляетъ, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основаніяхъ"...

Еще однимъ предстоящимъ судебнымъ процессомъ занято въ настоящее время общественное вниманіе—процессомъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, участвовавшихъ въ составленіи извѣстнаго выборгскаго воззванія. Вѣрнѣе будетъ сказать, что въ данный моментъ интересъ представляетъ не столько предстоящее судебное разбирательство, сколько способъ веденія предварительнаго слѣдствія въ связи съ тѣмъ, что привлеченнымъ къ нему лицамъ предстоитъ въ теченіе всего времени его производства быть ограниченными въ политическихъ правахъ. А это время, судя по всему, надо считать годами.

Только почти черезъ три мѣсяца послѣ начала слѣдствія судебный слѣдователь приступилъ къ допросу обвиняемыхъ. Когда это было отмѣчено печатью, въ газетахъ появилась замѣтка, что министръ юстиціи предписалъ ускорить дѣло и о ходѣ его представлять свѣдѣнія ему, министру. Но вскорѣ затѣмъ появилась другая замѣтка, что министръ юстиціи сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ дѣла о членахъ Думы, возникшія по обвиненію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ распространеніи воззванія, были сосредоточены и производились въ Петербургѣ тѣмъ слѣдователемъ, который ведетъ дѣло о составленіи воззванія. Если первое распоряженіе министра, въ отношеніи ускоренія слѣдствія, выразить величиной x, то второе, въ отношеніи его замедленія, составитъ, по меньшей мѣрѣ, десять такихъ x. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, противъ ничтожнаго лишь меньшинства изъ ста восьмидесяти привлеченныхъ по общему дѣлу бывшихъ членовъ Думы возбуждены отдѣльныя обвиненія въ распространеніи воззванія, но возбуждены они въ самыхъ различныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга и отъ Петербурга углахъ. Противъ громаднаго большинства такихъ обвиненій не возникало. А ждать снятія правоограниченій имъ придется очень долго и тогда, когда ихъ дѣло будетъ окончено.

Мы написали: ждать *снятія* правоограниченій. Ничѣмъ другимъ процессъ для обвиняемыхъ не можетъ окончиться. Юридически обвиненіе обосновано чрезвычайно слабо. Для устраненія подсудности по

мѣсту составленія воззванія—на основаніи финляндскихъ законовъ—самостоятельная дѣятельность составителей квалифицирована, какъ дѣятельность служебная для распространенія. Между тѣмъ, и по русскому, и по финляндскому уголовному уложенію—составленіе возбуждающаго воззванія есть одно дѣяніе, а распространеніе — другое. Поэтому самый вѣроятный исходъ процесса—прекращеніе, или въ стадіи преданія суду, или потомъ сенатомъ, за силою 1 ст. уст. угол. судопр. Но если прекращенія и не послѣдуетъ и состоится обвинительный приговоръ, то, дабы онъ повлекъ за собою для всѣхъ обвиняемыхъ лишеніе правъ, необходима совокупность прямо невѣроятныхъ условій: во-первыхъ, чтобы всѣ они были признаны виновными, какъ конкретные участники распространенія воззванія, и, во-вторыхъ, чтобы судъ отвергъ по отношенію ко всѣмъ наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ. При всѣхъ другихъ комбинаціяхъ наказаніе не можетъ превысить заключенія въ тюрьмѣ или въ крѣпости безъ всякихъ правоограниченій.

А что каждый день читаемъ въ газетахъ? Тотъ членъ Государственной Думы, подписавшій выборгское воззваніе, устраненъ изъ числа гласныхъ земскаго собранія или городской думы. Другой—уволенъ отъ должности. Третьему — запрещено священнослуженіе... Но главное, однако, не въ этомъ. Главное—въ томъ, что ста-восьмидесяти избранникамъ народа при первыхъ выборахъ закрыта возможность участвовать въ предстоящихъ вторыхъ... Правосудіе должно стоять выше политической борьбы партій. На органахъ его лежала нравственная обязанность довести до конца дѣло о выборгскомъ воззваніи раньше, чѣмъ наступитъ время для выборовъ въ Думу. И они могли ее исполнить—это мы говоримъ съ полной отвѣтственностью за слова. Со стороны слѣдственной техники дѣло громоздко только числомъ обвиняемыхъ. Послѣ составленія выборгскаго воззванія были возстанія въ Свеаборгѣ и въ Кронштадтѣ. И дѣла о многихъ сотняхъ участниковъ ихъ давно окончены даже судебнымъ разсмотрѣніемъ...

Уже назначены дни выборовъ новыхъ гласныхъ петербургской городской думы по первому и второму разрядамъ и осталось до послѣдняго дня всего двѣ недѣли. А предвыборная кампанія, собственно говоря, еще не начиналась. Повидимому, такой кампаніи, какая велась три года назадъ, и вовсе на этотъ разъ не будетъ.

Тогда было вновѣ, во-первыхъ, предоставленіе избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ и, во-вторыхъ, широкое разрѣшеніе предвыборныхъ собраній. Тогда раскрывался доступъ въ органы городского самоуправленія тѣмъ элементамъ населенія, которые всегда

были отъ участія въ дѣлахъ городского хозяйства устранены. И это было сдѣлано въ первый разъ, въ видѣ опыта, только для Петербурга. Тогда незнакомо было городскимъ обывателямъ, что̀ значитъ собраніе для открытаго, гласнаго обсужденія общественныхъ нуждъ и средствъ ихъ удовлетворенія — безъ риска попасть за такое обсужденіе въ тюрьму или оказаться въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ. Тогда государственное представительство было запретнымъ плодомъ мечтаній. Тогда была надежда, что новые элементы не только вольютъ новую струю въ рутинные пріемы веденія хозяйства въ городѣ, но своей дѣятельностью доставятъ торжество идеѣ общественнаго служенія въ ея борьбѣ съ идеей бюрократическаго, сторонняго управленія... Естественно, что, при такихъ условіяхъ, въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ 1903 г. Петербургъ, можно сказать, жилъ выборами.

Теперь обстоятельства рѣзко измѣнились. Позади—полоса митинговъ и бурныхъ собраній, подготовлявшихъ выборы въ Государственную Думу. Теперь — городское и земское самоуправленіе утратили бо̀льшую часть своего идейнаго значенія. Теперь выступили въ полной силѣ органическіе пороки, какъ закона о городскихъ выборахъ, такъ и закона о порядкѣ дѣйствій и о компетенціи городскихъ думъ и земскихъ собраній. Въ общественномъ сознаніи они стали учрежденіями отжившими, подлежащими скорому и полному реформированію. Къ выборамъ въ органы мѣстнаго самоуправленія теперь нѣтъ и не можетъ быть прежняго интереса.

Выборы, однако, какъ-ни-какъ состоятся—и 81 новыхъ гласныхъ будутъ избраны. Въ какомъ направленіи отразится предвыборная апатія на личномъ составѣ на-половину обновляемой городской думы? Съ большой вѣроятностью можно предсказать, что въ думѣ усилится та группа гласныхъ, которая сама себя именуетъ „центромъ", а въ общежитіи болѣе извѣстна подъ давнимъ названіемъ „стародумцевъ". Эта группа и въ 1903 г. публичной агитаціи на основѣ програмныхъ вопросовъ не вела. Ея избирательные пріемы были другіе. Она непосредственно обращалась къ имѣющимъ право голоса и воздѣйствовала убѣжденіемъ съ глазу на глазъ, черезъ пріятелей и знакомыхъ, т.-е. примѣняла тотъ способъ собиранія голосовъ, который съиздавна практикуется въ городахъ и также передъ дворянскими выборами внѣ городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь энергично ведется такая же закулисная работа, и такъ какъ она не встрѣчаетъ противовѣса въ сосредоточеніи голосовъ противниковъ, то ея успѣхъ представляется весьма и весьма вѣроятнымъ.

Мы живо помнимъ, какъ три года назадъ во всѣхъ частяхъ города чуть не каждый день собирались многія сотни избирателей, какъ горячо громились непорядки въ городскомъ хозяйствѣ, какъ раскры-

вались широкіе горизонты муниципализаціи общественныхъ предпріятій, какъ дѣлались попытки установленія постоянной связи избирателей съ кандидатами въ гласные. Эта агитація дала побѣду шестидесяти противникамъ „стародумцевъ", которые все-таки сохранили за собой около ста мѣстъ. Если же изъ числа послѣднихъ исключить пятьдесятъ-девять мѣстъ для избирателей перваго разряда, при общемъ ихъ числѣ всего въ триста съ небольшимъ человѣкъ, то нельзя будетъ не признать, что побѣда публичной предвыборной борьбы была немалая. Но затѣмъ эти новые элементы какъ-то вдругъ опустили руки. На первыхъ же порахъ въ думѣ, при выборѣ исполнительныхъ органовъ, они потерпѣли пораженіе. Чрезвычайно трудно, правда, плодотворно работать въ условіяхъ дѣйствующаго городового положенія, имѣя противъ себя не только правительственную администрацію, но и своихъ исполнителей. Упорство въ работѣ, казалось бы однако, отъ этого должно было усилиться. Вмѣсто того, получилось какое-то непонятное охлажденіе. Далѣе, весьма скоро обнаружилось, что группа противниковъ стародумцевъ никакой общей идеей между собой не связана. Не даромъ еще передъ выборами она все искала, да такъ и не нашла для себя названія. Въ концѣ концовъ, по истеченіи трехлѣтія дѣятельности въ петербургской городской думѣ новыхъ квартиронанимательскихъ элементовъ, получилось такое общее впечатлѣніе: гораздо болѣе хорошихъ словъ, чѣмъ упорной работы и умѣлаго участія въ дѣлѣ.

До сихъ поръ появилось въ печати одно воззваніе къ городскимъ избирателямъ—отъ временнаго комитета прогрессивныхъ городскихъ избирателей второго разряда. Воззваніе предлагаетъ „объединиться всѣмъ прогрессивнымъ элементамъ въ средѣ избирателей, устранивъ какія бы то ни было группировки на почвѣ политическихъ партійныхъ программъ". Наши симпатіи цѣликомъ на сторонѣ того, что написано въ воззваніи. Но мы желали бы, чтобы тѣ гласные, которые войдутъ въ думу подъ его флагомъ, проявили въ полной мѣрѣ активность, помня, что они идутъ не пожинать лавры, а бороться съ тѣмъ, что, какъ говорится въ воззваніи, привело городъ „къ невѣроятному санитарному состоянію", „къ крайне неудовлетворительному состоянію способовъ сообщенія въ городѣ и къ полной отсталости въ этомъ отношеніи Петербурга отъ многихъ, даже провинціальныхъ, городовъ Россіи", и „къ небывалой безцеремонности въ расходованіи общественныхъ денегъ при выполненіи милліонныхъ построекъ и ко многимъ хорошо извѣстнымъ обывателямъ неурядицамъ въ другихъ отрасляхъ городского хозяйства".

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали, что на 3-е октября готовился пріемъ англійской депутаціи, которая должна была вручить адресъ бывшему предсѣдателю Государственной Думы, С. А. Муромцеву. Депутація не пріѣхала и пріемъ не состоялся. По этому поводу распорядительный комитетъ по устройству пріема опубликовалъ слѣдующее:

„23-го и 25-го сентября с.-петербургскій комитетъ по устройству пріема англійской депутаціи получилъ отъ лондонскаго комитета телеграммы съ просьбой пересмотрѣть вопросъ о торжественномъ пріемѣ депутаціи, „въ виду ложныхъ толкованій и нападокъ", также какъ „въ виду слуховъ о контръ-демонстраціяхъ и безпорядкахъ, могущихъ возникнуть въ Петербургѣ". Не будучи въ состояніи, съ своей стороны, гарантировать пріѣзжихъ гостей отъ послѣдствій искусственной агитаціи, с.-петербургскій комитетъ отвѣтилъ въ соотвѣтственномъ смыслѣ. На свой отвѣтъ, 26-го сентября комитетъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ секретаря лондонскаго комитета:

„Съ глубочайшимъ сожалѣніемъ и разочарованіемъ комитетъ рѣшилъ просить васъ отмѣнить всѣ распоряженія, сдѣланныя для публичнаго пріема депутаціи. Мы глубоко признательны за благородную рѣшимость, съ которой вы дѣлали эти обширныя приготовленія къ пріему, не останавливаясь передъ встрѣченными затрудненіями. Адресъ самъ по себѣ уже встрѣтилъ фактически всеобщее одобреніе, и мы надѣялись на возможность принять участіе въ торжественномъ пріемѣ, какъ на способъ публично показать британскія симпатіи русскому народу въ его борьбѣ за конституціонную свободу. Но комитетъ полагалъ, что англичане не должны брать на себя отвѣтственности за вовлеченіе своихъ русскихъ друзей въ возможныя осложненія, такъ какъ полуоффиціальный союзъ русскихъ людей, характеръ котораго хорошо извѣстенъ, грозилъ насильственнымъ протестомъ. Дружба двухъ великихъ націй, имѣющихъ въ прошломъ горькія воспоминанія о напрасно и безсмысленно пролитой крови, была бы на много лѣтъ подвергнута опасности, въ случаѣ подобнаго событія. Наши международныя отношенія налагали на насъ обязанность принять эту предосторожность. Память объ адресѣ сохранится надолго послѣ того, какъ инцидентъ этотъ будетъ забытъ, какъ доказательство нашего уваженія и симпатіи, какъ залогъ демократической дружбы, которая приметъ опредѣленную форму, когда Россія выйдетъ свободной изъ страданій настоящаго кризиса. Vive la Douma!"

Скончавшійся 13-го октября, въ Варшавѣ, Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ пользовался исключительно широкой извѣстностью. Это

былъ человѣкъ, поражавшій, кромѣ знаній, талантливости и рѣдкой работоспособности, самой чуткой отзывчивостью и разносторонностью интереса, буквально, ко всѣмъ проявленіямъ общественности. Онъ вездѣ бывалъ, за всѣмъ слѣдилъ. Его все интересовало—вплоть до борьбы атлетовъ. Въ нервный вѣкъ напряженной политической работы, люди, занимающіеся общественными вопросами — особенно пишущіе—чѣмъ болѣе отдаются имъ, тѣмъ болѣе отстаютъ отъ литературы и отъ искусства. Имъ постоянно некогда; они всегда торопятся — и многаго — очень многаго! — не поспѣваютъ сдѣлать. Покойный Владиміръ Даниловичъ, наоборотъ, удивлялъ умѣньемъ быть хозяиномъ своего времени. До конца дней онъ служилъ живымъ укоромъ тѣмъ, кто и хотѣлъ бы, да не умѣетъ находить часы, чтобы бывать въ театрахъ, на выставкахъ, а главное—читать. Въ Петербургѣ много лѣтъ существовалъ такъ называвшійся „Шекспировскій" кружокъ. Когда сталъ сильнѣе биться пульсъ политической жизни, кружокъ началъ распадаться и собранія его прекратились. В. Д. никакъ не могъ съ этимъ примириться. Хотя онъ былъ едва ли не самымъ старшимъ по возрасту членомъ кружка, но именно онъ возродилъ кружокъ. Уѣхалъ В. Д. въ Варшаву—и кружокъ опять пересталъ собираться.

Любопытно и характерно мотивировалъ покойный въ 1902 г., помимо болѣзни, свое рѣшеніе переѣхать изъ Петербурга въ Варшаву. Онъ говорилъ: „пора начать новую жизнь". И это говорилъ человѣкъ, имѣвшій въ то время за плечами 74 года! Другіе, столько, какъ онъ, поработавшіе на своемъ вѣку, въ этомъ возрастѣ естественно думаютъ о заслуженномъ отдыхѣ и покоѣ. А Спасовичъ ѣхалъ въ Варшаву, очевидно, съ тѣмъ, чтобы въ условіяхъ непосредственнаго общенія, на мѣстѣ, посвятить себя трудному дѣлу рѣшенія рокового русско-польскаго вопроса. Единеніе національно и культурно самостоятельной Польши съ новой Россіей, скинувшей оковы рабства съ себя и отказавшейся отъ порабощенія другихъ, — было мечтой всей жизни Спасовича. Онъ вѣрно предугадалъ въ 1902 г., что скоро наступитъ моментъ, когда вопросъ станетъ на ближайшую очередь. И онъ провидѣлъ, что сто лѣтъ политики обрусѣнія безконечно затруднили этотъ способъ разрѣшенія конфликта между родственными народами... В. Д. Спасовичу не удалось направить польскую общественную мысль въ русло спокойной оцѣнки взаимныхъ интересовъ, и онъ умеръ въ глазахъ многихъ поляковъ „угодовцемъ", т.-е. человѣкомъ „компромиса". Но пройдетъ время, закроются раны, которыя сто лѣтъ наносила и потомъ систематически растравляла Польшѣ и полякамъ оффиціальная Россія. Тогда въ памяти поляковъ воскреснетъ Спасовичъ не какъ „угодовецъ", а какъ истинный польскій патріотъ...

Скончавшіеся 10-го октября Александръ Николаевичъ Веселовскій и Владиміръ Васильевичъ Стасовъ принадлежали къ числу крупныхъ величинъ нашего времени, какихъ вообще бываетъ немного. А. Н. Веселовскій воспиталъ, какъ профессоръ с.-петербургскаго университета, нѣсколько поколѣній филологовъ и обогатилъ русскую и европейскую науку цѣлымъ рядомъ выдающихся трудовъ, во многомъ проложившихъ новые пути и установившихъ новые взгляды. В. В. Стасовъ, также не мало сдѣлавшій въ научной области—достаточно назвать его выдающуюся работу о происхожденіи русскихъ былинъ,—оставилъ особенно глубокій слѣдъ какъ художественный критикъ въ исторіи русскаго искусства и покровитель нарождающихся художественныхъ талантовъ. Дѣятельность обоихъ, какъ А. Н. Веселовскаго, такъ и В. В. Стасова, можетъ быть оцѣнена вполнѣ и соотвѣтственно ихъ заслугамъ только въ подробныхъ характеристикахъ, охватывающихъ всѣ стороны ихъ плодотворной дѣятельности. Какъ А. Н. Веселовскій, такъ и В. В. Стасовъ много потрудились и для нашего журнала, и мы еще постараемся вскорѣ возвратиться къ ихъ памяти [1]).

На югѣ Россіи, въ началѣ истекшаго октября мѣсяца, скончался И. Н. Захарьинъ-Якунинъ, имя котораго не безъизвѣстно нашимъ читателямъ. Онъ родился въ 1840 году, а свою литературную дѣятель-

---

[1]) Труды Александра Веселовскаго въ „Вѣстникѣ Европы“: 1866 г.—Данте и символическая поэзія католичества (т. IV).—1871 г.—Джордано Бруно (дек.).—1872 г.—Калики перехожіе и богомильскіе странники (апр.).—Двѣ варшавскія диссертаціи (окт.).—1875 г.—Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ (апр.).—1876 г.—Беллетристика у древнихъ грековъ: греческіе эротическіе романы (дек.).—1877 г.—Индѣйскія сказки въ русскомъ переводѣ проф. Минаева (мартъ).—1878 г.—Раблэ и его романъ (мартъ).—1879 г.—Робертъ Гринъ и его изслѣдователи (авг.).—1882 г.—Новая книга о миѳологіи Воеводскаго (апр.).—1886 г.—Гадательныя книги на Западѣ и у насъ (апр.).—Вступительныя лекціи профессора Ягича (нояб.).—1887 г.—Новый журналъ сравнительной исторіи литературы (янв.).—1888 г.—Русскій эпосъ и новые его изслѣдователи (іюль).—1891 г.—Учители Боккаччіо (нояб.).

Труды В. В. Стасова въ „Вѣстникѣ Европы“:

1866 г.—Археологическая замѣтка о постановкѣ „Рогнѣды“, Сѣрова. Письмо къ Н. И. Костомарову (т. II.).—1868 г.—Происхожденіе русскихъ былинъ (янв.—апр.; іюнь—іюль).—Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ (окт.).—1870 г.—Критика моихъ критиковъ (февр., мартъ).—1876 г.—Столицы Европы и ихъ архитектура (февр., мартъ).—1880 г.—Живописецъ А. И. Ивановъ (янв.).—1881 г.—М. П. Мусоргскій (май,—іюнь).—1882 г.—Египетская сказка (февр.).—Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства (нояб., дек.).—1883 г.—Наша скульптура за послѣднія 25 лѣтъ (февр.).—Наша архитектура за послѣднія 25 лѣтъ (іюль).—Наша музыка за послѣднія 25 лѣтъ (окт.).—1885 г.—Тормазы новаго русскаго искусства (февр.—май).—1886 г.—Старая и новая Россія въ картинахъ (нояб.).—1887 г.—И. Н. Крамской (нояб., дек.).—1902 г.—М. М. Антокольскій (авг.).

ность началъ въ 70-хъ годахъ, принимая участіе—замѣтками, корреспонденціями—во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Предшествовавшая его дѣятельность была посвящена мировымъ учрежденіямъ въ провинціи и снабжала его богатымъ матеріаломъ для послѣдовавшей затѣмъ литературной дѣятельности. Въ нашемъ журналѣ И. Н. печаталъ свои труды въ послѣднемъ пятилѣтіи; такъ, въ 1901 г. появилась его статья: „Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ“ (апр.); въ 1904 и въ 1905 гг. (апр.):—„Графиня А. А. Толстая“.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ партіи „демократическихъ реформъ".

Организованная сравнительно поздно партія демократическихъ реформъ не получила, до первыхъ выборовъ въ Государственную Думу, большого распространенія. Въ самой Думѣ, однако, сразу нашли мѣсто нѣкоторые представители партіи, къ которымъ вплоть до роспуска Думы не переставали примыкать другіе ея члены. Это укрѣпляетъ въ насъ увѣренность, что партія имѣетъ основаніе сохранить свою программу и продолжать самостоятельное существованіе.

Попрежнему усматривая въ партійной программѣ не сборникъ правилъ, которыя всѣ одинаково обязательны для каждаго члена партіи, а выраженіе взглядовъ, могущихъ служить исходной точкой для общей дѣятельности, мы выдѣляемъ изъ программы нѣсколько основныхъ положеній, признаніемъ которыхъ обусловливается вступленіе въ партію. Это необходимо для болѣе строгаго отграниченія партіи какъ слѣва, такъ и справа.

Находя, какъ и ранѣе, несвоевременнымъ установленіе строгой партійной дисциплины, мы считаемъ достаточнымъ намѣтить, въ главныхъ чертахъ, отношеніе партіи къ важнѣйшимъ вопросамъ настоящей минуты. „Мы возстаемъ,—сказано было въ нашемъ первомъ обращеніи къ обществу,—противъ всякаго стѣсненія личной свободы и личныхъ правъ, откуда бы оно ни исходило; въ чрезвычайныхъ репрессіяхъ, постигающихъ обезоруженнаго противника, мы видимъ недопустимое и преступное превышеніе власти; мы признаемъ, что всякая попытка возвратиться хоть отчасти къ безусловно осужденному прошлому угрожаетъ величайшею опасностью народу и государству".

Обстоятельства, при которыхъ были написаны эти слова, значительно измѣнились къ худшему. Никогда еще не получали такого широкаго распространенія военное положеніе и чрезвычайная охрана. Никогда основныя нормы судоустройства и судопроизводства не нарушались такъ рѣзко, какъ учрежденіемъ военно-полевыхъ судовъ. Никогда не было произносимо и приводимо въ исполненіе столько смертныхъ приговоровъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не повторялись такъ часто и въ такихъ ужасающихъ формахъ террористическіе акты.

Безсильная остановить и предупредить ихъ, политика чрезвычайныхъ репрессій приводитъ только къ умноженію и укрѣпленію элементовъ, враждебныхъ правильному ходу освободительнаго движенія. Ничего, кромѣ вреда, не приносятъ и продолжающіеся въ громадныхъ размѣрахъ административные аресты и ссылки. Въ рукахъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ почти диктаторскими полномочіями, обязательныя постановленія принимаютъ характеръ мѣстнаго законодательства, не стѣсняющагося никакими правовыми нормами. Свобода со-

браній и союзовъ существуетъ только по имени. Періодическія изданія пріостанавливаются по усмотрѣнію градоначальниковъ и губернаторовъ.

Уголовныя преслѣдованія нерѣдко возбуждаются по дѣламъ о печати и государственнымъ съ видимой цѣлью ограничить до судебнаго приговора политическія права обвиняемыхъ.

Въ порядкѣ, установленномъ только на случай крайней необходимости, издаются временныя правила, примѣненіе которыхъ создастъ величайшія затрудненія при возвратѣ на путь нормальнаго законодательства. Таковы, напр., указы о продажѣ удѣльныхъ и казенныхъ земель, дающіе аграрному вопросу направленіе прямо противоположное тому, которое было намѣчено громаднымъ большинствомъ Государственной Думы.

Источникъ всѣхъ указанныхъ нами золъ одинъ и тотъ же: переходъ отъ абсолютизма къ конституціонному строю, возвѣщенный манифестомъ 17-го октября, совершился только на бумагѣ. Къ проведенію его въ жизнь должны быть направлены усилія всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ мирнаго, но безостановочнаго движенія впередъ—къ народному благу и народной свободѣ. На этой почвѣ возможенъ и желателенъ предвыборный союзъ всѣхъ истинно-конституціонныхъ партій и безпартійныхъ конституціоналистовъ. Справа отъ него останутся не только сторонники отжившихъ порядковъ, но и всѣ защищающіе или оправдывающіе курсъ, взятый министерствомъ послѣ роспуска Думы. Слѣва останутся крайнія революціонныя партіи, настаивающія на немедленной ломкѣ, насильственнымъ путемъ, всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній.

Истинно-конституціонныя партіи не могутъ, у насъ въ Россіи, не опираться на народную массу; онѣ не могутъ, слѣдовательно, довольствоваться однѣми политическими реформами и должны стремиться къ соціальнымъ преобразованіямъ, т.-е. къ разрѣшенію, на широкихъ демократическихъ началахъ, вопросовъ аграрнаго и рабочаго. Невозможно, поэтому, даже временное соглашеніе между ними и односторонними защитниками крупнаго землевладѣнія и, вообще, капиталистическаго строя.

Готовиться къ избирательной борьбѣ различныя группы русскихъ конституціоналистовъ могутъ отдѣльно; вести ее онѣ должны вмѣстѣ, соединенными силами.

Основныя положенія программы партіи демократическихъ реформъ.

1. Россійская имперія составляетъ наслѣдственную конституціонную монархію. Министры, какъ въ составѣ министерства, такъ и каждый особо, въ политической дѣятельности своей отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

2. Народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ. Одна изъ нихъ избирается всѣми совершеннолѣтними и полноправными гражданами мужского пола на равныхъ для всѣхъ началахъ, закрытой подачей голосовъ, а другая—органами мѣстнаго самоуправленія, распространеннаго на всю имперію и основаннаго на всеобщемъ, рав-

номъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи мѣстнаго населенія, безотносительно къ полу.

3. Народному представительству должно принадлежать право законодательнаго почина, не исключая вопросовъ, отнесенныхъ къ области основныхъ законовъ.

4. Всѣмъ россійскимъ гражданамъ должны быть предоставлены равныя права и прочно обезпечена политическая свобода во всѣхъ ея видахъ.

5. Царству Польскому, а въ случаѣ надобности и другимъ областямъ имперіи, должны быть, при наличности опредѣленныхъ закономъ условій, предоставлены законодательныя полномочія по вопросамъ исключительно мѣстнаго значенія, не затрагивающимъ единства имперіи и круга дѣйствій общаго государственнаго управленія.

6. Смертная казнь подлежитъ отмѣнѣ. Тѣлесныя наказанія ни при какихъ условіяхъ не допускаются.

7. Ни въ какомъ случаѣ и ни въ какой формѣ не долженъ существовать военный судъ надъ невоенными. Исключенія изъ этого правила могутъ быть допускаемы лишь на театрѣ военныхъ дѣйствій во время войны съ иностраннымъ государствомъ.

8. Необходимо безотлагательно приступить къ созданію условій, при которыхъ начальное обученіе могло бы стать всеобщимъ, безплатнымъ и обязательнымъ.

9. Финансовая система должна быть пересмотрѣна въ видахъ сокращенія непроизводительныхъ расходовъ и перенесенія значительной части податного бремени на болѣе достаточные классы населенія.

10. Необходимо принудительное (возмездное) отчужденіе частновладѣльческихъ земель, въ видахъ надѣленія землею вовсе не имѣющихъ ея земледѣльцевъ и увеличенія площади землепользованія малоземельныхъ—по меньшей мѣрѣ до высшихъ надѣльныхъ нормъ 1861 года. Изъ учреждаемаго для этой цѣли государственнаго земельнаго запаса земли должны быть отводимы, за установляемую закономъ плату, смотря по мѣстнымъ условіямъ—или въ общинное, или въ подворное владѣніе, безъ права отчужденія и залога.

11. Арендныя земельныя отношенія должны быть упорядочены закономъ въ цѣляхъ прочнаго обезпеченія положенія земледѣльцевъ и защиты ихъ труда.

12. Въ области рабочаго законодательства необходимо облегчить образованіе профессіональныхъ союзовъ, обезпечить право стачекъ, сократить по возможности рабочій день и ввести страхованіе рабочихъ во всѣхъ его видахъ.

II. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3 —